

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
“ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И ПРИМИРЕНИЯ”

ВИННИЦКИЙ ФИЛИАЛ ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЯ
ИСТОРИИ ПОДОЛИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ УКРАИНЫ НАН
УКРАИНЫ ПРИ КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ ИВАНА ОГИЕНКО

Сергей ГАЛЬЧАК

УКРАИНСКИЕ ОСТАРБАЙТЕРЫ ПОДОЛЬСКОГО РЕГИОНА

(Вторая мировая война, послевоенный период)

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории
Украины НАН Украины*

Винница
Меркьюри-Подолье
2009

ББК 63. 218 (4 УКР – 4 ВИН)
Г 17

Научный редактор: П. Т. Тронько, академик НАН Украины, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты: Л. В. Баженов, доктор исторических наук, профессор

А. Е. Лысенко, доктор исторических наук, профессор

С. И. Посохов, доктор исторических наук, профессор

А. П. Реент, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины

Гальчак С. Д. Украинские остарбайтеры Подольского региона (Вторая мировая война, послевоенный период). – Винница: Меркьюри-Подолье, 2009. – 544 с.; ил.

В монографии на богатом фактическом материале Подольского региона Украины исследуются политика и практика нацистского оккупационного режима по насильственной мобилизации человеческих ресурсов края, дискриминация, условия жизни, каторжный труд остарбайтеров из Винницкой и Хмельницкой областей в военной промышленности и сельском хозяйстве рейха, сопротивление подолян гитлеровским планам порабощения населения захваченных территорий в рядах патриотического подполья, советских партизан, сил национально-освободительной ориентации, европейского движения Сопротивления. Анализируется механизм репатриации, а также отношение партийно-государственного руководства СССР и Украинской ССР к репатриантам.

ISBN

© Гальчак С. Д. Украинские остарбайтеры Подольского региона (Вторая мировая война, послевоенный период). 2009 г.

© Меркьюри-Подолье. 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
I. Источниковедческая база и состояние разработки темы в научной литературе	22
II. Депортация населения Подолии нацистскими захватчиками в годы Второй мировой войны	92
2.1. Начало вербовочной кампании: ставка на пропагандистский обман и социальное насилие	92
2.2. Полицейско-административные мероприятия нацистов по осуществлению депортации населения в Германию	107
2.3. Этапирование рабочей силы в нацистское рабство	145
III. Насильственное использование подолян в милитаристской экономике Германии	154
3.1. Система распределения остарбайтеров в Третьем рейхе	154
3.2. Дискриминация, условия жизни и принудительный труд остарбайтеров в военной промышленности и сельском хозяйстве Третьего рейха	161
3.3. Сопротивление в немецкой неволе	254
IV. Противодействие подолян использованию оккупационной администрацией производительных сил из оккупированных территорий Украины	264
4.1. Саботаж мероприятий по насильственной вербовке рабочей силы в Германию населением Подолии	264
4.2. Борьба партийно-комсомольского подполья и красных партизан против осуществления оккупантами массовой депортации населения Подолии	271
4.3. Силы национально-освободительной ориентации на территории Подолии в период нацистской оккупации края	290
4.4. Использование трудовых ресурсов Подолии румынской оккупационной администрацией	311
V. Проблемы, трудности, особенности репатриации	323
5.1. Освобождение каторжников из нацистского рабства	323
5.2. Организационные мероприятия советской стороны по осуществлению репатриации	334
5.3. Антигитлеровская коалиция и вопросы репатриации	344
5.4. Репатриация советских граждан из зоны действия	

<i>Красной армии и оккупационных зон союзников</i>	356
5.5. <i>Встреча, обустройство, использование остарбайтеров-подолян на родной земле</i>	382
5.6. <i>Особенности репатриации в условиях «холодной» войны</i>	429
5.7. <i>Отношение партийно-государственного руководства СССР и УССР к репатриантам</i>	465
<i>Остарбайтеры как исторический феномен (выводы)</i>	484
<i>Иллюстративные документы</i>	488
<i>Список литературы и источников</i>	511
<i>Об авторе</i>	543

Предисловие

Вторая мировая война оставила кровавый след на земле Украины. Ее глубокая рана – преисполненная нелегкими испытаниями судьба оstarбайтеров. Около 2,5 млн. жителей Украины (наибольшее количество среди оккупированных территорий бывшего СССР) принудительно были вывезены на каторгу в Третий рейх. Свыше полумиллиона лиц, которые во время гитлеровского нашествия подвергались глумлению и унижениям в нацистской неволе, проживают сегодня в суверенном Украинском государстве.

Еще до недавнего времени советское общество жило так, словно этих людей вообще не существовало. О них не вспоминали на уроках истории, в учебниках, энциклопедиях и справочниках. Ни в будни, ни в праздники. Отношение к ним в бывшем Советском Союзе было откровенно предвзятым.

Молчали и немцы. Более полувека история использования национал-социалистическим режимом рабского, принудительного труда, нечеловеческая жизнь украинских пленников (и не только украинских – русских, белорусских и многих других) была историей забвения.

Лишь после распада СССР к этой категории людей в Украине наконец то было проявлено внимание. Сегодня бывшие невольники, особенно после принятия Верховным Советом Украины Закона «О жертвах нацистских преследований», пользуются всей полнотой прав и свобод, предусмотренных Конституцией и другими нормативно-правовыми актами Украины. Это укрепляет в их душах чувство оптимизма, уверенности в будущем, которых им так не хватало на протяжении многих десятилетий. Этому способствует и финансовая компенсация, полученная жертвами нацизма в последние годы от немецкой стороны.

Общаясь с людьми, ставшими жертвами нацизма, все больше понимаешь: ни в коем случае нельзя допустить повторения ужасов Второй мировой. А этого не достичь без сохранения памяти о тех кровавых годах. Память – единственное настоящее приобретение человечества, которое оставляет в наследство будущим поколениям и опыт, и пре-

дупреждение, и мудрость. Поэтому целый пласт истории требует оглашения, обнародования.

Данная работа, принадлежащая перу руководителя Винницкого филиала Центра исследования истории Подолии Института истории Украины Национальной академии наук Украины при Каменец-Подольском государственном университете, кандидата исторических наук Сергея Гальчака, – первое в Украине масштабное научное осмысление судьбы насильственно депортированных в рейх жертв войны. Причем через призму истории Подолии исследуются типичные страницы жизни оstarбайтеров едва ли не всей Украины, что придает исследованию еще большую значимость.

Игорь ЛУШНИКОВ,

**председатель правления Украинского
национального фонда «Взаимопонимания и
примирения» при Кабинете Министров
Украины**

Введение

Гитлеровские захватчики, вероломно напав на Советский Союз, в том числе на мирные города и села Украины, рассчитывали на легкую победу. Переоценивая собственные силы и явно недооценивая возможности противника, который им виделся лишь «колоссом на глиняных ногах»,¹ они считали, что «восточная кампания» продлится всего несколько недель. Ставка была на то, что за это время их грозные, неудержимые полчища, без особых проблем покорившие страны Центральной и Западной Европы, достигнут намеченной цели – берегов Волги, как это предусматривалось в подписанной Гитлером директиве № 21 – плане «Барбаросса».

Главной целью нападения на СССР нацисты считали уничтожение Советского Союза как государства, ликвидацию в нем утвердившегося общественно-политического строя, тотальное разграбление завоеванных территорий. Причем экономическим вопросам придавалось не меньшее значение, нежели военно-политическим. Из опубликованного 13 февраля 1941 года ведомством оборонной промышленности Германии под грифами «Важно!», «Только для офицеров» документа «Экономические последствия операции на Востоке»² видно, что в первую очередь захватчики намеревались поживиться украинским и поволжским хлебом, среднеазиатским и американским (в виде запасов на фабриках) хлопком, среднеурусской коноплей и льном, донецким углем, криворожской железной рудой и марганцем, кольским нефелином, никелем и фосфатами, сибирским цинком (на складах в Подольске и Ленинграде), карпатским и северорусским лесом, бакинской нефтью, месторождениями вольфрама, меди, платины, цинка и других цветных металлов, на которые в Германии ощущался острый дефицит.

Использование же гражданского населения с территорий, захваченных за Бугом, Днепром, Доном или Окой, для работ в рейхе не предусматривалось.³ Об этом не сказано ни единого слова ни в упомянутом выше документе, ни в так называемой «Зеленой папке», в частности, в секретной инструкции «Задачи и организация экономики»⁴ в оккупированных восточных областях, выпущенной Верховным командованием вооруженных

сил Германии в начале июня 1941 г., хотя потребность в рабочей силе остро ощущалась еще до развязывания агрессии, поскольку резкое увеличение численности вермахта привело к существенному сокращению количества рабочих рук и дефициту рабочей силы в рейхе.

Стремясь не допустить серьезного провала в экономике, которой надлежало обеспечить все милитаристские потребности на будущем Восточном фронте, правители Германии разработали и спешно приняли систему драконовских мер. Частично ликвидация недостатка в рабочей силе решалась путем использования так называемых «сельских помощников» – узаконенной отработки в селе на протяжении года выпускниками средних школ и гимназий, мобилизации на посевную и страда даже учеников младших классов. Однако основная тяжесть должна была лечь на трудовые ресурсы оккупированных европейских стран. Так, уже к маю 1941 года в рейх было доставлено около трех миллионов иностранных рабочих.⁵ В том же месяце гитлеровский режим, готовивший нападение на СССР, дополнительно мобилизовал в армию еще около двух миллионов немцев, в том числе 679 тыс. рабочих из различных отраслей промышленности.⁶

Чтобы как-то развязать «Гордиев узел» дефицита рабочей силы, еще в августе 1941 года Верховное командование вооруженных сил Германии, учитывая победы на Востоке, даже обсуждало вопрос о расформировании около 50-ти дивизий (а это около 300 тыс. чел.) и возвращении их личного состава в рейх для работы на военных заводах.⁷ Однако, положительное решение так и не было принято.

Комплекс проблем могла разрешить только победа, в которой никто не сомневался, или же отказ от нападения на СССР, что уже было нереально. Не случайно за пять дней до начала войны министр пропаганды гитлеровского рейха Иозеф Геббельс записал в своем дневнике:

«Мы должны напасть на Россию (*читай: на Советский Союз. С. Г.*) и для того, чтобы высвободить наших солдат. Неразбитая Россия заставляет нас постоянно держать 150 дивизий, солдаты которых срочно нужны нам для военной экономики... У нас есть и сырье, и машины для трехсменной работы, но не хватает людей...».⁸

Как видим, проблема оставалась нерешенной. Несмотря на это, рабочую силу в оккупированных «восточных районах» зах-

ватчики планировали использовать лишь после завершения своего вооруженного нападения. При этом она должна была работать на развитие и процветание Третьего рейха (*Третьей империи*⁹) непосредственно на месте, и то лишь в размерах, конкретно необходимых для этого.¹⁰ Перевозить же миллионы «примитивных славян» для использования их в самой Германии считалось экономически невыгодным да и опасным по политическим мотивам, поскольку почти все они поголовно были «заражены» большевистско-коммунистической идеологией.

Поэтому остальное «лишнее население» подлежало физическому уничтожению или же, будучи насильственно изгнанным с родных мест, должно было искать спасение где-то в необжитой суровой сибирской глуши – носителям «высшей (арийской) расы» необходим был жизненный простор! Гитлер даже не делал секретом, что для этого придется «уничтожить миллионы неполноценной расы».¹¹ Отсюда нечеловеческое, звериное отношение к военнопленным, поголовное уничтожение евреев и цыган, исключительно жестокий террор на захваченных территориях; поэтому совсем не случайно начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель в одном из своих приказов цинично провозглашал, что «всякое проявление мягкосердечности есть преступлением», что «военные части имеют право и обязаны использовать в этой борьбе любые средства без ограничений также против женщин и детей...».¹²

«У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожай в себе жалость и сочувствие, убивай каждого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девушка или мальчик, – говорилось, в частности, в «Памятке немецкого солдата». – Убивая, тем самым ты спасаешь себя от гибели, обеспечив будущее своей семье и прославившись в веках».¹³

Однако патриотизм народов СССР, мужество красноармейцев на полях битв внесли коренные изменения в планы агрессоров. Миллионы вчерашних рабочих, колхозников, студентов, служащих становились к оружию, жизненно важные промышленные предприятия эвакуировались в глубокий тыл, перепрофилировались на выпуск военной продукции, «освобожденное» же от «жидо-большевиков» население совсем не собиралось падать на колени, а многонациональная Красная армия, отступая под бешеным нажимом превосходящих сил про-

тивника и неся колоссальные потери,¹⁴ оказывала ему упорное, героическое сопротивление (нередко в критических, безнадежных ситуациях). Это вынуждены были признавать даже сами гитлеровцы:

«...Вот уже на протяжении месяца мы имеем возможность проверить, насколько верно наши представления о противнике отвечают действительности, – писал, в частности, 19 июля 1941 г. в аналитическом донесении сотрудник разведывательного отдела главного командования фронтового тыла «Юг» доктор Перцборн. – ...Силы, противостоящие нам, есть в большей мере решительной массой, которая в стойкости, ведении войны являет что-то абсолютно новое в сравнении с нашими недавними противниками. Русская (*читай: советская*. С. Г.) пехота проявила неслыханное упорство, в первую очередь, в обороне стационарных укреплений. Несмотря на уничтожение всех соседних оборонительных сооружений и призывов сдать-ся, гарнизоны уцелелых дотов держались до последнего защитника... Мы вынуждены признать, что Красная Армия является очень серьезным соперником».¹⁵ (Автор донесения отмечает героизм красноармейцев даже в условиях, когда «выдавалось по два патрона на бойца...»¹⁶).

В те трагические недели вторжения гитлеровских войск массово погибали не только гарнизоны дотов, но и целые роты, батареи, эскадрильи, полки, дивизии. Гибли даже отдельные армии. Но нес существенные потери и агрессор. Так, по состоянию на 12 декабря 1941 г. войска вермахта потеряли 772078 человек.¹⁷ А в период с 5 декабря 1941 г. по 10 января 1942 г., когда Красная Армия перешла в контрнаступление под Москвой, – еще около 300 тысяч солдат и офицеров.¹⁸ Блицкриг, на который так рассчитывали нацистские генералы, провалился. 10 января 1942 г. директивой А. Гитлера «Вооружение 1942» вообще был официально провозглашен переход от концепции блицкрига к концепции продолжительной войны на изнурение.¹⁹

Чтобы сохранить стратегическую инициативу и ликвидировать последствия ощутимых контрударов, нанесенных на главных оперативных направлениях, захватчики нуждались в срочном пополнении. В первую очередь в живой силе – фронт не мог терпеть неукомплектованности войск. Поэтому после очередных тотальных мобилизаций военными становились все новые и новые недавние немецкие рабочие, работники других сфер хозяйственного комплекса рейха.

В то же время не могли обойтись без рабочей силы, дефицит которой угрожающе рос, немецкие монополии и концерны (Мансфельда, Круппа, Цейса, Флика, Геринга, Маннесмана, Хьеша, Кльокнера, Бюхера, Рехлинга, Фаглера и др.).

«Большие потери вермахта уже в первые месяцы агрессивной войны против СССР и резко возросшие требования к военной промышленности необычайно быстро обострили положение...». ²⁰ В том числе с рабочей силой. Министерство вооружений, например, докладывало высшему руководству рейха, что для устранения дисбаланса в рабочей силе в той же военной промышленности срочно нужны 800 тысяч человек. Но события на фронте диктовали свои условия: именно «...из промышленности... необходимо [было] взять новые сотни тысяч рабочих, чтобы хотя бы частично удовлетворить реальные потребности вермахта...». ²¹

Главными поставщиками рабочих рук оставались западные страны (во Франции, например, даже была создана служба обязательного труда), но внимание экономических органов Третьей империи не замедлило остановиться на неосвоенном еще богатстве – рабочей силе, которой были советские граждане, оказавшиеся на временно захваченной врагом территории, а также десятки тысяч их соотечественников – военнопленных.

Вначале заинтересованность гитлеровских оккупантов была направлена именно на пленных. Уже в июле – августе 1941 года руководство Объединенного командования вермахта (ОКВ) рассматривало возможность использования их не только в зоне действия наступающих армий, как практиковалось до этого, но и на работах в самом рейхе.

«Предусматривалось заменить французских военнопленных, работающих в сельском хозяйстве рейха, на советских..., а также использовать последних на строительных работах. В августе 1941 года был разработан конкретный план использования 100 тыс. пленных для строительства транспортной инфраструктуры, в сельском хозяйстве и в других сферах. 26 августа рейхсминистерство труда издало специальную директиву относительно трудовой эксплуатации военнопленных и направило в войска несколько инструктивных писем, в которых обратило внимание на необходимость широкого использования труда военнопленных не только на оккупированных территориях, но и непосредственно в Германии». ²²

Правда, реализации этих планов в значительной мере препятствовало руководство национал-социалистической партии Германии, побаивавшееся не столько возможных диверсий, сколько отрицательного влияния на местное население военнопленных-красноармейцев, воспитанных в условиях советской действительности. Однако экономические потребности заставляли его пересмотреть свою «принципиальную линию». Вскоре после начала войны оно пришло к выводу, что советских военнопленных «использовать в принципе можно, но только отдельными бригадами и только там, где не будет контакта с местным населением и где урон от их присутствия будет небольшим». ²³ В партийном циркуляре, увидевшем свет в середине августа 1941 года, регламентировалась сфера их возможного использования: «на торфяниках, в каменоломнях, соляных рудниках, на строительстве дорог и каналов, но ни в коем случае – на шахтах, в сельском хозяйстве или на подземных военных заводах». ²⁴

После издания указов фюрера (от 15 октября 1941 года – об условно возможном использовании и от 31 октября – о широком использовании военнопленных-красноармейцев на работах в Германии) позиция нацистского партийного руководства вообще стала весьма «мягкой». Борман уже не настаивал так упорно, как раньше, на идеологических принципах.

«...31 декабря 1941 года Кейтель, по поручению А. Гитлера, приказал массово использовать труд военнопленных в военной промышленности рейха. 24 декабря [упомянутый генерал-фельдмаршал] в циркуляре к Э. Коху требовал как можно быстрее доставить в Германию максимальное количество узников... С территории Украины военнопленные массовым потоком транспорта направлялись в Германию. Рейхсминистр Украины постоянно отчитывался по этому поводу... Вообще с ноября 1941 года к середине декабря в рейх было направлено 352 тыс. узников, а во второй половине декабря 1941 г. – еще 125 тыс. военнопленных, однако трудоспособных среди них оказалось только 185 тыс. чел.». ²⁵

Крайне обессиленные, истощенные, они не могли, да и не желали работать эффективно, несмотря на постоянную угрозу смерти, безжалостно косившей их ряды, и полноценно заменить ушедших на фронт немецких рабочих. Поэтому очень скоро (а практически одновременно) пришла очередь *широкого привлечения к принудительным работам гражданского насе-*

ления – допустить, чтобы зря «пропадало» столько рабочей силы, практичные немцы просто не могли. Так, в отчете Экономического штаба «Ост» («Восток») при Верховном командовании вооруженных сил Германии за первую половину сентября 1941 года об этом говорилось непосредственно:

«В занятых областях наблюдается заметный излишек гражданской и военнопленной рабочей силы. Остаются неиспользованными самые ценные возможности. Вопрос об использовании рабочей силы для важнейших военных задач в рейхе приобретает таким образом особое значение и остроту. Особенно нуждаются в ней строительные подразделения пехоты и военно-воздушных сил... Использование рабочей силы продиктовано и необходимостью... сооружения зимних хранилищ, а также подготовкой транспорта к зиме...».²⁶

Аналогичную информацию направляли и созданные на оккупированных территориях «арбайтеамты» – специальные органы по изучению экономических возможностей того или иного региона, инвентаризации рабочей силы, привлечению ее к работам, имевшим значение для успешного ведения боевых действий.

Да и министерство оккупированных территорий Востока не могло оставаться в стороне. В августе 1941 г. появилось распоряжение его руководителя А. Розенберга об обязательной трудовой повинности в оккупированных восточных областях. Ссылаясь на параграф восьмой закона об управлении на новых захваченных территориях, подписанного фюрером 17 июля 1941 года, рейхсминистр, в частности, приказывал:

«§ 1

1. Все жители занятых восточных областей в возрасте от 18 до 45 лет подлежат, соответственно их трудоспособности, общественной трудовой повинности.

2. Рейхскомиссары могут некоторым группам населения трудовую повинность ограничить или расширить...

7. Для евреев издается отдельное распоряжение...²⁷

[...] § 4

1. Для приведения этого постановления в жизнь необходимые меры принимают рейхскомиссары.

2. Сопrotивление этому постановлению и необходимым мероприятиям по внедрению их в жизнь будет караться тюрьмой или каторжными работами...».²⁸

Как оказалось, эта директива имела полномасштабные по-

следствия: она послужила официальным основанием не только для формирования системы принудительного труда, но и для массового вывоза (в ближайшем будущем) гражданского населения на принудительные работы в Германию.

Конкретно о вывозе «рабочих с Востока» как о решенном вопросе в нацистском рейхе заговорили в конце сентября 1941 г. Гитлеровцы не могли окончательно определиться лишь в решении следующего вопроса: охватывать этими мероприятиями всю оккупированную территорию, или ограничиться областями, вошедшими в состав Советского Союза в 1939 – 1940 годах, население которых считалось политически более благонадежным? Победила первая точка зрения. Однако с некоторыми оговорками, высказанными рейхсминистром труда доктором М. Тиммом. Он соглашался с возможностью вывоза рабочей силы со всех оккупированных территорий в принципе, однако был сторонником «пробных партий», что позволило бы «накопить соответствующий опыт». ²⁹

Более решительно настроенным оказался начальник военно-экономической группы немецких армий «Центр» генерал Вейганг. 10 октября того же года он высказал убеждение, что «только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских (*читай: советских. С. Г.*) рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях... может разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии». ³⁰

Помимо мужчин Вейганг предложил отправить в Германию сотни тысяч здоровых и сильных молодых девушек в возрасте 18 – 25 лет, которых можно было бы использовать в качестве домашних работниц. ³¹ Более того, действуя по директиве имперского министерства Розенберга об обязательном труде в оккупированных восточных областях, он даже дал указание об ускорении отправки в Германию русских, украинских, белорусских и других рабочих и крестьян.

Осенью 1941 года органы трудовой повинности начали создавать, в частности, на территории рейхскомиссариата «Украина», так называемые вербовочные комиссии. Вначале их интересовали лишь квалифицированные рабочие для работы на шахтах и предприятиях Рурского бассейна, в некоторых других сферах. Однако вскоре *нацистское руководство при-*

шло к убеждению, что «русская» рабочая сила может быть использована в хозяйстве новой империи значительно шире.

Решающим в этом плане стало совещание, состоявшееся 7 ноября 1941 года в Берлине. Выступая на нем, чрезвычайный уполномоченный по осуществлению так называемого 4-летнего плана захвата восточных территорий рейхсмаршал Г. Геринг распорядился считать вопрос об использовании рабочих рук с Востока в самом рейхе окончательно решенным: «Русские рабочие доказали свою трудоспособность во время строительства гигантской русской промышленности, поэтому этот труд должен быть использован во имя империи...».³²

Кроме этого, рейхсмаршал резюмировал: «Квалифицированные рабочие-немцы должны заниматься производством вооружений; грести лопатой и долбить камень – не их задача, для этого есть русские...».

«Рабочие с Востока должны использоваться на самых тяжелых работах в промышленности, строительстве дорог и в сельском хозяйстве рейха, а обращение с ними не должно ничем отличаться от обращения с советскими военнопленными».³³

С этого времени хозяйственный штаб «Восток» рассматривал *доставку рабочей силы в рейх как свою главную задачу*.³⁴ Это положение, в частности, было зафиксировано в распоряжении № 42006/41 от 4 декабря 1941 г., подписанном тем же рейхсмаршалом.

В другом документе (распоряжении начальника военного управления хозяйственного штаба «Восток» доктора Рахнера об использовании в Германии рабочей силы с оккупированных восточных областей) подчеркивалось, что главной задачей хозяйственной администрации и аппарата по использованию рабочей силы на Востоке есть «...заполнение бреши в хозяйстве, возникшей в результате призыва в армию людей младшего призывного возраста, посредством поголовной вербовки русской рабочей силы. Это может решить исход войны и поэтому должно быть выполнено непременно!».³⁵

С расширением использования в экономике Германии иностранных рабочих возросло и количество организаций, учреждений, которые занимались ими. Непосредственно вопросами работы иностранцев ведали министерство труда и экономики, рейхсминистерство вооружений и боеприпасов, деловая группа по трудоустройству из ведомства по 4-летнему плану, множество немецких объединений и хозяйственных групп и даже

отдельные промышленные предприятия и организации рейха.

В конце октября 1941 года нацистское руководство сделало попытку централизации руководства рабочей силой. Именно тогда вермахт, рейхсминистерство вооружений и боеприпасов, рейхсминистерство труда были определены ответственными за использование труда советских граждан.

7 ноября 1941 года директивой Геринга организация труда рабочей силы из СССР возлагалась на деловую группу трудового использования под руководством министра-директора Мансфельда, которого Геринг лично назначил организационным руководителем, а с начала 1942 года – уполномоченным по использованию рабочей силы. Задача Мансфельда состояла в том, чтобы доставить в рейх как можно большее количество советских рабочих.

Между тем, насильственное использование рабочей силы оккупированных территорий не было чем-то новым для немецкого милитаризма. История повторялась (только в значительно больших масштабах). К подобному действию немецкие вооруженные силы и монополисты прибегали еще во время Первой мировой войны, особенно в 1916 году, при осуществлении так называемой «программы Гиндербурга». Тогда в Германию насильственно было доставлено около полумиллиона бельгийских, французских, польских и русских гражданских рабочих...

10 января 1942 года Г. Геринг снова подчеркнул возросшее значение необходимости решения этого вопроса в связи с окончательным провалом нацистской стратегии молниеносной войны.

Массовый же набор гражданской рабочей силы на Востоке начался после нового циркуляра А. Розенберга, датированного 6 марта 1942 года. В нем выдвигалось безапелляционное требование об отправке в Германию 627 тыс. «восточных рабочих». По уточнению рейхсмаршала Г. Геринга, из рейхскомиссариата «Украина» должно было прибыть 237 тысяч рабочих и 290 тысяч сельскохозяйственных работников ³⁶ (то есть 84 процента от запланированного количества). Проведение набора рабочих с Востока намечалось осуществить на добровольной основе, однако если определенная цифра не будет достигнута, набор должен был осуществляться и принудительно.³⁷

Формально с этого времени, а фактически – с первых дней установления нацистского оккупационного режима, население Украины стало объектом насильственной эксплуатации. Руко-

водство рейха до последнего дня оккупации рассматривало его как потенциальный резервуар рабочей силы.

Это в полной мере касалось и населения Подолии (*под Подолией в этой работе подразумевается территория современных Винницкой и Хмельницкой областей Украины, а также Монастырищенского района Черкасщины, входившим до образования Черкасской обл. в состав Виннитчины*). Оккупанты разделили край на три административно-территориальные единицы: генеральный округ «Волынь-Подолье», который охватывал всю Хмельнитчину (**на то время Каменец-Подольщину**) и отдельные западные районы Винницкой области; Житомирский генеральный округ (северная, центральная, восточная и юго-восточная части Виннитчины) и «Транснистрию» (южная и юго-западная части Винницкой области). Причем Житомирский генеральный округ и генеральный округ «Волынь-Подолье» входили в состав рейхскомиссариата «Украина», а «Транснистрия» была румынской зоной оккупации.

Начиная с весны 1942 года, процесс перемещения рабочей силы с Востока в Германию стремительно ускорялся, переходил, так сказать, на практическую основу. Чтобы придать ему еще большую направленность и развитие, оптимально отладить организационные структуры и механизмы насильственной депортации, и в связи с провалом миссии Мансфельда, 21 марта 1942 года декретом А. Гитлера был создан специальный государственный орган – «Имперское бюро по использованию рабочей силы» во главе с недавним гауляйтером Тюрингии Фрицем Заукелем, получившим назначение на должность Генерального уполномоченного по труду. Он наделялся чрезвычайными полномочиями и в политическом плане подчинялся непосредственно фюреру, что придавало ему особый статус.

Через месяц, 20 апреля, этот высокопоставленный чиновник обнародовал программу,³⁸ в которой фактически формулировалась общая политика Германии по вопросу использования в качестве рабов населения оккупированных районов Советского Союза.

«Целью этой новой гигантской мобилизации рабочей силы, – писал Заукель, – является использование всех богатейших и огромнейших источников, которые мы завоевали и приобрели борьбой наших вооруженных сил под командованием Адольфа Гитлера, для вооружения армий, а также в качестве продоволь-

ственной базы нашей страны. Сырье, плодородные земли на покоренных территориях и их ресурсы рабочей силы должны быть использованы полностью и самым добросовестным образом на благо Германии и ее союзников... Полное использование всех военнопленных так же, как и использование гигантского количества новых иностранных рабочих – мужчин и женщин, стало бесспорной необходимостью для разрешения вопроса о мобилизации рабочей силы в этой войне».³⁹

Ведомство Ф. Заукеля тогда же получило задание: к 24 июля 1942 года направить в рейх 1,6 миллиона иностранных рабочих...

И потянулись на запад поезда с пленниками. Одних только подолжан за годы оккупации вывезли в Германию около 200 тысяч человек. Сначала их, как и каждого прибывшего с Востока, называли «свободными русскими рабочими», а уже в начале 1943 года ⁴⁰ – **«остарбайтерами»**. К этой категории немцы относили всех депортированных в рейх бывших граждан СССР, по состоянию на 22 июня 1941 года проживавших на старых советских территориях (территориях СССР до 17 сентября 1939 года).

Жителей присоединенных в 1939 г. Галиции, Волыни и других западных этнических украинских регионов считали польскими подданными, распространяя на них действие своих преступных распоряжений как на граждан оккупированной Польши. Согласно директиве гауляйтера созданного на польских и украинских землях Генералгубернаторства Ганса Франко от 25.10.1939 г. все поляки должны были отбывать трудовую повинность, в том числе работая на предприятиях и в сельском хозяйстве Третьего рейха. По состоянию на 27 ноября 1941 г., по данным отдела труда упомянутого губернаторства, и дистрикта «Галиция» на работу в Германию было отправлено 60709 человек. ⁴¹ Всего же, по данным польского исследователя К. Поспешальского, количество вывезенных в рейх граждан Польши во время Второй мировой войны составило от 1,3 до 1,5 млн. чел., среди них 400000 украинцев. ⁴² Трудовые отношения этой категории принудительных рабочих регулировались распоряжением «Об условиях труда поляков» от 05.10.1941 г. ⁴³

Советская же сторона трактовала понятие «остарбайтер» значительно шире, подразумевая под ним также и насильственно увезенных в Германию граждан с территорий, вошедших в состав СССР в предвоенные годы (Буковины, Галиции, За-

падной Волыни и Белоруссии, Прибалтики). Эту позицию разделяет и автор данной работы, поскольку те же жители Буковины, Западной Украины, например, – единокровные дети одной матери Украины.

Вместе с тем автор не согласен с мнениями некоторых исследователей (П. Полян), склонных считать остарбайтерами также многочисленных беженцев-коллорационистов и членов их семей, труд которых также частично использовался ближе к окончанию войны в экономике нацистского рейха.

Итак, выделяя наиболее существенное, можем констатировать, что:

- потребность в срочной депортации рабочей силы из оккупированных районов Советского Союза стала одним из последствий провала гитлеровского плана блицкрига на Восточном фронте;

- насильственный вывоз рабочей силы из оккупированных территорий был объективным явлением и рассматривался высшим нацистским руководством как один из решающих факторов, определяющих успешное ведение войны за мировое господство, источник покрытия катастрофического дефицита рабочих рук в Третьем рейхе;

- основной базой снабжения рабочей силой определялась Украина, в том числе рейхскомиссариат «Украина», генеральные округа «Волынь-Подолье», «Житомир».

¹ Görnitz W. Pauls: Ich stehe hier auf Befehl. – Frankfurt am Main, 1960. – S. 107.

² Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (Федеральный военный архив, г. Фрайбург). – RW 19. – Nr 738.

³ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941 – 1944): О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории: Пер. с нем. – М.: Воениздат СССР, 1974. – С. 215 – 216.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ), ф. 7021, оп. 116, д. 358, л. 30 – 34.

⁵ Промышленность Германии в период войны 1939 – 1945 гг.: Пер. с нем. – М., 1956. – С. 189.

⁶ Загоруйко М., Юденков А. Крах плана «Ольденбург»: О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Экономика, 1974. – С. 64.

⁷ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. – М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. – С. 37.

⁸ Там же.

⁹ **Рейх** (нем. Reich – государство, империя). Третий рейх, германская империя, гитлеровская Германия, гитлеровское государство, так называемая «третья империя». Нацисты разделяли историю Германии на три периода, в которых она выступала как могущественное государство. Первой империей они считали «Священную римскую империю» – германское государство, что существовало с 962 по 1806 г. и которое развалилось в результате наполеоновских завоеваний. Второй империей они называли германское государство, созданное Бисмарком в 1871 г. после победы над Францией. Эта империя существовала до 1918 г., когда Германия потерпела поражение в Первой мировой войне. Началом существования третьей империи нацисты считали 30 января 1933 г. – день прихода к власти Гитлера.

¹⁰ ГАРФ, ф. 7021, оп. 116, д. 358, л. 34.

¹¹ *Rausching H. Gespräche mit Hitler.* – Zürich; Nev York, 1960. - S. 130.

¹² Історія Української РСР: У 8 т /Академія наук Української РСР. Інститут історії. Інститут археології. – Т. 7: Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу (1941 – 1945) / Редколегія тому: В. І. Клоков – відповід. ред., М. М. Дятленко, В. С. Коваль, П. Т. Тронько та ін. – К.: Наукова думка, 1977. – С. 298.

¹³ Цитується по книзі «Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941 – 1945»: Научн.-публицист. издание. / Гл. редколлегии И. А. Герасимов, зам. гл. И. Т. Муковский и П. П. Панченко, отв. секретарь Р. Г. Вишневский. – Исследовательско-издательское агентство «Книга Памяти Украины», 2000. – С. 179.

¹⁴ В речи, провозглашенной Гитлером 11 декабря 1941 года, говорилось о 3,8 млн. советских военнопленных. В свою очередь И. Сталин в докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1941 г. упомянул, что за 4 месяца войны советская сторона потеряла пропавшими без вести 378 тысяч человек (*Памяти павших. Великая Отечественная война (1941 – 1945) / Объединенная редколлегия Книг Памяти павших в годы Великой Отечественной войны.* – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – С. 114). Наиболее близкой к истине является суммарная цифра – 3,3 млн. чел. Почти такой же показатель (3 млн. 350 тыс. чел.) получен Верховным командованием сухопутных сил вермахта после пересчета пленных конкретно по лагерям. На него практически выходит в своем исследовании и немецкий ученый К. Штрайт (*Штрайт К. Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941 – 1945 годах: Пер. с нем.* – М.: Прогресс, 1979. – С. 99).

¹⁵ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее: ЦГАВОВУ Украины), Ф. КМФ – 8, оп. 2, д. 146, л. 65.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Памяти павших... - С. 110.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Полян П. Жертвы двух диктатур...* - С. 78.

²⁰ *Мюллер Н. Вермахт и оккупация...* - С. 163.

²¹ Там же.

²² *Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених та «остарбайтерів» з України у нацистській економіці в роки Другої світової війни.* – К.: ТОВ «Міжнародна фінансова агенція», 1998. – С. 8 – 9.

²³ *Полян П. Жертвы двух диктатур...* - С. 38.

²⁴ Там само: - С. 38 – 39.

²⁵ *Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених та «остарбайтерів» з України...* - С. 9.

- ²⁶ Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg. – RW 31/32.
- ²⁷ Обязательная трудовая повинность для евреев распространялась на лиц обоих полов в возрасте от 14 до 60 лет.
- ²⁸ Листи з фашистської каторги: Збірник листів радянських громадян, які були вигнани на каторжні роботи до фашистської Німеччини. – К.: Українське видавництво політичної літератури, 1947. – С. 145.
- ²⁹ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 39.
- ³⁰ Российский государственный военный архив (далее: РГВА), ф. 32, оп. 11302, д. 194, л. 584 – 585.
- ³¹ Загорулько М., Юденков К. Крах плана «Ольденбург»... – С. 341.
- ³² Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. – В 8-и т. – Т. 4. – М., 1990. – С. 523.
- ³³ Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених та “остарбайтерів” з України... - С. 18.
- ³⁴ Мюллер Н. Вермахт и оккупация... - С. 182.
- ³⁵ Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 – 1944 гг.) /Сост. Заставенко Г. Ф. (рук.) и др.: под общей ред. Е. А. Болтина и А. Г. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – С. 180.
- ³⁶ Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. – Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. – С. 230.
- ³⁷ International Military Tribunal. – Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof. – 580 – PS. – Nürnberg, 1946.
- ³⁸ Всего известно четыре так называемых «Программы Заукеля». Первая началась в апреле 1942 и окончилась приблизительно в августе того же года. Вторая продолжалась с сентября 1942 года по январь 1943 г. Третья и четвертая рассчитывались на год и соответствовали 1943, 1944 годам.
- ³⁹ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941 – 1944 гг.). – М., 1965. – С. 268.
- ⁴⁰ Вернее, с 20 февраля 1943 г., когда этот термин был впервые использован в приказе рейхсфюрера СС, начальника немецкой полиции Гиммлера.
- ⁴¹ Пастушенко Т. Використання праці українських примусових робітників у Третьому рейху // Архіви окупації. 1941 – 1944 / Держ. ком. архівів України; Упоряд. Н. Маковська. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія». – 2006. – С. 855.
- ⁴² Забронець О. В. Волинські оstarбайтери (1941 – 1945 рр.) // Волинь у Другій світовій війні: Зб. наук. та публіцистич. ст. / Гол. ред. та упоряд. М. М. Кучереп. – Луцьк, 2005. – С. 108.
- ⁴³ Довгополий Я. Українці на примусових роботах в Третьому рейху // Всесвіт. – 2001. - № 3 – 4. – С. 127.

I. Источниковедческая база и состояние разработки темы в научной литературе

Следует отметить, что тема насильственного вывоза гитлеровскими захватчиками населения с оккупированных «восточных территорий» в нацистское рабство в научной литературе разработана недостаточно. Несмотря на то, что вопрос массовой принудительной депортации людей, особенно молодежи, в годы Второй мировой войны рассматривался Нюрнбергским трибуналом, он довольно продолжительное время оставался своеобразной «неподнятой целиной», так и не получил должного освещения историками бывшего Советского Союза. Причина заключалась не в отсутствии научного интереса к нему, а в советской действительности, где сильнее всего были идеологические доктрины, догмы, предостережения.

Победоносное завершение самой кровавой из войн, идеологический потенциал тех исторических событий руководящая партийная верхушка СССР, как отмечает в работе «Проблема «остарбайтерів» як предмет соціальної історії» («Проблема «остарбайтеров» как предмет социальной истории») известный украинский историк А. Е. Лысенко, «...пыталась использовать для цементирования «блока коммунистов и беспартийных», «нравственно-политического единства советского народа». В силу этого превозносилась роль социальных групп (в том числе и временных), занимающих видное место в борьбе против нацизма – генералов, офицеров, солдат Красной армии, советских партизан и подпольщиков, ученых, «тружеников тыла» и др. В то же время с ярко выраженных идеологических позиций осуждались коллаборационисты, «предатели Родины», украинские буржуазные националисты... Существовало еще несколько социальных категорий, судьбу которых преднамеренно умалчивали. К таким относились военнопленные, инвалиды, дети, вдовы, а также остарбайтеры. Идеологическая непрезентабельность тематики, связанной с их жизнедеятельностью при хроническом нарциссизме коммунистического режима превратила эту категорию в «изгнанников» историографии...».¹

Именно из идеологических соображений документы, касаю-

щиеся этих категорий людей, фактически были недоступными для исследователей – они хранились в архивах КГБ, а практически каждый человек, который очутился в годы войны в силу самых разных обстоятельств за границей, считался, особенно в первое послевоенное десятилетие, едва ли не изменником Родины (это, в первую очередь, относилось к военнопленным). Лишь с середины 50-х годов на протяжении нескольких последующих десятилетий это позорное клеймо постепенно было снято.

Поэтому закономерно, что данная проблема в той или иной степени сначала поднималась в сборниках идеологически отфильтрованных *материалов и документов*, поскольку фактической базы для серьезных научных обобщений просто не хватало.

Положили начало печатному освещению многоплановых, достаточно непростых проблем «перемещенных лиц» («Displaced Persons» – военнопленных, остарбайтеров и др.), тематически подобранные материалы, вышедшие в свет в победоносном 1945 году. Однако повествовали они не о насильственной депортации мирных советских граждан в гитлеровскую Германию, ее причинах и последствиях, а посвящались самому актуальному в то время вопросу – репатриации вчерашних пленников на Родину.

Это – брошюра-сборник официальных материалов Управления по репатриации при Совнаркомe СССР «Репатриация советских граждан». ² В ней, помимо официальных документов, помещена серия интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф. И. Голикова, справки о ходе репатриации, другие материалы.

Аналогична по содержанию, но дополнена комментарием к интервью Ф. И. Голикова, данным им 11 ноября 1944 года корреспонденту ТАСС, а также фрагментами воспоминаний советских граждан, книжка М. Вистинецкого «Родина знает о твоих муках». ³

Теме репатриации посвящены также малоформатные книги Н. Бричева «Домой на Родину» ⁴ и Ю. Хазановича «Этого нельзя забыть», ⁵ а также альбом «Они вернулись на Родину», ⁶ статья Л. О. Лабина «О перемещенных лицах», ⁷ напечатанная в журнале «Новое время».

Все они рассматривались издателями как агитационные материалы и в общем выполнили отведенную им роль.

То же можно сказать и о документальных сборниках «В фашистском аду: рассказы советских людей, побывавших в гитлеровской неволе»,⁸ «На фашистской каторге: Рассказы репатрированных жителей Дона»,⁹ «Письма из немецкого рабства»,¹⁰ «Советские люди на немецкой каторге»,¹¹ книгах-брошюрах Д. Заславского «Смерть и муки советских людей под пятой немецких извергов»,¹² М. Леснова «Твой долг перед Родиной».¹³

Кроме того, вышли в свет некоторые другие сборники материалов и документов, в которых фрагментарно, дозированно освещались определенные аспекты насильственного перемещения в рейх сотен тысяч советских граждан со временно оккупированных нацистами территорий СССР. В конце войны, в первые послевоенные годы – это сборники «Сліди фашистських звірів» («Следы фашистских зверей»),¹⁴ «Документи обвиняют»,¹⁵ «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков».¹⁶ В них как бы «по горячим следам» повествуется о бесчинствах захватчиков, причиненных ими бедах и убытках. Как преступление подается и насильственный вывоз мирного гражданского населения в Германию.

В то же время подготовленный к изданию еще в 1943 году Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР сборник документов под условным названием «Немецкая каторга», хотя и использовался советской стороной на Нюрнбергском процессе, но издан не был. Как свидетельствуют архивные документы, такая же участь постигла и сборник фольклора украинских принудительных рабочих, запланированный к изданию учеными Советской Украины, и написанную Т. Лефтеровою диссертацию «Изгнание советских граждан в неволю в фашистскую Германию (1942 – 1943 гг.)»...¹⁷

Особого внимания заслуживает вышедший в свет в 1947 году сборник «Листи з фашистської каторги» («Письма с фашистской каторги»),¹⁸ в котором едва ли не впервые была сделана попытка рассказать языком документов (писем остарбайтеров) об условиях их рабского труда и жизни в гитлеровской Германии. Однако бросается в глаза «причесанность» отдельных опубликованных писем, полное отсутствие настоящих имен их

авторов (вместо них подаются специальные сокращения типа «Ольга Г – ба», «Василий И – о», «Б. К.» и т. д.), что вызывает определенное недоверие к помещенным материалам.

Аналогичен по форме подачи (да и по содержанию) сборник «Люди Радянської Житомирщини про німецьку каторгу» («Люди Советской Житомирщины о немецкой каторге»)¹⁹. Здесь, также на документальном основании, помещен коллективный рассказ о насильственном перемещении советских граждан в Германию, их рабской жизни в рейхе.

И хотя оба сборника грешат выразительной тенденциозностью и односторонностью в подборе документального состава фактов, идеологической заангажированностью, все же их появление, безусловно, способствовало зарождению в глубинах общественного сознания более объективного отношения к остарбайтерам (не как к врагам народа), будущей реабилитации этой категории жертв нацизма, поскольку документы убедительно свидетельствовали, что на чужбине абсолютное большинство их оказалось не по собственной воле, а работать на врага они были вынуждены в условиях крайнего насильственного принуждения.

Очень удачно дополняют общую картину проявленного произвола помещенные в качестве дополнения документы оккупационной власти, хотя их совсем немного. Они лишь фрагментарно, дозированно освещают некоторые аспекты насильственного перемещения в рейх советских граждан из временно оккупированных нацистами территорий СССР.

В значительной мере это упущение ликвидировано в последующих сборниках, в частности, в опубликованных материалах Нюрнбергского процесса.²⁰ После их выхода в свет миллионы жителей бывшего Советского Союза впервые ознакомились с человеконенавистническими секретными и сверхсекретными документами нацистского правительства и немецкого военного командования. В научный оборот впервые была введена значительная часть новых фактов, послуживших позже основанием для ряда научных исследований и обобщений. Они разоблачали бредовые идеи завоевания “нового жизненного пространства”, мирового господства, страшные преступления гитлеровцев против человечества. В определенной мере освещали до этого неизвестные страницы принудительного использования военнопленных и гражданского населения оккупированных стран в военной экономике Третьего рейха.

Богат интересным подбором фактов сборник “Преступные цели – преступные средства”.²¹ Его первое издание было осуществлено, причем на русском, немецком и французском языках, в 1963 году в связи с III-ей Международной конференцией по истории движения Сопротивления, посвященной оккупационной политике нацистской Германии в годы Второй мировой войны и проходившей в г. Карловы Вары. Учитывая повышенный интерес со стороны историков и широкой общественности, в 1968 г. сборник был переиздан, а в 1985 г. осуществлено его 3-е издание.

Помещенные в сборнике документы ярко обличают преступные действия захватчиков, наглядно свидетельствуют о преднамеренных массовых зверствах применительно к советскому мирному населению и военнопленным, что было конкретным воплощением в жизнь государственной политики нацистской Германии. Документы также убедительно повествуют о том, что причиной этих злодеяний стала “расовая теория”, провозглашавшая надуманное, вымышленное и псевдонаучнообоснованное право немцев господствовать над другими неарийскими народами.

Одним из таких преступных явлений была депортация подневольного населения в нацистское рабство, о чем отдельно идет речь в четвертом разделе сборника «Рабско-крепостнические условия труда населения на оккупированной территории Советского Союза и массовое изгнание советских людей на работу в Германию». В данной тематической подборке языком конкретных фактов опровергается утверждение гитлеровской пропаганды «о массовом добровольном согласии восточных рабочих на вербовку», рассказывается о карательных операциях во время осуществления этих преступных мероприятий.

Некоторую информацию о насильственном использовании советских граждан в немецкой милитаристской экономике можно почерпнуть из сборника «Совершенно секретно! Только для командования!»,²² а также из переведенных с немецкого языка и изданных в СССР сборников документов «Анатомия войны»²³ и «СС в действии»,²⁴ насыщенных интересными, малоизвестными в то время документальными материалами, которые создают более широкий проблемно-тематический фон для изучения событий Второй мировой войны.

Кроме упомянутых сборников в Советском Союзе издава-

лись также книги материалов и документов, «привязанных» исключительно к конкретным территориям – тогдашним союзным республикам. Первым из них в Украине был сборник документов и материалов «Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні» («Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине»),²⁵ изданный в Киеве в 1963 г. В нем рассказывается о горе и страданиях населения республики под властью гитлеровцев. Значительная часть документов посвящена освещению принудительного вывоза украинцев на немецкую каторгу. И это закономерно, поскольку именно Украину, как уже отмечалось, нацисты рассматривали в качестве главного источника рабочей силы для своей экономики. Документы также свидетельствуют о том, что депортация осуществлялась в обстановке кровавого террора, целенаправленного массового насилия, полного пренебрежения человеческим достоинством.

Интересен разноплановый трехтомный сборник «Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945».²⁶ В нем помимо документального освещения широкого спектра проблем, порожденных гитлеровским нашествием на украинскую землю, речь идет также о том, что население республики не стало на колени перед новыми поработителями, а оказало врагу столь мужественный отпор, что так и не дождалось в Германии тысяч и тысяч украинцев, которым была уготовлена нелегкая судьба остарбайтеров, – уклоняясь от насильственной вербовки, они пополняли ряды народных мстителей.

Безусловный интерес среди документальных изданий представляет подготовленный на основании трофейных документов учеными-историками и архивистами УССР сборник «Історія застерігає» («История предостерегает»),²⁷ где в разделе «Каторжный труд и изгнание населения в рабство» раскрывается политика бесчинств, насилия, беззакония гитлеровских оккупантов. Документы свидетельствуют о каторжных условиях труда под угрозой смерти, рабском режиме эксплуатации, насильственной мобилизации рабочей силы с широким использованием специальных карательных экспедиций оккупантов.

Нельзя обойти вниманием также документальные сборники, освещающие период нацистской оккупации, в т. ч. депортацию гражданского населения, еще более дифференцированно – в отдельных регионах Украины. Это, в первую очередь, издания, касающиеся непосредственно областей республики: «Днепропетровская область в годы Великой Отечественной войны Со-

ветского Союза (1941 – 1945 гг.)», ²⁸ «Житомирська область у Великій Вітчизняній війні 1941 – 1945 рр.» («Житомирская область в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»), ²⁹ «Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)», ³⁰ «Киевщина в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945», ³¹ «Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945», ³² «Львівщина у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945)» («Львовщина в Великой Отечественной войне (1941 – 1945)»), ³³ «Сумская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941 – 1945)», ³⁴ «Харьковщина в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1943 гг.)», ³⁵ «Херсонская область в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945)» ³⁶ и другие.

Подолли посвящены сборники документов и материалов «Поділля у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945 рр.)» («Подолля в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.)») ³⁷ и «Вінниччина в роки Великої Вітчизняної війни (1941 – 1945 рр.)» («Виннитчина в годы Великой Отечественной войны» (1941 – 1945 гг.)).³⁸

В обеих книгах речь идет о кровавом терроре, от которого страдало население Подоллии в годы гитлеровского нашествия, о произволе и жестокости поработителей, которые порождались не только расистской идеологией нацистов, но и тем, что на подольской земле, под Винницей, захватчики разместили нацистский объект № 1 – ставку А. Гитлера «Вервольф». Кроме нее неподалеку существовал еще один сверхсекретный объект – ставка «Штайнбрух» рейхсмаршала Г. Геринга – второго лица Третьего рейха.

Множество документов свидетельствуют о жестокости и насилии, сопровождавших депортацию тысяч юношей и девушек во время Второй мировой войны, о сопротивлении подолян, их весомом вкладе в Победу над фашизмом.

В то же время из-за тенденциозности подбора документальной базы и заранее определенной идеологической направленности в сборниках не раскрыта полная, объективная картина реальной действительности.

Упомянутые сборники можно объединить в один документальный комплекс и выделить в нем центральные («Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине») и региональные (те же «Подолля в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.)», «Виннитчина в годы Великой Отечественной войны

(1941 – 1945 гг.)» и др.). С идеологической точки зрения эти сборники документов стали своеобразными обвинительными актами против оккупантов и проводимой ими на Украине политики, а с научной точки зрения – первыми научными изданиями документов, освещающими период нацистской оккупации в Украине.

Ряд документальных изданий, освещающих тему остарбайтеров, вышел в период независимости Украины. Их отличительной чертой является максимальное приближение к объективным оценкам событий 1940-х годов, свободным от идеологических клише и стереотипов прошлого.

Особенно примечательным стало издание сборника документов и материалов «Київський процес» («Киевский процесс»).³⁹ В нем впервые опубликованы документы и материалы уголовного дела 15-ти немецких военных преступников, рассмотрение которого состоялось в столице Украины в январе 1946 г. и чем-то напоминало известный Нюрнбергский процесс. Особая ценность этих документов состоит в том, что, в отличие от литературных произведений, кинофильмов о Великой Отечественной войне, мемуаров советских полководцев, воспоминаний ветеранов войны, в протоколе судебного заседания зафиксированы показания самих военных преступников. Поэтому каждый, кто ознакомился со введенными в научный оборот документами, имел возможность узнать о мотивации поступков подсудимых, так сказать, из первых уст. Протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, другие материалы представляют пугающие своей правдивостью факты произвола нацистов на оккупированной территории Украины: осужденные Военным трибуналом Киевского военного округа преступники имели прямую причастность и к жестоким расправам над военнопленными и мирными жителями, и к уничтожению на оккупированной территории социально-культурных ценностей, жилищного фонда, и к насильственному вывозу населения в немецкое рабство...

Это же можно сказать и о сборнике «Архіви окупації» («Архивы оккупации»),⁴⁰ где впервые опубликована информация о так называемых «оккупационных фондах», в составе которых сосредоточены документы центральных и местных органов власти и управления, военных структур, административно-судебных, карательных органов, а также предприятий, учреждений, что функционировали на оккупированной территории Ук-

раины, об их политике относительно «примитивных славян» – беззащитных мирных жителей.

Событием стало появление документального сериала, содержащего материалы исключительно немецкого происхождения, – 4-томного издания “Україна в другій світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів” (“Украина во Второй мировой войне в документах. Сборник архивных материалов”).⁴¹ Во 2 и 3 томах этого издания находим практически неизвестные научному миру документы о периоде оккупации. Особый интерес вызывают аналитические материалы немецких спецслужб о деятельности советского подполья и партизанского движения, о националистическом движении, об оккупационной политике немцев и настроениях местного населения и т. д. Правда, помещенные в этих томах материалы, так сказать, географически привязаны не к Подолии, а к западноукраинским территориям, а поэтому по содержанию они немного смещены в сторону освещения истории националистического движения и УПА в годы войны. Но в целом многотомник достаточно информационно насыщен и позволяет более полно исследовать украинскую историю 1941 – 1944 гг.⁴²

Со второй половины 1990-х годов в Украине начато издание сборников современных воспоминаний бывших принудительных рабочих, которые конкретикой личностных впечатлений дополняют целый ряд вопросов, на которые вследствие своей специфики не дают и не могут дать исчерпывающего ответа официальные архивные источники: об отношениях между самими остарбайтерами, а также между ними и «новыми хозяевами» – бауэрами, администрацией предприятий, немецким инженерно-техническим персоналом, местным населением; бытовых условиях; гендерном аспекте; модели поведения и стратегии выживания; адаптационной возможности; нравственной реабилитации и т. п.⁴³ Именно эти аспекты в значительной мере освещаются в вышедших книгах «Остарбайтери: спогади жителів Рівненщини, вивезених гітлерівцями на каторжні роботи до Німеччини» («Остарбайтеры: воспоминания жителей Ровенщины, вывезенных гитлеровцами на каторжные работы в Германию»),⁴⁴ «Остарбайтери: Спогади, статті» («Остарбайтеры: Воспоминания, статьи»),⁴⁵ «Пам'ять заради майбутнього» («Память во имя будущего»),⁴⁶ В. Смереки «В німецькій неволі» («В немецкой неволе»),⁴⁷ Л. Демчиной «Зі Сходу на Захід» («С Востока на Запад»),⁴⁸ О. Воловича «Спомин про «світле минуле»

(«Воспоминание о «светлом прошлом»),⁴⁹ О. Сидоренко, В. Котляра «Книга українських «остарбайтерів» («Книга украинских остарбайтеров»)⁵⁰ и др.

Опубликованные воспоминания в силу своей специфики способствовали зарождению в Украине новой исторической дисциплины – устной истории (Oral History), становление которой состоялось в странах Западной Европы и Америки в 1960 – 1970 гг. и оказало заметное влияние на развитие мировой исторической науки. Ее главным предметом является индивидуальный опыт отдельного человека, главным источником исследований – рассказы очевидцев, а главной задачей (по определению одного из основоположников дисциплины Пола Томпсона), – «возвратить людям, которые творили и переживали историю, центральное место в ней, давая им возможность заговорить в полный голос».⁵¹

Использование в исторических студиях воспоминаний очевидцев, как отмечает в статье «Спогади «остарбайтерів» – інший погляд на війну» («Воспоминания «остарбайтеров» – другой взгляд на войну») ⁵² киевская ученая Т. Пастушенко, приближает историка к пониманию мыслей и чувств человека в конкретном историческом периоде, мотивации тех или иных его действий в возникших ситуациях.

Первым в Украине изданием источников по *устной истории* подневольных рабочих, подготовленном на основании методики устной истории, стал сборник воспоминаний «Невигадане: усні історії остарбайтерів» («Невыдуманное: устные истории остарбайтеров»)⁵³ Это издание появилось в результате полевого исследования Г. Гринченко – доцента Харьковского национального университета имени Василя Каразина, которая записала свидетельства жителей Харькова и Харьковской области.

В 2006 г. в Киеве вышел очередной сборник, сформированный из источников устной истории, – «...То була неволя» («...То была неволя»)⁵⁴ Первую его часть составляют научные статьи ведущих украинских исследователей исторической судьбы бывших «восточных рабочих», вторую – собственно «усные истории». Собранный в ней материал представлен в форме ответов на вопросы анкеты, автобиографических рукописей и транскрипта устных историй. Печатаемая биографические воспоминания бывших остарбайтеров, составители имели четкую цель – почтить память жертв нацистских преследований, а также всех соотечественников, переживших военное лихолетье.

Среди других документальных изданий, в которых поднимается тема использования нацистами труда мирного населения Украины в милитаристской экономике Третьего рейха, книги «Помним»,⁵⁵ «Ост: клеймо неволі» (“Ост: клеймо неволи»).⁵⁶ Первая издана в 1998 г. в Херсоне и содержит ряд документов и материалов о херсонцах – бывших узниках нацизма. Основу сборника составляют воспоминания самих невольников – бывших военнопленных, остарбайтеров – о тех нечеловеческих мучениях, которые им пришлось пережить на немецкой каторге. Книгу подготовили преподаватели и студенты Херсонского технического университета в сотрудничестве с областным Союзом малолетних узников фашизма.

Документальный сборник «Ост: клеймо неволі» увидел свет в 2000 г. в Кировограде. Издан редакционной группой «Реабилитированные историей» Кировоградского отделения Национального Союза писателей. Сборник состоит из двух разделов. Первый – это сорок воспоминаний бывших остарбайтеров, другой – архивные документы, большинство из которых – письма принудительных рабочих из нацистского рейха.

Полностью письмам остарбайтеров, так и не дошедшим через сети гитлеровской цензуры к адресатам, посвящен сборник «Україна сниться...» («Украина снится...»),⁵⁷ изданный в 1995 году в г. Хмельницком. В них зафиксированы боль и тревоги каторжников. В то же время – это очень объективные документы, обличающие страшные преступления гитлеровцев против славянских народов, в частности, украинцев.

Свой вклад в исследование проблем остарбайтеров внесли украинские ученые диаспоры. В 1966 г. вышла третья редакция издания «Ясир: листи, оповідання і народна творчість у німецькій неволі» («Ясырь: письма, рассказы и народное творчество в немецкой неволе»),⁵⁸ в котором бывший узник нацистских лагерей О. Воропай⁵⁹ опубликовал материалы, собранные им в военное и послевоенное время в лагерях для перемещенных лиц.

Рассказы бывших узников рейха, написанные очевидцами через несколько десятилетий после окончания войны, наряду с разнообразными воспоминаниями, показаниями свидетелей, документами Второй мировой войны, содержит сборник канадского исследователя М. Марунчака «В боротьбі за Українську державу» («В борьбе за Украинское государство»).⁶⁰

Известный американский исследователь украинского проис-

хождения Г. Г. Вербицкий издал сборник документов и воспоминаний «Остарбайтеры. История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию (Вторая мировая война)». ⁶¹

Вышли в свет воспоминания отдельных остарбайтеров, не возвратившихся по политическим и другим причинам в СССР. ⁶² Среди них воспоминания о прошлом “На перехресті долі” (“На перекрестке судьбы”) ⁶³ активной деятельницы украинской диаспоры, гражданки ФРГ Г. Сайц. Это – искренний и откровенный рассказ о жизненном пути украинской девушки с Тернопольщины, которая, выполняя наставление отца, не возвратилась после войны в Украину, рассказ о том, как выжила среди чужих людей в чужой разрушенной стране, как сохранила любовь к Украине, собственное национальное достоинство...

Среди стран Содружества Независимых Государств (СНГ) за последние десять лет наибольшего успеха в издании документальных сборников, посвященных проблемам насильственного вывоза в рейх рабочей силы и репатриации принудительных рабочих на родину, добились соседи белоруссы. В 1996 – 1998 годах в Минске изданы четыре книги документов и материалов под общим названием «Белорусские остарбайтеры». ⁶⁴ В первой книге повествуется об изгнании населения республики на принудительные работы в Германию в 1941 – 1942 годах, во второй – в 1943-44 гг. Третья и четвертая книги сборника посвящены проблемам репатриации советских граждан, в частности, белоруссов, в родные края. Общий объем издания – почти полторы тысячи страниц книжного текста. Оно открывает новые возможности для изучения еще далеко не полностью исследованной судьбы остарбайтеров.

По видовому признаку опубликованные документы можно разделить на три группы. Самую большую группу составляют советские документы военного времени, касающиеся мобилизации населения на активное сопротивление врагу, деятельности патриотического подполья и народных мстителей, документы, обличающие грабительские и насильнические действия гитлеровских захватчиков. Вторую группу составляют тематически подобранные документы оккупационной власти, третью – документы эпистолярного жанра (воспоминания, письма остарбайтеров с нацистской каторги).

Сравнительный анализ опубликованных сборников источников советского и постсоветского периодов свидетель-

стует об определенных различиях в подаче информации. Для документальных сборников, изданных в СССР до 1991 г., характерны тенденциозность подбора документальной базы, заранее определенная идеологическая направленность, что ограничивало полноту отображения исторической действительности. Значительно большей объективностью отличаются документальные сборники постсоветского периода.

* * *

Наиболее полная источниковедческая база по данной проблематике, безусловно, сконцентрирована в архивах. Следует отметить, что после «горбачевской перестройки», провозглашения независимости Украины она стала более доступной для исследователей. Этому способствовало рассекречивание архивных документов, проведенное в украинских архивах (за период с 1989 – 1995 гг. – свыше 10 тыс. фондов, что составляет около 1 млн. дел всех центральных и областных архивов),⁶⁵ открывшее дверь к десятилетиями припрятанной из политико-идеологических соображений информации периода оккупации 1941 – 1945 гг.

Значительный интерес, в частности, представляют фонды **Центрального государственного архива общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины)**.

В этом архиве сосредоточены документы Центрального Комитета Компартии Украины (ЦК КПУ; до октября 1952 г. – ЦК КП(б)У). Поскольку Коммунистическая партия в советском обществе конституционно была руководящей и направляющей силой, ЦК до августа 1991 г. имел статус высшего политического руководящего органа республики. Это определяло его главенствующую роль в решении всех вопросов государственного уровня, в том числе в организации партийно-комсомольского подполья, партизанской борьбы на оккупированной гитлеровцами территории республики, в расследовании преступлений и определении убытков, причиненных населению нацистскими захватчиками, в возвращении на Родину и трудоустройстве принудительно вывезенных в Германию мирных граждан. Его постановления, резолюции, решения, очень часто дублировавшие аналогичные распорядительные документы ЦК КПСС, в значительной степени проливают свет на события во-

енного и послевоенного периодов, помогают глубже постичь отношение государства к судьбам миллионов украинцев, которым суждено было перенести страдания на нацистской каторге, которые столкнулись с серьезными трудностями во время репатриации и после возвращения в родные края.

Богаты информацией также другие виды партийных документов: докладные записки, информационные сообщения, обобщенные данные, акты о злодеяниях оккупационного режима, массовом уничтожении мирных граждан и военнопленных, принудительном вывозе гражданского населения на каторжные работы в Германию, регулярно направляемые в ЦК КП(б)У областными, городскими и районными комитетами партии.

Особый массив источников составляют документы Украинской республиканской комиссии по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими захватчиками. Это – заверенные местными органами власти протоколы опроса граждан, переживших оккупацию, акты убытков, причиненных населенным пунктам, промышленным предприятиям, коллективным хозяйствам республики, количественные показатели и поименные списки насильственно депортированного населения, присланные из регионов местными партийно-советскими органами, областными, городскими, районными комиссиями содействия Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

Отдельные факты злодеяний нацистских оккупантов и их прислужников против мирного населения захваченных территорий отображены в справках, докладных записках, донесениях Наркомата внутренних дел УССР, Украинского штаба партизанского движения, партизанских формирований Центральному Комитету КП(б)У.

Все названные документы сосредоточены в достаточно объемном фонде № 1.

Так же огромен документальный массив подпольно-партизанского движения в Украине. Количественно он представлен в 6792 делах 73-х фондов. Для исследования темы интересные данные представляют такие документы: отчеты подпольных обкомов партии, командования соединений, бригад, отрядов, полков о выполнении боевых задач, деятельности на оккупи-

рованной территории; справки, докладные записки командования партизанских формирований о политическом, экономическом положении на оккупированной территории, об оккупационном режиме; рапорты, донесения, листовки, газеты, издававшиеся и распространявшиеся партизанами. Они содержат богатую информацию об операциях по освобождению из сборных лагерей и эшелонов людей, насильственно отправляемых в Германию, об агитационной работе среди населения, других формах борьбы по срыву «вербовочной» кампании, развернутой оккупационной властью.

В фондах 62 (оп. 27, д. 101), 76 (оп. 1, д. 1), 128 (оп. 1, д. 5) речь идет о деятельности народных мстителей Винничины, в фондах 91 (оп. 1, д. 1), 128 (оп. 1, д. 1) и др. – Каменец-Подольщины.

Из документов фонда 57 (оп. 4, д. 377) (да и других фондов) можно почерпнуть информацию о деятельности Организации украинских националистов (ОУН) на Подолии. Кроме того, в данном фонде («Коллекция документов по истории Коммунистической партии Украины») имеются копии документов оккупационной власти: справки, акты, ведомости о зверствах захватчиков, уничтожении мирного населения, создании концлагерей и гетто, принудительном вывозе граждан на каторжные работы в Германию, уничтожении и разграблении населенных пунктов, имущества (в том числе по Винницкой и Каменец-Подольской областям); копии выдержек из докладов на заседаниях гебитско-миссариатов Волыни и Подолии.

Достаточно интересна коллекция документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР (ф. 166, оп. 2; 3). Она представлена документами о нацистском оккупационном режиме на территории Украины, в частности, политике оккупационных властей относительно населения захваченных территорий, содержит письма на Родину советских граждан, насильственно вывезенных в Германию.

Так же богаты информацией по данной проблематике и фонды **Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины)**.

В фонде № 2 сосредоточены документы Совета Министров СССР (до марта 1946 г. – Совета Народных Комиссаров СССР). Из них, в частности, можно узнать о деятельности правительства республики по организации мероприятий по возвращению в Украину советских граждан, насильственно увезенных гитле-

ровцами на нацистскую каторгу, их обустройстве на родине, участии в восстановлении разрушенного войной хозяйства республики. Среди документов – и соответствующие правительственные распоряжения, решения и директивы, инструкции, методические советы, указания отдела по вопросам репатриации, специально созданного при Совнарком УССР, и отчеты, докладные записки, справки, ведомости аналогичных отделов, функционировавших до начала 50-х годов при исполкомах областных Советов депутатов трудящихся; распорядительные, информационно-справочные документы министерств и ведомств (образования, охраны здоровья, финансов, тяжелой, угольной промышленности и других), непосредственно задействованных для решения этого вопроса.

Обобщенная информация об уничтожении мирного населения, насилии оккупантов, вывозе граждан на принудительные работы в Германию содержится в документах Государственной плановой комиссии (Госплана) при СНК УССР (ф. 337, оп. 30, д. 73), Статистического управления Украинской ССР (ф. 582), упомянутой Украинской республиканской комиссии по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими захватчиками (ф. 3538).

Особый интерес представляют документы оккупационной власти, в частности, Рейхсминистерства оккупированных восточных областей (ф. КМФ-8) и рейхскомиссариата «Украина». Они позволяют глубже понять сущность политики геноцида, проводимой нацистскими захватчиками на оккупированных территориях.

Так, сведения о пропагандистских мероприятиях по развертыванию «вербовочной» кампании можно почерпнуть из материалов фонда 3538 (оп. 2, д. 256), о закрытии в Украине средних школ и институтов, отправке их преподавателей и учеников на принудительные работы – из фонда 3676 (оп. 4, д. 42), об условиях жизни оstarбайтеров в нацистской неволе – из фондов 3260 (оп. 1, д. 38), 4620 (оп. 3, д. 285). В фонде 3206 (оп. 2, д. 6, 185, 187; оп. 6, д. 306 – 358) сосредоточены документы о вербовке рабочей силы в Германию, списки украинцев, работавших на каторге в рейхе, алфавитная картотека, судебные дела. В документах названных и других фондов имеется также информация об организации бирж труда, насилии, проявленном гитлеровцами на оккупированной территории во время принудительной депортации и т. п.

В архиве также хранится фонд генерал-комиссара Волыни и Подолии (ф. 2077). В нем собраны постановления, распоряжения рейхскомиссара Украины, генерал-комиссара Волыни и Подолии относительно полномочий областных комиссаров: установления поземельного налога, осуществления ценовой политики в оккупированных областях, мобилизации населения на работу и т. д.

Значительную ценность для отечественных исследователей представляет коллекция микрофотокопий, сделанная с трофейных документов, переданных американской военной миссией Национальному архиву США, в которой рассказывается о деятельности немецких административных учреждений, армейских групп и тыловых охранных подразделений на оккупированных восточных территориях, в захваченной Советской Украине.

Не менее ценна также коллекция документов и писем советских граждан, изгнанных в нацистскую Германию (ф. 4470).

Ценные фотодокументы, зафиксировавшие отправку украинских принудительных рабочих в рейх, хранятся в **Центральном государственном кинофотофоноархиве Украины им. Г. С. Пшеничного (ЦГКФФА Украины)** (ед. учета 0-17089; 0-17127; 0-17128; 0-17097; 0-230365; 0-230366; 0-230367; 0-174608; 2-67937; 2-118489 и др.). Здесь также хранится ряд кинодокументов, касающихся темы: немецкий пропагандистский фильм об украинской молодежи, вывезенной в рейх, предназначенный для демонстраций населению оккупированных территорий СССР (1942 г.; арх. № 3254); пропагандистский киносюжет с призывом к украинским девушкам ехать на работу в Германию, в котором широко использованы агитационные плакаты (1943 г.; арх. № 3269); немецкая кинохроника с обзором недельных новостей с фрагментарными сюжетами об оstarбайтерах: принудительные рабочие из СССР работают токарями и сварщиками на одном из предприятий (1943 г.; арх. № 3274); рабочие из Украины и России на сельскохозяйственных работах (1943 г.; арх. № 3282); собрание на заводе, на котором трудятся украинские рабочие, выступает руководитель предприятия (1943 г.; арх. № 3279); киножурнал «Советская Украина» (апрель, 1945 г.), повествующий о детях, возвратившихся из нацистского плена и поселившихся в Киевском детдоме, в частности, недавние пленники запечатлены в столовой, на уроке (арх. № 222) и др.

Определенные сведения о деятельности ОУН на Подолии, об особенностях оккупационного режима на территории «Транснистрии» можно почерпнуть из материалов **справочно-информационного фонда научно-справочной библиотеки центральных государственных архивов Украины**.

Значительное количество источников, непосредственно касающихся остарбайтеров, сосредоточено в **фондовой коллекции документов Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов»** (г. Киев). Среди них – образцы агитационной продукции: объявления, листовки, иллюстрированные плакаты оккупационной власти с призывами записываться на работу в Германии (фонды КВ-12729, Л-1394; КВ-26554, Л-2289; КВ-1648, Л-841; КВ-16473, Л-789); личные документы остарбайтеров, выданные украинскими арбайтеамтами, которые отображают процедуру мобилизации рабочей силы в начале «вербовочной» кампании: повестки из бирж труда, разнообразные анкеты, письма, опросные листы (КВ-12406, Л-4974; КВ-23155, Д-4826; КВ-68922, Д-14234; КВ-13312, Д-2661; КВ-13197, Д-2598; КВ-13181, Д-2583); рабочие карточки, которые получали наши соотечественники после прибытия в рейх и распределения на работу (КВ-10714, Д-1794; КВ-19093, Д-1943; КВ-19414, Д-4274; КВ-18498, Д-4268; КВ-19409, Д-4269; КВ-65699, Д-13695; КВ-196096, Д-29300); письма и почтовые открытки «восточных рабочих» (КВ-10726, Л-545; КВ-10725, Л-544; КВ-10723, Л-537).

Значительным дополнением к коллекции писем и личных документов украинских остарбайтеров являются материалы фотодокументального фонда, в котором представлено около сотни сделанных в Германии портретных и групповых фотографий украинских рабочих.

В 2003 г. создан фонд по устной истории остарбайтеров. В нем собрано значительное количество устных и письменных воспоминаний жителей Украины, принудительно работавших в годы Второй мировой войны в нацистской Германии. Это преимущественно рукописи, письма с соответствующими анкетами, специально разработанными сотрудниками музея.⁶⁶

Богаты информацией по проблемам насильственного вывоза гитлеровцами гражданского населения Подолии на каторжные работы в Германию, пребывания подолян в нацистском рабстве, их репатриации на Родину, сопротивления оккупантам в рядах советских партизан, патриотического комсомоль-

ского и националистического подполья фонды **государственных архивов Винницкой (ГАВО) и Хмельницкой (ГАХО) областей.**

В обоих архивах хранятся документы оккупационного периода, прежде всего, органов оккупационной власти: рейхскомиссариата «Украина», гебитс- и штаттскомиссариатов, городских, уездных (в румынской зоне оккупации), районных, сельских управ. В частности, приказы, указания, распоряжения рейхскомиссариата и его шефа Э. Коха по административно-хозяйственным вопросам, введению и выполнению трудовой повинности, вербовке населения в Германию и использованию рабочей силы на местах встречаются среди документов гебитс- и штаттскомиссариатов (административных единиц в рейхскомиссариате «Украина» областного и городского уровня), которые в свою очередь издавали директивы и распоряжения по разным вопросам, в т. ч. по поводу организации «вербовочной» кампании, отправке рабочей силы в Германию и др. (ГАВО: ф. 2271, оп. 1, д. 1; ф. Р - 1504, оп. 1, д. 1; ГАХО: ф. Р - 426, оп. 1, д. 1; ф. Р - 429, оп. 1, д. 1).

Аналогичные документы, только более конкретизированные и привязанные к местности, подчиненным населенным пунктам, характерны и для деятельности органов местного управления – городских, районных и сельских управ. Здесь и рапорты в вышестоящие органы о выполнении тех или иных мероприятий новоявленной власти, и переписка по поводу отправки рабочей силы в Германию, и угрозы наказания непокорных, и списки насильственно депортированных, и тех, кто уклонился от «трудовой мобилизации» (ГАВО: ф. Р - 1312, ф. Р - 1358, ф. Р - 1433 и др.).

Особенно большой по объему фонд Р – 434 «Каменец-Подольская управа» (ГАХО). Он насчитывает 2021 дело. В них собраны тексты приказов, объявлений, воззваний генерального комиссара Волини и Подолии, гебиттскомиссариата, полевого коменданта; ведомости по переписи населения; списки рабочих и служащих учреждений, предприятий города на получение хлебных карточек; список выплат на содержание семей, члены которых забраны в Германию, ряд других документов. Подобная информация содержится также в фондах Шепетовской (ГАХО, ф. Р – 435), Проскуровской (ГАХО, ф. Р – 437), Деражнянской (ГАХО, ф. Р – 436), Славутской (ГАХО, ф. Р – 2413) городских управ.

Глубже постичь особенности румынской оккупации, депортации гражданского населения из территории Северной Трансильвании (южных районов Винничины) позволяют документы, помещенные в фондах ГАВО: Р - 2966 «Могилев-Подольская уездная управа», Р - 1533 «Станиславчицкая райуправа», Р - 1417 «Шпиковская райуправа», Р - 1644 «Джугастровская сельуправа» и др. Они повествуют о том, что румынские захватчики мало в чем уступали немецким – так же занимались грабежами, издевались над мирным населением, рассматриваемым как рабы, дешевая рабочая сила, которую необходимо было максимально эксплуатировать. При этом они не разрешали немцам использовать эту рабочую силу в экономике рейха.

Безусловный интерес представляют для исследователей трофейные документы, непосредственно касающиеся ставки Гитлера «Вервольф», – деятельности охранной группы «Ост» тайной полевой полиции имперской службы безопасности, в которых идет речь о массовом уклонении населения края от вывоза в Германию, развертывании вооруженной партизанской борьбы в прилегающих к ставке районах, о карательных акциях оккупантов (ГАВО, ф. П - 425, оп. 1).

Отдельный массив составляют документы, рассказывающие о пассивном и вооруженном сопротивлении жителей Подолии гитлеровским захватчикам, об их участии в патриотическом подполье и отрядах народных мстителей, о массовом противодействии планам нацистов осуществить тотальную депортацию гражданского населения в рейх (ГАВО, ф. П - 425; ГАХО: ф. Р - 1941, ф. Р - 1475, ф. Р - 3484 и др.).

В архивах хранятся письма остарбайтеров, написанные на каторге в рейхе, их воспоминания, пресса периода оккупации Подолии гитлеровскими захватчиками, определенная часть документов местных комиссий содействия Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и ущерба, причиненного ими гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Среди документов немало поименных списков депортированных гитлеровцами граждан, акты о других злодеяниях нацистских захватчиков (ГАВО: ф. П - 425, оп. 1, д. 17; Р - 1683, оп. 1, д. 5; ГАХО: ф. Р - 863, оп. 2, д. 42 и др.), свидетельства и заявления граждан.⁶⁷

Оба архива содержат значительное количество передан-

ных органами СБУ фильтрационных дел на подполях, находившихся в концлагерях и на принудительных работах в Германии, других странах во время Второй мировой войны (ГАВО: ф. Р – 6023; ГАХО: ф. Р – 6193). Как правило, фильтрационные дела состоят из:

- документов государственных учреждений (органов исполнительной власти, НКВД, «СМЕРШа» и др.);
- немецких документов;
- копий документов союзнических войск – английских, американских, французских.

Очень информативны документы советского происхождения, которые условно можно распределить на такие группы: личные документы граждан, депортированных в Германию; материалы допросов, анкеты, протоколы и т. п.; ведомственная и межведомственная переписка с целью получения информации об этих людях; показания свидетелей о деятельности депортированных граждан во время их пребывания за пределами Украины; характеристики, составленные официальными представителями власти на депортированных лиц после их возвращения на Родину и др.

В фильтрационных делах (но в основном в фондах Р – 2700 «Винницкий облисполком Совета депутатов трудящихся», Р – 338 «Каменец-Подольский облисполком Совета депутатов трудящихся») встречаются и «опросные листы» возвращенных лиц. В таких «листах» фиксировались условия вербовки, сведения о жизни в неволе, нередко называются и конкретные имена новейших рабовладельцев.

Кроме того, в фондах Р – 2700 и Р – 338 сосредоточены документы, касающиеся работы отделов по делам репатриации, созданных при обоих облисполкомах, деятельности собственно исполнительных комитетов по вопросам организации возвращения в родные места насильственно увезенных на каторгу жителей Подолии, работы областных приемно-распределительных пунктов.

Особенно богаты фактами по проблематике жизни принудительных рабочих центральные российские архивы. В первую очередь, **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**. Здесь сосредоточены документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и ущерба, причиненного ими гражданам, коллективным хозяйст-

вам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ф. 7021; этот фонд насчитывает 155 описей, 42826 дел, свыше 3,5 млн. единиц документов). В нем содержится 54 тыс. сводных актов об ущербе и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и свыше 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и личных заявлений, около 250 тыс. опросных листов по расследованию злодеяний нацистских захватчиков.⁶⁸

Наряду с созданием документальной базы по установлению и расследованию преступлений нацистов в задачи комиссии входил также поименный учет немецких трудиспользователей для привлечения их к суду или возбуждения иска на возмещение расходов на лечение и выплату пенсий оstarбайтерам, потерявших здоровье и трудоспособность. Той же цели в значительной мере служили и упомянутые опросные листы репатриантов.

В материалах комиссии широко представлена Подолия. Это – акты о злодеяниях гитлеровцев, присланные из каждого местного Совета региона, списки расстрелянных мирных граждан и насильственно увезенных в немецкое рабство, численные данные о замученных военнопленных, показания об их нечеловеческом содержании в концентрационных лагерях, существовавших в период оккупации на территории Винницчины и Каменец-Подольщины, материалы о сожженных селах и т. п.

Так же значим фонд 9526, в котором собраны документы деятельности Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. В нем 5 описей, 13000 дел. Особого внимания заслуживают отчетные материалы, в частности, объемный «Отчет о выполнении решений правительства Союза ССР по осуществлению репатриации граждан СССР и граждан иностранных государств в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)». В этом документе отражены различные аспекты репатриации советских граждан, в т. ч. уроженцев Украинской ССР, за время от начала репатриации по 1 марта 1946 года.

Разнообразная информация по этой тематике содержится в документах Генеральной прокуратуры СССР (ф. 8413) и особенно – в фонде проверочно-фильтрационных лагерей (ф. 9408).

Заслуживают внимания исследователей документы, хранящиеся в **Российском государственном архиве социально-**

политической истории (РГАСПИ), созданном 15 марта 1999 года согласно постановления правительства Российской Федерации путем объединения Российского центра хранения, использования документов новейшей истории и Центра хранения документов Московской области. Так, очень ценные материалы содержат разнообразные справки, информации, докладные записки о политических настроениях репатриантов, подписанные секретарями обкомов ВКП(б). В частности, среди них есть и документы Каменец-Подольского обкома партии за период с июля по октябрь 1945 г. Они содержат подробные данные о возрастном и социальном составе репатриантов, их бытовом и трудовом обустройстве, размере государственной материальной помощи, настроениях возвратившихся с немецкой каторги на Родину.

Уникальные трофейные документы собраны в бывшем Центре хранения документальных коллекций, структурно вошедшем с 15 марта 1999 г. в состав **Российского государственного военного архива (РГВА)**. Об их содержании говорят названия фондов: ф. 700 («Ведомство по Четырехлетнему плану»), ф. 1164 («Документальные материалы полицейских органов Германии на советских и польских граждан, находившихся в Германии в период Второй мировой войны в немецко-фашистском плену»), ф. 1165 («Документальные материалы на советских и польских граждан, находившихся в немецко-фашистском плену, и русских эмигрантах, осужденных немецко-фашистским судом»), ф. 1382 («Документальные материалы на советских и иностранных граждан, находившихся в Германии в период Великой Отечественной войны»).

Однако самыми важными для изучения аспектов оккупационной политики захватчиков, осуществленных ими мероприятий по разграблению захваченных территорий, отправке рабочей силы в Германию и других, являются документы оккупационной власти. Значительное их количество, в частности, документы Рейхсминистерства оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete), службы безопасности рейха (Reichssicherheitshauptamt), Рейхсминистерства труда (Reichsarbeitsministerium), хранятся в **Федеральном архиве Германии** (Бундесархиве), размещенном в г. Кобленц (**Bundesarchiv, Koblenz**), а также в **Федеральном военном архиве** (г. Фрайбург) (**Bundesarchiv / Militärarchiv, Freiburg**).

Среди них – директивы нацистских властей относительно

вербовки населения и его использования в экономике Германии, материалы, раскрывающие механизм «вербовки» «восточных рабочих» путем применения насилия как со стороны карательных служб, так и со стороны военных и гражданских оккупационных структур (Бундесархив, фонды: РВ 19/2147, РВ 192148, РХ 36/348 и др.). В то же время отдельные документы свидетельствуют, что для привлечения добровольцев на работу в Германии в пропагандистских целях для отдельных восточных рабочих и их семей предусматривались определенные льготы: сохранение за ними права на получение наделов земли, выплата родственникам денежной помощи в случае их нетрудоспособности и тому подобное (РВ 19/2148, РХ 36/348).

Вместе с тем, многие документы свидетельствуют, что все прибывавшие в Германию рабочие ставились на учет местной полицией, что нечеловеческое отношение к ним в рейхе определялось и регламентировалось многочисленными памятками, инструкциями, распоряжениями, принятыми на государственном и местном уровнях (РВ 19/2147, РВ 19/2148).

Достаточно большое количество архивных материалов повествует о голодном существовании «восточных рабочих», их содержании в закрытых лагерях, дискриминации в оплате труда, лишении их различных человеческих прав (РВ 19/2148, Р 58/178).

Документы также показывают, что принудительные методы «вербовки» рабочей силы были неэффективными, что они, как и нечеловеческое отношение к оstarбайтерам, активно стимулировали партизанское движение, патриотическое подполье (РВ 30/33).

Определенная источниковедческая база содержится также в государственных земельных и местных коммунальных архивах Германии и Австрии.⁶⁹

Разноаспектный объемный источникo-документальный массив, который хранится в сокровищницах исторической памяти – архивах – и стал более доступным для исследователей, создает условия для масштабной реконструкции учеными исторических событий и максимально объективного, глубокого их осмысления, восстановления исторической правды и справедливости.

* * *

Первой большой работой, обобщающей события Второй мировой войны на территории СССР, была книга «О Великой Отечественной войне Советского Союза»,⁷⁰ автором которой выступает И. В. Сталин. Хотя ему, как никому другому, было известно о причинах сокрушительных поражений, которые потерпела Красная армия в 1941 – 1942 гг., просчетах советского руководства накануне и в начальной стадии войны, о многих других трагических страницах истории войны, в работе о них не упоминается и словом, как не сказано и об огромных человеческих потерях на фронтах, на оккупированной нацистами территории страны. Везде доминирует излишне бравурный тон, всюду победы, приведшие, наконец, к самой величественной и памятной в истории человечества – победе над немецким нацизмом...

Подобная односторонность в определенной мере характерна и для работы М. И. Супруненко «Україна у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу (1941 – 1945 рр.)» («Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941 – 1945 гг.)»).⁷¹ Тем не менее, она в сравнении с вышеназванной более объективна, охватывает многие проблемы истории Украины периода Второй мировой войны. В ней, в частности, впервые сделана попытка проанализировать результаты мобилизации сил украинского народа на начальном этапе войны, подробно освещены оборонительные бои советских войск под Киевом и Одессой, на Донбассе и под Севастополем, участие в них населения Украины, процесс перебазирования промышленности Украины в восточные районы СССР. Специальные параграфы воссоздают трудовой подвиг украинского народа в годы войны, а отдельная глава – начало восстановления народного хозяйства и завершения воссоединения всех украинских земель в едином Украинском советском государстве.

Определенная часть работы посвящена разоблачению нацистского оккупационного режима, однако из-за ограничений в доступе к архивным источникам и господствовавших идеологических стереотипов авторы фактически не касаются вопросов использования гражданского населения республики в нацистской военной экономике.

Дальнейшее рассекречивание массивов архивных документов, расширение доступа к документальной базе стимулировало ученых к творческим поискам, позволило им активизировать исследования, сделать более объективные выводы.

Наиболее крупными работами советских ученых-историков, посвященными теме агрессии гитлеровской Германии против СССР и борьбе наших соотечественников с захватчиками, стали изданные в 60 – 70-х годах 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 г.»⁷² и 12-томная «История второй мировой войны, 1939 – 1945».⁷³ Тема гитлеровского нашествия посвящены также 1-я книга 5-го тома шеститомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза»⁷⁴ и 10-й том 12-томной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».⁷⁵

Их отличает фундаментальность изложения, академизм, полнота освещения целого ряда аспектов войны, борьбы с гитлеровскими захватчиками на советской земле и освобождения Красной армией поработанных народов Европы из нацистской неволи. Однако, как это ни парадоксально, теме насильственного изгнания мирного населения из оккупированных территорий как дешевой рабочей силы для потребностей рейха на их страницах отведено совсем немного места. Так, в «Истории второй мировой войны» об этом сказано буквально в нескольких словах. В тогдашних условиях накала «холодной войны» далеким от исторической правды было идеологическое предубеждение, сводившееся к тому, что советские люди, сделавшие решающий вклад в Победу, не могли работать на врага, да еще в Германии на ее военных предприятиях... Даже сама постановка вопроса об использовании трудовых ресурсов с Востока, в т. ч. из Советской Украины, для удовлетворения военно-экономических потребностей гитлеровской Германии противоречила принятой в тот период государственной аксиоме о «всеохватывающем патриотизме советского народа».

В определенной мере этим грешат и трехтомник «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941 – 1945 г.»⁷⁶ и седьмой том «Історії Української РСР» («Истории Украинской ССР»),⁷⁷ озаглавленный «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941 - - 1945)». История борьбы трудящихся Украины против нацистских захватчиков освещается в этих изданиях как неотъемлемая составная часть борьбы всего советского народа против врага. Она излагается в соответствии с периодизацией, сложившейся в советской историографии: первый период войны – 22 июня 1941 г. – ноябрь 1942 г. – период вероломного нападения нацистской Германии на СССР и создание условий для

коренного перелома в войне; второй – ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г. – период коренного перелома; третий – 1944 – 1945 гг. – завершающий период Великой Отечественной войны. В «Истории Украинской ССР» есть даже подраздел «Режим рабско-крепостнического труда», но о вывозе населения Украины в нацистское рабство в нем идет речь лишь на двух страницах. Вместе с тем, здесь помещен важный вывод о том, что «режим рабско-крепостнической эксплуатации на временно оккупированной территории..., каторжный труд миллионов советских людей, силой вывезенных в Германию, – одно из тяжелейших преступлений фашизма».

Несмотря на выход в свет упомянутых работ, ощущался явный дефицит специальных исследований, которые непосредственно касались бы анализа и раскрытия причин, форм, методов и особенностей нацистской депортации населения из захваченных «восточных территорий», эксплуатации граждан СССР в Германии. Однако освещение тем, нежелательных с точки зрения доминирующей в обществе идеологии, не «поощрялось» тогдашним тоталитарным режимом.

Более полно в сравнении с указанными работами проблема массового изгнания советских людей, в том числе украинцев, на нацистскую каторгу, раскрыта в монографии М. Загорулько и А. Юденкова «Крах плана «Ольденбург».⁷⁸ В ней исследователи сосредоточили внимание на экономических и патриотических аспектах. Они, в частности, подчеркнули, что в нацистских планах завоевания мирового господства вопросам экономического использования оккупированных территорий Советского Союза придавалось большое значение. Нацистская Германия надеялась пополнить свои ресурсы взерном, нефтью, металлом, а также рабочей силой. Этой силой, как известно, стали военнопленные, а также насильно вывезенные в рейх оstarбайтеры. Тем не менее, полностью реализовать планы экономического использования продуктивных сил оккупированных территорий СССР гитлеровцы не смогли из-за активного сопротивления советского народа. Крах этих планов существенно повлиял на ход и результаты войны и стал важным фактором в ее стратегии.

Основными формами сопротивления, как известно, были вооруженная борьба партизанских отрядов и деятельность патриотического подполья. Причем, подавляющее большинство тех, кто в глубоком вражеском тылу с оружием в руках защи-

щал родную землю от посягательств оккупантов, составляли люди, которым захватчики заранее уготовили трагическую судьбу оstarбайтеров, но которые, однако, не пожелали стать рабами нацистов, – в первую очередь, комсомольцы и молодежь. Поэтому не случаен интерес историков именно к этой категории населения.

Среди исследований о борьбе молодежи Подолии, Украины с гитлеровскими захватчиками, прежде всего следует выделить работы П. Тронько «Подвиг твоїх батьків» («Подвиг твоих отцов»),⁷⁹ «Бессмертие юных»,⁸⁰ И. Стафийчука «Комсомол України в партизанському русі» («Комсомол Украины в партизанском движении»),⁸¹ В. Мольченко, М. Петрова «Героїчні подвиги молоді України в тилу ворога в роки Великої Вітчизняної війни» («Героические подвиги молодежи Украины в тылу врага в годы Великой Отечественной войны»),⁸² диссертацию Л. Буденной «Комсомол в подпольной партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков (июнь 1941 – март 1944 года): на материалах Винницкой, Житомирской и Хмельницкой областей».⁸³ Героические дела комсомольцев и молодежи республики в тылу оккупантов, деятельность комсомольского подполья, партийное руководство комсомолом в годы войны освещаются также в ее статье «Участь комсомольців Житомирщини та Поділля в партизанській боротьбі (червень 1941 – листопад 1942 рр.» («Участие комсомольцев Житомирщины и Подолии в партизанской борьбе (июнь 1941 – ноябрь 1942 гг.»),⁸⁴ в диссертации винницкого ученого М. Бабия «Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор борьбы трудящихся Подолии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – март 1944)»,⁸⁵ в его (в соавторстве с В. Кравчуком) путеводителе «Партизанськими стежками Вінниччини» («Партизанскими тропами Винниччины»),⁸⁶ в работах С. Гуменюка «Проскурівське підпілля» («Проскуровское подполье»),⁸⁷ А. Доманка, М. Сбойчакова «Шепетовские подпольщики»...⁸⁸

О сопротивлении гитлеровцам украинского населения повествуется также в исследованиях В. Клокова, И. Кулика, И. Слинько «Народна боротьба на Україні» («Народная борьба на Украине»),⁸⁹ Л. Кондратенко «Крах економічних планів німецько-фашистських захватників на Україні»,⁹⁰ В. Немятого «Всенародная борьба населения Украины против экономических мероприятий фашистских захватчиков на Украине, 1941 –

1944»,⁹¹ «В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии»⁹² и др.

Авторы работ убедительно показывают, что народные мстители и подпольщики своей героической борьбой нанесли врагу значительный ущерб, помешали вывозу на немецкую каторгу значительного количества мирного гражданского населения.

В то же время нельзя не заметить определенной заангажированности некоторых работ, в первую очередь упомянутых выше диссертационных. Они ориентированы лишь на освещение героики и советского патриотизма, однако умалчивают об участии во всенародной борьбе национально-освободительных сил, не говоря уже о работах, целенаправленно воспевающих определяющую роль коммунистической партии в годы войны (Н. И. Шаталина «Партия большевиков – вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне Советского Союза»,⁹³ В. Немятого «Из опыта КПСС по организации защиты завоеваний Октября в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов»,⁹⁴ М. Буцько «Военно-організаторська діяльність Компартії України в перші роки Великої Вітчизняної війни» («Военно-организаторская деятельность Компартии Украины в первые годы Великой Отечественной войны»),⁹⁵ Д. Григоровича «Идейно-политическая деятельность Компартии Украины в годы Великой Отечественной войны»,⁹⁶ В. М. Мазила «Компартія України – організатор українського народу на боротьбу проти німецько-фашистських загарбників у перший період Великої Вітчизняної війни (червень 1941 – листопад 1942)» («Компартия Украины – организатор украинского народа на борьбу против немецко-фашистских захватчиков в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942)»⁹⁷), М. Бабия «Партійне керівництво антифашистською боротьбою на Вінниччині» («Партийное руководство антифашистской борьбой на Винниччине»),⁹⁸ многих других исследований).

Немалый фактический материал об экономической политике оккупантов, их планах порабощения и уничтожения славянских народов, в том числе каторжным рабским трудом, содержит книга «Немецко-фашистский оккупационный режим (1941 – 1944 гг.)». ⁹⁹ Среди помещенных в ней публикаций особого внимания заслуживает исследование И. Слинько «Изгнание населения Украины в фашистское рабство». ¹⁰⁰ Это – едва ли не первая в бывшем Советском Союзе научная работа по

проблеме депортации мирного населения из оккупированных гитлеровцами территорий.

Ученый доказывает, что, насильно вывозя людей на каторгу в Германию, нацисты преследовали следующие цели:

а) обеспечить возрастающую потребность в рабочей силе и заставить миллионы иностранных рабочих фактически принимать участие в войне на стороне нацистской Германии против собственных стран;

б) уничтожить или ослабить народы так называемой «низшей расы»;

в) освобождая захваченные советские территории от населения, подготовить условия для последующего переселения сюда новых хозяев – немецких господ.

Свои выводы он удачно аргументирует архивными источниками, неизвестными ранее фактами.

С этого времени тема насильственного вывоза наших соотечественников на каторгу все больше интересует научный мир. В 1979 г. была опубликована монография М. В. Коваля «Борьба населения Украины против фашистского рабства» («Борьба населения Украины против фашистского рабства»).¹⁰¹ В ней автор тщательно исследует трансформацию форм и методов человеконенавистнической политики гитлеровцев в тесной зависимости от положения на фронте, прослеживает комплекс преступных мероприятий оккупантов, к которым они прибегли с целью максимального использования человеческих ресурсов на захваченных территориях, прежде всего в Украине, в интересах немецкой военной промышленности, детально анализирует систему каторжного труда.

Осмысливая трагические результаты массовой депортации мирных граждан, ученый делает вывод, что она была проявлением откровенного геноцида против русского, украинского, белорусского и других народов СССР, преступным механизмом зачистки временно захваченных территорий от населения.

Аналогичные выводы имеют место в работах, выполненных на завершающем этапе существования СССР: в статьях М. В. Коваля «Український народ у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945)» («Украинский народ в Великой Отечественной войне (1941 – 1945)»¹⁰²), А. А. Шевякова «Гитлеровский геноцид на территориях СССР»,¹⁰³ в монографии Т. С. Першиной «Фашистский геноцид на Украине 1941 – 1944».¹⁰⁴

В последней разоблачаются преступления нацистских за-

хватчиков на временно оккупированной территории Украины в годы гитлеровского нашествия, одним из которых была депортация в Германию украинской молодежи, раскрывается варварский механизм уничтожения миллионов советских людей, оказавшихся в руках нацистов, анализируется идеологическое обоснование осуществленных ими ужасных злодеяний.

Вообще, период «горбачевской» перестройки и гласности дал возможность историкам прикоснуться к некоторым «белым пятнам» истории войны. В первую очередь, ими стали проблемы, связанные с освещением ее начального этапа,¹⁰⁵ ошибок Сталина¹⁰⁶ и т. д. Начали появляться публикации, рассматривающие данные относительно общего количества погибших,¹⁰⁷ военнопленных.¹⁰⁸ Расширился диапазон изучения тематики насильственного изгнания гитлеровцами гражданского населения оккупированных территорий в немецкое рабство, использования его труда в милитаристской экономике рейха...

В плане исследования вопросов возвращения на Родину бывших военнопленных и остарбайтеров фактически единственной в Советском Союзе научной публикацией, если не считать книгу А. Брюханова «Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера»¹⁰⁹ и упомянутое агитационно-пропагандистское выступление в журнале «Новое время» (1947 г.) Л. О. Лабина «О перемещенных лицах»,¹¹⁰ стала насыщенная статистическими материалами статья В. Земскова «К вопросу о репатриации советских граждан 1944 – 1951 гг.».¹¹¹ Она интересна новизной темы, богата фактологической базой, но в то же время содержит множество штампов, которые мало чем отличаются от идеологизмов периода «холодной войны».

Эти недостатки присущи и довольно интересному научному исследованию А. Шевякова «Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупированных зонах государств антигитлеровской коалиции»,¹¹² напечатанному автором в сборнике «Население России в 1920 – 1950-е годы: численность, потери, миграции» уже после распада СССР.

Так же глубоки и информативны, однако в значительной степени лишены отмеченных выше недостатков изданные в последующие годы работы русских исследователей: тех же А. Шевякова («Тайны» послевоенной репатриации),¹¹³ В. Земскова («Репатриация советских граждан в 1945 – 1946 годах: Опи-

раясь на документы»,¹¹⁴ «Некоторые проблемы репатриации советских перемещенных лиц»,¹¹⁵ «Спецпоселенцы (по документам НКВД – МВД СССР)»,¹¹⁶ «Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944 – 1956)»,¹¹⁷ «Репатриация перемещенных советских граждан»,¹¹⁸ а также В. М. Пьянкова («Репатриации и труд военнопленных как источник восстановления экономики СССР после Второй мировой войны»),¹¹⁹ В. Г. Фурсенко («Ди-пи: дни и годы»).¹²⁰

Событием в научной жизни постсоветской России (и не только России) стал выход в свет фундаментальной работы П. Поляна «Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация»,¹²¹ которая, безусловно, обогатила историческую науку. Она стала первой на территории СНГ монографической попыткой обобщающего и панорамного исследования комплекса вопросов, касающихся советских военнопленных, остарбайтеров и других советских граждан, оказавшихся во время Великой Отечественной войны за пределами СССР.

Работа состоит из двух частей. В первой – «Русские в рейхе: первые и последние» – показаны обстоятельства пленения советских военнослужащих, принудительной «вербовки» и депортации в Германию гражданского населения, а также наиболее существенные моменты их быта и трудоустройства. Во второй части – «Родина ждет вас, сволочи!..»: репатриация и бегство от нее» – освещена судьба бывших советских военнопленных и остарбайтеров по возвращении из Германии. Автор показывает, что процесс репатриации иногда мало чем отличался от форм нацистской депортации (это особенно касалось лиц, решивших не возвращаться в СССР), что перед тем, как стать репатриантами, всем без исключения пленникам пришлось пройти унижительную для человеческого достоинства фильтрацию, от результатов которой зависела их дальнейшая судьба. Поэтому, прежде чем попасть домой, многим из них, в первую очередь бывшим военнопленным, пришлось не один год поработать в нечеловеческих условиях на стройках Отчизны. Кроме того, даже после отбытия наказания, лицам, получившим статус «спецпереселенцев», запрещалось переступить отцовский порог.

Положительная особенность работы – привлечение широкого круга архивных источников, большинство из которых впервые введены в научный оборот, их серьезный научный анализ.

Еще одна важная деталь: поскольку толчком для начала работы и написания книги стали письма, присланные в московское историко-просветительское общество «Мемориал» (около 400 тыс.) после публикации в начале 1990 г. в газете «Неделя» статьи А. Данкина «Пенсия из-за рубежа», автор поднимает проблему компенсации нанесенного ущерба немецкой стороной пострадавшим от нацизма, фиксирует состояние проблемы до 1996 г. и возможные перспективы ее дальнейшего решения.

Еще более детализированным, обогащенным документально и значительно более глубоким и аргументированным стало второе издание работы: «Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине».¹²² В нем даны ответы на вопросы, поднятые, но не до конца освещенные в первом издании. Особенно это касается тягот и лишений без вины виноватых принудительных рабочих и советских военнопленных уже в лагерях и малообжитых местах родной Отчизны.

Бросается в глаза, тот факт, что, рассматривая репатриацию в СССР всех перемещенных лиц, бывших советских граждан, упомянутые русские ученые В. Земсков, А. Шевяков, П. Полян сосредоточивают внимание на международных, правовых, социальных аспектах этого процесса. В их работах детально отображены структура, методы деятельности советских репатриационных органов, приведены статистические данные движения репатриационных потоков в разные республики Советского Союза, осуществлен анализ отдельных социальных групп репатриантов. В то же время личные взгляды на сам процесс репатриации существенно отличаются. А. Шевяков в концептуальном плане является апологетом политики руководства СССР и отображает данную проблему с позиции государства. П. Полян рассматривает проблематику с позиции правозащитника и квалифицирует принудительную репатриацию как гуманитарное преступление. В. Земсков соглашается, что во всей истории с репатриацией советских перемещенных лиц были и элементы насилия, и нарушения прав человека, и гуманитарные преступления, но, как считает исследователь, это была, прежде всего, «волнующая эпопея приобретения Родины миллионами людей, насильственно лишенных ее иностранными завоевателями».¹²³

Не менее внимание П. Полян уделяет и раскрытию такой же малоизученной темы «вестарбайтеров» – военнопленных

вермахта, стран – сателлитов гитлеровской Германии, а также интернированных немецких гражданских лиц, чей труд, как и труд репатриированных советских военнопленных и оstarбайтеров, использовался в послевоенные годы на восстановлении народного хозяйства СССР. Этому посвящены его работы «Вестарбайтеры»: интернированные немцы в СССР (предыстория, история, география)»,¹²⁴ «Вестарбайтеры. Интернированные немцы на советских стройках»,¹²⁵ «Ремарации трудом»: мотивы и предыстория послевоенного трудоустройства «интернированных и мобилизованных» – немецких гражданских лиц в СССР». ¹²⁶ Данная проблематика освещена также в работах С. Г. Нелиповича «Репрессии против подданных «центральных держав»,¹²⁷ М. Семиряги «Приказы, о которых мы не знали: Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев»,¹²⁸ некоторых других.

К теме «перемещенных лиц» проявили интерес также исследователи дальнего зарубежья. Причем именно они стали пионерами научной, (хотя и не лишенной недостатков) разработки многих аспектов данной тематики.

Уже в 1945 году вышла книга американского ученого Д. Фрида «Эксплуатация иностранной рабочей силы в Германии». ¹²⁹ Основное внимание в ней автор сосредоточил на использовании в немецкой экономике рабочих рук из стран Западной и Центральной Европы. В то же время в исследовании практически ничего не говорится об оstarбайтерах – самой массовой и угнетенной группе иностранных рабочих в рейхе. В результате оно оказалось зауженным в выборе предмета исследования, односторонним, а поэтому его ценность скорее состоит в том, что оно положило начало разработке темы, нежели в глубине раскрытия рассматриваемых проблем.

Более удачна монография английского исследователя А. Даллина «Немецкое правление в России: 1941 – 1945. Анализ оккупационной политики»,¹³⁰ изданная в 1957 г. Она содержит важные разделы о советских военнопленных, а также о принудительных рабочих. Причем, касаясь положения последних, автор ведет речь именно об оstarбайтерах, о насилии относительно них со стороны гитлеровцев, нелегких условиях их жизни на чужбине. Однако в работе и словом не упоминается об украинских «восточных рабочих» – они «растворены» в общей массе депортированных с Востока «русских».

Вместе с тем в монографии достаточно основательно рас-

сма­три­ва­ет­ся по­ли­ти­ка не­мец­ких во­ен­ных на ок­ку­пи­ро­ван­ной тер­ри­то­рии, не­че­ло­ве­че­ское от­но­ше­ние к мес­тно­му на­се­ле­нию и его об­рат­ная ре­ак­ция, ор­га­ни­за­ция и струк­ту­ра ок­ку­па­ци­он­ной вла­сти. Ра­бо­та по­стро­ена пре­им­у­ще­ствен­но на ма­те­ри­а­лах и до­ку­мен­тах Нюрн­бер­г­ско­го про­цес­са и оп­ро­сах «пе­ре­ме­щен­ных лиц». Их яр­кий фак­таж дал уче­но­му ос­но­ва­ния аргументированно ха­рак­те­ри­зо­вать вой­ну на­ци­ст­ской Гер­ма­нии про­тив Со­вет­ско­го Со­ю­за как «ис­тре­би­тель­ную».

Ок­ку­па­ци­он­ной по­ли­ти­ке Гер­ма­нии в СССР (в зна­чи­тель­ной ме­ре – на укра­ин­ских зем­лях) по­свя­ще­на ра­бо­та еще од­но­го ан­глий­ско­го ис­сле­до­ва­те­ля Д. Райт­лин­ге­ра «Дом, по­стро­ен­ный на пе­ске»,¹³¹ ко­то­рый, рас­сма­три­вая пла­ни­ро­ва­ние и под­го­тов­ку ру­ко­вод­ства рей­ха к на­па­де­нию на Со­вет­ский Со­юз, тра­гическую судьбу советских военнопленных и «восточных рабочих», та­же под­чер­ки­вал ис­тре­би­тель­ский ха­рак­тер вой­ны.

О­со­бое ме­сто сре­ди на­уч­ных ра­бот за­ни­ма­ет ис­сле­до­ва­ние аме­ри­кан­ско­го уче­но­го Э. Гом­зе «Труд ино­стран­цев в на­ци­ст­ской Гер­ма­нии».¹³² На бо­га­том фак­ти­че­ском ма­те­ри­а­ле, в част­но­сти, аналитических до­не­се­ниях груп­пы во­ен­ных спе­ци­а­ли­стов о ре­зуль­та­тах ос­мо­тра мес­т бом­бар­ди­ро­вки не­мец­ких про­мыш­лен­ных цен­тров со­ю­з­ни­че­ской авиацией, на ос­но­ва­нии дру­гих ар­хив­ных ис­точ­ни­ков, на­хо­дя­щих­ся в На­ци­о­наль­ном ар­хиве США в Ва­шинг­тоне, в нем рас­кры­ва­ет­ся за­ви­си­мость не­мец­кой во­ен­ной э­ко­но­ми­ки от ра­бо­чей си­лы, до­став­лен­ной с ок­ку­пи­ро­ван­ных тер­ри­то­рий, про­ти­во­ре­чия ме­жду на­ци­ст­скими ми­ни­стер­ства­ми и ис­поль­зо­ва­нием тру­да ино­стран­цев, диф­фе­рен­ци­а­ция в от­но­ше­нии не­мец­ких ра­бо­в­ла­дель­цев к раз­ным груп­пам ино­стран­ных ра­бо­чих. Но все же ра­бо­та ви­дит­ся не­пол­ной, по­сколь­ку си­льный ак­цент в ней де­ла­ет­ся на сю­же­ты о за­пад­ных ра­бо­чих, в пер­вую оче­редь фран­цу­зов, то­гда как о­стар­бай­те­ры упо­ми­на­ют­ся край­не ред­ко...

Ис­сле­до­ва­те­ли из даль­не­го за­ру­бе­жья ста­ли та­же пи­о­не­ра­ми в ос­ве­ще­нии ря­да ас­пек­тов про­цес­са воз­вра­ще­ния быв­ших уз­ни­ков рей­ха на Ро­ди­ну. Так, те­ме ре­пат­ри­а­ции насиль­ствен­но депор­ти­ро­ван­но­го гит­ле­ро­в­ца­ми на­се­ле­ния ок­ку­пи­ро­ван­ных тер­ри­то­рий по­свя­ще­ны ра­бо­ты аме­ри­кан­ца М. Эл­ли­ота «Ре­пат­ри­а­ци­он­ная гла­ва в со­вет­ско-а­ме­ри­кан­ских от­но­ше­ниях 1944 – 1947 гг.»,¹³³ ан­гли­чан Н. Бе­тел­ла «По­след­няя тай­на: насиль­ствен­ная ре­пат­ри­а­ция в Рос­сию 1944 – 1947 гг.»,¹³⁴ Н. Тол­сто­го «Жерт­вы Ялты».¹³⁵ Эти ра­бо­ты и дру­гие пуб­ли­ка­ции уче­ных даль­не­го за­ру­бе­жья в ос­нов­ном по­свя­ще­ны про­бле­ме пре-

бывания перемещенных лиц в Западноевропейских странах после окончания Второй мировой войны, принудительной репатриации в СССР бывших советских граждан, не пожелавших возвращаться в страну своего рождения, что, впрочем, не характерно для воли и поведения абсолютного большинства остарбайтеров.

Отдельно остановимся на освещении использования принудительного труда, жизни «восточных рабочих» в нацистском рейхе в исследованиях немецких историков.

Как показывает историографический анализ, данная проблематика не имела широкого резонанса в послевоенном немецком обществе, не вызывала большого интереса у исследователей, хотя национал-социалистическая «Программа рабского труда» предстала в Нюрнберге как один из четырех главных пунктов обвинения и стала центральным пунктом также на процессе против ведущих немецких промышленников. Длительное время немецкие историки в основном исследовали лишь политические аспекты нацизма, много внимания уделяли анализу господствующих структур национал-социализма, выясняли, из каких противоречий и борьбы компетенций рождались и принимались решения, какие фракции и личности выходили тогда на передний план.

Характерна в этом плане работа участника покушения на А. Гитлера немца Г. Гизевиуса «К горькому концу»,¹³⁶ которая увидела свет вскоре после окончания войны. В ней анализируется широкий срез суровой действительности нацистской Германии, интриги правящей верхушки в борьбе за власть, беспощадность карательно-силовых структур к реальным и вымышленным врагам рейха, агония военно-хозяйственного комплекса «Третьей империи» в условиях катастрофы на фронтах. Однако автор и словом не обмолвился о бесплатном изнурительном труде принудительных рабочих, без использования которого на протяжении всей войны не могло обойтись ни одно промышленное предприятие нацистского государства.

В 1954 г. в Бонне вышла довольно объемная (почти на 800 стр.) книга бывшего генерала пехоты Курта фон Типпельскирха "История Второй мировой войны. 1939 – 1945".¹³⁷ Но она, несмотря на такое всеохватывающее название, полностью посвящена лишь военным аспектам наибольшей из войн и совсем не поднимает вопросов депортации рабочей силы в Германию, в т. ч. с захваченных советских территорий.

Первой в немецкой научной литературе работой, в которой затронута тема использования в нацистской экономике иностранных рабочих, стала статья профессора К. Пфеффера «Немцы и другие народы во Второй мировой войне», опубликованная в коллективном труде «Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных». ¹³⁸ В ней автор признает, что «военная экономика Германии могла обеспечивать... огромные военные усилия лишь в том случае, когда вместо ушедших на фронт мужчин в ее распоряжение поступала рабочая сила из других источников». Таким источником были «завербованные рабочие из оккупированных областей и в нейтральных странах». Далее утверждается, что главной причиной перемещения иностранных рабочих на промышленные предприятия рейха являлась безработица (хотя это далеко не так), заставлявшая их отбывать в Германию, где возможности получить работу и заработок были значительно лучшими (здесь он имеет в виду не советских «завербованных»). Автор фактически не принимает во внимание тот исторический факт, что основной формой перемещения в рейх «восточных рабочих» стала их депортация. Кроме того, не обходилось без насилия во время вербовки польских, французских, бельгийских, голландских, датских, итальянских, югославских, болгарских рабочих.

Единственное, с чем можно целиком согласиться, это признание, что обращение со «свободными русскими рабочими» «было не достойным человека». Но уж слишком субъективным и надуманным кажется уточнение, приводимое здесь же: «Тем не менее, в тех случаях, когда им приходилось работать отдельно в качестве прислуги в домах или на полевых и других работах в сельском хозяйстве, им жилось не хуже, чем военнопленным или самим немцам». ¹³⁹ Здесь, вероятно, автор имеет в виду не советских военнопленных, отношение к которым характеризовалось как исключительно жестокое. Да и жизненный уровень тех же немецких сельских жителей не шел ни в какое сравнение с условиями жизни остарбайтеров, что невольно признает сам профессор К. Пфеффер: «Продовольственные нормы [для них] были очень низкими, а дисциплина – исключительно суровой. Одеждой [восточные] рабочие почти не обеспечивались, а квартирные условия были очень плохими, свободного времени у рабочих не было». ¹⁴⁰

В 50-х и последующих 60-х годах, о которых пойдет речь, в западногерманской историографии появился ряд работ, авто-

ры которых в основном пытались опровергнуть обвинения в использовании принудительного труда, выдвинутые против немецких предпринимателей. Они аргументировали это тем, что немецкая экономика пребывала под сильным нажимом государства, что ее административные структуры не должны нести непосредственной ответственности за использование и плохое отношение к принудительным рабочим, что немецкие предприниматели начали «использование иностранной рабочей силы во время войны согласно законов, постановлений и официальных распоряжений руководства страны».¹⁴¹ Об этом идет речь в работах немецких ученых Э. Зеебера,¹⁴² К. Дробиша,¹⁴³ Я. Шмельцера,¹⁴⁴ Г. Пфальмана. К тому же, последний в монографии «Иностранные рабочие и военнопленные в немецкой военной экономике»¹⁴⁵ вопрос использования принудительного труда иностранных рабочих рассматривает как вариант успешной внешней европейской политики рейха, в которой, правда, встречаются «неожиданности», обусловленные войной, бесчинства. Хотя исследователь одним из первых имел возможность воспользоваться архивными материалами, и особенно документами Министерства труда и Генерального уполномоченного по трудовому использованию Ф. Заукеля, но в своей работе он ограничился лишь обширными статистическими обзорами и лояльным копированием социально-политических положений различных приказов и распоряжений министерств...

Если в общем проблематика использования труда иностранных рабочих вплоть до 70-х годов оставалась в западногерманской историографии малоразработанной, то для ГДР, напротив, – была одной из важнейших сфер исследования. В то время, как в ФРГ внешняя политика нацистов описана лишь нейтрально, а с социально-политической точки зрения – как целиком приемлемая, то в восточногерманской историографии уже были исследования и публикации документов, убедительно подтверждавших не только принудительное изгнание, плохое питание и бытовые условия, но и преступления против иностранных рабочих, в первую очередь, из Польши и СССР. С другой стороны историки ГДР излишне упорно проводили в своих трудах некоторые тезисы марксизма-ленинизма: главенствующую роль немецкого великого капитала в преступлениях Третьего рейха, непрерывность империалистической политики в Германии от Кайзеровской империи до ФРГ и солидарность международно-го рабочего класса.¹⁴⁶

Именно они первыми поставили вопрос о роли вермахта в насаждении «нового порядка» на захваченных восточных землях, в том числе его роль в осуществлении принудительной депортации мирного населения для потребностей немецкой военной экономики. Особенно удачной оказалась монография Н. Мюллера «Вермахт и оккупация (1941 – 1944)».¹⁴⁷ В ней на основании многочисленных документов ученый убедительно опровергает популярный в то время на Западе тезис о так называемой «непричастности» гитлеровских вооруженных сил к злодеяниям над мирным населением на территории Украины, Белоруссии, других советских республик. Причем, вывоз людей на нацистскую каторгу подается именно как одно из таких злодеяний.

Вопросам управления территориями, находившимся в военной зоне оккупации, посвящены написанные немного позже работы Г. Умбрайта, в которых он определяет ответственность за массовые жертвы вермахта – как оккупационной армии.¹⁴⁸ Современный исследователь К. Герлах присвятил несколько работ изучению нацистской политики уничтожения на оккупированных советских землях. В книге «Война. Удержание. Геноцид»¹⁴⁹ он, в частности, выделяет особо политику удержания в генерал-комиссариате «Волынь-Подоллия», к которой причастны и структуры вермахта.

Обвинения в адрес вермахта содержатся также в объемном исследовании Х. Штрайта «Никакие не товарищи. Вермахт и советские военнопленные 1941 – 1945 гг.».¹⁵⁰ В работе, в частности, подчеркивается, что в немецком плену погибло свыше трех миллионов советских военнопленных; это случилось не по распоряжению айнзацгрупп и Главного Управления Имперской Безопасности (РСХА), а лежит на ответственности вермахта.

Прорыв в исследовании темы использования иностранных принудительных рабочих в нацистском рейхе произошел в ФРГ в середине 1980-х годов. Причем на основании более объективных, чем раньше, подходов в освещении поднятых проблем, сознательного уклонения от господствующих на протяжении предыдущих десятилетий идеологических «измов», но, в первую очередь, – благодаря фундаментальным работам известного историка У. Герберта.

В 1986 году издана его монография «Иностранные рабочие: политика и практика «использования иностранцев» в военной экономике Третьего рейха».¹⁵¹ Сразу же после выхода в свет

она стала первым в Федеративной Республике Германии основательным и разносторонним исследованием по данной проблематике.

Работа состоит из двенадцати разделов, основывается на широком круге источников немецких государственных, региональных и городских архивов, что позволило показать развитие процесса использования иностранного труда от самых высоких партийных, министерских и военных учреждений к ситуации в отдельных сферах промышленности и регионах. В четырех главных разделах исследуется процесс эксплуатации иностранной рабочей силы между началом и спадом «Восточной кампании» в 1941 – 1942 годах, а также после поражения под Сталинградом до окончания войны, причем четко отделено политическое развитие от собственно «практики использования».

Сделанные в монографии выводы на сегодня отображают официальную позицию ФРГ в вопросе оценки труда иностранных рабочих в рейхе. Исследователь считает, что если сейчас рассматривать историческое значение так называемого «использования иностранцев» в общем, то не вызывает сомнений, что немецкая военная экономика, начиная с августа 1942 года, не имела альтернативы привлечению иностранных принудительных рабочих, и, в частности, из Советского Союза. Без иностранцев в сельском хозяйстве к концу 1940 года, а в военной промышленности – к концу 1941 года было бы невозможно производство продукции в необходимом объеме. Только «использование иностранцев» позволяло продолжать войну, поддерживать на высоком уровне (в сравнении с другими европейскими государствами) до конца 1944 года снабжение продуктами питания немецкого населения.

Как считает У. Герберт, не в последнюю очередь иностранные принудительные рабочие способствовали также гигантскому росту и модернизационному толчку в немецкой экономике в годы войны, ставшему основанием для быстрого экономического роста после 1948 года.

Ведя речь об идеологической сущности нацизма, немецкий историк подчеркивает, что на отношение к советским принудительным рабочим влиял в первую очередь не только экономический, но и, без сомнения, идеологический фактор. Чем лучшим было военное положение государства, тем более жестоко дифференцированными, согласно «расовой» основной линии, становились инструкции относительно поведения с оstarбай-

терами. Определенное улучшение условий их жизни и труда, имевшее место на отдельных предприятиях под конец войны, состоялось только под нажимом военных событий и необходимости повышать производительность труда узников рейха.

Монография реконструирует общую схему, по которой осуществлялось использование иностранных рабочих в экономике Третьего рейха, выстраивает хронологию событий, дает четкое представление о разновидностях методов и способов осуществления этой политики нацистским руководством, содержит обширный статистический материал.¹⁵²

Особый интерес вызывает анализ жалоб «восточных рабочих». Спектр факторов их недовольства довольно широк: здесь и голодное существование, и обязательное ношение униформы «Ост», и силовые мероприятия во время «вербовки», и работа не по специальности, и размещение в обнесенных колючей проволокой лагерях, и запрет на выход из лагеря, и грубое обращение лагерной охраны, и крайне низкая зарплата, и запрет на почтовую переписку, и противоречия между обещаниями и жестокой действительностью и т. п.

Заслуживает внимания труд У. Герберта «Европа и Примерный рейх: иностранные гражданские рабочие, военнопленные и уголовные гражданские узники в Германии 1938 – 1945»,¹⁵³ в котором он пытается выяснить зависимость развертывания партизанского движения в странах Европы от активизации усилий ведомства Заукеля по вывозу местного населения в Германию. Автор, в частности, делает такой вывод: «Рабочие руки приобрели в разных европейских странах большое значение, поскольку они стали важным, часто решающим фактором роста и популярности организации сопротивления. Непосредственно во Франции и Советском Союзе возникновение и расширение партизанского движения тесно связаны с депортацией рабочих. Немецкой оккупационной власти было хорошо известно, что много людей бежало в леса или к «магис» («макки»), отдавая предпочтение риску бороться нежели отправке в Германию».¹⁵⁴

Теме использования труда иностранных принудительных рабочих в нацистском государстве посвящен ряд других работ ученого.¹⁵⁵ В них, в частности, осуществлен комплексный анализ проблемы принудительного труда в отдельно взятых сферах хозяйства, рассмотрены отличия в трудоустройстве рабочих разных стран, оккупированных нацистами.

Широкий круг вопросов, связанных с жизнью и использованием принудительных рабочих на разных этапах существования рейха, а также после его падения, рассмотрен в научном исследовании В. Якобмайера «От принудительного труда к иностранцам без гражданства. Перемещенные лица в Германии. 1941 – 1945».¹⁵⁶ Определенное отображение нашла в нем и проблема остарбайтеров, однако снова русских...

Такой же обширной и многоаспектной является монография А. Гетцла «Народное государство Гитлера. Грабеж, расовая война и национальный социализм»...¹⁵⁷

Кроме тенденции к обобщающим исследованиям по данной теме в немецкой историографии можно выделить другую приверженность: освещение проблемы использования принудительного труда на историко-ведческом материале отдельных регионов, городов, предприятий. Так, Б. Болль сосредоточил внимание на принудительном труде в городах Баден,¹⁵⁸ Оффенбург,¹⁵⁹ Х. Брюхетр – в Висбадене,¹⁶⁰ А. Нойгебауэр – в Руссельгайме,¹⁶¹ А. Хойслер – в Мюнхене,¹⁶² Ф. Дорн и К. Гойер – в регионе южного Гессена,¹⁶³ Г. Фрайтаг – в регионе Липпе.¹⁶⁴ М. Руфф посвятила свое исследование украинским остарбайтерам, работавшим во время войны в Воральберге – одной из земель Австрии.¹⁶⁵ В ряде публикаций анализируется использование труда иностранных принудительных рабочих, в частности остарбайтеров, на заводах больших концернов, таких как Фольксваген,¹⁶⁶ Даймлер-Бенц,¹⁶⁷ ОСРАМ¹⁶⁸ и др. К этому можно присовокупить локальные исследования конкретных лагерей в Германии¹⁶⁹ и Австрии.¹⁷⁰

В последние годы немецкие исследователи поднимают проблему определения компенсационных претензий и платежей за принудительный труд в Третьем рейхе. Этой теме посвящены публикации М. Арнинга,¹⁷¹ М. Брюнинга,¹⁷² М. Шпюрера¹⁷³ и др.

Очень интересным, в частности, стало исследование Т. Кушинского,¹⁷⁴ которое основывается на данных о численности принудительных иностранных рабочих, количестве отработанных ими часов, стоимости труда немецкого рабочего в рейхе. Исходным мотивом для автора было то, что заработная плата тех же остарбайтеров значительно отличалась от заработка немецких рабочих, поэтому его целью было подсчитать полученную предприятиями дополнительную прибыль за счет использования дешевой или совсем бесплатной рабочей силы,

как это было в случае использования труда узников концлагерей. Автор выделил семь условных категорий принудительных рабочих, условия труда которых отличались между собой, и подсчитал в процентном соотношении дополнительную прибыль государственной казны Третьего рейха, предприятий общественного сектора и частных предприятий. По итогам исследования, в рейхе работало примерно 14 – 15 млн. человек принудительных иностранных рабочих, общее рабочее время которых составляло свыше 21 млн. лет. Благодаря использованию принудительного труда была получена дополнительная прибыль, которая с учетом разницы между курсом рейсмарки и немецкой марки и соотношения военного стандарта жизни к сегодняшнему соответствует сумме 180 млрд. марок. Эту цифру тяжело сравнить с 10 млрд. марок, выделенными немецкими предприятиями для осуществления компенсаций Немецким Федеральным Фондом.¹⁷⁵

Ряд аспектов использования принудительного труда в экономике рейха освещен в работах польских исследователей В. Ястржембовского,¹⁷⁶ Х. Зургажа,¹⁷⁷ Ч. Лучака,¹⁷⁸ К. Керстен,¹⁷⁹ американского ученого К. Кейдонского¹⁸⁰ и др.

Среди современных работ зарубежных ученых заслуживает внимания работа В. Косыка «Украина и Германия во второй мировой войне».¹⁸¹ В первую очередь потому, что в ней наконец-то поднята собственно украинская проблематика. Объемная по размеру, глубокая по смыслу, работа раскрывает общую цель и практические действия национал-социалистов Германии относительно Украины, неадекватность нацистской политики «чистоты высшей расы» и «реального состояния вещей».

Немало места в ней отведено движению Сопротивления на западноукраинских землях, деятельности походных групп и вооруженных отрядов Организации Украинских Националистов (бандеровцев), которые проникали и на Подолье, депортации украинского населения на каторжные работы в нацистский рейх. Причем предпринята попытка проанализировать методы вербовочной кампании, формы противодействия насильственной депортации, включая партизанскую борьбу.

Используя документы Нюрнбергского трибунала и источники из немецких архивов, исследователь определил причины, побудившие немецкое руководство приступить к принудительному набору, установил, при участии каких именно высших руководителей Германии проводилась депортация, какие обстоя-

тельства обуславливали ее интенсивность. Отдельно автор остановился на факте обеспокоенности методами мобилизации со стороны самих же руководителей немецких войсковых частей и промышленных предприятий, обращая внимание на то, что именно опрометчиво жестокое поведение с гражданским населением способствовало изменению его отношения к немецкому военному присутствию в отрицательную сторону, а потому в значительной мере инициировало активизацию националистического и советского движения сопротивления.¹⁸²

Несмотря на некоторый субъективизм в оценке отдельных событий, явлений, работы иностранных исследователей нередко содержат глубокие выводы. Кроме того, их неоспоримая ценность состоит еще и в том, что они опираются на документы и источники зарубежных архивов, прежде всего немецких периода Второй мировой войны, во многих случаях малодоступных отечественным исследователям.

Однако, в общем тема украинских остарбайтеров еще не освещена и в западной историографии. В ней практически отсутствуют специальные комплексные исследования, посвященные изучению колониальной экспансии Германии, ориентированной на использование в нацистской экономике трудовых ресурсов оккупированной Украины.

Эту существенную проблему пытаются решить украинские ученые, а так же по-новому, непредвзято и объективно, базируясь на перспективных методологических принципах, взглянуть на события Второй мировой войны, в чем в последнее время были достигнуты определенные успехи. Как справедливо аргументирует историограф В. В. Стецкевич (г. Кривой Рог) в статье «Україна в роки навали 1941 – 1945 рр.: спроба аналізу сучасного історіописання окупаційної доби та актуалізації проблеми» («Украина в годы нашествия 1941 – 1945 гг.: попытка анализа современного историописания оккупационного периода и актуализации проблемы»), в Украине на протяжении периода ее независимости «пишется новая историография войны, которая, с одной стороны, предстает качественно обогащенной новыми научными знаниями, а с другой, – демонстрирует последовательность научно-исследовательского историописания. Такой подход позволяет подавать историю войны более документально, полифонически, значительно более широко и всесторонне, а главное, – более осмысленно и глубоко в историсофистской плоскости, нежели это делалось в 40 – 80-х гг.

XX в. Большую роль в этом сыграли произошедшие в исследовательской культуре и методологии изменения. Но особенно заметны изменения в мировоззренческих ориентациях исследователей, их приверженность к постижению истории в гуманитарных и антропологических измерениях. Не последнюю роль здесь играет и рассудочный, научно взвешенный украиноцентризм – писание истории с позиций собственного народа». ¹⁸³

Именно на этих принципах рассматривается многоаспектный комплекс вопросов исторической судьбы «восточных рабочих», в том числе с Подолии.

Важным толчком проявления научного интереса к проблемам остарбайтеров в независимой суверенной Украине стала реализация Государственной программы поименного увековечивания жертв войны. В ее рамках на Винниччине изданы девять томов «Книги Памяти» ¹⁸⁴ и три тома «Книги Скорби» области, ¹⁸⁵ в которых помещены имена воинов-земляков, мирных граждан, погибших на фронте в результате боевых действий во время гитлеровской оккупации и на каторжных работах в Германии. Десять томов «Книги Памяти» ¹⁸⁶ и четыре тома «Книги Скорби» ¹⁸⁷ изданы на Хмельнитчине. Их выход в свет, как и аналогичных работ в других регионах Украины, – это не только дань памяти погибшим, но и глубокое осмысление, объективное изучение истории украинского народа.

В частности, заслуживает похвалы и внимания коллективная работа украинских ученых и краеведов – итоговый том историко-мемориального сериала «Книга Памяти Украины» под названием «Бессмертие». ¹⁸⁸ Его авторский коллектив приложил много усилий, чтобы издание было свободным от стереотипов и идеологических штампов прошлого, конъюнктурных выводов. Аналитически-документальные материалы книги содержат новые оценки, обобщения о вкладе украинского народа в победу над нацизмом во Второй мировой войне, о подвиге граждан Украины в борьбе за свободу и независимость, об испытаниях, перенесенных нашими соотечественниками во время гитлеровской агрессии. Ценно то, что в книге помещен подраздел «Горькая судьба украинских остарбайтеров» ¹⁸⁹ (автор М. В. Коваль), в котором повествуется о насильственной депортации населения оккупированных территорий в Германию, о его страданиях в нацистском рабстве, а также (в числе первых) – о репатриации принудительных рабочих на Родину. Основные моменты публикации отображают названия ее под-

разделов: «Германия дает вам работу и хлеб» (о коварстве вражеской агитации во время так называемой «вербовочной кампании»), «Охота как на диких зверей» (о насилии гитлеровцев на захваченных украинских территориях над незащищенным населением), «Депортация под предлогом «эвакуации» (о формах насильственного вывоза принудительных рабочих в нацистский рейх), «Лучше сразу дома умереть, чем ехать к немцам жить» (об остром нежелании «восточных рабочих» отправляться в неприветливую чужбину), «На каторге «новой Европы» (о нечеловеческих условиях жизни и труда рабов XX века в нацистском государстве), «Прощай, Германия. Здравствуй, Колыма» (о неоправданной суровости Отчизны к своим сыновьям и дочерям, оказавшимся в период войны не по своей воле за ее пределами).

Значительное внимание проблеме остарбайтеров М. В. Коваль уделил и в других своих работах, в частности, в монографии «Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939 – 1945 рр.)» («Украина во Второй мировой и Великой Отечественной войнах (1939 – 1945 г.)»),¹⁹⁰ которая, в свою очередь, является составной частью многотомной истории Украины под общим названием «Україна крізь віки» («Украина сквозь века»), научной статье «Остарбайтери» України – раби Гітлера, ізгої Сталіна» («Остарбайтеры» Украины – рабы Гитлера, изгой Сталина»),¹⁹¹ в которых объективно проанализировал разнообразные аспекты депортации населения оккупированных территорий на нацистскую каторгу, использование украинской рабочей силы в экономике Третьего рейха, отношение к мобилизационным мероприятиям оккупантов националистического движения сопротивления, бесправное положение бывших каторжников после возвращения на Родину и др.

Известный украинский историк А. Е. Лысенко сфокусировал внимание на определении места «восточных рабочих» в социальной пирамиде советского и постсоветского общества. В исследовании «Проблема «остарбайтерів» як предмет соціальної історії» («Проблема «остарбайтеров» как предмет социальной истории») ¹⁹² он подчеркивает, что остарбайтеры составляют отдельную социальную группу по своему происхождению, обстоятельствам формирования, условиям и продолжительности существования, характеру жизнедеятельности, иерархии и субординации, способам выживания, восприятию тогдашних событий и другим критериям. Это позволило ему выделить

бывших «восточных рабочих» в самостоятельный временный социум.¹⁹³

Отдельные исследователи попытались осветить судьбу принудительных рабочих на региональном уровне (прежде всего, речь идет о работах О. В. Забродец «Волинські остарбайтери (1941 – 1945)» («Волынские остарбайтеры (1941 – 1945)»¹⁹⁴) и Д. Букалова «Остарбайтеры Донбасса»¹⁹⁵). В них, особенно в работе О. В. Забродец, выделены главные периоды истории жизни «восточных рабочих», приводятся яркие примеры, связанные с насильственным перемещением невольников с родной земли, страданием и рабским трудом в Германии, субъективными трудностями по возвращении их домой. Однако обоим исследованиям недостает научного анализа, углубленности в существо поднимаемых вопросов, обоснованных обобщений и выводов.

Значительно больше удачных работ, которые посвящены раскрытию ряда аспектов проблемы принудительных рабочих с Востока.

Одним из немногих диссертационных исследований, на должном уровне освещающим тему использования остарбайтеров, является работа А. В. Потыльчака «Експлуатація трудових ресурсів України гітлерівською Німеччиною в роки окупації» («Эксплуатация трудовых ресурсов Украины гитлеровской Германией в годы оккупации»)¹⁹⁶. В ней подвергнуто тщательному исследованию распоряжения как высшего руководства Германии, – Гитлера, Геринга, Розенберга, так и структур, непосредственно занимавшихся депортацией, в частности, ведомства Заукеля. На основании этих распоряжений, а также немецкой межведомственной переписки, освещены формы и методы мобилизации (в большинстве случаев принудительной) жителей Украины. Определенное внимание автор уделил роли агитационной кампании, развернутой захватчиками на оккупированной территории, и с помощью фактического материала определил масштабы этого процесса.

Заслуживает внимания также его исследование "Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України у нацистській військовій економіці в роки Другої світової війни" («Трудовые ресурсы советских военнопленных и «остарбайтеров» из Украины в нацистской военной экономике в годы Второй мировой войны»)¹⁹⁷. Работа состоит из трех разделов. Первый из них посвящен вопросам положения военнопленных

и использования их труда гитлеровцами, второй – насильственной депортации украинского населения для работы в Германии, третий – использованию украинских остарбайтеров на принудительных работах в нацистском рейхе.

Анализируя многочисленные документы и факты, автор подчеркивает, что варварское использование трудовых ресурсов захваченных стран было для Германии необходимым условием продолжения войны за мировое господство. Поэтому, оккупируя ту или иную страну, нацисты проводили непрерывные депортации в рейх физически здоровых мужчин и женщин для использования их как рабочей силы. После нападения нацистов на СССР таким объектом насильственной эксплуатации стало и население Украины, используемое наравне с военнопленными в рейхе для выполнения наиболее тяжелых, трудоемких и неквалифицированных работ, постоянно терпящее жестокую расовую и социальную дискриминацию.

Ценной стороной работы является подкрепленная соответствующими документами детализация многих аспектов принудительного угона украинцев в Германию и их труда в нацистской неволе.

Достаточно предметно освещен вопрос насильственного вывоза рабочей силы с Украины, наиболее полно и детально – в исследованиях И. С. Тарнавского «Депортація місцевого населення до Німеччини у 1941 – 1943 рр.» («Депортация местного населения в Германию в 1941 – 1943 гг.»¹⁹⁸), Т. В. Пастушенко «Примусове вивезення робочої сили з Броварського району до нацистської Німеччини» («Принудительный вывоз рабочей силы из Броварского района в нацистскую Германию»¹⁹⁹), «Основні етапи депортації цивільних робітників із Києва та Київської області до Німеччини у 1942 – 1944 рр.» («Основные этапы депортации гражданских рабочих из Киева и Киевской области в Германию в 1942 – 1944 гг.»²⁰⁰) и др.

Вообще, к раскрытию данного вопроса исследователи обращались в разное время, начиная еще с советского периода. Об их научных достижениях, а также об особенностях условий, в которых приходилось работать «первопроходцам», идет речь в довольно удачном историографическом исследовании А. Мелякова и С. Посохова «Депортація цивільного населення України до Німеччини під час Другої світової війни (1941 – 1944 рр.): до історіографії питання» («Депортация гражданского населения Украины в Германию во время Второй мировой войны

(1941 – 1945 гг.): к историографии вопроса».²⁰¹ Исследовавшие имеющиеся источники и публикации, авторы выделяют три основных периода изучения депортации гражданского населения Украины в Германию в отечественной историографии, и подчеркивают, что каждому из периодов соответствовали разные конкретно-исторические обстоятельства, определявшие типы и формы изданий, их содержание и функциональное назначение, идеологическую направленность, что эти факторы, в свою очередь, базировались на концептуальных подходах к роли и месту этой страницы истории Второй мировой войны. Первый период, который приходится на 40-е годы прошлого столетия, они характеризуют как агитационно-пропагандистский; второй (вторая половина 1950-х – середина 80-х годов) – контекстуальный; третий, начавшийся в конце 80-х годов, продолжается до сегодня и связан с радикальными изменениями во внешне- и внутривнутриполитическом положении Украины, отходом от традиционных для советской историографии способов исследования и освещения данной темы, – периодом новых возможностей.

Немало наработок в активе исследователей темы использования труда принудительных рабочих в «Третьей империи» – кроме названных работ А. В. Потыльчака, наиболее содержательными представляются работы Я. Довгополого «Українці на примусових роботах у Третьому рейху» («Украинцы на принудительных работах в Третьем рейхе»²⁰²), М. Баки «Полтавські «остарбайтери» у фашистській Німеччині» («Полтавские «остарбайтеры» в фашистской Германии»²⁰³), Т. В. Пастушенко «Використання праці українських примусових робітників у Третьому рейху» («Использование труда украинских принудительных рабочих в Третьем рейхе»²⁰⁴).

Следует выделить и другие направления научных исследований. В частности, тема возвращения остарбайтеров на Родину поднята в научных статьях О. В. Яновской «До питання про долю українських репатріантів Великої Вітчизняної війни» («К вопросу о судьбе украинских репатриантов Великой Отечественной войны»²⁰⁵), Т. В. Пастушенко «Репатріація українських «остарбайтерів» на Батьківщину: 1944 – 1947 рр.» («Репатриация украинских «остарбайтеров» на Родину: 1944 – 1947 гг.»²⁰⁶), О. В. Буцько «Створення і діяльність радянських органів репатріації 1944 - 1946» («Создание и деятельность советских органов репатриации 1944 – 1946 гг.»²⁰⁷), «Репатріація українських громадян (1944 – 1946 рр.)» («Репатриация укра-

инских граждан (1944 – 1946 гг.)»²⁰⁸), «С возвращенцем»: судьба украинских граждан, репатриированных на Родину».²⁰⁹

О. В. Буцько впервые представила общую структуру и характеристику деятельности репатриационных органов в Украине. На множестве материалов архивов Украины и Российской Федерации показаны основные аспекты этой сложной и противоречивой темы: особенности репатриации военнопленных и гражданских лиц, деятельность областных репатриационных органов в Украине, правовые, социальные, идеологические и моральные проблемы репатриантов по возвращении на Родину. В статье «С возвращенцем»: судьба украинских граждан, репатриированных на Родину» исследовательница подчеркивает, что судьба многих соотечественников, оказавшихся в результате войны в руках гитлеровцев, а затем репатриированных в СССР, оказалась нелегкой. «...Советское правительство считало всех советских подданных, временно вышедших из-под контроля, предателями, независимо от обстоятельств, приведших их за границу, и независимо от того, как вели себя эти люди в той, чужой стороне». В особенности это касалось военнопленных. Вот почему «после репатриации сотни тысяч бывших фронтовиков оказались в лагерях Отчизны». Не обошла такая горькая участь и многих оstarбайтеров. Сама же репатриация с ее обязательной унижительной для человеческого достоинства фильтрацией, скитаниями в сборно-пересылочных лагерях и в дороге тоже оказалась нелегким испытанием для миллионов пленников.

Работы ученых А. С. Чайковского «За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939 – 1953 гг.)»,²¹⁰ В. В. Левикина «Деякі аспекти працевикористання іноземних військовополонених у Радянському Союзі (1944 – 1950 роки)» («Некоторые аспекты трудоустройства иностранных военнопленных в Советском Союзе (1944 – 1950 годы)»,²¹¹ «Про процес репатріації німецьких військовополонених з СРСР у 1945 – 1956 роках» («О процессе репатриации немецких военнопленных с СССР в 1945 – 1956 годах»),²¹² А. В. Потыльчака «Смертність серед німецьких військовополонених в СРСР: історико-демографічний аналіз проблеми» («Смертность среди немецких военнопленных в СССР: историко-демографический анализ проблемы»),²¹³ «Табори для військовополонених в Україні та репатріаційні заходи радянського уряду (1953 – 1954 рр.)» («Лагеря для военнопленных в Украине и репатриаци-

онные мероприятия советского правительства (1953 – 1954 гг.)»²¹⁴ в украинской историографии положили начало разработке достаточно интересной в исследовательском плане темы вестарбайтеров.

Исследованиям системы функционирования почтовой службы в оккупированной Украине, внешних признаков разных видов почтовых открыток украинских принудительных рабочих и советских военнопленных посвятили свой научный поиск В. Могильный [«Пошта «остарбайтерів» (робітників зі Сходу)» («Почта «остарбайтеров» (рабочих с Востока)»²¹⁵), «Листування «остарбайтерів»: заадресування» («Переписка «остарбайтеров»: адресация)»,²¹⁶ «Великодні листівки для «остарбайтерів» («Пасхальные открытки для «остарбайтеров»)»²¹⁷] и В. Анголенко [«Пошта в Україні за німецької окупації: маловідомі факти» («Почта в Украине во время немецкой оккупации: малоизвестные факты)»²¹⁸]; проявлений человечности, милосердия и взаимопомощи между украинцами и немцами – В. П. Педак («Сердце заставляет меня сказать правду»²¹⁹), Г. Лич-Аппах («Между жестокостью и добром»²²⁰).

Украинские ученые Г. Боряк, М. Дубик, Н. Маковская в работах «Нацистское золото» с Украины: в поисках архивных свидетельств»²²¹ поднимают проблему компенсации. Они подчеркивают, что миллионные изгнания населения Украины в Германию классифицировались советскими учеными лишь как каторга с тяжелыми условиями труда и быта остарбайтеров. То же самое можно сказать и о военнопленных. Табу на оглашение количества пленных продолжительное время не давало возможности историкам сделать даже элементарные выводы об их участии в экономической жизни Третьего рейха. Совсем не рассматривался экономический эффект труда остарбайтеров и военнопленных.

Данную проблему достаточно аргументированно анализирует и упомянутая О. В. Буцько в научной статье «В неоплаченном долгу: к вопросу о компенсации труда рабов Третьего рейха».²²²

В активе украинских исследователей в последнее время появились также работы источниковедческого характера, посвященные теме остарбайтеров: Т. В. Пастушенко «Листи як джерело вивчення проблеми українських «остарбайтерів» періоду Другої світової війни» («Письма как источник изучения проблемы украинских «остарбайтеров» периода Второй мировой вой-

ны»),²²³ «Спогади «остарбайтерів» – інший погляд на війну» («Воспоминания «остарбайтеров» – другой взгляд на войну»),²²⁴ «Остарбайтери Київщини: історико-статистичний та джерелознавчий аналіз» («Остарбайтеры Киевщины: историко-статистический и источниковедческий анализ»),²²⁵ А. Мелякова «Матеріали фільтраційних справ як історичне джерело: спроба класифікації» («Материалы фильтрационных дел как исторический источник: попытка классификации»),²²⁶ «Листи українців-остарбайтерів: різновиди, зміст, класифікація» («Письма украинцев-остарбайтеров: разновидности, содержание, классификация»),²²⁷ «Про можливості застосування табличного методу обробки листів українських «остарбайтерів» («О возможности применения табличного метода обработки присем украинских «остарбайтеров»),²²⁸ М. Ковальського, В. Ченцова «Фільтраційні справи – невідомі джерела державних архівів» («Фильтрационные дела – неизвестные источники государственных архивов»),²²⁹ В. Чирковой «Листи остарбайтерів як приклад документів особового походження» («Письма остарбайтеров как пример документов личного происхождения») ²³⁰ и др.

Ряд научних статей, в которых затрагивается тема остарбайтеров, вынес на суд общественности автор этой работы. В частности, тому же источниковедчеству посвящены публикации «Джерела до вивчення історії «остарбайтерів» («Источники к изучению истории «остарбайтеров»),²³¹ «Листи «остарбайтерів» з Поділля як документальне джерело про їхнє життя в нацистському рейху» («Письма «остарбайтеров» с Подолии как документальный источник об их жизни в нацистском рейхе»),²³² своеволию гитлеровцев на Подолии, принудительным методам депортации гитлеровскими оккупантами гражданского населения края, нечеловеческим условиям транспортировки будущих каторжан из родных мест в нацистский рейх – «Нацистський геноцид на Вінниччині» («Нацистский геноцид на Виннитчине»),²³³ «Німецько-фашистський окупаційний режим на Вінниччині: цивільне населення – жертва терору і насильства» («Немецко-фашистский оккупационный режим на Виннитчине: гражданское население – жертва террора и насилия»),²³⁴ «Остарбайтери Поділля: поліційно-адміністративні заходи нацистів у проведенні депортації населення до Німеччини» («Остарбайтеры Подолии: полицейско-административные мероприятия нацистов в проведении депортации населения в Германию»),²³⁵ «Етапування «східних робітників» з Поділля в нацистське рабство»

(«Этапирование «восточных рабочих» с Подолии в нацистское рабство»),²³⁶ «Депортації населення Поділля до Німеччини в роки Другої світової війни» («Депортации населения Подолии в Германию в годы Второй мировой войны»),²³⁷ грабительской политике румынских агрессоров – «Використання румунською окупаційною адміністрацією трудових ресурсів Поділля у 1941 – 1944 рр.» («Использование румынской оккупационной администрацией трудовых ресурсов Подолья в 1941 – 1944 гг.»),²³⁸ «Політика румунської окупаційної влади на території Північної «Трансністрії» («Политика румынской оккупационной власти на территории Северной «Транснистрии»),²³⁹ «Особливості депортації цивільного населення з території Трансністрії на роботи до Німеччини» («Особенности депортации гражданского населения с территории Транснистрии на работы в Германию»),²⁴⁰ о нечеловеческих условиях жизни и труда остарбайтеров-подолян в гитлеровской «империи» – «Подільські остарбайтери» у нацистському рейху: умови праці та побуту» («Подольские «остарбайтеры» в нацистском рейхе: условия труда и быта»),²⁴¹ «Культурно-духовні обмеження як форма дискримінації «остарбайтерів»-подолян у нацистському рейху» («Культурно-духовные ограничения как форма дискриминации «остарбайтеров»-подолян в нацистском рейхе»),²⁴² сопротивлению подолян оккупантам – «Боротьба радянських партизанів і підпільників проти масової депортації населення Поділля в нацистську Німеччину» («Борьба советских партизан и подпольщиков против массовой депортации населения Подолии в нацистскую Германию»),²⁴³ «Сили національно-визвольного спрямування на теренах Поділля в період нацистської окупації краю» («Силы национально-освободительной ориентации на территории Подолии в период нацистской оккупации края»),²⁴⁴ «Протидія заходам нацистської окупаційної влади по депортації в Німеччину (1942 – 1944 рр.)» («Сопротивление мероприятиям нацистской оккупационной власти по депортации в Германию (1942 – 1944 гг.)»),²⁴⁵ сопротивлению принудительных рабочих-подолян за пределами Отчизны – «Опір та боротьба «остарбайтерів»-подолян у фашистській неволі» («Сопротивление и борьба «остарбайтеров»-подолян в фашистской неволе»),²⁴⁶ репатриации – «Організаційні заходи Радянського Союзу з підготовки до репатріації переміщених осіб» («Организационные мероприятия Советского Союза по подготовке к репатриации перемещенных лиц»),²⁴⁷ «Антигітлерівська коаліція і питання репатріації «схід-

них робітників» («Антигитлеровская коалиция и вопросы репатриации «восточных рабочих»),²⁴⁸ «Фільтрація як обов'язковий елемент репатріації «східних робітників» («Фильтрация как обязательный элемент репатриации «восточных рабочих»),²⁴⁹ «Ідеологічні аспекти репатріації «остарбайтерів»-подолян в умовах «холодної війни» («Идеологические аспекты репатриации «остарбайтеров»-подолян в условиях «холодной войны»),²⁵⁰ «Ставлення державно-партійної влади СРСР та УРСР до «остарбайтерів» («Отношение государственно-партийной власти СССР и УССР к «остарбайтерам»).²⁵¹

Наиболее важные положения и выводы, апробированные в названных статьях, обобщены в кандидатской диссертации «Остарбайтери» з Поділля (1942 – 1947 рр.)» («Остарбайтеры» с Подолии (1942 – 1947 г.г.)),²⁵² монографическом исследовании «Східні робітники» з Поділля у Третьому рейху» («Восточные рабочие» с Подолии в Третьем рейхе»).²⁵³

Определенные аспекты темы принудительных рабочих освящены в диссертационных работах украинских ученых: И. С. Тарнавского «Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941 – 1943 рр.)» («Немецко-фашистский оккупационный режим на Донбассе (1941 – 1943 г.г.)»²⁵⁴), В. М. Удовика «Німецько-фашистський окупаційний режим (1941 – 1944 рр.) на території генеральної області «Київ» (Київська та Полтавська області)» («Немецко-фашистский оккупационный режим (1941 – 1944 г.г.) на территории генеральной области «Киев» (Киевская и Полтавская области)»²⁵⁵), П. В. Рекотова «Німецько-фашистський режим в Україні 1941 – 1944 рр. (Історико-правовий аспект)» («Немецко-фашистский режим в Украине 1941 – 1944 г.г. (Историко-правовой аспект)»²⁵⁶ Е. С. Максимчука «Діяльність державних комісій з розслідування злочинів нацистів на території України (1941 – 1951 рр.): типово-видовий склад та інформаційний потенціал джерельного комплексу» («Деятельность государственных комиссий по расследованию преступлений нацистов на территории Украины (1941 – 1951 г.г.: типово-видовой состав и информационный потенциал источниковедческого комплекса»),²⁵⁷ некоторых других.

Однако в целом фундаментальные проблемы, касающиеся остарбайтеров, в частности из Украины, еще не нашли полного и глубокого освещения в работах историков, как бывших советских, так и западных, недостаточно разработаны

в украинской историографии. Опубликованные же разные по содержанию, направленности, научной ценности аналитическо-теоретические наработки, результаты исследований и анализа документальных источников в совокупности отразили концептуальные и структурные компоненты темы лишь в определенной степени. Поднятые ими проблемы в большинстве носят фрагментарный, локальный или же довольно общий характер.

В украинской исторической науке отсутствуют работы, которые бы в полном объеме рассматривали проблему остарбайтеров на региональном уровне.

Данная монография является первой попыткой заполнить этот существенный пробел. Она также призвана углубить научное осмысление темы украинских остарбайтеров, расширить спектр проблем, оставшихся по ряду причин вне внимания исследователей: отечественных – из-за продолжительной невозможности доступа к важным архивным источникам и идеологической закомплексованности и ограниченности, продолжительное время характерной для советского общества; зарубежных: из-за отсутствия дифференцированного подхода и интереса к собственно украинской проблематике в вопросах Второй мировой войны (для многих западных ученых Украина как таковая, вообще не существовала. Были лишь Советский Союз и сборное понятие "Россия". Досадно, но от этих стереотипов многие не избавились на Западе и по настоящее время).

В вынесенной на суд читателей работе на фактическом материале подольского региона Украины исследуется политика и практические действия нацистского оккупационного режима по насильственной мобилизации человеческих ресурсов края, дискриминация, условия жизни и каторжный труд остарбайтеров из Винницкой и Хмельницкой областей в военной промышленности и сельском хозяйстве нацистского рейха, сопротивление подолян гитлеровским планам в рядах патриотического подполья, советских партизан, сил национально-освободительной ориентации, европейского движения Сопротивления. Анализируется механизм репатриации, а также отношение партийно-государственного руководства СССР и УССР к репатриантам.

В работе использованы документы Государственного ар-

хива Российской Федерации, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Центрального государственного архива общественных объединений Украины, малоисследованные фонды государственных архивов Винницкой и Хмельницкой областей, пресса оккупационного периода, многочисленные советские, отечественные, а также зарубежные источники. Целый ряд архивных документов вводится в научный оборот впервые.

Учитывая необходимость освещения исторической правды об одной из наиболее социально пострадавших от нацизма категории населения, – остарбайтерах, – работа представляется **важной и актуальной**, в том числе и для освещения отечественной истории.

¹ Лисенко О. Є. Проблема “остарбайтерів” як предмет соціальної історії // “...То була неволя”: Спогади та листи остарбайтерів / Гол. ред. В. А. Смолій. Ред. кол.: О. С. Артемов, В. С. Кульчицький, О. Є. Лисенко та ін. Упорядн.: Т. В. Пастушенко, М. Ю. Шевченко. – К., 2006. – С. 8.

² Репатриация советских граждан: Сборник официальных материалов. - М.: Воениздат, 1945. - 51 с.

³ Вистинецький М. А. Родина знає про твої муки. - М.: Воениздат, 1945. - 165 с.

⁴ Брычев Н. Домой на Родину! - М.: Воениздат, 1945. - 216 с.

⁵ Хазанович Ю. Этого нельзя забыть. – М.: Воениздат, 1945. – 36 с.

⁶ Они вернулись на Родину! / Альбом. – М: Управление Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации советских граждан, 1948. – 98 с.

⁷ Лабин Л. О. О перемещенных лицах // Новое время. 1947. - № 21. – С. 1 – 3.

⁸ В фашистском аду: Рассказы советских людей, побывавших в гитлеровской неволе. – М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. – 47 с.

⁹ На фашистской каторге: Рассказы репатриированных жителей Дона. – Ростов-н/Д, 1946. – 87 с.

¹⁰ Письма из немецкого рабства. – М., 1943. – 52 с.

¹¹ Советские люди на немецкой каторге: Сб. – М.: Госполитиздат, 1943. – 52 с.

¹² Заславский Д. Смерть и муки советских людей, побывавших в гитлеровской неволе. – М.: Воениздат НКО, 1943. – 47 с.

¹³ Леснов М. Твой долг перед Родиной. – М., 1945. – 36 с.

¹⁴ Сліди фашистських звірів. – Київ; Харків: Укрдержвидав, 1944.

¹⁵ Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. - Москва, 1945.

¹⁶ Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М.: Госполитиздат, 1946. – 460 с.

¹⁷ ЦГАВОВУ Украины, ф. 4620, оп. 3, д. 241; ф. Р – 2, оп. 7, д. 2738.

¹⁸ Листи з фашистської каторги: Збірник листів радянських громадян, які були вигнані на каторжні роботи до фашистської Німеччини / За ред. Ф. Шевченка. – К.: Українське видавництво політичної літератури, 1947. – 158 с.

¹⁹ Люди Радянської Житомирщини про німецьку каторгу: Збірник листів та спогадів. – Житомир, 1948.

²⁰ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. - В 2-х т. / Под ред. К. П. Го-

решина (гл. ред.) і др. – М.: Госюриздат, 1954 -1955; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. - В 7-и т. / Под общей ред. Р. А. Руденко. – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1957 - 1961; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. - В 3-х т. / Под ред. Р. А. Руденко. – М.: Юридическая литература, 1965 – 1966.

²¹ Преступные цели - преступные средства... - М., 1985.

²² "Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР / Документы и материалы. – М.: Наука, 1967.

²³ Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1971. – 527 с.

²⁴ СС в действии: Документы о преступлениях СС / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1999. – 624 с.

²⁵ Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні: Збірник документів і матеріалів. – К.: Політвидав України, 1963. - 488 с.

²⁶ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945: Документы и материалы. - В 3-х т. – К.: Наукова думка, 1980.

²⁷ "Історія застерігає»: Трофейні документи про злочини німецько-фашистських загарбників та їх пособників на тимчасово окупованій території України в роки Великої Вітчизняної війни. – К.: Політвидав України, 1986. - 264 с.

²⁸ Днепровская область в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941 - 1945 гг.): Сборник документов и материалов. – Днепропетровск: Кн. изд - во, 1962. - 362 с.

²⁹ Житомирщина у Великій Вітчизняній війні 1941 – 1945 гг.: Збірник документів і матеріалів. – К.: Наукова думка, 1969. - 291 с.

³⁰ Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945 гг.): Сборник документов. – Запорожье: Кн.-газ. изд-во, 1959. - 363 с.

³¹ Киевщина в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945: Сборник документов. – К.: Обл. кн.-газ. изд-во, 1963. - 736 с.

³² Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945: Сборник документов и материалов. – Симферополь: Таврия, 1973. - 494 с.

³³ Львівщина у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945): Збірник документів і матеріалів. Львів: Каменяр, 1968. – 408 с.

³⁴ Сумская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941 - 1945 гг.): Сборник документов и материалов. – Харьков: Кн. изд-во, 1963. – 458 с.

³⁵ Харьковщина в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 - 1943 гг.): Сборник документов и материалов. – Харьков: Прапор, 1965. - 428 с.

³⁶ Херсонская область в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945): Сборник документов и материалов. – Симферополь: Таврия, 1975. - 320 с.

³⁷ Поділля у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945 рр.): Збірник документів і матеріалів. – Львів: Каменяр, 1969. – 416 с.

³⁸ Вінниччина в роки Великої Вітчизняної війни (1941 – 1945 рр.): Збірник документів і матеріалів. – Одеса: Маяк, 1971. - 308 с.

³⁹ Київський процес: Документи та матеріали /Упор. Л. М. Абраменко. – К.: Либідь, 1995. - 208 с.

⁴⁰ Архіви окупації. 1941 – 1944 / Держкомархів України; Упоряд. Н. Маковська. – К.: Видавн. дім "Києво-Могилянська академія", 2006. – Т. 1. – 872 с.

⁴¹ Україна в Другій світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1939 – 1941). – Т. 1. – Львів, 1998. – 000 с.; Україна в Другій світовій війні

у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1941 – 1942). – Т. 2. – Львів, 1998. – 383 с.; Україна в Другій світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1942 – 1943). – Т. 3. – Львів, 1999. – 382.; Україна в Другій світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1944 – 1945). – Т. 4. – Львів, 2000. – 384 с.

⁴² *Стецкевич В. В.* Україна в роки навали 1941 – 1945 рр.: спроба аналізу сучасного історіописання окупаційної доби та актуалізації проблеми // *Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України.* – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 1. – С. 176.

⁴³ На это обращает внимание А. Е. Лысенко в своей работе “Проблеми “остарбайтерів” як предмет соціальної історії” (“...То була неволя”... – С. 9).

⁴⁴ *Остарбайтери: спогади жителів Рівненщини, вивезених гітлерівцями на каторжні роботи до Німеччини / Упор. О. Г. Царик; ред. В. Ячук.* – Рівне, 1996. – 113 с.

⁴⁵ *Пам’ять заради майбутнього: Спогади / Вид 2-е, доп.* – К., 2003. – 568 с. (В сборнике печатаются также воспоминания узников нацистских концлагерей).

⁴⁶ *Остарбайтери: Спогади, статті.* – Севастополь, 2002. – 43 с.

⁴⁷ *Смерека В.* В німецькій неволі. 1942 – 1944. – Ужгород, 1998.

⁴⁸ *Демчина А.* Зі Сходу на Захід. – К., 2000. – 296 с.

⁴⁹ *Волович О. І.* Спомин про “світле минуле” / В. Бондар (ред.). – Кіровоград, 2003. – 78 с.

⁵⁰ *Сидоренко О. В., Котляр В. Ф.* Книга українських “остарбайтерів”. – Полтава, 2005. – 153 с.

⁵¹ *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / Пер. с. англ. – М., 2003.

Влияние устных источников на отдельные области исторических исследований, их комплексное использование наряду с традиционными документальными материалами и, как следствие, их влияние на сам способ написания и изучения истории П. Томсон анализирует в отдельном разделе «Голоса прошлого» – «Достижения устной истории» (*Томпсон П. Голос прошлого... – С. 88 – 132*). На сегодняшний день эта работа известного британского ученого, признанного специалиста в области устной истории, редактора-основателя журнала «Устная история» и директора Национальной коллекции жизненных историй в национальном архиве звукозаписей Великой Британии, трижды переизданная, в 2003 г. переведенная на русский язык и напечатанная в московском издательстве «Весь мир», является лучшим систематическим исследованием теоретических аспектов и методических подходов, исторического анализа и практических рекомендаций по проведению устно-исторических исследований.

Несколько раз переиздавался и сборник наиболее известных устно-исторических исследований “Oral History Reader” – «Хрестоматия по устной истории» под редакцией руководителя устно-исторического отдела Британского национального архива звукозаписей Роберта Перкса и одного из редакторов британского специализированного журнала «Устная история» Алистера Томсона (*The Oral History Reader / R. Perks, A. Thomson (Ed.). – London, New York, 2002*). Сгруппированные тематически статьи представляют собой критические исследования метода устной истории, практические рекомендации и анализ проведенных интервью, размышления об интерпретативном потенциале и возможностях, способах использования устных свидетельств при написании исторических исследований.

Некоторые из работ, изданных в “Oral History Reader”, вошли в первую на постсоветском пространстве хрестоматию по устной истории, изданную Европейским университетом в Санкт-Петербурге (*Хрестоматия по устной исто-*

рии / Пер., сост., введение, общ. ред. Лоскутовой М. В. – СПб, 2003), в которую собраны исследования ведущих специалистов в области устной истории – Алесандро Портелли, Пола Томпсона, Алистера Томсона, Тамары Харевен, Луизы Пассерини и др. (Грінченко Г. Г. *Усна історія як метод і джерело дослідження* // "...То була неволя"... – С. 31).

См. также:

Усна жіноча історія. Повернення. Історіографія сільських жінок в контексті суспільно-історичних факторів радянського і пережидних періодів. – К., 2003.

Грінченко Г. Г. Устно-исторические исследования на страницах журнала "Oral History Review" (2001 – 2002 гг.) // Вісник Харківського національного університету, 20003. – Серія "Історія". – Вип. 35. - № 594. – С. 342 – 349.

Грінченко Г. Г. Особенности реконструкции прошлого в устных свидетельствах бывших оstarбайтеров // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К, 2004. – Вип. 8. – Ч. 1. – С. 52 – 58.

⁵² Пастушенко Т. Спогади "остарбайтерів" – інший погляд на війну // "...То була неволя"... – С. 66.

⁵³ Невигадане. Усні історії оstarбайтерів / Автор-упоряд., ред., вступ. ст. Г. Г. Грінченко. – Харків: Видавничий Дім "Райдер", 2004. – 236 с.

⁵⁴ "...То була неволя": Спогади та листи оstarбайтерів / Гол. ред. В. А. Смолій. Ред. кол.: О. С. Артемов, С. В. Кульчицький, О. Є. Лисенко та ін. Упоряд.: Т. В. Пастушенко, М. Ю. Шевченко. – К., 2006. – 543 с.

⁵⁵ Помним: Материалы и документы о херсонцах – бывших узниках фашизма / Под ред. Бардачева Ю. Н. - Херсон, 1998. –150 с.

⁵⁶ Ост: клеймо неволі: Збірник матеріалів і документів. – Кіровогр.: Мавік, 2000.

⁵⁷ Україна сниться...: Неотримані листи подолян, відправлені з Німеччини у 1942 – 1943 рр. / Передмова О. Алтухова, М. Слободян. – Хмельницький, 1995. – 142 с.

⁵⁸ Ясир: листи, оповідання і народна творчість у німецькій неволі / Зібрав і впорядкував О. Воропай. – Лондон: Укр. вид. Спілка, 1966. – 66 с.

⁵⁹ Воропай О. (09.11.1913, Одесса – 1989, Лондон) – етнограф, фольклорист, доктор славянской этнологии, доктор естественных наук. Окончил Агрономическую академию (1940 г.). Работал агрономом, учителем в с. Вороновице под Винницей. Во время Второй мировой войны организовал группу молодежи, ставившей целью борьбу за самостоятельную Украину. Депортирован в Германию. Затем жил и работал в Англии.

⁶⁰ В боротьбі за Українську державу. Есеї, спогади, свідчення, літописання, документи Другої світової війни / За ред. М. Марунчака. – Вінніпег, 1990. – С. 925 – 989.

⁶¹ Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры. История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию (Вторая мировая война) / Документы и воспоминания. – 2000. – 250 с.

⁶² Феденко С. Розлука: спогади Другої світової війни. – К.: Смолоскип, 1996. – 535 с.

⁶³ Сайц Н. На перехрестях долі. – Львів, 1996. – 152 с.

⁶⁴ Белорусские оstarбайтеры: Документы и материалы / Сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. / В 3 кн.: Кн. 1. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 – 1942). – Мн.: НАРБ, 1996. - 306 с.; Кн. 2. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1943 - 1944). – Мн.: НАРБ, 1997. – 472 с.; Кн. 3, часть 1. Репатриация (1944 - 1951). – Мн.: НАРБ, 1998. - 368 с. Кн. 3, часть 2. Репатриация (1944 - 1951). – Мн.: НАРБ, 1998. - 310 с.

⁶⁵ *Маковська Н.* Вступ // Архіви окупації... - С. 10.

⁶⁶ *Легасова Л., Шевченко М.* Колекція документів Меморіального комплексу "Національний музей історії Великої Вітчизняної війни 1941 – 1945 років" з проблеми дослідження історії українських "остарбайтерів" // "...То була неволя"... – С. 15 – 28.

⁶⁷ Информационные источники, содержащиеся в свидетельствах и заявлениях граждан, протоколах опросов, воспроизводят не только сведения персонального уровня (ущерб, причиненный населению, вывоз граждан в Германию), но и дает основания для обобщений относительно злодеяний на оккупированной территории. Как специальный вид документов, свидетельства и заявления потерпевших служили обоснованием для сводных актов. В то же время содержащаяся в этих источниках информация требует критического подхода, поскольку показания могли даваться умышленно искаженными, с целью расплаты, и использовались партийными органами для преследований.

⁶⁸ *Максимчук Є. С.* Діяльність державних комісій з розслідування злочинів нацистів на території України (1941 – 1945 рр.): типово-видовий склад та інформаційний потенціал джерельного комплексу // Автореферат дис... на здобуття наук. ст. кандидата істор. наук. – К., 2007. – С. 8.

⁶⁹ В последнее время в Германии и Австрии появляются публикации документов отдельных земельных архивов и их каталогов, например, государственного архива в Тюрингии (*Zwangsarbeiter in Suedthueringen waehrend des Zweiten Weltkrieges: Archivalisches Quelleninventar. – Schriften des Thueringischen Staatsarchivs Meiningen, Band 2. – 1995*). В этом каталоге содержится статья о причинах и формах массового использования труда иностранных рабочих в Германии, а также особенностях использования принудительного труда в Южной Тюрингии, список литературы по теме. Основной частью этой публикации является подробный перечень архивных источников по теме с внутрифондовыми описями государственного архива и коммунальных архивов Южной Тюрингии. В дополнениях помещены фотографии отдельных документов. Этот перечень очень ценен, поскольку он освещает состояние сохранности источниковедческой базы в отдельном регионе, содержит названия предприятий, на которых использовался принудительный труд (*Дубик М.* *Проблема примусової праці робітників з України під час Другої світової війни у сучасних наукових виданнях* // "...То була неволя"... – С. 45). Аналогичное издание было посвящено принудительному труду в Лангенфельде (*Zwangsarbeit in Langenfeld 1939 – 1945. Eine Dokumentation des Stadtarchivs. – Langenfeld, 2000*)...

⁷⁰ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1952.

⁷¹ *Супруненко Н. И.* Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941 - 1945 гг.). – К., 1956.

⁷² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 - 1945 гг. - В 6-и т. – М.: Воениздат, 1960 – 1965.

⁷³ История второй мировой войны, 1939 – 1945. - В 12-и т. – М.: Воениздат, 1973 –1982.

⁷⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. - В 6-и т. – Т. 5. - Кн 1. - М.: Политиздат, 1960.

⁷⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. - В 12-и т. – Т. 10. – М., 1973.

⁷⁶ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941 - 1945 гг. - В 3-х т. – К.: Политиздат Украины, 1975.

⁷⁷ Історія Української РСР. – Т. 7: Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу (1941 – 1945). – К.: Наукова думка, 1977. - 536 с.

- ⁷⁸ *Загорулько М., Юденков А.* Крах плана «Ольденбург»... - М., 1974.
- ⁷⁹ *Тронько П. Т.* Подвиг твоїх батьків: З історії боротьби комсомольців і молоді Радянської України проти німецько-фашистських загарбників у період Великої Вітчизняної війни 1941 - 1945 рр. - К.: Молодь, 1968. - 433 с.
- ⁸⁰ *Тронько П. Т.* Бессмертие юнных: С истории борьбы комсомольского подполья Украины в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. - М.: Молодая гвардия, 1958. - 168 с.
- ⁸¹ *Стафійчук І. П.* Комсомол України в партизанському русі: Політична робота серед населення окупованих районів. - М.: Мисль, 1968. - 98 с.
- ⁸² *Мольченко В., Петров М.* Героїчні подвиги молоді України в тилу ворога в роки Великої Вітчизняної війни. - К., 1958. - 36 с.
- ⁸³ *Будьонна Л.* Комсомол у підпільній партизанській боротьбі проти німецько-фашистських загарбників (червень 1941 - березень 1944 року): на матеріалах Вінницької, Житомирської та Хмельницької областей / Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. - К., 1969. - 263 с.
- ⁸⁴ *Будьонна Л.* Участь комсомольців Житомирщини та Поділля у партизанській боротьбі (червень 1941 - листопад 1942 рр.) // Український історичний журнал. - 1970. - № 7. - С. 104 - 105.
- ⁸⁵ *Бабій М.* Комуністична партія - натхненник і організатор боротьби трудящих Поділля проти німецько-фашистських загарбників у роки Великої Вітчизняної війни (червень 1941 - березень 1944) / Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. - К., 1967. - 284 с.
- ⁸⁶ *Бабій М., Кравчук В.* Партизанськими стежками Вінниччини. - Одеса: Маяк, 1975. - 41 с.
- ⁸⁷ *Гуменюк С. К.* Проскурівське підпілля. - Хмельницький: Обл. організація т-ва «Знання», 1982. - 29 с.
- ⁸⁸ *Доманк А. С., Сбойцаков М. І.* Шепетовские подпольщики. - М.: Политиздат, 1972. - 160 с.
- ⁸⁹ *Клоков В., Кулик І., Слинько І.* Народна боротьба на Україні в роки Великої Вітчизняної війни. - К.: Видав. АН УРСР, 1983. - 220 с.
- ⁹⁰ *Кондратенко Л. В.* Крах экономических планов немецко-фашистских захватчиков на Украине. - К.: Наукова думка, 1980. - 106 с.
- ⁹¹ *Немятый В. Н.* Всенародная борьба населения Украины против экономических мероприятий фашистских оккупантов на Украине, 1941 - 1944. - К.: Знание, 1980. - 62 с.
- ⁹² *Немятый В. Н.* В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии. - К.: Политиздат Украины, 1982.
- ⁹³ *Шаталин Н. И.* Партия большевиков - вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне Советского Союза. - М., 1947. - 68 с.
- ⁹⁴ *Немятый Н. И.* КПСС - вдохновитель и организатор Победы советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. / Сб. материалов конф. - К., 1988. - С. 8 - 10.
- ⁹⁵ *Буцько М.* Воєнно-організаторська діяльність Компартії України в перші роки Великої Вітчизняної війни. - К.: Політвидав України, 1969.
- ⁹⁶ *Григорович Д. Ф.* Идеино-политическая деятельность Компартии Украины в годы Великой Отечественной войны. - К.: Политиздат Украины, 1983. - 166 с.
- ⁹⁷ *Мазило В. М.* Компартия України - організатор українського народу на боротьбу проти німецько-фашистських загарбників у перший період Великої Вітчизняної війни (червень 1941 - листопад 1942) // Доповіді і повідомлення кафедр інституту на звітній науковій сесії. - Вип. 1. - Вінниця, 1965. - С. 3 - 6.

- ⁹⁸ *Бабій М. Л.* Парти́йне керівництво антифашистською боротьбою на Вінниччині // Український історичний журнал. – 1964. - № 3. – С. 41 – 49.
- ⁹⁹ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941 - 1944 гг.). – М.: Политиздат, 1965. - 388 с.
- ¹⁰⁰ *Слинько И. И.* Угон населения Украины в фашистское рабство / Нем.-фаш. оккупационный режим. – С. 219 - 230.
- ¹⁰¹ *Коваль М.* Борьба населения Украины против фашистского рабства. – К., 1979.
- ¹⁰² *Коваль М. В.* Український народ у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945) // Український історичний журнал. – 1990. - № 3. – С. 88 – 95.
- ¹⁰³ *Шевяков А. А.* Гитлеровский геноцид на территориях СССР / СИ. – 1991. - № 12. – С. 3 – 11.
- ¹⁰⁴ *Першина Т.* Фашистский геноцид на Украине 1941 – 1944. – К.: Наукова думка, 1985. - 163 с.
- ¹⁰⁵ *Кривошеев Г. Ф.* В первых сражениях // Военно-исторический журнал. – 1991. - № 2. – С. 10 – 16; *Николаець Ю. О.* Дезертирство із лав Червоної армії в Україні на початкових етапах Великої Вітчизняної війни // 3 архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. – 1997. - № 1 – 2.
- ¹⁰⁶ *Дугин А.* Сталинизм (Легенды и факты) // Слово. 1990. - № 7. – С. 23 – 26.
- ¹⁰⁷ *Козлов В. И.* О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов // История СССР. - № 2. – С. 132 – 139; *Михлев С. Н.* Боевые потери в стратегических наступательных операциях Советской Армии. 1941 – 1945 гг. // Военно-исторический журнал. – 1991. - № 11. – С. 11 – 18; *Соколов Б. В.* О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1988. - № 9. – С. 116 – 126; *Соколов Б. В.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – М.: Московский рабочий, 1991. – 192 с.
- ¹⁰⁸ *Ващенко Н. В.* Из жизни военнопленного // Всерос. мемуарная б-ка. Серия: Наше недавнее. – Париж: YMCA-Press, 1987. – Вып. 7. – С. 242 – 276; *Палуї П. Н.* В немецком плену // Всерос. мемуарная б-ка. Серия: Наше недавнее. – Париж: YMCA-Press, 1987. – Вып. 7. – С. 3 – 241.
- ¹⁰⁹ *Брюханов А.* Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. – М.: Госполитиздат, 1958. – 208 с.
- ¹¹⁰ *Лабин Л. О.* О перемещенных лицах // Новое время. – 1947. - № 21. – С. 1 – 3.
- ¹¹¹ *Земсков В. Н.* К вопросу о репатриации советских граждан 1944 - 1951 гг. / История СССР. – 1990. - № 4. – С. 26 – 41.
- ¹¹² *Шевяков А. А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупированных зонах государств антигитлеровской коалиции / Население России в 1920 - 1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. науч. трудов. - Москва, 1994. – С. 195 – 222.
- ¹¹³ *Шевяков А. А.* «Тайны» послевоенной репатриации // Социс. – 1993. - № 8. – С. 3 – 12.
- ¹¹⁴ *Земсков В. Н.* Репатриация советских граждан в 1945 – 1946 годах: Опираясь на документы // Россия XXI. – 1993 (а). - № 5. – С. 74 – 81.
- ¹¹⁵ *Земсков В. Н.* Некоторые проблемы репатриации советских перемещенных лиц // Россия XXI. – 1995. - № 5 – 6. – С. 183 – 192.
- ¹¹⁶ *Земсков В. Н.* «Спецпоселенцы (по документам НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. – 1990. - № 11. – 3 – 17.
- ¹¹⁷ *Земсков В. Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба

(1944 – 1956 гг.) // СИ. – 1995 (а). - № 5. – С. 3 – 13.

¹¹⁸ *Земсков В. Н.* Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество. 1941 – 1945: В 2-х кн. / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов; Ин-т российской истории. – Кн. 2. – М., 2004. – С. 331 – 359.

¹¹⁹ *Пьянков В. М.* Репатриации и труд военнопленных как источник восстановления экономики СССР после Второй мировой войны. – СПб, 1999.

¹²⁰ *Фурсенко В. Г.* Ди-пи: дни и годы // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов. – М.: РГГУ. – 1997. – С. 96 – 135.

¹²¹ *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Тетьем Рейхе. – М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. – 442 с.

¹²² *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М.: РОССПЭН, 2002. – 896 с.

¹²³ *Пастушенко Т. В.* Репатриация українських «остарбайтерів» на Батьківщину: 1944 – 1947 рр. // Сторінки воєнної історії України: Сб. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Ч. 3. – С. 123.

¹²⁴ *Полян П.* «Вестарбайтеры»: интернированные немцы в СССР (предистория, история, география) / Учебное пособие для спецкурса. – Ставрополь; Москва: Изд-во СГУ, 1999. – 48 с.

¹²⁵ *Полян П. М.* Вестарбайтеры. Интернированные немцы на советских стройках // Родина. – 1999 (а). - № 9. – С. 21 – 25.

¹²⁶ *Полян П. М.* «Репарации трудом»: мотивы и предистория послевоенного трудоустройства «интернированных и мобилизованных» - немецких гражданских лиц в СССР // Проблемы военного плена: история и современность / Материалы международной научно-практической конференции 23 – 25 октября 1997 г. – Ч. 2. – Вологда, 1997. – С. 59 – 67.

¹²⁷ *Нелипович С. Г.* Репрессии против подданных «центральных держав» // ВИЖ. – 1996. - № 6. – С. 32 – 42.

¹²⁸ *Семиряга М.* Приказы, о которых мы не знали: Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время. – 1994. - № 15. – С. 56 – 57.

¹²⁹ *Fried J. H. E.* The exploitation of foreign labour by Germany. – Montreal: International Labour Office, 1945.

¹³⁰ *Dallin A.* German Rule in Russia 1941 – 1945. A Study of Occupation Policies. Second ed. – London, 1981; First ed. – 1957.

¹³¹ *Reitlinger G.* The House Built on Sand. – London, 1960.

¹³² *Homze Ed. L.* Foreign Labor in Nazi Germany. - Princeton University Press. – Princeton, New Jersey, 1967. - 350 p.

¹³³ *Elliot M. R.* The Repatriation Issue in Soviet-American Relations 1944 – 1947. – University of Kentucky, 1974.

¹³⁴ *Bethell N.* The last secret: Forcible Repatriation to Russia 1944 – 1947. – London, 1974.

¹³⁵ *Tolstoy N.* Victims of Yalta. – London; Sydney; Auckland; Toronto, 1977; *Толстой Н.* Жертвы Ялты / Пер. с англ. У. С. Гессен // Исследование новейшей русской истории. – Париж: YNCA-Press, 1988. – Т. 7. – 540 с.

¹³⁶ *Gisevius H. B.* Bis zum bitteren Ende. Fretz und Wasmuth Verlag AG. – Zürich, 1946; Гизевийус Ханс Бернд. До горького конца. Записки заговорщика / Сокр. пер. с нем. Г. Рудого. – Смоленск: Русич, 2002. – 688 с.

¹³⁷ *Kurt von Tappelskirch.* Geschichte des zweiten Weltkrieges. - Bonn, 1954; книга издана на русском языке: *Курт фон Типпельскирх.* История Второй мировой войны. 1939 – 1945. - Санкт-Петербург; Москва: Полигон - АСТ, 1998. - 795 с.

- ¹³⁸ Bilanz des zweiten Weltkrieges: Erkenntnisse und Verpflichtungen für die Zukunft. - Hamburg, 1953; книга переиздана в России: *Типпельсхирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др.* Итоги Второй мировой войны: Выводы побежденных. - Санкт-Петербург; Москва: Полигон – АСТ. – 1998. - 634 с.
- ¹³⁹ Там же; - С. 515.
- ¹⁴⁰ Там же; - С. 509.
- ¹⁴¹ *Пастушенко Т. В.* Ульріх Герберт про політику і практику “використання іноземців” у військовій економіці Третього рейху // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2004. – Вип. 8. – Част. 1. – С. 62.
- ¹⁴² *Seeber E.* Zwangsarbeiter in der faschistischen Kriegswirtschaft. Die Deportation und Ausbeutung polnischer Bürger unter besonderer Berücksichtigung der Lage der Arbeiter aus dem sogenannten Generalgouvernement (1939 - 1945). - Berlin, 1964.
- ¹⁴³ *Drobisch K.* Die Ausbeutung ausländischer Arbeitskräfte im Flick-Konzern während des zweiten Weltkrieges, Phil. Diss., - Berlin, 1964.
- ¹⁴⁴ *Schmelzer J.* Das hitlerfaschistische Zwangsarbeitssystem und der antifaschistische Widerstandskampf der ausländischen Kriegsgefangenen und Deportierten (1939 - 1945), dargestellt unter besonderer Beachtung der IG-Farben-Betriebe im Bereich Halle -Merseburg, Phil. Diss., - Halle, 1963.
- ¹⁴⁵ *Pfahlmann H.* Femdarbeiter und Kriegsgefangene in der deutschen Kriegswirtschaft 1939 - 1945 / Beiträge zur Wehrforschung. – Darmstadt: Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft GmbH, 1968. – Bd. XVI – XVII. - 238 s.
- ¹⁴⁶ *Пастушенко Т. В.* Ульріх Герберт про політику і практику “використання іноземців” у військовій економіці Третього рейху... – С. 62.
- ¹⁴⁷ *Muller N.* Wehrmacht und Okkupation (1941 - 1944). - Berlin, 1971; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941 - 1944): О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. – М., 1974.
- ¹⁴⁸ *Umbreit H.* Die deutsche Herrschaft in den besetzten Gebieten 1942 – 1945. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Bd. 5 / 2, Stuttgart, 1999. – S. 3 – 272; *Umbreit H.* Die Verantwortlichkeit der Wehrmacht als Okkupationsarmee. In: Die Wehrmacht. Mythos und Realitaet / Hrsg. Von R.- D. Mueller und H. – E. Volkmann. – München, 1999. – S. 743 – 735.
- ¹⁴⁹ *Gerlach Ch.* Krieg, Ernaehrung, Voelkermord. Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Zuerich – Muenchen, 2001.
- ¹⁵⁰ *Streit C.* Keime Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941 – 1945. Stuttgart, 1978.
- ¹⁵¹ *Herbert U.* Fremdarbeiter: Politik und Praxis des "Ausländer-Einsatzes" in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. – Berlin; Bonn: Verlag J. H. W. Dietz Nachf. – 1986. - 494 s.
- ¹⁵² *Пастушенко Т. В.* Ульріх Герберт про політику і практику “використання іноземців” у військовій економіці Третього рейху... – С. 73 - 74.
- ¹⁵³ *Herbert U.* Europa und der “Reichseinsatz”: ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938 – 1945. – Essen: Klartex – Vel, 1991.
- ¹⁵⁴ Там же; - С. 15.
- ¹⁵⁵ *Herbert U.* Geschite der Auslaenderbeschaeftigung in Deutschland 1880 bis 1980. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gestarbeiter. – Berlin, Bonn, 1986; *Herbert U.* Zwangsarbeit in Deutschland. Sowjetische Zivilarbeiter und Kriegsgefangene 1945. In: Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941 – 1945. Essajs. – Berlin, 1991. – S. 106 – 130; *Herbert U.* Geschite der Auslaenderpolitik in

Deutschland – Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter, Fluechtlinge, 2001.

¹⁵⁶ *Jacobmeyer W.* Vom Zwangsarbeiter zum Heimatlosen Auslaender. Die Displaced Persons in Deutschland. 1941 - 1945 / Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht in Göttingen, 1985. – Bd. 65. - 324 s.

¹⁵⁷ *Gotz A.* Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. – Frankfurt am Main, 2005. – 444 s.

¹⁵⁸ *Boll B.* Zwangsarbeiter waehrend des Zweiten Weltkrieges in Baden // Zeitschrift des Breisgau – Geschichtsvereins "Schau-ins-Land". – Freiburg, 1992. - III Jahrefr. – S. 179 – 203.

¹⁵⁹ *Boll B.* "Das wird man nie mehr los..." Auslaendische Zwangsarbeit in Offenburg 1939 bis 1945. – Pfaffenweiler: Centarius-Verlagsgesellschaft, 1994. - 384 s. - (Reihe Geschichtswissenschaft; Bd. 34).

¹⁶⁰ *Bruechert H.* Zwangsarbeiter in Wiesbaden. Der Einsatz von Zwangsarbeitskraeften in der Wiesbader Kriegswirtschaft 1939 bis 1945, mit einem Beitrag von Kerstin Kersandt. – Wiesbaden, 2003.

¹⁶¹ *Neugebauer A.* "Auslaendische Arbeitskraefte sind in Baraken unterzubringen!" Kriegsgefangene, Zivil- und Zwangsarbeiter Innen waehrend des Zweiten Weltkrieges in Ruesselheim. – Ruesselheim, 2001.

¹⁶² *Heussler A.* Doppelte Entrechtung. Auslaendische Zwangsarbeiter Innen in der Muencher Kriegswirtschaft 1939 – 1945. In: Sybill Krafft (Hrsg), Zwischen den Fronten. Muencher Frauen in Krieg und Frieden 1900 – 1950. – Muenchen, 1995. – S. 308 – 323.

¹⁶³ *Dorn F., Heuer K.* Ich war immer gut zu meiner Russin. Struktur und Praxis des Zwangsarbeitersystems im Zweiten Weltkrieg in der Region Suedhessen. – Pfaffenweiler, 1991.

¹⁶⁴ *Freitag G.* Zwangsarbeiter im Lipper Land. Der Einsatz von Arbeitskraeften aus Osteuropa in der Landwirtschaft Lippes 1939 – 1945. – Bochum, 1996.

¹⁶⁵ *Ruff M.* Um ihre Jugend betrogen. Ukrainische Zwangsarbeiter / innen in Vorarlberg 1942 – 1945. Studien zur Geschichte und Gesellschaft Vorarlbergs. - Bd. 13. – Bregenz, 1997.

¹⁶⁶ *Siegfried K. J.* Das Leben der Zwangsarbeiter im Volkswagenwerk 1939 – 1945. Campus Verlag. – Frankfurt; New York, 1988. - 331 s.

¹⁶⁷ *Hopmann B., Spoerer M., Weitz B., Bruenighaus B.* Zwangsarbeiter bei Daimler-Benz // Zeitschrift fuer Unernehmensgeschichte. Beiheft 78. – Stuttgart, 1994; *Gregor N.* Stern und Hakenkreuz. Daimler – Benz im Dritten Reich. – Berlin, 1997.

¹⁶⁸ *Jacobeit S.* OSRAM – Arbeiter Innen. Deutsche und auslaendische Frauen in der Kriegsproduktion fuer den Berliner Gluehlampen-Konzern 1939 bis 1945. In: Jahrbuch fuer Geschichte 35 (1987). – S. 369 – 388.

¹⁶⁹ *Borgsen W., Volland K.* Stalag XB Sandbostel. Zur Geschichte eines Kriegsgefangenen und KZ - Auffanglager in Norddeutschland, 1939 – 1945. Bremen: Editica Temmen, 1991. – 303 s.; Berichte der Arbeitsgruppe zur Aufarbeitung der Geschichte Allendorf. 1933 - 1945 /Bearbeitet von E. Bracht, F. Brinkman-Frisch, W. Form, K. May, I. Roth. - Magistrat der Stadt Stadtallendorf (Hg.), 1989. – 388 s.

¹⁷⁰ *Stelzl B.* Lager in Graz. Zur Unterbringung auslaendischer Zivilarbeiter, Kriegsgefangener und KL – Haeflinge 1938 – 1945 // Stefan Karner (Hrg.) Graz in der NS-Zeit 1938 – 1945. - Veroeffentlichungen des Ludwig Boltzmann – Instituts fuer Kriegsfolgen – Forschung, Sonderband 1. – Graz – Wien – Klagenfurt, 1999. – S. 353 – 369.

¹⁷¹ *Arning M.* Spaete Abrechnung. Über Zwangsarbeiter, Schlussstriche und Berliner Verstaendigungen. – Frankfurt / Main, 2001.

¹⁷² *Bruening M. u. a.* Entschaedigung fuer Zwangsarbeiter. Modell fuer die Loesung

einer offenen Historischen Aufgabe. – Bonn, 1999.

¹⁷³ *Spoerer M.* Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz – auslaendische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Haeflinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa. – Stuttgart u. Muenchen, 2001; *Spoerer M.* Zwangsarbeit im Dritten Reich. Verantwortung und Entschaedigung // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 51, 2000. – S 508 – 527.

¹⁷⁴ *Kuczynski T.* Entschaedigungsansprueche fuer Zwangsarbeit im "Dritten Reich" auf der Basis der damals erzielten zusaetzlichen Einnahmen und Gewinne. Stiftung fuer Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts, Universitaet Bremen, 1999.

¹⁷⁵ *Дубик М.* Проблема примусової праці робітників з України під час Другої світової війни у сучасних німецькомовних наукових виданнях // "...То була неволя"... – С. 46.

¹⁷⁶ *Jastrzebowski W.* Gospodarka niemiecka w Polsce 1939 –1944. Warszawa: Czytelnik, 1946. – 410 s.

¹⁷⁷ *Szurgacz H.* Przymusowe zatrudnienie Polaków przez hitlerowskiego okupanta w latach 1939 – 1945. – Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdańsk: Ossolineum, 1971. – 250 s.

¹⁷⁸ *Luczak C.* "Kraj Warty" 1939 – 1945 / Studium historyczno-gospodarsze okupacji hitlerowskiej. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1972. – 258 s.; *Luczak C.* Polscy robotnicy przymusowi w Trzeciej Rzeszy podczas II wojny światowej. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1974. – 268 s.

¹⁷⁹ *Kersten K.* Repatriacja ludności polskiej po II wojnie światowej. – Wrocław: Ossolineum, 1974. - 247 s.

¹⁸⁰ *Кейдонський К.* Табори для переміщених осіб у Німеччині та Австрії: погляд на структуру і діяльність // Українська діаспора. – К.; Чикаго, 1994. – Рік вид. 3. – Число 6. – С. 108 – 123.

¹⁸¹ *Kosyk w.* L'Allemagne national-socialiste et l'Ukraine. – Paris: Publications de l'Est Europeen, 1986. - 659 s.

¹⁸² *Меляков А. В., Посохов С. І.* Депортація цивільного населення України до Німеччини під час Другої світової війни (1941 – 1944 рр.): до історіографії питання // Історичне краєзнавство в системі освіти України: здобутки, проблеми, перспективи. – Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2002. – С. 265.

¹⁸³ *Стецкевич В. В.* Україна в роки навали 1941 – 1945 рр.: спроба аналізу сучасного історіописання окупаційної доби та актуалізації проблеми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 1. – С. 173.

¹⁸⁴ Книга Пам'яті України. Вінницька область. – У 10-и т. / Гол. редколегії Ільчук М. М. (1; 2; 7 тт.); Ткаченко А. Д. (3 – 9 тт.), відп. секретар Конверський В. І., Азаров С. Г., Александров Д. Д., Гальчак С. Д. та ін. – К.: Наукова редакція головної редакційної колегії Книги Пам'яті України при видавництві «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 1994 – 1997.

¹⁸⁵ Книга Скорботи України. Вінницька область. – У 3-х т. / Гол. редколегії Шестопалюк О. В., відп. секретар Конверський В. І., Азаров С. Г., Гальчак С. Д. та ін. – Вінниця: обласна редакційна колегія Книги Пам'яті України, 2001 – 2003.

¹⁸⁶ Книга Пам'яті України. Хмельницька область. – У 10-и т. / Ред. кол.: Дарманський М. М. (кер.), Олійник В. Т. (заст. гол.), Урсол М. О. (заст. гол.), Шиманський І. Х. (відп. секр.) та ін. – Хмельницький: Поділля, 1995 – 2003.

¹⁸⁷ Книга Скорботи України. Хмельницька область. – У 4-х т. / Ред. кол.: Роздобутько А. Г. (гол.), Бондар І. М. (заст. гол.), Циц В. П. (заст. гол.), Шиманський І. Х. (відп. секр.) та ін. – Хмельницький: Поділля, 2002 – 2004.

¹⁸⁸ Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941 – 1945: Наук.-публіцист. видання /

Гол. редколегії І. О. Герасимов, заст. голови І. Т. Муковський, П. П. Панченко, Відп. секретар Р. Г. Вишневецький. – К.: Пошуково-видавниче агентство "Книга Пам'яті України", 2000. – 944 с.

¹⁸⁹ Коваль М. В. "Гірка доля українських оstarбайтерів" // Безсмертя... – С. 212 – 219.

¹⁹⁰ Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939 – 1945 рр.). – К.: Альтернативи, 1999. – 336 с.

¹⁹¹ Коваль М. В. "Oстарбайтери" України – раби Гітлера, ізгої Сталіна // Політика і час, 1998. - № 9, 10.

¹⁹² Лисенко О. Є. Проблема "oстарбайтерів" як предмет соціальної історії // "...То була неволя"... – С. 7 – 14.

¹⁹³ Там же; - С. 7.

¹⁹⁴ Забронець О. В. Волинські oстарбайтери (1941 – 1945 рр.) // Волинь у Другій світовій війні: Зб. наук. та публіцист. ст. / Гол. ред. та упоряд. М. М. Кучерепа. – Луцьк: "Волинська обласна друкарня", 2005. – С. 107 – 126.

¹⁹⁵ Букалов Д. Oстарбайтери Донбасса // Корни трави: Сб. статей молодих істориків. – М.: Меморіал, 1996. – С. 155 – 159.

¹⁹⁶ Потильчак О. В. Експлуатація трудових ресурсів України гітлерівською Німеччиною у роки окупації: Дис... канд. Істор. наук: 07.00.01. – К., 1999. – 205 с.

¹⁹⁷ Потильчак О. В. Трудові ресурси радянських військовополонених та "oстарбайтерів" з України у нацистській військовій економіці в роки Другої світової війни. – К.: ТОВ "Міжнародна фінансова агенція", 1998. – 49 с.

¹⁹⁸ Тарнавський І. С. Депортація місцевого населення Донбасу до Німеччини у 1941 – 1943 рр. // Придніпровський науковий вісник. – 1998. - № 111.

¹⁹⁹ Пастушенко Т. В. Примусове вивезення робочої сили з Броварського району до нацистської Німеччини // Літописна скарбниця: нариси історії Броварського краю (радянський період та доба незалежності України). Укл. І. Доцин. – Бровари, 2003 / Броварська минувшина. – Кн. 2. – С. 47 – 159.

²⁰⁰ Пастушенко Т. В. Основні етапи депортації цивільних робітників з Києва та Київської області до Німеччини у 1942 – 1944 // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2000. – Вип. 10. – Ч. 2. – С. 310 – 325.

²⁰¹ Меляков А. В., Посохов С. І. Депортація цивільного населення України до Німеччини під час Другої світової війни (1941 – 1944 рр.): до історіографії питання // Історичне краєзнавство в системі освіти України: здобутки, проблеми, перспективи. – Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2002. – С. 265 – 267.

²⁰² Довгополий Я. Укxраhнці на примусових роботах в Третьому рейху // Всесвіт. – 2001. - № 3 – 4.

²⁰³ Бака М. Полтавські "oстарбайтери" у фашистській Німеччині / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 15. – К.; Донецьк: Рідний край, 2001. – С. 185 – 190.

²⁰⁴ Пастушенко Т. В. Використання праці українських примусових робітників у Третьому рейху // Архіви окупації... – С. 854 – 859.

²⁰⁵ Янковська О. В. До питання про долю українських репатріантів Великої Вітчизняної війни // Сторінки воєнної історії України: Зб. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 3. – С. 206 – 212.

²⁰⁶ Пастушенко Т. В. Репатріація українських "oстарбайтерів" на Батьківщину: 1944 – 1947 рр. // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Ч. 3. – С. 123 – 136.

²⁰⁷ Буцько О. В. Створення і діяльність радянських органів репатріації 1944 – 1946 // Сторінки воєнної історії України: Зб. статей / НАН України. Ін-т історії

України. – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 3. – С. 206 – 212.

²⁰⁸ Буцько О. В. Репатріація українських громадян (1944 – 1946 рр.) // Сторінки воєнної історії України: 36. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 1. – К., 1997. – С. 143 – 158.

²⁰⁹ Буцько О. В. "С возвращением: судьба украинских граждан, репатриированных на Родину / Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових праць. – Вип. 2. – К.: Інститут історії України НАН України, 1998. – С. 148 – 162.

²¹⁰ Чайковський А. С. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939 – 1953 гг.). – К.: Парламентское из-во, 2002. – 503 с.

²¹¹ Левикін В. В. Деякі аспекти працевикористання іноземних військовополонених у Радянському Союзі (1944 – 1950 роки) // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 3. – С. 110 – 113.

²¹² Левикін В. В. Про процес репатріації німецьких військовополонених з СРСР у 1945 – 1956 роках // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. ст. / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2003. – Вип. 7. – Ч. 2.

²¹³ Потильчак О. В. Смертність німецьких військовополонених в СРСР: історико-демографічний аналіз проблеми // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2004. – Вип. 8. – Част. 2. – С. 128 – 137.

²¹⁴ Потильчак О. В. Табори для військовополонених в Україні та репатріаційні заходи радянського уряду (1953 – 1954 рр.) // Безсмертя подвигу: Матеріали міжнародної наук.-практ. конференції, Київ, 22 квітня 2005 р. / Київський нац. університет внутр. справ. – К.: ВПЦ МВС України, 2006. – С. 138 – 146.

²¹⁵ Могильний В. Пошта «остарбайтерів» (робітників зі Сходу) // Укр. Філателіст. вісник. - № 2 (29). – 1994. – С. 17 – 20.

²¹⁶ Могильний В. Листування «остарбайтерів»: заадресування // Укр. Філателіст. вісник. - № 3 (43). – 1997. – С. 43 – 50.

²¹⁷ Могильний В. Великодні листівки для «остарбайтерів» // Укр. Філателіст. Вісник. - № 2 (42). – 1997. – С. 25 – 27.

²¹⁸ Анголенко В. Пошта в Україні за німецької окупації: маловідомі факти // Укр. Філателіст. вісник. - № 2 (47). – 1998. – С. 28 – 32; Укр. Філателіст. вісник. - № 3 (48). – 1998. – С. 44 – 48.

²¹⁹ Педак В. П. Сердце заставляет меня сказать правду. – Запорожье, 2000. – 176 с.

²²⁰ Лич-Анпах Г. Между жестокостью и добром // Знамя. – 1995. – С. 156 – 167.

²²¹ Боряк Г., Дубик М., Маковська Н. "Нацистське золото" з України у пошуках архівних свідчень. - Київ, 1998. - 130 с.; Випуск 2. Матеріали до реєстру вилучених у населення коштовностей. - Київ, 2000. - 388 с.

²²² Буцько О. В. В неоплаченном долгу: к вопросу о компенсации труда рабов Третьего рейха // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. пр. – Вип. 4. – К., 2000. – С. 90 – 95.

²²³ Пастушенко Т. В. Листи як джерело вивчення проблеми українських «остарбайтерів» періоду Другої світової війни // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2000. – С. 70 – 77.

²²⁴ Пастушенко Т. В. Спогади «остарбайтерів» – інший погляд на війну // "...То була неволя"... – С. 63 – 81.

²²⁵ Пастушенко Т. В. Остарбайтери Київщини: історико-статистичний та джерелознавчий аналіз // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. – Вип. 28. – К.; Хмельницький; Кам'янець-Подільський, 0000. – С. 99 – 120.

²²⁶ Меляков А. В. Матеріали фільтраційних справ як історичне джерело: спроба

класифікації // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна: Серія "Історія". – Вип. № 32. – 2000. – С. 232 – 239.

²²⁷ *Меляков А. В.* Листи українців-остарбайтерів: різновиди, зміст, класифікації // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк, 2000. - № 1. – С. 230 – 233.

²²⁸ *Меляков А. В.* Про можливості застосування табличного методу обробки листів українських "остарбайтерів" (За матеріалами ДАХО) // Вісник СНУ. – № 10 (44). – 2001. – С. 135 – 141.

²²⁹ *Ковальський А. П., Ченцов В. В.* "Фільтраційні справи" – невідоме джерело державних архівів // Архіви України. – 1993. - № 1. – С. 35 – 44.

²³⁰ *Чиркова В.* Листи остарбайтерів як приклад документів особового походження // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: Міжвідомчий збірник наукових праць. – Вип. 1: Архів і особа. – К., 1999. – С. 153 – 158.

²³¹ *Гальчак С.* Джерела до вивчення історії "остарбайтерів" / Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: Міжвідомчий науковий збірник. – Вип. 4: Студії на пошану Руслана Пирого. – К., 2001. – С. 393 – 401.

²³² *Гальчак С. Д.* Листи "остарбайтерів" з Поділля як документальне джерело про їхнє життя в нацистському рейху // Історичне краєзнавство в системі освіти України: здобутки, проблеми, перспективи: Науковий збірник. – Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2002. – С. 271 – 285.

²³³ *Гальчак С. Д.* Нацистський геноцид на Вінниччині // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2002. – Вип. 6. – С. 209 – 214.

²³⁴ *Гальчак С. Д.* Німецько-фашистський окупаційний режим на Вінниччині: цивільне населення – жертва терору і насильства // Книга Скорботи України. Вінницька область. – Т. 2. – Вінниця, 2002. – С. 7 – 19.

²³⁵ *Гальчак С. Д.* "Остарбайтери" Поділля: поліційно-адміністративні заходи нацистів у проведенні депортації населення до Німеччини // Студії Кам'янець-Подільського Центру дослідження історії Поділля / Відп. ред. проф. Л. В. Баженов. – Кам'янець-Подільський: Оюм, 2005. – Т. 1: Десятиріччю Центру дослідження історії Поділля присвячується. – С. 420 – 464.

²³⁶ *Гальчак С. Д.* Етапування "східних робітників" з Поділля в нацистське рабство // "...То була неволя"... – С. 50 – 62.

²³⁷ *Гальчак С.* Депортації населення Поділля до Німеччини в роки Другої світової війни / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 12. – К.: Рідний край, 2001. – С. 23 – 34.

²³⁸ *Гальчак С.* Використання румунською окупаційною адміністрацією трудових ресурсів Поділля у 1941 - 1944 рр. / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 11. – К.: Рідний край, 2000. – С. 195 – 204.

²³⁹ *Гальчак С. Д.* Політика румунської окупаційної влади на території Північної Транснестрії // Архіви окупації. 1941 – 1944 / Держ. ком архівів України. – К.: Вид. дім "Кієво-Могилянська академія", 2006. – С. 840 – 848.

²⁴⁰ *Гальчак С. Д.* Особливості депортації цивільного населення з території Транснестрії на роботи до Німеччини // Архів. Документ. Історія. Сучасність. – Т. 4. – Одеса: Друк, 2001. – С. 102 – 105.

²⁴¹ *Гальчак С. Д.* Подільські "остарбайтери" у нацистському рейху: умови праці та побуту // Історія України. Маловідомі імена, події, факти: 36. статей. – Вип. 20 – 21. – К., 2002. – С. 142 – 156.

²⁴² *Гальчак С. Д.* Культурно-духовні обмеження як форма дискримінації "остарбайтерів"-лодолян у нацистському оейху // Студії з архівної справи та документознавства / Держкомархів України; УНДІАСД; Реккол.: І. Б. Матяш (гол. ред.) та ін. – К., 2003. – Т. 9. – С. 148 – 150.

- ²⁴³ Гальчак С. Д. Боротьба радянських партизанів і підпільників проти масової депортації населення Поділля в нацистську Німеччину // Матеріали XI Подільсько-історико-краєзнавчої конференції / Ред. кол. Завальнюк О. М. (відповід. ред.), Баженов Л. В., Винокур І. С. та ін. – Кам'янець-Подільський: Оіюм, 2004. – С. 56 – 65.
- ²⁴⁴ Гальчак С. Д. Сили національно-визвольного спрямування на теренах Поділля в період нацистської окупації краю // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. – Вип. 4. – Серія: Історія: Зб. наук. праць / За заг. Ред. проф. П. С. Григорчука. – Вінниця, 2002. – С. 136 – 146.
- ¹⁴⁵ Гальчак С. Протидія подолян заходам нацистської окупаційної влади по депортації в Німеччину 1942 – 1944 рр.) / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 19. – К.; Донецьк: Рідний край. – 2001. – С. 126 – 136.
- ²⁴⁶ Гальчак С. Опір та боротьба "остарбайтерів"-подолян у фашистській неволі / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. - Вип 8. – К.: Рідний край, 1999. – С. 477 – 482.
- ²⁴⁷ Гальчак С. Д. Організаційні заходи Радянського Союзу з підготовки до репатріації переміщених осіб // Безсмертя подвигу: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, Київ, 22 квітня 2005 р. / Київський національний університет внутрішніх справ. – К.: ВПЦ МВС України, 2006. – С. 188 – 200.
- ²⁴⁸ Гальчак С. Д. Антигітлерівська коаліція і питання репатріації "східних робітників" // Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник наукових праць. – Вип. 29. – К., 2005. – С. 157 – 166.
- ²⁴⁹ Гальчак С. Д. Фільтрація як обов'язковий елемент репатріації "східних робітників" // Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник наукових статей. – Вип. 25. – К., 2004. – С. 412 – 420.
- ²⁵⁰ Гальчак С. Д. Ідеологічні аспекти репатріації "остарбайтерів"-подолян в умовах "холодної війни" // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2004. – Вип. 8. – Част 2. – С. 221 – 237.
- ²⁵¹ Гальчак С. Д. Ставлення державно-партійної влади СРСР та УРСР до "остарбайтерів" // Наукові записки вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. – Вип. 5. – Серія: Історія: Збірник наукових праць / За заг. ред. проф. П. С. Григорчука. - Вінниця, 2003. – С. 208 – 214.
- ²⁵² Гальчак С. Д. "Остарбайтери" з Поділля (1942 – 1947 рр.): Дис... канд. іст. наук: 07.00.01. – К., 2003. – 211 с.
- ²⁵³ Гальчак С. Д. "Східні робітники" з Поділля у Третьюму рейху: депортація, нацистська каторга, опір поневолювачам. – Вінниця: "Книга-Вега" ВАТ "Вінobl-друкарня", 2004. – 344 с.
- ²⁵⁴ Тарнавський І. С. Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941 – 1943 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Донецьк, 1999.
- ²⁵⁵ Удовик В. М. Німецько-фашистський окупаційний режим (1941 – 1944 рр.) на території генеральної області "Київ" (Київська та Полтавська області): Автореф. дис. канд. іст. наук. – К., 2005. – 16 с.
- ²⁵⁶ Рокотов П. В. Німецько-фашистський режим в Україні 1941 – 1944 рр. (Історико-правовий аспект): Дис. ...канд. іст. наук: 12.00.01 / Нац. акад. внутрішніх справ України. – 1997. – 194 с.
- ²⁵⁷ Максимчук Є. С. Діяльність державних комісій з розслідування злочинів нацистів на території України (1941 – 1951 рр.): типологічний склад та інформаційний потенціал джерельного комплексу: Автореферат дис. ...канд. іст. наук: 07.00.06. – К., 2007. – 20 с.

II. Депортация населения Подолии нацистскими захватчиками в годы Второй мировой войны

2.1. Начало вербовочной кампании: ставка на пропагандистский обман и социальное насилие

Наилучшим вариантом для нацистских оккупационных властей в решении вопроса набора рабочей силы из захваченных восточных областей для потребностей милитаристской экономики рейха был бы добровольный отъезд местного трудоспособного населения в Германию. Следует отметить, что гитлеровцы, старавшиеся выдать себя за «творцов новой Европы», «освободителей» народов СССР от «сталинской тирании» и «жидобольшевистского ярма», вначале надеялись именно на такое развитие событий. Для этого, как им казалось, достаточно было лишь эффективно использовать широкие возможности своей пропаганды: «При помощи умелого и продолжительного использования пропаганды можно заставить народ воспринимать небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь выдать за рай», – подчеркивалось в программной работе фюрера «Mein Kampf» («Моя борьба»).¹ Главное – не скупиться на идеологический обман.

Именно *массированной пропагандистской атакой* и началась вербовочная кампания на захваченных восточных территориях. *Главный акцент в развертывании целенаправленной социальной лжи* прежде всего был сделан на *устную и наглядную агитацию, дополненную административными мероприятиями*: приказами, обращениями, распоряжениями.

На Подолии началом пропагандистского наступления по развертыванию «вербовочной» кампании («Antwerbung») стало обращение властей к украинскому населению (за подписями уполномоченных особой комиссии Министерства труда по набору рабочей силы и местных гебитскомиссаров). Вот что, в

частности, говорилось в обращении, адресованном жителям Проскурова ² и Проскуровского округа, напечатанном в местной газете «Український голос» («Украинский голос») (аналогичными были и обращения к гражданам других местностей):

«Граждане и гражданки, мужчины и женщины, все, кто потерял свою работу и в данное время без заработка, не будете в Германии беспокоиться о насущном хлебе. Каждый получит там работу. За работу каждый получит: бесплатное помещение-приют, бесплатное питание и от 40 до 80 пфенингов (от 4 до 8 руб.) ежедневно, по его квалификации.

Граждане и гражданки! Приходите на вербовочный пункт рабочей силы в Германию в Проскурове, в школу... по ул. Германа Геринга (быв. Александровская)... Запись начинается со вторника, 20 января 1942 г., с 9 до 12 ч. и с 14 до 17 ч. Берите с собой паспорт и прочие личные документы. После медицинского осмотра, который определит вашу пригодность к работе, вы узнаете подробности вашего назначения и время отъезда в Германию.

Украинцы! Изучайте страну Фюрера, записывайтесь в ряды рабочих Великой Германии!

Уполномоченный Особой Комиссии Министерства Труда
по набору рабсилы в Германию Кампф.
Гебитскомиссар Шмербекк».³

Чтобы подчеркнуть важность обращения, та же газета напечатала на 1-й странице выделенный крупным шрифтом редакционный комментарий под заглавием «Работа и хлеб в Германии»:

«В связи с безработицей, вызванной войной, и нищетой, обусловленной разрушениями, содеянными большевиками, Великая Германия решила помочь украинскому населению. В Германии есть работа и хлеб для многих; жилье там не разрушенное и в хорошем состоянии. Во вторник, 20 января с. г., в Проскурове... открывается «Вербовочный пункт», где ежедневно... будут приниматься заявления от всех граждан, желающих работать в Германии. На вербовочном пункте постоянно будет находиться Уполномоченный Особой Комиссии Немецкого Министерства Труда и здесь же проводится медицинский осмотр. Завербованные будут работать в одной из наилучших областей Германии, а именно, в области Обердонау...».⁴

Чтобы обращение оккупационной власти не прошло на Подолии незамеченным, руководство районных управ, гебитс-

комиссариатов вменяло в обязанность сельским старостам развернуть среди населения соответствующую работу:

«Плисковская районная управа
13 апреля 1942 г. К старосте с. Дзюньков

Согласно призыва к украинскому населению Вам нужно развернуть разъяснительную работу с населением В/села о добровольной поездке на работу в Германию. Условия работы разъяснять согласно призыва.

Районовый староста Совсимив
Зав. от. труда Пуголовкин».⁵

«...Вменяю в обязанность старостам использовать все свое влияние, чтобы завербованные люди все до единого явились к оттранспортировке в Германию. Населению нужно ясно объяснить, что посылка рабочих в Германию не является наказанием, а что украинские мужчины и женщины должны занять в Германии рабочее место, которое оставил немецкий солдат, чтобы одержать победу над большевиками и принести свободу Украине»,⁶ – так распоряжался иллинецкий гебитскомиссар.

Когда же «влияние старост» оказывалось недостаточным, за дело принимались профессиональные гитлеровские демагоги-плутократы:

«Старосте с. Балын.

В воскресенье 30 мая в 9 ч. утра в г. Литине, понедельник 31 мая в 6 часов вечера в с. Багриновцах, вторник 1 июня в 6 ч. вечера в с. Дашковцах будет немецкий пропагандист. Поэтому нужно объявить населению В/села, что в это время оно должно присутствовать на собрании в обозначенных населенных пунктах...

Председатель района Маркитан».⁷

Практически одновременно с обращением (уже в начале 1942 года) едва ли не в каждом населенном пункте Подолии появились листовки, повторяющие основные положения обращения.

«Рабочие, Работницы! Немецкая армия освободила Вас от террора Сталина и жидо-большевистских комиссаров. Большевики разрушили ваши заводы, уничтожили запасы продовольствия, сожгли ваши хозяйства и жилье, лишили Вас средств к существованию.

Германия может и хочет Вам помочь, – говорилось в них. – В Германии получите Вы работу и хлеб. Немцы обеспечат Вам человеческое отношение и доброе существование. Вы получите

от немцев достаточное питание. Ваши семьи будут обеспечены. Вы можете постоянно переписываться с Вашими родными. Вашим свободным временем Вы можете распоряжаться в Германии так, как Вы к тому привыкли.

Если Вы будете работать в Германии, Вы и Ваши семьи будут иметь первенство при распределении земли и инвентаря.

Мы призываем Вас помочь Вашим трудом в Германии создать для Вас и Ваших детей лучшее будущее на Вашей родине.

Записывайтесь в бюро вербовки для выезда на работу в Германию!». ⁸

Данные листовки, как и аналогичные, были отпечатаны массовым тиражом. Они вывешивались на видных местах, раздавались в руки буквально каждому. Только в июле 1942 года отдел пропаганды рейхскомиссариата «Украина» распространил среди населения 350 тыс. подобных агитационных материалов. ⁹

Призывами ехать работать в рейхе пестрели и страницы подконтрольных оккупантам марионеточных украиноязычных газет, на все лады восхваляющих «новый порядок» и «справедливую историческую миссию» Германии. Вот один из таких призывов, помещенный в газете «Вінницькі вісті» («Winnizaer Nachrichten») [«Винницкие вести» («Winnizaer Nachrichten»)]:

«Объявление.

Для работ в Германии нужны мужчины и женщины всех профессий от 17-ти до 45 лет (кроме жидов).¹⁰ Кроме заработного жалованья, все будут обеспечены помещением и питанием. Члены семьи, которые остаются, получают достаточную поддержку...». ¹¹

«...Кто решил ехать в Германию на работу, получает не только свободный переезд туда и назад, но и будет иметь в Германии такое продовольствие и жилье, которые получают в подобных случаях также немецкие рабочие, – уверял уже упоминавшийся «Український голос» («Украинский голос») (Проксуров). – Вместе со своими товарищами по работе, а даже с женой и со взрослыми детьми, кто с ними едет, будет жить украинский рабочий в чистых условиях...». ¹²

Те же газеты, как и десятки им подобных, печатали специально присланные ведомством Геббельса пропагандистские фотоснимки с изображением живописных пейзажей Германии,

ее известнейших архитектурно-исторических памятников, а также первых «завербованных» – холеных, едва ли не празднично одетых «украинцев и украинок», радостно работающих возле станков, весело отдыхающих по завершении рабочего дня, а также тематические страницы, плакаты, фабриковали тексты «писем украинских рабочих из Германии» с соответствующими комментариями. Так, в номере за 26 марта 1942 г. «Винницкие вести» рассказывали своим читателям:

«Родители счастливы, что их дети могут работать в Германии и там становиться настоящими людьми, о чем старые, оставленные дома люди, в своей прежней жизни даже в снах не могли мечтать – такое общее впечатление, которое вынесли из рассказов свояков те, которые получили письма от украинских мещанских, рабочих и крестьянских семей. Они высказывают в своих письмах радость и признательность за то, что они смогли дожить, чтобы работать в Великой Германии и таким образом не только заработать себе денег, но также познать другую жизнь и более интересный мир...

Так, напр. Павел Сидорив с большим удовлетворением пишет своим родителям в Житомир ¹³ о хорошо организованном путешествии в Германию, о чистых и удобных помещениях в немецком промышленном городе, а также о вкусном и обильном питании, которое получают украинские рабочие как во время путешествия, так и на месте пребывания...

Анна Левчук ¹⁴ работает в Германии в одной лаборатории и должна учиться на специальных подготовительных курсах, которые открывают ей путь к профессиональному росту, ее письмо полно радостных планов на будущее, которые несколько дней стали главной темой разговоров для целой семьи. Отец Левчук решил послать в Германию также свою младшую дочь». ¹⁵

Подобными пропагандистскими штампами пестрели также страницы газет «Тижневик Барської округи» («Еженедельник Барской округи»), «Калинівські вісти» («Калиновские вести»), «За вільну Україну» («За свободную Украину») (с. Плисков), «Нове життя» («Новая жизнь») (г. Казатин), «Хмільницькі вісті» («Хмельникские вести»), «Подольнин» («Der Podolier») (г. Каменец-Подольский), «Дунаєвецькі вісти» («Дунаевецкие вести») (позже: «Урядові Дунаєвецькі вісті» («Правительственные Дунаевецкие вести»), «Нове життя» («Новая жизнь») (г. Староконстантинов), «Нова Шепетівщина» («Новая Шепетовщина») и

других, издававшихся на Подолии. Всех их подоляне называли «немецкими газетами с украинским шрифтом».

В середине июня 1942 года оккупационная власть еще раз обратилась к населению (в основном через средства массовой информации, а также через листовки, распространяемые райуправами):

«...Украинцы!

Немецкий народ ведет трудную борьбу с наибольшим врагом всего мира и вековечным врагом Украины – красной Москвой. От результатов этой борьбы зависит судьба и будущее украинского народа...

Чтобы до конца уничтожить московско-жидовский большевизм и его соучастников – международную плутократию, ни на минуту не должны прекращать свою работу могущественные немецкие военные заводы и вообще вся хозяйственная машина Германии. Англия и Соединенные Штаты Америки своим большим снабжением помогают большевикам дальше продолжать бессмысленное сопротивление. Поэтому могущественная немецкая военная промышленность вынуждена и в дальнейшем производить вооружение, чтобы своих храбрых воинов обеспечить наилучшим оружием.

Для этой цели нужно большое количество рабочей силы, миллионы рабочих для работы в поле и на фабриках.

В то время, когда немецкий солдат отдает на поле боя свою жизнь, в учреждениях и за станками заменяют его немецкие женщины. Но они не способны целиком заменить те миллионы мужчин, которые мобилизованы, и которые находятся на полях битвы.

ОТ ВАС ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО...».¹⁶

Как видим, здесь уже речь не идет о «заботе о безработном украинском населении», как в предыдущих обращениях. Здесь уже значительно откровеннее – *именно Германии «нужно большое количество рабочей силы»*.

Следует обратить внимание на еще одну существенную деталь подобных обращений: на *попытку набросить на подолян политические путы*, ведь вероломное нападение на СССР подается как борьба гитлеровцев за «коренные интересы» украинского народа. А поэтому каждый, кто оказывался в Германии, фактически становился соучастником и заложником нацистов: производя оружие для «храбрых воинов» рейха, он таким об-

разом принимал участие в борьбе с «московско-жидовским большевизмом» и «международной плутократией»...

С целью усиления идеологического влияния гитлеровцы едва ли не во всех клубах демонстрировали агитационный кинофильм «Дорога в Германию»,¹⁷ тенденциозно подобранную документальную кинохронику, в ряде мест обустроивали фотовитрины, открывали передвижные наглядные выставки, восхваляющие «нацистский рай», рассказывающие о «счастливой жизни» «рабочих с Востока».

Для ознакомления с условиями жизни и работы украинских рабочих отдельные нацистские чиновники рейхскомиссариата организовывали также поездки украинских крестьян и жителей городов в Германию. Конечно же, во избежание любых возможных неожиданностей, такие поездки тщательно готовились. Об одной из них, в частности, сообщал в своем отчете генералкомиссар Житомира. Тогда трех украинских крестьян в Германии даже принял рейхсминистр А. Розенберг. Немецкий чиновник советовал время от времени повторять такие поездки с большим количеством участников, так как пропагандистский эффект от первой из них оказался очевидным.¹⁸

Использовались и другие средства.

Определенную роль агитатора в наборе украинского населения на работу в Германию сыграла автокефальная и особенно униатская церковь – в ответ на нацистскую политику невмешательства, поощрения и даже прямого финансового субсидирования ее деятельности. Так, начальник полиции безопасности и СД оберштурмбанфюрер Эрлингер, говоря о том, что духовенство на оккупированной территории «многократно предоставляло себя на службу немецкой пропаганде», отмечал: «В особенности заметную поддержку оказало духовенство при вербовке рабочих для отправки в Германию: епископы открыто выступали с этой целью в печати и предоставляли подчиненным им духовным лицам в отдельных селах воззвания, психологически хорошо обработанные для прочтения их в церквях».¹⁹

Предстоятель Украинской автокефальной православной церкви епископ Поликарп Сикорский внес в текст церковной проповеди коррективы такого содержания: «Каждый способный работе украинец должен с наибольшей радостью ехать в рейх и исполнить свой долг по отношению к немецкому народу».²⁰

Уместно вспомнить, что храм именно Украинской автоке-

фальной православной церкви, в свое время закрытый советской властью, был одним из первых восстановлен в крупнейшем населенном пункте Подолии – Виннице. Более того, оккупационные власти разместили его в самом центре города в одном из лучших бывших культовых сооружений историко-архитектурного комплекса «Муры».

Кроме устных, печатных, наглядных *применялись также финансово-экономические рычаги агитационного влияния*. В государственном архиве Винницкой области сохранились документы, свидетельствующие о том, что на первых порах семьи выехавших на работу в Германию, получали денежную компенсацию в размере 180 руб.²¹, а жители г. Винницы могли приобрести по месячным хлебопродуктовым карточкам даже по 250 граммов соли и килограмму пшена на человека.²²

Но более распространенным и эффективным средством обеспечения вербовки рабочих рук в Германию было *социальное давление*. То есть, создание невыносимых условий для жизни на оккупированных территориях.

14 мая 1942 года канцелярия Э. Коха (гауляйтера рейхскомиссариата «Украина», до назначения на эту должность – гауляйтера Восточной Пруссии) разослала генералкомиссарам выдержку из телеграфного распоряжения Ф. Заукеля, в которой тот предлагал: «Чтобы получить, по возможности добровольно, рабочую силу, прошу зарплату и условия работы в занятых восточных областях... держать так низко, чтобы современные условия в Германии были приманкой».²³

Тем не менее, Заукель здесь не стал «первопроходцем». Еще в начале 1942 г. сторонник «по возможности добровольного» набора рабочих министр-альтер директор доктор В. Мансфельд выступил с универсальной концепцией «четырех степеней принуждения» для иностранных рабочих: 1) законодательно затруднить получение ими работы или переход на другую работу на родине; 2) использовать для того же безработицу; 3) свести до прожиточного минимума пособие по безработице, а в случае злостного уклонения от работы не выдавать продуктовые карточки вообще; 4) применять силу.²⁴ Правда, эти «рекомендации» больше касались рабочей силы поработенных стран Центральной Европы, но кое-что могло пригодиться и на Востоке...

Что касается создания невыносимых жизненных условий, то здесь у захватчиков особых трудностей не возникало. Голод и

кровавые расправы целиком соответствовали намеченному плану.

Голодному существованию населения содействовал *тотальный грабеж* оккупированных территорий.

В официальном отчете одного из подразделений вермахта (сентябрь 1941 г.) указывалось, что «после разгрузки в Виннице полевой запасной дивизии «А» ее части и подразделения отправились в продолжительный переход, начав одновременно большие и бессмысленные реквизиции, не считаясь ни с чем. Маршевые батальоны очень хорошо обеспечили себя местными продовольственными запасами, но при этом часто нарушались установленные положения о реквизициях...».²⁵

Немецкие документы свидетельствуют о том, что общие грабительские действия военных и гражданских органов удовлетворяли в 1941 г. потребности трех групп армий, воевавших на Восточном фронте, таким образом: в хлебе – на 80 %, мясе – на 83 %, в масле – на 77 %, в картофеле – на 70 %.²⁶

Распоряжением рейхскомиссариата «Украина» от 20 мая 1942 г. вводилась «конфискация хлеба, масляных и стручковых [культур], зерна в обмолоченном и необмолоченном виде, в каком бы состоянии они не были».²⁷ Говорилось, что тот, кто не выполняет требования по сдаче сельскохозяйственной продукции, будет наказан – все запасы хлеба и весь крупный рогатый скот будут у него забраны, а сам он арестован.

Населению было запрещено ловить рыбу и охотиться на дичь, резать имеющийся крупный рогатый скот и свиней – их отбирали для нужд оккупантов. Не разрешалось продавать продукты на базарах, жителям городов – выезжать в села и менять вещи на продовольствие. У задержанных отбирали все.

Удовлетворение потребностей местного населения в продуктах питания вообще не принималось во внимание. Эти действия полностью согласовывались с планами, разработанными во время подготовки грабительской войны против Советского Союза, где с самого начала программировалась голодная смерть миллионов советских граждан. В сохранении жизни советского населения оккупанты были заинтересованы лишь в той мере, чтобы использовать его для обеспечения потребностей войны и для осуществления последующих планов колонизации. Вот почему из страны забирали все возможное. Как бесцеремонно, нагло при этом действовали войска, свидетельствует, например, отчет, отправленный 2 декаб-

ря 1941 года военным инспектором по Украине генералу Томасу.²⁸ Из него видно, что для обеспечения грабежа сельскохозяйственных продуктов с целью налаживания снабжения Германии использовались такие средства:

1. Ликвидация лишних ртов.

2. Резкое уменьшение норм продовольствия для местного населения.

3. Сокращение потребностей среди сельского населения.²⁹

Под «ликвидацией лишних ртов» понималось массовое физическое уничтожение евреев, цыган, мирных граждан других национальностей, проявивших себя во время советской власти, просто невинных людей (заложников), военнопленных, организация того же голода среди населения больших и малых городов.

Не обошла эта беда и Подолию.

«...В первые же дни немцы свозили подозрительных для них людей машинами. Фашистские звери в фуражках с гербами смерти ездили расправляться с активистами. Из Уладовки (Хмельницкого района³⁰) 22 мужчины стояли в очереди на расстрел... Здесь же копали ямы, в которые должны были лечь эти невинные жертвы. По селам фашистские прислужники растаскивали из колхозных дворов и ферм все, что захватили...»³¹

- «...1. 29 июля 1941 г. [в Виннице] было расстреляно 25 заложников в карьере кирпичного завода...

2. В средних числах августа 1941 г. было расстреляно... 350 человек в... Пятничанском карьере.

3. 13 сентября 1941 года... было расстреляно 1200 чел. за селом Шереметка.

4. 19 сентября 1941 года... были зверски замучены в Пятничанском лесу 15000 чел. [еврейского населения г. Винницы]... Были также забраны из родильного дома женщины с новорожденными детьми, а также люди преклонного возраста из Стрижавского дома для престарелых – все они были зверски уничтожены.

5. 16 апреля 1942 года по распоряжению штадскомиссара Маринфельда на Винницком стадионе было собрано 10000 [чел.] населения и загнано в Пятничанский лес, где старики, женщины, дети были расстреляны, а трудоспособные в количестве 1000 чел. заточены в тюрьму...».³²

«28 августа 1941 г. в район пороховых складов под усиленной охраной были приведены жители г. Каменец-Подольского и

окружающих сел в количестве свыше 12 тысяч человек и в установленном немецкими властями порядке расстреляны и похоронены в общих ямах...». ³³

«...7 августа 1941 года по распоряжению гебитскомиссара ³⁴ Украины Коха гебитскомиссар по Немировскому округу Виттинг, председатель районного управления Кицман, начальник управления жандармерии Денисюк предложили еврейскому населению заплатить 100 тыс. рублей золотом контрибуции за право проживания.

На протяжении трех дней были забраны ценные вещи в счет суммы 100 тыс. рублей. В сентябре 1941 года было отобрано все нетрудоспособное еврейское население г. Немирова в количестве 3460 человек, разбито на две группы и расстреляно в 0,5 км от г. Немирова, в яме бывшего кирпичного завода (в двух могилах).

7 ноября 1941 года прибыл в Немиров специальный отряд фашистов, окружил г. Немиров, собрал все еврейское население, из которого были отобраны самые квалифицированные специалисты, а остальные в количестве 2680 чел. на протяжении суток были отправлены в вышеупомянутое место и расстреляны...». ³⁵

Таких документов тысячи.

Сокращение норм продовольствия означало организацию искусственного голода, обречение на голодную смерть. Если сельское население в какой-то мере еще спасали приусадебные участки, то городскому населению приходилось крайне трудно. Единственным спасением для горожан был черный рынок, где они или покупали по спекулятивным ценам продукты питания, или же выменивали их за вещи личного и домашнего употребления. Введенная осенью 1941 г. карточная система на хлеб и отдельные продукты питания лишь поддерживала человеческое существование (это не касалось фольксдойче, самих немцев, чиновников органов власти). Так, осенью того же года в г. Виннице общая дневная норма хлеба на взрослого человека составляла всего 300 г (для еще уцелевших после первых погромов евреев – 225 г). ³⁶ Позже она была сокращена.

Вот почему целиком правомерно можно утверждать, что *многих подолян подталкивал, вынуждал к поездке в Германию именно голод, вызванный преступной политикой оккупационной власти.*

Не менее досаждающим фактором была и *безработица*

(особенно среди городских жителей). В Виннице, например, из 50-ти промышленных предприятий, на которых до войны сосредоточивалась основная масса работающих города, под конец 1941 г. функционировали лишь мясокомбинат, спиртовой, ликероводочный, молочный, семенной заводы, водоканал, мебельная фабрика, гончарная мастерская № 2, филиал объединения бродильной промышленности.³⁷ Причем некоторые из перечисленных предприятий работали в полсилы. Остальные же были или разрушены, или же за неимением сырья, оборудования, по другим причинам – вообще не работали. Более половины винничан (а их, судя по количеству выданных хлебных карточек, в августе 1942 г. было не менее 40 тыс. чел.)³⁸ не имели работы, как и перспективы более или менее удовлетворительного существования.

Следует признать, что приложенные нацистами усилия (ложь, кровавые расправы, социальное давление) давали определенные плоды – **отдельные подоляне действительно поверили басням о «нацистском рае», другие (а это было абсолютное большинство среди пассажиров первых эшелонов будущих каторжан) – изменением рабочего места надеялись улучшить условия своей невыносимой голодной жизни, третьи – просто изъявили желание поехать в неизвестный для них мир добровольно (молодежь во все времена отличал романтизм); кроме того, были и такие, кто из-за сталинских репрессий затаил злобу на советскую власть и мечтал выехать на недостижимый раньше Запад.**

По этому поводу упоминавшиеся «Винницкие вести» не без пафоса сообщали:

«В 12 часов дня 3 марта в помещении Педагогического института было собрано около 1000 рабочих, которые добровольно отъезжают на работу в Германию.

Каждый из рабочих получил свой номер вагона и бесплатный билет на путешествие в Германию.

Представители немецкой власти и Правительство Труда пожелали отъезжающим счастья, радостного путешествия, поделились с ними своими мыслями.

На отъезд каждому было выдано бесплатное питание. Все спокойно направились на станцию к железной дороге.

Тысяча молодых юношей и девушек приехали на винницкий вокзал с тем, чтобы вместе, единодушно отправиться в Великую Германию. Каждый из отъезжающих имеет особое на-

строение, в котором выражается энергия и ответственность перед новым миром – Европой. Каждый из них стремится увидеть жизнь Великой Германии.

Ровно в 5 часов дня поезд отъехал от вокзала». ³⁹

Все же возникают сомнения относительно правдивости указанного газетой количества добровольцев. Архивные документы оккупационного периода рассказывают, что, например, из Джулинского района за все время депортаций среди желающих оказалось лишь 26 лиц (3 чел. из 89-и вывезенных из с. Дяковки, 4 чел. из 104-х – из с. Мягохода, 5 чел. из 71-го – из с. Погорелой, 14 чел. из 167-и – из с. Ставков).⁴⁰ Как видим, не густо. Да еще если принять во внимание, что в общей сложности из Джулинского района было вывезено 2550 чел. Не больше было желающих добровольно поехать в Германию и в других районах Подолии. (Исключением стал разве что Проскуров, где местному гебитскомиссариату «около 90 % всех отправленных в Германию местных жителей удалось завербовать добровольно...»). ⁴¹ Всего же из города было вывезено в рейх 1316 чел.).

Диссонансом к газетной публикации звучит информация из донесения начальника службы охранной группы «Восток» тайной полевой полиции, охранявшей под Винницей ставку Гитлера «Вервольф», унтерштурмфюрера СС К. Даннера начальнику имперской службы безопасности и личной охраны фюрера И. Ратенхуберу:

«...В связи с приказом господина государственного министра Розенберга, а также господина государственного комиссара Заукеля, состоялся медицинский осмотр украинцев в возрасте 21, 22, 23 года на предмет определения трудоспособности. Трудоспособные лица на следующий день должны были отправиться эшелонами в Германию. Первые эшелоны из местности Винница уже отправлены.

Несмотря на то, что некоторые образцовые украинцы поняли настоящий приказ, а он был переведен на украинский язык, что они подлежат отправке в Германию только на работу, все-таки сбор украинской молодежи проходит очень плохо... Страх украинцев поехать в чужую страну и расстаться со своими родными и Родиной очень большой». ⁴²

Здесь нет преувеличения, ведь основная масса населения не поддавалась влиянию пропаганды оккупантов. Буквально с первых месяцев оккупации уклонение от отправки в Герма-

нию приобретало все более и более массовый характер.

От мнимой «добропорядочности» захватчиков, их «заботы» о «безработных украинцах» не осталось и следа.

* * *

Итак, в начальной фазе «вербовочной» кампании в ее основу нацистскими захватчиками было положено целенаправленное пропагандистское и социальное давление на подневольное население оккупированной территории.

Пропагандистские усилия гитлеровцев сводились к формированию в сознании людей образа Германии как процветающего европейского рая, навязыванию подолынам мысли о том, что:

- оккупационная власть не является враждебной;
- войска вермахта пришли в край с благородной целью освобождения населения от сталинско-большевистского террора;
- немцы проявляют заботу о местных гражданах, предлагая им выгодные условия работы и проживания в Германии, заботятся об их будущем благополучии.

Как инструменты идеологического влияния использовались:

- устная агитация (беседы, агитационные выступления, лекции немецких «пропагандистов»);
- наглядность (листовки, плакаты, демонстрирование кинофильма «Дорога в Германию», передвижные фотовыставки);
- украиноязычная печать;
- сфабрикованные письма из Германии (тех, кто уже «успел завербоваться»);
- церковь (проповеди священнослужителей Украинской автокефальной православной церкви);
- финансово-экономические рычаги (выплата в начальный период денежной компенсации семьям завербованных).

Социальное давление (создание невыносимых условий жизни на оккупированной территории) применялось с целью побуждения населения, ввиду нарастающей безысходности положения, к поиску путей спасения в определенном нацистами месте – Германии. Составными компонентами социального давления были:

- тотальное ограбление;
- организация искусственного голода;
- массовые физические расправы над мирным населением (в первую очередь, над евреями, бывшими советскими активистами, военнопленными);
- безработица.

Эффективность гитлеровской пропаганды оказалась крайне низкой. Отправиться в дорогу первых завербованных заставляло возрастающее социальное давление. Временным изменением местожительства и работы они надеялись улучшить условия своей невыносимой жизни.

Не существовало никакого массового добровольного согласия населения Подолии на использование их труда в нацистской Германии.

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. – Т. 7. – М., 1961. – С. 257.

² Ныне г. Хмельницкого

³ Український голос (г. Проскуров). – 1942. - 29 января.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Винницкой области (далее: ГАВО), Ф. П - 425, оп. 2, д. 23, - л. 5.

⁶ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 2, д. 23, л. 16.

⁷ ГАВО, Ф. Р - 1416, оп. 1, д. 6, л. 94.

⁸ ГАВО, Ф. Р - 1358, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁹ Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України...- С. 20.

¹⁰ Такое предостережение не было случайным, так как еврейское население в немецкой зоне оккупации подлежало тотальному уничтожению.

¹¹ Вінницькі вісті (Winnizaer Nachrichten). – 1942. - 25 января.

¹² Український голос. – 1942. - 10 мая.

¹³ Обратим внимание, что в газете, обслуживающей Винницу, умышленно называется неместный адресат, чтобы читатели не смогли навести необходимые справки.

¹⁴ Вообще не сообщается, откуда она родом.

¹⁵ Вінницькі вісті (Winnizaer Nachrichten). – 1942. - 26 марта.

¹⁶ Подолянин (Der Podolier). – 1942. - 18 июня.

¹⁷ Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України...- С. 20.

¹⁸ ЦГАВОВУ Украины, Ф. КМФ - 8, оп. 1, д. 6, л. 73.

¹⁹ ЦГАВОВУ Украины, Ф. 3676, оп. 4, д. 475, л. 714.

²⁰ Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України...- С. 21.

²¹ ГАВО, Ф. Р - 3714, оп. 1, д. 1, л. 2 - 22.

²² ГАВО, Ф. Р – 1312, оп. 1, д. 120, л. 124.

²³ *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 21: со ссылкой на ЦГАВОВУ Украины, Ф. 4620, оп. 3, д. 264, л. 35.

²⁴ Der Prozess gegen die Hauptverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg. 14. November 1945. - 1. Oktober 1946. – Nürnberg. 1948. - Dokument 1183-PS. –S. 53 – 55.

²⁵ Безсмертя...- С. 185.

²⁶ Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, 14. November 1945 bis 1. Oktober 1946. - Nürnberg, 1947 – 1949. – Bd. XXXIX. – S. 423.

²⁷ Безсмертя...- С. 185.

²⁸ Начальнику военно-экономического штаба при Верховном командовании вооруженных сил Германии.

²⁹ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация...- С. 131.

³⁰ Здесь и далее административно-территориальное деление Подолии на 1941 год и период его нацистской оккупации.

³¹ ГАВО, Ф. П – 425, оп. 1, д. 7, л. 2.

³² ГАВО, Ф. Р - 1683, оп 1, д. 5, л. 1 - 2.

³³ Поділля у Великій Вітчизняній війні (1941 - 1945 рр.). – С. 93.

³⁴ Так в документе.

³⁵ ГАВО, Ф. П - 136, оп. 15, д. 473, л. 7.

³⁶ ГАВО, Ф. Р - 1312, оп. 1, д. 1288, л. 1 - 5.

³⁷ ГАВО, Ф. Р - 1312, оп. 1, д. 1291, л. 1 - 30.

³⁸ ГАВО, Ф. Р - 1312, оп. 1, д. 1665, л. 40.

³⁹ Вінницькі вісті (Winizaer Nachrichten). – 1942. - 5 марта.

⁴⁰ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 17, л. 27.

⁴¹ ЦГАВОВУ Украины, Ф. КМФ - 8, оп. 1, д. 6, л. 94.

⁴² ГАВО, Ф. П – 425, оп. 1, д. 4, л. 4.

2.2. Полицейско-административные мероприятия нацистов по осуществлению депортации населения в Германию

Собственно, никакой заботы о судьбе угнетенных народов не было. Была лишь неудачная тактическая попытка заигрывания с ними. Были откровенная демагогия, злой умысел, мошенничество, лицемерие, подлость, вранье, которые отнюдь не могли скрыть подлинной расистской сущности нацизма. Дальнейшие практические действия оккупантов, тайные и преданные гласности директивы и распоряжения оккупационной власти красноречиво говорят об этом.

26 января 1942 года, когда уже началась агитационная кампания, хозяйственный штаб «Восток», сомневаясь в ее успешном завершении, выдал специальную тайную инструкцию. В документе особенно подчеркивалось, что «если цель не будет достигнута, надо значительно ускорить вербовку путем использования всех средств, имеющихся в распоряжении». ¹

Буквально через три дня, 29 января, министр-альтер директор доктор В. Мансфельд, непосредственно отвечающий тогда за привлечение рабочей силы для работ в рейхе, обратился с письмом к руководителям оккупированных земель с требованием «осуществить необходимые приготовления и на случай принудительной вербовки». ²

Наиболее конкретно распорядился вскоре Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Ф. Заукель: «Абсолютно необходимо полностью исчерпать все человеческие резервы, которые есть в оккупированных советских областях. Если не удастся получить нужную рабочую силу на основе добровольности, то надо немедленно приступить к мобилизации и насильственной отправке». ³

Не распространялась мобилизация на фольксдойче, азиатские народы, лиц, разговаривающих на немецком языке, на тех, кто болел тяжелыми болезнями или же занимался «работой в пользу вермахта» на месте. К этой категории относились рабочие действующих предприятий, работающих на гитлеровскую армию и оккупационный аппарат, служащие местных органов «самоуправления», полицаи и другие нацистские пособники. Кроме того, гитлеровцы намеревались оставить минимум рабочей силы в селе, чтобы обеспечить производство сельскохозяйственной продукции для армии и Германии. Разумеется, попавшие в этот «минимум», на некоторое время оставались без внимания «вербовщиков».

Еще один документ, позволяющий применение прямого насилия («Общие положения о вербовке и использовании рабочей силы из Востока»), вышел 20 февраля 1942 г. за подписью шефа Главного имперского управления безопасности обергруппенфюрера СС Гейдриха. В нем указывалось, что лица, определенные для отправки в Германию, должны сосредотачиваться в специальных лагерях, проходить проверку на благонадежность. Их доставка в рейх должна осуществляться в закрытых вагонах, под надежной охраной.

«...Во время прибытия рабочей силы из старых советско-

русских областей в рейх последняя должна быть строго изолирована от немецкого населения, иностранных гражданских рабочих и всех военнопленных..., размещена в... лагерях с соответствующим ограждением, по возможности из колючей проволоки..., в основном покидать места своего расположения только для работы на предприятии..., все свое свободное время проводить в лагере...». ⁴

Кроме того, никто не отменял и действия директивы, принятой 16 мая 1941 г. еще в процессе подготовки к вероломному нападению на СССР, предусматривающей установление террористического режима на оккупированных территориях:

«Чтобы в корне задушить недовольство, нужно при первом же случае немедленно применять наиболее жестокие меры... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, о которых идет речь, абсолютно ничего не стоит и что влияние запугивания возможно лишь путем применения чрезвычайной жестокости». ⁵

Насильственное решение проблемы возлагалось на административный аппарат и силовые структуры. Вербовкой, вывозом подневольного населения должны были заниматься штабы и вербовочные комиссии, все органы рейхскомиссариата «Украина», экономического штаба «Восток», полицейские силы и карательные органы захватчиков. В городах набор рабочей силы непосредственно возлагался на специально созданные биржи труда, в сельской местности – на районные управы, старостат, которые взаимодействовали с местной украинской полицией, службами СД и СС.

Начало принудительной депортации рабочей силы напоминало ответственную, тщательно спланированную операцию. Так, вводилась обязательная регистрация населения трудоспособного возраста, медицинское обследование каждого из жителей для определения их пригодности к физическому труду в Германии. Определялись и спускались на места конкретные задания по количеству лиц, подлежащих отправке для работы в рейх. «За основу при планировании цифры набора было взято 10 % от общего количества населения региона». ⁶ Но основное внимание сосредоточивалось на молодежи.

Уже в середине февраля 1942 года старосты населенных пунктов Подолии получили от своего непосредственного начальства распоряжение (наподобие этого):

«13 февраля 1942 г.

Старосте с. Медведки [*Винницкого р-на*].

Согласно распоряжения областного комиссара от 12.2.1942 года о наборе рабочей силы в Германию Правительство Труда и районная управа предлагают выделить из Вашего села 10 душ разных специальностей мужчин и женщин возрастом от 17 до 45 лет. Выделенные люди должны быть физически здоровые..., иметь справку врача о состоянии здоровья...

Предупреждаю всех старост сел, что это есть дело важное и в случае невыполнения Вами этого будете отвечать по закону военного времени.

Руководитель отдела Правительства Труда Швайцер

Зам. председателя районной управы Горецкий». ⁷

Нацистские приспешники проявили лакейскую услужливость в выполнении чужой воли. Их не интересовали ни боль, ни дальнейшая судьба своих односельчан, наконец, человеческая жизнь как таковая. По словам подольянки М. П. Карнаух, во время оккупации «много наших же земляков были страшнее немцев, так как немец всего и всех знать не мог. Это же свои выдавали, вылавливали, гнали в Германию. Особенно старались полицаи, старосты, исполнители из управы...». ⁸

В фильтрационных делах, которые заводились органами бывшего НКВД на каждого из остарбайтеров, возвращавшихся после войны на Родину, довольно часто указывается, что кандидатуры для отправки в Германию определяли именно сельские старосты, местные полицаи, другие коллаборационисты.

«...Весной 1942 года молодежь начали забирать в Германию... В мае староста нашего села Безымянное Дрозюк Г. С. приказал мне принести ведро водки, иначе первым же поездом отправит туда и меня. Раздобыть водки я не смогла. Дрозюк Григорий прислал 2-х полицаев... Они меня арестовали и отправили в Комсомольскую райуправу, откуда я была вывезена в Германию». ⁹ (Из фильтрационного дела О. Е. Бабийчук, с. Безымянное Комсомольского района).

«...Оказалась на немецкой каторге я по воле старосты села Вознюка...». ¹⁰ (Из фильтрационного дела Л. П. Приян, с. Жаботинцы Орининского района).

«В Германию меня отправил староста села Медведь Дмитрий.., – написала в опросном протоколе жительница села Терновка Джулинского района Н. И. Доскуч. – В июне 1942 года он приехал с полицаями к моему дому подводой и насильно увез

меня на станцию Джулинка, где сдал немецкой охране...». ¹¹

«Меня отправили в Германию 12 декабря 1942 года. Определили на каторгу староста Лаган Федор и секретарь Табачук Александр. А арестовывала полиция...». ¹² (Из фильтрационного дела Е. И. Побережской, с. Ильковцы Теофипольского района).

Таких свидетельств более чем достаточно...

Применяя жестокость, насилие, предатели прилагали максимум усилий, чтобы спущенная им цифра была выполнена.

«8 мая 1942 года в нашем сельском клубе была проведена акция по захвату молодежи для отправки в Германию. В числе других поймали и меня... Акцию осуществляли староста села Лукашук, полицаи Тучак Андрей, Тучак Василий... Из клуба всех арестованных отправили в Германию...». ¹³ (Из фильтрационного дела С. М. Лучко, с. Глуховцы Комсомольского района).

«В 1942 году мне исполнилось пятнадцать... Работала воспитательницей Дашевского детского дома. I.VIII.42 в детдоме появились полицаи и немцы. Они приказали мне собираться в Германию. Я ответила, что не могу просто так оставить своих воспитанников. Тогда вместе со мной они забрали всех детдомовцев...». ¹⁴ (Из фильтрационного дела О. М. Крицкой, поселок Дашев Дашевского района).

«На работу в Германию меня мобилизовали 23 июля 1942 года, но я убежал. На следующую ночь в наш дом ворвались сельский староста Подоляк, немецкий активист Билык и немец. Они поймали меня на чердаке и сильно избили. Кроме того, избили отца и сестру. Окровавленного, они доставили меня в Винницу, откуда отправили в Германию». ¹⁵ (Из фильтрационного дела И. А. Коваля, с. Сербиновцы Жмеринского района)...

О том, как выполнялась данная задача, можно судить также и по донесению высокопоставленного нацистского чиновника, опубликованному в сборнике документов и материалов «Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине»:

«[...]Старосты сел или сельские старшины нередко приказывали и приказывают поднимать ночью из кроватей намеченных ими квалифицированных рабочих и до отправки запирают в подвалы. Вследствие того, что часто рабочим и работницам не дается времени на сборы, эти рабочие-специалисты прибывают на сборный пункт в абсолютно недостаточном обмундировании (без обуви, без запасной одежды, без посуды для пищи и

питья, без одеял и т. д.). Угрозы и избиение рабочих-специалистов со стороны сельской милиции,¹⁶ если эти рабочие немедленно не шли вместе с милицией, не сходят с повестки дня и о них приходят донесения из большинства общин. Часто женщин били так, что они становились непригодными для переходов...».¹⁷

Городским же жителям вручались специальные повестки с уведомлениями о трудовой мобилизации:

«Гр. г. Славуты Воробьев Антон по ул. Деражинская № 34. Районная управа предлагает Вам явиться 7/III-1942 года на 12 часов для регистрации в дом бывшей педшколы, откуда Вы на следующий день будете направлены на работу. Необходимо иметь с собой: белье, одежду, одеяло.

Явка обязательна.

Районная управа».¹⁸

У таких лиц отбирались хлебные карточки, которые были последней надеждой на существование. Неявка же по повестке в биржу труда расценивалась как саботаж и сопровождалась репрессивными мерами.

*Оккупационная власть старалась навязать людям и так называемые «обязательства», после подписания которых, считалось, что они едут в Германию по собственному желанию. Невыполнение такого обязательства влекло за собой заключение и принудительные работы в трудовом лагере. Нередко доходило вовсе до абсурда, когда от людей требовали добровольного согласия на выезд под угрозой смерти.*¹⁹

В первую очередь насилию подвергались юноши и девушки, которые до войны были комсомольцами. Как правило, нацисты не без помощи своих прислужников и лакеев получали списки этой категории населения. Те, кто значился в них, уцелел от расстрела или заточения в тюрьму, во время регистрации на бирже труда подвергались издевательствам. Вот как это мероприятие оккупантов происходило в г. Казатине (из фильтрационного дела В. Т. Савосик): «...Я лично была на регистрации городской молодежи и комсомольцев. На комсомольцев заводили отдельные списки и в нашем присутствии били их розгами до крови. При этом немецкие офицеры сильно ругались...».²⁰

Нередко, чтобы захватить юношу или девушку, предатели и их покровители шли на различные ухищрения.

«2 июня 1942 г. мне вручили какую-то справку и попросили

отнести документ в горуправу. Здесь меня немедленно арестовали. Таких обманутых, как я, оказалось много. Под конвоем нас привели на вокзал и отправили в Германию...». ²¹ (Из филтрационного дела О. И. Скоп, г. Старокостянтинов).

31 марта 1942 года Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель прислал телеграмму рейхскомиссарам о необходимости любыми средствами увеличить количество советских людей, вывозимых на принудительные работы.

«...Телеграмму вербовочным комиссиям я направляю вам с просьбой приять ее к сведению и немедленно отправить в мои комиссии в интересах мобилизации рабочей силы, которая срочно нужна для полного и своевременного снабжения армии снаряжением и боеприпасами, – говорилось в ней. – Прошу вас форсировать вербовку, за которую вы отвечаете вместе с комиссиями, всеми доступными средствами, включая наиболее суровое применение принудительности труда, с тем, чтобы **в кратчайший срок утроить количество завербованных** (выделено авт. С. Г.).

Я прошу, чтобы вы в случае необходимости, дополняли со своей стороны предложения комиссии, направленные на достижение этой цели. Собственную потребность в рабочей силе нужно значительно сократить, ограничив ее лишь заказами, которые имеют прямое военное значение...». ²²

Так развертывалась первая «программа Заукеля»...

Требование Главного уполномоченного по использованию рабочей силы означало *эскалацию насилия*, нуждающегося, в свою очередь, в увеличении количества репрессивного аппарата. Вскоре оказалось, что одних лишь усилий полицейских подразделений уже мало, потому к *вербовке привлекались также армейские структуры*. 25 апреля 1942 года появилась телеграмма главного командования немецкой сухопутной армии:

«Со стороны всех военных инстанций должна предоставляться всяческая поддержка комиссиям по мобилизации, а также организациям, которые осуществляют руководство по использованию рабочей силы и пребывают в ведении Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Штабы армий, штабы танковых армий и командующие фронтовыми районами должны в дальнейшем до 1 и 15 числа каждого месяца регулярно докладывать телеграфом о количестве отправленных рабочих...». ²³

Военные инстанции, несмотря на то, что между службой Заукеля и генералами вермахта существовали определенные расхождения в вопросах, кто кого должен больше слушаться, с «поддержкой» не промедлили (в первую очередь это касалось прифронтовых районов, где не было гражданской администрации; хотя Подолье находилось уже далеко от линии фронта, тем не менее, данное распоряжение выполнялось и здесь, в частности, тыловыми частями):

«В мае 1942 г. я был мобилизован по месту жительства войсками противника и отправлен на работу в Австрию...». ²⁴ Такая информация, в частности, имеется в фильтрационном деле жителя села Комаровцев Барского района К. И. Бондаренко.

«29/ VII - 1942 р. немецкие военные арестовали в с. Рыбчинцы 29 чел. молодежи, 12 девчат и 17 парней, и в тот же день отправили за границу. В числе этой молодежи был и я». ²⁵ (Фильтрационное дело жителя с. Рибчинцы Улановского района Б. Т. Устименко)...

Более часто армейские подразделения применялись на Подолии в 1943 – в начале 1944 г. (но тогда, в первую очередь, для борьбы с партизанами, для расправ над мирным населением, не исключая при этом и так называемой «вербовки»).

Как свидетельствуют документы, между органами Заукеля и военными оккупационными властями не было принципиальных противоречий в главном – цели, которую они преследовали. «И те, и другие были глубоко заинтересованы в рабском труде советских граждан и в определенной степени взаимозависели, поскольку органы Заукеля в возрастающих масштабах осуществляли депортацию рабочей силы, но не могли действовать, лишь опираясь на штыки оккупационного режима. Тесное сотрудничество органов Заукеля с вермахтом, а также полицейскими и эсэсовскими органами и органами службы безопасности... есть характерной особенностью осуществления программы рабского порабощения населения на временно оккупированных советских территориях». ²⁶

Желая придать еще больший импульс вербовочной кампании, а также лично проверить ее ход непосредственно на местах, Заукель и начальник экономического штаба «Ост» доктор Рахнер осуществили 26 – 31 мая 1942 г. инспекционную поездку по оккупированной Украине. Побывав в ряде ее регионов, они обратили внимание на одну важную для себя деталь – *наличие большого количества потенциальной рабочей силы.*

И это не было иллюзией. Быстрое продвижение гитлеровских войск не позволило советскому руководству осуществить надлежащую *эвакуацию гражданского населения*. В результате из Украины перемещено в тыл лишь 3,5 млн. граждан.²⁷ В Западной Украине и Северной Буковине сорванной оказалась даже мобилизация,²⁸ не говоря уже об эвакуации населения. Всего же на оккупированной территории Советского Союза оказалось свыше 60 миллионов граждан, или же приблизительно 33 % довоенного количества населения всей страны.²⁹

Не стало здесь исключением и Подолье. Уже тот факт, что, несмотря на массовые депортации и расстрелы, в первые месяцы после освобождения края от оккупантов в Красную Армию было мобилизовано 306280 чел. (по состоянию на 23 сентября 1944 г.: 172432 чел. из Винницкой области и 133788 чел. из Каменец-Подольской),³⁰ говорит о том, что значительное количество подолян было оставлено отступающими советскими войсками на оккупированной врагом территории.

Врагу оставалось лишь одно – *взять наличную рабочую силу*. Коварством, обманом, силой...

Эскалация насилия требовала применения новых репрессивных мероприятий. Они тоже были приведены в действие:

«Иллинцы, 17 июня 1942 г.

Ко всем старостам Иллинецкой области.

Относительно: вербовки украинских мужчин и женщин для работы в Германии.

При последнем транспорте 16 июня 1942 г. я установил, что часть завербованных украинцев, мужчин и женщин, не появилась к оттранспортировке в Германию.

Я постановил, что эти лица, которые не явились, будут наказаны немедленно в 100 руб. штрафа.

Если в будущем мои указания по отношению транспортировки в Германию лучше не будут приниматься во внимание, то я буду вынужденный те лица, которые не явятся, подвергнуть наказанию принудительным трудом, или заслать в концлагерь в Германию...

Гебитскомиссар». ³¹

Из фильтрационного дела В. П. Великой, с. Луговая Иллинецкого района:

«...16 июня 1942 года мне пришло распоряжение старосты сельуправы Кебы Мефодия об отправке в Германию. В случае отказа Кеба грозил сжечь мне дом. Я вынуждена была со-

браться и поехать на комиссию в Иллинцы, откуда я была отправлена в Германию». ³²

«В июле 1942 г. немцы отправляли из городка Комсомольское четвертый набор в Германию... На квартире меня взяли полицаи. Они жестоко избили мою мать за то, что она не хотела отпускать меня...». ³³ (Фильтрационное дело Б. В. Бобровского, поселок Комсомольское Комсомольского района).

Усиление репрессивных мероприятий и привлечение армии к вербовке гражданского населения, безусловно, имело определенные последствия. 28 июля 1942 г. Заукель направил Гитлеру и Герингу рапорт об успешном выполнении намеченной задачи. В нем, в частности, отмечалось, что взятое обязательство поставить в рейх 1,6 млн. чел. было выполнено уже 24 июля 1942 г. С момента его (Заукеля) вступления в должность Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в рейх было отправлено 1634794 чел., в том числе из захваченных земель на Востоке – 1300993, из других стран – 338801 чел. ³⁴

Деятельность главного «вербовщика» получила высокую оценку на совещании, состоявшемся 6 августа 1942 г. в ставке Геринга в Черепашинецком лесу Калиновского района.

«Я не хочу хвалить гауляйтера Заукеля, он сам этого требует, – сказал удовлетворенный рейхсмаршал. – Но то, что он сделал за короткое время для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, – есть единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем, что если каждый в своей сфере приложил бы лишь десятую частицу той энергии, которую проявил гауляйтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнены задачи, возложенные на вас». ³⁵

Окрыленный успехом, Заукель (снова вместе с Рихтером) осуществил с 10 по 17 августа новую поездку по восточным регионам – по маршруту Винница – Киев – Харьков – Сталино – Симферополь – Ялта – Севастополь – Краков. 19 августа он был уже в ставке Гитлера «Вервольф» на совещании по вопросам военной экономики. Там главный уполномоченный по использованию рабочей силы пообещал отправить в рейх еще миллион рабочих рук, ³⁶ положив этот показатель в основу своей второй так называемой «программы». Это означало продолжение и наращивание насильственной депортации, трагедию новых сотен и сотен тысяч людей, глумление над их

жизнью и достоинством. Вот почему после войны международный Нюрнбергский трибунал целиком справедливо осудил Ф. Заукеля на смертную казнь...

Характерно, что «в первые месяцы депортации большинство завербованной рабочей силы составляли мужчины... Это объясняется... тем, что оккупационная власть в первую очередь хотела использовать более активную и физически сильную часть трудоспособного населения Украины. Со временем, когда ресурсы мужского трудоспособного населения исчерпались, нацисты перешли к массовой депортации [лиц противоположного пола]». ³⁷

В начале сентября 1942 года А. Гитлер отдал распоряжение о привлечении 400000 – 500000 украинских женщин и девушек в возрасте от 15 до 35 лет для использования в домашнем хозяйстве Германии (разумеется, не оставалось без внимания и мужское трудоспособное население, и не только для выполнения домашних потребностей). Причем рабочую силу необходимо было доставить в трехмесячный срок – в основном из районов Правобережной Украины [поскольку в восточных районах Украины и на прилегающих к ним территориях России советская сторона сумела перед их оккупацией эвакуировать значительное количество квалифицированных рабочих, украинское Правобережье находилось на особом счету у гитлеровских «хозяйственников». Интересно в этом плане, в частности, признание, зафиксированное в одном из приказов начальника житомирской жандармерии:

«...Рейхскомиссар сообщил, что исполнение надежд рейха на акцию вербовки отныне почти исключительно зависит от результатов Волыни-Подоллии, Житомира и Киева (район Припять) ^{38]}».

Здесь еще сосредоточивался значительный массив рабочих рук.

Кроме того, А. Гитлер на тех же августовских совещаниях в ставке «Вервольф», требовал, чтобы проблема рабочей силы была решена при любых обстоятельствах и любыми средствами.

Над Подольским краем зловеще нависла угроза новой волны насилия, о чем свидетельствуют содержание и категоричный тон приказов и распоряжений оккупационных властей, которые «спускались на места» непосредственным исполнителям намеченных мероприятий, печатались в газетах, вывешивались

вались в людных местах для извещения населения. Вот что, например, требовали шеф Каменец-Подольской биржи труда и литинский областной комиссар:

«16 сентября 1942 г.

На основе существующего положения о трудовой повинности на Украине необходимо из каждого района Каменец-Подольского округа направить в Германию 600 чел. мужчин и женщин.

Районные шефы должны выделить для отправки в Германию здоровую и трудоспособную рабочую силу в возрасте от 16 до 45 лет... Никто не имеет права отказываться от поездки в Германию по семейным, социальным и другим причинам, им нужно указать на постановление о применении обязательного труда. Если и после этого они отказываются поехать, то через соответствующую биржу труда староста подает список людей о принуждении их к труду.

Отъезжающие должны взять с собой зимнюю одежду, продовольствие на 2 – 3 дня. Старосты обязаны объяснить семьям отъезжающих, что они должны проститься дома и на вокзал не имеют права их проводить. Если все же таки будут провожать, то каждый должен иметь в виду, что он будет вместе с отъезжающими направлен в Германию.

Штайфен». ³⁹

«25 сентября 1942 г.

...Я требую от каждого старосты, чтобы тех людей, которых ему заказано, полностью сдал. Проверкой установлено, что имеется достаточно рабочих рук, которые ничего не делают.

Пусть никто не осмелится ко мне приходить и заявлять, что он не имеет возможности дать надлежащее количество людей. К таким буду применять суровые меры и при необходимости лишать воли, как за саботаж.

Комиссия медосмотра состоится, как всегда, в поликлинике. Медосмотр для Браилова состоится 30.9.1942, Хмельника – 1.10.1942 на 9 ч. утра, Литина – 2.10.1942.

По поручению Зундермеер». ⁴⁰

Не успели на местах еще как следует взяться за дело, как 3 октября 1942 года в адрес министра по управлению оккупированными восточными областями Мейера поступило письмо от Главного уполномоченного по использованию рабочей силы.

«Фюрер выдвинул новую неотложную программу вооружения, которая делает необходимым введение в действие до-

полнительно 2-х миллионов иностранных рабочих, – сообщал Заукель. – Необходимую дополнительную рабочую силу следует максимально изъять на территории новооккупированных восточных областей, в первую очередь из рейхскомиссариата Украины. Рейхскомиссариат Украины поэтому должен предоставить 225000 рабочих до 31 декабря 1942 г. и дополнительно 225000 рабочих до 1 мая 1943 г.

Я прошу вас немедленно поставить в известность рейхсминистра и гауляйтера Украины Коха о новой задаче и в частности распорядиться о том, чтобы он лично всячески оказывал содействие в реализации этой задачи...

Я прошу уже теперь немедленно приступить к вербовке со всей энергией, используя все силы, в частности, специалистов из биржи труда.

Все указания, которые временно ограничивают вербовку рабочих с Востока, отменяются. Вербовка на государственные работы должна на ближайшие месяцы стоять во главе всех мероприятий.

Существующие личные потребности берутся во внимание только после самой строгой проверки. Я учитываю трудности, которые возникнут при выполнении этой новой задачи, но я также убежден, что при применении всех средств и при условии полнейшей преданности исполнителей этой задачи – новое поручение может быть выполнено в назначенные сроки...». ⁴¹

Действительно, вербовку повели «со всей энергией», задействовали едва ли не «все средства», имеющиеся в арсенале новейших варваров. Так, в отчете генерального комиссара Житомирского округа Лейзара о совещании с Розенбергом в городе Виннице говорилось: «...Я разрешил уполномоченному применять жесточайшие меры для того, чтобы достичь необходимого результата и получить контрольную цифру... Проблема мобилизации рабочей силы не может быть решена в «белых перчатках».⁴²

Нарастающее насилие переросло в открытый террор оккупантов против мирного населения.

«...Фашисты не считали нас за людей. Их жестокость не знала предела. Они сожгли мой дом, убили мать, а меня насильно угнали в Германию...». ⁴³ (Из фильтрационного дела А. Р. Барана, с. Романов Хутор Иллинецкого района).

Повсеместно систематически устраивались *облавы*: в жи-

лых кварталах, на базарах, в кинотеатрах, церквях. Каждый трудоспособный, волей обстоятельств находившийся там, становился невольником. Людей хватали также во время сельских праздников, на улицах, в поле, гонялись за ними с собаками, искали в погребах и на чердаках. И всех отправляли в рабство.

«4 октября 1942 г. из района в наше село прибыла полиция. Она устроила облаву. Меня нашли в погребе, где я думала перепрятаться, и отправили в Германию...». ⁴⁴ (Из фильтрационного дела Ю. К. Солониной, с. Подлесевка Михалпольского района).

Не считались даже с больными:

«К началу Отечественной войны я проживала в Погребнице возле отца, нигде не работала, поскольку с 1939 г. болела и все время лечилась... В 1942 г. староста управы приказал ехать в Германию, иначе грозил отправить туда моего брата и отца, а также сжечь дом... Я вынуждена была подчиниться, хотя была больной...». ⁴⁵ (Из фильтрационного дела Г. И. Хоменко, г. Погребнице).

«...В Германию меня забрали 1942 г. в ноябре месяце... Я тогда была больной, не могла бежать, так меня забрали...». ⁴⁶ (Из фильтрационного дела жительницы с. Селивинцев Немировского района М. С. Троян).

По данным специально созданного «центрального пункта для представителей восточных народов» только осенью 1942 г. количество таких больных составляло от 5 до 10 % всех насильно увезенных. ⁴⁷

Сами гитлеровцы признавали, что вербовка рабочей силы осуществлялась нечеловеческими методами. Так, в докладной записке полевой комендатуры № 19 за октябрь – ноябрь 1942 года говорилось, что вербовка больше напоминает охоту на людей (между собой *нацисты называли вербовку «охотой за черепами»*). ⁴⁸

Кроме того, в ходе этой охоты оккупанты накладывали на свои жертвы непосильные штрафы, контрибуции на целые села, конфисковывали имущество непокорных, сжигали их жилье, подвергали избиению и заточению родителей за то, что их дети прятались от вербовки.

«На немецкую каторгу меня определили в 1942 году. Ехать туда я не пожелал. Перепрыгивался по полям, по лесам, у родных. Тогда полицаи забрали мою мать. В тюрьме ее били, мучили, принуждали сказать, где я, но она меня не выдала...». ⁴⁹

(Из фильтрационного дела П. М. Александровича, с. Семаки Жмеринского района).

Не отказывались нацисты и от уже упоминавшихся «ухищрений»: приглашая молодежь в кинотеатр бесплатно просмотреть фильм, после сеанса всех насильно задерживали и увозили в Германию. Так, в частности, произошло в Баре...⁵⁰

Применялся и другой аналогичный прием: измученных голодом, нуждами людей заманивали в продуктовый магазин обещаниями о выдаче продовольствия или свободной продаже хлеба, соли. Оттуда домой мало кто возвращался. Это же можно сказать и о так называемых «колхозных собраниях».

«Еще одним провокационным методом, примененным нацистами при наборе рабочей силы, были торжественные провозы завербованных. Отбытие транспортов, в особенности первых, сопровождалось значительным пропагандистским апломбом. Людей, собранных при помощи силы, объявляли добровольцами и отправляли в Германию». ⁵¹ Немало остарбайтеров припоминают сцены на железнодорожных вокзалах, когда у людей текли слезы, невольников грубо заталкивали в товарные вагоны, а в это время играл немецкий духовой оркестр...

Выискивая резервы, оккупанты *закрывали учебные заведения.*

24 октября 1942 г. появилось распоряжение рейхскомиссара Украины Коха генералкомиссарам о закрытии в Украине школ и институтов и об отправке преподавателей и учеников на принудительные работы в Германию.

«Несмотря на мои четкие политические указания и прежде всего несмотря на мой приказ от 31 / VIII - 1942 г., – говорилось в документе, – мне пришлось узнать, что в генеральных округах, кроме 4-классных народных школ, еще существует определенное количество других школ, на которые я не давал разрешения. Подобно этому мне пришлось установить, что, например, в Киеве и Виннице институты приобрели характер наподобие университетского, и что кроме этого функционирует еще ряд институтов другого рода.

В такое время, когда даже в Германии рост образования почти стоит на месте и даже жизненно важные профессии, как профессии врачей, не могут иметь необходимого прироста, абсолютно не имеет значения, будет или не будет на Украине повышаться образование...

А потому я требую от господ генералкомиссаров закрыть все школы и институты, в которых учатся ученики старше 15 лет, а всех учеников и преподавателей из этих учреждений независимо от пола, закрытым способом отправить на работы в Германию...». ⁵²

В той же Виннице всех учеников технической школы привели на вокзал и загнали в вагоны...⁵³

Аналогичный прием нацисты применили в следующем 1943 году по отношению к ученикам Винницких фармацевтического и строительного техникумов.

«24 февраля 1943 г. я находилась в фармацевтическом техникуме на лекции. В это время помещение техникума было окружено полицаями и нам сказали собраться всем в лабораторию. Вскоре подъехали машины, на них нас посадили и отправили в лагерь на кирпичном заводе. Оттуда 25 февраля мы были доставлены на вокзал и отправлены в Германию». ⁵⁴ (Фильтрационное дело винничанки И. А. Собковой).

«Я был учеником 3 курса Винницкого строительного техникума. В мае 1943 г. его окружили полицаи. Вместе с Николаем Васильевичем Шевченко, Иваницким Борисом, Кучеренко Майей, братьями Николаем и Петром Белоусовыми, погибшими на чужбине, и другими однокурсниками я был забран в Германию...». ⁵⁵ (Фильтрационное дело Э. И. Тарнавского, с. Осичная Комсомольского района).

Разумеется, ни в 42-м, ни в 43-м одной Винницей дело не ограничилось.

«В 1942 г. меня забрали в Германию со школьной парты и был я там до Победы...». ⁵⁶ (Фильтрационное дело З. Ф. Марчука, с. Мешеровка Теплицкого района)...

Ближе к концу 1942 года эпицентр вербовочной кампании сместился в сельскую местность. Если под конец лета и осенью вербовка в определенной степени притормаживалась из-за страды и сбора урожая осенних культур, то с уменьшением объема неотложных работ на селе потенциально возрастало количество «добычи» для «охотников за черепами». На учете находился буквально каждый из числа молодежи.

Из распоряжения председателя Антонинской райуправы старшине Терешковской волости:

«28 ноября на 10 часов утра обеспечить явку в Антонины в Управу труда Корнейчук Нины с надлежащим багажом для поездки в Германию на работу.

Предупредите гр. Корнейчук, что в случае неявки ее лично ее семья будет отправлена на работу в Германию...». ⁵⁷

Молодых крестьян хватали в поле, на токах, дома.

«Мы с девушками завершали копать сахарную свеклу и катировали ее. Хотя дни были совсем короткими, очень уставали от работы, так как все приходилось выполнять своими руками. Голодным, холодным, нам хотелось немного: согреться, поесть, отдохнуть, – вспоминает бывшая немецкая рабыня жительница с. Иваньки Погребищенского района В. П. Михальчук. – Однако ничего этого нам не суждено. Неожиданно в поле появились полиция на конях. Они погнали нас на железнодорожную станцию Староустинцы. Отсюда для нас пролегла дорога в Германию...». ⁵⁸ *(К слову сказать, в самую Германию Варвара Порфирьевна тогда не попала. За попытку бегства она надолго стала узницей концлагеря «Освенцим»).*

«Я был насильно вывезен на каторжные работы в Германию 4 ноября 1942 года...». ⁵⁹ (Из фильтрационного дела И. М. Данилюка, с. Карабеевка Теофипольского района).

«Погнали меня в Германию 13 декабря 1942 года. Поймали полиция, которые были хуже собак...». ⁶⁰ (Из фильтрационного дела П. С. Левчука, с. Чешки Старосинявского района).

«24 декабря 1942 г. я была насильно забрана в Германию немецкой полицией...». ⁶¹ (Из фильтрационного дела Т. Ф. Гудим, с. Пашковцы Староконстантиновского района).

Анализ документов показывает, что наиболее массовые депортации подолян осуществлялись в 1942 г.: в конце апреля, в мае, особенно в июне, а также в июле, частично в августе и в конце года. Именно в 1942 году из Подолии было вывезено наибольшее количество гражданских лиц, которые оказались под властью нацистских оккупантов.

Основными причинами этого можно считать:

- наличие большого количества рабочей силы в крае;
- безысходность положения его жителей из-за невыносимых жизненных условий;
- полнейшая беззащитность населения перед оккупантами;
- отсутствие организации надлежащего сопротивления врагу (особенно в первом полугодии);
- тотальные насилие и террор захватчиков и их прислужников.

Несмотря на более-менее удовлетворительное выполнение второй «программы Заукеля», репрессивные мероприятия против подолян усиливались. Захватчики старались выкачать из Подолии, как, собственно, из всех оккупированных восточных территорий, все возможное, прежде всего, рабочую силу, которую руководитель рейховского министерства военной промышленности и вооружений А. Шпеер считал «ценнейшим трофеем, доставшимся немецкой военной экономике в результате похода на Россию»⁶² (*читай: на Советский Союз. С. Г.*).

Вообще, своего апогея «охота за черепами» достигла именно в 1943 году. Она, прежде всего, стала *отголоском сокрушительного поражения гитлеровцев под Сталинградом*, оказавшего поворотным пунктом в Великой Отечественной войне. Для восполнения потерь на фронте гитлеровскому руководству пришлось срочно мобилизовать в вооруженные силы около двух миллионов человек.⁶³

Потребность в рабочей силе возросла еще и потому, что была принята «...тотальная военная программа, с помощью которой правящие круги Германии старались ликвидировать последствия поражения на Волге... Заукель потребовал депортации миллиона советских гражданских рабочих только в период с марта по июнь 1943 г. Согласовав вопрос со штабом экономического руководства «Восток», он установил с 15 марта ежедневную норму 5 тыс. человек, расписал ее по рейхскомисариатам и воинским тылам».⁶⁴

Ежедневная норма для рейхскомисариата «Украина» была еще выше – 6 тыс. чел. Из-за наступления Красной Армии гитлеровцы бесповоротно теряли все новые территории, а рейхскомисариат «Украина» оставался пока еще в немецком тылу...

Учитывая возрастающие трудности, гитлеровцам пришлось даже привести в действие свой важный стратегический резерв – тогда же был снят существующий мораторий на депортацию рабочей силы из прибалтийских территорий, главным образом из Эстонии и Латвии, где до этого в связи с реализацией плана «германизации» насильственное привлечение нерусского населения к принудительным работам не применялось...

О добровольности вербовки теперь никто не вспоминал. Ставка была сделана лишь на дикое *насилие, беспощадность, террор*.

«28 апреля 1943 г. меня взяли на квартире, привели в сельуправу и насильно под конвоем отправили в Германию». ⁶⁵ (Из фильтрационного дела Д. Г. Чаюня, с. Новая Синявка Старосинявского района).

«В Германию я был направлен в мае 1943 г. Приехала немецкая полиция и забрала меня...». ⁶⁶ (Из фильтрационного дела М. В. Вдовиченко, с. Зозов Липовецкого района).

Будничным явлением стали облавы. Они устраивались гитлеровцами и их прислужниками во всех людных местах, особенно в больших населенных пунктах.

«...Я был пойман в феврале 1943 года в Погребище полициями на базаре во время облавы. Со мной взяли еще нескольких ребят, которые по разным причинам оказались здесь...» ⁶⁷ (Из фильтрационного дела Б. Л. Яворского, с. Муховата Самгородоцкого района).

«...В мае месяце 1943 года во время облавы в городе Виннице меня захватил отряд СС. Из Винницы отправлен на работы в Германию...». ⁶⁸ (Из фильтрационного дела В. А. Карча, с. Малые Крушлинцы Винницкого района).

«Где-то в конце июня 1943 г. немцы и полиция устроили в Гранове облаву. Был праздничный день, поэтому никто не верил, что такое может произойти. Тогда схватили много людей, около сотни человек. Полиция объясняли, что берут только 1925, 1924, 1923-е года, но брали всех... На машинах нас увезли в Гайсин. Здесь было еще больше немцев. Все вооруженные, с собаками... Они затолкали нас в товарные вагоны. Каждого, кто пробовал что-либо сказать, того били...» ⁶⁹ (Из фильтрационного дела Л. П. Шевчук, с. Гранов Гайсинского района).

Не удовлетворяясь облавами, вербовщики каждую ночь шныряли по жилищам потенциальных жертв.

«Меня взяли 15 сентября 1943 года в 4 часа ночи в своем доме и еще до утра полиция доставили в Вороновицу, где я просидела за проволокой два дня. Потом 7 дней сидела за проволокой в Виннице. Оттуда попала в Германию...». ⁷⁰ (Из фильтрационного дела В. С. Шведюк, с. Кальнишок Вороновицкого района).

Причем кампании по отправке рабочей силы в рейх следовали одна за другой, не прекращаясь ни на месяц. Сокрушительные поражения, которые испытывали гитлеровцы на фронтах, требовали нового «пушечного мяса». В ряды вермахта срочно призывались вчерашние немецкие рабочие и крестья-

яне, которых так же срочно нужно было заменить. *Единственным источником для восполнения потерь была иностранная рабочая сила, которая выполняла возрастающую роль в военной экономике Германии.*

Несмотря на то, что из того или другого населенного пункта было забрано значительное количество людей, оккупационной властью отправлялись на места все новые и новые разрядки на принудительную отправку рабочих на работу в Германию – в первую очередь юношей и девушек. Система разверсток продолжала действовать по уже отработанной схеме: гебит, город, село...

По своей сути вербовочные кампании повсеместно перерастали в процесс стерилизации края от молодежи, продуктивных сил (если бы, скажем, этот процесс длился еще лет пять, Украины как таковой вообще бы не существовало. Была бы освобожденная от славян территория, чего претенденты на мировое господство, собственно, и добивались).

«01.02.1943 г. К старосте с. Губник.

Вам необходимо сейчас же составить именной список на лица для выезда в Великогерманию, – требовал староста Гайсинской районной управы Полещук. – Набору подлежат лица мужского и женского пола возрастом от 16 до 45 лет и физически здоровые.

По вашему селу подлежат набору 45 чел.

Набору подлежат в первую очередь все лица, которые при бывших наборах уклонялись от отъезда и остались на месте...

Медицинский осмотр завербованных лиц будет проведен в городе Гайсине 8, 9 и 10 февраля с. г. в 8 ч. утра, а отправка в Великогерманию 11 февраля с. г.». ⁷¹

«На основании закона о трудовой повинности призывается теперь на комиссию украинская молодежь рождения 1926 года. Принятая молодежь этого призыва будет направляться исключительно в Райх. Поэтому совсем нецелесообразно подавать любые заявления через руководителей предприятий об увольнении, – распорядился казатинский оберфюрер СС и полиции. – Комиссия по приему молодежи 1926 г. рождения будет работать в помещении по Киевской ул., № 65 в такие дни:

1 и 2 округа города – пятница, 30 июля от 8 до 16 ч.

3 и 4 округа города – суббота, 31 июля от 8 до 16 ч.

5, 6 и 7 округа города – понедельник, 2 августа 1943 года от 8 до 16 часов.

Кто будет избегать явки на комиссию, тот вместе со своими родственниками будет строго наказан.

В будущем на предприятиях и в учреждениях будет работать только та подчиненная трудовой повинности молодежь, которая будет иметь на руках свидетельства об увольнении от трудовой повинности.

Согласно параграфу 1 закона об ограничении изменений места работы от 4.III.42 г. прием на работу лиц рождения 1920 - 1926 гг. возможен лишь по письменному разрешению областного комиссара». ⁷²

С этими распоряжениями перекликаются другие документы, принятые в противоположном конце Подолии:

«Сообщение Дунаевецкого Правительства Труда.

Этим призываются все трудообязанные мужчины и женщины 1923 года рождения явиться 17 мая 1943 г. в лагерь для осмотра.

Я еще раз обращаю внимание на то, что соответствующие лица, или родственники, трудообязанные, которые не появятся в лагерь или будут без соответствующих удостоверений Правительства Труда, будут наказаны. Старосты сел отвечают за своевременную явку, осмотр.

Гебитскомиссар: п/д КНОХЕ

Руководитель Правительства Труда». ⁷³

«На основании распоряжения господина рейхсминистра для занятых восточных земель все городское население рождения 1923, 1924 и 1925 годов обязанное к отбытию 2-годовой трудовой повинности в Германии.

В городе Каменеце-Подольском все [лица] рождения 1923 и 1924 годов должны явиться в понедельник 7 июня 1943 года в 8 часов утра в лагерь воспитательной работы на медицинскую комиссию, а рождения 1925 г. должны появиться в лагерь воспитательной работы на комиссию во вторник 8 июня 1943 г. в 8 часов утра.

Те, которые не явятся в указанный срок, будут приведены через полицию.

Одежду и прочие вещи надлежит взять с собой, так как не будет разрешено возвращаться домой к отходу транспорта 9 июня 1943 г.

Гебитскомиссар

Управа труда». ⁷⁴

«Для выполнения трудовой обязанности в Германии при-

зываются на два года все родившиеся 1923 – 1924 – 1925 годов (полностью) и частично 1922 года.

Для осмотра должны быть приставленные все лица, которые подлежат этому призыву, термина осмотра надо точно придерживаться.

Причины, связанные с работой, которую выполняет данное лицо, с состоянием здоровья или семейными обстоятельствами, которые требуют отсрочки от выезда в Германию, будут проверены во время осмотра...

Принадлежащие выезду в Германию, согласно распоряжения Райхскомиссара Украины от 19.11-42 г., будут получать помощь.

Кто не согласится на осмотр, будет тяжело наказан, так же, как тот, кто обманом попытается избежать от этого призыва.

Гебитскомиссар». ⁷⁵

При этом обратим внимание на *время пребывания завербованных в Германии*, указанное в двух последних объявлениях, – 2 года. Когда немцы начинали вербовку, речь шла о шести месяцах, и кое-кто из подолян, чтобы не накликать репрессий на себя и родных, соглашался отбыть этот срок. Но довольно быстро о нем забыли. Теперь время пребывания в Германии ограничивалось 24-мя месяцами, хотя на самом деле срок не устанавливался – оstarбайтер должен был работать на чужбине до полного физического истощения. Оккупанты, очевидно, пошли на этот шаг, чтобы в определенной мере снять среди населения гнетущее психологическое напряжение неопределенности срока оторванности от отчего дома. Однако это было больше дешевым пропагандистским трюком, нежели какой-то реальной заботой о людях. Тем более, что упоминавшиеся (аналогичные) распоряжения «подкреплялись» другими еще более выразительными документами, своеволием, жестокими репрессиями.

С апреля 1943 года жители сел Виннитчины при получении извещений об отправке на каторжные работы в Германию вынужденны были давать расписку, в которой говорилось:

«Утверждаю подписью, что я получил извещение об обязательной явке на работу в Германию.

Мне известно, что за невыполнение настоящего приказа у меня или в моей семье конфискуется здание, двор и весь скот (под скотом понимаются коровы, свиньи и птица).

Если я и после этого не явлюсь, чтобы отправиться в Германию, то мой дом или дом моих родных будет сожжен.

Иллинг, 15/IV-1943 г. (Подпись)». ⁷⁶

Типичное распоряжение о наказании советских граждан за отказ ехать на работу в Германию разослал гебитсфюрерам СС и полиции г. Монастирища житомирский гебитскомиссар (не позже 9 июля 1943 г.):

«Фамилия _____

Родился _____

Проживает _____

Несмотря на неоднократные предупреждения, что будет строго наказан, не подчинился приказу явиться для отправки в Германию (поставка рабочей силы) и тем самым саботировал приказ фюрера.

Подлежит такому наказанию:

1. Вышеназванное лицо должно быть арестовано и доставлено в Монастирище.

2. Члены семьи (которые живут в одном доме):

а) возрастом до 16 лет передаются в сиротские приюты в Дашев или родственникам, если такие есть;

б) от 16 до 50 лет, кроме тяжело больных и беременных, арестовываются и вместе с виновным доставляются в Монастирище;

в) старше 50 лет передаются под опеку родственников.

3. Все имущество конфискуется (включая дом и приусадебный участок):

а) мертвый инвентарь, а также продукты передаются на ответственность начальника района;

б) весь живой инвентарь (а также мелкий скот и птица) передается под квитанцию местному крайсландвирту. Квитанция присылается в мою канцелярию.

Арестованному, как и другим указанным лицам, позволяется взять с собой столько, сколько они могут нести;

в) дом и двор передаются начальнику района.

Я поручаю осуществление этих уголовных мероприятий проводить украинской полиции под надзором немецкого служащего.

Большого отчета можно не писать. Довольно лишь сообщения о выполнении с приложением квитанций.

Местный начальник района должен присутствовать при каж-

дой экспроприации, чтобы аресты и конфискация проходили без конфликтов.

На важность полнейшего и беспощадного применения этого распоряжения с учетом будущих отправок рабочей силы в Германию я не считаю нужным особенно указывать».⁷⁷

Об усилении репрессивных мероприятий относительно лиц, уклоняющихся от работы в Германии (а таких становилось все больше), шла речь на совещании районных комиссаров у генерального комиссара Воыни-Подолии Шене 29 – 30 мая 1943 года. На нем шеф данного генерального округа приказывал применять как одну из форм принуждения отправку в Германию целых семей вместе с детьми старше 10 лет.⁷⁸

Дети же младшего возраста и прежде, и теперь, никакой ценности для оккупантов не представляли, поэтому нацистские изверги часто устраивали над ними дикие расправы. Так, в с. Цибулев Монастырищенского района они отобрали у работающих женщин 105 малышей и зверски убили их на глазах матерей, причем даже не разрешили похоронить их.⁷⁹

В г. Каменец-Подольском гитлеровские палачи живьем закопали в большой могиле на городском кладбище около полутысячи детей в возрасте от 4 до 8 лет.⁸⁰ Еще одна трагедия разыгралась за километр от г. Староконстантинова на обочине дороги на г. Полонное. Здесь гитлеровцы расстреляли 155 детей из дома инвалидов в возрасте от 1 до 12 лет. Под отчаянные крики и мольбу немецкие бандиты прямо из машины бросали малышей в противотанковый ров и убивали их из автоматов, пистолетов, прикладами винтовок.⁸¹

Это была самая ужасная форма запугивания людей.

Кроме этого, массовое детоубийство применялось и с целью ослабления биологического потенциала народа «на отдаленное будущее».⁸²

Лишь 19 марта 1943 г. войска СС получили секретный приказ, содержащий требование: «...детей не нужно больше расстреливать».⁸³

Данный вид репрессивного влияния (*насильственный вывоз целых семей*) применялся также в Житомирском генеральном округе, но возраст детей не ограничивался. Так, самой маленькой из забранной семьи Мироновских Вячеславе из с. Майдан-Бобрик Хмельницкого района было всего 2 года, а ее сестренке Галинке – пять. Всего семья Мироновских состояла из шести человек.

Кроме этой семьи, из Майдана-Бобрика были насильно отправлены в Германию семьи Г. М. Гончара (6 чел.), П. И. Ма-зуркевича (5 чел.), Д. П. Джулинского (3 чел.), П. С. Коновала (4 чел.), Д. М. Педика (4 чел.), А. Г. Захарчука (4 чел.), З. Г. Григуса (7 чел.), М. Н. Педика (6 чел.) и др.⁸⁴

На совещании у генерального комиссара Воыни-Подоллии с нескрываемой тревогой констатировалось, что набор молодежи в возрасте от 23 до 25 лет столкнулся с чрезвычайными трудностями.⁸⁵ Едва ли не каждого завербованного приходилось доставлять на сборный пункт под угрозой применения оружия.

«23 мая 1943 г. мне вручили повестку явиться на медкомиссию. Я на комиссию не явилась и в это время в Германию не поехала. 24 июня 1943 года в 24-м часу к моему дому подохла полиция и забрала меня и мою маму и отправили в лагерь на Пятничаны. 25 июня меня под конвоем отправили на станцию г. Винницы». ⁸⁶ (Из фильтрационного дела В. В. Пимоновой, г. Винница).

«...Ко мне на квартиру пришел полицей и сказал, что завтра, то есть 20 июня 1943 г., я должна явиться в сельскую управу и оттуда поехать на комиссию в г. Хмельник. Я спряталась и не пошла, а 23 июня 1943 г. этот же полицей поймал меня и забрал в сельуправу. К Хмельнику сопровождал он же. В Хмельнике нам сделали комиссию и оттуда поместили на третий день в вагоны и отправили в Германию...». ⁸⁷ (Фильтрационное дело Н. А. Яцюк, с. Чесновка Улановского района).

«В мае месяце 1943 года во время объявленной немцами трудовой мобилизации на работу в Германию должна была ехать моя сестра Винник Мария Николаевна. Но она уклонилась от поездки, постоянно пряталась. Тогда вместо сестры староста Загребельный вместе с полицейями начал гоняться за мной и отцом. Мне удалось спрятаться в полях, а отца арестовали... Наконец полицейи поймали меня... В полиции я просидела 12 суток, пока не насобиралась группа таких, как я. Нас всех насильно отправили в Австрию». ⁸⁸ (Из фильтрационного дела Г. М. Винник, с. Вахновка Липовецкого района).

С теми, кто проявлял непокорность, нацисты безжалостно расправлялись.

«...Я со своими подругами пряталась в скирде соломы. Враги выследили нас. При мне закололи одну девушку, которая попала им в руки первой, а остальных вытаскали из скирды и

загнали в товарные вагоны и отправили в Германию...». ⁸⁹ (Из воспоминаний А. А. Душник, с. Дубина Комсомольского района).

«...Д. Г. Калашников... проживал временно в селе Григоровцы Староконстантиновского района. Гитлеровцы расстреляли его за то, что он отказался ехать на каторжную работу в Германию...». ⁹⁰

Такая же судьба за аналогичный поступок постигла и бывшего рабочего Чернятинского пивзавода, жителя с. Чернятина Жмеринского района С. Д. Хабаровского.

Довольно часто объектом охоты на людей становились целые села.

В одном из приказов рейхсфюрера СС Г. Гимmlера говорилось: «Деятельность министерства труда... должна быть подержана наиболее... Во время обыска сел, в частности в тех случаях, когда возникнет необходимость сжечь целое село, местное население должно быть принудительно передано в распоряжение уполномоченного». ⁹¹

В такой «охоте» принимали участие крупные силы карателей: воинские части, формирования гестапо и полиции. Так, «...20 июня 1943 г. немецкая военная часть была размещена в с. Хоньковцы с целью изъятия населения для отправки в Германию. Во время этой операции много людей... было задержано и отправлено в рабство». ⁹² (Из фильтрационного дела К. П. Пастух, с. Хоньковцы Яришевского района).

22 июля 1943 г. подразделения гестапо Житомира, Бердичева, Калиновки провели операцию по «изоляции» сел Майдан-Бобрик и Пиковская Слободка Хмельникского района. Во время грандиозной облавы из Майдана-Бобрика насильно отправлено в Германию 80, а из Пиковской Слободки – 256 жителей. ⁹³

Для этих же целей использовались и *коллорационистские отряды* казаков, власовцев:

«3 / VIII. 1943 г. в моем селе была осуществлена облава немцев при помощи казаков. Я был пойман ими и отправлен в Германию на работу вместе с другими насильно захваченными мужчинами». ⁹⁴ (Фильтрационное дело Д. С. Майданского, с. Великий Мытник Хмельникского района).

«Я был взят на каторжные работы в Германию насильно с поля старостой села Грановским Степаном и власовцами». ⁹⁵

(Из фильтрационного дела С. О. Репетского, с. Михновка Теофипольского района).

Не останавливались гитлеровцы и перед уничтожением целых населенных пунктов. Обер-лейтенант жандармерии Бернгард (г. Казатин) в июле 1943 года, например, организовал настоящую военную операцию по окружению и сожжению с. Карбчиев⁹⁶ за то, что оно не дало ни единого человека для отправки в рейх. Так нацисты, кроме всего, еще и сгоняли свою злость за крупные неудачи на фронте, все стремительнее прибивавшемуся к Подолии...

Данные репрессивные мероприятия привели к тому, что в ряде населенных пунктов Хмельницкого, Литинского, Калиновского районов, а именно, «...в селах Ивча, Ивашковцы, Канатковцы, Широкая Гребля (на Буге), Николаевка, Мизяков, Вонячин, Осолинка и других все мужское население от 14 до 70 лет было изгнано в Германию».⁹⁷

Под конец оккупации в Виннице осталось всего 27,8 тыс. жителей⁹⁸ из почти 100 тысяч, живших в ней до войны.

Громя жилища подолян, грубо растапывая человеческое достоинство, применяя крайние формы насилия, захватчики, в то же время лицемерно старались выдавать свои преступные действия за благородные поступки во имя лучшего будущего, а себя – за непоколебимых поборников справедливости и добра, попечителей счастливой судьбы едва ли не каждого украинца. Как и в начале вербовочной кампании, при помощи холуйских средств массовой информации они периодически обращались к определенным категориям населения с пропагандистскими прожектами:

«Украинская молодежь!

Немецкая власть зовет Тебя к выполнению трудовой повинности. Лица обоих полов возрастом от 18 до 20 лет обязаны в указанные сроки дать согласие через соответствующие Правительства Труда на «Службу труда». Самые нелепые слухи распространяются врагами по городам и селам. Все это вранье. Мы не желаем опустошения Украины и из ее людей делать рабов».⁹⁹

Украинская молодежь! Подумай о том, какие огромные задачи стоят перед тобой после окончания войны. Страна, которая на протяжении двадцати трех лет эксплуатировалась жидо-московской коммуной, страна, из которой высмактывались все соки, должна возродиться, должна стать тем хозяй-

ственным фактором жизни нашего континента, которым она, на основании своих богатств, призвана быть. Какая большая работа Тебя ждет! Эту работу будешь выполнять Ты, украинская молодежь...

Новая Европа зовет Тебя! Покажи, что Ты достойна войти в нашу большую семью – семью европейских народов». ¹⁰⁰

«Юноши и девушки!

Помните ли Вы о ваших ровесниках в еще неосвобожденных областях России?

Вы знаете, что большевизм мобилизует их там И ВСЕХ ПОСЫЛАЕТ на мучения, смерть, в огонь войны?

Сколько их не возвратится домой? Сколько и каких страданий они испытают, если останутся живыми? А если и вернуться, то не калеками ли на всю жизнь? ПОМНИТЕ О НИХ, ТОЛЬКО О НИХ, если Вас призывают теперь к мирной работе для общего блага!

Как Вы думаете, не отдали бы они преимущество работе в мирных условиях, если бы им предложили поменяться с вами местами?

Помните о них!». ¹⁰¹

«Украинские женщины и девчата!

Большая часть Ваших мужей, родителей и братьев добровольно согласились на работу в Германии, чтобы этим самым принимать участие в уничтожении большевизма...

Большая часть здоровых женщин и девчат 16 – 23 годов рождения находятся в Германии. Остальные с этих годов поедут в Германию следующим транспортом.

От всех женщин и девчат этих годов рождения требуется, чтобы они как можно быстрее явились к Гебитскомиссару в «Отдел Труда».

В данный момент, когда каждый рассудительный человек примыкает к замкнутому фронту против большевизма – Украинская женщина не должна отставать. А для этого еще раз призываю:

Соглашайтесь на работу в Германии...

Гебитскомиссар Эггерс». ¹⁰²

Назойливо надоедая подолянам со страниц газет, нацистские «благодетели» не забыли даже о «классовом рабоче-крестьянском единстве»: «Немецкий крестьянин и рабочий призывают Вас к сотрудничеству в Рейхе. Вы будете иметь в Рейхе лучшую жизнь, чем здесь...». ¹⁰³

Но юношество не соглашалось на «преимущества работы в мирных условиях», прекрасно понимая, что это за работа и каковы ее плоды. Женщины и девчата, как и едва ли не все подоляне, тоже всеми возможными способами стремились не попасть на глаза и в руки вербовщиков.

В итоге появлялись новые грозные распоряжения властей, тон которых не оставлял никаких сомнений.

«Все жители г. Каменец-Подольского рождения 1920, 1921, 1922, 1923, 1924, 1925 и 1926 годов, которые не имеют справок от управы труда на увольнение от поездки в Германию, должны явиться 8 августа 1943 г. в помещение лагеря воспитательной работы на медкомиссию.

Кто уклоняется от двухлетней трудовой повинности в Германии, будет рассматриваться **как партизан** и будет соответственно этому наказываться.

Руководители учреждений, которые с 9 августа 1943 г. будут содержать в своих учреждениях лиц рождения 1920 – 1926 годов, которые не имеют справок об увольнении от поездки в Германию, будут расцениваться как саботирующие распоряжение немецкой власти.

Гебитскомиссар

Управа труда

Староста г. Каменец-Подольского». ¹⁰⁴

Повальная депортация в значительной мере исчерпала трудовые ресурсы Украины, а необходимость в рабочей силе постоянно возрастала. Учитывая это, *нацисты с 1943 г. перешли к набору молодежи 1927 – 1928 годов рождения, то есть 14-ти – 15-летних детей.* (Одна из осуществленных гитлеровцами тайных операций по депортации детей возрастом от 10 до 14 лет даже имела свое кодовое название – «Сено»)...¹⁰⁵

«Я рождения 1928 года. В 1943 году был издан приказ: граждане рождения 1926 – 1927 гг. должны поехать на работу в Германию. Так как мой отец был коммунистом и служил в Красной Армии, староста сельуправы Воробей Евмен Григорьевич приписал мне один год, то есть записал меня с 1927 года и определил меня в Германию. 5 июня 1943 года к нам на квартиру зашел полицей Забияка Семен – арестовывать. Он сказал: «Собирайся, поедешь в Германию». Я собралась и он меня повел в сельуправу. Там нас всех собрали и под охраной повезли в Джулинку. В Джулинке мы прошли комиссию и на следующий день нас посадили в вагоны и отправили в Герма-

нию». ¹⁰⁶ (Из фильтрационного дела М. Ф. Желтобрюх, с. Раковка Джулинского района).

Всего же из Виннитчины на немецкую каторгу было вывезено 1470 детей (в возрасте до 16 лет). Больше всего из Песчанского (355 детей), Хмельникского (299 детей), Литинского (252 детей), Жмеринского (239 детей), Джулинского (160 детей) районов. ¹⁰⁷

Бесперывный набор рабочей силы привел, наконец, к ее острому дефициту на местах. Некоторые ответственные работники промышленности в Украине, столкнувшись с возникшей проблемой, стали слать в вышестоящие инстанции сообщения, что им не хватает рабочей силы для весенних работ. В некоторых государственных предприятиях сельского хозяйства на 100 гектаров земель было лишь 9 – 13 рабочих. ¹⁰⁸

Кроме того, несмотря на то, что обстановка на фронтах складывалась не в пользу вермахта, немало немецких руководителей, все еще веря в благополучный исход войны, пытались вводить в действие предприятия на оккупированной территории и сами нуждались в рабочей силе. Даргель, заместитель Коха, вынужден был предупредить их, подчеркнув, что количество рабочей силы в рейхскомиссариате «Украина» не безгранично и что открытие предприятий не должно в таком случае повредить отправке рабочих в Германию». ¹⁰⁹

Не могло остаться без рабочих и сельское хозяйство.

Уже в июле 1943 г. отмечался острый недостаток рабочих рук для местных нужд. ¹¹⁰

Поэтому совсем неслучайным было появление данного (и аналогичных) документов:

«Старосте с. Губника [*Гайсинский район*].

Завтра, 29-го июня на 7 часов утра нарочным представить рай. С. Г. коменданту г. Германы список людей, которых необходимо оставить в селе, которые не подлежат мобилизационному набору в Германию.

В списке указать таких лиц: агрономов, агротехников, зоотехников, бухгалтеров, ветработников, трактористов, которые прошли курсы в этом году, комбайнеров, специалистов общественного хозяйства, кузнецов, тележников, плотников и других специалистов, которые необходимы для сельского хозяйства...

С. г. комендант Герман». ¹¹¹

Тем не менее, не взирая ни на что, «охота за черепами» продолжалась. Рейхскомиссар Украины Э. Кох гневно угрожал:

«Я выгоню из этой страны всех до последнего человека!..». ¹¹²

«В 1942 г. меня определили на работу в Германию, но я спряталась и не поехала. Пряталась я до октября месяца 1943 года. А в октябре 1943 г. приехали в село немцы и полицаи. Ночью они поймали меня и забрали еще одну девушку из нашего села, Шкурупскую Зину Григорьевну, и сразу же направили на станцию Липовец, откуда шел эшелон с людьми в Германию...». ¹¹³ (Из фильтрационного дела В. Л. Вороновской, с. Синарна Иллинецкого района).

«8 ноября 1943 года полицаи подстерегли меня в доме и здесь же арестовали... Доставили в сельский старостат, а отсюда с другими арестованными гражданами села в Винницу и в Германию...». ¹¹⁴ (Из фильтрационного дела М. С. Голубенко, с. Москалевка Жмеринского района).

«В 1943 году немцы осуществляли один из последних наборов на работу в Германию. Староста сельуправы Горобец Евмен Григорьевич составил списки тех, кто родился в 1926 – 1927 гг. Под угрозой оружия нас собрали на сборный пункт и тоже под угрозой оружия повезли на комиссию в Джулинку. После комиссии меня закрыли в конюшне, а на второй день затолкали в вагон и отправили в рабство...». ¹¹⁵ (Из фильтрационного дела Г. К. Желтобрюх, с. Раковка Джулинского района).

* * *

*1943 год был особенно труден для подолян. Именно в этот период войны наиболее полно проявилась на подольской земле ужасная сущность нацизма. Развязанные гитлеровцами и их прислужниками-коллорационистами, неистовые террор и насилие, переросли в **откровенный геноцид против местного населения.***

- Одной из его форм была принудительная депортация населения, в первую очередь, молодежи, на каторжные работы в Германию.

- Кроме осуществления стратегической цели нацистского грабительского государства насильственный вывоз рабочей силы из Подолии предопределялся еще одним существенным обстоятельством – сокрушительными поражениями гитлеровцев на фронте: фронт требовал все нового «пушечного мяса», а военная промышленность рейха – рабочих рук.

- Осуществляемая нацистскими оккупантами депортация подолян в конечном итоге означала стерилизацию края от продуктивных сил, его обезлюдение, подготовку Подолии для последующего заселения немецкими колонизаторами.

- Несмотря на проявленные нацистами и их прислужниками преступные крайности в проведении вербовочной кампании, 1943 год по количеству отправленных из Подолии в рейх рабочих рук не стал таким успешным для гитлеровских оккупантов, как предыдущий.

* * *

В 1944 году вербовочная кампания в крае вообще носила кратковременный характер – фронт подошел уже к Подолии. Еще в конце декабря 1943 г. Советская Армия освободила от врага райцентры Винниччины Казатин и Погребище, 17 населенных пунктов Казатинского района, 24 – Погребищенского, 2 – Плисковского. 1 января 1944 года захватчики были изгнаны из Самгородка.¹¹⁶ В тот же день началось изгнание нацистских оккупантов из Каменец-Подольщины. 8 – 13 января долгожданное освобождение пришло в Полонное, Берездив, ряд населенных пунктов Полонского, Берездивского, Славутского районов.

В середине января фронт стабилизировался и к началу Черновицко-Проскуривской наступательной операции советских войск (4 марта 1944 г.) по всему его периметру продолжались локальные бои. Правда, 24 – 29 января гитлеровцы осуществили массированное контрнаступление восточнее Винницы. Тогда с рубежа Константиновка – Вахновка они нанесли мощный удар силами двух пехотных и двух танковых дивизий при поддержке авиации и артиллерии. В бою с немецкой стороны приняло участие свыше 200 танков.¹¹⁷ Тем не менее, поставленной цели гитлеровцам достичь не удалось...

Пока фронт не продвигался далее на запад, оккупанты времени не теряли. Они, как могли, грабили материальные и культурные ценности Подолии. В этот период, в частности, из Винницы было вывезено наиболее ценное имущество медицинского института и медучреждений, аппаратура и медикаменты аптек и аптекоуправления, уникальные экспонаты музеев и библиотек.¹¹⁸ Интенсивно вывозились в Германию насильно забранные в общинных хозяйствах и у индивидуальных собственников скот, птица, зерно, мука, разнообразный инстру-

мент, сельскохозяйственная техника, промышленно-техническое оборудование.

Не прекращалась и «охота за черепами».

«6 января 1944 года немецкая солдатня осуществила облаву в моем селе Ульяновка. Тогда в руки фашистов попало 11 односельчан и я 12-й. Под силой оружия нас посадили на автомашины и отвезли в Немировскую тюрьму, а оттуда на второй день – в Винницу... Через неделю мы были уже в Перемышле, а со временем – в Берлине...»¹¹⁹ (Из фильтрационного дела М. Г. Витрыка, с. Ульяновка Липовецкого района).

«...14 января 1944 г. ночью двое немцев, вооруженные автоматами, поймали меня в моем собственном доме и утром насильно отправили в Германию...».¹²⁰ (Из фильтрационного дела П. Р. Макаровича, с. Чепели Улановского района)...

«25 января 1944 года меня, Криворука Пантелеймона, Шмичка Леонтия, Кравчука Зиновия, Рыбака Никиту и еще многих жителей нашего села выловили немцы и вывезли в Германию...».¹²¹ (Из фильтрационного дела Я. Щ. Вихеля, с. Лукашова Липовецкого района).

«В январе 1944 г. немцы приказали всем жителям Браиловского совхоза, где я работала, немедленно освободить квартиры для их солдат. Мы с мамой и братом решили перейти на проживание в с. Новоселицу Жмеринского района, но по дороге натолкнулись на немецкую пограничную часть. Гитлеровцы схватили нас и отправили в Германию».¹²² (Из фильтрационного дела Г. И. Венгель, с. Семаки Жмеринского района).

Особую активность по вывозу гражданского населения в рабство гитлеровцы проявили во время отступления. От предшествующей вербовки она отличалась еще большим размахом, агрессивностью. Тогда хватали буквально каждого, кто только попадал в руки.

«Когда Красная Армия подходила к Каменогорке, немцы стали эвакуировать все население, но особенно мужчин...».¹²³ (Из фильтрационного дела Т. М. Кравчука, с. Каменогорка Дашевского района).

(Что касается Т. М. Кравчука, то он тоже был схвачен, к тому же, при драматических обстоятельствах. На некоторое время испытал радость освобождения, когда советские войска вошли в его село, он вскоре попал в плен вместе с группой красноармейцев во время одной из контратак врага на этом участке фронта и был вывезен с ними в Германию).

«Во время отступления немцев из нашего села последние начали хватать всех подряд и насильно, под угрозой применения оружия, отправлять на работу в Германию. Мы все прятались, кто где мог... На рассвете 16 февраля 1944 г. я отважился прийти домой, чтобы что-то поесть. Но выйти не успел. Был схвачен немцами. Кроме меня им удалось схватить еще 4 человек. Всех нас отправили в Германию...»¹²⁴ (Из фильтрационного дела И. М. Загрубского, с. Андриановка Грицевского района).

«В Германию меня забрала из квартиры 16 февраля 1944 г. немецкая полиция...»¹²⁵ (Из фильтрационного дела М. П. Кирь, с. Новики Староконстантиновского района).

«В начале 1944 г. мне с двумя товарищами посчастливилось убежать из Уманского лагеря для военнопленных. Прятались мы в селе Кушинцах Гайсинского района. Одного из нас через определенное время выследил местный полицейский. А в начале марта и я попал ему на глаза. Он был вооружен, на коне. Не спрашивая никаких документов, пригнал меня в клуб. Там под стражей находилось уже немало людей. Как оказалось, брали всех подряд кушинцев, кто еще мог работать... На следующий день утром под охраной полиции и немцев нас погнали в немецкое рабство...».¹²⁶ (Из воспоминаний Д. Р. Гриценко, г. Кировск Луганской области).

Такое поведение гитлеровцев и их прислужников тоже имело соответствующую «нормативную основу». Еще 8 июля 1943 года вышла директива за подписью Гиммлера, в которой говорилось:

«1. Фюрер принял решение очистить... районы... Украины... от всякого населения.

2. Все работоспособное мужское население поступает в распоряжение Главуполномоченного по трудоустройству на правах военнопленных.

3. Женское население определено Главуполномоченным по трудоустройству для работы в Рейхе».¹²⁷

«Называлось все это «тотальной мобилизацией» и сводилось, в сущности, к тому, чтобы не оставить Советам вообще ни одного трудоспособного. Первоочередной эвакуации подлежало все мирное население 20-километровой прифронтовой полосы.

7 сентября Гиммлер издал приказ о переходе к «тотальной войне», составной частью которой и стала «тотальная мобили-

зация». Гиммлер требовал, чтобы «при отходе из Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса...». ¹²⁸

Осуществляя массовую эвакуацию населения, оккупанты руководствовались также директивой А. Гитлера, требующей от войск «брать с собой все гражданское население и использовать его как рабочую силу». ¹²⁹

Нацистское руководство понимало, что каждый человек, оставленный на территории Украины после отступления вермахта, – это дополнительные человеческие ресурсы для армии и оборонной промышленности СССР. Оккупанты рассчитывали прежде всего на то, что изгнанные в рейх люди уже не смогут принимать участия в борьбе с ними. Относительно этого Геринг на Нюрнбергском процессе сделал такое признание: «Мы использовали этот труд по причине безопасности, с тем расчетом, чтобы эти рабочие не могли в своей собственной стране активно действовать против нас». ¹³⁰

Из-за катастрофического недостатка времени гитлеровцы нередко были не в состоянии отправить в свой тыл уже погруженную в вагоны рабочую силу. И тогда шли на дерзкие преступления. Одно из таких преступлений произошло на подольской земле:

«...Перед отступлением немцы погнали жителей села Подлесцы Изяславского района на станцию Четырбоки для отправки на каторгу в Германию. На сбор давали лишь 15 – 20 минут. При обходе домов гитлеровцы расстреливали больных колхозников и стариков. На станцию немцы привели под конвоем много тысяч советских граждан из всей округи и загнали их в вагоны. Когда советские войска стали приближаться к станции, немцы учинили над мирными жителями жестокую расправу. Два эшелона с советскими людьми гитлеровцы пустили под откос, а два железнодорожных состава облили бензином и подожгли. Остальные эшелоны немцам уничтожить не удалось. Бойцы Красной Армии захватили 90 вагонов, забитых советскими гражданами» ¹³¹ и «таким образом спасли их от мученической смерти». ¹³²

С освобождением Подолии была поставлена точка в насильственной депортации ее мирных жителей на каторгу в нацистский рейх.

* * *

Подитоживая сказанное, можем сделать такие выводы:

- *принудительный вывоз гитлеровцами трудоспособного населения длился до последних дней оккупации края;*

- *в заключительный период своего пребывания на Подолии нацистские захватчики до максимума расширили масштабы депортации, вербовочная кампания переросла в тотальную мобилизацию всех, кто только попадал в руки гитлеровцев;*

- *применяя тактику «выжженной земли», интенсивно обезлюдивая прифронтовые районы, нацисты старались таким образом воспрепятствовать усилению противника за счет человеческих ресурсов, которые могли бы достаться ему;*

- *с целью недопущения этого, они с легкостью шли на тяжёлые преступления против гражданского беззащитного населения, приумножая тем самым свои кровавые злодеяния против человечества.*

¹ *International Military Tribunal... - S. 381 – USSR.*

² *Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 79.*

³ *Київський процес... - С. 152.*

⁴ *Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 - 1944): Документы и материалы. - В 2 кн. – Кн. 1 (1941 – 1942) /Сост. Г. Д. Катько, В. И. Адамушко и др. – Минск: НАРБ, 1996. – С. 54 - 55 /Со ссылкой на Федеральный архив Германии, - РВ 19 / 2147. – С. 45 - 50.*

⁵ *Anatomie des SS – Staates. - Often, 1965. – Bd. II. – S. 225.*

⁶ *Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 22.*

⁷ *ГАВО, Ф. Р - 1136, оп. 1, д. 1, л. 69.*

⁸ *Молодь України. – 1990. - 9 мая.*

⁹ *ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 57, л. 2.*

¹⁰ *Государственный архив Хмельницкой области (далее: ГАХО), Ф. Р - 6193, оп. 1, д. 6670, л. 2 об.*

¹¹ *ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 38590, л. 3.*

¹² *ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 6, д. 6681, л. 2.*

¹³ *ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 19, л. 8.*

¹⁴ *ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 22018, л. 1.*

¹⁵ *ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24498, л. 2.*

¹⁶ *На Украине довольно часто вместе с передовыми отрядами гитлеровцев в только что захваченные нацистами районы вступали так называемые походные группы украинских националистов. Всюду, где только могли, они создавали органы "соблюдения порядка", которые вначале именовали себя милицией. Вскоре эти структуры население стало называть полицией.*

¹⁷ *Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. - С. 154.*

- ¹⁸ ГАХО, Ф. Р - 172, оп. 1, д. 16, л. 25.
- ¹⁹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее: ЦГАОО Украины), Ф. 1, оп. 14, д. 741, л. 37.
- ²⁰ ГАВО, Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 69059, л. 1.
- ²¹ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 4, д. 9450, л. 3.
- ²² Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. – С. 100.
- ²³ Там же; - С. 108.
- ²⁴ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 60312, л. 1.
- ²⁵ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 60190, л. 4.
- ²⁶ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... - С. 221.
- ²⁷ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941 – 1945. - Т. 1. – К.: Политиздат Украины, 1975. – С. 284.
- ²⁸ *Муковський І., Лисенко О.* Перемога і жертвність: Українці на фронтах другої світової війни / За ред. В. Конашевича. – К.: Пошуково-вид. агентство "Книга Пам'яті України", 1996. – С. 32.
- ²⁹ *Загорулько М., Юденков А.* Крах плана "Ольденбург"... - С. 88.
- ³⁰ ЦГАОО Украины, Ф. 1, оп. 23, ч. 1, д. 1002, л. 68.
- ³¹ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 2, д. 23, л. 16.
- ³² ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 17767, л. 2.
- ³³ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 39315, л. 7.
- ³⁴ Der Prozess gegen die Hauptverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg. 14. November 1945. – 1. Oktober 1946... - Dokument 1296 – PS. – S. 115
- ³⁵ ГАРФ, Ф. 7021, оп. 116, д. 351, л. 43 - 44.
- ³⁶ *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 91.
- ³⁷ *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених і "остар-байтерів" з України... - С. 23.
- ³⁸ Государственный архив Житомирской области (далее: ГАЖО), Ф. 1151, оп. 2, д. 706, л. 19.
- ³⁹ ГАХО, Ф. Р – 434, оп. 1, д. 7, л. 62.
- ⁴⁰ ГАВО, Ф. Р - 1504, оп. 1, д. 1, л. 71.
- ⁴¹ ЦГАВОВУ Украины, Ф. 3538, оп. 2, д. 230, л. 6 - 7.
- ⁴² Нюрнбергский процесс. – Т. 3 – С. 675 - 676.
- ⁴³ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 69012, л. 1.
- ⁴⁴ ГАХО, Ф. Р – 6193, оп. 6, д. 6802, л. 8.
- ⁴⁵ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 54074, л. 3.
- ⁴⁶ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 5524, л. 3.
- ⁴⁷ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... - С. 227.
- ⁴⁸ Історія Української РСР. – Т. 7. – С. 154.
- ⁴⁹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24405, л. 2.
- ⁵⁰ *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні. – С. 340.
- ⁵¹ *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених і "остар-байтерів" з України... - С. 25: с ссылкой на ЦГАОО Украины, Ф. 1, оп. 16, д. 888, л. 1 об.
- ⁵² ЦГАВОВУ Украины, Ф. 3676, оп. 1, д. 232, л. 3 - 4.
- ⁵³ *Косик В.* Україна і Німеччина в другій світовій війні. – С. 342.
- ⁵⁴ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 14543, л. 1.
- ⁵⁵ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 14637, л. 4.
- ⁵⁶ ГАВО, Ф. Р – 6023, оп. 2, д. 2201, л. 3.
- ⁵⁷ ГАХО, Ф. Р - 368, оп. 1, д. 8, л. 323.
- ⁵⁸ ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 20, л. 47.

- ⁵⁹ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 6, д. 6679, л. 2.
- ⁶⁰ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 4, д. 9405, л. 3.
- ⁶¹ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 4, д. 9448, л. 2.
- ⁶² *Herbert U.* Fremdarbeiter Politik und Praxis des "Ausländer – Einsatzes" in der Kriegs-wirtschaft des Dritten Reiches. – S. 166.
- ⁶³ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... - С. 167.
- ⁶⁴ Там же; - С. 225.
- ⁶⁵ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 4, д. 9406, л. 3.
- ⁶⁶ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24243, л. 3.
- ⁶⁷ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 54937, л. 2.
- ⁶⁸ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 69020, л. 3.
- ⁶⁹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 69063, л. 6.
- ⁷⁰ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 69061, л. 2.
- ⁷¹ ГАВО, Ф. Р - 2299, оп. 1, д. 42, л. 16.
- ⁷² Голос Волині (Казатин). – 1943. - 27 июля.
- ⁷³ Урядові Дунаєвецькі вісті. – 1943. - 13 мая.
- ⁷⁴ Подолянин. – 1943. - 23 мая.
- ⁷⁵ Український голос. – 1943. - 30 мая.
- ⁷⁶ ГАВО, Ф. Р - 1433, оп. 1, д. 3, л. 47.
- ⁷⁷ Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. – С. 210 – 211.
- ⁷⁸ Bundesarchiv, Koblenz. - R6/243. – f. 51.
- ⁷⁹ Історія міст і сіл Української РСР. Хмельницька область / Председатель Главной редколлегии Тронько П. Т. – К.: УРЭ, 1971. – С. 315.
- ⁸⁰ Історія міст і сіл Української РСР. Черкаська область / Председатель Главной редколлегии Тронько П. Т. – К.: УРЭ, 1972. – С. 474.
- ⁸¹ ГАХО, Ф. Р - 863, оп. 2, д. 42, л. 31 - 34.
- ⁸² Безсмертя... - С. 182.
- ⁸³ Першина Т. Фашистский геноцид на Украине... - С. 45.
- ⁸⁴ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 17, л. 103.
- ⁸⁵ Bundesarchiv, Koblenz. - R6/243. – f. 51.
- ⁸⁶ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 14645, л. 3.
- ⁸⁷ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 1373, л. 4.
- ⁸⁸ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24278, л. 3.
- ⁸⁹ ГАВО, Ф. Р - 5022, оп. 1, д. 182, л. 1.
- ⁹⁰ ГАХО, Ф. Р - 863, оп. 2, д. 42, л. 34.
- ⁹¹ Безсмертя... - С. 184.
- ⁹² ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 26759, л. 3.
- ⁹³ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 17, л. 103;107.
- ⁹⁴ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 2223, л. 1.
- ⁹⁵ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 6, д. 6686, л. 2.
- ⁹⁶ Ныне Ружинского района Житомирской области.
- ⁹⁷ ЦГАОО Украины, Ф. 128, оп. 1, д. 1, л. 8.
- ⁹⁸ Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. – С. 303.
- ⁹⁹ Очевидно, появление этой и аналогичных публикаций обусловлено еще и дезавуированием правды о жизни невольников в рейхе.
- ¹⁰⁰ Подолянин. – 1943. - 20 мая.
- ¹⁰¹ Урядові Дунаєвецькі вісті. – 1943. - 4 июня.
- ¹⁰² Урядові Дунаєвецькі вісті. – 1943. - 26 сентября.
- ¹⁰³ Подолянин. – 1943. - 20 мая.
- ¹⁰⁴ Подолянин. – 1943. - 5 августа.
- ¹⁰⁵ *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених і "остар-

байтерів" з України... - С. 26.

¹⁰⁶ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 38541, л. 3.

¹⁰⁷ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 17, л. 1.

¹⁰⁸ Bundesarchiv, Koblenz. – R 6/52. – f. 38.

¹⁰⁹ Bundesarchiv, Koblenz. – R 6/19. – f. 31.

¹¹⁰ Bundesarchiv-Militararchiv, Freiburg. - RH 22 / 47. – Abt. VII, Nr. 386 / 42 geh. – H. Qne den 10 Juli 1942. – S. 6

¹¹¹ ГАВО, Ф. 2299, оп. 1, д. 42, л. 33.

¹¹² *Земсков В. Н.* Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941 - 1944). – М., 1986. – С. 182.

¹¹³ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 17774, л. 3.

¹¹⁴ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24447, л. 3.

¹¹⁵ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 38593, л. 2.

¹¹⁶ *Гальчак С. В.* Боях за Вінниччину /Збірник документів. - Вінниця, 1994. – С. 5 - 6.

¹¹⁷ *Москаленко К. С.* На південно-західному напрямку, 1943 – 1945: Спогади командарма. - Кн. 2. - К.: Політвидав України, 1984. - С. 258.

¹¹⁸ ГАВО, Ф. Р - 1312, оп. 1, д. 4, л. 7.

¹¹⁹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24221, л. 6.

¹²⁰ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 1273, л. 3.

¹²¹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24237, л. 3.

¹²² ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24440, л. 2.

¹²³ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 21973, л. 3.

¹²⁴ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 4, д. 9395, л. 2.

¹²⁵ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 4, д. 9454, л. 3.

¹²⁶ ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 6, л. 51 - 52.

¹²⁷ *Dallin A. J.* Deutsche Herrschaft in Rusland 1941 - 1945. Eine Studie über Besatzugspolitik. - Düsseldorf: Droste Verlag, 1958. - S. 447

¹²⁸ *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 109.

¹²⁹ ЦГАОО України, Ф. 1, оп. 16, д. 34, л. 25.

¹³⁰ *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 26.

¹³¹ Поділля у Великій Вітчизняній війні... - С. 83 - 84.

¹³² *Першина Т.* Фашистський геноцид на Україні. - С. 84.

2.3. Этапирование рабочей силы в нацистское рабство

Переступив ворота сборного пункта или лагеря (такие пункты, как правило, организовывались в городах неподалеку от железнодорожных станций; в Виннице, например, он был расположен в районе нынешнего государственного педагогического университета им. М. М. Коцюбинского), обреченный на вывоз в Германию человек попадал в совсем иной мир. В сво-

ей суровости он ничуть не уступал порядкам, существовавшим в тюрьме или в концентрационном лагере. Как и упоминавшиеся объекты, сборный пункт (лагерь) тоже был обнесен колючей проволокой, охранялся вооруженной охраной.

«...5 июня 1943 г. меня забрали в селе Бродецком вместе с другими девчатами, – пишет в своих воспоминаниях жительница села Вуйна Комсомольского района В. Багацкая. – Еще в Бродецком немцы начали издеваться, бить нас розгами по голове, по ногам. На второй день погрузили нас в вагоны и отправили в Винницу. Там отвели всех в сборный лагерь, обгороженный в несколько раз проволокой, так что убежать нельзя было никак...». ¹

Завербованный человек терял здесь свободу, до минимума ограничивалась также свобода его перемещения. Все нужно было делать лишь по команде гитлеровцев или полицаев. Фактически, с этих пор он считался уже «военным трофеем», механически засчитывался в категорию «взятых военнопленных».

После уточнения количества прибывших, на первых порах вербовочной кампании всех знакомили с инструкцией оккупационной власти о нормах поведения населения во время вывоза в Германию. (Позже о такой форме работы забыли. Гитлеровцы, вероятно, считали, что достаточно лишь загнать людей в вагоны, а там их поведение будут регламентировать распоряжения и требования охранников). Инструкция лишней раз подчеркивала невольническое положение завербованных, призывала к покорности:

«Рабочие и работницы Востока!

Вас выбрано на то, чтобы вы работали в Великогерманском государстве и тем самым внесли свою часть для создания новой и лучшей Европы.

Если вы готовы сознательно и честно выполнять вашу обязанность, то тогда к вам будут относиться хорошо и справедливо, – говорилось в ней. – Однако кто думает, что может противиться распоряжениям немецких членов правительства, тот пусть не надеется на снисходительность. Его подвергнут наказанию весьма остро.

Поэтому призываем вас, в вашем собственном интересе, вести себя перед отъездом и во время транспортировки спокойно и достойно. Главное выполняйте радужно и скоро все приказания ваших проводников.

Окна и двери в лагере и в вагонах должны быть заперты от заката до восхода солнца.

Кто не выполнит данных распоряжений, отвечает за последствия. Ведущая команда получила приказание любой ценой сохранить спокойствие и порядок во время транспорта.

Если во время темноты будут открытые двери или окна, или будут попытки этого, а виновник не обнаружится, то будут наказаны два из вас, которые находятся в том самом помещении.

Поэтому уважайте один другого.

Ничего с вами не произойдет, если будете вести себя дисциплинированно.

Думайте о себе, о ваших семьях и про лучшую, свободную Европу.

В Германии получите достаточное пропитание и хорошее помещение». ²

Условия содержания людей в сборных или пересылочных пунктах (лагерях) были ужасными. В большинстве из них завербованные питались лишь один раз в день, и то жидкой похлебкой. Им выдавали по 200 г некачественного хлеба. Спать приходилось на полу, иногда присыпанном соломой, или же на твердых, грубо сбитых нарах без какого-либо постельного белья.

Как правило, невольники здесь долго не задерживались. Под конвоем завербованных отводили на вокзал и, как скот, загружали в товарные вагоны, двери которых наглухо закрывались. Причем их не открывали по нескольку дней, пока поезд не прибудет к намеченному пункту.

«...Как везли нас из Немирова до Перемышля, то за все это время вагоны совсем не открывали...». ³ (Из фильтрационного дела Г. П. Шевчук, с. Воробиевка Немировского района).

Кроме того, вагоны загружались настолько плотно, что пассажирам хватало места лишь для сидения. О других удобствах не могло быть и речи. В частности, вагоны совсем не отапливались, вследствие чего, как признавали сами нацистские чиновники, поздней осенью или зимой приходилось вместо рабочих выгружать трупы, на что, в частности, указывал в своем докладе от 20 февраля 1942 г. министеральдиректор Мансфельд.⁴

Не было и организованного питания, каждый перебивался в дороге тем, что взял с собой, а то и просто голодал.

«...Везли нас в закрытых вагонах 10 дней. Все это время совсем не кормили...»⁵ (Из фильтрационного дела О. М. Крицкой, с. Дашев Дашевского района).

Правда, завербованным, отправлявшимся первыми эшелонами, выдавалась порция хлеба и колбасы. Но то был лишь кратковременный пропагандистский жест.

«...В марте м-це 23 числа 1942 г. в первый набор в Германию старостой села Стрильчинец Довбушем Василием Степановичем и его заместителем Руденко Яковом Васильевичем я была отправлена в Германию... В Виннице нас погрузили в товарные вагоны широкой колеи, которой мы ехали до станции Краков... В дороге, как мы ехали, нас кормили в г. Виннице колбасой и хлебом. Далее не кормили ничем».⁶ (Фильтрационное дело Г. М. Шлапак, с. Стрильчинцы Немировского района).

Все, кто ехал в Германию следующими эшелонами, лишались и этого.

Кроме того им запрещалось иметь при себе ножи, вилки, вообще острые предметы. Запрещалось везти бумагу, карандаши, записывать станции, через которые проходил поезд.

При таких условиях транспортировки пассажиры даже не имели возможности справить естественные потребности. Если же это иногда разрешалось, людей выводили небольшими усиленно охраняемыми группами. Для нацистов пассажиры были лишь живым товаром, поэтому вели себя с ними, как с животными. Из-за ужасных условий транспортировки смертность оставалась высокой не только осенью и зимой.

Нередко случалось, в особенности в конце 1942 г. и в 1943-м, когда эшелоны с направлявшимися в Германию узниками встречались с эшелонами, возвращающими в Украину тех, кто уже успел оставить в немецком рабстве свои силы и здоровье, и подолгу простаивали вместе на соседних железнодорожных путях. Такие встречи были ошеломляющими для будущих каторжан, имели широкий резонанс. О том, что же происходило тогда, а также об условиях транспортировки, речь идет в донесении высокопоставленного немецкого чиновника, которое приводим ниже:

«[...] Особенно гнетущее впечатление на рабочих-специалистов и на население оказывают рабочие, которые возвращаются из Германии, – те, которые стали непригодными или уже раньше были нетрудоспособными.

Многочисленные эшелоны с такими непригодными рабочи-

ми, которые возвращаются, уже не раз встречались с поездами, которые везли в Германию рабочих-специалистов, и долго стояли на колеях недалеко один от другого. Вследствие недостаточного снабжения эшелона с теми, которые возвращаются (часто в одном вагоне ехало по 50 – 60 человек, все больные, раненые или ослабевшие, не получая продовольствия и помощи по несколько дней подряд, поскольку эшелоны сопровождало всего 3 – 4 человека), вследствие часто очень неблагоприятных, хотя и преувеличенных высказываний тех, которые возвращались, об обращении с ними в Германии и в дороге, а также вследствие всего вида этого эшелона среди рабочих-специалистов, которые ехали в Германию, и всего эшелона вспыхнул психоз страха. Многие из начальников эшелонов, например, 62 и 63, докладывали подробности. В одном случае начальник эшелона наблюдал, как на его глазах вынесли из вагона умершего от голода рабочего-специалиста и оставили его на рельсах... В другом случае поступило донесение, что в дороге команда, которая сопровождала эшелон, была вынуждена выгрузить на рельсы и оставить непохороненными 3-х умерших...». ⁷

Характерно, что этот же чиновник, непосредственно соприкоснувшись с проблемами крайне неудовлетворительной транспортировки определенных на каторгу людей, высказывает довольно существенные замечания и предложения (тем не менее, так и не учтенные нацистским руководством):

«...Во время перевозки в Германию необходимо заботиться о питании, об обеспечении питьевой водой, о разрешении выйти для проведения туалета, о медицинском обслуживании, о планомерной отправке, о предотвращении избиений и издевательствах, о ликвидации вшивости, об охране [...]. Красный крест, который часто бывает очень перегруженный, помогает снабжению транспортов, но, к сожалению, в обращении многих помощниц с рабочими-специалистами часто наблюдается непонимание всей важности мероприятий фюрера относительно мобилизации восточных рабочих. Поэтому неоднократно наблюдалось отвратительное обращение, в особенности с работницами с востока. Часто этим людям вообще отказывали в продовольствии, заявляя, что это «русские свиньи». То, что здесь ехали украинцы, никто не принимал во внимание, поскольку в этой области велось очень мало агитации. Вследствие этого неоднократно случались побеги голодающих на протяжении

нескольких дней людей, которые убегали в ближайшие села, продавали свое имущество и покупали продукты питания. В таких случаях нельзя и думать об их возвращении в эшелон...». ⁸

Очевидно, что эшелоны из Германии со смертельно изможденными, искалеченными и больными людьми были неучтенным оккупантами отрицательным фактором, который, безусловно, повлиял на дальнейшую вербовку рабочей силы на Востоке. Лишь в конце 1942 – начале 1943 года гитлеровцы спохватились, прекратив формирование и отправку таких эшелонов.

Что же касается побегов, то поводом для них были не только подобные встречи на железных дорогах. Подавляющее большинство пойманных вербовщиками помышляли об этом сразу же после того, как попадали в лапы «ловцов человеческих душ». Для примера возвратимся к воспоминаниям цитированной раньше В. Багацкой (с. Вуйна Комсомольского района).

«...Мысль о побеге поддерживала меня. Дорогой длительное время нельзя было убежать, то ли прыгнуть из поезда, так как в задних вагонах были полиция и немцы. Так приехали мы в Западную Украину. Недалеко от Тарнополя начали мы прыгать с поезда. Много успело соскочить и убежать, но когда прыгнула, то и не заметила, как меня немцы тяжело ранили в руку. Когда немцы увидели, что девчата убегают, они начали стрелять по ним, завернули назад поезд и начали ловить нас. Я не могла бежать, так как потеряла много крови, и они меня схватили: больше всего их интересовало, сколько сбежало девчат, а на мою рану они не обращали никакого внимания и не сделали мне никакой перевязки.

Когда мы приехали., немцы, видимо, решили, что чем лечить и перевязывать меня, то лучше просто отрезать мне руку. Так и сделали». ⁹

Несмотря на всю суровость транспортирования, факты побегов не были единичными. В большинстве случаев они пресекались с помощью оружия. Так, «...на станции Цветоха Каменец-Подольской области из одного вагона эшелона, шедшего с молодежью в Германию, осуществили побег несколько человек. За это гитлеровцы по прибытию на станцию Славута вывели из вагона 33-х юношей, попавших им под руку, и расстре-

ляли их вместе с тремя пойманными беглецами, среди которых была одна девушка». ¹⁰

Иногда расстрел заменялся заключением в концлагерь. Так, жительница с. Педосов Погребищенского района М. Г. Петренко сбежала из поезда в Польше, но была схвачена гитлеровцами. За бегство отсидела две недели в тюрьме г. Катовице и удерживалась почти полгода в концлагере «Аушвиц» («Освенцим»).¹¹

Г. А. Праведнюк из с. Снежной того же района доехал лишь до Проскурова, где сумел сбежать из поезда. Под Шепетовкой снова попал в руки нацистов. Оттуда под усиленной охраной был переправлен в концлагерь «Дахау». Здесь провел 9 недель, а затем был переведен в концлагерь г. Аллакс. В заключении находился до 30 апреля 1945 г. – времени освобождения из неволи американскими союзническими войсками.¹²

Таких примеров сотни.

Чтобы уменьшить количество побегов, немцы начали назначать на каждый вагон старосту из числа депортированных. Но и это не давало ожидаемого результата.

Нередко гибли в дороге, становились калеками направленные в рабство подоляне и при других обстоятельствах: вследствие железнодорожных катастроф, бомбардировок поездов английской или американской авиацией (в особенности в 1943 – 1944 гг.).

«Ехали мы долго, – вспоминает землячка В. Багацкой А. А. Душник из с. Дубины Комсомольского района. – Два раза эшелон с молодежью бомбили. Перед Веной из него осталось всего несколько вагонов...». ¹³

Эшелоны с каторжанами подоляне между собой называли «похоронными», «траурными». И имели основание. Ведь каждый, кто был насильно забран в Германию, отправлялся туда, как «на тот свет».

«...Как мы уже сели в тот распроклятый поезд, что он нас так далеко увез, мы очень и очень плакали... А как стал уже отправляться поезд, то мы все так кричали, что я не знаю, куда было слышно те вопли, сильнее, как на пожар в 100 раз. Но этот крик ничего нам не помог, а только мы позахрипали и от плача очень болела голова...». ¹⁴ (Из письма из нацистской каторги Анны Чекорской, с. Большая Клитна Базалийского района, 25 октября 1943 г.).

Несмотря на уверения вербовщиков, «путешествие» в Гер-

манию было не только опасным, но и совсем не бесплатным. За перевоз рабочей силы платили немецкие военные монополии. Затем «рассчитывались» с монополиями сами «бесплатные пассажиры» – своим каторжным трудом, украденной у них зарплатой, молодостью, здоровьем, жизнью...

Итак:

- уже в сборном лагере завербованное лицо лишалось всех человеческих прав, автоматически получало статус военнопленного, бесправного раба;

- условия транспортировки депортированных в Германию были ужасны – людей перевозили, как скот, отношение к ним было дискриминирующим – крайне унижительным, аморальным, жестоким.

* * *

А теперь выделим наиболее существенное, о чем шла речь во втором разделе:

- начатое в 1942 г. в условиях целенаправленного пропагандистского и социального давления изгнание населения Украины, в т. ч. Подолии, на принудительные работы в Германию, усиливавшееся во время обострения положения на фронте, было необходимым условием продолжения нацистским режимом Третьего рейха войны за мировое господство;

- депортация украинского населения, мирных подолян означала реализацию гитлеровцами на практике расовой теории «неполноценности народов», осуществлялась методом всевозрастающего насилия и террора, что трансформировалось в открытый геноцид против украинского народа;

- все вербовочные кампании в Украине, в ее неотъемлемой составляющей – на Подолии – сводились к стерилизации населенных славянских территорий от продуктивных сил, поскольку вывоз на каторжные работы активной части общества, в особенности молодежи, подрывал биологические корни этноса и лишал нацию надежды на полноценное развитие в будущем;

- изгнание населения Украины в нацистское рабство

рассматривалось гитлеровскими захватчиками не как временное мероприятие, а было одним из главных проявлений целенаправленной человеконенавистнической политики и практической деятельности оккупационной власти.

¹ ГАВО, Ф. П – 425, оп. 1, д. 7, л. 67.

² Листи з фашистської каторги... - С. 157.

³ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4824, л. 1.

⁴ *Першина Т.* Фашистский геноцид на Украине... - С. 102.

⁵ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 22018, л. 1.

⁶ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4832, л. 5.

⁷ Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. - С. 155.

⁸ Там же.

⁹ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 7, л. 67 - 68.

¹⁰ *Першина Т.* Фашистский геноцид на Украине... - С. 102.

¹¹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4001, л. 2.

¹² ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 54796, л. 1.

¹³ ГАВО, Ф. Р - 5022, оп. 1, д. 182, л. 1.

¹⁴ Україна сниться...: Неотримані листи подолян, відправлені з Німеччини в 1942 - 43 рр. - Хмельницький, 1995. - С. 16.

III. Насильственное использование подолян в милитаристской экономике Германии

3.1. Система распределения остарбайтеров в Третьем рейхе

Из Подолии поезда с пленниками сперва шли в так называемые промежуточные лагеря («дурганслагеря») – в Перемышль, Краков, Люблин, Ченстохов, Тарнов, Рембертов, Грубешев и др. Прямо из эшелонов людей направляли за колючую проволоку (отныне она становилась на долгие месяцы неотъемлемым атрибутом их жизни), где условия содержания мало чем отличались от концентрационного лагеря для военнопленных. Здесь депортированные из Украины проходили медицинский осмотр и так называемую процедуру борьбы со вшивостью, которая состояла из прожаривания одежды, стрижки наголо, посещения обычной бани. Однако и при этом не обходилось без глумления над человеческим достоинством и моралью, что признавали и сами гитлеровцы.

«...Часто случается, что в этих учреждениях (банях, душевых, санпунктах) обслуживающим персоналом являются мужчины, которые вместе с другими мужчинами бесчинствуют в душевых для женщин и девочек, намыливают их, фотографируют и т. д. В мужских банях, наоборот, работают женщины. Вследствие того, что украинское сельское население, которое главным образом перевозилось на протяжении последних пяти месяцев, в особенности его женская половина, морально очень здоровое и строго воспитанное, такое обращение должно восприниматься, как оскорбление народа».¹

Медицинский же осмотр заключался не в оказании необходимой срочной помощи пострадавшим от ужасного переезда, а в определении пригодности каждого для того или другого вида работ. Происходила своеобразная сортировка будущих каторжан по физическим данным. Более сильные мужчины и юноши отбирались для работы на предприятиях с очень трудными условиями труда, более слабые – для других нужд. Нередко уже

здесь или же в лагерях в самой Германии невольников, которые отныне назывались «свободными русскими рабочими», разбирали представители разнообразных фирм, немецкие помещики и бауэры. На медицинских комиссиях они бесцеремонно интересовались не только силой мышц, но даже и состоянием зубов выбранной ими «рабсилы».

«...8 июня 1943 г. немцы забрали из нашего села 22 молодых парня и девушки в Германию... Среди них была и я. Под большой охраной жандармерии и полицаев нас отправили, как скот, в товарных вагонах в лагерь в город Перемышль. Здесь мы прошли так называемую сортировочную комиссию. Наиболее сильных отбирали для работы в шахтах, на заводах. Меня отправили в г. Франкфурт на химическую фабрику...»² (Из воспоминаний Е. Я. Сименцовой, с. Шумовцы Проскуровского района).

Причем «без лишней церемонии женщин отделяли от мужчин, старых от молодых (для семейных могли сделать и исключение), разлучали односельчан, разрушали стихийно родившиеся «землячества» (а люди, в особенности подростки, интуитивно предчувствуя, как тяжело будет в неволе одному, тянулись один к другому, искали взаимного покровительства, поддержки...)».³

По предположениям русского исследователя П. Поляна, «задача втянуть человека в максимально возможное одиночество была кем-то сверху целиком осмыслена и продумана, а возможно, принадлежала к числу тех задач, пусть и побочных, которые преследовало нацистское государство».⁴

«Сортировка» непременно сопровождалась распродажей только что прибывшей рабсилы.

«...Из Винницы мы приехали в... г. Розенберг, где нам была медкомиссия... После переключки всех доставили в г. Обергльгау, где нас разбирали хозяева, за что платили по 6 марок...»⁵ (Из фильтрационного дела Г. М. Шлапак, с. Стрильчинцы Немировского района).

Платили и дешевле. Так, в фильтрационном деле М. А. Стебливской из с. Майдан Чернилевский Волковинецкого района читаем: «...Пришел хозяин. Меня купил. Заплатил 5 марок в праву...».⁶

Причем плата была обязательной. За невольников платили государству как бауэры, так и промышленные предприятия.

Временами «сортировка» осуществлялась и по другим прин-

ципам (воспользуемся письмом из Германии, отправленным 30 декабря 1942 г. насильно вывезенной из с. Лоевцев Староушицкого района М. Авузак):

«...Напишу, как наших ребят покупали... Подходит великий купец-господин и спрашивает: что умеешь делать? Парень отвечает: «Ничего». Господин спрашивает: «А косить, сеять и пахать умеешь?» Парень говорит: «Нет». Так что его на базаре не купили. Забрали в поезд, повезли во второй город на базар. Подходит к нему второй купец и спрашивает «Коров умеешь пасти?» Он ответил «Умею». И этот господин купил его...». ⁷

Такая «сортировка» и «торги» были очень похожи на средневековую продажу украинских невольников на крымских рынках рабов в Кафе или Керкинитиде. А само массовое насильственное изгнание людей на каторгу напоминало тяжелые времена турецко-татарских набегов на Украину в XVI – XVII в., когда татарские ханы и мурзы гнали из Украины тысячи пленников в рабство, сжигая их жилье. Нацисты же повторили в XX веке эти ужасы варварства в значительно больших масштабах.

«...Оставив Винницу, мы в товарных вагонах приехали в Перемышль. Здесь нам первый раз дали пить и по буханке хлеба. Через переводчика сообщили, что этот хлеб нам дан на всю дорогу до Германии. По приезду в г. Ватенштедт нас направили на биржу труда, где сняли отпечатки пальцев, сфотографировали, присвоили номер и разместили в лагере за колючей проволокой с усиленной охраной. Поселили в бараках, где мы стали жить...». ⁸ (Из воспоминаний Д. Д. Галузинского, г. Гайсин).

С присвоением личного номера большинство пленников теряли фамилию и имя. К ним немцы обращались лишь по номерам. Кто прошел нацистскую неволю, запомнил свой номер на всю жизнь...

Прибывавшие с Востока рабочие официально поступали в распоряжение министерства труда и бюро по использованию рабочей силы во главе с Ф. Заукелем. Эти ведомства вместе с другими заинтересованными в рабочей силе инстанциями рейха осуществляли распределение «свободных русских рабочих» в соответствии с потребностями военной промышленности и сельского хозяйства. Главными же потребителями рабочей силы, доставляемой в Германию, были военные монополии. Для них принудительный труд «восточных рабочих», подвергавшихся беспощадной эксплуатации, а также возрастающие объемы

военных заказов означали колоссальные источники дополнительной прибыли. Поэтому заказы на рабочую силу с их стороны постоянно росли, каждый из этих «военно-промышленных спрутов» старался урвать друг у друга ее максимальные квоты.

Причем советских людей, в том числе подолян, использовали на работах не только в Германии. Они служили своеобразным «обменным фондом», их вывозили в Австрию, Бельгию, Голландию, Францию и другие страны, а квалифицированных рабочих из этих стран направляли в Германию.⁹

В незначительном количестве использовались квалифицированные рабочие и специалисты (в основном из первых наборов) также из числа остарбайтеров. Их направляли на важные военные предприятия. Причем те украинцы, которые в самом деле добровольно поехали в Германию и имели остродефицитные к тому времени специальности, вскоре получали разрешение на отдельное проживание и так называемую «частную службу». Вместо рабочей карточки, выдаваемой каждому прибывшему с Востока, такие лица получали удостоверение и паспорт иностранца. Однако, живя на отдельных квартирах, эти остарбайтеры должны были проходить еженедельный поли-цейский контроль. Справедливости ради следует сказать, что лиц, пользовавшихся такими привилегиями, было совсем немного.

Остальные остарбайтеры паспортов не имели. Своеобразным удостоверением их личности служила рабочая карточка серого или зеленого цвета, где кроме коротких биографических данных помещалась фотокарточка, оттиск пальцев, указывались особые приметы ее собственника. Срок действия такого «удостоверения» ограничивался годом.¹⁰

Массу же «неквалифицированной» рабочей силы, хотя на самом деле она такой не была, использовали как чернорабочих и подсобных рабочих на строительстве и в добывающей промышленности. Значительное количество «свободных русских рабочих» передавалось для работ в сельском хозяйстве и семьях немцев.

Осуществляя *отбор по физическим данным*, нацисты часто не учитывали профессиональную пригодность насильно набранной в Украине (России, Белоруссии) рабочей силы. А поэтому далеко не все специалисты работали в Германии соответственно своим профессиям. Множество квалифицированных рабочих, технических специалистов, специалистов со сред-

ним и высшим образованием назначались на подсобные или сельскохозяйственные работы, а крестьяне, наоборот, направлялись на большие промышленные предприятия.

Нацисты считали, что среди представителей «низшей расы» не может быть значительного количества квалифицированных специалистов, рассматривали оstarбайтеров как серую массу, способную выполнять лишь простую механическую работу.

В первоначальный период подолжане преимущественно использовали на сельскохозяйственных работах. Позже наметилось возрастание их использования и в других областях нацистской военной экономики.

По немецким данным, на май 1942 г. свыше 60 % восточных рабочих, находившихся в рейхе, работали в сельском хозяйстве; 5,7 % – в добывающей промышленности; 5,8 % – в металлургии; 11 % – в машиностроении; 2,3 % – в химической промышленности; 1,4 % – в электротехнической промышленности и 3,1 % – на железной дороге. В следующем месяце положение немного изменилось. Например, в июле 1942 г. в сельском хозяйстве Германии работало уже 42,2 % оstarбайтеров. Труд остальных применялся в промышленности и в строительстве. В декабре 1944 года из 2,1 млн. зарегистрированных восточных рабочих в сельском хозяйстве работали 725 тыс.¹¹

Всего же с 1 апреля 1942 г. по 31 марта 1943 г. службам Фрица Заукеля удалось набрать 3638056 иностранных рабочих, которые были посланы на такие работы: вооружение – 1568801, угольная промышленность – 163632, строительство – 218707, транспорт – 199074, сельское и лесное хозяйство – 1007544, другие сферы промышленности – 480298. Кроме того, на 31 марта 1943 г. в промышленности рейха использовали 1622829 военнопленных.¹²

Но огромные потери вермахта на фронте требовали все больше рабочей силы. Поэтому ценность ее возрастала и охота за ней продолжалась непрерывно до конца войны.

Как свидетельствуют архивные источники, на октябрь 1944 года каждый пятый работающий в рейхе был иностранцем, в промышленности – каждый третий, а на предприятиях военной индустрии, особенно в самолетостроении, их доля была еще выше.¹³

Документы, систематизированные американским ученым Эдвардом Хомзе, позволяют проследить динамику использования иностранных рабочих, в том числе остарбайтеров, и военнопленных в Третьем рейхе в 1939 – 1944 годах (*данные за 1944 год по состоянию на 31 мая*): ¹⁴

Года	Гражданские рабочие	Военнопленные
1939	300000	-
1940	800000	350000
1941	1750000	1250000
1942	2640000	1480000
1943	4640000	1620000
1944	5300000	1830000

Всего к концу октября 1944 г. в рейхе работало 7,9 млн. иностранных рабочих и военнопленных из многих стран Европы. А именно (*гражданские рабочие – по состоянию на 30.09.1944 г.; военнопленные – по состоянию на 15.08.1944 г.; тысяч человек*): ¹⁵

Страна	Гражданские рабочие	Военнопленные
СССР	2174,6	631,6
Польша	1662,3	28,3
Франция	646,4	600
Италия	287,4	427,2
Чехословакия	313,9	-
Голландия	254	-
Бельгия	199,4	50,4
Югославия	97,8	89,4
Великобритания	-	80,7
Прибалтийские страны	44,8	-
Венгрия	24,6	-
Швейцария	17	-
Болгария	16,3	-
Дания	16	-
Греция	15,7	-
	5976,7	1930,1

Именно на этой рабочей силе, основу которой составляли

«остарбайтеры» и советские военнопленные, до самых последних месяцев войны держался трудовой баланс немецкого нацистского государства.

* * *

Итак:

- усилиями нацистов была осуществлена позорная и преступная попытка вернуть человечество в страшные времена рабовладения. Единственное отличие состояло в том, что в дофеодальный период собственником раба, как правило, было одно авторитарное лицо, в нацистской же Германии круг рабовладельцев расширился. Ими выступали и бауэры, и богатые немцы, купившие на бирже (фактическом рынке невольников) домашнюю прислугу, и собственники заводов, фабрик, но наиболее часто – монополии и концерны военно-промышленного комплекса. Последние были основными потребителями рабочей силы. Они наживались на войне;

- остарбайтеры (как и военнопленные) составляли достаточно значительный контингент бесплатной рабочей силы и стали важным фактором в созданной нацистами системе принудительного труда;

- рабочие с Востока, благодаря господствующей нацистской идеологии о расовой неполноценности народов, использовались в Германии в основном нецелесообразно и нерационально;

- экономика нацистского немецкого государства в решающей мере могла функционировать лишь благодаря наличию в ней значительного количества иностранной рабочей силы, в том числе остарбайтеров и военнопленных.

¹ Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. – С.156.

² ГАХО, ф. Р – 3369, оп. 1, д. 20, л. 121.

³ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 133.

⁴ Там же.

⁵ ГАВО, ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4832, л. 5.

⁶ ГАХО, ф. Р - 6193, оп. 6, д. 6760, л. 4.

⁷ Україна сниться...- С. 108.

⁸ ГАВО, ф. Р - 5333, оп. 1, д. 23, л. 4.

⁹ Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg. - Band 4. -Berlin, 1961. – S. 46.

¹⁰ ЦГАВОВУ України, Ф. 3676, оп. 4, д. 42 "г", л. 199.; *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... – С. 33.

¹¹ *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 29.

¹² Das Dritte Reich, Dokumente, op. Cit. – S. 298 – 299.

¹³ ГАРФ, Ф. 7021, оп. 116, д. 358, л. 30 - 34.

¹⁴ *Homse Ed. L.* Foreign Labor in Nazi Germany. – P. 233.

¹⁵ *Herbert U. (Hg).* Europa und der "Reichensatz." Auslaendische Zivilarbeit, Kriegsgefagene und KZ - Haeftlinge in Deutschland 1938 – 1945. – Essen: Klartext; Verlag, 1991. – S. 8.

3.2. Дискриминация, условия жизни и принудительный труд остарбайтеров в военной промышленности и сельском хозяйстве Третьего рейха

В Германии восточные рабочие (сперва «свободные русские рабочие», потом «остарбайтеры») использовались в трех основных сферах: в промышленности, в сельском хозяйстве и как домашняя прислуга. Принципиальной разницы между теми, кому пришлось работать в городе, и теми, кого судьба закинула в село (многим пришлось поработать и там, и там), не существовало, поскольку все были каторжанами, подвергались беспощадной эксплуатации и унижению.

Условия их жизни и труда регламентировались множественными директивными документами, разнообразными инструкциями и дополнениями к ним, принимавшимися на государственном, ведомственном и местном уровнях.

Одним из первых в этом ряду стоит директивное письмо Г. Геринга, которое, в сущности, явилось итоговым документом проведенного в Берлине 7 ноября 1941 г. совещания по вопросам использования труда советских гражданских лиц и касалось всех трех категорий будущих остарбайтеров. Данной директивой рейхсмаршала определялся статус «свободных восточных рабочих» – они приравнивались к военнопленным. «...Использование рабочих и отношение к ним должно быть на практике таким же, как к русским военнопленным», ¹ – подчеркивалось в этом документе.

Таким образом автоматически снимался вопрос об их нормальном питании, обеспечении удобным жильем, справедливой зарплатой, надлежащим медицинским обслуживанием, другими социальными благами – для пленных это не предусматривалось.

Поэтому совсем не случайно в арбайтслагере г. Галле, например, (как и в тысячах других подобных лагерей), на содержание одного «восточного рабочего» выделялось 22,5 марки в месяц, а на пищу для собаки, охранявшей их, – 20 марок.²

Так же автоматически определялось и отношение к ним – как к рабочему скоту, их жизнь ничего не стоила. Ценность составляли лишь рабочие руки, которым надлежало как можно больше работать.

С подчеркнутым педантизмом изложены правила и условия работы депортированных восточных рабочих в другом документе – в уже упоминавшейся тайной инструкции Главного имперского управления безопасности от 20 февраля 1942 г. «Общие установки по вербовке и использованию рабочей силы с Востока», подписанной ее шефом Гейдрихом. Насквозь проникнутая духом расизма, она требовала использовать рабочую силу из СССР изолированно от немецкого населения, иностранных рабочих, всех военнопленных. За оstarбайтерами должен был осуществляться постоянный надзор охраны. Предполагалось суровое наказание за наименьший проступок».³

Была разработана и издана (1942 г.) специальная памятка о нормах обращения с гражданскими иностранными рабочими в Германии. Этот и прочие аналогичные документы позволяют полнее уяснить то бесправие и жесткие рамки, в которых находились пленники из восточных территорий, в том числе из Подолии:

«...1. Восточных рабочих содержать в закрытых лагерях, которые они имеют право покидать только для производства работ, под постоянной охраной часовых или начальника лагеря.

На мелких сельскохозяйственных предприятиях или в единоличных хозяйствах, где разрешено использование рабочих поодиночке, можно помещать рабочих вне лагеря в хорошо запирающемся помещении, где есть немец-мужчина, который сможет взять на себя функции контроля.

2. Половая связь между немцами и восточными рабочими запрещена и карается для восточных рабочих смертью, для немцев – отправкой в концентрационный лагерь.

3. Посещение церкви восточными рабочими запрещено. Духовная опека со стороны немцев не разрешается.

...5. Восточные рабочие, используемые индивидуально в сельскохозяйственной местности, должны проводить свой досуг в хозяйстве работонанимателя. Разрешение на отлучку под соответствующим немецким надзором должно предоставляться в известной степени как поощрение. Восточные рабочие имеют право пойти к врачу только в сопровождении немца.

6. В случае необходимости наказать восточного рабочего, нужно довести до сведения местной полиции...». ⁴

Таким же дискриминационным духом пронизано и ведомственное циркуляционное письмо концерна «ИГ Фарбениндустри» (1942 г.), разосланное всем начальникам отделов, руководителям заводов концерна:

«Восточными рабочими считаются те, которые не принадлежат к немецкой этнической группе и захвачены на Украине, в Белоруссии или в районах на восточных рубежах этих территорий, а также на границах бывших свободных государств Латвии, Эстонии, и привезены в Германию после их оккупации вермахтом.

Восточные рабочие, присланные на заводы, могут быть использованы только группами. Рекомендуется осуществить для этого необходимую перестройку в работе завода.

В случае, если использование восточных рабочих группами невозможно, необходимо каждый раз просить разрешения на другое их использование у агента контрразведки.

Завод будет следить за тем, чтобы восточные рабочие не общались с рабочими других национальностей. Следует отделять их также в умывальнях и туалетах. Восточных рабочих до особого распоряжения можно использовать только в дневное время, а не в ночных сменах.

На работу – от барakov до заводских ворот – [их] должна сопровождать охрана...». ⁵

Обязательным для всех восточных рабочих было ношение дискриминационного знака «Ост», который должен был постоянно информировать об их ненемецком происхождении, а следовательно (в свете канонов нацистской расовой теории) – «неполноценности» и «второсортности».

По словам М. М. Осаулы из с. Андрушевки Плисковского района, этот знак вызывал у всех прибывших с Востока чувство униженности, никто не хотел его носить, в том числе она и

еще «8 украинских девушек, которых привезли с ней на швейную фабрику» в небольшой городок вблизи немецко-французской границы. «...Тогда господин Грайм, наш хозяин, вызвал к себе в кабинет, накричал и приказал пришить к каждому платью и чтобы мы не смели без него ступить и шага. Когда мы шли ее улицам с этими знаками, подростки бросали в нас камнями, а взрослые немцы поощряли их». ⁶

Кроме восточных рабочих распознавательные знаки носили еще две категории немецких рабов: польские рабочие – букву «Р», евреи – желтую шестиугольную звезду (последние использовались недолго, поскольку подлежали физическому уничтожению). Западные рабочие дискриминационными знаками не помечались, хотя, как утверждает в своей работе немецкий исследователь Г. Вайшер, имели пометки и французы. Это утверждает он аргументирует пометками на шахтерских фонарях. Так, красная полоска указывала на принадлежность фонаря остарбайтерам, фиолетовая – военнопленным, зеленая – французам...⁷

Знак «Ост» был введен приказом Гимmlера от 20 февраля 1942 года. Он являл собой отпечатанный на ткани прямоугольник размером 70 на 77 мм с бледно-голубой окантовкой шириной 10 мм. В середине прямоугольника на синем фоне размещались три белые буквы, которые образовывали слово OST. Толщина каждой буквы – 5 мм.

Носить знак предписывалось на любой верхней одежде. За пренебрежение этим требованием нарушители наказывались. Так, винничанка Антонина Радченко была оштрафована на 15 марок и осуждена на 3 дня тюремного заключения. ⁸ Аналогичное наказание было применено к Евдокии Прибиш из села Семки Хмельникского района. ⁹ Нина Нинушко из с. Сатановки Сатановского района за такую же вину уплатила 10 марок...¹⁰

Первые три месяца все носили свою нашивку на общих основаниях, но затем вступало в силу предписание (введенное, правда, не сразу, а только с лета 1943 года), которое определяло различие между «плохими» и «хорошими» – на усмотрение рабовладельца – остарбайтерами: «плохие» продолжали носить свои нагрудные знаки, а «хорошие» – приобретали право носить нашивку, причем несколько меньшего размера, как правило, на левом рукаве.

Соответствующая пометка, согласно приказа Главного уполномоченного по трудоустройству от 14 июля 1943 года,

делалась и в «арбайтскарточке». Право на эту «привилегию» приобреталось не раньше, чем после трех месяцев безупречной работы. В промышленности решение об аттестации принималось руководством предприятия по согласованию с лагер-фюрером и Немецким Трудовым Фронтом,¹¹ в сельском хозяйстве – местными отделениями имперской продовольственной службы.¹²

Были также другие нюансы. Так, советские врачи и фельдшеры носили повязку с надписью «Ostarzt» («восточный врач»), а те, кто обучался в производственных мастерских (имели место и такие отдельные факты), – нашивку с надписью в две строки: сверху – L. W. (то есть «Lehr- Werkstatt»), снизу – «Ost».¹³

Хотя контингент остарбайтеров в основном состоял из представителей трех национальностей – украинцев, россиян и белорусов, – внутренних национальных различий между ними немцы определенное время не делали. Считалось, что «...в течение десятков лет они находились под большевистским господством и воспитывались систематически в духе вражды к национал-социалистской Германии и европейской культуре. [Поэтому] нет необходимости в проверке рабочих по национальной принадлежности, поскольку для дальнейшего обращения с рабочей силой это никакого значения не имеет».¹⁴

Со временем все же *было решено посеять раздор между восточными рабочими*, чтобы не допустить между ними политического единства и консолидации. Для этого использовался прием, примененный гитлеровцами в начале Великой Отечественной войны. Тогда с целью вбить клин в единство народов СССР захватчики распространяли миф о так называемой «лояльности» украинцев к немецкому оккупационному режиму.

Следует отметить, что в ряде случаев их утверждения в самом деле не расходились с действительностью. Украина наиболее пострадала от насильственного раскулачивания и такой же коллективизации, голода 1932 – 1933 годов, репрессий. Поэтому далеко не все граждане лояльно относились к советской власти. Были и такие, которые затаили скрытую враждебность и ждали лишь благоприятной возможности, чтобы поквитаться. Известен ряд фактов, когда в некоторых населенных пунктах гитлеровцев встречали с хлебом-солью. Позднее эти «хлебосолы», как правило, становились старостами или полицаями, верой и правдой служили захватчикам.

В знак признательности за проявленную «лояльность» ок-

купанты в первые месяцы войны открыли часть закрытых советской властью церквей и даже отпустили военнопленных украинцев из неволи.

Официальным основанием для их освобождения стал приказ главнокомандующего вермахта от 25 июля 1941 г.¹⁵ Счастливым выдавалось специальное «Удостоверение об освобождении из плена», где указывались условия, на которых узник был отпущен из плена. Главными из них были отказ от вооруженной или другой борьбы с оккупационной властью, а также обязательная регистрация в немецкой комендатуре по месту жительства на протяжении восьми дней со времени освобождения.¹⁶

Настоящий подвиг совершили тогда украинские женщины, в частности, подолянки – под предлогом поиска своих мужей или знакомых односельчан они вырвали из неволи значительное количество обреченных на мученическую смерть недавних бойцов Красной Армии (причем не только украинской национальности), многие из которых вскоре стали организаторами ячеек большевистско-комсомольского подполья.

Немало лагерей объездила, например, жительница с. Скакунки Липовецкого района А. Н. Святенькая. Она побывала в Дашеве, Гайсине, Теплике, Терновке, Ивангороде, Умани, Дарнице. Освободила оттуда больше десятка пленных, а своего мужа, кстати, так и не нашла.

«Когда в лагере не обнаруживалось земляков, мы брали чужих людей, давая им возможные имена, – говорит Анастасия Назаровна. – «Легенду» придумывали такую, чтобы немцы не могли подкопаться. Если бы обнаружилась подмена, то это угрожало бы смертью: за «благонадежность» каждого я отвечала головой».¹⁷

«Часто липовчанки, – по словам ее землячки Н. М. Личак, – не увидев родных, бросались на шею незнакомым с криком: «Это мой муж!» и освобождали их из лап смерти...».¹⁸

Со стороны оккупантов такая «гуманность» к украинским военнопленным на самом деле была популистским политическим маневром, хотя и тогда гитлеровцы освободили из неволи далеко не всех украинцев. Когда же захватчики увидели, что намеченной стратегической цели достичь не удалось, от «лояльности украинцев» не осталось и следа. В уже упоминавшемся директивном письме от 7 ноября 1941 г. рейхсмаршал Геринг, ссылаясь на приказ фюрера, который запрещал осво-

бождать украинцев из плена, распорядился «не ставить [их] в особое положение и не выделять среди других». ¹⁹

Теперь же снова выбор пал на украинцев. Был распушен слух, что вскоре они будут иметь почти такие же права, как и немцы. А чтобы ложь казалась более убедительной, среди остарбайтеров распространяли документ (принятый лишь на бумаге) о том, что дети, рожденные украинскими работницами, будут считаться расово полноценными и могут быть воспитаны в немецком духе (разумеется, россиянки или белоруски о таком «счастье» не могли и мечтать).

Но украинцам надлежало еще доказать свое украинство, а заодно, и политическую благонадежность. Вот почему те украинцы, которые, ухватились за эту «спасительную соломинку», надеялись не столько на признание своей «расовой полноценности», сколько на послабление каторжного режима, умоляли из Германии родных:

Петр Омельчук, г. Гайсин, 1943 г.:

«...Дорогие мои родители... Поспешите выслать мне справку, что я украинец, так как ходят слухи, что вот начнут пускать в отпуск... Это может и мне удастся. Только поспешите...». ²⁰

Сын Иосифа Базалийского, с. Собковцы Базалийского района, 22.05.1942 г.:

«...Теперь хочу просить вас..., чтобы вы... перешли в Антонины к Гебитскомиссару и взяли справку, чтобы с одной стороны было написано по-немецки, а с второй стороны было написано по-украински, очень прошу вас, так как нам большая беда. Нас считают за русских. Если бы вы выслали нам справки, нам было бы... лучше...». ²¹

Анна Бажан, село Вахновцы Староушицкого района, 07.07.1942 г.:

«...Прошу, чтобы вы выслали справку такую, где вы служили и где сестры, и где я работала, или в комсомоле, или в партии. И чтобы с одной стороны было написано по-украински и на второй стороне по-немецки. И немецкая печать, так как этих документов от нас требуют. Может, по этим документам будут пускать домой...». ²²

С большими трудностями, через взятки и унижения, кое-кому из родителей удавалось раздобыть «спасительные» справки. Для примера приведем одну из них (написанную на немецком и украинском языках, заверенную печатями районной управы и гебитскомиссариата):

«22. X. 1942 года.

Справка

Выдана Глуховецкой сельской управой Махновского района, Калиновской области Лучко Зофии в том, что она действительно гражданка села Глуховец, по национальности украинка, 1920 года рождения, которая выехала работать на работу в Германию. Справка выдана для предъявления по месту работы.

Староста села (подпись)

Секретарь (подпись)». ²³

После того, как справка пришла в Германию, в «арбайтс-карточке» Софии Лучко была сделана поправка, что она является «украинской рабочей». Все остальное в жизни каторжанки из Подолии осталось без перемен. Как и в жизни других украинцев, которые получили аналогичные документы от родных...

Унизительное клеймо «Ост» использовалось до 1944 г., пока не были введены новые знаки национальной принадлежности остарбайтеров – отдельно для украинцев, белорусов, русских (еще одна попытка разъединить советских людей). Россияне получили крест Святого Георгия (этот символ стал эмблемой также власовского движения), белорусы – пшеничный колос и зубчатое колесо. «Украинский» же знак представлял собой орнаментированный эллипс со стилизованным трезубом.

Кроме того, отмена дискриминационного знака «Ост» означала пересмотр ценности иностранных рабочих рук, которая возрастала едва ли не прямо пропорционально ухудшению общего военного положения Германии. Однако обязательное ношение «национальных знаков» в условиях тогдашнего фатерлянда тоже подчеркивало второсортность людей, доставленных туда с Востока.

Они, в частности, не пользовались правами и возможностями, предусмотренными для других перемещенных лиц, которые своим трудовым участием поддерживали жизнедеятельность многоотраслевого хозяйства рейха. Так, в документе «Условия труда для иностранных рабочих в Германии» от 15 апреля 1943 г. шла речь о том, что всем необходимым те обеспечивают себя из заработанных средств. В лагерях для них предполагались медпомощь, функционирование спортивных клубов, библиотек, кинозалов, организация курсов по изучению немецкого языка и т. п.

Однако это не касалось остарбайтеров, хотя они также были

иностранцами рабочими. В документе прямо говорилось: «Все пункты условий касаются всех иностранных рабочих, но *забота о русских и украинских эмигрантах запрещена*». ²⁴

Рабочим из оккупированных районов СССР запрещалось также «пользоваться общественным транспортом за пределами места работы, посещать мероприятия культурной и религиозной направленности для немцев и других иностранцев, посещать рестораны и кафе, за исключением специальных. Попав в больницу, украинец содержался и лечился отдельно от немцев. Даже в магазине остарбайтер был нежелательным». ²⁵ Кроме того, подвергаясь беспощадной дискриминации, «свободные русские рабочие» фактически лишались свободы передвижения. Каждый их шаг контролировался полицией. Даже в выходной день, воскресенье, их часто закрывали на замок.

Наиболее откровенно сущность пребывания и условия жизни советских людей в нацистской Германии изложены в инструкции Заукеля от 20 апреля 1942 года:

«Все рабочие должны получать такую пищу и такое жилище и подвергаться такому обращению, которое давало бы возможность эксплуатировать их в самой высокой степени при самых минимальных затратах». ²⁶

На основании множества фактов можно сделать вывод, что эти положения реализовывались на территории Третьего рейха весьма тщательно.

* * *

Наиболее тяжело приходилось *остарбайтерам*, используемым в промышленности. Жили они, а точнее, размещали их, в специальных лагерях, которые нередко образовывали целые кварталы. «Только в Берлине и предместье существовало 666 лагерей для иностранных рабочих». ²⁷

Не размещали их разве что на площадях перед соборами. А так «резервации» для рабочей силы можно было увидеть где угодно – возле фабрик и шахт, на городских улицах или пустырях, в лесу или среди поля. «...Их количество измерялось даже не тысячами, а десятками тысяч...». ²⁸

Хотя нередко под лагеря использовались пустующие школьные здания, цеха или другие помещения, но наиболее часто «резервации» строили по специальным типичным проектам. Это были наспех возведенные деревянные одноэтажные, тем-

но-зеленого цвета бараки («байраки», как их называли подоляне), обнесенные по периметру трехметровой изгородью из колючей проволоки.

«Бараки у нас все огорожены сеткой и сверху – проволока...»,²⁹ – писал из Берлина житель Каменец-Подольского М. Галушинский. – При выходе из лагеря стояла будка с охраной. Кроме того, в отдельных бараках была еще и своя «вахштуба» – помещение для полицейского персонала. Для удобства надзора двери из этого помещения в барак не закрывались.

В каждом бараке оборудовалась умывальня, где умывальниками служили корыта с десятками отверстий и металлическими кранами. Туалеты же были внешними, но, поскольку на ночь бараки закрывались, для удовлетворения естественных потребностей в помещении вносился специальный таз, который после подъема выволакивался во двор. Открывать зарешеченные окна не разрешалось, поэтому помещения фактически не проветривались от смрада. В них всегда стоял тяжелый спертый воздух (хотя во многих таких «общежитиях» наоборот – гуляли сквозняки).

«...Квартира у нас такая, как... курятники, и то те были прошиты соломой, а эти под досками и потолка нет. Куда задует, туда и выдует»,³⁰ – писал из Германии Евгений Климов (с. Драгановка Чемеровецкого района).

Бараки, в которых жили оstarбайтеры, часто были переполненными, плохо оборудованными как для проживания, так и для более-менее удовлетворительного отдыха после тяжелого изнурительного труда. Как снаружи, так и внутри они имели убогий вид. Нередко здесь не хватало самого необходимого: воды, света и особенно тепла, не говоря уже о разных удобствах.

«...Спим под 4 одеялами, потому что когда Константин работает ночью, то я днем, а когда ночью работаю я, то Константин днем. И так мы бросаем друг другу чем укрыться, но в бараках холодно...». ³¹ (Из письма с нацистской каторги сына Юстинии Котик, с. Цимбаловка Остропольского района).

Кроватями оstarбайтерам служили двух- или трехэтажные деревянные нары. «...Лучшими местами считались нижние и средние, – верхние, как правило, были под самым потолком, так что на них можно было только лежать. А у тех, кто «доходил» и ослабевал, иной раз и сил не хватало, чтобы забраться наверх».³²

Возле нар стояли банные шкафчики из серого прессованного картона. В них «...держали остарбайтеры свои сокровища – фотографии, деньги, сигареты, остатки домашней одежды...». ³³

Обязательными в лагерях были также пищеблок со столовой и посыпанный бурым шлаком плац – самые многолюдные места резервации (столовая – во время приема пищи, плац – во время построения и перекличек).

Основная масса лагерей размещалась, как правило, недалеко от места работы, но были и такие, которые находились за несколько километров.

«...Из лагеря на завод 3 километра ходить на работу...», ³⁴ – читаем в письме уже упоминавшегося Михаила Галушинского.

«...Идем на работу 7 километров утром и 7 километров вечером...», ³⁵ – сообщал из Магдебурга Август Свирчевский, житель с. Думанов Орининского района.

«...Я работал в г. Киль на судостроительном заводе... Гнали нас обессиленных и голодных с лагеря за 7 км полицаи с овчарками...». ³⁶ (Из воспоминаний Андрея Рудюка из с. Шабастовки Монастырищенского района).

Такая дорога после изнурительного трудового дня была особенно трудной. Многим остарбайтерам приходилось преодолевать ее из последних сил...

«Лагерями заведовали немецкие служащие из ДАФ (Немецкого Трудового Фронта)... В соответствии с записями, сделанными летом 1943 г. во время подготовительной стажировки в лагере Вецлар, начальники лагерей должны были проявлять свою твердость относительно рабочих с Востока и запрещать с ними любые отношения...». ³⁷

Эту же «твердость» остарбайтеры должны были ощущать и со стороны охранников – немцев старшего возраста, инвалидов, контуженных на войне солдат или полицаяев.

Именно они, а еще мастера в цехах, составляли «круг лиц», с которыми на протяжении долгих месяцев пребывания в Германии «общались» гражданские пленные – «свободные русские рабочие». Лишь с 13 ноября 1943 г. согласно распоряжению № 11 Главного уполномоченного по трудоустройству, согласованного с партканцелярией, рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции, остарбайтерам был разрешен выход за пределы лагеря не «с целью работы». Однако, не всем, а лишь тем, кто отличился в работе. И только в вос-

кресенье, группами по 10 или несколько человек. В сопровождении немца. Со знаком «Ост». На четко обусловленное время (как правило, с 14-го до 19-го часа) – тот, кто опаздывал хотя бы на минуту, подлежал наказанию. Кроме того, премированные выходом в город остарбайтеры не имели права посещать рестораны или кинотеатры...

В таких лагерях насильно перемещенные с захваченных территорий советские люди ощущали себя полнейшими невольниками, бесправными, беззащитными, изолированными от мира рабами. Не случайно еще в конце 1942 г. А. Розенберг признавал, что «для миллионов «остарбайтеров» Германия стала второй Сибирью». ³⁸

Условия труда украинских рабочих в Германии, в том числе подоляна, на большинстве промышленных предприятий мало чем отличались от каторжных. За наименьшую вину или медленную работу их жестоко били мастера, надзиратели, чиновники лагерной администрации. Рабочий день длился от 12 до 14 часов.

«...Каждое утро в 6 часов нас по 10 человек под конвоем гнали на фабрику, где мы работали по 12 – 14 часов в сутки, грузили 100-килограммовые мешки с калийной солью в вагоны. Работа была чрезвычайно тяжелой. Люди падали, а полицай, который стоял рядом, жестоко бил их. Кто не мог подняться, того отправляли в карцер на 10 – 15 суток». ³⁹ (Из воспоминаний Е. Я. Сименцовой, с. Шумовцы Ружичанского района).

«...Нам, русскому народу, жизнь здесь недобрая, – сообщала из Германии уроженка с. Томашовки Ярмолинецкого района Павлина Разумяк. – Работаешь, как пленный, если захотел куда пойти, то сразу же полицай за тобой и получишь в морду. Такова жизнь...». ⁴⁰

«...Жарко на заводе работать, очень тяжело, а работы хватает, работай день и ночь, и никто не скажет: «Сядь, отдохни»,⁴¹ – информировал оттуда же Филипп Бачинский из с. Зеленые Куриловцы Староушицкого района.

Аналогичными были сообщения и других принудительных рабочих:

Иван Головатюк, с. Красноставцы Орининского района:

«...Работа у меня... очень тяжелая. Бросаю перед собой 100-килограммовые мотки проволоки. На станке работаю 10 часов. Одну неделю днем, а вторую ночью...». ⁴²

Евдокия Луговая, с. Рункошив Староушицкого района:

«Работа... уже осточертела, так как не видишь света белого от той фабрики, как в тюрьме...». ⁴³

Александр Люлько, с. Ивахновцы Чемеровецкого района:

«...Работаю я на заводе, таскаю бляху по 80 килограмм... Никогда рубашка не высыхает, вся мокрая, вся с солью...». ⁴⁴

«...Работать заставляли много. На работе устанавливали норму, которую необходимо было выполнить, иначе не давали кушать. Тех, кто плохо работал, немцы били». ⁴⁵ (Фильтрационное дело А. М. Полещук, с. Джурицы Ситковецкого района).

«...Работали мы на заводе по 12 часов в чрезвычайно трудных условиях. Немецкие мастера были очень злыми и не давали никакой передышки... Единственным отдыхом у нас было, когда объявлялась тревога. Тогда нас всех загоняли в бункер.

С нами на заводе работали люди многих национальностей. К нам лучше всех относились французы, которые даже вступали в нашу защиту. Приведу такой пример. Я работал на пилах по распилке металла. Пока пила распиливала, я незаметно для себя задремал. Тут же подбежал мастер и начал меня бить. А рядом работал постарше нас француз. Он подошел к немцу и начал его ругать, дескать, что ты делаешь, он ведь еще... ребенок...». ⁴⁶ (Из воспоминаний Дмитрия Галузинского, г. Гайсин).

Следует отметить, что издевательства над остарбайтерами вызывали беспокойство даже у отдельных высокопоставленных гитлеровских чиновников, которые усматривали в таких действиях определенную угрозу для рейха. Показателен в этом плане документ «Замечания хозяйственного штаба «Ост» по трудовому использованию советских рабочих в рейхе», принятый 25 июня 1942 г.

«...Имеется довольно много предприятий и лагерей, где русских часто избивают, – в частности говорилось в нем. – При трудностях языкового понимания некоторым кажется, что самый удобный метод управлять русскими – избиения. В дальнейшем такое обхождение повлечет за собой неблагоприятные последствия.

Как только такое обращение достигнет большого масштаба, русский привыкнет к нему и производительность упадет. Издевательства над русскими также предоставляют услугу вражеской пропаганде... Необоснованно плохое обращение с русскими может оказать влияние и на работу других иностранных

рабочих. Последние, как и немецкие рабочие, осуждают несправедливые надругательства и не делают из этого никакой тайны...». ⁴⁷

Однако нацистские власти больше волновала рабочая солидарность, чем рабское положение «восточных рабочих». Поэтому неслучайно появление другого документа – инструкции рейхсфюрера СС и министерства пропаганды «Об общих основах обращения с работающими в рейхе иностранными рабочими», датированного 15 апреля 1943 г., где отмечалось:

«...Гуманное, направленное на повышение производительности труда, обращение с иностранцами и предоставление им льгот могут, само собою разумеется, легко привести к стиранию разграничения между иностранными рабочими и немцами. Соотечественники призываются считать своей национальной обязанностью сохранение дистанции между собой и людьми чужих народов. Немецкие граждане должны понимать, что при игнорировании основ национал-социалистических воззрений на чистоту крови они могут быть подвергнуты самому суровому наказанию. Сознание того, что дело идет о победе или большевистском хаосе, должно заставить каждого извлечь для себя необходимые выводы при обращении с иностранными рабочими.

Необходимо все подчинить одной цели – победоносному окончанию войны. Поэтому с занятыми на работах в рейхе иностранными рабочими необходимо обращаться так, чтобы поддерживалась их благонадежность, чтобы были ограничены до минимума их действия во вред рейху, чтобы для немецкой военной промышленности длительное время сохранялась их трудоспособность...». ⁴⁸

Насильственная эксплуатация не предусматривала какой-либо охраны труда. Во время работы работающие подвергались опасности получить травму, пожизненное увечье или тяжело заболеть. Такие случаи происходили очень часто.

«...Жизнь моя... плохая. Потому, что работа тяжелая, да еще к тому жара невыносимая, газ... Вначале работал 8 часов, а теперь работаем 10 с половиной... Нет ни выходного, ничего, только работай и работай. За весь период в Германии я пропустил только 2 дня, не был на работе, так как упал кирпич на голову», ⁴⁹ – сообщал из Германии своим родителям Петр Сторожук из с. Бричева Остропольского района.

«...Теперь я вам напишу, что Колосову отбило на левой руке 3 пальца и помяло руку...», ⁵⁰ – писал из каторги матери в с. Красноставцы Орининского района Николай Боронюк.

«...Василию Петричковому оторвало руку. Лежит сейчас в лазарете...», ⁵¹ – словно бы перекликался с ним Михаил Валяничук из с. Гавришовки Винницкого района...

Еще несколько архивных документов:

«...Гражданка с. Маниковец (*Михалпольский район*) М. И. Олейник, рождения 1916 года, в апреле 1942 г. насильно была вывезена в немецкое рабство. Поработав на оружейном заводе полтора месяца, от непосильного труда покалечила левую руку и ногу. Пролежав пять месяцев в больнице, она была возвращена домой как неспособная к физическому труду...». ⁵²

«...Работала я на военном заводе на фрезерном станке. Опыта не имела никакого. Не было и защитных очков. Именно поэтому мне попала в глаз металлическая стужка. Со временем я стала слепой на этот глаз...». ⁵³ (Из воспоминаний Василины Папуши, с. Халаилово Монастырищенского района).

Уровень травматизма и количество несчастных случаев были бы меньшими, если бы для остарбайтеров (в основном не подготовленных к тем или иным работам) на предприятиях были организованы профессиональные курсы или что-то им подобным. Но руководство рейхсминистерства восточных оккупированных территорий, ссылаясь на позицию А. Гитлера, отрицало необходимость такой учебы. Рейхсминистр 23 декабря 1942 года писал Э. Коху в Ровно: «Теоретическое обучение прибывших на работу в Германию молодых людей не отвечает политическим намерениям и навряд ли возможно практически. Депортированная в Германию молодежь должна лишь работать». ⁵⁴

Для многих каторжан такие условия оказались непосильными.

«...Фашистские оккупанты силой забрали свыше 70 юношей и девушек из с. Лозовая Волочиского района на каторжные работы в Германию. Многие из них не выдержали ужасных условий и погибли в немецкой неволе. Так, умерли Ф. Бабий (25 лет), В. Грабовский (19 лет) и другие...». ⁵⁵

Подобные свидетельства неодиочны.

Так на практике выполнялись требования еще одной директивы – тайного соглашения от 18 сентября 1942 г. между рейхсфюрером СС Гиммлером и министром юстиции рейха Тираком

о том, что *перемещенным в Германию людям должны создаваться такие условия труда, которые бы «истощали работой до смерти»*.⁵⁶

* * *

Нормативным документом, разрешающим расширить применение рабского труда в экономике Третьего рейха, стала поправка от 9 апреля 1942 г. рейхсфюрера СС, которую он внес в свой приказ, датированный 20 февраля того же года. Согласно ей снимался запрет на трудовое взаимодействие между «свободными русскими рабочими» и местным немецким населением.⁵⁷ Этим была открыта дорога для *использования рабочей силы с Востока в сельскохозяйственном производстве*, а также в ремеслах и лесном хозяйстве нацистской Германии.

Поправка не означала радикальных перемен к лучшему в судьбе «остарбайтеров», поскольку все другие запреты оставались в силе, в том числе и для немцев. Им и впоследствии не позволялись любые неслужебные контакты с восточными рабочими. Так, «...под угрозой сообщения в гестапо категорически запрещалось передавать «руссен» продукты, продуктовые карточки, шнапс, предметы одежды и т. п. Более того, окружные партийные фюреры получили полномочия поручать кому-нибудь из местных доверенных партайгеноссе слежку и за остарбайтерами, и за их немецкими хозяевами и обо всех нарушениях расового и иного регламента сообщать местной полиции». ⁵⁸ Существовала даже «...шкала наказаний для переступивших запрет общения: так, прогулки, разговоры, подарки шоколада карались шестью, обмен фотографиями и поцелуи с немецкой девушкой – семью, а дружеские отношения без полового контакта – девятью месяцами тюрьмы...». ⁵⁹ Действовали также другие запреты, характеризующиеся чрезмерной суровостью.

Поправка СС-овского руководства хотя в некоторой степени и сокращала существующий круг ограничений, но в действительности означала расширение диапазона использования рабского труда в экономике нацистского рейха.

Однако среди остарбайтеров, в том числе из Подолии, считалось за счастье попасть именно в село. Большинство остарбайтеров-подолян были сельскими жителями, потомственными земледельцами, потому им не пришлось бы пере-

квалифицироваться и осваивать несвойственные им профессии, что составило бы дополнительные трудности в и без того экстремальной ситуации.

Но самое главное – работа здесь считалась более легкой...

Действительно, работая у бауэра, «гражданские невольники» не находились за колючей проволокой, имели больше свободы в передвижении. В ряде случаев были лучшими условия их проживания. Так, дочь Якова Рудюка из с. Личевки Базалийского района писала из Германии родителям: «...Хозяева добрые... Я живу одна в... комнате, в комнате моя постель, шкаф для одежды, стол и кресло...». ⁶⁰

Еще больше повезло Евдокии Чернеге из с. Чернятки Джулинского района, которая сообщала: «...Мама, вы еще того в мире не видели, что я сейчас... Сплю на перинах и перинами укрываюсь... Работа нетяжелая. Корове даю есть сама, а свиньям хозяйка... Еще обрабатываю свеклу... Свеклы очень немного, 10 соток. Здесь мне очень хорошо...». ⁶¹

Можно привести некоторые другие аналогичные примеры. Но все они – лишь эпизодические исключения из суровой, жестокой и трагической действительности.

Преобладают документы противоположного содержания.

Уроженка с. Сандраки Хмельникского района Мария Полещук на каторге ослепла. Тем не менее, это не освободило ее от положения рабыни. Хозяйка подводила ее к корове и заставляла доить, а за то, что несчастная из-за физического недостатка не могла полноценно работать, – систематически избивала ее. Сын хозяйки бросал в невольницу камни, обзывая при этом русской свиньей. Даже 80-летняя мать хозяйки и та всячески старалась унижить подолянку за то, что она не знала немецкого языка. ⁶²

«Мамочка родная! Воплем кричу, так тяжело мне, – писал из Германии Василий Добровольский (с. Гуков Орининского района). – Спасения нет никакого. В ярме тяжком все время... Хозяин, если бы мог, съел бы меня... Живу в хлеву возле скота. Оборвался чисто, одни лохмотья бумажные на мне, как на нищем. В зеркало боюсь взглянуть – одна тень. Глаза подпухли. В груди болит, дохнуть не могу. А он показывает мне нагайку, кричит «Русен швайн!..». ⁶³

Бондарь Лида, с. Михалковцы Ярмолинецкого района:

«...Хозяин недобрый. Шел поляк, сказал «Дзень добрый» и пошел, а хозяин за косу, хотел зарезать нас за то, что мы от-

ветили. Нам не велено ни с кем разговаривать. Мы со своей работницей разговариваем, то хозяйка ругает, чтобы не разговаривали... Даже улыбнуться нельзя».⁶⁴

Сестра Танасия Семенюка, с. Елисаветполь Базалийского района:

«...Целый день назябнешься... И ночью негде согреться, так как идешь на чердак спать на голые доски. Так холодно, что можно дуба дать...».⁶⁵

Подобных свидетельств тысячи...

Таким же невыносимым, как жизнь, был *труд* сельскохозяйственных рабочих.

«По приезду в Германию я попал к хозяину. Работы было очень много... На ночь закрывал меня, а уже в 4 часа утра будил. Я не выдержал и сбежал. Но неудачно. Меня отвезли в другое хозяйство. Здесь было еще хуже... Работа воловья...».⁶⁶ (Из фильтрационного дела О. Е. Сердюка, с. Головеньки Немировского района).

Шингелевич Владимир, г. Дунаевцы:

«...Очень мне тяжело работать. Тржусь я возле коров, выбрасываю много навоза, дою 6 или 7 коров. Хозяйка хочет, чтобы я доил больше, а я не могу, так как болят руки, а она меня бьет. Раз работал в конюшне, она говорит мне, чтобы я подмел. Я не хотел. Она меня как ударила в лицо, сразу кровь пошла. Такова моя жизнь...».⁶⁷

Дочь Климюка Александра, с. Яворовцы Красилковского района:

«Как я хозяйствую? Вожу сено, 15 гектаров берегов косить. И все на мои руки...».⁶⁸

Осипчук Анна, с. Гута Каменец-Подольского района:

«...Я работаю у бауэра... Работа такая, что не стоит и говорить. Встаю в 4.20, ложусь в 11 или 12 ночи. Дою скот, сначала доила 5, а теперь 7. Очень тяжело. Хожу косить, пахать, все делаю...».⁶⁹

Трум Петр, с. Чернятка Джулинского района:

«...У хозяина 5 гектаров земли... Есть 4 коровы, 2 телки, 2 кабана, 2 коней, и я обхожу все сам...».⁷⁰

Дочь Стадника Фоки, с. Елисаветполь Базалийского района:

«...Сидеть некогда... Подымаешься в 4 часа утра, то вплоть до 10 – 11 вечера работаешь. Воскресенья здесь нет. Целую неделю на работе, как тот вол...».⁷¹

Кармелюк Иван, с. Авратин Базалийского района:

«...Ой, мама, чтобы вы знали, как приду вечером, то не чувствую рук, поясница так болит, что нельзя выдержать. Копаем картофель... Немец все время подгоняет, чтобы быстрее копали. А как придет инспектор, как найдет незамеченную картофелину, то как даст ею в голову или в спину... Ад настоящий... Идем на работу – еще темно и приходим – темно ...». ⁷²

Но особенно изнурительным и «бесконечным» (по выражению подолян) был трудовой день во время страды. Его продолжительность в среднем составляла 17 часов в сутки. А остарбайтер М. М. Тарнавская из с. Конюшовки Липовецкого района упоминает о работе у бауэра с 4 – 5 часов утра до 24-х. ⁷³

Тем не менее, как известно, в селе каждое время года «горячее»...

Много каторжанок, в особенности девушки и женщины, не выдерживали такой жизни, кончали жизнь самоубийством.

«Анна Полещук, наша землячка, – вспоминает жительница Плисковского района М. М. Осовула, – жаловалась, что хозяйка ее бьет, кормит объедками. А пошлет доить корову, сама выйдет на крыльцо и смотрит, чтобы Анна не выпила молока. Анна не выдержала побоев, издевательств и утопилась...

Самоубийства очень часты и среди наших рабочих, и среди рабочих других национальностей, насильно угнанных в Германию...». ⁷⁴

Итак, не существовало спасения остарбайтерам от унижений, издевательств, беспощадной эксплуатации и в сельской местности. Здесь они тоже были бесправными рабами, каторжниками, людьми «низшей расы», как и промышленные рабочие, – просто дешевой рабочей силой.

* * *

Многим подолянам пришлось провести годы рабства, работая в качестве *домашней прислуги*.

Появление данной категории гражданских невольников, вернее, невольниц, стало результатом усилий политического руководства рейха решить за счет дармовой рабочей силы из оккупированных восточных территорий не только экономические, но и социально-политические проблемы. Желая продемонстрировать заботу нацистского государства о судьбе немецкой женщины, над которой нависла реальная угроза трудовой мо-

билизации, уменьшить бремя трудностей, которые легли на ее плечи, Заукель 8 сентября, а Гиммлер 10 сентября 1942 года издали распоряжение о вербовке в Германию полумиллиона восточных работниц для использования их «в домашнем хозяйстве, прежде всего в многодетных семьях». ⁷⁵

Однако заполучить себе рабыню могла далеко не каждая немецкая семья, а лишь политически благонадежная, которая после дополнительной проверки имела соответствующее решение на это нацистской партии. (Механизм здесь был таким: соответствующие заявления с объяснением причин, почему именно эта семья нуждается в помощнице, подавались в местные арбайтсамты, там рассматривались, а затем, причем без права на апелляцию, утверждались местным партфюрером – местным руководителем НСДАП – NSDAP – Nationalsozialistische Partei Deutschlands). Разумеется, тот, кто не имел заслуг перед Национал-социалистской партией Германии, не разделял взглядов нацистов, на подобную привилегию рассчитывать не мог.

Рабыни же должны были быть в возрасте от 15-ти до 35-ти лет, без детей, не беременные, крепкой конституции, внешне похожими на немку. Причем внешности придавалось исключительно важное значение. Как подчеркивалось в пункте втором «Расовая селекция на Востоке» указаний рейхсфюрера СС и шефа полиции об использовании женского рабочего персонала (восточных работниц) в домашнем хозяйстве Германии (10 сентября 1942 г.), «...отбор призван определить, насколько близко завербованные восточные работницы по своему внешнему виду расово соответствуют внешнему виду немецких женщин. Расовый отбор представляет из себя грубую селекцию. При этом речь идет не об определении для онемечивания, а, например, только лишь для того, чтобы предотвратить прием в Германию расово чуждых, примитивно-восточных и восточно-балтийских ярко выраженных лиц, а также полностью невыдержанных расовых смесей...». ⁷⁶

Те, которые прошли такую селекцию, становились собственностью семей после получения последними «партийного благословения» и уплаты в казну 15 – 18 рейхсмарок.

Положение этой категории остарбайтеров характеризировалось полнейшим бесправием. Как отмечалось далее в упоминавшихся «Указаниях рейхсфюрера СС и шефа полиции...», они имели лишь 3 часа свободного времени в неделю. Немец-

кие порядки, которые касались условий и охраны труда, на них не распространялись. Регламент их рабочего дня определялся самим хозяином и очень часто зависел от его прихотей, субъективизма, меры «осознания» личного «расового превосходства». От невольниц требовалось безоговорочно выполнение воли их рабовладельцев, полная покорность, изнурительный труд от зари до зари.

«...Жизнь наша очень плохая, так как трудиться надо очень тяжело, а питание совсем плохое, – сообщала на родину из далекого рейха жительница с. Волица Вонсовича Базалийского района Марина Мозорук. – На обувь и на одежду не дают никаких карточек, купить нельзя, а возможно, хозяйка и дала б что-то свое старое, но тоже нельзя, так как запрещено наряжаться в то, во что наряжается их народ. Ходить в церковь также запрещено. В воскресенье имеешь 2 – 3 часа свободных, но без пропуска не разрешают даже со двора выйти, так как за штраф не отработаешь... Плачу целыми днями, что глаза не высыхают... Увидеться бы, но никто не знает когда, ибо все работай, работай, а не дадут кушать, или что-то у тебя заболит, то нельзя пожаловаться никому, так как сразу же запрут». ⁷⁷

Кругляк Женя, г. Каменец-Подольский:

«...Мне жить, как гороху при дороге... Работа моя: 3 детей, 3 комнаты, 13 гектаров свеклы..., 3 коровы, 3 свиньи...». ⁷⁸

Нестерук Анна, с. Привороття Староушицкого района:

«...Тяжело работаю целый день. Пол мою, щетками чищу. Вечером после ужина мою посуду, потом 10 часов, а я веду два пса в лес. Досада мне. Ложусь. Плачу, лежу, захочет пес на двор, встаю и веду. В 4 часа встаю. Если бы хоть единую ночь выпалась...». ⁷⁹

Итак, все категории остарбайтеров испытывали издевательства и унижения со стороны своих «собственников», подвергались нещадной эксплуатации.

* * *

Разумеется, принудительный труд не мог быть высокопроизводительным – раб никогда не стремился к улучшению личных трудовых показателей. По оценке Ф. Заукеля (март 1943 года) средняя *производительность труда* иностранных рабочих в сравнении с немецкими составляла 56 %, *остарбай-*

теров (в начале их трудовой эксплуатации) – 20 процентов.⁸⁰

Вместе с тем, не способствовала ее повышению государственная политика рейха относительно использования остарбайтеров. Так, «восточные рабочие» не привлекались массово к выполнению сложных технических и технологических операций, неотъемлемых от дальнейшего технического прогресса. Такое привлечение требовало их основательной профессиональной подготовки, организации постоянно действующих профессиональных курсов, которые, кстати, предлагали организовать на промышленных предприятиях Германии отдельные трезвомыслящие чиновники из рейхсминистерства А. Розенберга – чтобы «свободные русские рабочие» широко овладели немецкой технической терминологией, привыкали к «немецкому темпу работы»,⁸¹ лучше адаптировались в производственной сфере рейха, а главное – надлежало им образом повышали свой профессиональный уровень. Это было тем более важно, так как довольно часто остарбайтеры, как уже отмечалось, выполняли несвойственную им работу: городские жители работали в сельскохозяйственном производстве, а вчерашние хлеборобы – становились за токарные станки (исходя из этого, некое подобие краткосрочных курсов было организовано лишь на отдельных предприятиях). Однако высшее нацистское руководство, ссылаясь на позицию А. Гитлера, возражало против очевидной необходимости организовать учебу. Считалось, что это неоправданная трата средств, что экономически выгоднее использовать производственный потенциал остарбайтеров лишь на выполнении более простых, «черновых», операций, что для повышения производительности труда достаточно усилить принуждение работающих, увеличить продолжительность рабочего дня, считалось, что десятки рабочих рук равнозначны использованию дорогих машин, которые, вдобавок, могут еще и поломаться...

Действительно, «оказалось, что принудительный труд был целесообразен лишь на простых операциях массового производства».⁸² И именно количеством рабочих рук нацисты старались нивелировать низкую эффективность производства, получить за счет этого необходимый валовой продукт. Тем более, что одно время казалось, что даровая рабочая сила неиссякаема.

Поэтому неслучайно, что повсеместно (особенно в сельской местности) машинный труд подменялся ручным. Это было вы-

звано еще и тем, что механическая замена призванных в ряды вермахта немецких кадровых рабочих остарбайтерами, в большинстве случаев неподготовленными, обусловила резкое ухудшение эксплуатации тех же машин и средств производства, агротехники и т. п. Но ручной труд никогда не отличался высокой эффективностью, вел к торможению развития производства, регрессу, а по большому счету – стагнации экономики, промышленному спаду. Это в условиях войны угрожало в конечном счете поражением.

Собственно, так оно и произошло. Экономика нацистского рейха, которая в значительной степени базировалась на принудительном труде иностранных рабочих и систематически сталкивалась с трудностями (особенно начиная со второй половины 1944 года), так и не нашла в себе сил для решающего развития, в то время как советская постоянно наращивала мощности.

Статистика свидетельствует, что производительность труда советских рабочих, занятых в промышленности, с мая 1942 г. по май 1945 г. в целом возросла на 43 процента, а в оборонных отраслях – на 121 %, что в этот период среднегодовое производство танков, самоходных артиллерийских установок, пушек в СССР было в 1,8 раза выше, чем в Германии, боевых самолетов – в 1,4 раза.⁸³ Это позволило Советскому Союзу получить заметное преимущество в производстве важнейших видов вооружения (см. таблицу):

Производство важнейших видов военной техники в СССР и в нацистской Германии с июля 1941 года по август 1945 года (тыс. шт.)⁸⁴

	СССР	Германия
Танки и САУ	102,8	46,3
Боевые самолеты	112,1	89,5
Пушки всех видов и калибров	482,2	319,9
Минометы	351,8	78,8
Пулеметы всех видов	1515,9	1175,5

Причем, что очень важно, отдельные виды военной техники качественно превосходили немецкие. Так, например, средний танк Т - 34 признан лучшим танком Второй мировой войны...

Как видим, ставка на принудительный труд дорого стоила нацистской Германии. По большому счету, оstarбайтеры оказались своеобразным тормозом развития ее экономики. Этот «тормоз» так и не позволил ей стать надежной основой для силовой реализации планов гитлеровцев воцариться над всем миром.

Однако следует отметить, что в целом ряде случаев производительность труда оstarбайтеров была не такой уж и низкой.

Так, с целью определения ее уровня расположенный в пригороде Берлина – Целендорфе – институт трудовой психологии и трудовой педагогики организовал серию экспериментов. «На заводе фирмы «Рейнметалл-Борзинг» в г. Губен было отобрано 140 украинских рабочих, депортированных из Харькова, 136 из которых справились с задачей с оценкой «очень хорошо». Этот результат во много раз превысил результаты работы подобных групп рабочих из Франции, Голландии и Польши». ⁸⁵

Резюмируя выводы экспертов, чиновники рейхсминистерства А. Розенберга констатировали: «В общем производительность труда как западных, так и восточных украинцев может быть названа благоприятной..., во многих случаях она была даже выше, чем производительность фольксдойче». ⁸⁶

Исследования Имперской экономической палаты (весна 1944 года) также фиксируют высокие показатели у оstarбайтеров – 60 – 80 % среди мужчин (в сравнении с немецкими рабочими) и до 90 % среди женщин. ⁸⁷

К сходным результатам пришел и Институт исследования проблем труда Немецкого Трудового Фронта, который проанализировал в первой половине 1943 г. работу 671 оstarбайтера на 19 промышленных предприятиях. Несмотря на то, что большинству (до 4/5) рабочих пришлось профессионально перестраиваться, их средняя производительность достигала 80 % средней производительности немца. ⁸⁸

Однако следует отметить, что достигались такие результаты, – и то, как правило, в одиночных случаях, – при помощи

беспощадного принуждения «восточных рабочих»: путем побоев, сокращения до минимума обеденного перерыва и времени на передышку, угроз лишения питания, увеличения продолжительности рабочего дня, использования других мер, основывающихся на своеволии и насилии. Так, например, жителя с. Сосны Литинского района Арсения Коломийца и всех, кто вместе с ним работал в шахте г. Либеркур, не выпускали на поверхность по 2 – 3 дня, пока каторжники не выполнили установленную норму.⁸⁹

Общая же трудовая отдача остарбайтеров была далеко не такой, какой ее хотели видеть эксплуататоры.

* * *

Тем не менее, несмотря на высокую интенсивность труда и большую продолжительность рабочего дня как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, *заработная плата* остарбайтеров была чисто символической. И не потому, что их фактический заработок на самом деле оказывался низким. Сохраненные в архивах документы начисто опровергают такое предположение. Так, остарбайтер Екатерина Васильевна Шевчук из села Полевого Дашевского района, работая на фабрике, заработала в 1944 г. 376 рейхсмарок 88 пфенингов, за несколько месяцев 1945 г. еще 217 марок 88 пфенингов, а получала в месяц лишь 13 рейхсмарок.⁹⁰

Суммарный заработок Филимона Петровича Кулеша из с. Юнашек Погребищенского района, который трудился в Германии на лесоразработках, за 9 месяцев составил 1233 рейхсмарки (по 137 марок в месяц), однако на руки в месяц он получал не более двадцати марок.⁹¹

Почти по 100 марок в месяц зарабатывала в Берлине на алюминиевой фабрике «Отто Линеман» Мария Кондратьевна Романько из села Ометинцы Ситковецкого района, а фактически получала не больше десяти.⁹²

Было довольно много случаев, когда зарплата не выплачивалась вообще. Это в первую очередь касалось подростков. Так, воспитательница Дашевского детского дома Ольга Крицкая работала в г. Фельтлинген на фабрике по 12 часов в сутки. Зарплаты не получала, поскольку была малолетней.⁹³ В аналогичном положении оказались и тысячи ее ровесников, насильно вывезенных в нацистское рабство.

Низкие заработки или их отсутствие – тоже результат целенаправленной политики нацистского государства. Реальным ее проявлением, прежде всего, было то, что на остарбайтеров не распространялось немецкое трудовое законодательство. Оплата их труда регулировалась директивой Г. Геринга от 7 ноября 1941 г., которая (о чем уже упоминалось) приравнивала рабочих с Востока к военнопленным. *Усилия власти сводились лишь к тому, чтобы выгода от работы каторжан была наибольшей, а затраты на их содержание – минимальными.* (Подобное можно сказать и о польских рабочих, которые также не попадали под действие немецкого трудового законодательства).

По этой причине заработки рабочих в Германии строго дифференцировались. За выполнение одинакового объема работы наименьшую плату получали остарбайтеры, значительно большую – их западные коллеги, наибольшую – немцы. Даже теоретически не допускалось, что заработок остарбайтера может превышать оплату труда немецкого рабочего.

С целью откровенного ограбления восточных рабочих с января 1942 года в Германии был введен специальный налог на остарбайтеров (*Ostarbeiterabgabe*). Он оказался настолько «прогрессивным», что реально каторжанин с Востока мог получить за свой тяжелый труд не больше 5-ти марок в неделю.

«...Денег получаю 5 – 6 марок в неделю... В общем, заработался, как голый в пазуху набрал...»,⁹⁴ – писал на Родину Иван Радецкий из с. Козодавинец Староушицкого района.

Но и этого новоявленным рабовладельцам казалось недостаточно. 4 марта 1942 г. министр труда рейха внес новые поправки. В изданном им приказе указывалось, что оплате подлежит лишь фактически отработанное время. Узаконивался ежедневный вычет из заработка восточных рабочих по 1,5 рейхсмарки за питание и проживание.

Это имело отрицательные последствия. И не только для остарбайтеров. В документе под грифом «Секретно» от 25 марта 1942 г. "Предложения главного командования вермахта Генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы Ф. Заукелю об улучшении условий труда восточных рабочих», в частности, отмечалось, что «теперешние условия, в которых приходится работать русским, не обеспечивают эффективности русской рабочей силы для немецкой военной промышленности... Согласно постановлению от 20.01.42 г. рус-

ским гражданским рабочим установлен настолько высокий налог на зарплату, что в зависимости от возраста и взятых за основу немецких тарифов от недельного заработка остается всего лишь от 10 до 17 немецких марок, из которых еще руководитель предприятия высчитывает в день 1,5 немецких марки за питание и жилище. Чем выше производительность и, соответственно, основная зарплата русского, тем выше автоматически становится налог. Недельный заработок, который превышает 17 немецких марок, изымается на налоги. Таким образом, у русского не остается никакого стимула для повышения производительности своего труда». ⁹⁵

Аналогично по содержанию и сообщению № 289 от 4 июня 1942 года полиции безопасности и СД об использовании на работах советских гражданских рабочих. В нем констатируется: «...Трудности возникают у предприятий в связи с низкой оплатой труда русских. Судя по сообщениям, следует как можно быстрее провести намеченное улучшение заработной платы, так как по существующим до сих пор положениям почти весь заработок удерживается на налоги, так что русским рабочим остаются лишь незначительные карманные деньги. Русские часто говорят, что они не знают, зачем они работают после того, как их работа почти не оплачивается. К тому же руководители предприятий отмечают, что в связи с такой оплатой труда у русских, конечно, нет никакого стимула к повышению производительности. Это выражается в озлобленности, в отсутствии усилий к улучшению труда...». ⁹⁶

30 июня 1942 г. появился очередной документ, «Постановление Совета министров по обороне рейха об условиях использования восточных рабочих», который касался регулирования оплаты труда оstarбайтеров. Изменения и дополнения, зафиксированные в нем, предусматривали еще больший грабёж. В частности, не предусматривалась выплата заработной платы на период болезни, а также разнообразные надбавки за сверхурочную работу, за работу в воскресенье, праздники и за ночную работу. Запрещалась выплата денег на командировочные, а «социальные надбавки и социальные платежи всех видов, которыми пользуются немецкие рабочие, не должны учитываться при определении сравнительной оплаты». ⁹⁷

В особенности это касалось промышленных рабочих. Из общей суммы их заработка скрупулезно высчитывались также затраты на одежду, обувь, погашение наложенных штрафов.

Сама же таблица оплаты труда восточных рабочих ⁹⁸ была такой:

Брутто заработная плата, сравнимая с немецким рабочим (почасовая оплата, аккордная оплата, премиальная оплата от больше чем - до)	Оплата труда восточного рабочего			Восточный налог (§ 10)
	Всего за рабочий день (§ 3, абз. 2)	Из них подлежит удержанию за жилье и питание	Подлежит выплате на руки	
В немецких марках	В нем. марках	В нем. марках	В нем. марках	В немецких марках

А. Таблица дневной оплаты труда

до 1,40	1,60	1,50	0,10	-
2,00 – 2,15	1,85	1,50	0,35	0,20
4,10 – 4,25	2,55	1,50	1,05	1,60
6,00 – 6,20	3,05	1,50	1,55	3,00
10,00 – 10,25	3,20	1,50	2,40	6,05
12,75 – 13,00	4,45	1,50	2,95	8,25
[...]				

Б. Расчетная таблица при недельной оплате труда

до 9,80	11,20	10,50	0,70	-
15,05 – 16,10	13,30	10,50	2,80	2,10
30,80 – 32,20	18,55	10,50	8,05	12,60
50,75 – 52,50	23,45	10,50	12,95	27,30
75,25 – 77,00	28,35	10,50	17,85	46,55
89,25 – 91,00	31,15	10,50	20,65	57,75
[...]				

В. Расчетная таблица при месячной оплате труда

до 42,00	48,-	45,-	3,-	-
60,00 – 64,50	55,50	45,00	10,50	6,00
100,57 – 105,00	69,00	45,00	24,00	33,00
150,00 – 156,00	84,00	45,00	39,00	67,50

240,00 – 247,50	105,00	45,00	60,00	33,50
300,00 – 307,50	117,00	45,00	72,00	181,50
382,50 – 390,00	133,50	45,00	88,50	247,50

Как видим, из заработанных 390 марок восточный рабочий мог получить на руки лишь 88 марок 50 пфенингов – 22,5 % от заработка.

В принципе, зарплата начислялась и остарбайтерам, которые работали в сельской местности. Однако в аграрной сфере действовала сложная система начислений, которая приблизительно соответствовала таблицам заработной платы в промышленности. Ударение делалось на натуроплату (уместно сказать, что и немецкие рабочие, которые работали в сельском хозяйстве, нередко получали свой заработок «натурой»). «...И действительно, если военнопленный или остарбайтер попадал к крестьянину или леснику, то фактическое обеспечение питанием и ночлегом возлагалась на них как на работодателей».⁹⁹ Кроме того, на собственника дешевой рабочей силы возлагалось обеспечение работающих одеждой и обувью.

«...Я с фабрики сбежал и меня взяли к хозяину. Мне здесь хорошо. Хозяин дал мне 3 штанов, 3 рубашки, 3 пиджачка... Я пришел к нему голый, все сгорело, только остался ватный лейбик и рабочие брюки».¹⁰⁰ (Из письма сына Лукерьи Атаманюк, село Богдановка Базалийского района).

Но таких положительных отзывов о своих хозяевах со стороны остарбайтеров совсем немного. Бауэры, как и промышленные рабовладельцы, также упорно не желали раскошелиться, хотя известны случаи, когда вместе с «натуроплатой» они платили восточным рабочим и деньгами. Тот же сын Лукерьи Атаманюк сообщал в письме, что хозяин выплачивал ему по 15 марок в месяц.

Другой остарбайтер, Владимир Ганевич из с. Блажевки Самгородского района, работая на полевых роботах, зарабатывал, как свидетельствуют документы, еще больше – по 40 рейхсмарок в месяц.¹⁰¹

Беда только, что на заработанные деньги практически ничего нельзя было купить, разве что бутылку-две лимонада или пива, небольшое количество моркови или брюквы. На другой товар просто не оставалось средств – «кусались» цены. Да и карточная система, существовавшая в рейхе, не распространялась на восточных рабочих – Германия не была заинтересо-

вана в повышении их покупательной способности, поскольку для этого у нее явно не доставало товаров.

«...Получаю в месяц 13,50 марок, но за них нечего купить, потому что здесь все на карту покупают, а нам не дают карточек». ¹⁰² (Из письма Василия Радийчука, с. Козодавинцы Староушицкого района).

«...В город нас пускают, а хотя и пускают, но ничего нам не продают, даже шпильки никакой...». ¹⁰³ (Из письма Антонины Харьковой, с. Борсуки того же района).

С целью ограбления остарбайтеров (в трудовых лагерях) применялось и другое эффективное средство, успешно испытанное в больших гетто, – зарплату выплачивали «не рейхсмарками, а специальными «лагерными марками»..., их принимали только в лагерном ларьке, плюс, возможно, в некоторых магазинах (где можно было купить нитки, иголки, пуговицы, гребешки; из «пищи» – соль, горчицу, лимонад, пиво, а кое-где и полбуханки хлеба)». ¹⁰⁴ Такие деньги были еще более обесценены, не обеспечивались никакими реальными банковскими активами.

Из письма Михаила Ставицкого, с. Драгановка Чемеровецкого района:

«...Получаю одну марку в день. И то лагерную. За нее можно купить только пива, а больше ничего... В городских магазинах есть много чего, только продается на карточки, а карточек нам не дают». ¹⁰⁵

Из письма Федора Чемеча, г. Чемеровцы:

«...Здесь у нас 300 гр. хлеба три марки стоят. Это лагерная цена, а в городе намного меньше, но на карточки, так мы из города из кооперации не можем получить... А во-вторых, что нет денег...». ¹⁰⁶

Еще одним действенным методом ограбления было так называемое сохранение заработанных средств на сберегательных книжках. Об их существовании остарбайтеры даже не догадывались, а тем не менее, они, начиная с середины 1942 г., заводились на большинство работающих. Только «вклады» вносили не сами рабочие, а их собственники.

Оформление взносов осуществлялось с помощью специальных марок, похожих на почтовые, которые клеивались в книжку. Номинал такой «марки» красного цвета приравнивался одной рейхсмарке, синего – к пяти.

Официально книжка называлась «Сберегательной карточ-

кой рабочего с Востока». Все надписи, сделанные в ней, напечатаны на четырех языках: немецком, украинском, русском, белорусском. Условия сбережения были следующими:

«Сумма, которую представляют приклеенные в сберегательной карточке знаки, считается собственностью вкладчика в валюте его родины. Каждый банк на родине рабочего выплачивает ему, или лицу, названному в сберегательной карточке, сбережения вместе с процентами, которые насчитываются на основании отдельных предписаний. Полномочия на получение денег могут быть проверены. Сберегательную карточку надо подать для выплаты не позже 31 декабря 1950 года».¹⁰⁷

Среди документов, которые хранятся в государственном архиве Винницкой области, удалось разыскать «Сберегательную карточку» уроженки с. Будкова Хмельникского района Ксении Вознюк, которая с марта 1942 года по март 1945 г. работала в Германии в сельском хозяйстве. За это время она «сэкономила» 161 рейхсмарку.¹⁰⁸

В сущности, ее сбережения и отложенные на книжку сбережения других остарбайтеров, были своеобразным займом военного времени, взятым у поработанного населения неприятельской страны, возвращение которого на самом деле не предусматривалось финансово-экономическими службами нацистского рейха, хотя для видимости конечный срок возвращения этого займа и обуславливался (например, в упоминавшейся «Сберегательной карточке рабочего с Востока» – до конца 1950 года).

В значительной мере можно считать таким же грабежом и введенное приказом министра труда от 4 марта 1942 г. *социальное страхование* остарбайтеров. Согласно приказу предприниматели обязывались выплачивать в местные или заводские больничные кассы по 4 рейхсмарки за каждого работающего. Такие средства они действительно платили. Вот только брали их не из собственного кармана, а из заработка тех же восточных рабочих.

Об относительной справедливости заработков остарбайтеров заговорили лишь в конце войны, когда ценность рабочих рук несравненно возросла. Тогда постановлениями Совета министров по обороне Германии от 25 марта и Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы от 26 марта 1944 г. остарбайтеров впервые официально уравнили в вопросах зарплаты и условий содержания с другими иностран-

ными рабочими,¹⁰⁹ но ни в коем случае не с немцами. К тому времени ни о какой «уравниловке» речь вообще не шла, если не принимать во внимание отдельные высказывания и предложения со стороны розенберговского Министерства по делам восточных территорий и шпееровского Министерства военной экономики и вооружений – оба предлагали несколько ослабить дискриминацию остарбайтеров, улучшить питание, повысить зарплату, отказаться от колючей проволоки в лагерях и т. д. Однако, эти, безусловно, справедливые пожелания нивелировались неуступчивой позицией более могущественных учреждений – Национал-социалистической партией Германии и Имперской службой безопасности.

Принятые 25 и 26 марта 1944 года документы провозглашали не только «равенство» остарбайтеров с иностранными рабочими. Они отныне разрешали доплату остарбайтерам за работу «в праздничные дни немецкого народа».¹¹⁰

Более того, как отмечалось в постановлении Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, на восточных рабочих распространялось положение «об оплате за вынужденные простои, вознаграждение за работу в неблагоприятных погодных условиях, о возмещении заработка при потерях от воздушных налетов» и даже предписания «о выплате премий за усовершенствование и рационализацию производственных процессов».¹¹¹

Однако, эти нововведения в большинстве случаев остались лишь на бумаге. До их конкретной реализации дело не дошло.

Как видим, денежные и социально-страховые расчеты с остарбайтерами оказались не чем иным, как эффективным средством продолжительного мерзкого ограбления каторжан, в том числе каторжан-подолян.

* * *

Но больше всего досаждало «остарбайтерам» не безденежье. Значительно более серьезной и острой проблемой было *отсутствие надлежащего питания.*

Питание было крайне неудовлетворительным, а то и вообще ужасным. Количество калорий, которое потреблял восточный рабочий за день, позволяло лишь поддерживать жизнь, но не давало сил для работы. Об этом даже шла речь в одном из тайных немецких документов – «Предложениях Главного ко-

мандования вермахта Генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы Ф. Заукелю об улучшении условий труда восточных рабочих», датированном 25 марта 1942 года:

«...Из сообщений инспекций вооружения и земельных бирж труда вытекает, что прибывшие здоровыми и крепкими русские при таких условиях питания уже через несколько недель обессиливаются и в дальнейшем не могут работать в полную силу... Выдаваемые минимальные нормы служат лишь для поддержания жизни...». ¹¹²

Что касается норм питания, то они зафиксированы в другом документе, принятом 12 марта того же года, – «Распоряжении германского министерства продовольствия об обеспечении питанием советских военнопленных и гражданской рабочей силы в Германии».

«Продовольственные нормы в лагерях военнопленных и вне их в рабочих командах, включая сельское хозяйство, – констатировалось в нем, – составляют: хлеб в составе 72 % ржаной муки грубого помола, 28 % полноценного сахарного жома – 2600 граммов на 7 дней... Мяса – 250 г на 7 дней (мясные порции по возможности выдаются кониной и несортным мясом)... Жиры – 130 г на 7 дней... Квашеная капуста – 275 г на семь дней...

Вышеперечисленные продовольственные нормы для военнопленных действуют как директивные и для продовольственного снабжения **русских гражданских рабочих...**». ¹¹³

Итак, *остарбайтеров постоянно мучил голод*, который истощал организм подобно тяжелой болезни.

«Что касается пищи, то очень плохо... Нас кормят раз в сутки. Одну миску супа и 250 гр. хлеба». ¹¹⁴ (Из письма из Германии Дмитрия Ткачука, с. Джулинка Джулинского района).

«...Нам здесь... дают днем баланду из крапивы, а вечером также баланду и дают 200 грамм хлеба в сутки. Так мне хорошо..., как дяде Николаю в Умани (*вероятно, военнопленному Уманского концлагеря. С. Г.*). Поправляюсь..., как моя бабушка перед своим концом». ¹¹⁵ (Из письма Домки Притуляк, с. Серединка Джулинского района).

«Работала я на фабрике «Адольф Вольф», которая изготовляла мебель, – вспоминает бывшая «свободная русская работница» подолянка Г. Левицкая. – ...Кормили нас плохо. Хлеба в сутки выдавали 200 граммов, а горячее кушанье – дважды в день: утром кофе без сахара, на обед – брюкву... Однажды

меня побил лагерный начальник за то, что я не хотела есть «суп», в котором плавали червяки...». ¹¹⁶ (Из фильтрационного дела Г. Т. Левицкой, с. Спичинцы Плисковского района).

«...Я здесь так живу, как жили люди в 33 году...». ¹¹⁷ (Из письма Симона Сивака, с. Борсуки Староушицкого района).

«Кусок черного, как земля, хлеба, литр «горячей брюквы» – такой была ежедневно наша пища». ¹¹⁸ (Из воспоминаний Е. Я. Сименцовой, с. Шумовцы Проскуровского района).

А вот свидетельство, так сказать, постороннего наблюдателя, бывшего старшего врача лагерей для иностранных рабочих концерна Круппа в г. Эссене доктора В. Егера. Описывая продовольственное обеспечение восточных рабочих в лагерях Зойманштрассе, Гиперштрассе, Германштрассе, Капитан-Леманштрассе, Лехеншуле, Кремерплац и других, он отмечает, что «пища для восточных рабочих была абсолютно недостаточной. Восточные рабочие получали 1 тыс. калорий в день, менее, чем минимум для немцев. В то время как немецкие рабочие, занятые на тяжелых работах, получали 5 тыс. калорий в день, восточным рабочим, выполнявшим те же самые работы, выдавалось в день только 2 тыс. калорий. Восточные рабочие получали пищу лишь два раза в день и свою порцию хлеба. В том числе, один раз им выдавался жидкий водянистый суп.

План снабжения предусматривал небольшое количество мяса в неделю. Вместо него разрешалось употреблять только неполноценное мясо, которое состояло или из туберкулезного лошадиного или же забракованного ветеринаром мяса. Обычно это мясо варилось в супе...». ¹¹⁹

При этом немецкий специалист забыл отметить, что такое «меню» было одобрено высшим нацистским руководством, в частности, рейхсмаршалом Герингом, который, выступая на секретном совещании 7 ноября 1941 г., цинично заявлял, что проблему питания советских рабочих можно легко решить с помощью одной только капусты и брюквы. Кто станет отказываться работать, того следует лишать любой пищи, а упрямых – расстреливать на месте.

Ради объективности следует сослаться и на данные исследований немецкого ученого У. Херберта, которые помещены в его работе «Иностранные рабочие. Политика и практика применения труда иностранцев в военной экономике Третьего рейха». Этот исследователь приводит несколько отличные от вышеназванных нормы питания пленников с Востока:

Нормы питания советских военнопленных и гражданских рабочих

(1941 – 1942, калорий/день)¹²⁰

Категория труда	04.12.1941	17.04.1942	06.10.1942
Легкие работы	2540	2070	2283
Трудные работы	Нет данных	2447	2673
Горняк в шахте	Нет данных	2993	3145

Нельзя не заметить, что данные У. Херберта заметно выше показателей, о которых говорит В. Егер. Тем не менее, информация в обоих источниках отвечает истине. Только сведения, приведенные в таблице, – это количество калорий, которое должны были потреблять оstarбайтеры за день теоретически, а цифровые данные доктора В. Егера – сколько они потребляли их фактически.

Из таблицы У. Херберта также видно, что тяжелее всего оstarбайтерам приходилось в промежуток времени с 17 апреля по 6 октября 1942 г., когда рационы были особенно скудными. Это объясняется тем, что в тот период были уменьшены нормы питания и для самого немецкого населения. Однако после 6 октября положение для немцев улучшилось – они снова вернулись к нормам, которые действовали раньше. Рационы же восточных рабочих повысились только на десять процентов. Но это не решало проблемы. Голод становился хроническим.

«...Уже более года каждый день голодный...»,¹²¹ – писал в 1943 г. из Германии Степан Побережнюк из с. Борсуков Староушицкого района.

«...Живем плохо. Самое худшее то, что дают очень мало кушать. Сегодня обед: почти одна вода, пообедал и голодный как собака... У нас в тюрьме лучше кормили, чем здесь... Я сейчас намного хуже, чем из тюрьмы вышел...»,¹²² – сообщал оттуда же 10 января 1943 г. Павел Драгомерецкий (с. Рункошов Староушицкого района).

Принудительный труд на голодном пайке изнурял, постоянное недоедание отбирало последние силы. Это, наконец, вынудило самих немцев проявить беспокойство. Но новоявлен-

ных рабовладельцев не столько беспокоила судьба их рабов, как то, что из-за физического истощения они были не в состоянии обеспечить ожидаемую производительность труда, что красноречиво подтверждает письмо представителя акционерного общества Круппа (о крайней степени истощения советских людей, занятых в промышленности Германии).

«В последние годы мы убедились, – говорилось в нем, – что питание русских непередаваемо скверно, поэтому они становятся слабее и слабее с каждым днем.

Обледование показало, например, что некоторые русские не в силах повернуть винт, настолько они слабы физически. Повсюду, где работают русские, для них созданы такие условия.

Если не будут внесены изменения в рацион, то нельзя требовать нормальной выработки, и все расходы, связанные с русскими, окажутся напрасными. Также я не считаю нужным принимать новых русских, если они будут считаться за мной как продуктивные рабочие, но я от них не смогу ожидать никакой производительности...»,¹²³

Сравнительно лучшим было питание остарбайтеров, которые работали в селе, но они также постоянно недоедали.

«...Мой хозяин плохой... А хозяйка, так очень плохая. Ничего мне не дают...»,¹²⁴ – сообщала Софья Конопчук (с. Шатерники Славутского района).

«...Кормит хозяин нехорошо... Как гражданско-пленных... Вынуждены и на таких условиях работать...». ¹²⁵ (Из письма Василия Середы, г. Шепетовка).

И все же в селе еще можно было как-то выжить. Поэтому попасть сюда стремился едва ли не каждый «остарбайтер». Возвращение назад, на фабрику, воспринималось восточными рабочими, в том числе земледельцами-подолянами, как еще одна трагедия в их жизни:

«...Я с Оляной была у бауэра неделю, а теперь снова сюда забрали. Когда сказали направляться на фабрику, то как на смерть, не хотела идти...». ¹²⁶ (Из письма Прасковьи Мельник, с. Вахновцы Староушицкого района).

Спасаясь от голода, пленники часто обращались за помощью к родным – с просьбой выслать сухарей, круп, жира, сахара и т. п. Особый спрос был на табак, который служил своеобразной обменной валютой. На него можно было выменять жизненно важные продукты питания, даже хлеб.

«...Здесь кто имеет табак, то ест хлеб...»,¹²⁷ – писала роди-

телям из рабочего лагеря Ремшейд Франя Олейник (с. Бакота Староушицкого района).

«...Если есть возможность, высылай побольше табака, так как моя жизнь зависит от него...», ¹²⁸ – умолял жену из далекого Гейнесдорфа Василий Крайчак (с. Калюс Новоушицкого района).

Помощь от родных действительно поступала, но она не решала проблемы. Во-первых, вес посылки не мог превысить 250 граммов; во-вторых, их доставка была нерегулярной; в-третьих, не каждый мог снарядить и отправить даже такую посылку, в особенности с табаком. Поэтому проблему острого дефицита пищи оstarбайтерам в основном приходилось решать самостоятельно.

Чтобы выжить, рабочие ели даже листья с деревьев. Кроме того, ужасное питание заставляло доведенных до отчаяния людей *воровать*.

«Воровали все – все, что можно съесть или обменять на пищу: картофельную шелуху, картофель, брюкву, хлеб. Воровали всегда – по дороге на работу, на работе, по дороге с работы...». ¹²⁹

«...Кормили нас очень плохо – два раза в день так называемой «баландой», – читаем в воспоминаниях Д. Д. Галузинского. – Мы были очень голодны. Когда проходили колонной мимо поля с посаженной брюквой, рабочие не выдерживали, и некоторые, рискуя получить по спине несколько ударов резиновой дубинкой от охранников, старались вырвать хотя бы одну или две брюквы, чтобы здесь же ее съесть...». ¹³⁰

Каждый случай кражи или попытки совершить ее жестоко наказывался немцами. Причем, наказание всегда было неадекватным причиненному «ущербу», чрезмерно суровым.

«...В особенности нас потрясла судьба Александры Чоботок, моей односельчанки, – писала жительница с. Андрушевки Плисковского района М. М. Осавула. – Вместе с подружками она взяла чуточку брюквы, которая предназначалась на корм скоту. Это заметили немцы и заявили в полицию. Александру ибили до потери сознания. Она рассказывала, что один полицейский бил, пока не устал, тогда взялся бить второй. Александра заболела и через полтора месяца умерла». ¹³¹

Дважды подвергался аресту немцами за «незаконное присваивание картофеля» Иван Левчук из Старой Синявы. ¹³² За три украденных моркови месяц провел в тюрьме французского

города Бетюнь Михаил Кондратюк из с. Рожепы Жмеринского района.¹³³ За кражу картофеля стал узником концентрационного лагеря «Бухенвальд» воспитанник Якушинецкого детского дома Винницкого района Станислав Вишневский.¹³⁴ Согласно распоряжению руководителя одного из заводов города Лидизгайм были повешены 20 девушек и один мальчик за то, что они без разрешения взяли по горсти ржи.¹³⁵

Но каким бы жестоким ни было наказание – голод оказывался сильнее. Он подталкивал обессиленных людей на действия, которые унижали человеческое достоинство, создавал благоприятный фон для злоупотреблений со стороны тех, чье положение не было таким критическим.

«...Довольно частыми были случаи ограбления остарбайтерами продуктовых магазинов, пунктов общественного питания и квартир немцев. Случалось, что рабочие с Востока попрошайничали, прося у прохожих кусок хлеба. Плохим продовольственным снабжением остарбайтеров пользовались другие иностранцы. Так, французские рабочие спекулировали хлебом, продавая его украинцам и русским по 10 марок за фунт. За попытку покупать продукты в немецких магазинах остарбайтера ожидали штраф и избиение».¹³⁶

Лишь 26 января 1945 г. появился циркуляр Гимmlера, в котором предлагалось «уравнять остовцев со «второй категорией» иностранных рабочих (французы, бельгийцы, голландцы). Циркуляр гестапо грозил начальникам лагерей в случае невыполнения... решений не только смещением с должности, но и заключением в концлагерь (за кражу продуктов)...».¹³⁷ Тем не менее, лагерное начальство всеми правдами и неправдами все-таки сумело не выполнить его...

Итак, голод среди остарбайтеров был искусственно организованным повсеместным явлением, одним из проявлений нацистской человеконенавистнической политики. Он оказался едва ли не самым тяжелым испытанием для каторжан, был средством их постепенного физического и морального уничтожения как представителей «неполноценной расы».

* * *

Другой крайне острой проблемой была такая же катастрофическая нехватка одежды и обуви. Об этом идет речь в

большинстве воспоминаний остарбайтеров, их письмах из Германии, многочисленных фильтрационных делах.

«...С этим одеванием горе...»,¹³⁸ – писала, в частности, на Родину подолянка Вера Ганчук.

«...На пиджаке уже столько заплат, как в нашем селе хат...»,¹³⁹ – словно дополняла ее Анна Буц (с. Ярославовка Меджибожского района).

Причем, от такого дефицита страдали все категории остарбайтеров, но в первую очередь – рабочие промышленных предприятий.

«...Очень мне надоела эта работа, все на фабрике. Даже света не вижу... Не во что одеться... Нет блузки, рубашка порвалась...». ¹⁴⁰ (Из письма из Германии Лидии Горячей, с. Голосков Меджибожского района).

«...Я оборвался чисто. Брюки черные уже порвал. Летник тоже рассыпался... Сапоги уже дорываю и не знаю, в чем ходить буду», ¹⁴¹ – сообщал из Мюнхена Иван Пастух (с. Чернятка Джулинского района).

«...Одежды не выдали никакой, даже фартуков не выдали». ¹⁴² (Из письма Сяни Мацыпуры, с. Губин Остропольского района).

«...Относительно обуви и одежды, то у меня бедно, так как домашнее рвется, а нового не дают...», ¹⁴³ – писал родителям из Дюссельдорфа Иван Закреничный (с. Волковцы Шепетовского района).

«...Из одежды за три года мне выдали один костюм, две рубашки, чулки...». ¹⁴⁴ (Из фильтрационного дела Г. Т. Левицкой, с. Спичинцы Плисковского района).

Однако этот мизер совсем не решал проблемы, напоминал лишь каплю в море реальных потребностей.

Аналогичным было положение остарбайтеров, которые работали в сельской местности.

«...Что взяла из дому..., полностью порвала. В конюшне и возле дров – все в одном. И так налатаю и снова рвется. А чем латать? Разве бумагой... Дед здесь ходит лучше, чем я...». ¹⁴⁵ (Из письма с нацистской каторги Ефросиньи Коцюк, с. Волица Йодко Красиловского района).

«...Работаю я у бауэра... Одеться, так кровь из носу нигде не получишь ничего... Дорогие родители, я вас очень и очень прошу, вышлите мне... хотя одну юбку и блузку..., так как домашнее дорываю и буду, наверное, голой ходить...». ¹⁴⁶ (Из пись-

ма из Германии Анны Данилович, с. Гавришовка Винницкого района).

«...Работаю я возле коров... Хожу в таких штанах, что я не могу вам сказать...». ¹⁴⁷ (Из письма Владимира Шенелевича, г. Дунаевцы).

«...Я работаю у господина... Сапоги порвал и ботинки. Хожу босым...». ¹⁴⁸ (Из письма из Германии Василия Герасимюка, с. Авратин Базалийского района).

«...Я работала у одного бауэра год, так он мне дал одно платье и рубашку, но когда я переходила к другому, то он и то забрал...». ¹⁴⁹ (Из письма немецкой рабыни Анны Специальной, с. Новое Село Антонинского района).

«Одежда восточных рабочих была совершенно недостаточной, – свидетельствовал уже упоминавшийся бывший старший врач лагерей для иностранных рабочих концерна Круппа в г. Эссене Вильгельм Егер. – Они спали и работали в том же самом платье, в котором прибыли с востока...». ¹⁵⁰

«Серьезную трудность представляет обеспечение рабочей одеждой и обувью русских рабочих, – читаем в одном из сообщений полиции безопасности и СД об использовании на работах советских гражданских рабочих (сообщение № 289, 4 июня 1942 г.). – Они пребывают только в том, что одето на них, оборванном и грязном...». ¹⁵¹

Нередко одежда рабочих вообще не соответствовала времени года.

Как известно, многие подоляне были схвачены во время облав, засад, карательных акций. Они не имели возможности даже собраться, их насильно отправляли в Германию в той одежде, которую имели на себе во время ареста или пленения. Вот почему многие прибывали на каторгу босые, буквально в одной рубашке.

Немало подолян ехали отрабатывать в Германию, как им думалось, лишь на полгода. А потому те, которые отправлялось в далекую дорогу весной, даже не считали нужным застаться шапкой, пальто, сапогами, валенками, по поводу чего позже горько корили себя, небезосновательно беспокоились:

«...Зима вскоре, одеться и закутаться не во что. Выписала себе карточку на одежду, и завернули, сказали, что нет. Ну и теперь ходить голой... Вы знаете, что я взяла из дома, а я ехала на 6 месяцев. Уже прожила год и 5 месяцев. Так что вам известно, что уже мне этой одежды мало», ¹⁵² – писала родным

из Гроссенгайна Анна Шинкарук (с. Митковцы Меджибожского района).

«...Условия жизни не изменились, но еще, наверное, будет хуже, так как подходит холодная зима, которая для нас будет очень страшной. А это потому, что мы все в летней одежде... Я здесь не одна... Нас здесь больше чем 1000, и все босые и голые... Туфли уже порвала. Синий платок, то он уже не синий, а белый, так вылинял, а белый уже порвался... Здесь есть такие, что не имеют во что одеться...». ¹⁵³ (Из письма из руссенлагеря «Бранденбург» Паши Манкевич, с. Лажева Остропольского района).

Еще раз обратимся к свидетельству доктора В. Егера. Он констатирует, что почти все остарбайтеры «...не имели пальто, и поэтому были вынуждены в холодную и дождливую погоду в качестве пальто использовать одеяло». ¹⁵⁴

Одеяло служило и пальто, и з плащом. Вот только работать и ходить в нем было практически невозможно. Да и от холода защищало оно далеко не так, как теплый пиджак или кофух.

Проигнорировать проблему обеспечения остарбайтеров зимней одеждой нацистские власти все же не смогли. Тем не менее, ее решение возлагалось не на немецкие интендантские службы, а на родных насильно депортированных в рейх.

В конце 1942 г. на Подолье появились многочисленные распоряжения и объявления такого содержания:

«К председателям и старостам Ильинецкой области.

Рабочие, отправленные весной и летом в Германию, в большинстве случаев не имеют с собой зимней одежды...

Старосты немедленно должны сообщить всем жителям следующее: кто из родственников хочет послать в Германию зимнюю одежду, тот зашивает все в мешок, прикрепляет к нему бирку и передает этот мешок немедленно старосте. Староста составляет список, какую одежду каждый в отдельности высылает и какова пригодность ее.

Родственники за отправленную одежду получают награду не более 250 руб. Определение суммы, которая подлежит выплате, делает Правительство Труда...

Гебитскомиссар». ¹⁵⁵

«Ваши родственники, которые работают в Рейхе, в большинстве случаев необеспечены соответствующей одеждой на зиму. Дается возможность вашим сынам и дочерям, сестрам и братьям, которые работают в Германии, доставить себе при

вашей помощи зимнюю одежду, которую они оставили дома. Немецкая власть и немецкие транспортные средства идут вам великодушно навстречу. В ваших интересах полностью использовать эту единственную возможность.

Спешите, так как зима у порога. Гебитскомиссар сообщит вам подробно обо всех рекомендациях, которые касаются упаковки и рода одежды, а также о сборных пунктах. Придерживайтесь их безукоризненно и спешите. Таким образом вы действительно пригодитесь вашим родственникам в Рейхе".¹⁵⁶

Пересылка зимней одежды стала исключением из сурового правила, так как отсылать посылки остарбайтерам разрешалось весом не более 250 граммов.

Да и далеко не вся отосланная теплая одежда дошла до адресата. Большинство собранных вещей было переадресовано «для солдат немецкой армии, которые замерзали на советско-германском фронте. Лучшие же вещи оседали в руках немецких чиновников».¹⁵⁷

Поэтому те, кто по этой причине не дождался жизненно необходимой помощи из дома, вынуждены были зимовать в той одежде, в которой приехали.

«...Живем плохо... У нас с нового года лежит снег, холодно. Я почти что раздет, на работу хожу в легком пиджаке без ваты. Идти целый километр...»,¹⁵⁸ – сообщал из ненавистного рейха о своем горе Павло Драгомерецкий (с. Рункошив Староушицкого района).

«...Зима началась, с 1 января стояли сильные морозы 17 дней... Я... ходил в ботах, так как ботинки порвал...». ¹⁵⁹ (Из письма из Германии Федора Гладонька, с. Вахновцы Староушицкого района).

«...Я зиму перезимовал в фуфайке и в фуражке. Правда, здоровье так подупало, что можно было прожить 3 – 4 года... Голова моя чего-то болит и мало осталось волоса...». ¹⁶⁰ (Из письма из Германии Николая Золотарева, с. Курники Волочического района).

Как можно судить из даного документа, «испытание» ненастьем и холодом проходило совсем небесследно для тех, кто не по собственной воле оказался в экстремальной ситуации.

Не желая потерять из-за простудных заболеваний значительное количество дармовой рабочей силы (поскольку кроме дефицита одежды ощущался такой же острый недостаток боти-

нок, сапог, валенок, вследствие чего многим принудительным рабочим приходилось «идти босиком на работу даже в зимнее время»),¹⁶¹ немецкие власти были вынуждены проявить определенную заботу также об обеспечении «остарбайтеров» обувью, хотя в общем катастрофичность положения насильно перемещенных с Востока масс людей существенно не изменилась.

Проблему снова-таки решали в духе нацистского регламента и традиций. Несчастливым выдавались (причем не всем и совсем не бесплатно) так называемые сабо – примитивные опорки на деревянной основе, которые внешне напоминали ботинки. Подошвой в них служила деревянная колодка или долбанка с прикрепленным к ней брезентовым или картонным каркасом, под который можно было просунуть ступню ноги.

Они были очень неудобными. В них «...нельзя было быстро бежать: они слетали с ног на ходу. Быстро идти также не было никакой возможности». ¹⁶² Перемещаться в них можно было лишь двумя способами: высоко поднимать ноги и ступать едва ли не вертикально, или же «не отрывать ног от земли наподобие лыжника». ¹⁶³ Из-за таких особенностей данную обувь прозвали «звуковой».

Как вспоминал бывший немецкий каторжанин Ф. Черон, «когда колонна в 76 человек шла на работу, то вся деревня слышала. Наши колодки громыхали по булыжникам». ¹⁶⁴ «Цоканье деревянных подошв предупреждало местных жителей о приближении раба». ¹⁶⁵

Подольяне называли такие «ботинки» шугами (от слова «шугать», то есть тянуть ноги, шаркать ногами, перемещаться подобно лыжнику).

«...Выдали нам шуги на деревянных подошвах...», ¹⁶⁶ – сообщала, в частности, из Германии родным в с. Волосковцы Меджибожского района каторжанка Анна Карнаух.

Кроме того, обувь имела еще одну особенность. По свидетельству упоминавшегося доктора В. Егера, «...эти ботинки были устроены таким образом, что у их владельцев болели ноги. Многие рабочие предпочитали идти босиком на работу, чем переносить боли, которые вызывались ношением деревянных ботинок». ¹⁶⁷

Представляет интерес и следующая фраза, которая помещается в процитированном выше свидетельстве старшего врача иностранных рабочих концерна Круппа: «Кроме этих де-

ревянных ботинок до конца 1943 г. рабочие [ничего другого] не получали». ¹⁶⁸

Можно сделать вывод, что такое скряжничество немецких властей относительно обеспечения остарбайтеров одеждой и обувью было совсем не случайным.

Во-первых, в лохмотьях и в деревянных «шугах» каторжане не имели никаких шансов на удачу при возможном побеге (такой оборванец очень выделялся своим внешним видом).

Во-вторых, убожество одежды и обуви унижало человека.

В-третьих, существующий катастрофический дефицит одежды и обуви для остарбайтеров не был продиктован реальным экономическим положением Германии, а был результатом продуманной целенаправленной дискриминационной политики нацистского государства.

* * *

Но наибольшим бедствием для остарбайтеров стали *болезни*. Они постоянно преследовали невольников, были хроническим атрибутом их беспросветной жизни.

Появлению недугов способствовал целый ряд факторов: ужасные условия содержания пленников как по месту проживания, так и на работе, крайне неудовлетворительное питание, катастрофический недостаток одежды и обуви, переутомление, постоянный психологический стресс, антисанитария, отсутствие надлежащей медицинской помощи. По этим причинам массовые эпидемии наблюдались даже в более или менее благополучные летние периоды.

Вообще «...число заболевших восточных рабочих вдвое превышало число больных немецких рабочих, – свидетельствовал тот же доктор В. Егер. – Особенно широко был распространен туберкулез. В процентном отношении среди восточных рабочих было в четыре раза больше случаев заболевания туберкулезом, нежели среди немцев (немцы – 0,5 %, восточные рабочие – 2 %)...

Сыпной тиф также был распространен среди этих рабочих. Вши, разносчики этой болезни, бесчисленное количество блох, клопов и других паразитов мучили содержащихся в лагерях. В результате антисанитарных условий содержания в этих лагерях почти все восточные рабочие страдали кожными бо-

лезнями. Недостаток питания вызывал сердечные болезни, воспаление почек...». ¹⁶⁹

Количество больных было таким большим, что в одной из инструкций рейхсминистр оккупированных восточных областей А. Розенберг даже констатировал: «При принудительном использовании на работах появилось много больных, и десятки тысяч нужно теперь отправлять назад на Украину». ¹⁷⁰

Поэтому так часто невольники-подоляне сообщали родным из нацистской каторги:

Анна Гуцол, с. Смотрич Смотричского района:

«...Сейчас я очень больная, полежала два дня и должна на работу идти. Очень мне тяжело, бок болит и все плечи, голова часто болит, а в глазах черно. Очень я малокровная, такая желтая, как воск, люди меня страшатся, говорят «Что с тобой, Анна, делается, что ты такая несчастная?...». ¹⁷¹

Евдокия Бучок, с. Красноставцы Ориинского района:

«...По здоровью, так я в очень плохом положении, но я даже неспособна написать, какое оно... Простудила я бок левый и грудь, так что мое здоровье пропало...». ¹⁷²

Мария Осавула, с. Андрушевка Плисковского района:

«От плохого питания у нас начались болезни. У одной девушки появились язвы на ногах, другая два месяца лежала в больнице... Заболела и я. У меня начались сильные головные боли, кашель... Оказалось, что я заболела туберкулезом...». ¹⁷³

Однако, несмотря на явные признаки болезни, предприниматели, бауэры и прочие собственники рабов с Востока не спешили предоставить несчастным медпомощь, продолжали эксплуатировать их.

«...Здоровье мое очень плохое. Я болею целую неделю, но работать работала. Не работала, а мучилась. Болит у меня в груди и в плечах колет. Хозяйка ухом не ведет, даже не смотрит, – писала, например, родным в с. Авратин Базалийского района Анна Теремида. – Днем я лежала, так она ходит и бурчит. Говорит: «Легла спать», не верит, что я больна. Хозяину сообщила, он говорит: «Ты в воскресенье не больна, а работать больна...». ¹⁷⁴

«...Хозяин злой, никуда не пускает, только дает добрые габли работать, а не знает, что умру я к июню, так как врач признал больным и очень, а хозяин работает на мне, как на том воле...». ¹⁷⁵ (Из письма остарбайтера Андрея Волощука, с. Легава Чемеровецкого района).

«...Три дня лежал в бараке, три дня лежал в лазарете и... выгнали на работу. Три дня поработал и послали меня на комиссию за пятьдесят километров. Такая комиссия была, что взял один намордник, выгнали во двор. Такая комиссия: «Роби, рус, ты притворяешься...», ¹⁷⁶ – сообщал жене о наболевшем земляк Анны Теремиды Тимофей Григорчук из с. Колки Базалийского района.

«...Таня лежала больная. И взяли ее на комиссию... Врач признал, что она нездоровая и уже ее собирались отправить домой, но когда она переехала в лагерь, то там в конторе перекурили ее списки и так Таня осталась работать...», ¹⁷⁷ (Из письма из Германии Марии Батюшенко, с. Комаровка Славутского района).

Именно дешевым трудом, а не здоровьем невольников, были наиболее озабочены эксплуататоры. Поэтому в случае болезни рабочие должны были ходить на работу до тех пор, пока они не получали подтверждения лагерного врача о нетрудоспособности (нередко, даже получив его, не признавались больными специальными «комиссиями» и принудительно возвращались на работу). Кроме того, как отмечалось в упоминавшейся в начале данного подраздела специальной памятке о правилах обращения с гражданскими иностранными рабочими в Германии, восточные рабочие имели право «пойти к врачу лишь в сопровождении немца». ¹⁷⁸ Каждого, кто ослушивался, ждало неминуемое наказание.

«...Вы пишете, как получилось с Тодорой, – обращалась к родным Галина Гусак (с. Ярославовка Меджибожского района). – Она была больна и ходила к врачу без хозяев. Так хозяйка по телефону начала, и Тодору полицией остановил, так посадили туда, куда вы знаете». ¹⁷⁹

Конечно, отмахнуться от проблемы заболеваний среди оstarбайтеров нацистские власти тоже не могли – слишком большие размеры приобрело это социальное бедствие (количество больных восточных рабочих составляло, как правило, от 12 до 14 процентов).¹⁸⁰ Поэтому время от времени в разных лагерях официально регистрировались эпидемии, объявлялись карантин, устраивались так называемые «дезинфекции».

«...Была комиссия.., – писал, в частности, из Германии Степан Григорина (с. Борсуки Староушицкого района). – Комендант купал в холодной воде за то, что нашли вшей...». ¹⁸¹

(Собственно, дезинфекции осуществлялись как мероприя-

тия по борьбе с этими паразитами. Причем с заметным пропагандистским апломбом и подтекстом расовой неполноценности славянских народов, ведь их лозунгом было: «На территории культурной Германии – ни одного унтерменша со вшами». Поэтому лишенных всяких прав людей купали в холодной воде, заставляли проходить через газовые камеры, стригли наголо, повергали термической и химической обработке их одежду, которая после этого несколько дней сохраняла стойкий специфический смрад, который забивал нос и резал глаза...).

Кроме того, функционировали больницы, существовала сеть специальных лагерей (для больных туберкулезом, например). «Были и «хайлаги» – лагеря-санатории, и «ревиры» – лагеря для доходяг и нетрудоспособных». ¹⁸²

Как правило, в «хайлаги» оstarбайтеры не направлялись, их услугами пользовались западные рабочие, хотя это были далеко не санатории в современном понимании данного вида медико-оздоровительных учреждений. Восточные рабочие могли попасть в больницу, но в основном «лечились» в «ревирах».

Лечение же, как утверждает в своей работе «Жертвы двух диктатур. Оstarбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация» П. Полян, было «гениально простое и эффективное: лежанием». ¹⁸³ Причем без применения лекарств, при чисто символическом питании. На выздоровление отводилось не более трех дней, независимо от заболевания. ¹⁸⁴ Потом больной считался выздоровевшем.

«...В этом лагере сначала было очень много народа, но многих признали еще немного здоровыми и их забрали по работам...», ¹⁸⁵ – писала из Берлина Домка Гудзь (с. Бичева Остропольского района).

Разумеется, серьезные недуги в определенный нацистами срок не отступали, поэтому очень многим больным приходилось проводить в больницах или в специальных лагерях не только 3 дня, а и целые недели или даже месяцы.

«...Признал врач – простужена. Уже 2 месяца не иду на работу, лежу в больнице... Если кто приподнимет, то встану. Не ожидала, что такой стану... Сами подумайте, я дома весила 75 кило., а теперь 45... Жаль, что такой молодой возраст пропадает...», ¹⁸⁶ – корила свою судьбу каторжанка из с. Ивахновец Чемеровецкого района Мотря Гураль.

Попав в лечебное учреждение, каждый оstarбайтер и сам

старался не задерживаться в нем, ведь, кроме усугубления болезни, здесь существовала еще и реальная опасность голодной смерти.

«...Я нахожусь в 24-м лагере больных и, наверное, здесь придется умирать от голода. Лечить не лечат и дают 2 раза в сутки кушать – в 9 ч. кофе несладкий, а в 3 часа – баланды поллитра... Здесь ребята уже по 4 месяца, половина их уже умерла...», ¹⁸⁷ – сообщал из Брауншвейга Виктор Бурковский (с. Руда Горчичнянская Дунаевецкого района).

«...В лагере я провела полтора месяца. Там было около тысячи человек. Здесь людей буквально морили голодом. Один старик осмелился на кухне собрать крошки со стола в свою кружку. Его схватили и так побили резиновыми дубинками, что он три дня лежал...», ¹⁸⁸ – упоминала о своем пребывании в лагере для больных туберкулезом Мария Осавула (с. Андрушевка Плисковского района).

«...Я еще так очень не был больным, всего находился на больничном 2 дня с ногой, так как упала сталь и гнило больше полутора месяцев, но ходил на работу. А два дня таких было, что я не мог ходить, так пошел в больницу, так меня записали на 6 дней, но я отбыл 2 дня, так как давали кушать 1 раз в сутки, а на работе 2 раза. И поэтому я ушел». ¹⁸⁹ (Из письма из Германии остарбайтера Андрея Слободяна, с. Ярославка Меджибожского района).

Такое «лечение» болезни не только безжалостно подтачивало здоровье невольников, но и довольно часто оканчивалось смертельным исходом.

Из писем остарбайтеров-подолян из гитлеровской Германии:

Вера Коробчук, с. Малый Скнит Славутского района:

«...Головенская девушка... умерла в Ганновере. Из дома здоровой приехала, а здесь заболела туберкулезом и пошла на тот свет». ¹⁹⁰

Ирина Приведа, с. Вахновцы Староушицкого района:

«...Симон работал сначала на тяжелых работах и все в ночную смену и заболел, а питание было очень плохим. Он заболел туберкулезом и работал медленно, а затем уже слег и не мог ходить на роботу... Потом немного стало лучше и пошел на работу. И как поработал 2 недели в ночную, сразу же лег и пролежал 3 недели и умер в лагерном лазарете». ¹⁹¹

Леонида Дубик, с. Буцневое Деражнянского района:

«...Сообщаю вам со своей большой, большой печалью и досадой, и плачем еще о том, что умер мой муж дорогой, а ваш зять... Развела нас сырая земля навсегда. Он очень был большой и не вынес своих болей... Очень мне его жаль, что такой молодой и пошел в сырую землю...». ¹⁹²

Чаще всего больные, в т. ч. подоляне, умирали от туберкулеза. На него, "согласно статистике... приходилось от 1/4 до 2/5 всех смертных случаев. Второй массовой причиной была общая сердечно-сосудистая недостаточность и истощение, на которые приходилось 12 – 16 %, а в марте 43-го года – и все 31,4 %. От 6 до 12 % смертности приходилось на плеврит и воспаление легких..., от 2 до 4 % – на тиф...». ¹⁹³

Определенная статистическая информация (выборочные данные за отдельные месяцы 1943, 1944 гг.) о смертности среди оstarбайтеров и о ее причинах помещается в дневнике боевых действий Экономического штаба «Ост» (см. таблицу):

Смертность среди оstarбайтеров

(1943, 1944 гг., выборочные данные, чел. / %) ¹⁹⁴

Смертность (причины)	1943					1944	
	Март	Май	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
Туберкулез	351 23,7	546 39,7	447 35,3	325 34,4	315 35,0	291 29,7	511 31,3
Общая сердеч- но-сосудистая недостаточность и истощение	465 31,4	117 12,9	152 12,0	125 13,2	142 15,7	154 15,7	269 16,5
Плеврит и воспаление легких	175 11,8	164 11,9	72 5,7	68 7,2	60 6,7	44 4,5	80 4,9
Производствен- ные травмы	96 6,5	51 3,7	86 6,8	69 7,3	51 5,7	47 4,8	56 3,4
Желудочно- кишечные заболевания	82 5,5	57 4,1	62 4,9	51 5,4	62 6,9	65 6,6	110 6,7

Сыпной и брюшной тиф	37 2,5	109 7,9	34 2,7	26 2,8	26 2,9	41 4,2	60 3,7
Самоубийства	26 1,8	н. д. 3,5	44 3,6	34 2,6	23 3,0	29 3,0	38 2,3
Инфаркты	21 1,4	н. д. 3,2	41 4,4	42 3,2	29 3,0	29 3,0	85 5,2
Застреленные при попытке к бегству	16 1,2	н. д. 1,2	18 1,1	11 1,0	9 0,7	7 0,7	25 1,5
Другие причины	210 14,2	272 19,8	312 24,5	194 20,6	152 20,3	272 27,8	397 24,4
ВСЕГО	1479 100	1376 100	1268 100	945 100	899 100	979 100	1631 100

В том же дневнике сообщается, что в 1943 году официально зарегистрировано 14522 смертельных случая среди оstarбайтеров (в среднем 1210 человек в месяц).¹⁹⁵

При этом следует иметь в виду, что 1943 год характеризуется как наиболее спокойный в отношении смертности среди оstarбайтеров. Можно предположить, что аналогичные показатели были значительно выше в 1942 году (из-за эпидемий и крайне неудовлетворительного питания) и в 1944 – 1945 гг., когда к смертельным последствиям болезней прибавились еще и трагические результаты массированных бомбардировок населенных пунктов рейха авиацией союзников.

Болезнь часто тоже не разрешалась. Это видно хотя бы из того, что попасть в «ревир» «...можно было не чаще чем раз в три месяца, и если трех-четырех – а иногда и шести-восьми – недель кому-то все-таки не хватало, чтобы выздороветь, то назад в лагерь уже больше не брали. А поскольку умирать в реви́ре тоже не полагалось, то больных отправляли или домой [на первых порах, как известно], или на «свалку» – например, в туберкулезный лагерь».¹⁹⁶

Если непригодный для работы человек не умирал и там, его (по словам уже упоминавшейся Марии Осавулы) «выбрасывали из лагеря как ненужного»,¹⁹⁷ или же уничтожали физически («в случаях тяжелого психического расстройства известны сотни случаев применения эвтаназии – клинического умерщвления польских и советских рабочих»).¹⁹⁸

Существовали даже специальные центры по ликвидации

такой «безнадежно утраченной рабочей силы». Один из них, например, функционировал во Франкфурте (на Майне). Как вспоминает бывший остарбайтер К. И. Мосенз из с. Орловки Теплицкого района, больных здесь систематически уничтожали в газовых камерах и сжигали в крематории. Причем крематорий часто работал круглые сутки.¹⁹⁹

Подобных центров в Третьем рейхе было немало...

Итак:

- вследствие ужасных условий, в которых приходилось жить и работать восточным рабочим (крайне неудовлетворительное питание, обеспечение одеждой и обувью, значительное физическое переутомление, кричащая антисанитария, нервно-психологические стрессы), остарбайтеров постоянно подстерегали и преследовали болезни, которые серьезно подрывали здоровье, составляли реальную угрозу жизни, в особенности туберкулез;

- оперативной, полноценной медпомощи пленники с Востока, в том числе подоляне, не получали, что способствовало стремительному распространению опасных болезней, высокой смертности среди пораженных недугами каторжан;

- проявлениями дискриминации были также эксплуатация больных остарбайтеров до их полного физического истощения, глумление, которому они подвергались во время процедур «определения» их заболевания, и само «лечение»;

- обесиленных болезнями остарбайтеров, которые вследствие недуга становились нетрудоспособными, нацисты или уничтожали, или же ставили в условия, выжить в которых пленникам было практически невозможно.

* * *

Довольно остро стояла и проблема *материнства*, поскольку среди сотен тысяч рабов с Востока было немало молодых матерей. Их появление в милитаристской экономике Третьего рейха обуславливалось двумя факторами.

Во-первых, осуществляя повальную депортацию рабочей силы, «вербовщики» часто перемещали в Германию целые семьи, в том числе с малолетними детьми (в особенности после облав, карательных акций, так называемых «зачисток сел от партизан»).

«...Везут людей... к нам, – писала брату Степану из остарбайтерлагеря «Меттман» Анна Максимчук (с. Зеленые Куриловцы Староушицкого района). – А семейных, с детьми такими, как твой Коля, здесь в нашем лагере есть уже четырнадцать...». ²⁰⁰

Во-вторых, кроме депортированных, заметное количество составляли малыши остарбайтеров, родившиеся в Германии. Если в начальном периоде вербовочной кампании службы Заукеля проявляли снисходительность к беременным женщинам, то позже об отсрочке вербовки для них речь уже не шла.

Кроме того, даже при нечеловеческих условиях, в которых оказались восточные рабочие, здесь создавались новые семьи, супруги становились родителями. Однако женщины лишались всяческих прав. Закон об охране материнства распространялся лишь на работниц, которые прибыли из Болгарии, Италии, Венгрии, Хорватии, Словакии, Франции, Бельгии. На каторжанок же с Востока, как и на полячек, он не распространялся. ²⁰¹

«...В 1944 г. я вышла замуж... за украинца, уроженца Волынской области, который работал у немца, и в 1944 году меня перевели к его хозяину Эпелю Агусту, – читаем в фильтрационном деле Евгении Войнаровской (с. Войтовцы Хмельникского района). – Хотя я была беременной, однако работала на всех тяжелых работах, до последнего дня. После родов через три дня заставили меня подняться и пойти на работу...». ²⁰²

Аналогичным было отношение к другим роженицам.

В особенно ужасном положении оказались их дети, а также депортированные с Востока малыши и подростки. Несмотря на распространяемый в 1942 г. нацистской пропагандой слух, что дети, рожденные украинскими работницами, будут считаться «расово полноценными», в действительности они испытывали такую же дискриминацию, как и их родители.

В частности, «грудные дети работниц с Востока должны были получать на пищу и одежду вдвое меньше, чем немецкие дети». ²⁰³ Так определялось директивными документами рейха. В действительности же они не получали и этого.

«Глубокоуважаемый фюрер! – читаем в тайном документе, датированном 11 августа 1943 г., – письме главного руководителя главного правления народной благотворительности НСДАП рейхсфюреру СС и шефу немецкой полиции Гиммлеру о питании детей иностранной рабочей силы. – Несколько дней тому назад я вместе со своим руководителем провинциального

учреждения, оберфюрером СС Ланготом, побывал в госпитале Пирн и посмотрел на находящихся там грудных детей и младенцев восточных работниц...

При осмотре я установил, что все находящиеся в доме грудные дети страдают от недоедания. Как сообщил мне оберфюрер Лангот, на основании решения земельного продовольственного отдела дому ежедневно отпускается только 0,5 литра цельного молока и 1,5 кусочка сахара на каждого грудного ребенка. При таком рационе через несколько месяцев грудные младенцы должны погибнуть...». ²⁰⁴

Во многих лагерях детей возрастом от 4 до 15 лет разлучали с родителями. Нередко случалось, что дети младше 14 лет работали больше десяти часов в сутки.

Не могло быть и речи об их обучении. Так, в распоряжении управления государственной полиции безопасности правительственного округа Висбаден прямо отмечалось:

«Для детей польских гражданских рабочих и восточных рабочих правило о возможности посещения ими немецкой школы не действует; в соответствии с ним они не могут посещать немецкую школу». ²⁰⁵

Существовали также специальные детские лагеря. Здесь дети и подростки полностью лишались материнской заботы, страдали от голода, их приучали к преступности.

Малыши в возрасте до 4-х лет оставались с родителями, но из-за постоянной занятости последних на каторжных работах надлежающей заботы тоже не ощущали. Довольно часто их не было во что переодеть, чем накормить, где согреть и выкупать, не было даже времени и сил приласкать теплым родительским словом.

«...Как посмотрю..., что дети такие маленькие страдают, то сердце разрывается», ²⁰⁶ – изливала боль души упомянутая Анна Максимчук.

По причине неудовлетворительных условий ухода, отсутствия элементарного медицинского обеспечения дети часто болели, смертность среди них была высокой.

«...Моя дочь Надя умерла. Прожила 4 месяца и умерла, семь дней болела... Я бы тоже пошла сейчас к ней, чтобы бог взял...», ²⁰⁷ – делилась своим непоправимым горем из лагеря Винкель в Канфенберге Горпина Кодима (с. Митковцы Меджибожского района).

Были семьи, которые за время пребывания на нацистской

каторге похоронили по двое детей. Такая трагедия, например, постигла семью Трофимчуков (с. Овсяники Казатинского района).²⁰⁸

Итак, отсутствие охраны материнства восточных работниц, неудовлетворительные условия ухода за детьми, отсутствие возможности их обучения в школе целиком правомерно можно рассматривать как составную часть дискриминационной политики нацистского государства относительно рабынь, депортированных из Украины, с других территорий, захваченных гитлеровцами на Востоке.

* * *

Остарбайтеры не имели права удовлетворять свои культурные и духовные потребности. Если для западных рабочих предполагалось устройство в лагерях спортивных клубов, библиотек, кинозалов, организация курсов по изучению немецкого языка, других удобств, то наши соотечественники о подобном могли лишь мечтать. «...Забота о русских и украинских эмигрантах запрещена»,²⁰⁹ – безапелляционно провозглашалось в нацистском документе «Условия работы для иностранных рабочих в Германии» (15 апреля 1943 г.)... Поэтому каторжникам-восточникам категорически запрещалось переступать порог той же библиотеки, просматривать киноленты, пользоваться общественным транспортом. Практически не было возможности даже ознакомиться со свежей печатной продукцией...

А между тем, как отмечалось в «Замечаниях хозяйственного штаба «Ост» по трудовому использованию советских гражданских рабочих в рейхе» (25 июня 1942 г.), «у советско-русских рабочих существует большая потребность в литературе и журналах. Так как подходящих русских и особенно украинских книг нет, то следует максимально обеспечить их газетами «Новое слово» и «Труд»..., благодаря чему воспитательная работа будет значительно облегчена». ²¹⁰ Высказывалось даже конкретное предложение: «В части украинских газет следует обратить внимание, чтобы они не печатались на диалекте, который понимает сравнительно небольшой круг читателей. Наиболее подходящим для этого является киевский или полтавский диалект». ²¹¹

Однако эти замечания практически не реализовывались.

«...Ты пишешь, дадут ли нам читать газеты... Не дадут»,²¹² –

сообщал отцу в письме из Касселя Александр Людь (с. Губин Остропольского района), хотя, в качестве исключения, отдельные экземпляры журналов все же встречались в лагерях, где находились невольники из Подолии. В том числе на родном для них языке. В частности, в Берлине дважды в неделю выходила украино-язычная газета «Голос» (не с целью распространения правдивой информации о положении на фронтах Второй мировой войны, а для дезинформации своих потенциальных читателей, восхваления военной мощи Германии, пропаганды нацистской идеологии). Издавались приложения «Украинец», «За Новую Европу», «Земледелец», «Вести». На украинском языке печатался также иллюстрированный журнал «Досуг». Все они преследовали ту же цель.

Самого же досуга у оstarбайтеров не было. Существовал лишь небольшой промежуток времени между изнурительным трудом и сном, в котором необходимо было и заштопать поношенное «тряпье» (одежду), и постирать его, и отремонтировать обувь, и написать письмо родным, и что-то приготовить из купленного или украденного поесть, чтобы не умереть от голода, и...

Довольно часто этот короткий вечерний промежуток свободного времени занимали лагерные полицаи, которые заставляли «измученных людей, которые едва держались на ногах, заниматься строевой муштрой, разучивать немецкие команды, которые резали слух...». ²¹³

«На часть свободного времени покушались и пропагандисты..., которые уговаривали записываться в хиви, в национальные батальоны, а позднее – в РОА» ²¹⁴ (Русскую Освободительную Армию под командованием генерала Власова). Следует отметить, что их «улов» среди подолян был совсем незначительным.

«В Германии я находился в городе Ульм в лагере, работал на деревообрабатывающей фабрике... Были случаи, когда приезжали к нам в лагерь из власовской армии и занимались вербовкой в армию. Предлагали нам хорошие условия жизни и прочее, однако никто из лагеря не завербовался...». ²¹⁵ (Из фильтрационного дела И. П. Винограда, с. Войтовцы Липовецкого района).

Невольники с Востока не могли провести свой досуг в общественном месте наподобие обычного для них на родине клуба. Такого просто не существовало. Поэтому, чтобы утешить

душу, пели-плакали в своем сером неприветливом бараке.

«...Мамуся, какая досада! Как придем с работы, сядем кучкой, запоем «Сидит Катя за решеткой», то так плачем». ²¹⁶ (Из письма из Германии Анны Популяк, с. Лянцкорунь Чемеровецкого района).

Другой популярной среди подолян была «Песня невольницы».

«Сижу на чужбине
Смотрю в окошко,
В тую сторонку,
Где восходит солнце.

Ой, выйду я рано,
Стану на пороге.
На родную Украину
Видно три дороги.

По тем дороженькам
Поезд проезжает,
У меня молодой
Сердце замирает.

Сижу на чужбине
И думу гадаю,
Когда возвращусь я
К родному краю.

Не плачь, моя мамо.
Не плачь, не тужи.
Как буду счастливой,

Домой меня жди!» ²¹⁷– пелось в ней. Эту песню сочинили девушки-подолянки в 1942 году. Записала ее и отправила текст в Украину Анна Машталер из с. Бублевки Черноостровского района.

Днем отдыха официально считалось воскресенье, но тяжело работать приходилось и в этот день.

«...Мама... Вы в воскресенье идете в церковь, отдыхаете, а я целый день на ногах, двигаю шпалы и рельсы ношу, – писал матери из далекой Германии Григорий Малайдаш (с. Брага Каменец-Подольского района). – За все время работы здесь только раз в воскресенье отдыхал...». ²¹⁸

«Воскресенья для меня здесь нет, – сообщала дочь Фоки Стадника (с. Елисаветполь Базалийского района). – Целую неделю работаешь, как тот вол». ²¹⁹

По определению самих невольников, воскресенье было днем отработки разнообразных штрафов, о которых объявлялось утром этого долгожданного дня. В результате такой желанный выходной сразу же становился продолжением серых, невыносимых будней.

Если же и случался некоторый промежуток времени для отдыха, то из-за многочисленных административных преград каторжане тоже не могли удовлетворить своих потребностей.

«...В воскресенье имеешь 2 – 3 часа свободных, так без пропуска нельзя даже со двора выйти...». ²²⁰ (Из письма остарбайтерки Марины Мазорук, с. Волиця Вонсовича Базалийского района).

Выходными, а также праздничными днями немцы признавали лишь некоторые православные религиозные праздники – Рождество, Пасху. От обыкновенных будней они отличались только незначительным улучшением рациона питания каторжан, хотя голодные и изможденные пленники даже не замечали «праздничности» стола.

«...Напишу, какие я имела праздники. Мне были праздники такие, как были в 33 году, а вы знаете, как и что я ела на Пасху. Дали нам 200 грамм хлеба и суп такой, как из пирогов похлебка...». ²²¹ (Письмо из Германии Марфы Яковчук, с. Кривчаны Староушицкого района).

«...Как праздновали мы. Давали нам в воскресенье кушать на обед суп из гороха и по шесть паляничек и по маленькому кусочку калача, но такие, что даже не было что укусить, и по 2 кружки какого-то из яблок кваса – такого кислого, что в рот нельзя было взять... Это в воскресенье пасхальное так нас кормили, а в... понедельник, так даже половины того не было, что давали в воскресенье. В воскресенье не работали, считается выходной, а потом пришел поезд и еще вынужден был грузить вагоны..., а в понедельник, так работали с утра до вечера. Вот такие наши праздники были». ²²² (Из письма из нацистской каторги Николая Беньковского, с. Драгановка Чемеровецкого района).

Такие «праздники» в особенности растравляли душу каторжан. Ведь каждый сравнивал, как весело и хорошо было ему в пасхальный или рождественский день дома, и как невыносимо

тяжело здесь. Горьких слез тогда проливалось даже больше, чем в обычные рабочие дни.

Известны одиночные случаи, когда немцы делали попытки (наверное, преследуя определенные пропагандистско-популистские цели) кое-как скрасить беспросветную серость будней своих рабов.

С согласия имперской службы безопасности время от времени разрешались гастроли театральных трупп с захваченных советских территорий, которые имели право выступать с концертами перед восточными рабочими. Организовывались гастроли нацистским обществом «Сила через радость».²²³ Однако артистам категорически запрещалось вступать в непосредственный контакт с остарбайтерами, выступать в общественных залах, а лишь в лагерях или в производственных помещениях. Концерты не имели права посещать немецкие и иностранные рабочие.²²⁴

О таких гастролях, в частности, идет речь в письмах остарбайтерок Нины Хуторной (из Касселя) и Ефросинии Заярнюк (из Вуппертала). В них рассказывается, что весной 1943 года в этих городах побывали и дали концерты киевские бандуристы.

Нина Хуторная (с. Коржовка Остропольского района):

«...Уже из дома не слышали голоса 9 месяцев и думали, что и не услышим, но бог дал, услышали – приехали к нам из Украины киевские бандуристы. Как начали петь украинскую песню, то все девчата слезами залились и помянули свою дорожную Украину. Они так пели, что чуть сами не плакали. Это только за девять месяцев увидели своих людей и услышали свою песню...».²²⁵

Ефросиния Заярнюк (с. Вахновцы Староушицкого района):

«...Нас водили 19 числа [19 апреля 1943 г.] на концерт. Очень все плакали. Артисты, киевские украинцы, пели, играли, как мы жили, все песни украинские. Так мы как выходили, то и они очень плакали, а мы все завывали...».²²⁶

Других примеров аналогичного культурного обеспечения остарбайтеров в документах государственных архивов Винницкой и Хмельницкой областей не обнаружено.

Абсолютное большинство пленников, вспоминая свое пребывание в нацистской Германии, утверждает, что никаких культурных мероприятий со стороны их рабовладельцев не проводилось. Не давали растлеть сердцу от постоянной тоски лишь

мо-лодость, а также вера в то, что силам зла все же придет конец.

Не могли оstarбайтеры и пообщаться с Богом, к какой бы религиозной конфессии не принадлежали. «...Посещение церкви восточным рабочим запрещено. Духовное опекунство со стороны немцев не разрешается»,²²⁷ – строго предостерегалось в специальной памятке о нормах обращения с гражданскими иностранными рабочими в Германии.

Запрет шел, очевидно, от безбожия самого Гитлера, который во время застольных речей на обедах и ужинах в ставках «Вольфшанце» и «Вервольф» неоднократно отрицательно высказывался о религии, в частности, христианстве, служителях культа. Так, во время обеда 13.12.1941 г. в «Волчьем логове» («Вольфшанце») он заявил: «...Наша религиозность – это вообще наш позор... Мир просто не может так долго держаться на лжи. Только в VII, VIII и IX веках князья, которые были заодно с попами, навязали нашим народам христианство. Раньше они жили без этой религии. У меня шесть дивизий СС, ни один из этих солдат не ходит в церковь, и тем не менее они со спокойной душой идут на смерть... Христианство... стремится заставить уверовать нас в «чудо преображения», ничего более нелепого человеческого мозг... и выдумать не мог...».²²⁸

«Партия хорошо делает, не вступая ни в какие отношения с церковью. У нас никогда не устраивались молебны в войсках... Дружба с церковью может обойтись очень дорого. Ибо, если я достиг чего-либо, мне придется во всеуслышание объявить: я добился этого только с благословения церкви. Так я лучше сделаю это без ее благословения, и мне никто не предъявит счет... Я бы с удовольствием выстроил всех попов в одну шеренгу и заставил побеспокоиться о том, чтобы в небе не появились английские или русские самолеты. В данный момент больше пользы государству приносит тот, кто изготавливает противотанковые орудия, чем тот, кто машет кропилом...».²²⁹ (Из застольного разговора А. Гитлера во время ужина в «Волчьем логове» 11.11.1941 г.).

Учитывая позицию фюрера, немецкие власти считали, что время, которое рабочий потратит на молитвы, целесообразнее использовать на работу. Вот почему подолжане писали своим родным из Германии:

«...Ходить в церковь... запрещено».²³⁰ (Из письма Марины Мазорук, с. Волица Вонсовича Базалийского района).

Существующий запрет был снят лишь весной 1944 года (да и то в интересах повышения производительности труда остарбайтеров). Для этого местные власти «начали привлекать православных священников из числа прибывающих с востока вместе с отступающей немецкой армией «беженцев» и «эвакуированных», поскольку иных в Германии уже не было. Священников прикрепляли к определенным районам, их маршруты согласовывались с гестапо, всякая агитация во время богослужения запрещалась». ²³¹

«...Отец, для нас, украинцев, прибыл сюда в Германию из Западной Украины поп, – информировала гайсинчанка Мария Витюк, – и вот он ездит по городам и служит в церквях, куда съезжается много украинцев. И вот вчера он приехал сюда в этот город, который в 5 км от нас, и нам было объявлено на 7 ч. вечера всем быть там. И мы почти все ходили туда. Были одни только украинцы, было столько, что не сидели, а стояли (так как здесь в церквях сидят на долгих партах). Правил поп из славянской книжки, но по немецкой моде. А как именно, то писать не буду, так как нет места. Певчие (только мужчины) тоже были, но поют так, что никак нельзя понять. Просто таким голосом, что нам странно. Поп молодой, под 30 – 35 лет. И вообще, эти их обряды нам не нравятся...». ²³²

Тем не менее, разрешение на посещение храмов совсем не означало полное удовлетворение религиозных потребностей верующих-остарбайтеров. Богослужения осуществлялись лишь при наличии православных священников, которые были в остром дефиците. Да и сама посещаемость полностью зависела от прихотей рабовладельцев, для которых главнейшим было не провозглашение молитв верующими рабочими, а их безоговорочный труд.

«...Духовники приступают к своей деятельности только по настойчивому требованию восточных рабочих, которое они передают через начальника лагеря в соответствующее учреждение ДАФ, отвечающее за округ деятельности церковников... По причинам соблюдения трудовой дисциплины и лагерного режима всякое появление духовников в лагере без особой на то нужды, а также всякая деятельность в пользу проведения профессиональных мероприятий запрещается, – такое предостережение находилось в распоряжении главного управления имперской службы безопасности всем управлениям полиции о профессиональном обслуживании восточных рабочих в рейхе

(март 1944 года). – Конфессиональные мероприятия должны проводиться в скромных рамках... В целях соблюдения трудового распорядка проведение специальных церковных служб в рабочее время строго запрещается...». ²³³

Как видим, помимо материальных благ, остарбайтеры были лишены и духовных. Они не имели досуга, полноценных выходных, довольно продолжительное время не могли удовлетворять и религиозные потребности. Это тоже следует рассматривать как составляющие дискриминационной политики Третьего рейха относительно насильно перемещенного украинского населения.

* * *

Остарбайтеры также лишались нормальных возможно-стей переписки, которая служила единственной формой общения с родными и близкими, которые остались на Родине.

А между тем, их письма содержали самую объективную информацию об ужасном положении, в котором оказались каторжане в нацистском рейхе.

Первые письма из Германии пришли на Подолье во второй половине 1942 года, когда пропагандистские усилия оккупантов в вербовочной кампании потерпели в крае полнейший провал и о добровольном отъезде на работу в рейх речь уже не шла. До этого гитлеровцы, остерегаясь утечки информации о реальном положении остарбайтеров в Германии, переписку просто запрещали.

Разрешение было дано лишь в конце июня 1942 года. Но согласно приказу Верховного командования вооруженных сил Германии от 22.06.42 г. вся корреспонденция должна была проходить цензуру в Берлине в Центре по проверке переписки с границей (Auslandsbrieprüfstell).²³⁴ Причем разрешалось отправлять лишь 2 письма в месяц. На письма в Германию, как и на переписку в самой Германии, ограничения не устанавливались.

Однако, вероятно, потрошить заклеенные конверты и пересматривать «длинные» письма сотрудникам Центра оказалось не под силу, потому 20 ноября 1942 г. появилось распоряжение рейхсминистра почты о введении с 25 ноября того же года особого регулирования почтового обмена «восточных рабо-

чих» с родными на родине: с этих пор они могли писать лишь исключительно на открытых почтовых открытках и тоже не более двух раз в месяц. При этом остарбайтер должен был выделять из своей чисто символической зарплаты не меньше 6 пфенингов, поскольку таким был номинал почтовых марок с изображением фюрера, которые печатались непосредственно на открытке.

Судя по письмам подолян, на такие почтовые открытки ощущался дефицит:

«...Рада бы писать, но не дают. Всего две открытки на месяц, да не достанешь... Я достаю, как могу... Нам можно писать всего 15 строчек...». ²³⁵ (Из письма Антонины Харьковской, с. Борсуки Староушицкого района, 8 декабря 1942 г.).

Написанные остарбайтерами открытки не вбрасывались в почтовые ящики, а отдавались лагерной полиции, откуда они отправлялись в полевую цензуру, где тщательно проверялись. Обработанная цензорами корреспонденция заверялась соответствующим знаком: на открытках, которые адресовались на Подолье, наиболее часто встречаем зеленого цвета римскую цифру «VII», латинские буквы «Av» в круге диаметром 2 см, а также от руки написанное слово «Geprüft», заверенное гербовой печатью. Строчки нежелательного содержания замазывались специальной черной краской.

За содержание письма цензор мог привлечь его автора к административной ответственности и даже отправить в концлагерь. Так, 19-летнюю украинскую швею Софью Задорожную осудили на недельное заключение за такие слова в письме на родину: «...одно то, что бомбит без перестанку день и ночь. Днем бывает раза три-четыре тревога, ночью не спим, а целую ночь сидим в подвале. Потом заснем часа на два, встаем и идем на фабрику. Такая наша жизнь в этой бл...ской Германии. Девушки нам пишут, что делают самолеты, которые бомбят нашу Родину, а мы шьем фуфайки тем людям, которые убивают наших дорогих отцов и кавалеров». ²³⁶

Но, вопреки всем усилиям цензуры, на Подолию все же доходили вести о действительности нацистского рабства.

Чтобы обойти цензурные преграды, сказать правду о своей беспросветной жизни, многим авторам писем приходилось использовать условные выражения, сравнения, не совсем логически употреблять эпитеты «хорошо», «легко» и прочие, им подобные.

В немецких архивах существует даже документ, который свидетельствует, что подольские остарбайтеры общались с теми, кто еще оставался дома, при помощи заранее обусловленного кода:

«Начальник полиции безопасности и СД.

Житомир. Филиал Винница. Винница, 29 июня 1942 г.

Содержание: О зашифрованных письмах, которые присылаются из рейха украинскими рабочими своим родственникам.

Начальнику полиции безопасности и СД в Житомире.

В приложении передан ключ для расшифровки писем из рейха на украинском языке. Ключ найден в результате обыска. Лиц, среди которых он должен был использоваться, следует искать среди бывших коммунистов. Корреспонденты, которые принадлежат к этой группе, задерживаются главным образом в районе Гайсина. Введен решительный цензурный контроль.

Фон Нордхайм, оберштурмфюрер.

(Приложение)

Написано

Следует читать

1. Привет из Большой Германи	1. Читать это письмо с ключом
2. Добрый день, Женя	2. Читай только так
3. Живу и т. д. хорошо	3. Хорошо
4. Живу я очень хорошо	4. Плохо
5. По возможности приходи к нам	5. Постарайся сюда не попадать
6. Мы окружены здесь большой культурой	6. Время от времени нас бьют
7. Старые и малые стараются научить нас немецкому языку	7. Здесь очень много работы, тяжело
8. У нас есть также женщины	8. Мы от них отделены
9. Свободного времени у нас также достаточно	9. Никакого свободного времени
10. Я здесь не скучаю	10. Нас стерегут, мы не можем свободно ходить
11. Я также очень хорошо здесь развлекаюсь	11. С немецкими женщинами общение запрещено
12. Плохо только, что я не умею разговаривать	12. Здесь абсолютно нельзя знакомиться, поскольку

по-немецки	нас охраняют
13. Жизнь молодежи прекрасная	13. Настроение населения очень плохое. Очень недовольні фашистами
14. Молодежь очень образованная	14. Нас терроризируют
15. Население здесь намного культурнее, чем украинское	15. У нас есть связь с нашими людьми и мы работаем
16. Земля здесь в основном обрабатывается машинами	16. Наши люди активно помогают нам
17. Виды на урожай хорошие	17. Гестапо строго охраняет нас, некоторые арестованы
18. Сельское хозяйство здесь передовое	18. Молодежь дезертирует и прячется от войны
19. Наши ребята поехали на курсы учиться разным профессиям	19. Нас готовят к войне
20. Я купил себе дешево ручные часы с браслетом	20. Нас готовят к войне с Англией
21. Я купил новую рубашку	21. Нас готовят воевать против русских
22. Здесь замечательная погода, иногда идет дождь	22. Частые налеты
23. Крепко жму твою руку	23. Положение на фронте для нас очень благоприятное
24. Целую твои красные губы	24. На фронте дела плохие, надеяться не на что

Примечание: читай правую сторону и не позволяй сбить себя с толку левой». ²³⁷

Немало писем, написанных разными людьми и в разных уголках Германии, содержат однотипную информацию. Но это лишь подчеркивает, что приведенные факты неслучайны. Они в целом характеризуют систему, созданную нацистскими работодателями. Без преувеличения, каждое письмо писано кровью и слезами рабов XX века.

Прежде всего, в письмах высказывается затаенная боль,

тоска по родным, близким, милой сердцу Украине, тоска по поводу своего несчастного положения.

Незгода Анастасия, с. Соболевка Теплицкого района:

«Ой, щебечет соловушка в лузе на калине, помяните меня, родные, я же на чужбине... Ой, мамочка-вишня, я ли у вас лишняя, что вы меня сюда отдали, где я не привыкшая? Ой, мамочка моя, теперь я не твоя. Лишь тогда я твоя буду, как срок здесь добуду...

Я со своими девчатами работаю на шахте. На поверхности выбираю из угля камни. Работаю по 10 часов. Пока отработаю, голова вскружится. Мамочка, кушать дают 2 раза в день и 300 гр. хлеба... Тот платок, в котором я дома ходила, уже очень тоненький... Но нам выдали полотенца, так мы в них ходим... Но-чуем в бараках...».²³⁸

Куцюроба Анна, с. Россоша Липовецкого района:

«...Может, вы меня и забыли, как ни как, а уже 9 месяцев, как я из дома. О боже, как же хочется увидиться с вами всеми, дорогие мои. Мамочка, мне никогда дома не снилось, чтобы я так долго не виделась с вами, не слышала слова родной мамы, папы, бабушки и сестричек своих. Дорогие мои, живу я, как вам известно, по-старому... Я как стану за станок, то целый день мысли мои о вас... Мамочка родная, вы мне этой ночью так хорошо приснились. Давали мне кушать... Какая у вас погода, ибо у нас весна, все деревья развиваются, травка зеленеет. О боже, чтобы это у себя, на своей дорогой Украине, в своем селе, возле своих родных! Мамочка, напишите мне, не скучаете ли вы по мне...».²³⁹

Иванченко Анна, с. Бубновка Гайсинского района:

«...Пишите. Не забывайте, так как я не имею к кому прислониться. Ни семьи, ни мамочки. Тяжело нарабатываюсь, но отдохнуть не дают. Ой, мама, зачем я вырастала на мучения такие? Горько плачу. Все вспоминаю свою родню. Когда увижу ее? Ох, боже, помоги мне возвратиться на свою родную Украину».²⁴⁰

Герцун Мария, с. Малые Крушлинцы Винницкого района (27.09.1943 г.):

«...Мы все вместе крушлинские девчата... Все мы то плачем, то поем, а то такая тоска сжимает душу, что девчата словно сознание теряют. Мамочка, если бы вы услышали, как каждый вечер похороны в лагере девчат. Нас здесь 70. Русские и украинки...».²⁴¹

О «*географии*» полонянок идет речь и в письме **Марии Тещук** из с. Сальницы Улановского района (10.03.1943 г.):

«...Папочка... Вы спрашиваете, какие со мной есть девчата? Девчат много. Из разных областей. Есть из Винницкой области из Оратовского района, которые здесь уже по 9 месяцев. А то харьковские, кировоградские, полтавские, каменец-подольские, крымские, краснодарские. Девчат много...». ²⁴²

Пастух Мария, с. Чернятка Джулинского района (11.02.1943 г.):

«...Сестричка, если бы ты увидела, сколько здесь всяких людей. И французы, и поляки, украинцы. Всем горе...». ²⁴³

В ряде писем кроме «географических сведений» также содержится *информация о возрастных данных жертв нацизма*:

Буж Ольга, с. Михалполь Михалпольского района (08.01.1944 г.):

«...У нас новости такие. Привезли из Одесской области старых мужчин по 70 – 75 лет...». ²⁴⁴

Осадчук Вера, с. Рипченцы Смотричского района (30.09.1943 г.):

«...В наш лагерь привезли 170 душ людей из Украины, из Могилева с очень маленькими детьми, и старые мужчины и женщины, аж жалко смотреть на тех детей...». ²⁴⁵

Но чаще всего в письмах шла речь о *бесправном положении остарбайтеров, их каторжном труде, голодном существовании, остром недостатке одежды и обуви*.

Кирницкий Иван, с. Терновка Джулинского района:

«...Они нас всех из восточных областей не считают за людей, а имеют за собак. Мы все носим значки. Такие: белый квадрат, а в нем написано черными буквами Ost, что означает: из восточных областей, то есть русские. А раз русские, то собаки... Может, как-то выдержу эту собачью жизнь...». ²⁴⁶

Кипановский Франц, с. Малые Крушлинцы Винницкого района (20.03.1943 г.):

«Я здесь проживаю по-прежнему, работаю в шахте. Новостей таких нет. Здесь 20 числа у нас снимали отпечатки пальцев...». ²⁴⁷

Галушинский Михаил, г. Каменец-Подольский (29.04.1943 г.):

«...В комнате 16 человек из Оринина и люди из Большой Микши и Голоскова... Бараки все огороженные сеткой и сверху проволка. На работу и с работы водят полицаи...». ²⁴⁸

Олянская Анна, с. Каскада Новоушицкого района (20.09.1943 г.):

«Жизнь моя... что ни день, то... хуже. Одежды не дают... Мне выдали теперь кофту, что хорошо ею горшки вытирать, и это все, что выдали за год и 4 месяца... Нам даже фруктов ни крошки не дают, чтобы хотя бы покушать, только сидим за решеткой и смотрим, как люди ходят...». ²⁴⁹

Мотронюк Иван, с. Куманив Сатановского района (21.12.1942 г.):

«...Живется мне хорошо, даже очень хорошо... Я, дедушка, как поработаю еще с месяц, то будет капут мне...». ²⁵⁰

Липник Онисия, с. Барсуки Гайсинского района (26.07.1943 г.):

«...Здесь работа легкая, и по работе дают кушать легко... Сами попробуйте: возьмите утром выпейте одну кружку чая и до 12 часов, а в 12 ч. суп и вечером суп жиденский... А пообедали, то идем на фабрику. И дороги не видим. Направляемся с обеда, есть хотим, будто ничего не ели. Тату, если можно, вышлите сухарей... Жаль, что нами в Германии все дыры позатыкали... Как можно чаще пишите письма, может, мне не так будет скучно домой... Я так далеко, да еще этот город между горами, что даже не видишь, где наше родное солнышко восходит... Спим мало, так как встаем в полпятого, а ложимся в 10 – 11 вечера, ибо надо все свое отрепье полатать и постирать... На работу выходим ночью и с работы ночью. Только и видим свет, как идем в 12 ч на обед. А на работе работать нужно. Хотя и легкая работа, но надоест за 12 часов... А как будешь оглядываться на все стороны, то на следующий день и хлеба не получишь...». ²⁵¹

Харчук Савва, с. Севрюки Антонинского района (29.05.1943 г.):

«...Жизнь моя вам известна. Выросла уже зелень, а в Германии ее хватает, накрошат, как свиным, запарят ее и такой наш обед и ужин. А хлеба мало...». ²⁵²

Авузяк Мотя, с. Лоевцы Староушицкого района (04.07.1943 г.):

«...Жизнь моя очень "хорошая", слава богу, сорняки уродили, любисток, колорабин и шпинат. Может видели летом, как хочется землю в доме посвятить коровьим гумном, то такое точно у нас ество. Да еще 3 раза на обед давали улиток, тех, что в лесу ползают...». ²⁵³

Ищук Вера, с. Гальчинцы Базалийского района (27.05.1943 г.):

«...10 месяцев живем, один раз в сутки едим, поэтому есть всегда есть хотим». ²⁵⁴

Кравчук Лиза, г. Калиновка (20.07.1943 г.):

«...Сообщаю я вам, что мне уже два дня на второй год. Приехала 18 июля, а сегодня уже двадцатое. Пока еще живая и здоровая... Работала легко... Уже на руках за год каждую жилу вижу...». ²⁵⁵

Лебедь Николай, хутор Мрачковский Липовецкого района (06.10.1943 г.):

«...В тот день день мы грузили целые сосны на вагоны... Папа и мама, я никогда не надеялся, что нам, таким молодым, такую работу дадут трудную. Но зато нам очень хорошо. Мама, чтобы вы меня увидели, то вы меня бы не узнали... Как будете высылать посылку, то вышлите сахар, то я хоть утром напьюсь горячей воды...». ²⁵⁶

Михальчук Владимир, с. Сальник Калиновского района (13.05.1943 г.):

«...Мне живется отлично наоборот. Работаю я в литейном заводе 10 часов. Денег получаю 30 марок, но за них нечего купить... Хотя были праздники, но нам ничего вкусного не дали кроме баланды...». ²⁵⁷

Степанец Мария, с. Стадница Винницкого района (26.07.1943 г.):

«...Мамочка и папочка, не сердитесь на меня, что я так долго не писала, так как я была 2 недели в лагере в Штаргарте, 2 недели в дороге... Мне разрешается писать 2 открытки в месяц, а вы пишете как можно больше. И очень прошу, чтобы вы выслали сахарина. Я тружусь на фабрике... Нам здесь очень хорошо. Нам дают кушать один раз в сутки...». ²⁵⁸

Дочь Танасия Деркача из с. Нападовки Липовецкого района:

«...Дорогие мои сестрички и братишки. Желаю вам хорошо жить и не скитаться по чужой стороне, как я. Дорогие и родные, извещаю, что я живая... Вышлите мне хотя бы две головки чеснока... Мама, было бы хорошо жить, если бы брюква не родила...». ²⁵⁹

Коцюбняк Лида, с. Березовка Калиновского района (02.08.1942 г.):

«...Пусть дядя Сидор вышлет посылку сладких пряников, так как пью чай с солью...». ²⁶⁰

Капшук Мария, с. Бубновка Гайсинского района (07.09.1943 г.):

«...Передаю вам свой скучный, жалкий, плачевный привет. Я, слава богу, к этому времени живая и здоровая, а жизни вам своей не желаю... Мама, мне Гафийка выслала пальтишко и 2 посылочки яблок, ибо, мама, я не пробовала здесь ни помидоры, ни груши, ничего из фруктов, кроме брюквы вареной и моркови... Мама, мне очень хорошо, едва по миру хожу. Как пойду на ночную смену, то так измучусь, так увяну, как рассада неполитая. Дома одну ночь не доспишь, да и то тяжело, а здесь целая неделя. Так измучишься, что ничто не мило. Мама, жила я возле вас 17 лет и еще хотела бы 100 жить, а здесь 17 недель – и готова на все... Ничто не мило». ²⁶¹

Черниченко Анна, с. Бубновка Гайсинского района (22.06. 1943 г.):

«...Мама, я сейчас работаю на заводе. Мне хорошо. Есть что кушать, так как было у нас в 33 году... Работа моя легкая...». ²⁶²

Вознюк Иван, с. Котюжаны Мурованоктуриловецкого района:

«...Я рад тому, что курить еще есть что, а вот покушать, то так хорошо, как в 33-м...». ²⁶³

Мудрый Петр, с. Ивахновцы Чемеровецкого района (08.06. 1943 г.):

«...Работаю на том же заводе возле станков... Очень пыльно, даже легкие заболели. И того, мне, папа, беда, что я не дома, где бы лечился... Все хуже и хуже со мной... Эта пыль из руды железной...». ²⁶⁴

Мельник О., с. Корделевка Калиновского района (26.06. 1943 г.):

«...Работа не тяжелая. Работаем по 10 часов. Получаю за месяц 20 марок, а зарабатываю 100 марок и больше, но высчитывает инспектор на продовольствие. На продовольствие я здесь все деньги проел...». ²⁶⁵

Головенко Федор, с. Малые Крушлинцы Винницкого района (10.06.1943 г.):

«...Все дорогое. Месяц работал, получил 25 марок. Купил за 20 марок буханку хлеба, и по деньгам...». ²⁶⁶

Сабодаш Анна, с. Стадница Винницкого района (13.02.1943 г.):

«...Я получила деньги уже за второй месяц. 37 марок. Но за них ничего не купишь, так как все на карточки... Хожу на работу в деревнях...». ²⁶⁷

Драч Анна, с. Россоша Липовецкого района (03.01.1943 г.):

«...Здесь уже холодно. 29 декабря выпал снег, но не в чем ходить. Ходим в туфлях и ничего не дают обуться...». ²⁶⁸

Ганчук Вера, с. Меджибож Меджибожского района (10.01.1943 г.):

«...Холодно, зима. Но я пошла из одеяла 2 рубашки и одеваю, то ничего...». ²⁶⁹

Не в лучшем положении оказывались подоляне, которые работали в сельской местности.

Добровольский Василий, с. Гуков Орининского района (10.10.1943 г.):

«...Может, этим письмом я сделаю себе хуже, туда мне и дорога, но, поверь, не могу больше терпеть такую каторгу, такое наказание. Вчера хозяин меня побил плеткой и сам не знаю за что. Что-то он говорил, а я не понимал, так он меня плеткой, все тело посек. Из того, что он кричал, я понял только одно слово «большевик». И это уже не в первый раз. Бьет по чем попало. И кому что скажешь? А после того он меня запер на ночь в холодный погреб. И нынче целый день не давал ничего есть, все посматривал на меня, как на зверя, и подгонял кнутом, чтобы быстрее работал... Письмо передаю через знакомого из Скалы...». ²⁷⁰

Радомская Гелена, с. Вильховец Новоушицкого района (15.02.1943 г.):

«...Очень моя пани добрая. Я здесь работаю и сама не знаю за что, за 6 марок в месяц, а сапоги так порвала, если бы случайно домой, то не было бы в чем ехать. Я их посвязывала веревками и так хожу...». ²⁷¹

Богачук Мария, с. Корделевка Калиновского района (10.07.1943 г.):

«...Живу я на острове Неделиц, который омывается Балтийским морем, за 35 км от Швеции, на краю земли. Живем в шестером. Работаем, мамочка, в поле у одного господина. Мы живем хорошо, так, как я еще никогда не жила, лишь десять лет назад. Работаем так, что рук и ног не чувствуем, а кушать – пусть бог даст. Проклинаю то время, когда я родилась... Еще одна беда, мамочка, несмотря, что сейчас страда, здесь холодно. Дожди, туманы, холодные ветра...». ²⁷²

Юрец Петр, с. Кусыковцы Литинского района:

«...Живу я у того же жулика. Раз убежал. Но как еще буду бежать, то уже не возвращусь назад. Потому что работать при-

ходитя очень много, с пяти утра до десяти вечера, а кушать так, как коту... Хозяйва очень и очень плохие...». ²⁷³

Однако еще более ярко о нечеловеческом отношении бауэра рассказывается в письме **Карпенко Анатолия** из с. Бубновки Гайсинского района (22.09.1943 г.):

«...Вы мне написали, что вы очень тоскуете по нас. Я вас очень прошу, не тоскуйте и не плачьте, так как плач не поможет. Как буду живой, то еще приеду домой... А вот сестрички моей не ждите... Я получил весть, что она умерла 5/IX.43 в воскресенье... Я сказал своему хозяину, что такое дело, у меня сестра умерла, выпишите мне пропуск, чтобы поехать к ней, а он говорит, чтобы я дал рабочего на свое место. Говорит, что некуда разъезжать...». ²⁷⁴

Миновав цензуру, доходили до Подолья вести и о *неудовлетворительном медицинском обслуживании, высоком травматизме, заболеваемости и смертности* среди завербованных в Германию.

Данильчук Яков, с. Барсуки Староушицкого района (18.03.1943 г.):

«...Постигло несчастье, появился у меня аппендицит и уже второй раз свалил с ног. Первый раз мучил 4 дня, а сейчас уже 8 дней лежу больной. Нужна операция и я прошусь, чтобы сделали, и не хотят. Говорят, что уже старый...». ²⁷⁵

Бондарчук Иван, с. Красноставцы Орининского района (21.05.1943 г.):

«...Я лежал в больнице 5 недель... Болят у меня ноги от тяжелой работы...». ²⁷⁶

Цезенко Михаил, с. Фридровцы Орининского района (27.08.1943 г.):

«...Был на работе еще 21 мая 1943 г. В тот день мне на ногу упало железо. С этого числа я пролежал в госпитале по 3 августа с. г. Делали операцию. С 3/VIII нахожусь в лагере... На работу не хожу, так как не могу работать. Из госпиталя бумаги не дали на руки никакой, кроме в лагерь...". ²⁷⁷

Коцюбняк Лида, с. Березовка Калиновского района (26.04.1943 г.):

«...В этой открытке не столько букв, сколько у меня сейчас упало слез... У нас на заводе... из Житомира девушка обпеклась и полячка обожглась – зажигается порох...». ²⁷⁸

Басоцкий Василий, с. Гораевка Староушицкого района (14.08.1943 г.):

«...Остался навеки калекою, мне... поломало левую ногу. Я работал в шахте и порода упала на меня и привалила...». ²⁷⁹

Кушнирук Люся, с. Вербовка Базалийского района (20.12.1942 г.):

«...Мне на левой руке отрезало 2 пальца...». ²⁸⁰

Осадчук Вера, с. Сырватенцы Смотричского района (27.08.1943 г.):

«...Из Орининского района из села Коцюбиев девушке оторвало руку по локоть в моем цеху...». ²⁸¹

Лецишин Андрей, с. Редвинцы Меджибожского района (14.02.1943 г.):

«...Работа у меня опасная. Двум ребятам отбило пальцы. За время моей работы уже двоих убило...». ²⁸²

Коломиец Генка, с. Сиченцы Дунаевецкого района (18.02.1943 г.):

«...Я думала, что уже не буду жить, такой слабой была. У нас было больных 250 хлопцев и 30 девчат. Это такой ужин дали... Так врач сказал, что отравились...». ²⁸³

Рассказывалось в письмах и о *налетах английской и американской авиации, опустошительных бомбардировках, об изменении настроения немцев.*

Харевич Василий, с. Малая Клетна Базалийского района (22.08.1943 г.):

«...2/VII-э. г. ночью через Нюрнберг проходила большой силы буря, которая все попереворачивала и погромила на своем пути... Таких, как мы, пошло много в эту ночь в царство небесное. И теперь с того времени часто повевают днем и ночью западные беспокойные холодные ветры, и люди при их порывах от страха в землю лезут». ²⁸⁴

Романенко Сергей, с. Стадница Винницкого района (28.05.1943 г.):

«...Напишу, какие здесь новости есть. Наш город немного расклевали английские вороны и где-то немного дальше... расклевали какое-то хранилище воды, так вода разлилась на два километра, на семь метров глубины... Некоторые города так позаливало, что все поплыло...». ²⁸⁵

«...Напиши, Митя, какие новости на Украине. Есть ли банды, нет ли? Не бомбят ли, ибо здесь, где мы, то вы еще не слышали такого звука никогда, сколько прожили на белом свете. Наш город маленький, а его три раза бомбили. А большие города, так горят все. Здесь около нас есть город Эссен. Он тянется на

60 километров. Его так сбили, что стоят одни стены». ²⁸⁶

Сверίδα Александра, с. Барсуки Староушицкого района (07.08.1943 г.):

«...Хочу хотя бы одну ночь переночевать спокойно.., а то такой наш сон... Каждую ночь свадьба. В том лагере, где я была сначала, только один плац остался. В той комнате, где я жила 9 месяцев, было 20 девчат, осталось в живых только 8, и то раненых...». ²⁸⁷

Данильчук Анна, с. Барсуки Староушицкого района (01.03.1943 г.):

«...Поют ли у вас птички, ибо здесь так поют, что сплю обутой и одетой, слушаю их...». ²⁸⁸

Солонина Стах, с. Слободка Михалпольского района (11.05.1943 г.):

«...Был большой налет на город... Но мы пока живые... Меня ранило в голову, не знаю, выздоровею ли...». ²⁸⁹

Барткова Галина, с. Янченцы Деражнянского района (10.07.1943 г.):

«...Живу очень плохо, безвыходное положение... Фабрику разбомбило... Я была в таком огне, что не знаю, как осталась живой и не знаю, надолго ли...». ²⁹⁰

Бажан Иван, с. Вахновцы Староушицкого района (31.12.1942 г.):

«...Передай Степану, что его сестры Докии больше нет и Кифора Луцикового девушки. Тот город очень бомбили и они погибли. Разбило их лагерь...». ²⁹¹

Бажан Ольга, с. Вахновцы Староушицкого района (05.07.1943 г.):

«...Папа, здесь был разлив, то очень много погибло людей... Здесь каждую ночь играют музыки, то все бегут в лес, так вы должны знать, что играет... Получила [письма] от Петра Григорьева, тот пишет, что погибло много людей от этих музыкантов, восемь даже тысяч...». ²⁹²

Михальчук Владимир, с. Сальник Калиновского района (25.08.1943 г.):

«...Птицы летают и день и ночь, бросают гостинцы... Здесь от больших городов только пыль осталась, людей эвакуируют...». ²⁹³

Липник Онисия, с. Барсуки Гайсинского района (26.07.1943 г.):

«...Папа, до нас дошли слухи, что немцы отступают назад,

так нам, наверное, здесь придется и погибать на чужбине... Даже мы сами замечаем: немцы такие злые стали, что нельзя и слова сказать или что-то спросить. Даже страшно к ним подходить... Не обижайся, что так мало написала, потому что я очень хочу спать, а кушать еще больше...». ²⁹⁴

Не все выдерживали такие условия. Кое-кто терял рассудок, кончал жизнь самоубийством:

Антимонюк Наталья, с. Козодавинцы Староушицкого района (01.09.1943 г.):

«...Здесь колодевская девушка умерла от тоски...». ²⁹⁵

«Васинович Федоре. Джулинка.

Люба товаришко Васинович!

С большой жалостью должна Вам написать, что ваша дорогая дочь Анна 19.2.1943 г. в госпитале в Гиршберге умерла да и 22.2 там погребена. Она была 2 месяца глуповата, она 16.2 под один поезд положилась, да и раненая была...

Ида Бин...». ²⁹⁶

Много подолян старались *избавиться от каторги бегством*.

Васильцов Борис, с. Высшая Крапивна Ситковецкого района:

«...Пишу вам из Восточной Пруссии, из города Кенигсберга, куда нас уже 2 месяца, как доставили из Новоград-Волынского. Первый месяц я был здесь один, никого из наших ребят не было, так как с Петром и Семеном расстались в Новограде, когда бежал домой. Я все время думал, что они давно дома. Обо мне они тоже так думали. Но мне плохая судьба судилась: пройдя 50 км, я был задержан и возвращен назад, в штрафкомпанию, где я пробыл полтора месяца, не имея возможности известить о себе... Потом меня и других отправили сюда. Через месяц сюда доставили... Петра и Семена...». ²⁹⁷

Чубатюк Иван, с. Славна Липовецкого района (23.03.1943 г.):

«...Иван, Петька и Ефим сбежали в Польше, а мы не смогли, так как сидело 2 лоботряса...». ²⁹⁸

А вот такие письма были особенно нежелательны для оккупантов:

Лапенко Нина, с. Бубновка Гайсинского района:

«...Те все девушки, которые сбежали, дома. Скажи Коле, пусть никуда не идет, и ты не попадайся, ибо мне здесь так хорошо, как было в 33-м году...». ²⁹⁹

Кондратюк Александра, с. Россоша Липовецкого района:

«...Я сейчас больше переживаю о вас, чем о себе. Если я погибну, то так и будет, а вас очень жаль. Чтобы мою сестренку Мальвинку не забрали в эту проклятую Германию...». ³⁰⁰

Купчинская Дуся, с. Сатанов Сатановского района (27.07.1943 г.):

«...Спасайте Толю, чтобы не попал сюда. Боже храни, ибо пропадет...». ³⁰¹

Тимчишин Юрий, с. Буцневе Деражнянского района (19.04.1943 г.):

«...Мотя, может захотять тебя забрать, то ты... как можешь, так и вырывайся и спасайся...». ³⁰²

Чорнита Иван, с. Кривчаны Староушицкого района (29.06.1943 г.):

«...Привет Павлуше. Пусть держится дома и леса...». ³⁰³

Было бы не совсем объективно утверждать, что всем украинцам в Германии приходилось терпеть адские мучения, издевательства и голод, испытывать унижения хозяев. Иногда случалось, что некоторые хозяева вели себя с ними достойно, обеспечивая приличное содержание и надлежащие условия труда. В особенности это касается тех немцев, которым была чужда расовая теория нацизма, которые в невыносимых условиях гитлеровского тоталитарного режима сумели сохранить высокие человеческие моральные качества. Для примера сошлемся хотя бы на такой документ:

«В апреле 1944 г. фрау Креттен из Эссена, заподозренная в связях с восточными рабочими, предстала перед особым судом. В ходе судебного следствия установлено, что во время дневного воздушного налета на Эссен в конце марта два восточных рабочих спасли шестилетнюю Ирмгард Креттен. Первые бомбы упали одновременно с сигналами воздушной тревоги. Маленькая Ирмгард, которая играла на улице, побежала в подвал. Два восточных рабочих также искали в нем убежища.

Подвал был завален обломками дома, который разрушился. Лишь через 11 часов восточные рабочие, приложив все усилия, пробились из-под завала и тем самым спасли Ирмгард Креттен. В знак признательности фрау Креттен, с согласия мужа, часто приглашала спасителей ее дочурки к столу.

Суд осудил фрау Креттен к шести, а ее мужа к четырем месяцам тюремного заключения». ³⁰⁴

По данным полиции и гестапо, лишь в январе – мае 1944

года за помощь иностранным рабочим были репрессированы 6,2 тыс. немецких граждан.³⁰⁵

Поэтому среди писем были и такие:

О. Л., с. Блажиевка Самгородоцкого района:

«Здравстуйте, дорогие мама и папа! Сообщаю вам, что я живая и здоровая и чувствую себя тоже хорошо, если не считать того, что влюбилась. Что вы скажете мне, если я здесь выйду замуж?.. Живу я совсем неплохо... Если бы вы были со мной, то больше ничего и не надо». ³⁰⁶

Мельник Прасковья, с. Вахновцы Староушицкого района (27.09.1943 г.):

«...Сегодня суббота, и я ходила с Ирой к одному немцу копать картофель... Хорошие эти люди, у которых мы работали. Мы только пришли, так нам дали поесть, и когда возвращались, то тоже дали есть – хлеба и кофе, и еще в барак дали по два кусочка, по три яблока и по 5 слив...». ³⁰⁷

Иногда случались и такие:

А. В., с. Лесная Слободка Ильинецкого района:

«...Здесь живешь, а все мысли о доме, о семье и о своем крае, которого забыть нельзя, хотя и в злобе жил. Но еще одни мысли меня мучают: как-то мне придется возвращаться домой? Так что я вам, моя родная мама, пишу открыто. Если на Украине произойдут какие-то изменения, или вы останетесь по ту сторону фронта, то есть в руках большевиков, то меня не ждите, я не возвращусь, ибо погибну, как погиб мой отец. До свиданья! Целую вас большое множество раз. Может, и в последний. Не знаю...». ³⁰⁸

Однако подобных писем единицы. Абсолютное же большинство их в той или иной мере рассказывало *об ужасах нацистского рабства, было отражением состояния души насильственно вывезенных на каторгу подолжан*. Горькую правду о страшной действительности не могли остановить ни расстояния, ни административно-территориальные границы, ни цензура, ни другие усилия гитлеровцев.

Вот почему в тайных донесениях содержалась тревога оккупантов по поводу того, что население было поражено методами вербовки, условиями транспортирования и работы в Германии, что в письмах, которые приходили из рейха, речь шла о разъединении семей, о бедах, о страхе никогда не увидеть семью и Украину, о тяжелых условиях жизни и труда в Германии,³⁰⁹ о том, что их плохо кормят и они носят клеймо

«Ост», что делает из них людей второго сорта и дает козырь для большевистской пропаганды, что им очень мало платят, их постоянно бьют и унижают, что многие из этих рабочих писали родным на Украину такое: «Советская пропаганда имеет основание. С нами обходятся, как с рабами. Молитесь за победу красных». ³¹⁰

Вот почему в специальной инструкции рейхсминистра оккупированных восточных областей А. Розенберга от 14 декабря 1942 г. подчеркивалось, что «изгнание рабочей силы пробуждает чувство страха быть высланным и подвергнутым абсолютному произволу, ...может поколебать доверие к справедливости немецкого режима и откыть дверь для влияния большевистской пропаганды... Следует... добиться, чтобы какое-то количество украинцев и украинок находилось в хороших условиях в домашнем хозяйстве и на заводах у немцев и они посылали домой письма с благодарностью...». ³¹¹

Но вместо благодарностей пленники в своих письмах настойчиво рекомендовали «не попадать в лапы фашистов...».

Итак, переписка, которая служила единственной формой связи остарбайтеров с близкими и родными, ограничивалась нацистами и сводилась к минимуму. В то же время, письма из неволи, несмотря на все старания гитлеровской цензуры, были:

- мощным источником правды о реальной действительности, в которой оказались пленники (и не только подольские) в Германии;
- существенно подрывали пропагандистские усилия по осуществлению вербовочной кампании;
- способствовали формированию недоверия к оккупационному режиму, расчищали почву для эффективного влияния советской пропаганды на поработщенное население;
- своей правдивостью уберегли тысячи потенциальных жертв от каторжного труда в Германии;
- способствовали развертыванию подпольно-партизанской борьбы на оккупированной врагом Подолии;
- отображали реальное состояние души и помыслы рабов XX века.

Кроме того, письма остарбайтеров из нацистской каторги – это неопровержимые документы, разоблачающие страшные преступления гитлеровцев против славянских на-

родов, в частности, украинцев в годы Второй мировой войны.

* * *

Чтобы создать впечатление, что немцы все-таки проявляют заботу о социальных потребностях работающих в рейхе украинцев, нацистское руководство ввело для них *отпуска*. Тем не менее, это мероприятие, на которое так надеялись сотни тысяч остарбайтеров, было скорее пустым звуком, чем реальностью, нескрываемым издевательством над измученными каторжным трудом и болезнями людьми.

«...Я должна была ехать 1/IV-43 г. домой в отпуск. Уже настроилась... Когда мне сказали, что я не поеду, потому что заняты поезда, то будто нож в сердце всадили, сразу начало у меня сердце болеть», ³¹² – изливала свою боль и горечь разочарования в письме домой Анна Гуцол (с. Смотрич Смотричского района).

«...Все ждала транспорта, но транспорта этого и не видать...». ³¹³ (Из письма из Германии Домки Гузь, с. Бичева Остропольского района).

Не посчастливилось провести отчий дом даже тем, кто уже оказался в поезде.

«...В сентябре месяце 1943 г. меня привезли в город Альтерхен и отдали хозяйину работницей, где я проработала до декабря месяца 1943 г., а затем по болезни меня отправили домой, но в дороге меня задержало гестапо, документы мои разорвали и меня отправили в город Берген на легкую работу, где я работала до мая месяца 1945 года и где была освобождена РСЧА». ³¹⁴ (Из фильтрационного дела Анны Душковской, с. Левковка Погребищенского района).

Разумеется, отпуск предоставлялся лишь остарбайтерам, которые, с точки зрения их хозяев, заслужили такую привилегию – своим трудом, поведением, послушанием. Поэтому он скорее был инструментом укрощения непокорности, прививки послушания, стимулирования к труду сверх физических возможностей, чем справедливым социальным благом. Однако те, кому, наконец, улыбнулось счастье (побывать в отпуске хотелось всем без исключения), домой не ехали, а вынужденно проводили его в специальных лагерях, созданных здесь же. ³¹⁵

Это регламентировалось постановлением Генерального

уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукеля «О проведении в жизнь и дополнении постановления об условиях труда восточных рабочих» (26 марта 1944 г.). В документе, в частности, говорилось:

«...Восточные рабочие получают отпуск после отработки 12 месяцев на территории Германии и в генерал-губернаторстве в течение последующих 12 месяцев.

До 1 января 1943 года время работы не учитывается.

[...]

...Если отпуск не связан с семейной поездкой, то он может быть проведен в специально оборудованных для восточных рабочих лагерях. Это особенно касается восточных рабочих, занятых в сельскохозяйственном производстве и в домашнем хозяйстве...». ³¹⁶

Касалось это и тех, кто работал на предприятиях:

«Поскольку восточные рабочие размещаются и питаются в лагере, то в лагере могут проводить и отпуск...». ³¹⁷

В таком случае отпадала необходимость загромождать и без того переполненный в связи потребностями войны железнодорожный транспорт, выделять средства на дорогу, рисковать, что каторжанин добровольно назад не возвратится, организовывать его поездку к месту работы (не исключено, что вновь с применением силы). Раб был рядом. Под рукой...

В том же 1944 г. нацисты начали говорить уже не о продолжительных, а о кратковременных отпусках на родину. Следует отметить, что некоторое время они предоставлялись более благонадежным уроженцам Западной Украины. Однако, очень часто назад не возвращались и они. ³¹⁸

«...Об отпуске я просила, но не хотят пустить, – писала та же Анна Гуцол. – У нас уже с Западной так пошли домой 4 девушки, а те, которые поехали в отпуск, не приехали, и потому нас не хотят пускать...». ³¹⁹

Фактически, вскоре абсолютному большинству остарбайтеров об отпусках пришлось забыть вообще, не говоря уже об организованном возвращении на Родину.

Более откровенны были нацисты с населением оккупированных территорий. Так, еще 21 ноября 1943 г. появилось сообщение дунаевецкого гебитскомиссара о том, что населению нечего рассчитывать на возвращение отправленных на работу в Германию. «Согласно распоряжению господина рейхскомиссара Украины, – говорилось в нем, – в текущий момент невоз-

можно рассчитывать на возвращение домой рабочих, направленных в Германию на работу. Они могут вернуться домой лишь в том случае, если их заменит кто-нибудь из членов семьи.

Обращаться по этому вопросу в отдел труда – бессмысленно.

Гебитскомиссар Эггерс». ³²⁰

Если бы остарбайтеры имели возможность ознакомиться с постановлением Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукеля «О проведении в жизнь и выполнении постановления об условиях труда восточных рабочих» от 26 марта 1944 г., то они узнали бы, что:

«...1. Продолжительность трудовых отношений восточных рабочих в рейхе составляет два года. Этот срок исчисляется со дня прибытия на первое немецкое предприятие или домашнее хозяйство, однако не ранее 1 августа 1942 года. Обратная транспортировка восточных рабочих производится после окончания трудовых отношений с учетом трудовых обстоятельств, интересов, упорядочения транспортного сообщения и военного положения.

2. Трудовые отношения восточных рабочих могут быть продлены еще на один год, если этого требует необходимость работы во время войны...». ³²¹

Как образно писала в письме из Германии Евгения Рыбко (с. Мончинцы Красиловского района), «сюда ворота широкие, а назад, так узенькие...». ³²²

Итак, введенные в рейхе отпуска остарбайтеров на самом деле были фикцией – мало кто из невольников в самом деле мог побывать на родине. По замыслу нацистов, они должны были лишь стимулировать рабов к труду и покорности, нежели выполнять прямую социальную роль. Отказ под любым поводом в предоставлении отпуска, как и подмена реальной поездки домой, очень больно ранили сердца каторжан, перечеркивали их самые заветные ожидания, были утонченным средством издевательства над беззащитными людьми.

* * *

Особое место в жизни рейха занимали *концентрационные лагеря* (через них прошло немало насильно депортированных

подоляя). Созданные в Германии в момент захвата власти нацистами для обеспечения своей безопасности, они вскоре превратились в места организованного систематического убийства. Тем не менее, война внесла коррективы в их задачи.

Во-первых, концлагеря стали неисчерпаемым *источником рабочей силы для экономики рейха*. С появлением в них значительного количества невольников на повестку дня была выдвинута идея «*уничтожения трудом*», то есть использования узников как рабочей силы до их полного физического истощения.

«...Это использование должно быть исчерпывающим в полном смысле этого слова, – подчеркивалось в приказе от 30 апреля 1942 г. начальника главного хозяйственного управления СС Поля начальникам рабочих групп и комендантам концентрационных лагерей о максимальном использовании рабочей силы заключенных. – ...Рабочее время не связано никакими ограничениями. Его продолжительность зависит от производственной структуры лагеря и от рода выполняемой работы и устанавливается только комендантом лагеря...». ³²³

Концлагеря находились в ведении службы СС, а потому она была крупнейшим собственником рабочей силы. В частности, организацией труда заключенных занималось Главное административно-хозяйственное управление СС. Именно это управление совершало крупные финансовые сделки с рейхсбанком В. Функа.

Наличие значительного количества рабочих рук привело к созданию собственной промышленности лагерей.

Использовался бесплатный труд заключенных также концернами «ИГ Фарбениндустри АГ», «Герман Геринг», «Крупп», «Гуго Шнайдер АГ» («Хасач»), «Барабаг» («Браунколе-бензин АГ»), различными фирмами авиационной промышленности. Причем рабочая сила из концлагерей не просто направлялась по требованию и заявкам, она продавалась. Была установлена специальная такса: сначала 5, а затем 6 марок в день за квалифицированного рабочего. Причитающаяся за узников плата переводилась предприятиями административному бюро инспекции концлагерей, а оттуда – в имперскую государственную казну. Часть этих поступлений шла на нужды концлагерей.

«В 1943 – 1944 годах в промышленности Германии одновременно работали около 500 тыс. заключенных. Ежемесячный доход от них составлял 50 млн. рейхсмарок. Так, «ИГ Фар-

бениндустри АГ» был предоставлен приоритет в использовании заключенных концлагерей. Заключенные «Освенцима» работали на строительстве завода по производству буны. На экспериментальных установках по переработке горючих сланцев в Шемберге (Вютемберг) работали 10 тыс. заключенных из лагеря «Дахау». Столько же заключенных работали в концерне «Гуго Шнайдер АГ» («Хасач»). Рядом с концлагерями строились подземные заводы для Хейнкеля и Мессершмитта. В «Освенциме» работал крупновский завод взрывателей. Использовали труд заключенных концлагерей заводы «Маузер», ряд строительных фирм...».³²⁴

Распоряжаясь тысячными массами узников, нацистские чиновники из службы СС скрупулезно следили, чтобы выгода от труда заключенных была максимальной. В частности, они исчисляли из таких расчетов: «дневной заработок узника на предприятии – 6 марок в день, минус 0,6 марки на его питание и 0,1 марки на амортизацию одежды. Чистая прибыль составляла 5,3 марки. За девять месяцев (именно столько узник был в состоянии работать дольше всего) – 1431 марка. Вдобавок, после смерти узника ничего не пропадало напрасно – все шло в дело. Одежда мертвых и сабо (деревянная обувь) переходили еще живым, измельченные кости и пепел становились удобрениями, золотые коронки (две тонны в год) передавались в рейхсбанк... Только труд советских военнопленных дал казне гитлеровской Германии более чем 500 млн. марок (в ценах военного времени)».³²⁵

Во-вторых, концлагеря выполняли свою прямую функцию – *наказания, уничтожения сотен тысяч людей.*

Условия жизни в них были абсолютно невыносимыми, ужасными. Для иллюстрации сошлемся на рассказ жительницы с. Залесцев Дунаевецкого района П. С. Дзюбий об издевательствах гитлеровцев над узниками лагеря Кенигсгут и письмо из Германии Василия Добровольского из с. Гукова Орнинского района:

«...Их согнали в лагерь свыше 10 тысяч человек... Высокая проволочная изгородь отделила их от внешнего мира... Их пригнали сюда отовсюду, нацепили на грудь знаки «Ост»..., дали в руки кирку или лопату и сказали: «арбайт». 16 часов в сутки заставляли носить железо, камень, и если кто-то падал от изнеможения, его били. А если человек заболел – снова били и лишали последнего – голодного пайка: 250 граммов хлеба из

смеси каштановой муки и деревянных опилок и литра свекличной «баланды».

Люди ходили, как тени – страшные, худые. Мучил голод, мучили морозы...». ³²⁶

«Пишу это письмо из тяжелой неволи из Германии... Я нахожусь в лагере. Нас здесь бьют резиновой нагайкой полицаи. Ограждено колючей проволокой и пущен по проволоке электрический ток. Немцы нас обзывают, что мы свиньи, и разными словами, что нам капут. Нахожусь в лагере в г. Бреслау. Дают нам по 100 грамм хлеба древесного на сутки с песком и брюкву. Становимся в очередь... Я держу миску, чтобы получить черпак супа и брюкву, стоят полицаи и бьют по рукам. Если не удержал миски, то бьют куда попало, по голове...

Людей пытаются, сжигают в электрических печах... Я прошу бога, чтобы наши советские войска освободили нас от тяжелой неволи, где люди гибнут, как солома, от фашистских палачей...». ³²⁷

Попасть в концлагерь было совсем нетрудно. Наиболее часто туда отправляли за самостоятельный уход с рабочего места, бегство и перепрятывание под фальшивой фамилией.

Так, подолянин Я. В. Семенишин, которого направили на угольную шахту недалеко от Катовиц, проработал на ней всего лишь один день. На следующий день он сбежал. В г. Бойтине его поймала полиция. Там 3 дня просидел в тюрьме. Оттуда был доставлен в концлагерь «Аушвиц». Потом ему пришлось отмучиться еще в двух концлагерях – «Бухенвальде» и «Доре». Освобожден из неволи войсками союзников. ³²⁸ (Фильтрационное дело Я. В. Семенишина, с. Зятковцы Гайсинского района).

За саботаж на «пожизненный срок» был заключен в концлагерь «Освенцим» уроженец Ильинцов В. М. Ус. Однако, проведя там в нечеловеческих условиях почти год, переведен в концлагерь в Нойгаме, откуда в 1945 году направлен в лагерь смерти 10 «Б». Но и здесь не судилось умереть – был освобожден английскими войсками...

Попасть в концлагерь можно было и вообще за мелкую «вину». Как свидетельствует Г. Т. Казмирчук из с. Яструбинец Дашевского района, которая отбывала каторгу на военном заводе в Гамбурге, «условия здесь существовали жестокие. За наименьшее нарушение рабочих били и отправляли в концлагерь. Например, у нас работала С. Шевчук. Работая с 3-х часов ночи до 7-и вечера, она все это время была очень голодной.

Однажды девушка не выдержала и взяла кусочек хлеба, который лежал в столе в конторе немца. За это ее избили до потери сознания и отправили в концентрационный лагерь».³²⁹ (Фильтрационное дело Г. Т. Казмирчук, с. Яструбинцы Дашевского района).

Существовало также *немало других видов наказания*. Довольно красноречиво повествуется о них, в частности, в служебной полицейской инструкции по охране лагерей, где содержались восточные рабочие:

«...б. а) К малейшему проявлению непослушания и недисциплинованности следует относиться жестоко и при сопротивлении беспощадно применять оружие.

б) В русских, пытающихся бежать, надо стрелять с твердым намерением попасть в бегущего. Охране необходимо помнить непрерывно о своей ответственности за наблюдение над заключенными.

б. Наказания:

а) В лагере и на рабочей площадке должны поддерживаться строгий порядок и дисциплина. Рабочие обязаны выполнять приказы охраны, а когда они находятся в лагере, то лагерного персонала. Рабочий, отказывающийся подчиняться приказам и выполнять работу, будет наказан.

Разрешены следующие наказания:

- 1) дополнительная работа после конца смены,
- 2) отправка на штрафную работу,
- 3) лишение горячей пищи на три дня,
- 4) тюремное заключение на три дня.

б) Рабочие, пренебрегающие обязанностями или просто работающие медленно, должны направляться на штрафные работы. Они будут лишены всех прав. С ними надо обращаться особенно строго. Выбор типа штрафной работы остается за заводской администрацией.

в) Тюремное заключение предусматривает: карцер, запрет работать, выходить на воздух, лишение койки и вместо обычного питания – хлеб и воду...».³³⁰

Целый перечень наказаний содержали так называемые заводские инструкции. Так, на заводе боеприпасов возле с. Логано невыход на работу даже по причине неудовлетворительного физического состояния считался прогулом, что в условиях военного времени расценивалось как саботаж. За это тот, кто «про-винулся», в первый раз получал 25 розог, во второй раз –

его отправляли в тюрьму, откуда почти никто не возвращался. За малейшее нарушение установленных правил администрация предприятий часто передавала виновных в руки гестапо. Здесь их били розгами, вырывали ногти, сажали в подвалы, залитые ледяной водой, и люди на протяжении многих часов простаивали в ней (нередко погруженные по грудь, а то и по горло).³³¹

Тех же, кого после пытки отправляли назад в лагерь, очень часто гитлеровцы старались принудить к преступлению, то есть *склонить к измене*, заставить доносить на своих:

«...После кровавого допроса в тюрьме меня посадили в одиночную камеру, где я просидел более двух суток. Потом снова вызвали на допрос, но на этот раз не били. «Простив» вину, гестаповец дал задание, чтобы я среди россиян и украинцев выявлял на фабрике, кто коммунисты, комсомольцы, кто ведет агитацию против немецкой власти, кто готовится к побегу, и все эти факты... передавать шефу лагеря через переводчика в устной форме...». ³³² (Из фильтрационного дела Г. Д. Киленчука, с. Яструбинцы Дашевского района).

Как правило, пообещав палачам «сотрудничество», абсолютное большинство наказанных сексотством не занималось, а потому немцам приходилось прибегать к другим изощренным приемам:

«Был у нас переводчик..., который систематически вертелся среди наших людей, прислушивался к их разговорам, выведывал их мысли, а затем все услышанное доносил хозяевам. За это многих наших людей повесили. Вешали ночью, а днем гнали нас смотреть...». ³³³ (Фильтрационное дело Т. Г. Кудиной, с. Завалье Дашевского района).

Довольно распространенным видом наказания были штрафы, аресты в выходные дни. А «в лагере вблизи Катовиц стреляли в каждого рабочего, который приближался к изгороди... Пойманных беглецов, по обыкновению, бросали в домны». ³³⁴ То есть сжигали живьем...

По определению обвинителя от США на Нюрнбергском процессе Роберта Джексона, «Германия стала огромным застенком. Стенания ее жертв слышал весь мир, они принуждали вздрагивать все цивилизованные государства...». ³³⁵

Как видим, своеобразной вершиной презрения к человеческому достоинству, ограбления пленников с Востока, в том

числе остарбайтеров, которые за разные проступки наказывались немецкими рабовладельцами, были концентрационные лагеря. Здесь из человека выжималось максимально все, чего можно было добиться в процессе уничтожения трудом. В то же время творимые в концлагерях ужасные преступления – это ярчайшее проявление человеконенавистнической сущности нацизма, реальной политики гитлеровского рейха.

* * *

Итак, и в военной промышленности Германии, и в ее сельскохозяйственном производстве, и в качестве домашней прислуги «остарбайтеры» рассматривались нацистами как бесплатная рабочая сила. Они постоянно подвергались беспощадной эксплуатации и ограблению. Их труд был каторжным, рабским, изнуряющим до смерти, а оплата за него была чисто символическая, которая не могла удовлетворить даже минимальные потребности. Трудовое участие в экономике Германии насильно депортированных невольников не защищалось никакими законами, определялось как обязательное и главнейшее условие их пребывания на территории рейха. В случае потери трудоспособности вследствие увечья или болезни несчастные или уничтожались физически, или же отправлялись домой как отработанный материал, или же отдавались на произвол судьбы.

Беспощадной, по-иезуитски изощренной была дискриминация восточных рабочих. По своему социальному статусу они приравнивались к военнопленным, считались лицами низшей расы. Отношение к ним было подчеркнуто неуважительным, жестоким, грубым. Они невыносимо страдали от постоянного искусственно организованного голода, недостатка одежды и обуви, холода, крайне неудовлетворительных условий жизни. Среди других форм дискриминации – обязательное ношение униженного клейма «Ost», отсутствие здравоохранения и медицинской помощи, права на защиту материнства и детства, полное лишение личной свободы передвижения, возможностей удовлетворять культурные и духовные потребности, жестокие наказания за наименьшую вину и т. п.

Такое отношение к остарбайтерам наблюдалось на всей

территории Третьего рейха и было проявлением целенаправленной человеконенавистнической политики нацистского руководства.

¹ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8-и т. – Т. 4. – С. 524.

² Безсмертя... - С. 218.

³ International Military Tribunal. - Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher von dem Internationalen Militargerichtshof. – 381. - USSR.

⁴ Преступные цели – преступные средства. - С. 194 - 195.

⁵ Нюрнбергский процесс. - Т. III. - М., 1966. - С. 717.

⁶ За счастье Родины (газета 38-й армии). - 1944. - 30 марта; ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 53, л. 9.

⁷ *Weischer H. O. Russenlager. Russische Kriegsgefangene in Hessen (Hamm) 1942-1945. / Vorwort von L. Kopelew. - Essen: Klartext Verlag, 1992. - S. 190.*

⁸ *Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 56.*

⁹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4453, л. 3 об.

¹⁰ Україна сниться... - С. 73.

¹¹ **Немецкий Трудовой Фронт** (нем., Deutsche Arbeitsfront, DAF) – организация гитлеровской Национал-социалистской немецкой рабочей партии, созданная вместо ликвидированных профсоюзов, призванная регулировать взаимоотношения труда и капитала, поддерживать "социальный мир" в немецкой нации, мобилизовать ее для достижения целей нацистского руководства Германии. ДАФ охватывал всех немецких рабочих. Членами его могли быть и иностранные рабочие. Руководитель – Роберт Лей, после войны арестован и незадолго до начала Нюрнбергского процесса, 25 октября 1945 года, закончил в тюрьме жизнь самоубийством.

¹² ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 2208.

¹³ *Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 52.*

¹⁴ ГАРФ, ф. 7021, оп. 116, д. 95.

¹⁵ *Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 14.*

¹⁶ ГАВО, Ф. Р - 1312, оп. 1, д. 51, л. 45.

¹⁷ *Роговий О. Соб у вогні. - Вінниця: БІКОМ, 1994. - С. 11.*

¹⁸ Там же; - С. 12.

¹⁹ *Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 29; с ссылкой на ЦГАВОВУ Украины, Ф. 4620, оп 3, д. 249, л. 29 – 30.*

²⁰ ГАВО, Ф. Р - 4370, оп. 1, д. 1, ед. хр. № 163.

²¹ Україна сниться... - С. 20.

²² Там же; - С. 92.

²³ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 19, л. 4.

²⁴ *Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 29 – 30; с ссылкой на ЦГАВОВУ Украины, Ф. 3260, оп. 1, д. 38, л. 4.*

²⁵ Там же; - л. 34.

²⁶ *Загорулько М., Юденков К. Крах плана «Ольденбург»... - С. 343.*

²⁷ *Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 31.*

²⁸ *Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 137.*

- ²⁹ Україна сниться... – С. 35.
- ³⁰ Там же; - С. 117.
- ³¹ Там же; - С. 70.
- ³² *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 137.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Україна сниться... - С. 35.
- ³⁵ Там же; - С. 57.
- ³⁶ ГАВО, Ф. Р - 1683, оп. 1, д. 13, л. 479.
- ³⁷ *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні... – С. 342.
- ³⁸ *Retlinger G.* The House Build on Sand. - London, 1960. – P. 271.
- ³⁹ ГАХО, Ф. 3369, оп. 1, д. 20, л. 121.
- ⁴⁰ Україна сниться... - С. 130.
- ⁴¹ Там же; - С. 101.
- ⁴² Там же; - С. 62.
- ⁴³ Там же; - С. 113.
- ⁴⁴ Там же; - С. 120.
- ⁴⁵ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 67439, л. 2.
- ⁴⁶ ГАВО, Ф. Р - 5333, оп. 1, д. 23, л. 4.
- ⁴⁷ Bundesarchiv, Koblenz. - РВ 19/2148. – F. 224.
- ⁴⁸ Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ), Ф. 379, оп. 1, д. 25, л. 2.
- ⁴⁹ Україна сниться... - С. 65 - 66.
- ⁵⁰ Там же; - С. 62.
- ⁵¹ ГАВО, Ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 7.
- ⁵² ГАХО, Ф. Р - 863, оп. 2, д. 38, л. 20.
- ⁵³ ГАВО, Ф. Р - 1683, оп. 1, д. 13, л. 480.
- ⁵⁴ ЦГАВОВУ Украины, Ф. КМФ - 8, оп. 1, д. 12, л. 11.
- ⁵⁵ Поділля у Великій Вітчизняній війні (1941 - 1945 рр.). – С. 84.
- ⁵⁶ *Першина Т.* Фашистский геноцид на Украине... - С. 98.
- ⁵⁷ *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 54.
- ⁵⁸ Там же; - С. 173: Со ссылкой на письмо шефа гестапо Мюллера "Об участии партии в наблюдении за иностранной рабочей силой " от 05.09.1942. - Центр хранения историко-документальных коллекций, Москва (далее: ЦХИДК), ф. 1232, оп. 1, д. 191.
- ⁵⁹ Там же; - л. 174.
- ⁶⁰ Україна сниться... - С. 19.
- ⁶¹ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1911.
- ⁶² ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 341, л. 127.
- ⁶³ Україна сниться... - С. 55.
- ⁶⁴ Там же; - С. 129.
- ⁶⁵ Там же; - С. 14.
- ⁶⁶ ГАВО, Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 5518, л. 3.
- ⁶⁷ Україна сниться... - С. 29.
- ⁶⁸ Там же; - С. 40.
- ⁶⁹ Там же; - С. 34 - 35.
- ⁷⁰ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1886.
- ⁷¹ Україна сниться... - С. 15.
- ⁷² Там же; - С. 10 - 11.
- ⁷³ *Роговой О.* Соб у вогні. – С. 16.
- ⁷⁴ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 53, л. 9.
- ⁷⁵ *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 95.

- ⁷⁶ Bundesarchiv, Koblenz. - PB 19/2148. – F. 166.
- ⁷⁷ Україна сниться... - С. 13.
- ⁷⁸ Там же; - С. 35 - 36.
- ⁷⁹ Там же; - С. 110.
- ⁸⁰ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 154.
- ⁸¹ ЦГАВОВУ Украины, Ф. КМФ - 8, оп. 1, д. 38, л. 38 - 39.
- ⁸² Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 29.
- ⁸³ Великая Отечественная война 1941 - 1945 /Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 816.
- ⁸⁴ Там же; - С. 815.
- ⁸⁵ Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 31.
- ⁸⁶ ЦГАВОВУ Украины, Ф. КМФ - 8, оп. 1, д. 38, л. 40.
- ⁸⁷ *Notse Ed. L. Foreign Labor in Nazi Germany.* – P. 259 – 261.
- ⁸⁸ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 154.
- ⁸⁹ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 394, л. 89.
- ⁹⁰ ГАВО, Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 58782, л. 1 - 5.
- ⁹¹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 7125, л. 1 - 3.
- ⁹² ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 1199, л. 1 - 6.
- ⁹³ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 22018, л. 1 - 4.
- ⁹⁴ Україна сниться... - С. 104.
- ⁹⁵ Bundesarchiv, Koblenz. - PB 19/2148. – F. 291 – 292.
- ⁹⁶ Bundesarchiv, Koblenz - P 58/158. – F. 208.
- ⁹⁷ НАРБ, Ф. 370, оп. 1, д. 460, л. 11.
- ⁹⁸ Там же; - Л. 12 - 14.
- ⁹⁹ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 154.
- ¹⁰⁰ Україна сниться... - С. 11.
- ¹⁰¹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 2052, л. 1 - 4.
- ¹⁰² Україна сниться... - С. 104.
- ¹⁰³ Там же; - С. 86.
- ¹⁰⁴ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 155.
- ¹⁰⁵ Україна сниться... - С. 118.
- ¹⁰⁶ Там же; - С. 123.
- ¹⁰⁷ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 8430, л. 1 - 6.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 55.
- ¹¹⁰ Bundesarchiv, Koblenz. - PX 36/348. – F. 109 –110.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Bundesarchiv, Koblenz. - PB 19/2148. – F. 292.
- ¹¹³ Bundesarchiv, Koblenz. - PB 19/2148. – F. 48-50.
- ¹¹⁴ ГАВО, Ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1951.
- ¹¹⁵ ГАВО, Ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1929.
- ¹¹⁶ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 59770, л. 2.
- ¹¹⁷ Україна сниться... - С. 89.
- ¹¹⁸ ГАХО, Ф. 3369, оп. 1, д. 20, л. 121.
- ¹¹⁹ Преступные цели - преступные средства. – С. 226.
- ¹²⁰ *Herbert U. Fremdarbeiter Politik und Praxis des "Ausländer - Einsatzes" in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches.* – P. 171.
- ¹²¹ Україна сниться... - С. 90.
- ¹²² Там же; - С. 114 – 115.
- ¹²³ ЦГАВОВУ Украины, Ф. 3538, оп. 2, д. 256, л. 402.

- 124 Україна сниться... - С. 76.
- 125 Там же; - С. 127.
- 126 Там же; - С. 93.
- 127 Там же; - С. 82.
- 128 Там же; - С. 53.
- 129 *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 141.
- 130 ГАВО, ф. Р - 5333, оп. 1, д. 23, л. 4.
- 131 За счастье Родины. – 1944. - 30 марта; ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 53, л. 9.
- 132 ГАХО, ф. Р - 6193, оп. 4, д. 9408, л. 3.
- 133 ГАВО, ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24514, л. 2 об.
- 134 ГАВО, ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24225, л. 2.
- 135 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 353, л. 155.
- 136 *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених і "остарбайтерів" з України... - С. 32 - 33.
- 137 *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 61.
- 138 Україна сниться ... - С. 45.
- 139 Там же; - С. 48.
- 140 Там же; - С. 45.
- 141 ГАВО, ф. Р – 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1833.
- 142 Україна сниться... - С. 67.
- 143 Там же; - С. 127.
- 144 ГАВО, ф. Р - 6023, оп. 1, д. 59770, л. 2.
- 145 Україна сниться... - С. 38.
- 146 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 22.
- 147 Україна сниться... - С. 29.
- 148 Там же; - С. 11.
- 149 Там же; - С. 7.
- 150 Преступные цели - преступные средства... - С. 227.
- 151 Bundesarchiv, Koblenz. - Р 58/158. – F. 209.
- 152 Україна сниться... - С. 46.
- 153 Там же; - С. 68.
- 154 Преступные цели - преступные средства... – С. 227.
- 155 ГАВО, ф. Р - 2347, оп. 1, д. 2, л. 111.
- 156 Урядові Дунаєвцькі вісті. – 1942. - 1 ноября.
- 157 ЦГАОО Украины, ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 13.
- 158 Україна сниться... - С. 114 – 115.
- 159 Там же; - С. 93.
- 160 Там же; - С. 24.
- 161 Преступные цели - преступные средства... - С. 227.
- 162 *Черон Ф. Я.* Немецкий плен и советское освобождение /Всеросс. мемуар. библи. Сер. «Наше недавнее». – Париж: YMCA - Press, 1987. – Вып. 6. – С. 52.
- 163 *Семиш В.* Нагрудный знак "Ost": Роман, повесть, рассказы /Библиотека «Дружбы народов»; Послесловие И. Дедкова. – М.: Известия, 1978. – С. 148.
- 164 *Черон Ф.* Немецкий плен... - С. 52.
- 165 *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 138.
- 166 Україна сниться... - С. 44.
- 167 Преступные цели - преступные средства... - С. 227.
- 168 Там же.
- 169 Преступные цели - преступные средства... - С. 228.
- 170 ЦГАВОВУ Украины, ф. 3538, оп. 2, д. 256, л. 398.
- 171 Україна сниться... - С. 79.

- 172 Там же; - С. 61.
- 173 ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 53, л. 9.
- 174 Україна сниться... - С. 10.
- 175 Там же; - С. 121.
- 176 Там же; - С. 18.
- 177 Там же; - С. 75.
- 178 Преступные цели - преступные средства... - С. 194.
- 179 Україна сниться... - С. 47.
- 180 *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 147.
- 181 Україна сниться... - С. 87.
- 182 *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 147.
- 183 Там же.
- 184 Там же.
- 185 Україна сниться... - С. 65.
- 186 Там же; - С. 120.
- 187 Там же; - С. 31.
- 188 За счастье Родины. – 1944. - 30 марта; ГАВО, - Ф. П - 425, оп. 1, д. 53, л. 9.
- 189 Україна сниться... - С. 47.
- 190 Там же; - С. 75.
- 191 Там же; - С. 94.
- 192 Там же; - С. 27.
- 193 *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 145.
- 194 Там же; - С. 146 /Со ссылкой на дневник боевых действий Экономического штаба "Ост" за 1943, 1944 гг.
- 195 Там же; - С. 145.
- 196 Там же; - С. 147.
- 197 ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 53, л. 9.
- 198 *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 145.
- 199 ГАВО, Ф. Р - 1684, оп. 1, д. 13, л. 481.
- 200 Україна сниться... - С. 101 – 102.
- 201 *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні... - С. 342.
- 202 ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4479, л. 2.
- 203 *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні... - С. 343.
- 204 Bundesaihviv, Koblenz. - РХ 36/348. – F. 316 – 317.
- 205 Bundesarchiv, Koblenz. - РХ 36/348. – F. 238.
- 206 Україна сниться... - С. 102.
- 207 Там же; - С. 46.
- 208 ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 43048, л. 1 - 5.
- 209 ЦГАВОВУ Украины, Ф. 3260, оп. 1, д. 38, л. 4.
- 210 Bundesarchiv, Koblenz. - РВ 19/2148. – F. 224 – 225.
- 211 Там же.
- 212 Україна сниться... - С. 66.
- 213 *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 160.
- 214 Там же; - С. 163.
- 215 ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24269, л. 3.
- 216 Україна сниться... - С. 122.
- 217 Там же; - С. 136.
- 218 Там же; - С. 33 - 34.
- 219 Там же; - С. 15.
- 220 Там же; - С. 13.
- 221 Там же; - С. 106.

- ²²² Там же; - С. 117.
- ²²³ **"Сила через радость"** (нем., Kraft durch Freude) – нацистская организация в составе Немецкого Трудового Фронта, которая занималась вопросами досуга, отдыха и развлечений рабочих. Руководила "домами немецкого труда", организовывала любительские театры, давала дешевые спектакли и т. п. Существовала за счет правительственных субсидий. Находилась под полным контролем Национал-социалистской рабочей партии Германии.
- ²²⁴ Bundesarchiv, Koblenz. - PX 36/348. – F. 238 – 249.
- ²²⁵ Україна снитися... - С. 67.
- ²²⁶ Там же; - С. 94.
- ²²⁷ Преступные цели - преступные средства... - С. 194.
- ²²⁸ *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. - Смоленск: «Русич», 1998. – С. 51.
- ²²⁹ Там же; - С. 45.
- ²³⁰ Україна снитися... - С. 13.
- ²³¹ *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 163.
- ²³² ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 333.
- ²³³ НАРБ, - Микрофильм. - Арх № 247. – К. 000022 – 000025.
- ²³⁴ ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 87, л. 62 - 63.
- ²³⁵ Україна снитися... - С. 85.
- ²³⁶ *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 165 / Со ссылкой на Центр хранения историко-документальных коллекций, ф. 1164, оп. 1, д. 27 (постановлением № 283 от 15 марта 1999 года Правительства Российской Федерации данный Центр присоединен к Российскому государственному военному архиву).
- ²³⁷ *Muller N.* Wehrmacht und Okkupation 1941 – 1944. – S. 373 – 375.
- ²³⁸ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 3, д. 4, ед. хр. № 3.
- ²³⁹ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 303.
- ²⁴⁰ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 219.
- ²⁴¹ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 380.
- ²⁴² ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1576.
- ²⁴³ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1770.
- ²⁴⁴ Україна снитися... - С. 50.
- ²⁴⁵ Там же; - С. 78.
- ²⁴⁶ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 3, д. 1, ед. хр. № 14.
- ²⁴⁷ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 420.
- ²⁴⁸ Україна снитися... - С. 35.
- ²⁴⁹ Там же; - С. 53.
- ²⁵⁰ Там же; - С. 73.
- ²⁵¹ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 157.
- ²⁵² Україна снитися... - С. 9.
- ²⁵³ Там же; - С. 108.
- ²⁵⁴ Там же; - С. 13.
- ²⁵⁵ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1600.
- ²⁵⁶ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 40.
- ²⁵⁷ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1565.
- ²⁵⁸ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 272.
- ²⁵⁹ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 267.
- ²⁶⁰ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 12.
- ²⁶¹ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 228.
- ²⁶² ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 303.
- ²⁶³ ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 3, д. 1, ед. хр. № 12.
- ²⁶⁴ Україна снитися... - С. 120.

- 265 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1446.
266 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 2, д. 2, ед. хр. № 389.
267 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 220.
268 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 290.
269 Україна сниться... - С. 45.
270 Там же; - С. 54 - 55.
271 Там же; - С. 52.
272 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1413.
273 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 4, ед. хр. № 2.
274 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 234.
275 Україна сниться... - С. 89.
276 Там же; - С. 61.
277 Там же; - С. 63 - 64.
278 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 11.
279 Україна сниться... - С. 99.
280 Там же; - С. 12.
281 Там же; - С. 78.
282 Там же; - С. 47.
283 Україна сниться... - С. 31.
284 Там же; - С. 17.
285 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 263.
286 Там же; - Ед. хр. № 267.
287 Україна сниться... - С. 85.
288 Там же; - С. 88.
289 Там же; - С. 50.
290 Там же; - С. 27.
291 Там же; - С. 92.
292 Там же; - С. 91.
293 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 1564.
294 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 157.
295 Україна сниться... - С. 103.
296 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 3, д. 1, ед. хр. № 11.
297 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 3, д. 4, ед. хр. № 1.
298 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 257.
299 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 258.
300 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 301.
301 Україна сниться... - С. 73.
302 Там же; - С. 26.
303 Там же; - С. 106.
304 Сильнее смерти: Воспоминания, письма, документы. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 24.
305 *Потильчак О.* Трудові ресурси... - С. 35.
306 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 3, д. 1, ед. хр. № 1.
307 Україна сниться... - С. 96.
308 ГАВО, ф. Р - 4277, оп. 3, д. 1.
309 Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg. – RH 22/39. – F. 87.
310 Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg. – RH 2/V. 2558. – F. 34-35.
311 ЦГАВОВУ України, ф. 3538, оп. 2, д. 256, л. 399.
312 Україна сниться... - С. 79.
313 Там же; - С. 65.
314 ГАВО, ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4205, л. 1 - 3.

- ³¹⁵ ЦГАВОВУ України, Ф. 4620, оп. 3, д. 285, л. 36.
- ³¹⁶ Bundesarchiv, Koblenz. - PX 36/348. – F. 110.
- ³¹⁷ Там же.
- ³¹⁸ ЦГАВОВУ України, Ф. 3676, оп. 4, д. 107, л. 288 – 289.
- ³¹⁹ Україна сниться... - С. 79.
- ³²⁰ Дунаєвецькі вісті. – 1943. - 21 ноября.
- ³²¹ Bundesarchiv, Koblenz. - PX 36/348. – F. 109.
- ³²² Україна сниться... - С. 40.
- ³²³ Преступные цели - преступные средства... - С. 186.
- ³²⁴ Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 - 1944): Документы и материалы. - В 2 кн. - Кн 1 (1941 -1942) /Сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. – Минск: НАРБ, 1996. – С. 21.
- ³²⁵ Безсмертя... - С. 349.
- ³²⁶ ГАХО, Ф. Р – 3369, оп. 1, д. 22, л. 65.
- ³²⁷ Україна сниться... - С. 55.
- ³²⁸ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 46168, л. 3.
- ³²⁹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 22006, л. 2.
- ³³⁰ Преступные цели - преступные средства... - С. 204.
- ³³¹ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941 - 1944 гг.). – С. 228 – 229.
- ³³² ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 22054, л. 4 - 5.
- ³³³ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 22088, л. 5.
- ³³⁴ Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні... - С. 271.
- ³³⁵ Безсмертя... - С. 348.

3.3. Сопrotивление в немецкой неволе

Но существовало и сопротивление нацистам. Насильно оторванные от семей и вывезенные на чужбину, советские люди, в том числе подоляне, несмотря на крайние формы принуждения, не желали работать так, как от них требовали эксплуататоры. Единственным *действенным фактором, который принуждал оstarбайтеров к трудовому участию, был раз-ве что голод*, который искусственно поддерживался нацистским режимом, – кто отказывался работать, того фактически лишали «нормированного» питания, а в итоге и перспективы существования. Тем не менее, работая, пленники в основном относились к делу равнодушно, безо всякого энтузиазма, несмотря на постоянную реальную опасность жестокого наказания. Лишь единицы еще верили немецким обещаниям и вкладывали в работу душу и последние силы.

«...Работаю пока на старом месте, работаю очень хорошо,

так сказать, «по-стахановски», чтобы заработать побольше денег и быстрее приехать домой, ибо нам говорят, что когда будем ехать домой, так надо будет за свои деньги билет покупать, то я и над этим вопросом призадумалась...». ¹ (Из письма из Германии Батюшенко Марии, с. Комаровка Славутского района, 04.03.1943 г.).

Пассивность, инертность замученных каторгой восточных рабочих бесила угнетателей. Они усматривали в этом проявление скрытого или полускрытого саботажа. И были близки к истине. Сопротивление, пусть и не совсем организованное (больше на индивидуальном уровне), в самом деле существовало. *Основными его формами* были:

- работа впосилы;
- вредительство;
- бегство;
- вооруженная борьба,

а наиболее распространенным проявлением непокорности оstarбайтеров в нацистской неволе были:

- работа вполсилы;
- невыход на работу;
- отказ от работы;
- бегство.

«...Осенью 1944 года я был арестован участковым немецким жандармом за плохую работу. Под арестом находился трое суток». ² (Из фильтрационного дела Д. Г. Кравчука, с. Майдан-Бобрик Хмельникского района).

«...Меня наказывали... за невыход на работу и за отказ работать. За это меня били и я 2 месяца сидел в штраф-лагере. Затем сбежал, но поймали...». ³ (Из фильтрационного дела И. М. Марцинука, с. Чешки Старосинявского района).

«...Я работал на железной дороге... За саботаж меня отправили в концлагерь г. Гросслозен, где провел три месяца...». ⁴ (Из фильтрационного дела В. Г. Яцюка, с. Семаки Хмельникского района).

За аналогичную вину дважды была допрошена гитлеровцами жительница г. Гайсина Ф. П. Лерман. ⁵ Причем ей было особенно тяжело, ибо приходилось скрывать еще и свою еврейскую национальность. В случае разоблачения ее ждала бы неминуемая кровавая расправа.

«...Узнав, что сожжено мое родное село, я не хотел работать. Но хозяйка заставляла, за что я ее побил... За это был

арестован сельской полицией и отсидел целый месяц...». ⁶ (Из фильтрационного дела И. Г. Панасюка, с. Уладовка Хмельнического района).

Достоинны внимания мужество и твердость духа уроженки Погребища А. И. Хоменко, которая категорически отказалась работать на немецкой каторге:

«8 января 1943 года я была арестована гестапо за отказ от работы и заключена в тюрьму г. Брепольвальд, где провела две недели...». ⁷ (Из фильтрационного дела А. И. Хоменко, с. Погребище Погребищенского района).

Когда на одном из допросов гестаповец заявил, что за невыход на работу она будет повешена, подолянка не побоялась угрозы.

Из Брепольвальда ее перевели в тюрьму г. Бохупа, а потом в Венскую тюрьму.

«...Здесь меня через переводчика подвергал допросу немецкий офицер... Он требовал, чтобы я шла работать, но я снова категорически отказалась...». ⁸

Наконец, за проявленную непокорность Анна Ивановна в феврале 1943 года оказалась в женском концлагере «Равенсбрюк», через который в общей сложности прошло свыше 100 тысяч невольниц, более половины из которых погибли.

«...В концлагере я пробыла с февраля 1943 г. по февраль месяц 1945 г. Потом меня перевели в лагерь смерти Берден-Бельзен...». ⁹

Но мужественная подолянка не покорилась и здесь, оставшись, однако, живой. От смерти ее спасло наступление английских союзнических войск. Крайне обессиленная, она сразу же была отправлена в госпиталь...

Не меньшие масштабы приобретало и *вредительство*. Настоящий подвиг в нацистской неволе осуществили женщины-узницы упомянутого концлагеря «Равенсбрюк», которые работали на патронных заводах. В результате вредительства брак продукции за несколько месяцев здесь составил 14 эшелонов. ¹⁰

Факты вредительства имели место и в других районах рейха. Ко многим из них имели прямую причастность подоляне.

Так, большой обвал на шахте «Анна» в Рурской области организовал винничанин П. Кондратенко.

Систематически, 2 – 3 раза за смену, в шахте г. Батропа резал транспортировочные пасы ¹¹ житель с. Слободище Дашев-

ского района (до ареста гитлеровцами и депортации в Германию – активный член местного большевистско-комсомольского подполья) Д. М. Левчишин.

Подпольные организации действовали даже в самой Германии. Вот что, в частности, написал 21 сентября 1943 года из лагеря № 80 г. Берлина своей жене остарбайтер Иван Авузьяк из с. Лоевцы Староушицкого района:

«...Аня, мы очень надеемся на наших братьев и на Иосифа Виссарионовича, может, скоро мы выйдем из этой кабалы, так как здесь действует ВКП(б)... Аня, если меня не будет, пусть добро будет тем, кто останется живым. Но знайте, что я пострадаю за дело ВКП(б), за дело Иосифа... Желая хороших успехов». ¹²

Как стало известно по окончанию войны, из 10800 ракет Фау-2, выпущенных гитлеровцами на Лондон и Антверпен, более половины не достигли цели. С 8564 Фау-1, которые должны были разрушить британскую столицу, бракованными оказались 6166 ¹³ – 71,9 %.

В этом значительная заслуга уроженца с. Винниковцы Липинского района Семена Ялового и его товарищей по борьбе.

После того, как английская авиация разрушила 16 августа 1943 года в Пенемюнде на побережье Балтийского моря сверхсекретный немецкий объект – ракетный центр, нацисты решили перенести производство этого «чудо-оружия» в глубокие штольни в горах неподалеку Нордхаузена. В скором времени здесь было сооружено 44 огромных цеха. Началось серийное производство самолетов-снарядов Фау-1 и ракет Фау-2, способных нести до тонны взрывчатки.

В мрачном подземелье к их производству в числе других были привлечены узники лагеря «Миттельбау-Дора», в т. ч. подольянин С. Яловый. Учитывая сверхсекретность объекта, шансов выжить не имел никто. Однако, даже в этих условиях патриоты разных стран не сдались, действовали. В начале 1944 г. они объединились в подпольную организацию. Ее возглавили Константин Журавский (в лагере Николай Петренко) и Семен Яловый (в лагере Семен Гринько). Под постоянной угрозой жестокой расправы патриоты вредили, как могли. «Путали» схему размещения проводов, некачественно осуществляли пайку и сваривали швы, прятали дефицитные детали.

Кроме того, С. Яловый разработал план побега. Смелчаки рассчитывали осуществить его 24 декабря 1944 г., накануне

Рождества, когда немцы будут готовиться к празднику. Были созданы специальные штурмовые группы, готовилось холодное и огнестрельное оружие. Но намерения подпольщиков выдал провокатор. Семена Ялового и его товарищей посадили в карцер. Мужественный подпольщик и здесь проявил твердый характер, организовал побег. Узники убили одного охранника, обезоружили другого и вырвались из камеры. Трое преодолели колючую проволоку, но их схватили, остальные погибли от пуль часовых. Мужественно принял смерть и С. А. Яловый.¹⁴

Особенно массовыми были *побеги*. «Тяга к ним, – как отмечает в своей работе «Жертвы двух диктатур...» П. Полян, – у советских людей была просто впечатляющей».¹⁵

Немецкие документы свидетельствуют, что в среднем за каждый месяц количество беглецов увеличивалось почти на 2 тысячи человек. В частности, в январе – сентябре 1943 г. осуществили побег 16286 чел.¹⁶

Чаще всего в такой форме проявляли непокорность юноши и мужчины, но случаев побегов среди женщин и девушек известно тоже немало.

«...Из нашего лагеря... сбежало 5 девчат...»,¹⁷ – писала домой родным Антонина Харькова (с. Барсуки Староушицкого района).

«...Оля дядькова что-то себе надумала и сбежала с чужими девочками втроем. Сбежала, и уже 2 недели мы от нее никаких весточек не имеем».¹⁸ (Из письма остарбайтерки Марии Ольшанской, с. Козодавинцы Староушицкого района).

Побеги всегда сопровождались риском и серьезной опасностью. При их осуществлении ежемесячно от пуль охраны гибло 10 – 25 чел.

Каждый случай побега узника из лагеря или от своего работодателя не проходил незамеченным. Сразу же организовывался поиск. В первую очередь, им занимались лагерные охранники. Однако сфера их действия распространялась лишь на прилагерные окраины. Далее эстафета поиска передавалась полиции и жандармерии. Фотографии и особые приметы беглецов печатались в специальных изданиях, которые оперативно распространялись по всей Германии.

Как правило, подавляющее большинство побегов заканчивалось неудачно – очень уж большое расстояние и слишком много заслонов нужно было преодолеть смельчакам, чтобы незамеченными добраться до намеченного места (прежде всего,

домой). Счастье улыбалось единицам, а основная масса беглецов снова попадала в руки поработителей.

Несчастных жестоко били и, как правило, отправляли в тот же лагерь, где они содержались ранее. Это устрашающе действовало на тех, кто собирался бежать.

В случае повторного побега наказание было жестче. Пойманных беглецов отправляли в так называемые исправительные или в штрафные, а нередко и в концентрационные лагеря, откуда возврата практически не было.

«5 человек убежали домой, но попали под трибунал, так 3 умерло»,¹⁹ – сообщал из Германии Степан Григорина (с. Барсуки Староушицкого района).

Довольно часто концлагерем заканчивались и первые победы, что подтверждается многочисленными документами. А вот подольянину, уроженцу с. Винниковец Литинского района Петру Кардашу, который самовольно оставил шахту в Катовице, пришлось пройти через ад трех «фабрик смерти». Сперва после жестокого избиения его заточили в концлагерь «Аушвиц», потом перевели в «Бухенвальд», оттуда – в «Дахау»...²⁰

Учитывая такую действительность, подольяне горько шутили: «Сбежать – не проблема, добежать – вот что самое тяжелое». Но, несмотря ни на что, продолжали убежать.

Из письма из нацистской Германии Сергея Романенко, с. Стадница Винницкого района, 15.04.1943 г.:

«...Новостей таких нет. Сбежало из нашего лагеря 4 человека. И Петр Ванжула (*односельчанин Сергея С. Г.*) тоже сбежал...».²¹

«...Нашие волковинецкие ребята Рыбачок Иван и Жлуднюк Сергей поспешили из этого рая смыться, не знаю, где они сейчас...».²² (Из письма остарбайтера Ивана Закреничного, с. Волковцы Шепетовского района).

Те подольяне (как остарбайтеры, так и военнопленные), которым удавалось вырваться на волю, становились на путь активной *вооруженной борьбы*, создавали или пополняли патриотические группы, партизанские отряды, вливались в ряды участников европейского движения Сопротивления.

За пределами Украины, например, известно о героических поступках уроженца с. Соломирки Хмельницкого района, Героя Советского Союза, национального героя Франции Василия Порика.

В июле – августе 1943 года из 12 бойцов он сформировал

лагерный партизанский отряд, который осуществлял акты саботажа и диверсий на шахтах, пускал под откос вражеские эшелоны.

Пример нашел широкий отклик. 12 августа 1943 года в городке Бомон состоялось совещание представителей лагерных подпольных организаций, на котором был создан межлагерный комитет северных департаментов. Его председателем стал В. Порик. При помощи комитета в конце 1943 – в начале 1944 года лагерные отряды были созданы в 10 лагерях этого района, которые объединяли свыше 200 бойцов. В марте 1944 года В. Порик был назначен членом штаба франтинеров и партизан на севере Франции. В ночь с 21 на 22 апреля 1944 года партизанский отряд под командованием В. Порики разгромил охрану бомонского концлагеря, а 23 апреля атаковал гитлеровскую маршевую колонну, уничтожив 30 фашистов.

Во время выполнения очередной боевой задачи в г. Дрокуре в начале мая 1944 года мужественный подольник раненый был схвачен гитлеровцами. На протяжении 18 часов партизана допрашивали в тюрьме Сен-Нисез, из которой ему посчастливилось осуществить побег, убив тюремного надзирателя вытаскиванием из стены камеры гвоздем. На подпольной квартире в г. Энен-Льетари, куда В. Порик добрался после побега, главный хирург местной больницы Люше прооперировал его, удалив из тела три пули. После этого партизан был отправлен французскими патриотами в семью Офра, которая жила за 20 километров от Арраса. Так В. Порик, за голову которого нацисты обещали миллион франков, был спасен. А в июне 1944 г. герой создал штаб военно-политического руководства борьбой советских патриотов на севере Франции.

В. Порик проявил себя и талантливым, опытным пропагандистом, проведя ряд антифашистских митингов и собраний. Так, настоящей манифестацией солидарности с французским народом оказался его новый подвиг: 14 июля 1944 года в день национального праздника Франции (155-летия штурма Бастилии) в городке Сан-ан-Гоэль партизан выступил на митинге в форме советского офицера. Весть об этой чрезвычайной манифестации быстро облетела города и села северных департаментов, распространились слухи о советском десанте. Но 22 июля 1944 г. между Льевром и Гренаем В. Порик попал в засаду гестапо и был снова схвачен. Зная о популярности советского офицера и о его антифашистской деятельности, окку-

панты через два часа после ареста расстреляли его возле стены Аррасской крепости.²³

Высшей воинской награды Италии удостоен могилев-подольчанин Николай Буянов. Посмертно награжден итальянской медалью партизан гаррибальдийской бригады провинции Модена Михаил Савченко из Подолии. Там же на Апеннингах громил врага партизанский отряд винничанина Андрея Гречко, а уроженец Ольгополя Иван Добровольский приближал Победу бок о бок с бельгийскими народными мстителями.

В 1942 г. насильно была вывезена на нацистскую каторгу уроженка с. Кореновки Чечельницкого района Екатерина Калтакова. Работала в Австрии. А в начале 1945 г. подолянке посчастливилось сбежать к югославским партизанам. Почти четыре месяца она находилась в их рядах. Была поварихой, принимала участие в партизанских походах, вооруженных стычках с гитлеровцами...».²⁴

Жителя с. Кумановки Комсомольского района Петра Малышевского гитлеровцы привезли на оккупированный английский остров Джерси. Там, испытывая постоянное насилие, он строил фортификационные сооружения. В начале 1943 г. при помощи французских патриотов на моторной лодке осуществил побег во Францию. В мае того же года стал партизаном одного из отрядов французского движения Сопротивления. После открытия союзниками в Европе второго фронта принимал участие в общих с ними боевых действиях против гитлеровцев. С боями дошел до Рейна. В сентябре 1944 года по приказу генерала Де Голля из партизан была сформирована отдельная войсковая часть. Г. Малышевского зачислили в 19-й батальон французской армии. В его рядах подолянин громил врага до самого Дня Победы.²⁵

Далеко от родной Отчизны отважно бились с врагом, проливая кровь, соратники Василия Порика, Николая Буянова, Андрея Гречко: Василий Колесник, Степан Кондратюк,²⁶ Галина Томченко, Иван Федорчук, Василий Доценко, Михаил Бойко,²⁷ Федор Тиндык, Дмитрий Стоколос, Емельян Гнатюк, Александр Ткаченко, Григорий Карасюк, Василий Ткачук, Петр Пантелей, Иван Федорчук, Михаил Слободинский,²⁸ Петр Григоренко, Иван Мороз, Алексей Бондаренко, десятки других славных сынов и дочерей Подолии, матери-Украины.²⁹

Итак, оstarбайтеры не желали мириться со своим раб-

ским положением, оказывали сопротивление, основными формами которого были:

- пассивность в труде;
- отказ от работы;
- вредительство;
- побеги;
- вооруженная борьба в рядах европейского движения

Сопротивления.

* * *

Исходя из анализа фактов, рассмотренных в третьем разделе, наиболее существенными представляются такие аспекты:

- массовое использование труда оstarбайтеров на принудительных работах в Германии во время Второй мировой войны диктовалось возрастающими потребностями нацистской военной экономики. Сами восточные рабочие рассматривались претендентами на мировое господство как рабы, бесплатная рабочая сила, средство заполнения рабочих мест вместо мобилизованных на фронт немецких рабочих и крестьян. Потребность в дешевых рабочих руках неуклонно возрастала. Но труд раба никогда не был высокопроизводительным. Вот почему использование в больших масштабах рабского труда привело к торможению развития промышленного потенциала нацистской Германии, стагнации ее экономики и стало одним из существенных факторов Победы;

- беспрерывное истязание непосильным трудом и беспощадная дискриминация оstarбайтеров преследовали как цель не только максимальную эксплуатацию и унижение достоинства подневольных рабов, но и их планомерное уничтожение самим трудом, комплексом репрессивных мероприятий, искусственно созданными нечеловеческими условиями, в которых приходилось существовать невольникам из оккупированных восточных территорий, и были тяжелым преступлением гитлеровцев против славян, других народов Европы, конкретным проявлением на практике человеконенавистнической политики нацизма;

- несмотря на крайне трудные обстоятельства, в которых оказались наши соотечественники, в том числе подоляне, в гитлеровской Германии, они не падали духом, часто оказывали сопротивление поработителям, вписав в историю борьбы с нацизмом немало ярких страниц.

¹ Україна сниться... - С. 75.

² ГАВО, Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4418, л. 3 об.

³ ГАХО, Ф. Р - 6193, оп. 4, д. 9403, л. 3.

⁴ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4460, л. 3.

⁵ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 2, д. 1900, л. 1 - 2.

⁶ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4334, л. 3.

⁷ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 54878, л. 3 - 4.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Женщины Равенсбрюка. - М., 1960. - С. 129 - 130.

¹¹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24295, л. 2 - 4.

¹² Україна сниться... - С. 109.

¹³ Безсмертя... - С. 353.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 134.

¹⁶ Kurzbericht über die Behandlung der Mitteilugen über Sterbfälle, Arbeitsvertragsbrüchen (Fluchten), Einlieferungen in KL, Rückführungen usw. Von Ostarbeitern durch Wi Stab Ost, Chefgruppe Arbeit. Berlin, den. 30. Okt. 1943, gez. Dr. Hellwig. - Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, RW 31/35.

¹⁷ Україна сниться... - С. 86.

¹⁸ Там же; - С. 104.

¹⁹ Там само; - С. 87.

²⁰ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 394, л. 90.

²¹ ГАВО, Ф. Р – 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 263.

²² Україна сниться... - С. 127.

²³ Материалы IX-ой Подольской историко-краеведческой конференции. – Каменец-Подольский, 1995. - С. 61.

²⁴ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 4244, л. 2 - 3.

²⁵ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 58643, л. 2 - 3.

²⁶ Сахневич Л. Бійці руху Опору. – Вінницька правда. – 1971. – 4 ноября.

²⁷ Гринчук С. Гроза ночі. – Вінницька правда. – 1972. – 31 мая.

²⁸ Пащенко В. Я. Лишився вірним: Українські партизани в боях за визволення Франції. – Вітчизна. – 1967. - № 5. – С. 165 – 172.

²⁹ Гладкий С. П. Русский из Дрокура: По следам франтинеров. – Л.: Лениздат, 1966. – 342 с.

IV. Противодействие подолян использованию оккупационной администрацией производительных сил из оккупированных территорий Украины

4.1. Саботаж мероприятий по насильственной вербовке рабочей силы в Германию населением Подолии

Подоляне всегда любили свою землю, хотя и приходилось им гнуть спину не на одного угнетателя. Всегда защищали ее от врагов и их приспешников. Не стала исключением и Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов.

Как свидетельствуют документы, несмотря на голод 1932 – 1933 гг., сталинские репрессии, другие социальные потрясения, которые, казалось бы, могли до крайности озлобить народ, не так уж и много жителей Подолья встречали нацистских аггессоров хлебом-солью, становились прислужниками захватчиков (хотя в общем количество коллаборационистов составляло не одну тысячу человек). Абсолютное же большинство населения Подольского края не пожелало склониться перед современными варварами, которые собрались подчинить весь мир, поднялось на борьбу с нацизмом. В этой народной борьбе подоляне защищали не социализм сталинского образца, хотя многие из них свято верили в революцию, провозглашенные большевиками лозунги, считали необъятные просторства Советского Союза своей Родиной, а Украину – родным отцовским уголком в ней. Прежде всего, они защищали собственную жизнь, жизнь своей семьи, дом, родную землю, над которыми нависла смертельная опасность.

Поэтому после вероломного нападения гитлеровцев на СССР подоляне стали на защиту родной Отчизны.

Уже с первых часов войны в Киевском особом военном округе, в который входило Подолье, началась напряженная рабо-

та по мобилизации военнообязанных в ряды Красной Армии. По неполным данным, до конца июня 1941 г. военкоматы Каменец-Подольской, Винницкой, Житомирской и Киевской областей мобилизовали в действующую армию 622615 человек. На Виннитчине и Каменец-Подольщине мобилизация военнообязанных прошла организованно и быстро. Например, по г. Проскурову она была закончена уже 25 июня 1941 года.¹

Всего из Виннитчины в период с 23 июня по 21 июля 1941 года было мобилизовано 136866 чел.²

Документы архивов рассказывают, что повсеместно проходили массовые митинги населения, на которых высказывалось негодование рабочих, служащих и крестьян дерзким нападением нацистов на СССР, заявлялось о готовности с оружием в руках защищать от врага родную землю, приумножить трудовые усилия. Мобилизованные горели желанием как можно быстрее попасть на фронт. Они отказывались проходить медицинскую комиссию и требовали срочной отправки в армию. Например, колхозник Максим Сандул из с. Подлесивки Ямпольского района на Виннитчине в своем выступлении на митинге заявил: «В моей семье 7 человек. Чтобы их защитить от немецко-фашистских захватчиков, я иду в Красную Армию и требую немедленной отправки на фронт».³

Интересны такие документы:

«В Винницкий райвоенкомат поступило уже немало заявлений от верных дочерей советского народа. Жены, сестры, дочери высказывают свое пламенное желание добровольно пойти в ряды Красной Армии, бок о бок с мужьями, братьями, отцами самоотверженно бороться за полный разгром врага.

Мария Слободян в своем заявлении пишет: «Хочу добровольно поступить санитаркой в Красную Армию. На этой должности работаю уже два года. Я даю клятву самоотверженно бороться за победу над врагом, не жалея жизни».

Неля Федорова, высказывая свое желание пойти санитаркой на фронт, добавляет: «Я чувствую, что в бою не отстану от своего отца, который также пошел выполнять священный долг перед Родиной. Я верю в победу, так как дело, за которое мы боремся, – справедливое».

Сарра Орайовская также просится санитаркой на фронт и заявляет, что она... со своим братом, который теперь находится на фронте, беспощадно будет бить фашистских псов.

Женщины, которые подают заявления о зачислении их доб-

ровольцами в ряды Красной Армии, готовы к обороне Родины...»⁴

«...В первый день мобилизации в [Солобковецкий] райвоенкомат поступили десятки заявлений от коммунистов, комсомольцев, колхозников с просьбой отправить их на фронт.

Учитель с. Удриевец А. И. Яворский в заявлении пишет: «Прошу принять меня в ряды Красной Армии добровольно и послать на фронт для защиты Родины»

Крестьянин из с. Томашевки В. И. Рощепоринский обратился в райвоенкомат с просьбой послать его на фронт добровольно вместе с призванными по мобилизации...».⁵

«Весть о дерзком нападении фашистских разбойников на советскую страну больно поразила меня. Фашистские шакалы угрожают моей Родине, за которую я в годы гражданской войны бился с врагами. Теперь я пенсионер, но еще могу быть полезным стране социализма.

В рядах Красной Армии служат два моих сына. Хочу и я занять свое место среди защитников Отчизны»,⁶ – заявил пенсионер К. Назарчук.

Однако стремительное продвижение фронта не позволило удовлетворить заявления всех желающих, осуществить эвакуацию тех, кто по возрасту мог послужить Родине, как и вообще вывезти на нетронутую врагом территорию основную массу гражданского населения, создать действенное народное ополчение, которое в других регионах Украины, СССР сыграло заметную роль в борьбе с нацистскими захватчиками.

После прорыва гитлеровцами оборонительной линии Юго-Западного фронта в районе Новоград-Волынского, когда появилась угроза выхода немецких танковых и механизированных дивизий через Белую Церковь на Умань, советское командование вынуждено было издать директиву об отводе войск, которые оборонялись на линии Любар – Староконстантинов – Каменец-Подольский. Каменец-Подольская область была оккупирована немецкими захватчиками 2 – 18 июля 1941 г. 19 июля враг занял Винницу, а до конца месяца – всю Виннитчину.

Кто не успел отойти, вынужден был оказаться под властью захватчиков, испытать ужас оккупации. Многим из них судилась судьба остарбайтеров. Но никто не хотел становиться ни рабом, ни предателем, ни послушным исполнителем чужой воли.

Реализации человеконенавистнических планов захватчиков

подоляне противопоставили *неподчинение*: скрытый и открытый саботаж, а позже – и вооруженную борьбу.

Нежелание украинцев ехать «в чужую страну и разлучиться со своими родными и Родиной», как докладывал из самого «Вервольфа» уже упоминавшийся начальник службы охранной группы «Восток» тайной полевой полиции унтерштурмфюрер СС К. Даннер, было действительно большим. Об этом идет речь в ряде других донесений гитлеровцев, в воспоминаниях и, в особенности, в фильтрационных делах остарбайтеров. Лишь в отдельных из них встречаем записи: «В Германию выехал добровольно». Преобладают другие формулировки: «Меня поймали...», «Меня арестовали...», «Меня отправили насильно...», «Под угрозой применения оружия вынужден был покориться...».

Это нежелание еще больше возросло, когда из Германии возвратились первые калеки, тяжело больные, пришли первые письма, из которых люди узнали о настоящих условиях жизни и труда тех, кто оказался далеко от дома в нацистском рабстве.

Сознавая, что их ждет на чужбине, тысячи молодых подолян старались избежать такой ужасной перспективы, не желали подвергать испытанию свою судьбу в неизвестных краях, откуда к ним пришла страшная беда.

Разумеется, была их тревога за неутешительное будущее, которое не обещало ничего хорошего, были понимание трагизма ситуации и даже естественный страх как проявление инстинкта самосохранения. Были нелегкие моральные раздумья по поводу своего места в жизни. Едва ли не каждому жителю Подолии, кто в силу трагических обстоятельств, которые сложились, оказался на оккупированной врагом территории, пришлось пройти через тяжелые *душевные муки*.

Едва ли не каждый, кто потенциально, хотя и не по собственной воле, мог пополнить ряды каторжан, создавал, что работать в Германии, – значит трудиться на врага, который пришел сюда не освободителем и спасителем, а грабителем и убийцей, укреплять его силы, и этим приближать трагическую развязку войны; значит, пусть и без оружия в руках, – выступить против своего народа, нести смерть родным: кто может дать гарантию, что изготовленная собственными руками пуля не убьет брата или отца, которые на фронте противостоят врагу, а бомба не упадет на дом, где осталась наедине с бедой мать? Это значит, что Родина, любить и защищать которую так

настойчиво призывала в предвоенные года советская пропаганда (и не без успеха), не может рассчитывать на тебя в такое тяжелое время (это самое страшное!), ощутить собственное бессилие перед действительностью, что, подобно петле, зажала со всех сторон, перечеркнула жизненные планы, которые еще недавно виделись совсем иными... Эти терзания души можно сравнить разве что с мучениями самой каторги.

Первейшим проявлением непокорности тысяч юношей и девушек, над которыми нависла угроза насильственного вывоза в Германию, было стремление где-то *спрятаться*, исчезнуть из поля зрения оккупантов и их прислужников.

«Весной и летом 1942 года из нашей местности стали массово насильно отправлять молодежь в Германию, ехать куда я категорически не хотела. От первых наборов мне удалось спрятаться. А вот в ноябре не посчастливилось. Я пришла домой, чтобы согреться, а ночью в хутор съехались барские полицаи. Они ворвались в дом, арестовали меня, загнали в Волковинцы на станцию и отправили товарняком в Германию." ⁷ (Из фильтрационного дела Н. В. Матвиенко, хутор Чемериский Барского района).

Валентине Вороновской из с. Синарной Ильинецкого района перепрятываться удавалось больше года. Столько же времени, несмотря на все старания, полицаи не могли поймать Петра Александровича из с. Семаков Жмеринского района. А вот Анастасии Душник и ее подругам (с. Дубина Комсомольского района) быть незамеченными посчастливилось всего месяц – вербовщики поймали их в поле в скирде соломы, где девчата оборудовали для себя тайное убежище.

Кое-кто старался пересидеть вербовку на чердаке, в погребе, хлеву, в тщательно замаскированной яме, других тайных местах. Причем это характерно не только для 1942 года, а и для последующих 1943, 1944 г., то есть всего периода оккупации.

О том, что количество лиц, которые прятались от каторги, было значительным, свидетельствует хотя бы такой пример. Не в силах физически напасть на след «саботажников», 16 мая 1943 г. оккупационные власти опубликовали в газете «Подольнин» поименный список жителей города Каменец-Подольского и Каменец-Подольского района, которым надлежало к 20 мая 1943 г. явиться в местную управу труда. В списке значилось 164 чел." ⁸

Использовались так называемые *легальные возможности*, то есть исключения, которые существовали в суровых правилах насильнической мобилизации.

Сперва немцы не брали людей семейных, полицаев. «Население использовало и это. Регистрировались преждевременные или фиктивные браки в возрасте 14 – 15 лет». ⁹

Девушки старались выйти замуж и забеременеть, так как в таком случае они освобождались от отправки. ¹⁰ Наконец, оккупационные власти начали вербовку молодых семей.

«Часть молодежи в возрасте 16 – 17 лет, спасаясь от вывоза в Германию, шла на службу в полицию и прочие немецкие учреждения. Однако вскоре и с этим немцы перестали считаться...». ¹¹

В отдельных случаях практиковался *откуп*. Но он был лишь временным гарантом от насильственной депортации.

«Староста села... три раза определял меня в Германию, однако отец меня выкупал, не знаю, то ли у врачей, то ли у полицаев. И четвертый раз меня староста определил... Отец уже был не в силах выкупить...». ¹² (Из фильтрационного дела Марии Устименко, с. Порубинцы Хмельникского района).

Среди других проявлений бойкота мероприятий оккупантов были *уклонение от повесток на биржу труда, утаивание своей специальности, избегание регистрации* и т. п. Постепенно в эту пассивную форму сопротивления втягивались не только те, кто подлежал мобилизации, а и их родители, родственники, друзья, знакомые, все, кому не была безразлична судьба молодежи.

Особенно массовым проявлением непокорности стали *побеги* – из-под стражи, из поездов, сборных пунктов и лагерей.

«...Когда начали определять, кого посылать на фашистскую каторгу, то староста Кметь Игнат в первом наборе определил меня, но я сбежал. И второй раз сбежал, а когда определили в третий раз, то пришел староста с полицияями, связали меня и забрали на станцию Хмельник, где посадили в товарный вагон и под стражей повезли в г. Найсе, оттуда на шахту города Гинденбург...». ¹³ (Из фильтрационного дела Михаила Рехлецкого, с. Соломирка Хмельникского района).

«...В июне месяце я была определена для отправки в Германию. Я сбежала. Потом еще трижды убегала и перепрыгивалась...». ¹⁴ (Из фильтрационного дела Веры Беды, с. Непедовка Казатинского района)...

«Бежать!» – стало лозунгом во всех населенных пунктах Подолии.¹⁵ Девять раз враги вывозили в Германию А. А. Будяка из села Воловодовцев Вороновицкого района.¹⁶ Но так и не довезли. Девять раз он бежал в дороге, зачастую освобождая из неволи по нескольку пленников... Непокорный подолянин лишь немного не дотянул до своеобразного рекорда полтавчанина Е. Чекая, который убежал с «транспорта» 12 раз.¹⁷

Чтобы не попасть в нацистское рабство, подоляне старались *раздобыть фальшивые справки о неудовлетворительном состоянии здоровья, сознательно расстраивали его, шли даже на намеренные увечья*. Так, «...гражданка с. Маниковец (Михалпольский район) О. О. Олейник, рождения 1924 года, в марте 1943 г. насильно была вывезена в городок Ярмолинцы для отправки в Германию. В Ярмолинцах содержалась под стражей на втором этаже дома. Не желая идти на каторгу, она выскочила из окна, поломала левую руку, вследствие чего осталась калекой. Гражданка Л. Л. Кисель из с. Маниковец, рождения 1925 года, подражая примеру вышеназванной, повредила себе правую ногу, и также осталась калекой...». ¹⁸

Кое-кто нарочно обливался кипятком, самозаражался сыпным тифом, малярией, туберкулезом, другими опасными инфекционными болезнями. Сегодня невозможно подсчитать, сколько людей умерло в мучениях, стараясь сделать себя непригодными для рейха. Одно неоспоримо – таких немало.

Итак:

- и в пору суровых испытаний Второй мировой войны подоляне не предали свой патриотизм, массово поднялись на защиту родной Отчизны;

- жители Подолья, которые вынужденно оказались на временно оккупированной территории, не пожелали стать рабами, послушными исполнителями чужой воли;

- насильственной депортации гитлеровцами мирного населения на нацистскую каторгу подоляне на первых порах противопоставили скрытый и открытый саботаж, основными формами которого были невыполнение распоряжений оккупационной власти, укрывание от врагов и их приспешников, бегство, раздобытие фальшивых справок о неудовлетворительном состоянии здоровья, преднамеренные увечья, а также использование легальных возможностей, которые разрешались правовыми нормами оккупационных властей.

-
- ¹ ГАХО, ф. Р – 484, оп. 1, д. 90, л. 40.
² ГАВО, ф. Р – 6011, оп. 1, д. 114, л. 2.
³ ГАВО, ф. П – 425, оп. 1, д. 1, л. 164.
⁴ Більшовицька правда (г. Вінниця). – 1941. – 24 июня.
⁵ Соціалістичне село (с. Солобковцы). – 1941. – 27 июня.
⁶ Шлях Жовтня (г. Шепетовка). – 1941. – 25 июня.
⁷ ГАВО, ф. Р – 6023, оп. 1, д. 5165, л. 1 об.
⁸ Подолянин. – 1943. – 16 мая.
⁹ ЦГАОО Украины, ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 14.
¹⁰ ЦГАВОВУ Украины, ф. 3206, оп. 2, д. 6, л. 41 - 42.
¹¹ ЦГАОО Украины, ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 14.
¹² ГАВО, ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4359, л. 3.
¹³ ГАВО, ф. Р – 6023, оп. 1, д. 6640, л. 2.
¹⁴ ГАВО, ф. Р – 6023, оп. 1, д. 33759, л. 1.
¹⁵ ГАВО, ф. П – 425, оп. 1, д. 302, л. 12.
¹⁶ ГАВО, ф. П – 425, оп. 1, д. 9, л. 33.
¹⁷ Безсмертя... - С. 216.
¹⁸ ГАХО, ф. Р – 863, оп. 2, д. 38, л. 20.

4.2. Борьба партийно-комсомольского подполья и красных партизан против осуществления оккупантами массовой депортации населения Подолии

Чаще всего молодежь бежала в леса, где заявляли о себе красные партизаны, становилась на путь открытой вооруженной борьбы с врагом, шла в партийно-комсомольское патристическое подполье. Тот же А. А. Будяк принимал самое активное участие в деятельности Ободнянской подпольной группы (Немировский район), а в мае 1943 года стал бойцом партизанского отряда "За Родину" второй партизанской бригады им. Сталина.

С нашествием гитлеровцев на подольскую землю юноши и девушки с Слободища Ильинецкого района создали подпольную комсомольско-молодежную организацию «Непокоренная юность». Как вспоминает бывший ее член Э. Дубина, организация была довольно деятельной. «Весной 1942 года, когда

немцы стали выгонять на каторгу молодежь, мы начали распространять листовки с призывом не ехать в Германию. Мне лично пришлось совершать побег вместе с Ковальчуком Трофимом из вагона возле станции Славута... Пять суток мы добирались до своего села. В период оккупации это было очень тяжело. Наш побег сыграл положительную роль. После него много кто уклонился от поездки в Германию и начал борьбу с врагами...». ¹

Стал после побега из поезда партизаном отряда им. Щорса житель с. Талалаев Погребищенского района А. М. Гарнага... В ряды подпольщиков, народных мстителей влились сотни его ровесников, которые не пожелали быть «свободными русскими рабочими» на каторжных работах в нацистской Германии. Причем это явление приобрело повсеместный и массовый характер. Вот почему *гитлеровцы, вывозя из Украины все боееспособное население, стремились не только пополнить огромный недостаток рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве Германии, но и лишить его возможности вести активную освободительную борьбу.*

Такое настроение молодежи, как отмечал унтерштурмфюрер СС К. Даннер в сообщении от 27.05.1943 г. начальнику личной охраны А. Гитлера И. Раттенхуберу, активно пытались использовать «украинские коммунисты и бандеровцы. Эти обе... партии призывали молодых мужчин взяться за оружие и перейти к ним, но ни в коем случае не ехать в Германию». ²

Довольно важная информация помещена в дальнейшем тексте процитированного документа (из *коллекции материалов «Вервольфа»*): «...Этими днями со своими служащими по этому вопросу я провел совещание, а также обсудил это обстоятельство с начальником охранной полиции и СД в г. Виннице господином унтерштурмбанфюрером Меритенсом. Меритенс также получил известие, что в настоящее время оживленно действует среди населения пропагандистская деятельность обеих вышеназванных политических партий.

За то время, пока мы обсуждали этот вопрос, 10 % работоспособного населения не выполнило приказ выехать на работу в Германию, а перешло к партизанам.

Ввиду усиленного перехода населения к партизанам, партизанское население тоже усилится и еще больше оживится деятельность бандитских групп...

По установленным данным и сообщениям из СД г. Винницы,

в 20 км от сооружения «Вервольф» бандиты совершают налеты с целью завладеть оружием, продуктами питания, одеждой. Бандитские группы действуют также и в районе Янова, Турбова, Медведки, Калиновки». ³

Кроме неординарной информации о настроении населения, документ освещает еще две существенные детали.

Первое: *существование партизанского движения* даже там, где теоретически оно было невозможным, а именно в *Северной Виннитчине*.

Этот уголок на захваченных гитлеровцами восточных территориях после размещения здесь ставок Гитлера и Геринга стал особой зоной, а порядки установленного в ней нацистского оккупационного режима, без преувеличения, – эталонными. Вся местность была буквально напигована войсками вермахта, частями тайной полевой полиции, СС, СД, украинской вспомогательной полиции, другими подразделениями коллаборационистов. Каждая силовая структура, кроме открытого или скрытого грабежа при первой же возможности, а то и беспричинно, применяла против местного населения «метод запугивания», что на практике означало неистовый террор, откровенный геноцид. Кроме того, в селах Гущинцы и Вороновица существовали специальные шпионские школы, целью которых была борьба с патриотически настроенными подолянами. Исключительная насыщенность вражеских вооруженных формирований, проводимые ими постоянные карательные мероприятия были довольно серьезным препятствием для создания в данном регионе партизанских отрядов, сети патриотического подполья.

И все же, несмотря на крайнюю сложность реальных обстоятельств, стихийно или организовано, они возникали. При таких условиях участникам подполья и партизанам приходилось очень нелегко. Вследствие недостатка опыта борьбы, оружия, проникновения в их ряды предателей, провокаторов, агентов гестапо подоляне-патриоты часто несли тяжелые потери. Так, только летом 1942 г. в Виннице оккупанты замучили 300 подпольщиков. В том же и в следующем 1943 году были разгромлены Винницкий подпольный центр во главе с И. В. Бевзом, удостоенным посмертно звания Героя Советского Союза, Комаровецкая подпольная организация «За социалистическую Отчизну» Винницкого района, Калиновская подпольная организация, Немировская, Погребищенская, Ситковецкая, Кибличе-

ская (Гайсинский район), Бродецко-Комсомольская (Комсомольский район), Берестовская (Липовецкий район), Кировская и Новогребельская (Турбовский район), Сальницкая (Улановский район) подпольные группы, подпольная организация с. Белки Дашевского района и др. В неравных боях с врагом гибли небольшие партизанские отряды. Но на место павших становились новые борцы. Борьба продолжалась, что невольно подтверждает сам начальник службы охранной группы «Восток» тайной полевой полиции. Даже вблизи от самого «Вервольфа»...

Второе: *неподготовленность Советского государства к партизанским действиям и подпольной борьбе на случай военных неудач.*

Она была следствием неоправдавшейся стратегической концепции войны на чужой территории и победы «малой кровью и с минимальной затратой сил и средств», принятой Сталиным и его ближайшим окружением во второй половине 30-х годов. Целиком очевидно, что высшее руководство страны накануне гитлеровского нашествия находилось в плену иллюзий относительно настоящей силы и использования «непобедимой Красной Армии», полностью исключало ее отступление, даже локальное поражение. А раз так, то партизанская борьба считалась нецелесообразной, даже просто вредной. Исходя из этой мифической концепции, которая абсолютно не отражала реальное положение вещей, не учитывала фактического соотношения сил и возможностей сторон в случае реального военного конфликта с нацистской Германией, сталинское руководство не предприняло далеко идущих предупредительных мер.

Само слово «партизанщина» стало накануне войны синонимом неорганизованности или даже измены. Работы военных специалистов, в которых рассматривались проблемы «особых форм борьбы», расценивались как пораженческие.

«Если бы даже 20 июня 1941 г., – отмечал позже Тимофей Строкач (в июне 1942 г. назначенный начальником Украинского штаба партизанского движения), – кто-то заикнулся о том, что подпольную борьбу в случае нападения гитлеровской Германии придется вести в Украине, Белоруссии, советских прибалтийских республиках, под Смоленском, его бы назвали паникером... Наш народ не был морально подготовлен к возможным поражениям на фронте, к возможной тяжелой войне, к

возможной нелегкой подпольной подрывной работе в тылу врага, что требовало специального обучения». ⁴

Подозрительность, порожденная страхом, что повсюду наравне с «армейским заговором» существует хорошо законспирированная вооруженная сеть «врагов народа», которые стремятся, особенно на Украине, свергнуть сталинский режим, вынудила Сталина вообще положить конец созданию партизанских сил в канун войны. В 1937 – 1938 гг. был прекращен подбор и обучение партизанских и подпольных кадров для возможной борьбы в тылу врага, тысячи руководителей и рядовых участников этой работы были репрессированы, подверглись истязаниям. Были свернуты разработка, производство и испытание технических средств специального назначения. Но, что самое главное, не были заложены в пограничных регионах, в том числе и на Подолии, специальные базы и хранилища с оружием, запасами продовольствия и специальной амуницией на случай ведения партизанской борьбы. Их отсутствие первыми очень остро ощутили солдаты и офицеры-красноармейцы, которые попали в окружение и были вынуждены голодными, без боеприпасов пробиваться к линии фронта.

Острый недостаток оружия крайне отрицательно сказался на деятельности и существовании первых партизанских отрядов и групп. Но надлежащие выводы не были сделаны. Даже позже партийное руководство, наркомат НКВД, армейское командование ориентировали партизанских командиров на пополнение боеприпасов и вооружения лишь за счет трофеев. Поэтому и вынуждены они были, как писал К. Даннер, осуществлять «нападения с целью завладеть оружием, продуктами питания, одеждой», что приводило к возрастанию количества неоправданных жертв, отвлекало от основного в партизанской борьбе – максимальной дезорганизации вражеского тыла.

Это касается не только партизан Виннитчины, а и народных мстителей Каменец-Подольщины, где условия для развертывания всенародной борьбы в связи с наличием стратегически важных транспортных коммуникаций в этом регионе и обусловленной этим значительной концентрацией вражеских гарнизонов, были не легче. «Так, в Шепетовке гарнизоны противника по численности не бывали меньше 5 тыс. чел. В Славуте, Кривине, Остроге, Шумском, Плужном, Изяславе также стояли крупные немецкие гарнизоны. К этому еще следует прибавить венгерские части, которые охраняли железные дороги, а также

крупные казачьи и полицейские гарнизоны. Большая концентрация противника представляла собой постоянную угрозу для партизанских отрядов...». ⁵

На первом этапе народного сопротивления в тылу врага, да и не только тогда, основные силы мужественных сынов и дочерей Подолья сосредотачивались в патриотическом подполье. Подпольщики учились конспирации, собирали медикаменты, организовывали побеги военнопленных, перепрягивали их от кровавой расправы, с большим риском для жизни добывали оружие, осуществляли отдельные террористические акты, изготавливали и распространяли листовки, доносили до людей информацию о действительном положении на фронтах.

Важным аспектом их деятельности (причем на протяжении всего периода оккупации) было *противодействие* преступному вывозу гитлеровцами мирного населения на нацистскую каторгу.

Не имея возможности переговорить с каждым юношей или девушкой в отдельности, подпольщики через листовки обращались ко всем, над кем нависла опасность быть завербованным, с правдивым словом, призывом не слушать гитлеровских прислужников и не попадать в лапы нацистских зверей.

«Братья и сестры! – обращались подпольщики из Вороновицы. – Не едьте в Германию. наших людей там держат за животных. Ночуют наши люди в хлеву под открытым небом, кормят их вареными листьями, хлеб пекут из деревянных опилок, и то дают не ежедневно, а когда немцам вздумается. Больному никакого лечения не оказывают. Он валяется в хлеву, пока от холода и голода не умрет. Ежедневно тысячами мрет наш народ в Германии. Девчат наших немцы насилуют, а ребят за наименьшую провину вешают.

Беглецы из немецкой неволи

Панасюк М. Р., Гай О. С., Драч Я. В.» ⁶

«...Перед своей неминуемой смертью фашистская гадина хочет уничтожить украинский народ голодом и террором, – заявляли проскуровские патриоты. – В своей предсмертной агонии гитлеровцы поспешно вывозят вас в Германию для постепенного уничтожения непосильным трудом и голодом.

Мы призываем вас – не едьте в Германию, саботируйте все мероприятия немецкой власти...

Вооружайтесь, товарищи! Объединяйтесь в партизанские отряды!..» ⁷

К молодежи Подолии обращались каменец-подольские подпольщики:

«Молодые советские патриоты!

Немецко-фашистские захватчики на фронтах терпят поражение за поражением. Каждый день они теряют тысячи и десятки тысяч убитыми и ранеными. Для пополнения своих потерь Гитлер объявил тотальную мобилизацию, мобилизовав на фронт инвалидов и стариков. Гитлер забирает в армию и рабочих из военной промышленности, а на их место гонят советскую молодежь.

Товарищи! Вас насильно хотят забрать, чтобы вы там в каторжных условиях изготавливали оружие против своих отцов, братьев, сестер – против Советской Отчизны.

Ни один человек не должен поехать в немецкое рабство!

Смерть немецким захватчикам!». ⁸

Следует сказать, что такие обращения подпольщиков имели надлежущий эффект. Молодежь действительно задумывалась над своим местом в жизни, становилась на путь неподчинения.

Наряду с печатным использовалось и *живое слово*. Так, подпольщики из Барского района «...выезжали в села, где тайно собирали небольшие группы людей и вели с ними беседы... В результате проведенной работы в ряде сел люди открыто выступали против направления молодежи в Германию. В селе Борщи тов. Гапонов в присутствии большого количества местного населения агитировал не посылать молодежь в Германию, за что был схвачен жандармами и расстрелян». ⁹

Благодаря своевременно донесенной правде от каторги были спасены многие подоляне, особенно из чила тех, которые были склонны поверить коварной вражеской пропаганде.

Еще более убедительной представляется деятельность подпольщиков по обеспечению значительного количества подольской молодежи *фальшивыми справками о действительном состоянии здоровья*, которые помогли многим юношам и девушкам избежать нацистского рабства. Прежде всего, здесь настоящий подвиг совершили подпольщики-медики.

Особо следует отметить патриотическую деятельность врача Андрея Алексеевича Ровникова и его жены Нины Николаевны из подпольной организации с. Пикова Калиновского района. Они активно саботировали мероприятия оккупантов по отправке людей в Германию, объявляя искусственные карантинные и оформляя разнообразные справки об инфекционных

заболеваниях. Кроме того, супруги Ровниковы систематически снабжали медикаментами партизан. В январе 1944 года оккупантам удалось выявить их принадлежность к партийному подполью. Андрей Алексеевич и Нина Николаевна были арестованы гитлеровцами и расстреляны.¹⁰

То же можно сказать и о руководителе Цибулевской подпольной организации Монастырищенского района враче-коммунисте Б. М. Марковиче и военном враче В. С. Устинове. Вырвавшись из Уманского лагеря военнопленных и организовав подпольную организацию, они выдали многим цибулевчанам медицинские справки о непригодности к физической работе, чем уберегли их от насильственного вывоза в Германию. А вот самому Б. М. Марковичу уберечься не удалось. 7 декабря 1942 года он был арестован нацистами и на следующий день зверски замучен.¹¹

Свыше 1000 чел. освободили от изгнания в Германию врачи-подпольщики Литинского района.¹²

600 справок об освобождении от работы в рейхе выдано Проскуровской подпольно-партизанской организацией.¹³ 61 человека удалось освободить от нацистского рабства по фальшивым справкам в Меджибожском районе.¹⁴

Использовались и другие методы. Так, руководитель барского подполья А. С. Колос, который легально работал в местной районной потребительской кооперации и был вне подозрения у гитлеровцев (даже награжден их медалью), с целью сохранения хотя бы части молодежи от вывоза в рабство, сумел официально направить свыше 100 юношей и девушек на местные торфоразработки, что в конечном счете не принесло захватчикам никакой экономической выгоды. Другой подпольщик из этого же района, лесничий С. В. Коваль, преследуя аналогичную цель, забрал из агрошколы как практикантов 25 учеников, чем тоже защитил их от вывоза в Германию.¹⁵

Зная продажность и падкость на деньги большинства полицейских, применялся их *подкуп*. Правда, финансовые возможности из-за тотального ограбления населения были довольно ограниченными. Но все же известны случаи, когда за полученную взятку полиция выпускали из вагонов группы невольников по 14 – 20 чел. в Плискове, на станции Липовец.¹⁶

Барские подпольщики подкупали медицинские комиссии, чтобы те выдавали больше отрицательных справок.¹⁷

Не упускали подпольщики также возможности *освободить*

из неволи тех несчастных соотечественников, которые уже попали в руки вербовщиков. На ходу поезда они сбивали замки у вагонов с пленниками, тем самым создавая условия для их массового бегства. Этим, в частности, неоднократно занимались подпольные группы А. В. Евтушенко и М. М. Павлишина (г. Винница). Освобождение людей от рабства имело место в Дашевском, Литинском, Немировском, Калиновском, многих других районах Виннитчины.¹⁸

В Самгородоцком районе подпольщики предупреждали старост, чтобы те приготовили себе доски на гроб, если будут отправлять молодежь в Германию. Угроза помогала... А Хмельникская подпольная организация осуществила *вооруженное нападение* на полицейскую охрану, освободив тем самым от принудительной депортации в нацистский рейх свыше 200 чел.¹⁹

Аналогичная операция и в активе подпольщиков с. Михайловки Гайсинского района, только более масштабная. В мае 1943 года они вместе с партизанами напали на местный лагерь военнопленных. Во время стычки был уничтожен немецкий комендант, разоружен 21 полицейский. Но самое главное – вырвались на волю все, кто томился здесь за колючей проволокой.²⁰

Значительно *шире были возможности у партизан* (их появление знаменовало уже второй этап народного сопротивления во вражеском тылу). Осуществляя диверсии на железных дорогах, громя вражеские гарнизоны и физически уничтожая оккупантов, они в то же время не забывали о тех, кому угрожал вывоз на немецкую каторгу. Так, в июне 1942 г. один из партизанских отрядов, который дислоцировался в лесах Оратовского района, напав на вооруженных жандармов и шуцманов, освободил согнанных для отправки в Германию юношей и девушек с. Подвысокого этого же района.²¹

Две блестящих операции по освобождению пленников, которые для отправки на каторгу были собраны на Соболевском сборном пункте (Теплицкий район), осуществили партизаны партизанской бригады им. Сталина под непосредственным руководством ее командира А. Г. Кондратюка. В сентябре 1942 года они уничтожили охрану концентрационного пункта и возвратили в отчий дом свыше 200 невольников.

Еще удачней была вторая операция. Тогда, 24 февраля 1943 года, они убили 3-х немцев, разоружили 45 полицейских и освободили от вывоза в нацистское рабство 1650 чел.²²

1250 чел., освобожденных от немецкой каторги, на счету

партизанского отряда им. Ленина (позже соединение им. Сталина) под командованием В. М. Слюсаренко.²³ 10533 чел. не позволили гитлеровцам вывезти в рейх для пополнения рабочей силы бойцы партизанской кавалерийской бригады им. Ленина (командир М. И. Владимиров) Винницкого партизанского соединения под командованием полковника Я. И. Мельника.²⁴

Еще одно партизанское соединение – им. Хрущева совместно с партизанским отрядом «Красный» 16 марта 1944 г. на территории Шаргородского района отбило у немецкого конвоя 914 чел. военнопленных и мирных жителей Хмельницкого, Улановского, Литинского районов, которых гитлеровцы гнали с Подолии на каторгу.²⁵

Всего же подпольщики и партизаны Винницкой области помогли спастись от вывоза в Германию и уничтожения примерно 49 тысячам советских граждан.²⁶

Разумеется, этим важным вопросом занимались и народные мстители Каменец-Подольщины. Так, только партизанским соединением под командованием А. З. Одухи, за голову которого оккупанты обещали целое имение, было освобождено от вывоза на нацистскую каторгу 629 подолян, а Проскуровской подпольно-партизанской организацией – более 1000. В частности, диверсионная группа проскуровчан под командованием М. А. Храновского в августе 1942 г., завалив железнодорожный путь спиленными телеграфными столбами, остановила возле станции Наркевичи поезд, уничтожила охрану эшелона и освободила из неволи всех людей...²⁷

Как упоминалось, немалую роль в вербовке рабочей силы для потребностей милитаристской экономики рейха играли местные старосты. Чтобы посеять среди них страх, к минимуму свести их лакейство перед оккупантами, наказать за преступления перед своим народом, осенью 1943 г. боевой группой партизанского соединения им. Сталина (командир А. Г. Кондрачук) был осуществлен ряд актов расплаты над гитлеровскими прислужниками в Липовецком районе. В частности, расстреляны районный староста, заместитель старосты с. Брицкого, старосты сел Трощи, Ясенков, Королевки, Александровки, Лукашовой, Берестивки.²⁸

В с. Кульчин Каменец-Подольской области местный староста на вопрос красного партизана, переодетого шуцманом, что он будет делать с теми, кто станет уклоняться от отправки в Германию, сказал: «Привяжу веревкой и поташу в жандар-

мерию». Так с ним вскоре и поступили партизаны Каменец-Подольского соединения под командованием С. О. Алексенко: на веревке притащили в Кульчинский лес и предали смертной казни.²⁹ Этот поступок стал поучительным для других предателей.

Успешно действовали партизаны, применяя не только оружие. *Не менее действенным было их убедительное слово.* Его несли в массы, используя любую возможность. Так, по неполным данным, партизанскими агитаторами и партработниками отрядов партизанской кавалерийской бригады им. Ленина (командир М. И. Владимиров) проведено свыше 3250 бесед и собраний в 28 районах Винницкой области.³⁰

Аналогичная работа проводилась и в западном регионе Подолья.

«Нас было много, и где бы мы ни находились, – говорилось в отчете Каменец-Подольского обкома партии, – мы всегда проводили беседы среди населения и распространяли правду с «Большой земли». К партизану, который пришел в село и не принес листовки или не рассказал о положении на фронтах Отечественной войны, о жизни на «Большой земле», население относилось с недоверием... Поэтому, идя в разведку, разведчик почти всегда берет с собой листовку, расспрашивает политрука о положении на фронтах и о других новостях».³¹

Распространялись среди населения партизанские газеты, другая печатная продукция, которые несли людям правду, призывали к борьбе с кровавыми поработителями.

«Товарищи! Скоро будет два года, как фашистская армия вторглась на землю нашей Родины. Гитлеровцы, используя временное пребывание на нашей территории, пытаются всеми средствами уничтожить наши богатства, а также вывозить наших людей на каторжный труд в Германию, – читаем, например, в листовке партизанского отряда им. Боженко (Каменец-Подольская область). – Немцы кормят свою звериную армию нашим хлебом и мясом, а все население хотят сделать рабами. Изгнанную в Германию молодежь используют на тяжелейших работах и кормят ее каштановой корой и брюквой. Поэтому большое количество нашей молодежи погибло в Германии от голода. Мало того, что немцы вывезли молодежь в Германию, они вывозят детей 10 – 14 лет.

Товарищи! Наша Красная Армия гонит фашистские войска, а они, отступая, кричат, что планово сокращают фронт.

Красная Армия освободила высокоурожайные донские степи, угольный Донбасс. Приближается время нашей победы. Берите оружие в руки и бейте немцев. Не отдавайте своих детей в Германию, так как вы их никогда не увидите, не давайте немцам хлеба, которого вы сами не едите.

К борьбе – вперед!». ³²

И население Подолии массово поднималось на борьбу. Саботировало распоряжения оккупационной власти, рискуя жизнью, чем могло, помогало партизанам, пополняло их ряды. Это вызывало страх и растерянность у оккупантов.

Вот строки из немецкого документа от 30 апреля 1943 г., где речь идет об обстановке в генеральном комиссариате «Волынь-Подолье»:

«[...] Работа административных органов управления за отчетный период существенно усложнилась, так как во много раз увеличилось число партизанских отрядов, деятельность партизан распространилась на новые районы. В связи с тем, что административные органы управления не обладали достаточной исполнительной властью, то временно их пришлось упразднить. В районах генерального комиссариата, в которых активно действуют партизаны, к которым теперь за исключением южных и центральных районов Каменец-Подольской области относятся все остальные районы..., нельзя больше даже говорить о каком-нибудь планомерном управлении ими, так как большие районы, особенно в Подольской области... постоянно или хотя бы временно контролируются партизанами. В связи с этим, деятельность генерального комиссариата распространяется только на половину, даже на одну треть территории генерального комиссариата, а может быть и на меньшую часть его. Партизаны уничтожили все дела многих районных и сельских административных органов, при этом они уничтожили также помещения административных органов со всем оборудованием... Никакие временные полумеры не смогут улучшить обстановку в этих районах, наоборот, возникает очень серьезная опасность того, что весь аппарат управления гражданских административных органов в генеральном комиссариате полностью развалится...». ³³

Вследствие возрастающей активности партизан в мае 1943 года в Волынской, Каменец-Подольской и Житомирской областях, «то есть на территории 145308 кв. км. (42,8 % территории рейхскомиссариата «Украина») немцы полностью утра-

тили 32 % пахотных земель, 17 % производства хлеба, 33 % рогатого скота, 28 % свиней, 52 % овец, 26 % молока, 18 % яиц. Другие поставки также не были регулярными». ³⁴

По этой причине оккупанты столкнулись и с другой крайне нежелательной для них проблемой: «...*В связи с усилением активности бандитов... вербовка рабочей силы для отправки в рейх очень затруднена или почти совсем невозможна. Условием успешной вербовки рабочей силы для отправки в рейх в районах активной деятельности бандитов есть выделение больших сил полиции*». ³⁵

Так в лице партизанского движения гитлеровцы получили реальный второй фронт... В том числе и на Подолии.

Возрастающее количество партизан и подпольщиков кроме страха и растерянности вызывало у оккупантов также неистовую злость, звериную жестокость. Для них ненавистным стало даже самое слово «партизаны». 31 июля 1942 г. рейхсфюрер СС Гиммлер приказал больше не употреблять этот термин «по психологическим причинам», а также потому, что его прославляли большевики. Данное распоряжение было передано руководству полиции и СД Востока приказом № 24 за 13 августа 1942 года. В нем подчеркивалось, что партизаны – это не солдаты, а бандиты. ³⁶

Главнокомандующий вермахта в Украине также приказал (17 августа 1942 г.) вместо термина «партизаны» употреблять термины «бандиты», «банды», «группа большевистских бандитов» и др. ³⁷

18 августа 1942 года А. Гитлер, находясь в ставке «Вервольф», отдал приказ принять самые решительные меры против «бандитов» и полностью уничтожить эту опасность к зиме. Учитывая волю фюрера, А. Розенберг в письме от 23 августа рейхскомиссариатам «Остланд» и «Украина» рекомендовал усилить репрессивные меры против всех тех, кто помогает «бандитам». Кроме того, он предлагал предоставлять «щедрое вознаграждение» тем, кто будет помогать бороться с партизанами.

Опережая данные инструкции А. Розенберга, главнокомандующий вермахта на Украине и рейхскомиссар Э. Кох в афишах, которые появились еще 5 июля 1942 г., обещали каждому, кто поможет своими сведениями схватить «члена банды», саботажника или сбежавшего военнопленного, на выбор, воз-

награждение в 1000 рублей, право первому получать продовольствие или надел земли.³⁸

Кроме сладких обещаний для простаков, для борьбы с народными мстителями гитлеровцы применили серьезную силу – уже летом 1942 г. они сняли с фронта и перебросили в рейхскомиссариаты «Украина» и «Остланд» пять дивизий.

Но этого оказалось мало, а потому в приказе от 18 октября 1942 г., подписанном в ставке фюрера под Винницей, А. Гитлер требовал, чтобы борьба с партизанами была усилена и стала более жестокой. «Потому что во всех районах Востока война против партизан – это борьба за полное уничтожение одной или другой стороны», – подчеркивал он. А 16 декабря того же года фюрер приказал «безжалостно» действовать и против женщин и детей.³⁹

Вот почему нацисты и их прислужники с особой жестокостью относились к каждому плененному народному мстителю: не только к мужчинам или женщинам, юношам или девушкам, но и к детям, которые выполняли в партизанских отрядах обязанности разведчиков, связных, а то и бойцов, как, например, отважный пионер Валентин Котик из с. Хмелевки Шепетовского района, которому за проявленные мужество и героизм посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот как, скажем, враги расправились с юным разведчиком Степаном Чернобаем.

19 декабря 1943 г. в с. Лысая Гора Липовецкого района раненым он попал в плен. На бывшем колхозном дворе ему сразу же учинили допрос. Однако подросток не ответил ни на один вопрос. Тогда ему начали ломать пальцы на руках, вырезали на спине звезду, выкололи глаза, разрезали живот и стали палками вытаскивать кишки. Напоследок палачи отрезали еще и язык и приколотили тело партизана к земле штыком.⁴⁰

Зверски был замучен немцами связной антифашистской подпольной группы с. Игнатовки Гайсинского района пионер Вася Бабий. Расстрелян гестаповцами после жестоких пыток в Винницкой тюрьме родной брат комиссара партизанского отряда им. Ленина Героя Советского Союза П. К. Волынца (Калиновский район) пионер-партизан Алексей Волынец. Расстреляны румынскими жандармами в с. Печере члены подпольной разведывательной молодежной группы Шпиковского района пионеры Аня Лукошко, Вася Нарядчук, Михайлик Казачко...

Без всякой жалости нацистские каратели *уничтожали пар-*

тизанские села, а вместе с ними их жителей – женщин, детей, стариков. Всего на Подолии трагическая судьба белорусской Хатыни и украинских Кортелесов постигла 43 населенных пункта [Винницкая область: с. Сталинка (Бершадский район), с. Марьяновка (Брацлавский район), с.с. Пархомовка, Криштоповка, Чортория, Шабельня (Дашевский район), с. Василевка (Ильинецкий район), с.с. Брусленов, Пеньковка, Супрунов, Яцковцы (Литинский район), с. Павловка (Ободовский район), с. Митлинцы (Ситковецкий район), с.с. Майдан-Бобрик, Матяшовка, Уладовка (Хмельникский район); Каменец-Подольская область: с. Синютки (Белогорский район), с. Каневка (Волочиский район), с.с. Белиженцы, Васильковцы, Дворец, Комыны, Клубовка, Лютарка, Михля, Михнов, Покощивка, Сошне (Изяславский район), Белецке, Буртин, Воробиевка, Кустовцы, Онацьковцы (Полонский район), Белотын, Большая Гнойница (Плужнянский район), Волица, Голики, Губельцы, Миньковцы, Сельце, Хоровица (Славутский район), с. Семаки (Староконстантиновский район), с. Караина (Теофипольский район)].

Нередко каратели расправлялись с семьями партизан и подпольщиков. Были, например, арестованы все семьи подпольщиков с. Подвысокого Оратовского района, сожжены их дома, а имущество – разграблено.⁴¹ В марте 1943 г. расстреляны 17 родственников партизан и подпольщиков с. Зятковец Гайсинского района.⁴²

Широко применялись и другие методы расправ над населением и его запугивания. Так, несколько дней немецкие жандармы возили по селам Турбовского района взятого в плен члена партизанской группы им. Чапаева жителя села Новая Гребля этого же района П. И. Рябокonia, представляя его населению как «бандита», а затем после нечеловеческих истязаний привселюдно казнили.

Наказывали подолян и *штрафами*. 6 июня 1942 г. Антонинский гебитскомиссар, в частности, издал распоряжение такого содержания:

«Во время вербовки рабочей силы на работу в Германию было подождено хозяйство старосты с. Большая Медведовка. Староста понес убыток в сумме 5 тысяч рублей.

Округкомиссариатом определено, что поскольку преступник не пойман, сумму в 5 тысяч рублей должны уплатить все крестьяне с. Большая Медведовка на протяжении одного месяца с 1 июля по 1 августа 1942 года.

...Предупреждаю всех крестьян с. Большая Медведовка, что за наименьший поступок в селе, а в особенности против старосты, который выполняет задачи немецкой власти, – все село понесет наказание...». ⁴³

Но особенно безжалостным было «заложничество». Сущность его состояла в том, что нацисты заранее самовольно объявляли определенное количество людей заложниками, которых немедленно расстреливали при проявлении даже наименьшего сопротивления «новому порядку» на территории данного населенного пункта или его окраинах, хотя эти люди не имели никакой причастности к случившемуся «инциденту». Таким образом были лишены жизни многие тысячи невинных поляков.

8 июля 1943 г. захватчики применили еще одно «нововведение». Тогда вышел приказ Объединенного командования вермахта, в котором шла речь о том, что лица мужского пола в возрасте от 16 до 55 лет, *задержанные во время операций против партизан* в районах боевых действий и дислокации военных частей в рейхскомиссариатах, *объявлялись военнопленными*. Их направляли в лагеря для военнопленных, а отсюда вывозили на принудительные работы в Германию.

С начала осени того же года партизанские районы нацисты стали называть военными зонами. Так, в приказе уполномоченного фюрера по борьбе с партизанами обергруппенфюрера СС и генерала полиции фон Баха высшим начальникам СС и полиции о захвате в ходе операций против партизан рабочей силы для германской военной и пищевой промышленности, подписанном 1 сентября 1943 г., подчеркивалось, что

«...Районы, зараженные бандитской деятельностью, объявляются военными зонами и подлежат эвакуации.

Все трудоспособные мужчины этих районов в возрасте от 16 до 55 лет должны рассматриваться как военнопленные и немедленно отправляться в рейх. Мужское население до 16 лет и старше 55 лет, а также всех трудоспособных женщин направлять в лагеря для гражданского населения Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, откуда их также без промедления направлять в рейх...». ⁴⁴

То есть предполагалась расправа над всем без исключения населением партизанских районов.

Применение жестоких карательных акций, такие же бесчеловечные методы вербовки, другие многочисленные проявле-

ния геноцида вызвали мощное противодействие, что серьезно обеспокоило самих захватчиков. Так, на совещании руководителей отделов разведки и контрразведки при генерал-комиссарах, которое состоялось в Ровно, признавалось, что такие «акции могут настолько сильно повлиять на население соседних сел, что оно от страха станет на сторону банд. Это же касается и работы комиссий по вербовке в Германию. Они не должны усердствовать, иначе банды будут получать все большее пополнение за счет местного населения». ⁴⁵

«...Даже среди представителей фашистского государственного аппарата... стали слышаться голоса, которые требовали изменения способа набора рабочей силы и улучшения положения «восточных рабочих»... Типичные по поводу этого опасения высказаны Бройтигамом (уполномоченным Розенберга в штабе группы армий «А»): что продолжение подобной практики и методов может иметь опасные следствия и привести к такой ситуации, когда из-за чрезмерного роста партизанского движения Украина... перестанет быть поставщиком продовольствия». Это, по словам высокопоставленного немецкого чиновника, приведет к параличу снабжения армии, положение которой «станет критическим», из-за чего «возникнет опасность военного поражения Германии». ⁴⁶

Однако эти невторостепенные предостережения не были приняты во внимание. А потому бывший руководитель военной промышленности нацистского рейха А. Шпеер был вынужден позже констатировать в своих мемуарах:

«Гитлер абсолютно напрасно возлагал свои надежды на 250 миллионов жителей оккупированных территорий. Они не оправдались как из-за слабости тамошней немецкой администрации, так и по причине того, что *местное население предпочитало уходить в лес к партизанам, нежели соглашаться на депортацию в Германию*». ⁴⁷

Патриотическое подполье, партизанские отряды возникали многими способами. Нередко *инициаторами их создания были солдаты или офицеры Красной Армии*, которые, не сумев выйти из окружения, не пожелали сдаться врагу, или же те, которым посчастливилось вырваться из концлагерей, а также патриотически настроенное местное население. Но, пожалуй, самую важную «...роль в организации советского сопротивления, – как признает западный историк В. Косик, – сыграла *Коммунистическая партия*. Постепенно была восстановлена доволь-

но значительная подпольная партийная сеть, и *партия стала основным организатором партизанских групп*». ⁴⁸

Так, только на Винниччине в годы Великой Отечественной войны действовали «2 обкома, 4 межрайкома, 15 райкомов партии, 2 районных партийных организации, 2 партцентра». ⁴⁹ В значительной степени благодаря их деятельности и влиянию в партизанское движение в области в общей сложности было вовлечено 8510 чел. Более четырех тысяч патриотов боролись в большевистско-комсомольском подполье. Всего же участников партизанского движения, подполья и других форм борьбы насчитывается свыше 18 тыс. чел., в т. ч. почти 2300 коммунистов и 2500 комсомольцев. В области в разное время действовало 6 партизанских соединений, 36 отрядов, 8 партизанских и 210 подпольных групп. ⁵⁰

Два подпольных обкома, 10 райкомов, горком и окружком партии действовали на Каменец-Подольщине. В области боролись с врагом 5 партизанских соединений, 43 партизанских отряда и группы, 177 подпольных организаций и групп. Одних народных мстителей насчитывалось свыше 11 тысяч человек. ⁵¹

Кроме того, через территорию Подолии осуществляли рейды партизанские соединения М. И. Наумова, С. А. Ковпака, первое молдавское соединение под командованием полковника Мухина.

Благодаря усилиям подпольщиков и красных партизан десятки тысяч подолян не были вывезены оккупантами в Германию в нацистское рабство.

Как видим, вывозя из Украины (Подолии) население, способное держать в руках оружие, гитлеровцы, кроме ликвидации острого дефицита рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве Германии, преследовали еще одну стратегическую цель – лишить поработенный народ возможности вести активную освободительную борьбу. Тем не менее, эта борьба независимо от воли захватчиков развернулась вскоре после установления оккупационного режима. Решающими факторами ее возникновения и развертывания были высокий патриотизм местного населения, а также серьезные просчеты оккупационных властей в проведении своей внутренней политики.

Основными формами активного народного сопротивления в тылу врага на Подолии стали партийно-комсо-

мольское подполье (на первом этапе борьбы) и партизанское движение (на втором этапе). Важная роль в их организации принадлежит Коммунистической партии. Вялость же развертывания партизанского движения на первом этапе борьбы оказалась следствием стратегических ошибок, допущенных руководством СССР в предвоенные годы и в начальном периоде войны.

В лице красных партизан и подпольщиков гитлеровцы получили реальный второй фронт. Деятельность народных мстителей и патриотов-подпольщиков оказалась серьезным препятствием в реализации планов захватчиков по депортации рабочей силы из захваченных территорий и существенно дестабилизировала вражеский тыл.

¹ ГАВО, ф. П – 425, оп. 1, д. 43, л. 45.

² ГАВО, ф. П – 425, оп. 1, д. 4, л. 5.

³ Там же.

⁴ Цитируется по книге "Безсмертя"... - С. 222.

⁵ ЦГАОО Украины, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 25.

⁶ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 31, л. 18. (Листовка Вороновицкой подпольной типографии, которая в 1943 г. распространялась в селах Вороновицкого района).

⁷ ГАХО, ф. 1475, оп. 2, д. 12, л. 2. (Из листовки Проскуровской окружной подпольно-партизанской организации. Начало февраля 1943 г.).

⁸ ГАХО, ф. Р - 3784, оп. 1, д. 1, л. 1. (Листовка Каменец-Подольской патриотической организации. Май 1943 г.).

⁹ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 127, л. 5.

¹⁰ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 146.

¹¹ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 171.

¹² ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 9, л. 290.

¹³ Поділля у Великій Вітчизняній війні... - С. 213.

¹⁴ Там же; - С. 206.

¹⁵ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 127, л. 5.

¹⁶ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 489, л. 41.

¹⁷ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 127, л. 5.

¹⁸ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 49.

¹⁹ ГАВО, ф. П – 425, оп. 1, д. 26, л. 220.

²⁰ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 110.

²¹ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 191.

²² ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 48; 49; 207; 208.

²³ ЦГАОО Украины, ф. 62, оп. 27, д. 101, л. 4.

²⁴ ЦГАОО Украины, ф. 128, оп. 1, д. 1, л. 130.

²⁵ ЦГАОО Украины, ф. 76, оп. 1, д. 1, л. 28.

²⁶ Історія Української РСР. - Т. 7. - С. 369.

²⁷ Там же; - С. 173.

- ²⁸ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 164.
- ²⁹ Безсмертя... - С. 217.
- ³⁰ ЦГАОО Украины, Ф. 128, оп. 1, д. 1, л. 95.
- ³¹ Історія Української РСР. - Т. 7. - С. 367.
- ³² ГАХО, Ф. Р - 3784, оп. 1, д. 1, л. 2.
- ³³ ЦГАВОВУ України, Ф. КМФ - 8, оп. 1, д. 294, л. 2 - 3.
- ³⁴ *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні. - С. 329.
- ³⁵ ЦГАВОВУ України, Ф. КМФ - 8, оп. 1, д. 294, л. 25.
- ³⁶ Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg. – RH 22 / 66. - F. 42.
- ³⁷ Bundesaihviv, Koblenz. – R 58 / 698. – F. 42.
- ³⁸ *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні. - С. 255.
- ³⁹ Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg. – RW 4. - V. 604. - F. 21.
- ⁴⁰ ГАВО, Ф. П – 425, оп. 1, д. 43, л. 1 - 3.
- ⁴¹ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 191.
- ⁴² ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 26, л. 108.
- ⁴³ ГАХО, Ф. Р – 814, оп. 1, д. 1, л. 2.
- ⁴⁴ НАРБ, Ф. 4683, оп.3, д. 930, л. 196.
- ⁴⁵ ЦГАВОВУ України, Ф. КМФ - 8, оп. 1, д. 62, л. 12.
- ⁴⁶ *Muller N.* Wehrmacht und Okkupation. - S. 228.
- ⁴⁷ *Шлеер А.* Воспоминания / Пер. с нем. – Смоленск; Москва, 1977. - С. 306.
- ⁴⁸ *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні. - С. 251.
- ⁴⁹ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 46, л. 27.
- ⁵⁰ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 39, л. 51.
- ⁵¹ ГАХО, Ф. Р – 1941, оп. 1, д. 2, л. 19.

4.3. Силы национально-освободительной ориентации на территории Подолии в период нацистской оккупации края

Кроме партийно-комсомольского подполья, красных партизан на Подолии время от времени заявляла о себе еще одна политическая сила – Организация Украинских Националистов (ОУН). Правда, здесь она не пользовалась таким высоким авторитетом, как красные партизаны. Не имела и той широкой социальной поддержки, как в Западной Украине. Причина состояла в глубоких идеологических расхождениях, которые существовали между националистами и большинством жителей края. Встав в переломный период гражданской войны на сторону советской власти, подоляне два десятилетия жили под влиянием ее активной, целенаправленной пропаганды, что, безусловно, не могло пройти бесследно. А потому лишь незначительное количество населения поддерживало политическую цель нацио-

налистов: уничтожение Советского Союза как «Русской империи» – открытого «врага независимости украинского народа», освобождение из «большевистского рабства» украинцев, создание «Самостийного Соборного Украинского государства».

Абсолютное же большинство подолян (и это является неопровержимым фактом) не считало себя такими рабами, не вынашивало планов относительно развала СССР. Наоборот, укрепляло его могущество самоотверженным трудом в годы первых советских пятилеток, а во время гитлеровского нашествия вместе с русскими, белорусами, представителями других национальностей СССР стало на защиту его суверенитета в рядах Красной Армии, партийно-комсомольского подполья, партизанских отрядов, тем самым четко зафиксировав свою политическую и гражданскую позицию.

В особенности не воспринимали подоляне тесного сотрудничества националистов с гитлеровцами, которое оказалось совсем неслучайным, хотя и не преследовало цели «мирового господства». И бандеровцы, и мельниковцы (раскол ОУН произошел 27 августа 1939 г. в Риме во время 2-го Большого Сбора организации: одно крыло – ОУН-Б – возглавил С. Бандера, второе – ОУН-М – А. Мельник) пытались использовать нападение нацистской Германии на СССР в своих далеко идущих планах, рассматривая его как благоприятную возможность для установления «независимого украинского государства». Расчет был простой: начав смертельную войну против Советского Союза, Германия, наконец, победит его, но при этом и сама довольно серьезно ослабнет. Создадутся благоприятные условия для осуществления на руинах СССР «украинской революции». Для ее успешного осуществления, самое главное, подготовить до этого времени силы украинцев, чтобы решительно заявить о себе, как о государственно-созидательном факторе.

С мыслями о такой возможности более радикальное бандеровское крыло еще к началу войны позаботилось о создании собственных вооруженных формирований, которые боролись бы против Советской России, а со временем и переросли в украинскую национальную армию. В результате переговоров с руководством абвера, немецкая сторона согласилась «вышколить около 700 украинцев, разделенных на два батальона» ¹ (скрытые намерения Верховного командования немецкой армии состояли в том, чтобы с помощью этих и других националистических сил создать систему информации, подгото-

вить из них переводчиков, наконец, использовать в диверсионных целях).

Подготовка «Дружин украинских националистов» (ДУН), как их называли новобранцы, состоялась при непосредственной поддержке абвера. Они не имели порядкового номера и не входили в состав немецких соединений, получив соответственно названия – «Организация «Роланд» и «Специальный отдел «Нахтигаль». Среди поставленных им задач были: обеспечение условий продвижения немецких войск по неоккупированным территориям, «разоружение россиян», охрана транспортов с военнопленными.

Батальон «Роланд», который немцы так и не использовали в «походе на Восток», был сформирован в апреле 1941 г. и проходил подготовку в Зауберсдорфе вблизи Вены. Его личный состав носил чешскую униформу наподобие бойцов украинской армии 1918 г. с желто-синими нарукавными повязками, на которых значилось: «Немецкий вермахт».

Почти одновременно происходило формирование батальона «Нахтигаль» («Соловей»), который прошел военную подготовку в Нойгаммере (Силезия). В его составе насчитывалось 330 бойцов, одетых в полевые мундиры вермахта. Закончив обучение 17 июня 1941 г., он 22 июня перешел советскую границу в районе Перемышля. 14 июля передислоцирован в Проскуров, где присоединился к альпийской охранной дивизии. Во время наступления гитлеровцев на Винницу солдаты батальона принимали участие в боях с Красной Армией поблизости Браилова.²

Подолье оказалось для «Нахтигалья» роковым. Понеся потери, он еще некоторое время квартировался в с. Юзвине под Винницей, а затем был возвращен в Нойгаммер, где расформирован, но не исчез бесследно – на базе «Нахтигалья» (а также «Роланда») создано «карательное полицейское подразделение – шуцманшафтбатальон-201 под командованием националиста Е. Побигущего. В составе эсэсовского корпуса под командованием фон ден Бах-Залевски...» оуновцы воевали против партизан «на территории Белоруссии и северной Волыни».³

Но еще до этого, 30 июня 1941 г., войдя вместе с 1-м батальоном Брандербургского полка во Львов, где в спину отступающим красноармейцам стреляли местные националисты, он, по указанию ОУН-Б, занял ряд важных объектов, в том числе

радиостанцию. Через нее в эфир был зачитан «Акт о возобновлении Украинского Государства».

«ОУН-Б, – как оценивает это событие известный западный ученый О. Субтельный, – пошла на дерзкий шаг, который граничил с безрассудством, решив без согласования с немцами провозгласить 30 июня 1941 года установление в только что захваченном Львове украинского государства. На должность премьер-министра был избран ближайший соратник Бандеры Ярослав Стецько. Идя на крайне рискованную игру, ОУН-Б рассчитывала, что немецкое военное командование быстрее согласится с этим фактом как со свершившимся, чем пойдет на конфронтацию с самого начала вторжения».⁴

Но, несмотря на то, что в Акте провозглашалось, что «восстановленное Украинское государство будет тесно сотрудничать с Национал-Социалистической Великогерманией, которая под руководством Адольфа Гитлера творит новый порядок в Европе и в мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации», что «Украинская Национальная Революционная Армия, создаваемая на украинской земле, будет бороться далее совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенное Соборное Украинское Государство и новый справедливый порядок в целом мире»,⁵ ОУН-Б просчиталась относительно реакции нацистского политического руководства. Буквально через несколько дней после провозглашения государства гестапо арестовало и бросило в тюрьму С. Бандеру и его сторонников. Никакого существования самостоятельного Украинского государства гитлеровцы не допускали. У них были собственные планы. О них красноречиво высказался Э. Кох: «Нет никакой Украины... Земли Украины должны быть разделены между солдатами-победителями».⁶ То есть самими гитлеровцами и их союзниками. *Нацизм никому не давал свободы. Не мог он принести волю и Украине.*

Оуновцы преподнесли гитлеровцам еще один «сюрприз»: крылом ОУН-Б (да и другим крылом) накануне войны были созданы и тайно подготовлены походные группы националистов. Вообще их было три: «Север», «Центр», «Юг», в которых насчитывалось от 3 до 5 тысяч чел. Каждая из них состояла из многочисленных маленьких «операционных групп» численностью от 7 до 12 чел. Им была дана установка идти вглубь Украины вслед за наступающими войсками. Группа «Север» должна была достичь Киева и области, группа «Центр» – г.

Харькова и области, группа «Юг» – г. Одессы и Крыма.

«Часть походных групп отправилась 22 июня, другие – немного спустя. Чтобы проникнуть на Украину, все средства были хороши. Большинство имело поддельные документы или пропуска службы пропаганды вермахта. Немцы вначале не могли разобраться, что делают эти молодые люди, проникая в тыловую зону фронта. А эти молодые люди создавали милицию для наведения порядка и местное управление...». ⁷

Эти люди «...устанавливали своеобразное политическое устройство в оккупированных областях Украины. Они захватывали в свои руки городские и сельские управы, полицию, суд, хозяйственные учреждения, органы прессы, церковь и т. п.». ⁸

В одном из немецких донесений сказано, что «они пытаются проникнуть в политическую администрацию и пробудить среди населения тягу к идее независимой и суверенной Украины». ⁹ Другое донесение поведало, что ОУН уделила одинаковое внимание как оставленным «советами» складам оружия, так и банкам. Деньги банков предназначены не только для финансирования ОУН, но также для оплаты затрат активистам, которые должны работать с границей или за границей...¹⁰

Проникли проходные группы и на Подолье, о чем свидетельствуют архивные документы:

«Районная украинская народная милиция.

г. Литин, 30.07.1941 г.

К господину старосте с. _____

Этим заряджую [приказываю. С. Г.] сейчас приступить к выбору [избранию. С. Г.] старосты, коменданта милиции и 6-х членов украинской народной милиции.

Эти люди должны быть доверенными, честными и грамотными, чтобы солидно проводили [вели. С. Г.] село к лучшему завтра.

Это относится к тем селам, где еще не избрали вышепредставленных лиц. Староста является хозяином целого села, ему должны все подчиняться, а милиция находится в розпорядимости [распоряжении. С. Г.] господина старосты. Милиция является сторожем целого села, чтобы не было грабежей, потасовок и краж.

[...] ...В поликлинике в Литине лежат раненые вояки [воины. С. Г.] и не имеют что есть, поэтому каждое село пусть переведет [проведет. С. Г.] у себя сборку [сбор. С. Г.] для них, а это две копы [120 шт. С. Г.] яиц, два кг. масла и 30 литров мо-

лока, и эту сборку отставлять [доставлять. С. Г.] еженедельно из каждого села, чтобы больные не гибли от голода.

Кто будет противиться вышеупомянутым указаниям, цего [этого. С. Г.] притянем к ответственности и он будет строго наказан.

Слава Украине.

Районовый В. Кузьма.
Комендант милиции Яковлев.
Управа города Борисюк». ¹¹

«2 августа 1941 г.

К господину старосте с. Балина. ¹²

На препоручение [на основании распоряжения. С. Г.] областного коменданта Украинской Милиции зараджую [приказываю. С. Г.] сейчас подать в район описание членов милиции каждого села, а то имя и назвисько [а это имя и фамилия. С. Г.], возраст, национальность, а отдельно – старосты и помощника.

Заподать описание тракторов килько в селе находится [предоставить количество тракторов в селе. С. Г.] и килько нужно горючести к обробке [и сколько нужно горючего для обработки. С. Г.] хлеба.

Все трактористы зголосяся [вызываются. С. Г.] на день 4 / VIII - 41 г. на 11 часов перед полуднем в Литинской милиции.

Слава Украине!

Районовый Кузьма». ¹³

«2.8.1941 г.

Старосте с. Пиков ¹⁴

Согласно распоряжению представителя Правительства Украины Липового должны явиться на 3 – 4 августа 1941 г. учителя, агрономы, ученики, которые окончили 10-летку 1941 г. и мед. рабочие в Калиновку для регистрации (дом быв. милиции).

Представитель Правительства Украины О.У.Н.

Липовый». ¹⁵

Четырнадцатого августа 1941 г. немецкие органы власти отмечали, что походные группы ОУН Бандеры интенсивно расширяют свою пропагандистскую деятельность в пользу «создания независимого и соборного Украинского государства» в центре Украины, в частности в районах Житомира, Бердичева, Винницы, а также в районах Умани и Могилева-Подольского. Немцы подчеркивали, что тон пропаганды этой организации становился все более антинемецким. Группы Бандеры также

распространяли листовки с призывом к созданию «Украинской революционной армии». ¹⁶

Это тоже не понравилось немцам. 25 ноября 1941 года айнзацкоманда Ц / 5,¹⁷ которая дислоцировалась в Киеве, отдала приказ всем постам полиции безопасности и СД рейхскомиссариата «Украина» (Киев, Днепропетровск, Николаев, Ровно, Житомир, Винница) арестовывать и тайно казнить без суда членов ОУН Бандеры:

«Неопровержимо установлено, что движение Бандеры готовит восстание в Рейхскомиссариате (Украина), цель которого – создание независимой Украины. Все активисты движения Бандеры должны быть немедленно арестованы и после основательного допроса тайно уничтожены как грабители...». ¹⁸

Приказ айнзацкоманды Ц/5 был подкреплён распоряжениями на местах. В обращении немецкой полиции к украинцам, основное содержание которого направлялось против большевистской пропаганды, нашлось место и оуновцам:

«...Не верьте глупым юнцам, т. н. бандеровцам..., которые несут неурядицы и беспокойство. Это враги Вашего народа, которые помогают большевикам, а тем самым продолжают войну. Только им Вы обязаны тем, что должны быть приняты суровые меры... против гражданского населения...». ¹⁹

Не менее выразителен и другой документ:

«4.XI.41 г. Секретно.

К коменданту с. Губник ²⁰ г. Ткаченко.

В последние дни стало обнаруживаться подпольное распространение листовок партии Бандеры.

Примите все меры к выявлению подпольных распространителей и снятию этих листовок со столбов и заборов.

Выявленных распространителей запрещённых листовок и литературы под арестом сопровождать в Политотдел Районной Полиции.

За утаивание и невыполнение этого распоряжения ждёт суровое наказание всех сельских комендантов.

Инспектор районной полиции Процюк
Начальник Политотдела Романюк». ²¹

В августе 1942 г. гитлеровцы провели массовые аресты и расстрелы представителей «Просвиты» и существующих ячеек ОУН. В Каменец-Подольском гебите было уничтожено 120, в Дунаевецком – 60 человек. ^{21a}

Бандеровцы ушли в подполье.

Будучи в подполье, бандеровцы развили не менее бурную деятельность. В Виннице, например, они распространяли свои листовки, были причастны, вероятно, к выпуску местной газеты «Вінницькі вісті», проникли в городскую управу, где работали на влиятельных должностях. Причем, до весны 1943 г., когда «весь состав областной управы ²² (кроме Севастьянова) ²³ в конце марта 1943 г. был обновлен. Часть бывших областных чиновников была арестована по обвинению в украинском национализме (Корчинский – нач. хоз. отдела управы, Гапий – нач. отдела социального обеспечения, Лебединский – нач. паспортного отдела и др.)». ²⁴

Из трофейных документов понятно, что националисты проникли даже в такой сверхсекретный объект, как «Вервольф». В частности, это удалось Ивану Царицкому – уроженцу с. Золочева (Галиция), в прошлом австрийскому офицеру, директору школы в Польше, жителю города Аушвиц, переводчику и ОТ-трупфюреру тайной полевой полиции группы РСД (службы Имперской безопасности):

«Командир полиции безопасности и СД г. Житомира
№807/43-1-

г. Житомир

27 февраля 1943 г.

Тайной полевой полиции, группа РСД

Служба группы безопасности Ост

Полевая почта № 27551

Через наружный служебный пункт Винницы

Относительно: Переводчика Ивана Царицкого – ОТ-трупфюрера тайной полевой полиции, группа РСД.

В отношении доклада от 12 февраля 1943 г.

№ 354/43 и переписки ТПП от 12.II.1943 г.

ОТ-трупфюрер Иван Царицкий с января 1942 г. работал переводчиком при объекте «Вервольф», а в октябре 1942 г. переведен работать переводчиком непосредственно к начальнику группы безопасности Ост. В ходе его работы переводчиком при группе безопасности Ост установлено, что он бесконтрольно имел связи с украинцами, которые в политическом отношении подозреваются в связях с бандеровцами. Строгое наблюдение за ним установило, что он в декабре 1942 г. имел беседу в течение часа с известной в Михайловке ²⁵ руководительницей бандеровцев. Начальник службы группы безопасности Ост Даннер на основании этого отстранил Царицкого от работы и передал его в мой отдел в Винницу...

О том, что Царицкий связался с подозреваемыми в принадлежности к бандеровцам, вообще ничего не было сказано. В этом упущении я вижу наличие повода для значительного вреда деятельности полицейской безопасности...». ²⁶

Немало усилий прилагали бандеровцы по созданию подпольных националистических ячеек, что в определенной мере удавалось. При их создании ставка была сделана на лиц, недовольных советской властью, в частности, бывших раскулаченных, которые возвратились в родные места, членов их семей, местную интеллигенцию, молодежь.

«В г. Виннице, а также в ряде районов, – говорится в другом документе, – существовали оуновские организации бандеровской направленности, основанные прибывшими из западных областей Украины эмиссарами Главного Провода [*центрального руководства*. С. Г.] ОУН. Характерно существование молодежной организации в г. Виннице из числа студентов медицинского и педагогического институтов, т. н. «Союз украинского националистического студенчества» (СУНС)...

Существующее националистическое подполье в Винницкой области, в частности среди молодежи, которая учится, имело свое влияние на молодежь районов Каменец-Подольской области». ²⁷

Руководителем националистов в Калиновском районе был прибывший из Западной Украины просвещенец Липовый, который работал заместителем инспектора района (расстрелян в 1942 г. в г. Виннице немцами), руководителями националистических ячеек: в с. Старый Пиков – зубной техник П. Гребень (расстрелян партизанами), в с. Байковцы – местный староста З. Пиндик, в с. Жигалевке – фельдшер Дорогневич, в с. Хомутицах – прибывший из Западной Украины поп Мороз... ²⁸

Создавались такие ячейки также в «Транснистрии».

«Инспекторат отделения Транснистрии.

Отделение жандармерии Могилева ²⁹

15 ноября 1942 г.

Служебная записка № 1604

На основании информации, собранной персоналом бюро безопасности этого региона констатирую, что в с. Поповцы Копайгородского района Могилевского уезда есть начало организации группы украинского национального движения.

Учитывая, что данная местность находится на небольшом расстоянии от границы на севере Транснистрии, некоторые из

заинтересованных проходят через границу нелегально на территорию Украины к родственникам или знакомым и приносят назад различные сведения, касающиеся национальной борьбы и организации украинской армии.

Через эти сведения они пробуждают национальные чувства тех, кто их слушает, что приводит к организации масс.

К сему времени установлено, что к этой категории относятся следующие: Батковский Николай, Левинский Иван, Мельник Василь (8 чел., все из с. Поповцы)... Был дан приказ по посту жандармерии установить слежку вдоль границы и попытаться поймать их при нелегальном переходе границы и отдать под суд...

Командир отделения жандармерии Могилева». ³⁰

«...Кроме того, в Липовецком, Турбовском, Гайсинском и Немировском районах существовали боевые оуновские группы." ³¹

Вероятно, это были так называемые группы самообороны, которые начали появляться весной 1942 г. на Волыни и Подолии. Однако острие их борьбы направлялось не против гитлеровских захватчиков. И не потому, что эти группы были немногочисленными и могли легко потерпеть поражение от врага в открытом бою. Такое поведение оуновцев определялось инструкцией их руководства, в которой указывалось, как себя вести относительно той или другой силы:

«...К немцам

...б) не удаваться [*не вступать. С. Г.*] в бои с большими немецкими силами

К большевистскому подполью

а) не входить с ними ни в какие приятельные [*дружеские. С. Г.*] отношения, как можно больше перед ними конспирироваться

б) вести с ними беспощадную политическую и вооруженную борьбу, как с грабительскими бандами

в) уничтожать физически большевистский актив, красные партизанские отряды и всех советских [*советских. С. Г.*] прихвостней

К союзническим немецким войскам

а) не вести ни единых засидных [*засадных. С. Г.*] боевых акций

б) примерно наказывать за выступление против народа

в) входить в согласие с целью получения оружия и других боеприпасов». ³²

О том, что эта установка строго выполнялась, свидетельствуют воспоминания гитлеровского фельдмаршала Э. Манштейна:

«...Вообще существовало три вида партизанских отрядов: советские партизаны, боровшиеся с нами...; украинские, боровшиеся с советскими партизанами, но, как правило, отпускаявшие на свободу попавших им в руки немцев, отобрав у них оружие, и, наконец, польские партизанские банды, которые боролись с немцами и украинцами». ³³

Что касается оружия, то «...для его добытия использовался и такой способ, как поиск... на местах боев, раскапывание военных погребений с 1941 года., его кражи на железнодорожном транспорте». ³⁴

В еще одной инструкции говорилось, что немецкое господство уничтожило всякую надежду на независимость, отныне украинцы должны становиться на путь организованной революционной борьбы под предводительством Бандеры. Германия будет вынуждена напрячь свои последние силы в борьбе с Англией, вот почему возрастают шансы ОУН. Украинцам не надо присоединяться к советским партизанам, поскольку их жертвы и их борьба выгодны только Москве. Наоборот, украинцы должны объединить собственные силы и ждать времени нападения, которое будет указано главным Проводом ОУН. ³⁵

Эти инструктивные установки тщательно воплощались в жизнь и созданными позже в Западной Украине более крупными рейдирующими вооруженными отрядами, структурно принадлежащими к сформированной на базе ОУН-Б Украинской Повстанческой Армии (один из них, как отмечают немецкие источники, наблюдался в июле 1942 г. в районе Каменец-Подольского). ³⁶

Поэтому, проводя агитационную работу среди населения (**«7 августа 1942 г.: ...В Виннице снова обнаружили листовку украинского движения сопротивления. Об их авторах узнать не удалось ничего...»** ³⁷), подвергаясь арестам (**«31 июля 1942 г.: ...В ходе разгрома банды в Чемеровцах были арестованы 15 лиц, среди которых заместитель мэра, ответственный за школы и образование, директор школы и некоторые учителя...»**; ³⁸ **«25 сентября 1942 г.: ...В Гайсине было арестовано семь лиц за письменную пропаганду в пользу Бандеры.**

*При обыске домов удалось изъять важные пропагандистские материалы»*³⁹⁾, бандеровцы, невзирая ни на что, особое внимание проявляли к большевистско-комсомольскому подполью, партизанам.

Их руками был задушен руководитель Павловской подпольной организации Калиновского района и Кировской подпольной группы Турбовского района В. М. Мессарош, живым замурован член Ободовской подпольной группы А. Квашенко, убиты руководитель Калиновской подпольной организации М. П. Архипович, член партизанского отряда им. Сталина комсомолец С. К. Поворознюк, связной партизанской кавалерийской бригады имени Ленина В. В. Волк, члены Литинской подпольной антифашистской организации коммунист Т. Главадчук и беспартийный Г. В. Ткачук, подпольщик-коммунист из с. Пеньковки Литинского района С. Е. Кулик и другие.

Однако крупных стычек между националистами и винницкими партизанами не было. Она могла произойти, когда в Черном лесу, что в северной части Литинского района, в конце декабря 1943 г. появился хорошо вооруженный большой отряд оуновцев численностью до 600 человек. Но, взвесив возможности более крупных партизанских сил (соединение под командованием Я. И. Мельника), даже проведя с партизанами переговоры, и несколько дней поагитировав население сел Яцковец, Супрунова и Брусленова, бандеровцы незаметно исчезли.

Зато партизанам Каменец-Подольщины приходилось неоднократно вести бои с националистами. Так, жестокая стычка между партизанским отрядом им. С. А. Ковпака и бандеровцами произошла в Сатановских лесах.

Самый серьезный бой между враждующими сторонами состоялся 22 – 25 июля 1943 г. вблизи с. Теремное Острожского района, где тогда размещался лагерь Каменец-Подольского соединения им. Ф. М. Михайлова под командованием будущего Героя Советского Союза А. З. Одухи. Тогда оуновский командир Крук, имеющий в своем распоряжении не только автоматическое стрелецкое оружие, но и минометы и пушки, плотным кольцом окружив подступы к лагерю, решил расправиться с партизанами.

Бой длился больше двух суток, причем был очень жестоким. Как вспоминал позднее А. З. Одуха, партизаны еще не встречали такого фанатизма в борьбе: «националисты бились намного лучше немцев и были достойными соперниками».⁴⁰

Закончился он тем, что националисты потеряли 800 чел., в том числе более 250-ти убитыми, а партизаны выскользнули из окружения...

Как видим, острие своих ударов вооруженные формирования ОУН направляли, прежде всего, против «советских партизанских отрядов», то есть против основной силы, которая боролась с нацистскими захватчиками на оккупированных Волыни и Подолии.

Враждебно были настроены националисты и по отношению Красной Армии, хотя больших стычек с ней на территории Винниччины и Каменец-Подольщины они не вели...

Так во время *Великой Отечественной освободительной войны* (а для украинского народа она была именно таковой) на территории Западной Украины, в том числе на границах с нею землях Подолии, разгорелось пламя не менее драматического противоборства – *братоубийственной войны*, причиной которой стал разный менталитет, политические устремления и амбиции таких разных по идейным убеждениям, но единокровных сыновей и дочерей Украины.

Еще один срез проблемы: в том же кровопролитном бою под с. Теремное против украинских националистов бились и юнкера Шепетовской казачьей школы, которые за несколько дней до этого в полном составе перешли на сторону красных партизан...

Но не были единичными случаи ожесточенных стычек между партизанами и казачьими формированиями, «власовцами». Именно от них в июле 1943 г. потерпел поражение партизанский отряд им. Чапаева (командир Евсафев), который дислоцировался на территории Монастырищенского и Оратовского районов, а кавалерийская партизанская бригада им. Ленина под командованием М. И. Владимирова разгромила в январе 1944 года казачий полк в с. Демковка Тростянецкого района.

Тогда на протяжении двух часов было «убито больше 120-и человек. Пленено и растреляно 56 чел. Захвачено оружие, боеприпасы, снаряжение, до 200 лошадей, более половины которых роздано населению. Сам атаман-полковник Журавлев... в нижнем белье выпрыгнул в окно, сбежал, оставив документы, обмундирование.

По документам установлено, что атаману-полковнику казачих войск Синегорской станицы Журавлеву вручен флаг, освященный в Киево-Печерской лавре в присутствии высших чинов

немецкой армии и церкви. Журавлев явным образом продался немцам, дав им клятву бороться с Красной Армией. Журавлев имел письма от генерала Краснова, который жил в Берлине. Краснов в письме дает указ поднять всех донских казаков, организовать казачьи войска и выступить против большевизма...». ⁴¹

Так на украинской земле (Подолье здесь не исключение) *по-лыхало пламя гражданской войны*, которая материализовала определенные расчеты гитлеровских стратегов на развал Советского Союза на почве межнациональных конфликтов, – *войны в войне*, обойденной вниманием из идеологических соображений советскими историками...

Кроме бандеровцев на Подолии время от времени появлялись и отчаянно враждующие с ОУН Бандеры мельниковцы, которые провели в июне 1942 года в Проскурове даже «тайное собрание, на котором обсуждалась общая ситуация». ⁴² Мельниковское крыло ОУН открыто сотрудничало с немцами, но не было надлежащим образом оценено ими и прекратило свое существование летом 1943 г.

Существовала еще и третья сила национально-освободительной направленности – так называемая «Полесская Сечь» (региональное националистическое партизанское движение, которое частично распространяло свое влияние на север Каменец-Подольской области). Это была «нерегулярная вооруженная часть», созданная на Волыни местным украинским деятелем Тарасом Бульбой-Боровцом, близким к петлюровскому правительству УНР, находившемуся в изгнании, «с целью очищения своего региона от остатков Красной армии». Когда в конце 1941 года немцы попробовали распустить формирование, он повел своих бойцов «в леса», чтобы воевать как против немцев, так и с большевиками». ⁴³

Его политическое кредо довольно полно раскрывается в документе, который печатается ниже:

«Зимой 1941/1942 г. я предложил немецким военным и гражданским властям расширить партизанскую армию «Полесская Сечь» и держать ее в тылу немецких войск для борьбы с советскими партизанами.

Для этого необходимо было изменить террористическую систему немецкого гражданского правительства.

Немецкое правительство не допускало и мысли о том, что у него за плечами может существовать большевистское дивер-

сионное движение, и поэтому отклонило мое предложение.

Летом 1942 г. выяснилось, что большевистская диверсия в тылу не ликвидирована, а наоборот, окрепла. Немецкое правительство, вместо того, чтобы использовать возможность ликвидации большевистской диверсии с помощью украинского населения, продолжало свои репрессии против этого населения.

Я писал из леса письма Рейхскомиссару Коху, в которых обращал его внимание на то, что немецкое правительство на Украине ведет неправильную политику, и что это, в конце концов, закончится трагически для обеих сторон.

По моему совету осенью 1942 г. были назначены переговоры между немецким правительством и украинским национальным движением.

Эти переговоры вел я с начальниками немецкой службы безопасности СД на Волыни и Подолье д-ром Питцем и д-ром Беером. Они предлагали мне, чтобы мы влились в систему немецкой полицейской охраны и вместе продолжали борьбу против большевистских диверсантов.

...Той же осенью 1942 г. я вел переговоры с представителем Москвы подполковником Лукиным. Он прилетел к нам специальным самолетом. Большевики предложили присоединиться к советским партизанам.

В этом случае они обязывались снабжать нас с самолетов оружием, запасными частями, средствами связи и т. п. Мы должны были заявить о своей солидарности с ними. Они предложили, чтобы мы сообща убили Рейхскомиссара Коха.

Советское предложение мы отклонили, в связи с чем советские партизаны объявили нам войну, как агентам Гитлера.

В связи с тем, что летом 1943 г. немецкий фронт все больше и больше подавался назад, на запад, я стал снова искать возможность повести общую с немцами борьбу против большевиков.

После немецкой практики на Украине очень тяжело было снова настроить народ на сотрудничество с Германией. Взаимное доверие по вине немцев было уничтожено. Народ перестал верить разным публичным заявлениям и обращениям. Это положение могло изменить только украинское национальное правительство.

В ноябре 1943 г. я обратился еще раз к немецкому правительству с предложением о переговорах для нормализации

украинско-немецких взаимоотношений. Чтобы ускорить эти переговоры и любой ценой довести их до желаемого соглашения, я рискнул своей жизнью, вышел со своим адъютантом из укрытия и 20 ноября 1943 г. пошел к немецким властям. Немецкое правительство, вместо того, чтобы вести со мной переговоры, задержало меня и моего адъютанта и отправило нас обоих в концентрационный лагерь Саксенгаузен, близ Ораниенбурга. Только 19.10.1944 г. нас выпустили из концентрационного лагеря...». ⁴⁴

Итак, *было и сотрудничество оуновцев с немецкими оккупантами, а также их неподчинение тем же гитлеровцам.* Чтобы беспристрастно, объективно взвесить, чего было больше на территории Подолья, необходимы документальные подтверждения. А их не хватает. Например, в фондах такого крупного учреждения, как государственный архив Винницкой области, исследователями до этого времени не выявлен ни один документ, подтверждающий факт уничтожения националистами на территории Винничины хотя бы одного гитлеровца. Возможно, эта «пассивность» в борьбе является следствием избранной тактики достижения провозглашенной оуновцами цели: «...ОУН не выступила вооруженно против немецких империалистов с первых дней их прихода в Украину из соображений политической целесообразности. Зато с самого начала оккупации немцами Украины начала подготавливать против них вооруженную борьбу украинского и всех других поработанных народов». ⁴⁵

Но наиболее вероятно, что подлинная причина такого «острого дефицита фактов» кроется в строгой инструкции руководства ОУН, которая появилась незадолго до вступления на территорию Подолья Красной Армии и касалась непосредственно всех структур и ячеек Организации: «...Не держать архивов, не записывать никаких адресов и кличек...». ⁴⁶

И все же уничтожено было не все, что и позволило исследователям ввести в научный оборот определенные сведения, сохранились архивы противной стороны – красных партизан, которые тоже проливают свет на данную проблему.

В частности, документы каменец-подольских партизан сообщают, что «они [националисты] организовывали налеты на небольшие немецкие гарнизоны в основном с целью вооружения за счет немцев. Своими вооруженными выступлениями они хотели заставить немцев пойти на уступки, наносить немцам уда-

ры в наиболее уязвимые места они не собирались. Это усилило бы большевиков. Не удивительно, что националисты категорически выступали против совершения диверсионных актов на немецких коммуникациях». ⁴⁷ (Из отчета о деятельности партизанского соединения под руководством А. З. Одухи).

«...Установлено, что националисты не заинтересованы в совершении диверсий против немцев, а наоборот, стараются сохранить все коммуникации и обеспечить немецкую армию бесперебойной доставкой боеприпасов и снаряжения на фронт. В бой с немцами вступают в исключительных случаях только для пополнения боеприпасов и оружия...». ⁴⁸ (Из разведсводки за 02.01.1944 г. партизанского соединения им. Ленина. Винницчина).

Как видим, вооруженные стычки националистов с гитлеровцами, хотя и по особым причинам, на Подолье все же были.

Еще более однозначны в этом утверждении отдельные исследователи. Так, П. Мирчук доказывает, что «...в середине марта 1943 г. возле с. Корчин отдел УПА наскочил на хорошо укомплектованную [вооруженную. С. Г.] группу немцев, что возвращалась из г. Деражна, где грабила население. Бой длился 3 часа. Добыт один тяжелый пулемет «максим», одна «финкав», несколько крисов [винтовок. С. Г.] и большое количество амуниции. С вражеской стороны упало [погибло] 16 людей...». ⁴⁹

Другой исследователь Л. Бондарчук сообщает, что 9 января 1944 г. отряды УПА-Юг (действовали в Винницкой и Каменец-Подольской областях) разбили немецкую колонну возле с. Лисогорки недалеко от Каменец-Подольского и захватили много оружия. ⁵⁰

А В. Косик уточняет: «...Трофеи были довольно значительные: 7 пулеметов, 2 миномета, 10 ружей, 30 тысяч патронов, 500 гранат, 3 приемника и др.». ⁵¹

Тот же В. Косик сообщает, что «в октябре – ноябре 1943 года часть УПА провела 47 боев с немцами и 54 – с красными партизанами, в которых погибло 414 старшин и бойцов» ⁵² (к сожалению, нет уточнения, где именно она воевала).

Ограниченность архивных документов не позволяет раскрыть участие националистов в противодействии насильственному вывозу подолян на нацистскую каторгу.

Но их позицию относительно данного вопроса проясняет инструкция высшего руководства ОУН подчиненным структурам, которая дошла до нас:

«...После передвижения фронта будем иметь дело с более испытанной большевистской пропагандой... Возможно, что [большевики] будут стараться доказать:

- что немцы потому пошли в Украину, что их сюда пригласила ОУН,

- что украинские националисты выдавали немцам на работу в Германию украинскую молодежь...

Учитывая возможность такой пропаганды должны осведомить украинское население:

...что украинские самостийники к вывозу украинской молодежи в Германию на работы отнеслись так же, как к вывозу большевиками укр. семей в Сибирь. (Покликаться [ссылаться. С. Г.] на Комуникат в этом деле, изданный РП [*Руководящим Проводом. С. Г.*] ОУН в январе 1942 г.).⁵³

Эту позицию бандеровцев подтверждает и один из немецких документов. 12 июня 1942 г. командующий полицией безопасности и СД на Украине информировал берлинское руководство:

«Как сообщалось из Ровно, сторонники Бандеры относятся резко отрицательно к посылке рабочей силы в рейх. Они категорически запрещают своим членам отправляться на работу в рейх и требуют повышения активности выступлений против использования рабочей силы в рейхе».⁵⁴

А вот конкретные примеры такого противодействия на Подолье.

«Одним из направлений антинемецкой борьбы УПА было противодействие оккупационной администрации в вывозе украинской молодежи в Третий рейх, грабежу населения, а также акции мести за разоренные села и замученных соотечественников. Так, в марте 1944 г. повстанцы вели бои с врагом вблизи Деражни...».⁵⁵

«...В 1942 г. в Баре существовал любительский драматический театр «Просвиты», в котором работало много молодежи, чтобы не попасть на работу в Германию...».⁵⁶

Как известно, ячейки «Просвиты» создавались именно по инициативе националистов. Во время нацистской оккупации Подолья они функционировали не только в Баре.

Да и донесение начальника службы охранной группы «Восток» тайной полевой полиции, которая охраняла ставку «Вервольф», унтерштурмфюрера СС Даннера начальнику личной охраны Гитлера Раттенхуберу о многом говорит:

«...Боязнь украинцев поехать в чужую страну и расстаться со своими родными и Родиной очень большая. Это обстоятельство было использовано украинскими коммунистами и бандеровцами. Обе эти враждебных немцам партии призывали молодых мужчин взяться за оружие и перейти к ним, но ни в коем случае не ехать в Германию...». ⁵⁷

Правда, это не касалось мельниковцев. В их газете "Голос Подкарпатья» за 21 февраля 1943 р., в частности, читаем: «Теперь у нас много обязанностей. Одной из первых является выезд рабочих сил в Германию. Знаем, что война оторвала и бросила на фронт много людей... На их место должны прийти другие люди, так как работа в хозяйствах, на фабриках и заводах не должна прекращаться». ⁵⁸

Другими словами, никаких возражений против насильственного вывоза в Германию украинского населения, полное «понимание и сочувствие» к возникшим проблемам гитлеровского рейха.

Итак, на территории края заявила о себе еще одна политическая сила – Организация Украинских Националистов (ОУН), которая условно делилась на три самостоятельных лагеря: бандеровцев, мельниковцев, бульбовцев. Она старалась привить подолянам идею создания Независимого Соборного Украинского Государства.

Путь реализации этой цели схематично националисты видели таким: напад на СССР, Германия прекратит его существование, но при этом сильно ослабнет сама. Создадутся благоприятные условия для осуществления заветной мечты – «украинской революции». Вот почему, тесно сотрудничая с гитлеровцами, националисты в то же время сопротивлялись им, накапливали силы для будущих решающих битв.

Но острие борьбы направлялось против красных партизан, партийно-комсомольского подполья, которые считались существенным препятствием для осуществления поставленной цели. Особой активностью в этом плане отличались бандеровцы, которые проявили наибольший радикализм.

Это противостояние вылилось в братоубийственную войну, причиной которой стал разный менталитет, поли-

тические устремления и амбиции разных по идейным убеждениям, но единокровных сынов и дочерей Украины.

Данную войну следует рассматривать также как составную часть войны гражданской, пламя которой тоже полыхало на оккупированном нацистскими захватчиками Подолье, поскольку происходило вооруженное противостояние между красными партизанами и националистами, между партизанами и казаками, власовцами, между бандеровцами и мельниковцами.

Силы национально-освободительной ориентации некоторым образом препятствовали вывозу гитлеровцами гражданского населения края на немецкую каторгу.

Сделав ставку в политических ожиданиях на гитлеровскую Германию, националисты основательно просчитались, не приняв во внимание человеконенавистническую идеологию немецкого нацизма относительно других народов, в частности, славян.

¹ Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. – С. 147.

² Муковський І., Лисенко О. Звитяга і жертвність: Українці на фронтах другої світової війни. - С. 442 - 443.

³ Першина Т. Фашистський геноцид на Україні. - С. 30.

⁴ Субтельний О. Україна: Історія. - С. 568.

⁵ Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. - С. 504.

⁶ Цитируется по книге "Безсмертя"... - С. 176.

⁷ Там же; - С. 113.

⁸ ЦГАОО України, Ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁹ Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg. - RH 22/203. - F. 2.

¹⁰ Bundesarchiv, Koblenz. – R 58/ 220. - F. 193 - 194.

¹¹ Справочно-информационный фонд научно-справочной библиотеки центральных государственных архивов Украины, инвент. № 606.

¹² Литинский район.

¹³ ГАВО, Ф. Р - 1416, оп. 1, д. 1, л. 73.

¹⁴ Калиновский район.

¹⁵ ГАВО, Ф. 2271, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹⁶ Bundesarchiv, Koblenz. - R 58/216. - F. 20.

¹⁷ **Айнзацкоманды** (оперативные группы) были созданы в конце мая 1941 г. на основе соглашения между представителем главного командования сухопутных войск вермахта генерал-квартирмейстером Вагнером и начальником полиции безопасности и СД (службы безопасности) Гейдрихом. Они входили в состав айнзацгруп (специальных оперативных групп), как и зондеркоманды (особые команды), которые, в свою очередь, делились на тайлькоманды. Было сформировано четыре айнзацгруппы – "А", "Б", "Ц", "Д". Айнзацгруппа "Ц", возглавляемая сначала Рашем, а затем Томасом, действовала на Украине, за исключе-

нием ее южной части. В айнзацгруппу "Ц" входили зондеркоманды "4 - а", "4 - б", айнзацкоманды "5", "6". В структуре айнзацгруппы "Ц" были также зондеркоманды "10 - а", "10 - б", айнзацкоманды "11 - а", "11 - б", "12". Каждая айнзацгруппа состояла приблизительно из 800 – 1200 чел. Состав оперативных групп комплектовался за счет кадров гестапо, криминальной полиции, СД и СС.

¹⁸ International Military Tribunal. - Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof. - Т. ХХХХ. - Nürnberg. - 1946. - S. 269 - 270.

¹⁹ Справочно-информационный фонд научно-справочной библиотеки центральных государственных архивов Украины, инвент. № 3285.

²⁰ Гайсинский район.

²¹ ГАВО, ф. Р - 2299, оп. 1, д. 9, л. 5.

^{21а} Архив УСБУ в Хмельницкой области. – Д. 23294, л. 65.

²² Так в документе. Правильно: "городской управы..."

²³ Председатель Винницкой городской управы.

²⁴ ГАВО, ф. П - 425, оп. 2, д. 11, л. 1.

²⁵ с. Коло-Михайловка Винницкого района.

²⁶ ГАВО, ф. Р – 6023, оп. 5, д. 9, л. 238.

²⁷ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 23, д. 1062, л. 153 - 154.

²⁸ ГАВО, ф. П - 425, оп. 1, д. 268, л. 72.

²⁹ г. Могилев-Подольского.

³⁰ ГАВО, ф. Р - 2966, оп. 2, д. 8, л. 370.

³¹ ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 23, д. 1062, л. 153.

³² ЦГАОО Украины, ф. 57, оп. 4, д. 377, л. 27.

³³ *Манштейн Э.* Утерянные победы. - М.: 000 «Фирма «Издательство АСТ»; - Спб.: Terra Fantasia, 1999. - С. 632.

³⁴ *Гайдай О., Хаварівський Б., Ханас В.* Кто пожал "бурю"? Армія Крайова на Тернопілі 1941 - 1945 рр. - Тернопіль, 1996. - С. 17.

³⁵ *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні. - С. 242.

³⁶ Bundesarchiv, Koblenz. - R 58/222. - F. 231.

³⁷ Bundesarchiv, Koblenz. - R 59/698. -F. 110

³⁸ Bundesarchiv, Koblenz. – R 58/698. – F. 84.

³⁹ Bundesarchiv, Koblenz. – R 58/222. – F. 103.

⁴⁰ ЦГАОО Украины, ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 159.

⁴¹ ЦГАОО Украины, ф. 128, оп. 1, д. 1, л. 64.

⁴² Bundesarchiv, Koblenz. – R 58/222. – F. 180.

⁴³ *Субтельний О.* Україна: Історія. – С. 580.

⁴⁴ ЦГАОО Украины, ф. 57, оп. 4, д. 338, л. 6 - 7: История Украинской повстанческой армии /Продиктовал Степан Тарас Бульба-Боровец.

⁴⁵ Из инструкции руководящего органа ОУН; - ЦГАОО Украины, ф. 57, оп. 4, д. 377, л. 40.

⁴⁶ ЦГАОО Украины, ф. 57, оп. 4, д. 377, л. 28.

⁴⁷ ЦГАОО Украины, ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 152.

⁴⁸ ЦГАОО Украины, ф. 128, оп. 1, д. 5, л. 24.

⁴⁹ *Мірчук П.* Українська Повстанська армія 1942 – 1952 рр. – К.: Народна газета, 1991. – С. 9.

⁵⁰ *Бондарчук Л.* Діяльність ОУН-УПА на Волині і Поділлі під час німецької окупації у Другій світовій війні /Поділля і Волинь в контексті історії українського національного відродження. – Хмельницький, 1995. – С. 175.

⁵¹ *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні. – С. 414.

⁵² Там же; - С. 423.

⁵³ ЦГАОО Украины, ф. 57, оп. 4, д. 377, л. 40.

⁵⁴ Цитируется по книге “Безсмертя”... – С. 214.

⁵⁵ ЦГАОО Украины, Ф. 57, оп. 4, д. 169, л. 16.

⁵⁶ *Муковський І., Лисенко О.* Звитяга і жертвність на фронтах другої світової війни. – К., 1996. – С. 416.

⁵⁷ ГАВО, Ф. П – 425, оп. 1, д. 128, л. 44.

⁵⁸ ГАВО, Ф. П – 425, оп. 1, д. 4, л. 4.

4.4. Использование трудовых ресурсов Подолии румынской оккупационной администрацией

Нацисты планировали получить для промышленности, строительства, сельского хозяйства рейха из оккупированных советских территорий 15 миллионов рабочих. Всего же успели вывезти на каторгу 4978 тысяч человек, что составляет примерно 30 процентов от намеченного.¹

Конечно, 30 % – это даже не половина запланированного, но количество рабочей силы, которая стоит за этим, все же очень большое. Для сравнения приведем данные о количестве населения ряда бывших советских республик (по состоянию на 01.01.1966 – 01.01.1968 гг.): Азербайджанская ССР – 4600 тыс. чел., Грузинская ССР – 4500 тыс. чел., Молдавская ССР – 3368 тыс. чел., Литовская ССР – 2986 тыс. чел., Таджикская ССР – 2654 тыс. чел., Киргизская ССР – 2552 тыс. чел., Латвийская ССР – 2262 тыс. чел., Армянская ССР – 2200 тыс. чел., Туркменская ССР – 1966 тыс. чел., Эстонская ССР – 1285 тыс. чел. И так, фактически было вывезено население целой, а то и нескольких союзных республик, или почти весь личный состав Красной Армии начала июня 1941 года. Таких объемов депортации гражданского населения противоположной воюющей стороной с целью использования его в собственной военной экономике и в других сферах хозяйства история еще не знала...

Основным источником потенциальных рабов и полигоном для обработки методов насаждения на оккупированных территориях «нового порядка» была Украина. Ведь именно здесь новоявленные колонизаторы, которые провозглашали, что жить в Украине должны только люди немецкой, арийской крови, отличились особо жестоким, разнузданным террором. «Они замучи-

ли на украинской земле 5264 тыс. чел. мирного населения (евреев и цыган – почти всех) и военнопленных, депортировали в Германию на каторжные работы 2,4 млн. чел. молодежи». ²

Как видим, половину всех насильно вывезенных из СССР. И так, варварский «эксперимент» по «коррекции» общественно-экономического развития человеческой цивилизации был проведен нацистами в основном над украинцами...

Каково здесь место Подолии? Уже упоминалось, что отсюда было вывезено на немецкую каторгу около 200 тысяч человек. Архивные документы позволяют конкретизировать количество депортированных граждан по каждому району в частности:

Винницкая область

Районы	Чел.
Барский	2191
Бершадский	20
Брацлавский	350
Вороновицкий	1575
Винницкий	1761
Винница	(13400) ³
Гайсинский	4862
Дашевский	2987
Джулинский	2550
Жмеринский	1090
Ильинецкий	1643
Калиновский	3613
Комсомольский	1200
Казатинский	778
Крыжопольский	3
Копайгородский	112
Литинский	2348
Липовецкий	3125
Могилев-Подольский	37
Мурованокуриловецкий	2235
Монастырищенский	5711
Немировский	1631
Ободовский	14
Ольгопольский	47

Оратовский	2817
Плисковский	1760
Песчанский	880
Погребищенский	2148
Самгородоцкий	1271
Ситковецкий	1731
Станиславчицкий	10
Тростянецкий	145
Турбовский	1650
Теплицкий	3892
Томашпольский	5
Тульчинский	29
Тывровский	412
Улановский	2798
Хмельникский	4868
Шаргородский	32
Шпиковский	40
Черновицкий	28
Чечельницкий	9
Ямпольский	89
Ярышевский	753 ⁴
ВСЕГО	78650

Каменец-Подольская область

Каменец-Подольский	5000
Проскуров	1316
Шепетовка	273
Антонинский	4885
Базалийский	4234
Берездивский	1235
Виньковецкий	2941
Вовковинецкий	1836
Волочиский	3982
Городоцкий	3725
Грицевский	4285
Деражнянский	2771
Довжоцкий	7195
Дунаевецкий	2250
Изяславский	1851
Красилловский	1936

Летичевский	2162
Ляховецкий	3227
Меджибожский	1710
Миньковецкий	2132
Михалпольский	1587
Новоушицкий	5237
Орининский	4788
Остропольский	3157
Плужнянский	3084
Полонский	1954
Проскуровский	3534
Сатановский	1958
Славутский	2822
Смотрический	4490
Солобковецкий	2140
Староконстантиновский	2497
Старосинявский	2543
Староушицкий	3002
Теофипольский	3489
Фельштинский	2138
Чемеровецкий	3125
Черноостровский	3042
Шепетовский	1682
Ярмолинецкий	2015
ВСЕГО	117230 ⁵

Бросается в глаза большая разница в количестве насильственно вывезенных рабочих рук по разным регионам края. Больше всего их депортировано из Каменец-Подольской области, северных, центральных и восточных районов Винницкой. А такие районы Винниччины, как Бершадский, Крыжопольский, Могилев-Подольский, Ободовский, Ольгопольский, Песчанский, Станиславчицкий, Тростянецкий, Томашпольский, Тульчинский, Шаргородский, Шпиковский, Черновицкий, Чечельницкий, Ямпольский словно остались без внимания гитлеровских вербовщиков – из них в общей сложности вывезено в нацистское рабство лишь 1388 чел.

Разгадка такоого «исключения из правил» главным образом объясняется наличием так называемого «*румунского фактора*», то есть принадлежностью этих районов к «*Транснистрии*» (к «румынским владениям» принадлежали почти весь Ко-

пайгородский район, две трети Тывровского, больше половины Брацлавского, половина Жмеринского и Ярышевского районов, почти половина Барского, некоторая часть Мурованокуриловецкого и Немировского районов).

Несмотря на то, что Румыния была сателлитом и стратегическим партнером нацистской Германии, по ряду позиций румыны старались проводить собственную политику, особенно в Транснистрии, которую считали своей военной добычей.

Так, если на территориях, которые попали под немецкую оккупацию, решение «еврейского вопроса» означало поголовное уничтожение евреев, то в Транснистрии еврейские гетто фактически просуществовали всю войну (на Виннитчине их узники гибли в основном не от массовых расстрелов, а от болезней, изнурительного труда и голода – как остарбайтеры в Германии. Массовые расстрелы невольников гетто имели место в Одесской, Николаевской областях).

Если немцы допускали существование лишь начальных школ, то в Транснистрии внедрялось шестилетнее образование. «...Каждый гражданин должен посылать своих детей в школу исключительно по седьмой класс, где обучение является обязательным, – говорится, в частности, в распоряжении претуры Станиславчицкого района. – Не посещать школу могут только случайно, например, по болезни. Родители, которые не будут посылать своих детей в школу, будут оштрафованы на сумму 50 руб. или на трудодни». ⁶

Если немцы безжалостно расстреливали каждого, кто осмеливался пользоваться радиоприемником, то в Транснистрии осуществлялась даже определенная радиофикация отдельных населенных пунктов:

«1. В м. Шпикове Тульчинского уезда организуется радиозел, который будет транслировать в определенные точки радиопередачи из Румынии по радиостанции «Бухарест».

...4. Список абонентов для трансляции проверяется жандармерией и утверждается господином претором района.

5. Такса за слушание радиопередач устанавливается с каждого репродуктора по 3 немецких марки в месяц...

6. Программа ежедневных передач: с 7 до 8 ч. утра, с 14 до 15 ч. с 18 до 23 ч. вечера». ⁷ (Постановление претуры Шпиковского района от 10 января 1942 г.).

Если гитлеровцы предавали огню все, что касалось советской идеологии, то румыны нередко действовали наоборот:

«15. IX. 1942 г.

Всем старостам сел.

Согласно распоряжению Тульчинской уездной Префектуры № 872 от 19 сентября 1942 г. предлагается Вам принять меры по сохранению бывших советских архивов, политических книг, библиотек и не допускать уничтожения их.

Претор Шпиковского района». ⁸

Если немцы наказывали смертью людей, которые занимались самогонварением, то румыны поощряли таких, правда, преследуя при этом цель получения экономической выгоды:

«11.02.1942 г. Старосте с. Джугастра

На основании приказа губернаторства Транснистрии № 1092 1942 г. о том, что можно выдать разрешение частным лицам на изготовление водки из хлеба, фруктов и прочих продуктов, о чем имеем честь довести до Вашего сведения и для объявления населению своего села о том, что лица, желающие приступить к этому производству, должны иметь разрешение районного претора, справку врача о состоянии помещения, в котором проводится работа, регистрацию райфинотдела. Изготовление водки разрешается на таких условиях: половина продукции, которая будет изготовлена, должна поступить на счет государства..., а другая – в пользу производителя... Лица, не имеющие разрешения на изготовление самогона, должны быть оштрафованы на сумму до 100 марок.

Претор райуправы	Гайдауцу
Зав. райфинотделом	Кудик
Секретарь райуправы	Назаров». ⁹

Серьезные расхождения между румынами и гитлеровцами существовали и по поводу вывоза рабочей силы в Германию. Румынская сторона считала, что недостаток рабочих рук ощущается именно у нее, в частности, в Транснистрии, которую нужно было поспешно осваивать и надлежащим образом эксплуатировать, чтобы максимально воспользоваться всеми ее богатствами (в грабеже румынские захватчики ни в чем не уступали немецким), а потому запрещала любой вывоз отсюда трудоспособного населения, рассматривая его как своих подданных. В государственном архиве Винницкой области сохранился документ, датированный 11 апреля 1942 года, который подтверждает это, – распоряжение префекта Могилевского

уезда «не выдавать виз на выезд в Германию квалифицированным специалистам, поскольку в Транснистрии чувствуется нехватка рабочей силы». ¹⁰

Чтобы покрыть этот дефицит, в Транснистрию было насильно депортировано значительное количество жителей соседней Черновицкой области. Так, из одного лишь Новоселицкого района – 4560 чел. ¹¹ Почти 40000 чел. (в основном еврейской национальности) – из самих Черновцов. ¹²

Учитывая заслуги администрации диктатора И. Антонеску перед нацистским рейхом, гитлеровцы до поры – до времени удерживались от глумления над своим прихлебателем.

Интересно, что рабочие из Северной Транснистрии не вывозились насильно даже в Румынию. Дешевой рабочей силой здесь стали советские военнопленные. Причем в качестве рабов: 4 августа 1942 года бухарестское радио сообщило, что «землевладельцы, нуждающиеся в рабочих на зимний период, должны явиться в местные сельскохозяйственные управления и подать до 15 августа заявки о количестве необходимых им рабочих, которые будут им предоставлены из числа пленных». ¹³ (Следует сказать, что советские военнопленные использовались не только в сельском хозяйстве. В Румынии «на угольных шахтах весной 1942 г. работало более тысячи военнопленных, а в августе – декабре их число увеличилось еще на 1155 человек»)... ¹⁴

Все местное рабочее население Северной Транснистрии румынские власти использовали для потребностей собственной экономики и личного обогащения, не перемещая его с обжитых мест. И наверное, в этом проявили благоразумие. Так, юг Винницкой области – это, пожалуй, самые лучшие в Европе черноземы, развитое свекловодство, животноводство, пищевая промышленность. Отрывать же извечных земледельцев от своего ремесла и принуждать их выполнять несвойственную им работу было бы просто неразумно. Поэтому были сохранены колхозы как коллективные общины (только их названия изменены на румынские), профтехобразование.

В частности, осенью 1942 г. губернаторство Транснистрии открыло в ряде населенных пунктов «практические государственные школы», а в Верховке, Могилев-Подольском, Балте – земельные техникумы, в Шпикове – ремесленную школу. ¹⁵

Была проявлена забота о повышении квалификации рабочих промышленных предприятий как способа усиления экс-

плуатации. Так, в феврале 1943 г. преторы районов получили распоряжение, в котором говорилось: «Будьте добры принять срочные меры, чтобы все предприятия, расположенные на территории вашего уезда, немедленно организовали краткосрочные практические курсы для подготовки и поднятия квалификации неквалифицированных рабочих, которые работают на этих предприятиях». ¹⁶

Работать же обязывали всех. Как в селах, так и в городах. В первую очередь молодежь.

Для юношей, которые достигли 20-летнего возраста, вместо службы в армии приказом № 80 от 24 августа 1942 г. губернатора Транснистрии профессора Г. Алексияну предусматривалась «годовая обязательная служба в «Трудовом войске». ¹⁷ Тем не менее, отбыв в нем свой срок, никто не освобождался от трудовой повинности.

Наиболее ненормированным рабочий день (причем для всего населения) был в сельском хозяйстве, в особенности во время важных сельскохозяйственных кампаний – посевной, возделывания технических культур, жатвы и т. п. О порядках, которые устанавливались тогда, рассказывает хотя бы такой документ:

«21.IV.42 р. Претуре района Шпиков.

1. Программа для всех служащих включительно.., а также для всего населения. Работа на поле от 5 час. до 21 час., а там, где состояние заставляет работать ночью, использовать ночное время, в особенности лунные ночи.

2. Запрещаются на 1 месяц все свадьбы...

3. Запрещаются воскресные базары.

4. Прием в претуре и префектуре по важным делам будет проводится только по воскресеньям от 12 до 13 часов.

5. Запрещается выезд подвод без надобности. Имеют право на выезд лишь подводы с горючим, зерном и другими материалами, связанными с посевной.

6. Закрываются школы, а дети и учителя будут использованы согласно распоряжениям.

7. Все служащие работают на поле согласно данным приказам.

Префект Тульчинського уезда полковник Логин». ¹⁸

Массово привлекалось население, а также невольники многочисленных еврейских гетто, к выполнению других работ, которые требовали немалых затрат человеческого труда. Напри-

мер, во время строительства дороги от станции Немерче до одноименного села сюда сгонялось почти все население Копайгородского района. «Каких только издевательств не испытал народ на этом строительстве. На работу гнали ранним утром. Рабочий день тянулся с 3-х часов утра до 10-и вечера под суровым надзором. За малейшее уклонение от работы били... Наибольшим палачом был сам претор Ион Воде и его прислужники: комендант Мигуца и жандарм Бугай. Немало жертв забрало строительство... Трое людей были расстреляны. Много женщин и детей заболели от непосильного труда». ¹⁹

Невыход же на работу (как и неуплата налогов) жестоко наказывались (здесь румыны не уступали немцам). Так, в с. Юзвинцах Барского района за это в поле и в селе были избиты 16 жителей, двое – арестованы и отправлены в тюрьму. ²⁰

Запрет на вывоз рабочей силы из «Транснистрии», в частности из северной части, действовал и выполнялся до конца января 1944 г., пока существовала самая провинция (с 29 января 1944 года по воле немцев она стала называться «Территорией между Днестром и Бугом», а ее гражданская администрация была заменена военной во главе с генералом Потопяну, фактически полностью контролируемой отступающими гитлеровцами). За время существования «Транснистрии» в Германию выехали разве что единицы добровольцев. Остальные из 1388 чел. были депортированы в рейх в феврале – первой половине марта 1944 г., когда здесь еще успели похозяйничать немцы. Достичь большего гитлеровцы не сумели.

Так жадность одного агрессора уберегла десятки тысяч людей от насильственного вывоза на каторгу другим агрессором...

Несложные подсчеты показывают, что *всего из Подолии было депортировано 195880 граждан. Как это соотносится с общим количеством подолян, которые остались на оккупированной территории?* Чтобы ответить на данный вопрос, прежде всего нужно знать это количество. К сожалению, речь может идти лишь о приблизительных данных, поскольку документы, которые непосредственно содержали бы такую информацию, в отечественных архивах практически не обнаружены.

Сложность состоит еще и в том, что Подолье было разделено оккупантами на 3 большие административно-территориальные единицы, которые «прихватывали» территорию не только соседних областей, но и республик. Поэтому для воспро-

изведения полной картины из разрозненных данных о них приходится вычленять статистическую информацию, которая касается собственно Подолии.

Если доверять трофейным документам, то ее можно получить из распоряжения Э. Коха от 1 марта 1942 г. о создании в рейхскомиссариате «Украина» генералбецирков (генеральных округов) и гебитскомиссариатов (областей). Там с указанием районов, которые должны были войти в названные структуры, помещены сведения об их площади и количестве проживающего в них гражданского населения.

В генералбецирк «Волынь-Подолия» вошли 10 генерал-комиссариатов, расположенных на Каменец-Подольщине и частично на Виннитчине: Антонины (148000 чел.), Бар (189000 чел.), Дунаевцы (198400 чел.), Изяслав (191200 чел.), Каменец-Подольский (331300 чел.), Летичев (165500 чел.), Староконстантинов (202200 чел.), Проскуров (280800 чел.), Шепетовка (240300 чел.), Ярмолинцы (176300 чел.). В генералбецирк «Житомир» – вошли генералкомиссариатов, расположенных на Виннитчине: Винница (102000 чел.), Гайсин (227500 чел.), Ильинцы (151100 чел.), Калиновка (140900 чел.), Казатин (115300 чел.), Литин (148000 чел.), Монастырище (123000 чел.), Немиров (105000 чел.).²¹ В генералбецирке «Волынь-Подолье» оказалось 2 млн. 113 тыс. подолян, в генералбецирке «Житомир» – 1 млн. 112 тыс. 800. Всего на Подолии в обоих генеральных округах – 3 млн. 235 тыс. 800 подолян.

Но была еще и Северная Транснистрия, где жило около миллиона человек. Однако учитывая то, что волей обстоятельств она оказалась практически исключенной из «заукалевой мобилизации», для большей объективности количество населения, которое проживало здесь, при подсчете во внимание брать не будем. Остановимся лишь на общем количестве подолян, которые оказались во время оккупации в тех регионах края, где особо неистовствовали «вербовочные» кампании и существовала постоянная реальная угроза насильственного вывоза в Германию. Так вот, 3235800 (количество подолян, которые проживали в генералбецирках «Волынь-Подолье» и «Житомир») делим на 195800 (количество депортированных). Выходит около *16,5 процента* (если прибавить к 3-м миллионам 236-и тысячам еще и почти миллион количественного состава населения Северной «Транснистрии», то процентный показатель будет еще ниже).

И это – несмотря на неистовый террор нацистов, на то, что к вербовке были подключены вермахт, карательные части СС и СД, колоссальный административный аппарат, начиная от Э. Коха и кончая сельскими старостами, председателями общин, местными полициями!

За этим скромным (с точки зрения достижения захватчиков) показателем в 16,5 % стоят непокоренность и свободолюбие подолян, их пассивное и активное сопротивление мероприятиям оккупационной власти, противодействие вражеским планам и намерениям со стороны красных партизан, партийно-комсомольского подполья, части сил национально-освободительной ориентации, особая политика диктаторской Румынии относительно Северной «Трансильстрии».

А все это вместе – реальный вклад подолян в крах колониаторских, человеконенавистнических планов Заукеля, его преступных соучастников и покровителей.

Итак:

- нацистские захватчики, приступив к массовой депортации гражданского населения на немецкую каторгу, столкнулись на Подолии с ощутимым сопротивлением, которое постоянно возрастало. Сопротивлялись жители края, саботируя распоряжения и требования оккупационных властей; красные партизаны, участники партийно-комсомольского антифашистского подполья, а также в определенной мере силы национально-освободительной ориентации. В результате враг недополучил довольно значительное количество рабочей силы, на которую рассчитывал;

- стараясь вывезти на каторгу максимальное количество людей, гитлеровцы этим самым хотели еще и уберечь себя от активного противодействия поработанного населения, физически подорвать его силы и возможность разворачивать освободительную борьбу;

- координатором организованного народного Сопротивления была Коммунистическая партия, которая, несмотря на серьезные просчеты сталинского руководства в предвоенные годы и на начальном этапе войны, сумела сохранить и распространить свое влияние среди

подолян, мобилизовать их на активное выступление против захватчиков;

- развертыванию борьбы местного населения с врагом способствовала и сама человеконенавистническая политика оккупантов;

- борьба с гитлеровскими захватчиками была бы значительно эффективнее, если бы не противостояние красным партизанам, партийно-комсомольскому подполью сил национально-патриотической ориентации и коллаборационистов, которое нередко перерастало в гражданскую, братоубийственную войну, что было еще одной трагедией украинского народа.

¹ Загорулько М., Юденков А. Крах плана «Ольденбург». - С. 355.

² Історія України: нове бачення. - В 2 т /Під ред. В. А. Смолія. - Т. 2. - К.: "Україна", 1996. - С. 308 - 309.

³ В документе, из которого приводятся эти данные (ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 17, л.1), указывается 639 чел. Другой документ, который появился позже (ГАВО, Ф. Р - 1683, оп. 1, д. 5, л. 2), утверждает, что из г. Винницы на немецкую каторгу были вывезены 13400 чел. Это и соответствует действительности.

⁴ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 17, л. 1.

⁵ ГАХО, Ф. Р - 863, оп. 2, д. 30, л. 3.

⁶ ГАВО, Ф. Р - 1533, оп. 1, д. 1, л. 63.

⁷ ГАВО, Ф. Р - 1417, оп. 5, д. 107, л. 14.

⁸ ГАВО, Ф. Р - 1417, оп. 3, д. 12, л. 112.

⁹ ГАВО, Ф. Р - 1644, оп. 1, д. 1, л. 85.

¹⁰ ГАВО, Ф. Р - 2966, оп. 2, д. 8, л. 110.

¹¹ Государственный архив Черновицкой области (далее: ГАЧО), Ф. Р - 2482, оп. 1, д. 6, л. 63.

¹² Там же; - Л. 33.

¹³ РГВА, Ф. 32, оп. 11302, д. 104, л. 591.

¹⁴ Загорулько М., Юденков А. Крах плана «Ольденбург». - С. 342.

¹⁵ ГАВО, Ф. Р - 1533, оп. 1, д. 1, л. 13.

¹⁶ ГАВО, Ф. Р - 1417, оп. 5, д. 4, л. 10.

¹⁷ Справочно-информационный фонд научно-справочной библиотеки центральных государственных архивов Украины, инвент. № 3697.

¹⁸ ГАВО, Ф. Р - 1417, оп. 5, д. 2, л. 431.

¹⁹ ГАВО, Ф. П - 425, оп. 1, д. 7, л. 22.

²⁰ ГАРФ, Ф. 7021, оп. 54, д. 1273, л. 131.

²¹ ЦГАВОВУ Украины, Ф. 3206, оп. 1, д. 6, л. 1 - 5.

V. Проблемы, трудности, особенности репатриации

5.1. Освобождение каторжников из нацистского рабства

В октябре 1944 года наступающая Красная Армия вступила на территорию Германии – на гумбинненском направлении в Восточной Пруссии. 19 января 1945 года советские танки пересекли бывшую польско-германскую границу в Верхней Силезии. Еще к началу марта 1945 года в пределы Германии вступили войска союзников. Перемещение Восточного и Западного фронтов на территорию гитлеровской Германии означало начало заключительного этапа Второй мировой войны на Европейском континенте.

Наступление советских и американско-английских войск несло мир на очищенные от гитлеровцев территории, долгожданное освобождение поработанных народов от нацистского гнета. Причем это касалось не только коренных жителей освобожденных стран, а и миллионов насильно перемещенных в рейх лиц, которые использовались там как даровая рабочая сила.

Из немецкого документа (обзора Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукеля об использовании рабочих из оккупированных областей) известно, что по состоянию на 30 ноября 1942 года в рейхе работало 2 млн. 362 тыс. 168 иностранных рабочих. Наибольшее их количество было из оккупированных восточных территорий – 1375567 чел. В документе помещены данные также о количестве иностранной рабочей силы из других регионов Европы: генералгубернаторства (включая Галицию) – 291756 чел., Вартегау – 38369 чел., протектората – 79451 чел., Франции (без ее северной части) – 168488 чел., Бельгии (вместе с Северной Францией) – 103486 чел., Нидерландов – 86006 чел., остальной Европы – 189045 чел.¹

Кроме этого, в рейхе работало 417524 чел. военнопленных. Как видим, количество восточных рабочих на 418966 чел. пре-

вышло суммарное количество всех остальных зарубежных рабочих (956601 чел.). Это «преимущество» значительно возросло в последующие годы...

Использовалась же наиболее массовая «рабочая сила с Востока» по всей Германии, а также в Австрии, Бельгии, Италии, Польше, Норвегии, Чехословакии, Франции и других странах. Подоляне не были здесь исключением – в результате насилия нацистских рабовладельцев они тоже оказались в разных уголках Центральной и Западной Европы.

Наиболее часто жители Подолии как рабочая сила вывозились в промышленные центры Германии. В частности, их труд довольно широко использовался на шахтах, металлургических заводах Рура – в городах Эссене, Дортмунде, Дуйсбурге, Гельзенкирхене, Бохуме, Ботроне, Оберхаузене и др., на шахтах Восточной Германии, рудниках цветных металлов в приморских районах, на металлургических предприятиях Саарской области, городов Бремена, Любека, Зальцгиттера, Пейме, Зигена. Подолян также принуждали работать на предприятиях авиационной промышленности Гамбурга, Мюнхена, Франкфурта, Аугсбурга, на танковых заводах в Ворамсе, Кельне, текстильных фабриках городов Вупперталя, Крефельда, Билефельда (Северный Рейн-Вестфалия), Аугсбурга, Штутгарта (Южная Германия), Айслебена, Райхенбаха (Восточная Германия), на многих других предприятиях военной промышленности, грузчиками и чернорабочими в портах и на железных дорогах.

Еще шире использовался их труд в сельском хозяйстве, причем по всей Германии.

В Австрии рабочие-подоляне работали в основном на промышленных предприятиях придунайских городов, в Польше и Чехословакии – в Силезии, во Франции – в департаменте Падде-Кале.

Дальше всех от отчего дома оказались те подоляне (например, И. О. Скоцкий из с. Струтинки Липовецкого района, П. М. Янивец из с. Павловки Погребищенского района, И. И. Алексишин из с. Черепашинец Калиновского района и др.), которых судьба забросила на Нормандские острова (владение Великобритании), что в пролив Ла-Манш, в частности, на остров Джерси, где они вынуждены были строить фортификационные укрепления...

Всего же из Советского Союза немецкие оккупационные власти насильно вывезли, как указывалось в обвинительных

документах Нюрнбергского трибунала, **4 миллиона 978 тысяч 735 чел.** гражданского населения.²

На заключительном этапе войны судьба всех остарбайтеров, которые в нечеловеческих условиях нацистской каторги сумели дожить до весны 1945 года, висела на волоске. Каждую минуту над ними могла свершиться кровавая расправа. Агонизирующий гитлеровский режим был намерен потянуть за собой в могилу доведенный до катастрофы немецкий народ, а также тех, кого нацисты не считали людьми вообще.

Альберт Шпеер вспоминает, что, выступая 3 августа 1944 г. в Познани на собрании гауляйтеров, А. Гитлер заявил: «Если немецкий народ в этой борьбе потерпит поражение, значит, он был довольно слабым. Значит, он не выдержал своего испытания перед историей и ни к чему другому, кроме гибели, предназначен не был...».³

Аналогичное высказывание фюрера приводит и Гудериан: «Если война будет проиграна, то и народ погибнет. Эта его судьба неотвратима. И нам нечего беспокоиться о сохранении тех материальных основ, которые понадобятся людям для их дальнейшего примитивного существования. Лучше нам самим все это разрушить... Все равно уцелеют после войны лишь неполноценные...».⁴

Но и им не жить на земле.

«Если национал-социалистическая Германия должна погибнуть, то наши враги... не должны праздновать триумф... Они не должны дожить до этого дня. Таков четкий и логичный приказ фюрера, и я побеспокоюсь о том, чтобы он был выполнен точно и основательно»,⁵ – с такой угрозой выступил, в частности, 5 марта 1945 года Гиммлер.

Однако из-за стремительного продвижения фронтов вглубь Германии нацистам было не до массовых экзекуций, хотя они все же осуществлялись. Так, отдельные подоляне-остарбайтеры вспоминают о массовом уничтожении людей в крематориях, а немецкий исследователь М. Келлер на основе отчета СС даже написал книгу «С русскими бабами покончено».⁶ Собственно, это – документальное расследование трагедии, произошедшей 26 марта 1945 г. (за неделю до прихода американцев) в лагере Хирценхайн в Фогельсберге возле Нидерталя, когда 81 женщина (остарбайтерки и полячки) и 6 мужчин былиумышленно расстреляны гестаповцами.

Как видно из опросного листа Н. Л. Токарчук (с. Юзвин Вин-

ницкого района), ее тоже подстерегала подобная смерть. В городе Заальфе (Тюрингия) подолянку и других остарбайтеров даже привели к месту расстрела. Не позволило разыгаться кровавой драме только неожиданное наступление советских войск.⁷

Освобождение союзниками

Особенно стремительно перемещался Западный фронт, где гитлеровцы фактически не оказывали серьезного сопротивления, хотя кровопролитные бои громыхали и здесь. Для примера вспомним хотя бы известную Нормандскую десантную операцию (6 июня – 24 июля 1944 года), которая положила начало открытию второго фронта в Европе. Тогда, борясь за стратегический плацдарм на французском побережье Ла-Манша, союзники потеряли 122 тыс. своих солдат и офицеров.⁸ Или же битву в Арденнах, где англо-американские войска попали в очень тяжелое положение и едва не потерпели поражение, от которого их спасло лишь наступление Красной Армии, поскольку немецкому командованию срочно пришлось перебросить все имеющиеся резервы на Восточный фронт. Да и численность гитлеровских войск, которые противостояли союзникам, была значительно меньшей, чем на Востоке. К началу июня 1944 года на советско-германском фронте действовало 239 дивизий противника, в т. ч. 181 немецко-фашистская (остальные – из стран-сателлитов нацистской Германии). Во Франции, Бельгии и Нидерландах оставалось 58 германских дивизий низкой боеспособности.⁹ Лишь в январе 1945 года их количество возросло до 74-х.¹⁰

Благодаря стремительности продвижения союзнических армий, а также особенностям упомянутой выше «географии» размещения рабочей силы в рейхе, большинство подолян было освобождено из нацистской неволи именно войсками союзников – американцами, англичанами.

Разумеется, этот день остался в памяти каждого остарбайтера на всю жизнь.

«В день освобождения немцы всех наших рабочих удерживали в лагере. Выходить из барака категорически запрещалось. Ни есть, ни пить не давали. Все думали, что нас должны расстрелять или сжечь живьем. Кто-то даже рассказывал, что именно так произошло неподалеку в одном из рабочих лагерей.

С тяжелым сердцем мы ждали смерти. Но неожиданно пришло освобождение. Налетели американские самолеты и стали сбрасывать на город бомбы. Одна из них взорвалась на территории лагеря. И так сильно, что стены барака во многих местах не выдержали, вырвало дверь, у меня зазвенело в ушах. Кое-кого убило, многие рабочие получили ранения. Как только взорвалась бомба, немецкая охрана в панике разбежалась и больше мы ее не видели. Через несколько минут появился небольшой американский танк. Он остановился недалеко от ворот лагеря. Из него вышли два танкиста. Один был негр... Второй – похожий на нас. Наверное, офицер. На плохом русском языке он сказал, что они знали о нас и что мы теперь свободны...». ¹¹ (Из воспоминаний В. М. Кириленко, с. Бубновка Гайсинского района).

«...Работала я в Баварии в г. Людвигштадт на заводе «Вайс унд Этрих», который производил применяемый в самолетостроении асбестовый холст... За несколько дней до освобождения мастер Этрих решил от меня избавиться (перед этим он меня сильно избил) и присоединил к интернациональной колонне, которую гнали в Кронас в крематорий. Но когда мы вошли в Кронас, то в это время налетели самолеты и стали обстреливать город. Воспользовавшись случаем, я сбежала из колонны, добралась до какого-то села, а оттуда снова возвратилась в Людвигштадт. Там уже были американцы. Вскоре оказалась в лагере среди своих соотечественников, с которыми возвратилась домой...». ¹² (Из воспоминаний Ю. А. Мокренко, с. Завалля Монастырищенского района).

«Я работала в Гамбурге на рыбной фабрике. Город систематически бомбила английская авиация. Англичане очень любили фугасные бомбы, которые вызывали большие пожары. От такой бомбы еще в 1943 году сгорел наш лагерь, поэтому нас перевели в конюшню на окраине города. Там мы и жили. Мы видели, что немцы готовились к обороне. Всюду в городе они строили баррикады. Когда их построили, то совсем забыли о нас. Не водили на работу, не давали ни воды, ни пищи, но и выйти из конюшни не разрешали. Так продолжалось несколько дней, пока на домах не появились белые флаги. Тогда пришли наши освободители – англичане. Через переводчика спросили, не голодные ли мы? Мы ответили, что очень. Сил у нас не было, а потому мы руками, плечами поддерживали друг друга. Жили мы в Гамбурге больше месяца, пока не стали похожими

на людей. Миска настоящего супа и настоящий хлеб казались нам божьей благодатью...». ¹³ (Из воспоминаний В. И. Гуменчук, с. Павловка Калиновского района).

«Нас было 10 ребят-остарбайтеров. Работали мы в селе, расположенном на берегу Рейна, у бауэра. Днем мы трудились в его имении и в поле, а на ночь он закрывал нас в отдельном кирпичном доме с решеткой на окнах. Незадолго до того, как в село вошли американцы, он куда-то сбежал, потому никто уже не заставлял нас работать, не закрывал. Мы решили изготовить белый флаг и пойти навстречу американцам. Как только вышли с ним за село, неожиданно повстречались с группой вооруженных людей. Что они говорили, мы не понимали, но отнеслись к нам довольно неприветливо. Они заставили нас развернуться, построиться в линию и идти назад в село. Сами метрах в 100 позади нас. Это была американская разведка. Если бы в селе оказались гитлеровцы, они бы непременно нас легко перестреляли, но на наше счастье никто не стрелял. Спустя некоторое время в село въехали машины с американскими солдатами... Мы никак не могли поверить, что рабство окончилось...». ¹⁴ (Из воспоминаний К. И. Мосенза, с. Орловка Теплицкого района).

Как показывает анализ документов, освобождение восточных рабочих, в том числе каторжан-подолян, войсками союзников во многих случаях обходилось без боя – немцы, особенно в последние месяцы войны, заметного сопротивления не оказывали, а организовано сдавались в плен или капитулировали, что раздражало даже самого Гитлера. Так, Гудериан вспоминает слова фюрера: «На Восточном фронте солдаты воюют значительно упорнее. То, что на Западном фронте они так быстро капитулируют, объясняется исключительно этой идиотской Женевской конвенцией, которая гарантирует им хорошее обращение в плену. Мы должны расторгнуть эту идиотскую конвенцию...». ¹⁵

Однако дело было не только в конвенции. Среди воюющих немцев считалось, что лучше оказаться под контролем западных государств, чем допустить за Эльбу Красную Армию, которая победоносно наступала на столицу рейха.

Остарбайтеры гибли или получали увечья не столько от прохождения Западного фронта, как от бомб во время налетов авиации тех же союзников, что подтверждается множеством документов (письмами остарбайтеров из Германии, их вос-

поминаниями). Современные немецкие исследователи подсчитали, что в результате бомбардировок союзнической авиацией было разрушено 3,6 млн. жилых домов, погибло 600 – 630 тыс. человек.¹⁶ В их числе немало и наших соотечественников. Так, «в Дрездене живыми сгорели 2000 остарбайтеров, заточенных в местной тюрьме...».¹⁷

Освобожденные союзниками остарбайтеры, общее количество которых стремительно возрастало, увеличиваясь из десятков до сотен и сотен тысяч человек, сосредоточивались в так называемых сборных центрах, охраняемых американскими или английскими, или французскими (после раздела Германии на зоны оккупации) военнослужащими. Однако режим их содержания был либеральным – проживающим в лагерях в случае необходимости разрешался краткосрочный выход за пределы лагеря. Бывших остарбайтеров не принуждали работать, принимать участие в боевых действиях. Они просто набирались сил, получая трехразовое питание. Но проголодавшимся, изможденным каторжным трудом людям этого иногда казалось мало. Находясь за пределами лагеря, небольшие группы наших соотечественников нередко прибегали к ограблению местного населения. Так, в своих воспоминаниях цитированный выше К. И. Мосенз рассказывает об ограблении недавними остарбайтерами монастыря в Кобленце...

Освобождение Красной Армией

Темпы продвижения Красной Армии были сравнительно более медленными, чем вооруженных сил союзников. Именно на советско-германском фронте на протяжении всей войны концентрировалась основная масса немецких войск.

К началу 1944 года, когда гитлеровцы перешли к жесткой позиционной обороне, которую держали до своего полного разгрома, здесь воевало 198 их дивизий и 6 бригад, а также 38 дивизий и 18 бригад их сателлитов. Всего же немецкая армия имела в это время 314 дивизий и 8 бригад. В рядах вермахта насчитывалось около 6,7 млн. чел. Из них почти 5 млн. военнослужащих использовались на советско-германском фронте, где гитлеровцы имели около 54,6 тыс. орудий и минометов, 5400 танков и штурмовых орудий и более 3 тысяч самолетов.¹⁸ Чтобы одолеть такую силу, необходимо было приложить огромнейшие усилия.

Особенно упорным оказалось сопротивление гитлеровцев на немецкой территории (чего стоит только одна из крупнейших во 2-й мировой войне историческая Берлинская операция, которая характеризовалась исключительно высоким накалом борьбы с обеих сторон!..).

Наступающим советским войскам довольно часто ценой больших жертв приходилось брать с боем едва ли не каждый населенный пункт, укрепление, освобождая из нацистской неволи не только поработанные народы Европы, а и своих соотечественников, которые оказались в немецком рабстве.

«...Сперва мне пришлось работать в Гамбурге, но затем немцы перевели в Освенцим. Разместили здесь в лагере № 2, а со временем в № 5 – строгого режима для советских граждан. Работал электросварщиком на строительстве фабрики «Фарбениндустри». В конце декабря 1944 г. советские войска подходили к Кракову и нас партиями стали переводить в тыл Германии. Тем не менее, сделать это полностью немцам не удалось. Меня и еще многих рабочих отбила у них наша армия...». ¹⁹ (Из воспоминаний С. Д. Рашковского, с. Лопатин Казатинского района).

«Я работала в селе километров за десять от Одера. Однажды весной от речки донесся сильный грохот, похожий на гром, а небо на востоке ночью стало красным. Это наступали наши. Потом канонада приблизилась. Через несколько дней снаряды начали взрываться в селе. Здесь было много немцев, разной техники. Часть танков и машин с орудиями двигались к Одеру, а еще больше – оттуда. Когда артобстрел усилился, немцы начали что-то кричать, суетились, кого-то искали. Мне показалось, что меня. Поэтому еще надежнее запряталась в погребе, куда убежала, чтобы не убило снарядом, и больше не подходила к двери. Но ни хозяин, ни жандармы, к счастью, меня не искали. Хозяин сбежал вместе с немцами, а я просидела в погребе, наверное, больше полудня. Как только стрельба утихла, я отважилась выглянуть из своего тайника. В селе уже были наши. Очень грязные, в копоти. Было очень много раненых. Слезы накатились мне на глаза, посыпались, как град. На радостях я побежала в сторону улицы. Какой-то солдат, наверное, приняв за переодетую в лохмотья немку, хотел меня убить из автомата. Я закричала, что я наша. Он сердито ответил, что наши на фронте воюют, а не шляются здесь с немцами, и грубо обозвал меня. Но стрелять не стал.

Другие солдаты, которые подошли, оказались более добрыми. Не стали меня обижать, расспросили кто я, не спрятались ли в подвале фрицы, где хозяин?.. В тот же день они пошли далее, а меня передали в свой тыл, откуда я со временем поехала домой...». ²⁰ (Из воспоминаний Г. С. Блажчук, с. Лисогора Винницкого района).

«Это было 7 марта 1945 г. недалеко от села Лойберт, где я работала у бауэра. Всех таких, как я, немцы собрали и заставили рыть на окраине леса траншею. Отдохнуть не давали ни минуты, так как время от времени издали доносились звуки боя. Немцы отступали, а наши наступали. Не успели мы вкопаться по пояс, как неожиданно налетели наши самолеты. Увидев нас, они открыли огонь из пулеметов. Кто-то из девчат не растерялся, замахал платком. Самолеты полетели дальше. Немцы, которые попрятались в лесу, снова вышли к нам. Они поставили девчат на край траншеи и стали допрашивать, кто сигнализировал самолетам? Все были очень злые и хотели нас расстрелять. Но не успели, ибо из леса выскочили еще какие-то немцы. Нашим мучителям они крикнули: «Хенде хох!», а нам на русском языке приказали падать. Мы все попадали на дно еще невыкопанной траншеи, даже не понимая, что происходит. И в это же мгновение вспыхнул бой. Он был очень кратким. Когда нам приказали подниматься, увидели, что те, кто хотели нас расстрелять, лежат мертвые. Неизвестные «немцы» оказались нашими солдатами, только переодетыми в немецкие комбинезоны, наверное, разведчики. В это время за километр-полтора появились наши танки. Минуя лес, они двигались в сторону села, но не стреляли...

Это было утром. А под конец дня все мы были возле самой линии фронта уже вдали от села, где пришлось отбивать каторгу. Нам поручили выносить трупы наших павших солдат. Через два дня полевой военкомат забрал нас на фронт уже официально. Нас, девчат, и многих ребят, вывезенных немцами в Германию, одели в военную форму. Так из остарбай-терки я стала санитаркой в / ч 01665 Первого Украинского фронта. Пришлось повоевать до конца войны. Со своей войсковой частью 11 мая 1946 года я возвратилась домой». ²¹ (Из воспоминаний П. П. Олефир, с. Степановка Вороновицкого района).

«Я работал на кирпичном заводе г. Бляхамер (сейчас Польша). То, что наши где-то недалеко, мы видели по настроению

немцев. Такими стали злыми, словно осы. Да и канонада раздавалась все ближе. Как именно пришли на завод наши, я не видел. Когда последний раз немцы привели нас с работы в барак, я был очень уставшим. Сразу же уснул. А под утро меня будят ребята. Говорят: «Вставай, ура, русские пришли!». Хотя было еще темно, у меня в глазах посветлело...

В тот же день, 12 марта 1945 г., всех ребят забрали в армию. Нам выдали винтовки, по 150 патронов, мы приняли присягу. Правда, на передовую отправили через неделю, а то все учили нас стрелять, выполнять армейские команды...». ²² (Из воспоминаний В. И. Стасюка, с. Шендеровка Турбовского района).

Итак, освобождение остарбайтеров из нацистской неволи Красной Армией имело определенные особенности. Наиболее существенным было то, что:

- на советско-германском фронте концентрировались основные силы немецких войск, что объективно затрудняло наступление Красной Армии;

- освобождение почти всегда сопровождалось боевыми действиями и достигалось в результате применения силы (немцы повсеместно оказывали упорное сопротивление);

- освобожденные из неволи остарбайтеры, в особенности юноши, не набирались сил в пересылочных лагерях, а практически немедленно призывались в ряды действующей армии и отправлялись на фронт; не имея боевого опыта, они часто гибли в первых же поединках с врагом;

- в армию привлекались и девушки – вчерашние каторжанки – как медсестры, техработницы при кухнях, столовых, прачечных, хозяйственных службах и т. п.;

- имели место неодинокые случаи недружелюбного, подозрительного отношения освободителей к остарбайтерам, многие не доверяли им, считали их предателями.

Как видим, на завершающем этапе войны жизнь остарбайтеров подвергалась огромной опасности:

- *их намеревались физически уничтожить сами гитлеровцы;*

- *они гибли во время прохождения фронтов (в особенности Восточного, где происходили наибольшие военные баталии);*

- *они гибли под бомбами союзников. Основная масса ост-*

арбайтеров размещалась в промышленных западных, центральных и южных районах рейха. Подавляющее большинство каторжан с Востока освобождено войсками союзников, которые, не встречая серьезного сопротивления со стороны гитлеровцев, взяли под свой контроль приблизительно 3/4 территории Германии.

В лучших условиях оказались остарбайтеры, освобожденные союзниками. Остарбайтеры, оказавшиеся под советским контролем, часто принимали участие в боевых действиях, в которых из-за недостатка боевого опыта несли неоправданные потери.

¹ Преступные цели - преступные средства. - С. 200.

² Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками: Сб. материалов. - В 7 т. - М., 1957 - 1961. - Т. 3. - С. 126.

³ *Albert Speer*. Erinnerungen. - Berlin, 1971. - S. 252.

⁴ *Heinz Guderian*. Erinnerungen eines Soldaten. - Heidelberg, 1951. - S. 384 - 385.

⁵ *Якушевский А. С.* Внутренний кризис в Германии в 1944 - 1945 гг. /ИНИ. - 1995. - № 2. - С. 62 - 63.

⁶ *Keller M.* "Das mit den Russenwiebern ist erledigt!": Rüstungsproduktion, Zwangsarbeit, Massenmord und Bewältigung der Vergangenheit in Hirzenhain zwischen 1943 und 1991. Verlag der Bindernagelschen Buchhandlung Freidberg, 1991.

⁷ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 343, л. 93 об.

⁸ Великая Отечественная война 1941 - 1945: энциклопедия /Гл. ред. М. М. Козлов. Ред. коллегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин, В. И. Канатов и др. - М.: Сов. Энциклопедия, 1985. - С. 495 - 496.

⁹ Там же; - С. 20.

¹⁰ Там же; - С. 193.

¹¹ ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 6, л. 50.

¹² ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 15, л. 51.

¹³ ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 9, л. 24.

¹⁴ ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 21, л. 21.

¹⁵ *Heinz Guderian*. Op. cit., - S. 388.

¹⁶ *Müller R.-D., Ueberschä G.* Kriegsende 1945. Die Zerstörung des Deutschen Reiches. - Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. - S. 41; 226.

¹⁷ *Полян П.* Жертвы двух диктатур... - С. 181.

¹⁸ Великая Отечественная война 1941 - 1945: энциклопедия... - С. 19.

¹⁹ ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 10, л. 34.

²⁰ ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 5, л. 13.

²¹ ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 5, л. 12.

²² ГАВО, Ф. Р - 6117, оп. 1, д. 13, л. 22.

5.2. Организационные мероприятия советской стороны по осуществлению репатриации

Оба освободителя (как советская сторона, так и союзники) успешно преодолевали сопротивление врага, однако столкнулись с проблемой взрывоподобного возрастания количества освобожденных ими насильно депортированных гитлеровцами граждан, в особенности из Советского Союза, а также военнопленных. Вопросом номер один становилась их **репатриация**.¹

Необходимость осуществления этого крупномасштабного мероприятия диктовалась как *экономическими*, так и *политическими интересами* обеих сторон. СССР, в частности, *был заинтересован* в том, чтобы:

во-первых, за счет соотечественников, которые принудительно оказались по ту сторону фронта, максимально нивелировать причиненные войной ощутимые человеческие потери;

во-вторых, использовать незадействованные раньше человеческие ресурсы для восстановления разрушенного гитлеровцами хозяйства страны, а также для пополнения армии, которая победоносно завершала разгром нацистской Германии и готовилась к поединку с японскими милитаристами на Дальнем Востоке;

в-третьих, не допустить в послевоенное время новой эмиграции, которая непременно стала бы инструментом антисоветской политики враждебных СССР сил.

Правда, серьезной преградой для осуществления этих намерений было болезненное недоверие Сталина и его окружения ко всем, кто побывал за границей (даже не по собственной воле). На них гласно и негласно распространялось обвинение едва ли не во враждебном отношении к родному народу, советскому государству.

В особенно драматическом положении оказались пленные военнослужащие Красной Армии. Поскольку красноармейцам было запрещено сдаваться в плен, каждый такой случай считался изменой, а сами военнослужащие, которые попадали в руки врага, непременно назывались бывшими.

Правовое поле относительно их (в особенности в первой по-

ловине войны, когда Красная Армия терпела катастрофические поражения) было довольно жестким.

«Согласно сталинской юриспруденции, военнопленные и «окруженцы» (то есть военнослужащие, попавшие в окружение, но не попавшие в плен, – «растворившиеся» среди местного населения или, чаще всего, примкнувшие к партизанам) подпадали под действие статьи 193 тогдашнего Уголовного Кодекса: «самовольное оставление части или места службы» (193-7), «побег из части» (193-8), «самовольное оставление части в боевой обстановке» (193-9). Вышедших из окружения офицеров судили по статье 193-21: «самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений в целях способствования неприятелю»...

28 июня 1941 года совместным приказом НКВД, НКГБ и Прокуратуры СССР была введена ответственность членов семей заочно осужденных «изменников Родины». Постановление ГКО (*Государственного Комитета Обороны*) от 16 июля [1941 г.] узаконило внесудебную расправу над самими «изменниками».

16 августа [1941 г.] Верховное главнокомандование Красной Армии выпустило – за семью подписями (Председателя ГКО Сталина, его заместителя Молотова, маршалов Буденного, Ворошилова, Тимошенко, Шапошникова, генерала Жукова) – печально известный приказ № 270. Согласно этому приказу, все командиры и политработники, сдавшиеся в плен, рассматривались как дезертиры, при поимке их надлежало расстреливать на месте... Их семьи подлежали аресту, а семьи попавших в плен солдат лишались государственной поддержки». ²

Но пленных оказалось настолько много, что считать всех поголовно «предателями Родины» было бы откровенно абсурдно. Поэтому 27 декабря 1941 года Государственный Комитет Обороны вынужден был издать постановление за номером 1069 сс, в котором шла речь о необходимости проверки и фильтрации «бывших военнослужащих Красной Армии», вышедших из окружения и освобожденных из плена, а также о порядке осуществления этой процедуры. Во исполнение постановления на следующий день (28.12.1941 г.) появился приказ № 001735 наркома НКВД Берии «О создании спецлагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника». Такие лагеря были созданы в 10-дневный срок. Организованные здесь особые отделы осуществляли тщательную проверку каждого военнослужащего,

который побывал в нацистской неволе. Разоблаченных изменников, шпионов и дезертиров помещали в лагерную тюрьму; тех же, в отношении кого компрометирующих материалов не находилось, передавали соответствующим военкоматам – по территориальному принципу.

«28 июля 1942 года Сталин выпустил приказ № 227, известный как приказ «Ни шага назад!». Он предусматривал расстрел паникеров и трусов, создание штрафных батальонов (офицерских) и рот (солдатских), заградотрядов, а также другие меры по предотвращению отступления Красной Армии». ³

Этот невыносимо тяжелый нравственно-психологический пресс в определенной мере был снят лишь 7 июля 1945 года, после принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». Тем не менее, фактически амнистия распространялась только на военнопленных рядового и сержантского состава, практически не касаясь офицеров.

Подобных суровых распоряжений относительно остарбайтеров не принималось. Но на них тоже падала черная тень подозрения в измене. Они тоже могли быть наказаны, например, на основании Указа № 43 Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Приказ был довольно суров и предусматривал для всех перечисленных публичную смертную казнь через повешение: «...тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершит насилие и расправу над гражданским населением и кто предаст свою Родину». ⁴ Поэтому всем остарбайтерам надо было доказать отсутствие личной вины перед Отчизной, пройти сквозь густое сито фильтрации.

Об *их* *надлежащей* *проверке*, как, разумеется, и военнопленных, а также тех соотечественников, которые непосредственно сотрудничали с гитлеровцами или убежали с ними, советская сторона позаботилась сполна, *рассматривая* *данный* *вопрос* *едва* *ли* *не* *как* *главнейший* *во* *всей* *репатриационной* *кампании*. Исходя из этого, а также с целью организованного возвращения их на Родину, еще 24 августа 1944 года Государ-

ственный Комитет Обороны принял постановление № 6457 сс «Об организации приема возвращающихся на Родину советских граждан, насильно уведённых немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей».

В числе важнейших организационных мероприятий постановление предусматривало создание сети проверочно-фильтрационных лагерей (пунктов) вблизи Западной границы СССР. На его исполнение Совнарком и ЦК КП(б) Украины 31 августа того же года приняли собственное постановление, которым обязали республиканский НКВД организовать во Львовской, Дрогобычской и Волынской областях первые шесть таких лагерей. Аналогичные постановления были приняты и в ряде других союзных республик.

Тогда же, а вернее, начиная еще с конца декабря 1941 года, при каждой армии функционировали сборно-пересылочные пункты. Согласно положению, они подчинялись управлению тыла армии. В их функции входил сбор (концентрация) «бывших» военнослужащих, которые убежали из плена или вышли из окружения, отправка таких лиц в спецлагеря НКВД для спецпроверки. Если армейские сборно-пересылочные пункты «обслуживали» воинский контингент, то проверочно-фильтрационные лагеря в основном рассчитывались на гражданское население.

Осенью 1944 года сборно-пересылочные пункты были созданы при действующих фронтах. В частности, 23 октября в 1-й Прибалтийский, 1-й, 2-й и 3-й Белорусские, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты поступило распоряжение о создании при них по одному сборно-пересылочному пункту. Позже, в феврале – марте 1945 г., количество таких фронтовых пунктов возросло до 57-и. Особенно много их, соответственно 18 и 11, было организовано при 1-х Украинском и Белорусском фронтах. Все они предназначались для гражданских репатриантов.

11 мая 1945 года Ставка советского главнокомандования издала директиву под номером 11086 о создании при фронтах еще ста лагерей вместимостью по 10 тыс. чел. каждый. При 1-м Белорусском фронте их необходимо было организовать 30. Такое же количество лагерей дополнительно должно было функционировать при 1-м Украинском фронте; при 2-м Белорусском – 15, при 2-м и 3-м Украинских – по 10, при 4-м Украинском фронте – 5.

Но и этого оказалось мало. А потому в июле 1945 года на территории Германии согласно директивы № 9276 от 08.07.1945 г. начальника генштаба Красной Армии появилось еще 27 лагерей. Они были не только местом концентрации репатриантов, но и их проверки. В армейских и фронтовых сборно-пересылочных пунктах (лагерях) репатриантам оказывалась медицинская и материальная помощь, здесь с ними проводилась политическая работа.

Кроме внешней лагерно-фильтрационной структуры, дислоцированной за пределами СССР, существовала и внутренняя. В частности, в июне 1945 года насчитывалось 35 пограничных сборно-пересылочных пунктов (лагерей). 14 из них «размещались в Львовском военном округе, 11 – в Барановичевском, 3 – в Центральной группе войск, по 2 – в Прибалтийском и Особом округах и по 1 – в Одесском и Прикарпатском округах и Южной группе войск». ⁵ Аналогичные функции выполняли сборно-пересылочные пункты на морских рубежах СССР – в Выборге, Мурманске, Одессе, Баку, Владивостоке.

С 1944 года функционировали проверочно-фильтрационные пункты НКВД, расположенные вдоль государственной границы СССР. «По состоянию на 23 декабря 1944 г. их было 15: в Молдавии – Болград и Кишенев, в Черновицкой области – Черновцы, в Дрогобычской – Мостиска и Хыров, в Львовской – Рава-Русская и Яворов, в Волынской – Владимир-Волынский, в Белоруссии – Брест, Волковинск и Гродно, в Литве – Высоко-Литовск и Пружаны, в Ленинградской области – Выборг и в Карелии – Сортавала». ⁶

Позже, в январе 1946 г., проверочно-фильтрационные пункты НКВД СССР были переданы соответствующим НКВД по территориальности, а существующие на то время лагеря НКВД – в состав лагерей ГУЛАГА НКВД СССР.

За проверку репатриантов непосредственно отвечали органы НКВД, НКГБ и «Смерша». Во всех проверочно-фильтрационных пунктах работали специальные комиссии, которые состояли из сотрудников этих ведомств. Согласно распоряжению наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии от 14 мая 1945 года такие проверочно-фильтрационные комиссии были созданы также при каждом сборно-пересылочном пункте и лагере для репатриантов. Комиссии органов «Смерша» осуществляли проверку бывших военнослужащих Красной Армии. Уровень политической благонадежности гражданских лиц определяли комис-

сии в составе представителей НКВД, НКГБ, «Смерша» под председательством представителя НКВД. Архивные документы свидетельствуют, что позже к этой работе активно привлекались и местные органы НКВД, советские работники.

Для более четкой организации и координации дела весной 1945 года в системе НКВД был создан специальный отдел «Ф», на который возлагалась ответственность за ход проверки и фильтрации советских и зарубежных репатриантов.

Довольно мощной была еще одна внутренняя структура, призванная практически выполнить поставленную задачу по возвращению сограждан на Родину. «В феврале – марте 1945 года *органы репатриации*...созданы во всех союзных республиках, которые подвергались оккупации, в частности, отделы по репатриации – при 7 республиканских СНК [*Советах Народных Комиссаров*], 56 облисполкомах (24 области – в УССР) и при 55 уездных исполкомах. Кроме того, действовала сеть из 249 приемно-распределительных пунктов, в том числе 14 республиканских, 83 областных и 152 уездных».⁷

Отделы по вопросам репатриации еще с начала 1945 г. функционировали при Винницком и Каменец-Подольском облисполкомах. В том же году были созданы областные приемно-распределительные пункты. На Винничине – в Жмеринке и Казатине, на Каменец-Подольщине – в Проскурове, Шепетовке, Ярмолинцах.⁸ Приемно-распределительный пункт с 21 июня 1945 года существовал также в Виннице.⁹

Ответственность за ход репатриации на республиканском уровне возлагалась на специальных уполномоченных и на заместителей председателей республиканских Советов Народных Комиссаров, на областном – заместителей председателей облисполкомов и руководителей отделов по вопросам репатриации, на местах – председателей городских, районных, поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся.

Важным организационным мероприятием по осуществлению крупномасштабной репатриации было образование Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. Этот орган конституирован 23 октября 1944 г. постановлением № 1482-456с Совета Народных Комиссаров СССР. Тогда же утверждены Положение об Уполномоченном Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран, а также штаты

Управления, включая представителей Уполномоченного за границей.

Сам же Уполномоченный, его заместители и помощники были назначены немного раньше – 10 октября 1944 г. – на основании постановления СНК СССР № 1315-392 с. Им стал генерал-полковник Ф. И. Голиков (бывший начальник главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии), его заместителями – генерал-полковник И. В. Смородинов и генерал-лейтенант К. Д. Голубев, помощниками – генерал-майор В. М. Драгун и А. А. Смирнов.

На Управление возлагались большие задачи – наладить всю лагерную, транспортную, организационную инфраструктуру, сформировать сеть органов репатриации в действующих войсках, тыловых округах, в республиках и областях, и едва ли не по всему свету за рубежом.

Исходя из масштабности задач, которые надлежало решить, оно создавалось как довольно сложная структура. Так, по состоянию на промежуточную дату – 1 марта 1946 года – Управление состояло из:

- секретариата, который ведал секретным и несекретным делопроизводством, перепиской;
- офицера для поручений;
- 11 отделов:
 - политического (политмассовая работа среди репатриантов);
 - кадров;
 - связи;
 - инспекции (с 1946 г. – отдел устройства, ведал трудоустройством репатриантов, розыском их родных и близких);
 - регистрации и учета (составление персональных учетных карточек, списков и карточек репатриантов, переписка по вопросам розыска их родных и близких);
 - по работе за границей (розыск советских граждан за границей);
 - материального обеспечения и финансов (к марту 1946 года разбит на 2 самостоятельных отдела. Первый занимался финансовыми вопросами, материальным обеспечением репатрируемых и организацией их питания через службы тыла Красной Армии, второй – снабжением, экипировкой офицеров групп по репатриации);
 - санитарного (контроль за медико-санитарным обслужива-

нием репатриантов, составление списков детских домов, размещение детей-сирот);

- транспортного (перевозка советских граждан в СССР);
- по репатриации иностранных граждан;
- административно-хозяйственного.

Управлению были подотчетны все низовые органы. Само же Управление – ЦК ВКП(б), правительству и его органам. В частности, согласно распоряжению СНК СССР № 21407с от 15.11.1944 г., Ф. И. Голиков первого и пятнадцатого числа каждого месяца должен был предоставлять сведения о ходе репатриации в целом и в разрезе по областям в Госплан СССР.

«Точно такие же данные Управление предоставляло в НКВД. Кроме того – и не дважды, а трижды в месяц – сводка о результатах репатриации советских и иностранных граждан предоставлялась в ЦК ВКП(б) и в правительство СССР – по следующему списку: Сталин, Молотов, Маленков, Булганин, Берия, Меркулов, Вознесенский, Вышинский, Антонов, Чернышев, Лозовский, Абакумов, Чадаев». ¹⁰

Как координирующий и организующий центр, Управление было наделено правом принимать важные инструктивные директивы, которые вместе с правительственными распоряжениями способствовали бы организованному, контролируемому перемещению на Родину миллионов людей.

Таких документов ведомством принято немало. Например, 23 октября 1944 г. Управлением утверждено «Положение о фронтовом сборно-пересылочном пункте для освобожденных граждан СССР, находящихся на территории Германии и оккупированных ею стран», ¹¹ 6 ноября того же года – «Инструкция Представителю Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации при Военном Совете фронта». ¹² Позднее приняты другие документы: инструкция представителям Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации при СНК союзных республик (23.12.1944 г.); инструкция начальникам отделов по репатриации при Военных Советах фронтов по приему, содержанию, учету и направлению советских граждан, военнопленных и интернированных граждан союзных государств (31.05.1945 г.); инструкция комендантам сборных пунктов (комендатур) по репатриации освобожденных Красной Армией военнопленных и граждан союзных государств (27.03.1945 г.); инструкции начальникам отделов по репатриации при Военных Советах военных округов и комендантам пограничных лагерей (сборно-пересылоч-

ных пунктов) военных округов о порядке приема, содержания и дальнейшего направления репатриантов по назначению (26.07.1945 г., 29.09.1945 г.); временные правила о порядке оформления перевозок репатрируемых военнопленных, граждан СССР, военнопленных и интернированных граждан союзных государств и расчеты за эти перевозки (разработаны совместно с Наркоматом путей сообщения СССР); инструкция о порядке медико-санитарного обслуживания репатриантов, при нахождении их в лагерях (сборно-пересыльных пунктах), группах войск, военных округах и в пути следования по назначению (разработана совместно с Главным Военно-Санитарным управлением Красной Армии и Наркомздравом СССР) и т. п.

Среди других важных организационных мероприятий советской стороны:

- *создание* в октябре – декабре 1944 г. *при Военных Советах* двух Прибалтийских, трех Белорусских и четырех Украинских *фронтов оперативных групп по вопросам репатриации*. Поначалу они состояли из четырех офицеров и представителя Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Позже, 6 января 1945 г., группы были реорганизованы в отделы со штатной численностью в 10 чел., а с 13 мая того же года – до 17 чел. 7 июня 1945 г., когда уже отпала необходимость существования фронтов, при Военных Советах Центральной, Северной и Южной групп войск, а также при Группе советских оккупационных войск в Германии были созданы Управления по репатриации. Если штатная численность Управлений Северной и Южной групп осталась на уровне 17-ти человек, то остальных – доведена до 79 чел.;

- *организация непосредственно на демаркационной линии* союзных войск в Германии и Австрии для обмена репатриантами с союзниками семи *приемно-передаточных пунктов*: «1) Висмар (восточная часть) / Висмар (западная часть); 2) Кривитц / Вюстмарк; 3) Пархим / Людвигслуст; 4) Магдебург (восточная часть) / Магдебург (западная часть); 5) Дессау / Лейпциг; 6) Торгау / Стендаль; 7) Риза / Плауэн...».¹³

Еще одно звено в системе оргмероприятий – *создание советских заграничных представительств* (или, как их еще называли, – миссий) *по вопросам репатриации*. За несколько последних месяцев войны они закрепились в десятках стран и со временем охватили своей деятельностью практически все места очевидного или вероятного скопления советских граждан.

«Детальнее процесс формирования соответствующей сети миссий выглядел следующим образом (в скобках – даты их образования): Финляндия (03.11.1944); Франция (10.11.1944); Румыния (11.11.1944); Иран (16.11.1944); Италия (13.12.1944); Польша (30.12.1944); Бельгия (01.11.1944); Египет (04.01.1945), группа «Балканы» (Греция, Югославия, Албания: 18.01.1945); Англия (27.01.1945); Германия – в том числе 5 из 6 региональных групп для работы на территориях, освобожденных Красной Армией, – Померанская, Брандербургская, Силезская, Восточно-Прусская и Австрийская (все – 19.02.1945); Швеция (21.03.1945), Венгрия (23.04.1945); США (02.05.1945).

Уже после капитуляции Германии открылась так называемая Нюрнбергская группа (15.05.1945) – ...что-то вроде первого десанта советской репатриационной службы на территорию союзников, прообраз будущих репатриационных миссий в их оккупационных зонах. В мае-июле приступили к работе представительства в Норвегии (16.05.1945), Чехословакии (09.06.1945), Дании (20.07.1945) и Швейцарии (26.07.1945), а в августе – комиссии по репатриации в союзнических зонах оккупации в Западной Германии – американской (13.08.1945) и английской (17.08.1945)...».¹⁴

Итак:

- репатриация на Родину миллионов людей, как военнопленных, так и гражданских лиц, насильно вывезенных гитлеровцами для использования в военной промышленности и хозяйственном комплексе рейха, была объективным следствием разгрома нацистской Германии, одним из актуальнейших вопросов в завершающем периоде войны и в послевоенное время;

- необходимость ее широкомасштабного проведения диктовалась экономическими и политическими причинами;

- советская сторона усматривала в миллионах репатриантов важный резерв рабочей силы для восстановления разрушенного хозяйства страны, а также для пополнения рядов собственных Вооруженных Сил. Она была горячо заинтересована в недопущении новой волны эмиграции из числа миллионов соотечественников, которые в результате насилия гитлеровских оккупантов и по стечению обстоятельств оказались за пределами СССР и которые потенциально мог-

ли быть использованы на Западе как инструмент для осуществления антисоветской политики;

- в условиях тоталитарного сталинского режима к каждому соотечественнику, который оказался за границей, в СССР относились с подозрением и недоверием. Поэтому наиболее существенным при проведении репатриации советская сторона считала:

1) надлежащую организацию перемещения человеческих масс, при которой под надежным контролем находился бы каждый репатриант в частности;

2) их тщательную фильтрацию и проверку на предмет политической благонадежности.

С этой целью в сжатые сроки были осуществлены полномасштабные организационные мероприятия по созданию соответствующих органов проведения репатриации и разветвленной многозвенной лагерно-фильтрационной сети, как в пределах СССР, так и за его границей.

¹ **Репатриация** (от лат. Repatriatio – возвращение на родину), возвращение в страну гражданства, постоянного проживания или происхождения лица, которое оказалось в результате войны на территории другого государства.

² Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 46.

³ Там же; - С. 48.

⁴ Цитируется по книге П. Поляна "Жертвы двух диктатур..." - С. 48.

⁵ Там же; - С. 208.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ГАВО, ф. Р – 2700, оп. 5, д. 386, л. 469.

⁹ ГАВО, ф. Р – 2700, оп. 5, д. 384, л. 13.

¹⁰ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 191.

¹¹ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4а, д. 23, л. 7.

¹² ГАРФ, ф. 9526, оп. 4а, д. 2, л. 50 - 53.

¹³ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 207 – 208.

¹⁴ Там же; - С. 216.

5.3. Антигитлеровская коалиция и вопросы репатриации

В скорейшем проведении репатриации были заинтересо-

ваны и партнеры СССР по антигитлеровской коалиции. Решающим фактором, который определял актуальность и необходимость ее проведения, был *экономический*. Освободив из нацистского рабства миллионы граждан разных стран, союзникам приходилось брать их на свое содержание. За счет собственных налогоплательщиков эту впечатляюще большую массу голодных, оборванных и обессиленных людей нужно было и накормить, и одеть, и обуть, и лечить, и охранять. Расходовались значительные средства, что оказалось накладно даже для богатых Англии и Соединенных Штатов Америки.

Вот почему сперва ни англичане, ни американцы не возражали против свободного перемещения западных рабочих, которые решили самостоятельно добираться в родные места. Однако поток людей настолько запрудил дороги, что серьезно затруднил транспортное соединение, доставку военной техники, боеприпасов и снаряжения для наступающих армий, и даже само их продвижение. Чтобы повлиять на ситуацию, с самолетов сбрасывались тиражи ежедневной газеты «S.H.A.E.F.» Рядом с помещенными «Десятью заповедями иностранного рабочего» в ней было напечатано и прямое требование не загромождать дороги, не препятствовать передвижению войск.¹ Но это не помогало. Со всей остротой стал вопрос: срочно взять стихийный процесс под контроль и повернуть дело в организованное русло. А для этого пришлось позаботиться о местах концентрации людей, то есть о создании *сборных центров* («*Assembly Centers*»), проще, лагерей.

К началу марта 1945 года, когда войска союзников подошли к Рейну, в странах Западной Европы – на территории освобожденных Голландии, Бельгии и Франции – уже существовало 162 таких центра. В них к тому времени было сосредоточено 245730 чел., в том числе 45587 советских граждан.² В дальнейшем количество лагерей, как и их жителей, стремительно возрастало. Причем отдельные лагеря были довольно большими и могли вместить свыше 10 тысяч человек.

«Всего союзниками было запланировано 1500... лагерей, их расчетная пропускная способность... составляла 4,5 млн. чел.»³ Так что по количеству лагерей союзники даже заметно превосходили советскую сторону.

Не обошлись партнеры СССР по антигитлеровской коалиции и без ряда других организационных мероприятий.

Чтобы контролировать сложный процесс репатриации и вли-

ять на него, при штабе Верховного командования Союзных экспедиционных сил был создан специальный отдел, который непосредственно занимался этим вопросом. Возглавлял отдел генерал Стенли Р. Миккельсон.

Вскоре схема репатриации в некоторой мере была дифференцирована. Поскольку каждый из союзников имел собственную зону действий, а со временем – зону оккупации Германии, то и проблемы возвращения на родину репатриантов нашли свою привязку конкретно к каждой зоне. Для их решения англичане, например, образовали Управление по делам военнопленных и перемещенных лиц во главе с бригадным генералом Кинчингтоном, соответствующие отделы в землях и провинциях, которые непосредственно подчинялись Управлению. Кроме того, был выделен от правительства его полномочный представитель, который занимался данным кругом вопросов, – командующий английскими оккупационными войсками маршал Шолто Дуглас.

Практически аналогичные структурные преобразования осуществили американцы и французы.

Если вначале после успешного продвижения Западного фронта организация и осуществление репатриации полностью ложились на плечи армии, то позже союзники все более охотно отдавали решение проблемы гражданским органам, специально созданным международным организациям, в частности UNRRA (ЮНРРА) – United Nations Relief and Rehabilitation Administration – Администрации ООН по оказанию помощи и реабилитации.

Документы свидетельствуют, о том что услугами ЮНРРА в определенной мере пользовалась и советская сторона. В частности, существовало сотрудничество между этой организацией и правительством Белоруссии. Так, 8 января 1946 года Совнарком БССР и ЦК КП(б)Б приняли совместное постановление о создании при СНК БССР Управления по вопросам поставок ЮНРРА, ⁴ призванного заниматься распределением материальной помощи, которая адресовалась репатриированным лицам.

Как свидетельствуют отдельные архивные документы, частично доходила она и до Подолии. ⁵

Данная организация (ЮНРРА) была учреждена в Вашингтоне 9 ноября 1943 года 44-мя странами мира, в том числе и Советским Союзом, ее руководящие органы (штаб-квартира гене-

рального директора ЮНППА) размещались за океаном в американской столице. В Лондоне функционировала штаб-квартира представителя генерального директора ЮНППА в Европе.

«Всего в Европе было развернуто 32 региональных и 40 специальных управлений ЮНППА, 99 сборных центров и 10 добровольческих агентств.

Первостепенными задачами ЮНППА, согласно резолюции ООН от 26 сентября 1944 года, являлись опека над беженцами и другими перемещенными лицами из стран – членов ООН, находившимися на вражеской территории, и помощь в их возвращении на родину или ином определяющем их жизнь решении. Ее деятельность была распределена между четырьмя «театрами действий»: западные зоны Германии, западные зоны Австрии, Италия и Ближний Восток...

Более 4/5... 8-тысячного персонала ЮНППА находилось в оккупационных зонах западных союзников. 25 ноября 1944 года генеральный директор ЮНППА Херберт Х. Леман и главнокомандующий англо-американскими войсками генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр подписали соглашение, согласно которому органы ЮНППА приписывались к тем или иным структурам SHAEF [*Верховного командования Союзных экспедиционных сил*] и, соответственно, подчинялись приказам Главнокомандующего и действовали по военным каналам. Вместе с тем военный персонал лагерей [для репатриантов] должен был быть со всею возможной полнотой и скоростью заменен служащими ЮНППА, имевшими, кстати, собственную униформу и знаки отличия.

Все это было призвано обеспечить необходимую преемственность при переходе от военного администрирования к гражданскому. Под опекой ЮНППА находились, однако, не все лагеря..., часть из них оставалась под контролем военных». ⁶

Союзники передавали также часть функций органам местного немецкого самоуправления, которые, в частности, отвечали за обеспечение лагерей мебелью и постельными принадлежностями, за некоторые другие вопросы обеспечения их жизнедеятельности.

Позже, с 1 июля 1947 г., вопросы репатриации были возложены на другое ведомство, которое пришло на смену ЮНППА, – Международную организацию по делам беженцев и перемещенных лиц – International Refugee Organisation (IRO, или ИРО).

Заметно отличался от советского *политический подход* к объекту репатриации – самим *репатриантам*. Все они счита-

лись «Перемещенными лицами Объединенных Наций» («Displaced Persons of United Nations»), или же сокращенно DP (Ди Пи). Таким, кстати, было и официальное определение репатриантов самой ООН.

Согласно официальному определению *Ди Пи* – это гражданские лица, по обстоятельствам военного времени оказавшиеся вне родины, желающие или возвратиться в ее пределы, или найти себе новую родину, но в любом случае не могущие сделать ни того, ни другого самостоятельно, без помощи извне.

Партнеры СССР по антигитлеровской коалиции определяли такие категории Ди Пи:

- граждане бывших стран-противников;
- граждане стран-противников;
- граждане СССР;
- бывшие гражданские пленные;
- граждане Англии и США;
- лица с невыясненным гражданством;
- лица, чья государственная принадлежность не выявлена в связи с территориальными изменениями;
- лица политически или религиозно преследуемые;
- граждане нейтральных государств;
- не немецкие коллаборационисты.

Исходя из этого, сортировка и группирование перемещенных лиц в сборных центрах (лагерях) осуществлялись не по национальному принципу, а по государственной принадлежности.

Со стороны союзников не было приготовлений для проведения фильтрации и проверки репатриантов (наподобие мероприятий, осуществленных советской стороной), хотя и они интересовались прошлым иностранцев, которые временно оказались под их контролем. Интерес союзников заключался в выявлении архивных сведений о перемещенных лицах, а также различных документов об их пребывании в Германии. С этой целью проводились так называемые акции «Ausländersuchaktion». В процессе их проведения союзники особо интересовались не немецкими коллаборационистами, враждебно настроенными по отношению к СССР элементами, которых планировали использовать позже в подрывных отношениях относительно Советского Союза целях.

Что же касается сотен и сотен тысяч недавних остарбайтеров, то они находились в сборных центрах (лагерях), будучи

фактически обойденными вниманием спецслужб партнеров СССР по антигитлеровской коалиции, дожидаясь своего времени возвращения на Родину.

Итак:

- наиболее существенным фактором, который принуждал союзников не тянуть с репатриацией, был экономический;

- как и советская сторона, партнеры СССР по антигитлеровской коалиции тоже позаботились об организованном характере проведения будущей репатриации, уделив большое внимание созданию разветвленной лагерной сети для концентрации перемещенных лиц, а также структурных рабочих органов репатриации;

- если сперва организация репатриации была исключительно прерогативой армии, то уже под конец войны к решению назревших проблем возвращения на родину миллионов людей активно привлекались специальные международные организации и органы местного немецкого самоуправления, что не характерно для практики советской стороны;

- отличным от советского было политическое отношение к репатриантам: союзники делали акцент на государственной принадлежности перемещенных лиц, не принуждали репатриантов поголовно проходить унижительную для человеческого достоинства фильтрацию на предмет их политической благонадежности.

* * *

Стремительный рост количества Ди Пи, как военнопленных, так и гражданских лиц, требовал и от союзников, и от СССР оперативного урегулирования международных юридическо-правовых основ репатриации. Прежде всего, нужно было решить, кто и на каких условиях должен был передаваться противоположной стороне, какими должны быть жизнь, быт, нормы питания перемещенных лиц в сборных центрах и в аналогичных советских лагерях, какими, собственно, правами и обязанностями они могли пользоваться. В дипломатических отношениях о будущем репатриантов, включая переговоры и, в особенности, переписку (их активизация просматривается с середины 1944 года), СССР настаивал на возвращении на Родину

всех без исключения советских граждан, которые по собственной или чужой воле оказались за рубежом и пребывают под немецким контролем или под контролем союзников. Союзники же не хотели признавать советскими жителей территорий, которые вошли в состав СССР в 1939 г., – Бессарабии, Буковины, Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтийских республик *(однако, поскольку Подолье не было такой спорной территорией, как не считалась спорной гражданская принадлежность его жителей, оставим данный аспект проблемы без внимания)*.

Главным образом по дипломатическим каналам с нарастающей активностью обсуждалась судьба военнопленных. Учитывая известное отношение к ним советской стороны, союзники опасались, что поголовная передача «бывших военнослужащих Красной Армии» и судебная расправа над ними могут вызвать отрицательный резонанс, спровоцировать усиление репрессивных мер по отношению к английским и американским военнослужащим, которые находились в немецком плену. Поэтому эволюция британской политики (по определению английского исследователя Н. Толстого) была таковой. Сперва – отказ отправить назад тех пленных, которые могли бы подвергнуться наказанию до прекращения военных действий, что привело бы к немецким контрмерам. Затем – согласие на отправку всех пленных, но при условии, что советские власти к ним не применяют никаких репрессий до капитуляции Германии. Наконец – согласие на общую и безусловную репатриацию, независимо от индивидуального желания пленных.⁷

Окончательно судьба военнопленных советской и английской сторонами была решена 11 октября 1944 г. во время переговоров в Москве премьер-министра Черчилля и министра иностранных дел Англии Идена.

Более сложными оказались взаимоотношения между советской и американской сторонами. Американцы настаивали, что в подходе к военнопленным следует руководствоваться исключительно положениями Женевской конвенции 1929 г. Поэтому предлагали всех пленных, захваченных в немецкой военной форме и объявивших себя немецкими гражданами, таковыми и считать. Однако среди этой категории военнопленных была значительной доля советских коллаборационистов, которые с оружием в руках воевали на стороне гитлеровцев. Разрешить им избежать наказания сталинское руководство, разуме-

ется, не могло и требовало их безоговорочной выдачи. Не соглашаясь поступить именно так и, в то же время, стараясь не портить отношений с СССР, авторитет которого после блестящих побед над гитлеровцами явно возрос, американская сторона прибегла к тактике уклонения от принятия конкретных решений, затягивания диалога, срыва переговоров. Так, в ноябре 1944 года намечалось рассмотрение вопроса об обмене освобожденными военнопленными в особом подкомитете Европейской Согласительной Комиссии, но обсуждение даже не состоялось по причине отсутствия у американской делегации необходимых полномочий для принятия каких бы то ни было решений.

Решающей для изменения взглядов заокеанского союзника стала жесткая позиция авторитетного в США политика генерала Д. Эйзенхауэра, который, не желая ставить «под удар» освобожденных советскими войсками американских военнопленных, оказался приверженцем *насильственной репатриации*. Именно благодаря его твердой позиции исполняющий обязанности госсекретаря Стеттиниус вручил 8 ноября 1944 года советскому послу Громыко письмо, где дословно говорилось:

«Правительство США примет все необходимые меры, чтобы отделить всех пленных, заявивших о советском гражданстве, и собрать их в специально определенном месте, где представители советского посольства смогут иметь к ним доступ для проведения допросов. Всякое лицо, чьи утверждения о советском гражданстве будут проверены американскими властями при сотрудничестве вашего посольства и чье возвращение под советский контроль будет затребовано вами, будет передано вашим властям».⁸

В ответ руководство СССР обещало содействие в скорейшей репатриации американских военнопленных при условии безоговорочной репатриации бывших советских. Наконец, 10 декабря 1944 года американская сторона сделала заявление:

«Правительство США решило придерживаться такой политики: все пленные, заявившие о своем советском гражданстве, будут выданы советскому правительству независимо от их желания».⁹

Вопрос относительно гражданских лиц, казалось, был второстепенным. Поскольку ни из Англии, ни из США не осуществлялась насильственная депортация местного населения на каторжные работы в Германию, то физически не могло быть и

взаимообмена между СССР и союзниками данной категорией перемещенных лиц, как и (по этой же причине) заинтересованных равноценных переговоров. Фактически *речь о передаче союзниками Советскому Союзу недавних остарбайтеров велась в контексте возвращения на Родину военнопленных обеих сторон.*

Самые важные документы на высшем уровне, которые касались всех категорий репатриантов, как военнопленных, так и гражданских лиц, были приняты на Крымской конференции, которая состоялась 4 – 11 февраля 1945 года в Ялте с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля. Тогда после предметных переговоров по полномочиям своих правительств В. Молотов и Э. Иден подписали двустороннее англо-советское «Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Британским Командованием», а генерал-лейтенант А. Гризлов и генерал-майор Д. Дин – американо-советское «Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под командованием Соединенных Штатов Америки». Оба соглашения имели не только идентичное название, но и содержание. Поскольку они носили закрытый характер, сущность договоренностей в общих чертах была обнародована в совместном англо-американском заявлении для печати, сделанном 10 февраля 1945 года. Заявление содержало раздел, посвященный освобожденным военнопленным и гражданским лицам.

«Было достигнуто всестороннее соглашение, предусматривающее детальные мероприятия по защите, содержанию и репатриации военнопленных и гражданских лиц Британского Содружества, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, освобожденных союзными силами, вступающими сейчас в Германию, – в частности, провозглашалось в нем. – В соответствии с этими мероприятиями каждый союзник будет предоставлять пищу, одежду, медицинское обслуживание и другую необходимую помощь гражданам и подданным стран-союзников до тех пор, пока не будет предоставлен транспорт для их репатриации.

[...]

Мы обязуемся оказывать всестороннюю помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций, в целях

обеспечения быстрой репатриации всех военнопленных и гражданских лиц». ¹⁰

14 февраля 1945 г. сообщение о соглашениях между союзными государствами по делам военнопленных и гражданских лиц было опубликовано в газете «Известия». ¹¹ Его изложение фактически не отличалось от общего англо-американского заявления для печати.

В самом же Соглашении (для ссылки возьмем англо-советский документ) провозглашалось, что:

«...Британские и советские военные власти примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т. п.» (Статья 1);

«...Враждебная пропаганда, направленная против Договаривающихся Сторон или против любой из Объединенных Наций, не будет разрешаться» (Статья 2);

«...Компетентные британские и советские власти будут снабжать освобожденных граждан или подданных соответствующим питанием, одеждой, жильем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так и в пути следования, а также транспортом до момента передачи их соответственно советским или британским властям... Такое обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием должно быть... установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть, насколько это возможно, такими же, как и нормы для солдат.

Договаривающиеся Стороны не будут требовать компенсации за эти или другие аналогичные услуги...» (Статья 3);

«...Бывшие военнопленные и гражданские лица каждой из Договаривающихся Сторон могут до их репатриации быть использованы для управления и поддержания в порядке лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и британские власти...» (Статья 6);

«Договаривающиеся Стороны каждый раз, когда это будет необходимо, используют все возможные средства для того, чтобы обеспечить эвакуацию в тыл... освобожденных граждан и подданных. Они также обязуются использовать все доступные

средства для перевозки освобожденных граждан и подданных в установленные по согласованию пункты, где они могут быть переданы соответственно советским или британским властям. Передача этих освобожденных граждан или подданных никоим образом не может быть задержана или отложена вследствие требований их временного использования» (Статья 7);

«...Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании» (Статья 9).¹²

Там же, в Ялте, Молотов и Иден подписали еще один важный документ, который касался судьбы репатриантов, – «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии относительно освобожденных советских граждан в Соединенном Королевстве», на основании которого советские граждане, освобожденные союзными войсками, будут незамедлительно... «отделяться от немецких военнопленных и содержаться отдельно от них», после чего предусматривалось, что они «будут собраны в определенных местах и лагерях, куда советские представители по репатриации будут немедленно допускаться». ¹³

Немного позже (13 марта и 26 июня 1945 г.) соглашения, аналогичные ялтинским, были заключены между СССР и Бельгией («Соглашение между СССР и Бельгией о репатриации их граждан, «перемещенных» вследствие войны»), СССР и Францией («Соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, которые находятся соответственно под контролем французских и советских властей»).

Своеобразным «техническим протоколом» к ялтинским соглашениям стал документ, принятый 22 мая 1945 г. в Галле, – «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников». Он был подписан после переговоров между заместителем Уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации генерал-лейтенантом К. Голубевым, заместителем начальника Штаба Верховного Главнокомандования союзнических экспедиционных сил американским генерал-майором Р. Баркером и начальником отдела по делам перемещенных лиц Верховного Главнокомандования Союзных экспедиционных сил генерал-майором Миккельсенем.

«...Переговоры начались 16 и завершились 22 мая и сами по себе были нелегкими. Союзники поначалу отказывались санк-

ционируют передачу всех граждан СССР, да еще по спискам и актам, требовали немедленной передачи всех пленных англичан и американцев, освобожденных Красной Армией, и настаивали на переброске репатриантов из СССР и в СССР по воздуху, силами их авиации, но с рекогносцировкой аэродромов СССР. Баркер предлагал ничего не подписывать и ограничиться устной договоренностью «джентльменов». Среди дебатировавшихся был и вопрос о личном имуществе репатриантов: союзники предлагали ограничить его 20 кг, а советские, видя в этом желание оставить имущество у себя, против такого бессердечия в самой решительной форме протестовали. Тем не менее многие из советских требований союзники приняли...».¹⁴

Принятый в Галле документ важен тем, что им были окончательно отрегулированы существующие юридически-правовые препятствия на пути возвращения на родину миллионов перемещенных лиц. 23 мая 1945 года началась их массовая репатриация.

Как видим:

- массовой репатриации предшествовали кропотливые межгосударственные переговоры, включая и переговоры, договоренности, решения на высшем уровне;

- акцент при проведении переговоров делался на возвращении на родину военнопленных; в отдельности вопрос о возвращении в СССР оstarбайтеров не рассматривался – репатриация в Советский Союз гражданских лиц обсуждалась в контексте решения проблемы репатриации военнопленных стран – партнеров по антигитлеровской коалиции;

- решающими для судьбы репатриантов стали договоренности и принятые документы Крымской конференции (4 – 11 февраля 1945 года), а также аналогичные межгосударственные соглашения, подписанные несколько позже.

* * *

СССР одержал дипломатическую победу над союзниками, поскольку их позиция относительно предмета репатриации оказалась непоследовательной и нетвердой. Фактически союзники дали согласие на удовлетворение всех основных требований СССР, который, добиваясь поголовной выдачи своих

граждан, часто не желал считаться с существующими международными юридически-правовыми нормами, на правах главного победителя во Второй мировой войне диктовал собственные условия и правила;

- в заключенных между СССР и союзниками договоренностях были заложены основы для осуществления насильственной репатриации перемещенных лиц, прежде всего в Советский Союз.

¹ Kircher K. Bayern und der Frieden. Kriegsflugblätter in Bayern. - Erlangen, 1983. – S. 101.

² Jacobmeyer W. Von Zwangsarbeiter zum Heimatlosen Auslaender. Die Displaced Persons in Deutschland. 1941 – 1945 / Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht in Göttingen, 1985. – Bd. 65. – S. 27.

³ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 214.

⁴ Белорусские оstarбайтеры. Репатриация (1944 – 1951). – Кн. 3. – Ч. 1. – С. 17.

⁵ ГАЧО, ф. Р – 2482, оп. 1, д. 2, л. 54.

⁶ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 214.

⁷ Толстой Н. Жертвы Ялты / Пер. с англ. Э. Гессен / Исследования новейшей русской истории. – Париж: YMCA-Press, 1988. – Т. 7. – С. 41.

⁸ Цитируется по книге П. Поляна "Жертвы двух диктатур...". – С. 197.

⁹ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 197.

¹⁰ Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4 - 11 февраля 1945 г.: Сб. документов /МИД СССР. Гл. ред. комис.: А. А. Громько (гл. ред.), И. Н. Земсков и др. – М.: Политиздат, 1984. - (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг.; - Т. IV. – С. 211).

¹¹ Известия. – 1945. – 14 февраля.

¹² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 г. – Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 - 11 февраля 1945 г.) /Сборник документов. – М., 1979. – С. 283 – 287.

¹³ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 198.

¹⁴ Там же; - С. 228.

5.4. Репатриация советских граждан из зоны действия Красной армии и оккупационных зон союзников

В то время, когда решалась дальнейшая судьба основной массы репатриантов – оstarбайтеров и военнопленных, которая оказалась в зонах действий союзников, возвращение

советских граждан на Родину из зоны действия Красной Армии приобретало все больший размах.

Этот процесс начался еще тогда, когда на советско-германском фронте произошел коренной перелом в пользу СССР. Победно наступая, Красная Армия освобождала от гитлеровцев не только захваченные ими советские территории, но и тысячи военнопленных, а также гражданских лиц, которых захватчики насильно забрали из родных мест с целью использования их как дешевой рабочей силы. Таких людей (*«внутренних перемещенных лиц»*) оказалось немало. По подсчетам некоторых исследователей, их количество достигало более одного миллиона человек.¹

Весной 1944 года, когда Восточный фронт переместился на территории стран Центральной Европы, появились первые тысячи *классических репатриантов*, то есть людей, возвращающихся на Родину из-за границы. Сначала их было сравнительно немного, а потому внимание к ним было не полностью достаточным. Как отмечалось в директивном письме Ф. Голикова за № 27 от 23 октября 1944 г., адресованном Военным Советам всех фронтов, лишь часть освобожденных военнопленных направлялась тогда в армейские сборные или сборно-пересылочные пункты. Что же касалось советских гражданских лиц, то они нередко вообще оставались на месте, после чего самостоятельно и неорганизованно отправлялись домой,² что осуждалось Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации.

По состоянию на 10 ноября 1944 г. его ведомством были взяты на учет 466528 чел., которые подлежали репатриации. Причем на этот день из числа их прибыли в СССР 84650 чел. – 50989 бывших военнопленных и 33661 чел. гражданских лиц.³

Позже количество репатриантов заметно увеличилось. За пять месяцев, с января по май следующего года, органы репатриации в войсках собрали, приняли на сборно-пересылочные пункты и зарегистрировали в общей сложности 1835377 чел. Из них гражданского населения – 1254232 чел., бывших военнопленных – 581145 чел. В январе – апреле 1945 года в СССР из этого количества были доставлены 1354020 чел.⁴

Тяжесть трудностей в работе по осуществлению репатриационных мероприятий легла на армейские и фронтовые сборно-пересылочные пункты, другие войсковые службы. «...Командиры передовых частей и частей охраны фронтового тыла, до-

рожные части фронтов и армий, а также военные коменданты и местная администрация занимались оповещением и сбором репатриантов, их направлением и размещением в лагерях (сборно-пересылочных пунктах), оказанием им медико-санитарной помощи, материальным обеспечением (питание, для нуждающихся – одежда и обувь), политико-воспитательной работой (в том числе боевой и политической подготовкой тех из них, кто еще не вышел из призывного возраста, а также школьным процессом – для тех, кто еще призывного возраста не достиг), подготовкой и отправкой репатриантов по назначению...».⁵

Причем отправка осуществлялась лишь после проверки каждого репатрианта сотрудниками органов НКВД и «Смерша» на предмет политической благонадежности и верности Отчизне.

Всех проверенных на сборно-пересылочных пунктах граждан направляли: а) военнообязанных – в Красную Армию; б) не подлежащих призыву лиц – к месту их проживания, за исключением жителей приграничной полосы Литовской ССР, БССР, УССР и Молдавской ССР, которых разрешалось направлять домой лишь через пограничные проверочно-фильтрационные пункты; в) бывших красноармейцев, служивших во вражеских частях, – в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД или Главного управления военной контрразведки «Смерш» по месту совершения преступления или проживания.

После появления 18 января 1945 года двух совместных директив начальника тыла Красной Армии генерала армии Т. Хрулева и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф. Голикова (соответственно № 1/1240645с и № 1/1240646с; разосланы Военным Советам фронтов и военных округов⁶), репатриантов начали делить на такие семь *категорий*:

- *бывшие военнопленные – рядовой и сержантский состав* (направлялись в армейские сборно-пересылочные пункты, а после проверки органами «Смерш» – в армейские и фронтовые запасные части);

- *бывшие военнопленные офицеры* (направлялись в спецлагеря НКВД);

- *военнопленные и гражданские лица, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и прочие подозрительные* (направлялись в спецлагеря НКВД);

- *интернированное гражданское население* (то есть оstarбайтеры) (направлялись в фронтовые сборно-пересылочные

пункты и пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД);

- *мужчины призывного возраста* (после проверки направлялись в запасные части фронтов или округов, остальные – к месту постоянного проживания);

- *жители пограничных областей* (направлялись в пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД);

- *дети-сироты* (направлялись в детские дома и приюты Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик).⁷

Что касается мужчин призывного возраста, то далеко не все из них направлялись в запасные части фронтов или округов. Многим вчерашним оstarбайтерам приходилось становиться солдатами действующей армии, принимать участие в боях с гитлеровцами. За проявленную храбрость немало их награждены боевыми наградами, многие – полегли смертью героев. Как отмечал маршал И. Конев, «вливаемое пополнение из репатриантов показало себя устойчивым, храбрым и достойным звания воинов Красной Армии».⁸

Следует также отметить, что не всем репатриантам разрешалось возвращаться на места довоенного местожительства. В частности, им запрещалось поселяться в Москве, Ленинграде, Киеве. Лишь после принятия Советом Народных Комиссаров СССР распоряжения за № 10407с от 07.07.1945 г. юноши и девушки могли возвратиться в Киев, но при условии, если там проживают их родители.

Можно также согласиться с выводами украинского историка О. В. Буцько, что репатриантов, в общем, разделяли на три условных категории. К первой зачисляли тех, кого считали врагами советской власти – прежде всего, власовцев и бандеровцев. Ко второй – тех, кого нельзя было доказательно обвинить в сотрудничестве с врагом. К третьей – тех, чья лояльность к советскому государству была очевидной.⁹

Сама же *проверка*, от которой зависела дальнейшая судьба репатриантов, согласно служебным инструкциям должна была занимать 10 – 15 дней. Учитывая стремительный рост количества лиц, которые возвращались на Родину, НКВД – КГБ СССР в феврале 1945 г. своей директивой разрешили упрощенную 5-дневную проверку женщин с детьми и стариков. Позднее, 22 мая 1945 г. (то есть за день до начала массовой репатриации из зон союзников), учитывая грандиозный объем работы, которую надлежало выполнить, Государственный Комитет Обор-

ны СССР сократил сроки проверки и для всех других категорий граждан, ограничив ее 10 днями, – с тем расчетом, что каждого, кто возвратился из-за границы, органы НКВД дополнительно проверят по месту проживания или в своих спецлагерях.

Фактически же установленные сроки не выдерживались, и люди находились в сборно-пересылочных пунктах (лагерях) в среднем 1 – 2 месяца, а то и дольше, в условиях чрезвычайного скопления, неустроенности, нередко – антисанитарии. Особенно отчетливо это ощутили на себе репатрианты, возвращающиеся из зон союзников.

Итак, первыми отправленными на родину были так называемые «внутренние перемещенные лица» – насильно угнанные из родных мест граждане, которые, однако, не были вывезены гитлеровцами за границы СССР; со временем освобождены Красной Армией.

Прежде чем отправиться домой, «внутренним перемещенным лицам», а позже – и «классическим» репатриантам надлежало пройти обязательную проверку на предмет политической благонадежности.

Всех граждан, которые возвращались из нацистской неволи, фильтрационные органы делили на семь условных категорий. Дальнейшая судьба каждого репатрианта в отдельности зависела от того, к какой категории он был отнесен.

Наибольшие сложности ожидали тех репатриантов, которые после фильтрации направлялись в спецлагеря НКВД, – коллаборантов, подозрительных, бывших военнопленных офицеров.

* * *

До 23 мая 1945 года многомиллионный контингент советских граждан, освобожденный из нацистской неволи войсками союзников, сосредоточивался в специально созданных сборных центрах. Как уже отмечалось, условия их содержания были либеральными, питание – удовлетворительным. Людей не принуждали заниматься тяжелым физическим трудом, разрешался краткосрочный выход за пределы лагеря. Иногда это оборачивалось трагедиями. Так, бывший репатриант К. И. Мосенз из с. Орловки Теплицкого района напоминает случай, когда,

воспользовавшись таким правом, группа остарбайтеров случайно наткнулась в Эрфурте, что находился под американским контролем, на емкости с техническим спиртом и поделилась им с соотечественниками. От употребленного яда погибло почти 500 человек.

Однако не вопросы хлеба насущного или досуга были главными для многих вчерашних остарбайтеров. Всех больше интересовало: будет ли дома предоставлена работа по душе? Возвратят ли им собственные дома? Сохранятся ли за ними бывшие квартиры? Что будет с детьми, родившимися в Германии? Какие права гарантируются инвалидам, получившим увечья на нацистской каторге? Что будет с молодежью, насильно вывезенной в Германию? Едва ли не все задумывались над тем, как их встретят на Родине. Многие ясно отдавали себе отчет, что в родном государстве их, скорее всего, встретят далеко не с распростертыми объятиями, что по возвращении домой с ними, возможно, обойдутся как с преступниками, хотя надеялись, что просто так в СССР за решетку не сажают.

«Больше всего терзали души людей опасения, что правительство СССР может отречься от них, лишит советского гражданства. Подавляющее большинство советских людей имели все же твердое намерение вернуться на Родину, независимо от того, будут их наказывать в СССР или нет... Тех «восточных рабочих», кто твердо решил возвратиться, было не менее 70 процентов, среди тех, кто не намеревался это делать, — 5 процентов, остальные 25 процентов составляли так называемые колеблющиеся (в большинстве они были не против возвращения в Советский Союз, но опасались репрессий). Примерно такое же соотношение было и среди военнопленных.¹⁰

Многие сомнения развеяло интервью Филиппа Голикова, данное им 11 ноября 1944 года корреспонденту ТАСС и напечатанное в газете «Правда». Фактически это было официальное обращение к оказавшимся за границей советским гражданам.

«...Имеется... немало примеров того, что люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т. п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше своими гражданами, — говорилось в нем. — Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения их на

Родину, они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости.

Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыновья Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под немецким насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину...

Всем возвращающимся советским гражданам предоставляется полная возможность немедленно принять активное участие в разгроме врага и достижении победы, одним – оружием в руках, другим – на производстве, третьим – в области культуры...

Все они найдут свое место на Родине среди бойцов, что бьются с врагами на фронте, среди строителей нашего могущественного государства. Перед советскими людьми, освобожденными из немецкого рабства, открываются широкие возможности вернуться в родные места и в свои семьи, заняться своим делом и беззаветно служить своему народу, своему Отечеству». ¹¹

Однако помещенная в интервью оговорка – «если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину», – все же наталкивала на мысль, что такое условие прощения – своеобразная петля, которую можно легко набросить на жертву. Тем не менее интервью, безусловно, сыграло отведенную ему роль, в значительной степени достигло поставленной цели. Сотни тысяч репатриантов поверили в перемену к лучшему в собственной судьбе, стремились послужить Отчизне.

«Во время войны освобожденные союзниками советские граждане, ожидая в транзитных лагерях отправки домой, стремились помочь Родине всем, что было в их силах. Об этом свидетельствует, например, массовая кампания по сбору денег и драгоценностей в фонд обороны. В январе – марте 1945 года только в лагере «Святого Андрея» (Италия) советские граждане собрали и передали представителям органов репатриации 206 тыс. лир; от находящихся во Франции депортированных советских граждан в фонд обороны СССР поступило 3982246 франков. Группа репатриантов транзитного лагеря Басра (район Персидского залива) собрала более 3 тыс. английских фунтов стерлингов, 15 тыс. франков, свыше 20 тыс. лир; а

находившиеся в лагере Бендер-Шаха (там же) – 2887 лир, 1165 марок, 1310 франков, 177 кун, 200 драхм, 200 бельгийских франков и 150 реалов». ¹²

Это же желание не оставляло многих наших соотечественников и позже, когда они находились в дороге домой.

«На одном из транспортов советские военнопленные, отправленные в СССР союзниками в последние месяцы войны, составили коллективное письмо на имя И. В. Сталина. В нем, в частности, говорилось: «Оказавшись снова свободными гражданами, находясь в пути на Родину, мы ежедневно, ежечасно повышаем свои военные знания, проводим строевые и тактические занятия. Мы всеми силами стремимся вернуться на Родину хорошо подготовленными красноармейцами, в совершенстве владеющими оружием. Наше единодушное желание – скорее расплатиться с проклятым Гитлером за все перенесенные нами страдания». ¹³

Как видим, находясь за рубежом, основная масса репатриантов не считала себя предателями, со страхом воспринимала возможность потери советского гражданства, запрета возвращения на Родину, не мыслила дальнейшей своей жизни без нее. Многие из репатриантов даже в условиях вынужденной бездеятельности старались послужить Отчизне, организовывая сбор средств и прочие целенаправленные мероприятия, которые могли бы принести ей определенную пользу.

В то же время репатриантов мучила неопределенность своего будущего, возможности применения к ним репрессий со стороны родного государства.

Эффективным идеологическим мероприятием советской стороны оказалось интервью Ф. Голикова от 11 ноября 1944 года. Оно вернуло надежду сотням тысяч оказавшихся на чужбине людей, хотя дальнейшая действительность нередко значительно отличалась от сказанного Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран.

* * *

Реально путь домой начался 23 мая 1945 года, когда был дан «зеленый свет» массовой репатриации. Как пишет в своих

воспоминаниях бывший остарбайтер К. И. Мосенз (с. Орловка Теплицкого района), этот день тоже запомнился многим на всю жизнь.

«...Утром американцы нам сообщили, что мы отправляемся домой. Радостное «ура» загремело во всех уголках лагеря. Поскольку людей было очень много, одновременно все выехать не могли, установилась очередь, которая выдерживалась на протяжении всего периода передачи нас советской стороне. На практике это выглядело так: отъезжающим выдавался сухой паек (хлеб, консервы, галеты и т. п.), с личными вещами они садились на машины и из лагеря ехали колонной в город Десау, где переправлялись через Эльбу. Затем машины от демаркационной линии возвращались за новой партией репатриантов. Отправка продолжалась непрерывно и днем, и ночью...»¹⁴

Аналогичная картина наблюдалась также в других местах оккупационных зон союзников. Причем это был не односторонний поток человеческих масс. Одновременно советской стороной передавались союзникам их граждане, освобожденные из нацистской неволи Красной Армией.

Из приемно-передающих пунктов, расположенных на демаркационной линии, репатрианты – наши соотечественники направлялись в сборно-приемные лагеря (пункты). Здесь они поименно регистрировались, разделялись на соответствующие категории (отныне действие принятых 18 января 1945 года двух совместных директив начальника тыла Красной Армии Т. Хрулева и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф. Голикова распространялось и на репатриантов, прибывших из зон оккупации союзников). Здесь проходили обязательную для всех фильтрацию.

Одним из главных ее элементов было заполнение специальной анкеты. Репатрианту предлагалось искренне ответить на ряд вопросов, в том числе на такие: «Где проживали, чем занимались в период временной немецкой оккупации?», «Как и при каких обстоятельствах попали на территорию Германии?», «Где вы проживали в Германии и чем занимались?», «Сколько раз вы подвергались аресту и допросу, находясь на территории Германии?», «Кого вы знаете из предателей Родины?».

Достаточно репатрианту было ответить, что арестовывался или допрашивался гитлеровцами в Германии, как дознание устраивали уже сотрудники советских фильтрационных орга-

нов. Прежде всего их интересовал вопрос, не был ли оstarбайтер завербован гестаповцами, находясь в заключении. Если да, то какую задачу выполнял? Кого выдал? Какой вред причинил?..

Ответы на вопросы «Как и при каких обстоятельствах попали на территорию Германии?» и «Кого вы знаете из предателей Родины?» служили своеобразным источником для составления списков лояльно настроенных к нацистскому режиму лиц. В первом случае обнаруживались имена старост и полицейских, которые отправляли в нацистское рабство своих соотечественников; ответы на второй вопрос позволяли обнаружить еще больший круг приспешников врага – от тех, кого репатриант знал дома, до известных ему во время пребывания в Германии. Разумеется, те репатрианты, которые оказались в этом списке, подвергались особо тщательной проверке.

Как отмечает в воспоминаниях большинство бывших репатриантов, фильтрация в основном проходила без применения грубой силы, целенаправленного издевательства, истязаний, хотя случались и такие случаи. Так, Антонина Леонидовна Сивопляс из с. Турбова Турбовского района вспоминает, что в лагере, где лично проходила фильтрацию, отдельных женщин били и даже (за то, что «волочились с немцами») подвергали пыткам. По ее словам, несчастным отрезали грудь, кое-кого вешали под мостом.

Сама процедура фильтрации была неприятной для репатриантов, унижала морально и физически, заставляла осознавать свою «второсортность», ничтожность перед величием системы, которая триумфально разгромила гитлеровский нацизм, ощутить, пусть маленькую, личную вину перед Родиной, хотя бы за то, что в трудный час испытаний не помогали ей, а работали на врага. Душевный дискомфорт усиливала продолжительность проверки – в отведенный 10-дневной срок комиссии не укладывались и репатриантам приходилось дожидаться решения собственной судьбы нередко неделями, а то и месяцами, что очень угнетало, приводило к душевным страданиям.

Поскольку фронтовые и армейские сборно-приемные пункты не справлялись с нарастающим потоком репатриантов, в полном объеме были задействованы и проверочно-фильтрационные лагеря, расположенные в районе советской государственной границы. Учитывая отсутствие необходимого количества транспорта, 16 июня 1945 года Государственный Комитет

Обороны изменил схему отправки репатриантов на родину из фронтовых лагерей – отныне к месту фильтрации, то есть до одного из 35-и пограничных лагерей (такие «пункты приема репатриантов» существовали в Бресте, Гродно, Ковеле, Владимир-Волынском, Раве-Русской, Самборе, Львове и других городах), репатрианты добирались пешком. Правда, это не касалось больных, стариков, женщин с детьми до 15-и лет и детей-сирот такого же возраста – в один из этих городов или непосредственно в область проживания они доставлялись железной дорогой.

Других «ждал многодневный пеший марш по принципу «лагерь-колонна»... Инструкцией были предусмотрены суточный темп движения в 15 км, привалы на 3 – 4 часа и дневки через каждые 3 дня марша, транспорт для продовольствия и личных вещей (по 50 кг на душу), заболевших и отставших по маршруту. Для сопровождения колонны в 1000 – 1500 чел. выделялся офицер, фельдшер, один-два политработника и группа бойцов...». ¹⁵ Последние, как правило, сопровождали колонну на велосипедах.

После фильтрации главенствующим был другой вопрос: как *использовать репатриантов с максимальной пользой для Родины?*

Бывшие остарбайтеры призывного возраста (как и их ровесники-военнопленные после принятия Президиумом Верховного Совета СССР указа от 7 июля 1945 года «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией») зачислялись в действующие запасные части армии, становясь таким образом *военнослужащими*. Отсюда многие попадали на передовую (в первую очередь бывшие остарбайтеры, освобожденные во время войны Красной Армией, а также репатрианты из оккупационных зон союзников, которые принимали участие в разгроме милитаристской Японии), их боевой вклад был довольно существенным как на европейском, так и на тихоокеанском театрах военных действий.

Как отмечает русский исследователь П. Полян, «наличие в Германии или Австрии большого числа советских граждан призывного возраста оказалось как нельзя более кстати. Ведь боевые действия на заключительном этапе войны (например, на Берлинском направлении) отличались исключительным упорством и большими потерями в живой силе с обеих сторон. Так что не удивительно, что только в оперативной зоне 1-го Укра-

инского фронта и только до 20 марта 1945 года в боевые части было направлено более 40 тыс. чел. из числа репатриантов».¹⁶

Интересно в этом плане также донесение от 7 апреля 1945 года начальника политического управления 1-го Украинского фронта гвардии генерал-майора Ящечкина начальнику Главного политического управления Красной Армии:

«Политико-моральное состояние подавляющего большинства бойцов, призванных из числа советских граждан, находившихся в немецкой неволе, здоровое. Испытав на себе все ужасы немецкой неволи, фашистского плена, бойцы пополнения сильно ненавидят немецких оккупантов и выражают нетерпение с оружием в руках скорее отомстить на поле боя. Большинство бойцов нового пополнения в боях дерется стойко, при этом многие проявляют мужество и отвагу».¹⁷

Всего за период с октября 1944 по март 1946 года в ряды Красной Армии было направлено 1055925 репатриантов, из них 268794 чел. – в 1944 году, 779406 чел. – в 1945 и 7725 чел. – в 1946 году.¹⁸

Многих недавних остарбайтеров, в том числе подолян, *временно оставляли в Германии* для работ, связанных с демонтажом и транспортировкой трофейного или репарационного оборудования. Работа эта была нелегкой, трудоемкой, нуждалась во множестве рабочих рук.

«...К концу ноября 1945 года на промышленных и сельскохозяйственных объектах Германии и Австрии было занято репарационными операциями свыше 300 тыс. советских граждан, подлежащих репатриации».¹⁹

Нередко эти работы оказывались довольно опасными для их здоровья и даже жизни.

«Так, четырехтысячный отряд бывших остарбайтеров использовался на демонтаже вредных химических производств на заводе «ИГ Фарбениндустри» в Освенциме (а позднее на демонтаже и других химических производств) без каких бы то ни было мер защиты от ядовитого сырья и отравляющих веществ, без профилактического питания и без лекарств...».²⁰

Трудоемкость работ, кроме того, требовала много рабочего времени. А потому рабочим, занятым на них, приходилось до года, а то и дольше, находиться в Германии, хотя каждый из них мечтал побыстрее возвратиться в отчий дом.

Массово использовалась еще одна форма трудового привлечения возвращавшихся на Родину. Несмотря на то, что в

соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 6 января 1945 года «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан, освобожденных Красной Армией и войсками союзных государств», основная масса репатриантов, непригодных для воинской службы, а также лиц непризывного возраста и женщин, должна была направляться по месту жительства, Генштаб Красной Армии дал указание начальникам сборно-пересыльных пунктов формировать *трудовые батальоны* из лиц 1916 – 1926 года рождения численностью по 1000 чел. в каждом.

Формирование таких «батальонов» началось еще в конце войны. Использовались они на разнообразных инженерных работах как на передовой, так и в тылу наступающей Красной Армии.

Однако и в послевоенное время работа по их созданию проводилась не менее интенсивно. Называлась она «мобилизацией в трудовые батальоны». Изменения произошли лишь в местопользовании этих формирований. Как правило, в спецэшелонах под охраной войск НКВД их направляли в важнейшие промышленные районы СССР, где от каждого «мобилизованного» требовался ударный труд.

В составе таких «батальонов» было немало и подолян. Так, бывшему жителю с. Катюржинцев Теофипольского района И. И. Ильчуку пришлось работать на одном из ремонтных заводов Сталинграда, ²¹ Б. Л. Яворскому из с. Моховатой Самгородского района – на металлургическом заводе г. Златоуста Челябинской области, ²² В. И. Антонюку из с. Скарженевки Теплицкого района – на руднике им. С. М. Кирова в Мурманской области, ²³ А. Г. Кучеренко из с. Леухи Дашевского района – в Подмосковье, ²⁴ С. И. Надибскому из с. Окладного Барского района – на заводе металлургического оборудования в г. Днепропетровске, ²⁵ Г. Г. Яновцу из с. Павловки Погребищенского района – на 9-м нефтепромысле г. Баку, ²⁶ П. А. Петрику из с. Сосны Литинского района – на промышленных предприятиях Челябинска...

Однако чаще всего людей направляли в Донбасс, на восстановление и эксплуатацию шахт, и на лесозаготовки.

Такие «батальоны» передавались в распоряжение соответствующих министерств, например, угольной промышленности. Даже «по достижении демобилизационного возраста рабочих батальонов, как правило, не освобождали и не отправляли

домой, а закрепляли за предприятиями и стройками, где они к тому времени трудились. Право ухода с предприятия имели только инвалиды и только в том случае, если они переезжают к месту постоянного местожительства, а также самые великовозрастные из работающих в батальонах». ²⁷ Лишь 30 сентября 1946 г. Совет Министров СССР своим постановлением распространил на них в полной мере действующее законодательство о труде, а также права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие этих же предприятий и строек.

Через «трудовые батальоны» прошли десятки тысяч репатриантов. Так, по состоянию на 1 января 1946 года в них служило 608095 чел., из них 344448 бывших военнопленных и 263647 – бывших гражданских лиц. ²⁸

Безоговорочным было трудовое использование тех, кто в результате фильтрации определялся в так называемый *спецконтингент*. В него входили военнопленные-офицеры, бывшие военнослужащие и гражданские лица, которые служили в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицаи и «другие подозрительные». В число «других подозрительных» нередко попадали и бывшие оstarбайтеры, которые после истязаний в застенках гестапо пополняли ряды власовцев или же давали согласие на сотрудничество с тем же гестапо (выявлять коммунистов и комсомольцев, своих сограждан, намеревавшихся осуществить побег, призывавших к вредительству, скрытому или открытому сопротивлению гитлеровцам). Таких нестойких оstarбайтеров, как и других зачисленных в спецконтингент, направляли не только на принудительные работы, а также на спецпоселение на 6-летний срок.

«...Перед отправкой им объявлялось примерно следующее. Как изменникам Родины по статье 193.22 Уголовного кодекса СССР... всем им полагалось бы одно и только одно наказание – расстрел с конфискацией имущества. Однако в связи с победой над врагом Родина-мать проявляет к ним большое снисхождение и, освободив от несения названной уголовной ответственности, ограничивается их переводом на спецпоселение сроком на 6 лет». ²⁹

Места для спецпоселений определялись, как правило, глухие, необжитые, но где в неограниченном количестве нужен был человеческий труд. Так, В. Ф. Рыбачек из с. Лукашовки Тростянецкого района отбывал наказание почти за 10 тысяч километров от родного Подолья.

В июне 1941 г. он попал в немецкий плен. Продолжительное время пребывал в лагерях для военнопленных, где оказался на грани физического истощения. Чтобы выжить, в январе 1943 года дал согласие на сотрудничество с врагом и был зачислен рядовым в немецкое вооруженное формирование, которое использовалось на территории Франции. Здесь снова попал в плен, на этот раз – американский. В 1945 г. репатрирован в СССР. За службу в немецких вооруженных формированиях выслан на шестилетнее поселение в Приморский край.³⁰

У кого вина была менее существенной, мог отбывать наказание и значительно ближе. Например, бывший остарбайтер М. Ф. Яворский из с. Хмелевки Погребищенского района за то, что его родители оказались кулаками, сперва 5 лет принудительно работал в Московской области и лишь потом – в Челябинской.³¹

Обязательному поселению в специально определенных местах подлежали и репатрианты-фольксдойче. Так, бывшая ямпольская колхозница Ева Вильгельмовна Шмидт по решению фильтрационной комиссии стала жительницей Барнаула Алтайского края...³²

(Разумеется, количество спецпереселенцев в общем было достаточно большим. Однако не отвечают истине, являются значительно завышенными цифровые данные, которыми оперирует английский исследователь Н. Д. Толстой. Он утверждает, что из всех советских репатриантов, прибывших в СССР, 20 процентов были расстреляны или же наказаны 20-ю годами лагерей, 15 % – осуждены на 5 – 10 лет лагерей, 10 % – высланы в районы Сибири на срок не менее 5-и лет, 15 % – направлены на принудительные работы в важнейшие промышленные центры страны³³).

Те же перемещенные лица, которые, по результатам фильтрации, не были призваны в армию, не оставались временно в Германии для выполнения репарационных работ, не привлекались в трудовые «батальоны», не определялись в спецконтингент, *отправлялись домой*. Они составляли основную массу репатриантов, их труд намечалось использовать по месту жительства.

Таким лицам выдавалось временное удостоверение, где указывались только фамилия, имя и отчество, год и место рождения, время содержания во фронтовом или армейском

лагере, пограничном фильтрационном пункте или в другом аналогичном месте, а также предписывалось место направления репатрианта (самовольный выезд в другие районы запрещался). В этом же удостоверении было два примечания: «Видом на жительство служить не может» и «Удостоверение по приезде к месту жительства должно быть сдано в местный орган НКВД для получения вида на жительство». Больше никаких личных документов репатриантам на руки не выдавалось. Все документы, подтверждающие пребывание людей на каторге, в концлагерях и тюрьмах нацистской Германии, изымались во время фильтрации.

Подавляющее большинство репатриантов возвращалось домой железной дорогой. Эшелоны группировались по территориальному принципу – по союзным республикам и областям. Для сопровождения эшелона назначались начальник, замполит, еще 2 – 3 офицера и почти отделение бойцов охраны. У начальника были списки репатриантов, продовольственные аттестаты и справки установленного образца, разрешающие проезд. Репатрианты, не имеющие таких пропусков, органами милиции снимались с поездов.

Эшелоны, как правило, были большими. Состояли из 30 – 35 вагонов товарного парка, оборудованных для перевозки людей. В среднем в каждом вагоне размещалось 30 – 35 пассажиров. Об удобствах речь снова не шла, но этот недостаток компенсировался радостью возвращения на Родину после многих лет страданий на чужбине.

Всего железнодорожным транспортом, задействовав 176431 вагон, «за период с октября 1944 по январь 1946 гг. было перевезено 5263495 чел. Из этого количества к месту постоянного жительства было оттранспортировано 3259857 чел. (или 61,9 %), в запасные части фронтов и военных округов – 1055925 чел. (20,2 %), в рабочие батальоны для работы в промышленности – 608095 чел. (11,5 %) и в распоряжение НКВД – 339618 чел. (6,4 %)». ³⁴

Определились и основные железнодорожные маршруты: «1) Берлин – Познань – Варшава – Брест – Белосток; 2) Берлин – Позен (Познань) – Остров – Лодзь – Развадов – Люблин – Ковель; 3) Бреслау (Вроцлав) – Оппельн – Краков – Пшемысль – Львов; 4) Позен (Познань) – Торн (Торунь) – Алленштейн – Инстербург; 5) Вена – Будапешт – Дебрецен – Чоп – Сигет и 6) Бухарест – Плоешти – Бакау – Пашкани – Яссы – Унгены.

Активно использовался и автотранспорт (до 5000 автомашин), которыми в общей сложности было перевезено 976731 чел. Основные маршруты для автотранспорта: 1) Виттенберг – Торгау – Заган – Эльс – Кельце – Замостье – Владимир-Волынский; 2) Пархим – Гарти – Шнайдемюль – Быдгощ – Млава – Острув Мазовецкий – Белосток – Гродно – Волковыск; 3) Заган – Эльс – Кельце – Томашув – Рава-Русская; 4) Йиглава – Брно – Тарнув – Жешув – Львов; 5) Йиглава – Брно – Попрад – Вранов – Густе – Рохор – Коломыя и 6) Лесобен – Вена – Нейштадт – Комарно – Эстергом – Лученец – Рожнява – Михальовице – Ужгород – Густе – Коломыя.

Весьма ощутимой по ходу репатриации была роль морского транспорта...».³⁵

Итак, из зон союзников репатрианты попадали в советские сборно-приемные пункты (лагеря), где проходили обязательную фильтрацию. Причем основное внимание сосредотачивалось именно на проверке политической благонадежности тех, кто волей-неволей был вывезен в Германию. Для репатриантов эта процедура была унижительной, довольно тяжелой в морально-психологическом плане.

В сборно-приемных пунктах также решался вопрос использования репатриантов с максимальной пользой для Родины. Одни призывались в ряды действующей армии, другие – временно оставались в Германии для выполнения демонтажных работ по программе репарации, третьи – отправлялись домой, четвертые – направлялись на принудительные работы в спецпоселения.

Для перевозки репатриантов к месту назначения в основном использовался железнодорожный и автомобильный транспорт. Значительное количество репатриантов перевезено по морю.

* * *

Но прежде, чем попасть в поезд, людям недели, а то и месяцы приходилось проводить в сборно-пересылочных лагерях, других местах фильтрации. Даже после всех проверок вопрос отправки на Родину для очень многих репатриантов решался не сразу, поскольку остро не хватало необходимого количества поездов, да и много железных дорог были разрушены,

Одноразовое горячее питание организовывалось для пассажиров репатриационных поездов лишь на Родине в приемно-распределительных пунктах.

Довольно часто выделенного пайка оказывалось мало и пассажиры или голодали, или спасались ранее не раз испытанным методом:

«...Когда поезд останавливался, вагоны не закрывали, люди шли воровать с окружающих огородов картофель, огурцы, другие овощи...» (Из воспоминаний А. Л. Сивопляс, с. Турбов Турбовского района).

В сентябре 1945 года Советом Народных Комиссаров СССР был установлен такой порядок продовольственного обеспечения репатриантов: на сборно-пересылочных пунктах (лагерях) и в дороге до приемно-распределительных пунктов обеспечение осуществлялось по линии НКО СССР, исходя из расчета на одного человека в сутки: 700 г хлеба, 50 г пшеничной муки, 150 г круп (включая бобовые и макароны), 50 г мяса и рыбы, 20 г масла, 30 г сахара, 1 г чая, 900 г картофеля и овощей, 30 г соли.³⁶

Действовали и другие нормативы. Так, отдельные репатрианты (те, кто очень в этом нуждался) обеспечивались годным к носке обмундированием, обувью и бельем («...от 200 до 500 штук на лагерь; но при расчете женской одежды исходили почему-то из доли женщин в 10 %, хотя женщин во фронтовых лагерях, как правило, было большинство...»³⁷).

Относительно вещевых перевозок репатриантов видимых ограничений не существовало. Формально они имели право везти домой все и сколько угодно. «...Приказом Управления по репатриации № 21 от 1 апреля 1945 года им разрешалось провозить на родину... эффективную иностранную валюту и разное имущество, как то одежду, утварь, орудия труда, продукты питания, скот, птицу, ценности и др. На период с 1 января 1945 по 1 июля 1946 г. их даже освободили от таможенного досмотра».³⁸

Действительность же была другой. Как правило, за час-два перед отправкой на Родину в лагере происходила так называемая «проверка вещей». Комиссия во главе с начальником лагеря вроде бы искала припрятанное оружие, но у репатриантов отбирались «фотоаппараты, часы, радиоприемники, разобранные велосипеды, швейные машинки, деньги... Громоздкие вещи, которые люди не в состоянии были нести, остав-

ляли в лагере для «отправки на Родину», но никто из адресатов их больше не видел...». ³⁹ Вероятно, такая «конфискация» санкционировалась какой-то невторостепенной инстанцией – высокотехнологические изделия несли в себе нежелательный для советской стороны пропагандистский эффект, опровергали идеологические постулаты о загнивании буржуазного Запада и о том, что все советское непременно передовое, лучшее. Или же она была обычным мародерством недобросовестных сотрудников лагерей, хотя установить истину так и не удалось. Одно ясно – домой репатрианты возвращались не очень перегруженными нажитыми в Германии сокровищами.

Что касается репатриантов-уроженцев Винницкой области, то средний вес вещей, с которыми они возвращались к отчому порогу, составлял 9,77 кг. ⁴⁰

Находясь в сборно-пересылочных и других лагерях, репатрианты проходили еще одну обязательную проверку – *медицинскую*, которая предусматривала медицинский осмотр и санитарно-профилактические мероприятия, и касалась каждого возвращающегося на Родину.

Во-первых, среди них действительно было очень много больных. Изможденные каторжным трудом и хроническим голодом, они оказались беззащитными перед многочисленными недугами, в особенности инфекционными – туберкулезом, гриппом, ангиной, брюшным тифом, чесоткой и др. Немало больных страдало от венерических болезней.

Во-вторых, к этому обязывало одно из требований «Положения о фронтовом сборно-пересылочном пункте для освобожденных граждан СССР, находящихся на территории Германии и оккупированных ею стран», где конкретно указывалось, что «все граждане, прибывающие на приемно-распределительный пункт, подлежат санитарной обработке, а личная одежда дезинфекции».

Для лечения и изоляции больных при сборно-пересылочных пунктах оборудовались госпитали и санитарные изоляторы, использовались местные медицинские учреждения.

Это же можно сказать и о пограничных проверочно-фильтрационных пунктах. Вот такая лечебно-санитарная работа, например, была выполнена в июле 1945 г. на таком пункте в г. Черновцах:

«Врачебный прием оказан

666 чел.

Осмотр на вшивость и дезинфекция	666 чел.
Заболееваемость:	
1. Сыпной тиф	2 чел.
2. Желудочно-кишечные болезни	7 чел.
3. Грипп	16 чел.
4. Ангина	10 чел.
5. Чесотка	10 чел.
6. Венерические болезни	3 чел.
7. Психоневрологические болезни	3 чел.
8. Туберкулез	8 чел.
9. Воспаление легких	3 чел.
10. Коклюш	2 чел.
11. Простая диспепсия	18 чел.
12. Токсическая диспепсия	2 чел.
13. Крупозная дистрофия	1 чел.
14. Фурункулез	10 чел.
15. Абцесс голени	1 чел.
16. Малярия	2 чел.
Из них изолировано	64 чел.
– “ – госпитализировано	12 чел.
Смертных случаев	3 чел.». ⁴¹

«По официальным данным, для обслуживания репатриантов было развернуто 142 госпиталя, 418 стационаров, 514 бань и 690 дезкамер. Число зафиксированных ими больных...: 1080034 чел., из которых 66,3 % нуждались в амбулаторном лечении и 33,7 % – в стационарном. Инфекционных больных выявлено 31989 чел., самой распространенной инфекционной болезнью – особенно после июня 1945 года – был брюшной тиф (5635 чел.). За период с января 1945 по январь 1946 года, так и не доехав до родины, умерло 3298 репатриантов». ⁴²

Получить полноценную медпомощь могли не все, а потому неинфекционных больных отправляли домой в расчете на то, что они продолжат лечение по месту жительства.

Обо всех случаях инфекционных заболеваний среди репатриантов немедленно докладывалось по телеграфу в Москву в санотдел Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Туда же ежемесячно присылались отчеты по установленной форме.

В июне 1946 года в соответствии с приказом Министерства охраны здоровья СССР большинство эвакуационных госпиталей, обслуживающих репатриантов, прекратили свое существование.

Особой категорией репатриантов были *дети-сироты*.

В середине февраля 1945 года на пункты скопления возвращающихся на Родину советских граждан была разослана инструкция санитарного отдела Управления Уполномоченного СНК СССР о порядке репатриации детей-сирот и детей, потерявших родителей. В документе шла речь, что в целях обеспечения на сборных пунктах и в пути следования надлежащих материально-бытовых и санитарно-гигиенических условий, а также организованного расселения репатрируемых из Германии и оккупированных ею стран детей-сирот по детским учреждениям СССР, следует осуществить ряд обязательных мероприятий. Среди них – тщательное выявление и регистрация детей, группирование по возрасту: до 4-х лет и от 4-х до 14 лет, а также по областям СССР, откуда они были уведены в Германию, обеспечению одеждой, бельем и обувью в соответствии с временем года, размещение на сборных пунктах отдельно от взрослого населения группами по 20 – 25 чел. и обеспечение таких групп обслуживающим персоналом и необходимыми принадлежностями, надлежащее медицинское и санитарное обслуживание.

Документ обязывал также «обеспечить на сборных пунктах и в пути следования трехразовую выдачу горячей пищи и чая. Для приготовления пищи выделять отдельные кухни... К выбору ассортимента продуктов и меню подходить дифференцированно, с учетом детского возраста... Приготовление и выдачу пищи детям проводить под контролем медицинского персонала... Транспортировку детей-сирот по железнодорожным и водным путям проводить в специально выделяемых для них вагонах, каютах с оборудованными для отдыха и сна местами».

В инструкции подчеркивалось, что «распределение прибывающих со сборных пунктов детей-сирот по детучреждениям проводится органами Наркомздрава – детей до 4-х лет и органами Наркомпроса – с 4-х до 14 лет...». ⁴³

Итак, затраты на пребывание репатриантов в сборно-пересыльных лагерях, других местах фильтрации, и обязательную медицинскую проверку, во время лечения и пребывания

ния репатриантов в пути следования брало на себя государство, их питание осуществлялось по линии Народного Комиссариата обороны СССР по армейским нормативам, которые минимально обеспечивали необходимую жизнедеятельность тех, кто возвращался на Родину. Надлежащее внимание по удовлетворению материально-бытовых условий значительно полнее проявлялось лишь к детям-сиротам и детям, потерявшим родителей.

Репатриантам разрешалось ввозить в СССР иностранную валюту, разное имущество. На полтора года они освобождались от таможенного досмотра. Вот только далеко не все нажитые сокровища доходили до места назначения...

* * *

Наиболее интенсивной и масштабной репатриация советских граждан на Родину оказалась в период с мая 1945 г. по весну 1946 г. Тогда в СССР возвратилось более половины всех репатриированных. Причем репатриация осуществлялась как из зоны действия Красной Армии, так и из зон союзников. Конкретно о ее ходе идет речь в таблицах (см. ниже):

Репатриация граждан СССР из зоны действия советских войск

(по состоянию на 1 марта 1946 г.)⁴⁴

Страна	Всего чел.	В %
Советские зоны оккупации		
Германия и Австрии	1447261	78,37
Румыния	133340	7,22
Финляндия	101195	5,48
Польша	87850	4,75
Чехословакия	40655	2,20
Югославия	25572	1,38
Болгария	3682	0,20
Венгрия	3259	0,18
Швеция ⁴⁵	3183	0,17
Албания	805	0,05
В с е г о	1846802⁴⁶	100,00

Репатриация граждан СССР из зон действия войск союзников
(по состоянию на 1 марта 1946 г.) ⁴⁷

Страна	Всего чел.	В том числе:	
		военнопленные	гражданские
Западные зоны оккупации			
Германии и Австрии	2031925 ⁴⁸	707369	1324556
Франция	121005	85436	35569
Норвегия	84775	75812	6963
Италия	53240	44205	9035
Англия	26329	21900	4429
Бельгия	12344	7352	4992
Швейцария ⁴⁹	9868	6145	3723
Дания	7614	4635	2979
США	3950	3823	127
Греция	1402	1288	114
Голландия	234	74	160
В с е г о	2352686	960039	1392647

Цифровые показатели говорят о том, что больше всего людей возвратилось из Германии и Австрии – почти 3,5 млн. чел. Из остальных 19-ти стран – всего 711408 чел.

Впечатляет и встречный поток из СССР: количество репатриированных иностранцев составляло на 1 марта 1946 года 1021455 чел., из которых 1016588 уже возвратились на родину и 4867 чел. находились в дороге к передающим пунктам. ⁵⁰

Как видим, первые послевоенные годы – это время большого перемещения людей на европейском континенте – главном театре военных действий Второй мировой войны. Сорванные ею с родных мест, на этот раз они возвращались в свои страны, на свою родину – к жизни и работе в условиях мира.

* * *

Итак:

- реальным началом репатриации советских граждан на Родину стала середина 1944 г. (репатриация осуществля-

лась из зоны действия наступающей Красной Армии);
- основное бремя репатриационных мероприятий легло на армейские структуры – армейские и фронтовые сборно-пересылочные пункты;

- отправка репатриантов в СССР осуществлялась лишь после обязательной фильтрации, а также медико-санитарного осмотра каждого репатрианта в частности;

- установленные сроки фильтрации не выдерживались и люди вместо предусмотренных 5 – 10 дней находились в проверочных лагерях в неудовлетворительных для проживания условиях по нескольку месяцев. Сама процедура фильтрации была унижительной для репатриантов, нелегким испытанием, особенно моральным.

Медико-санитарный осмотр был продиктован реальной необходимостью, поскольку среди репатриантов было очень много больных, в т. ч. инфекционных;

- среди остарбайтеров, ждущих репатриации в сборных центрах союзников, до 70 процентов от их общего количества желали возвратиться на Родину, 25 % – колебались, опасаясь возможных репрессий и преследований со стороны родного государства, 5 % – не желали возвращаться в СССР. Те, кто твердо решил возвратиться, всячески старались помочь своей Отчизне;

- с середины января 1945 года репатриантов начали делить на категории. Сначала это касалось лишь лиц, освобожденных Красной Армией, а позже – всех возвращающихся на Родину из зон союзников. Согласно установленным категориям определялось дальнейшее использование репатриантов советской стороной. Здоровые мужчины и юноши призывного возраста призывались в ряды действующей армии, принимали участие в боях с гитлеровцами и японскими милитаристами, где отличались храбростью и героизмом; во вспомогательные армейские структуры и подразделения привлекались также женщины и девушки. Значительная часть репатриантов была оставлена в Германии для выполнения репарационных работ, еще большая – направлена в «трудовые батальоны», которые использовались при восстановлении и эксплуатации шахт Донбасса, в промышленных центрах СССР. Остальные репатрианты, кроме детей, стариков и тяжело больных, рассматривались как обширный источник трудовых ресурсов и были отправлены домой для

трудоиспользования по месту жительства. Коллаборационисты, а также бывшие военнопленные-офицеры были определены в спецконтингент и направлены в спецлагеря НКВД;

- массовая репатриация советских граждан началась 23 мая 1945 г., в широких масштабах продолжалась до весны 1946 г. Для ее проведения наиболее интенсивно использовался железнодорожный транспорт, а также морской и автомобильный. Авиация не использовалась. Немало репатриантов добирались в СССР к местам базирования пограничных проверочно-фильтрационных пунктов организованными колоннами пешком;

- одновременно с репатриацией советских людей на Родину осуществлялась передача советской стороной граждан стран антигитлеровской коалиции непосредственно союзникам.

¹ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 221.

² ГАРФ, ф. 9526, оп. 1, д. 20, л. 6 - 9.

³ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 221.

⁴ Там же.

⁵ Там же; - С. 205.

⁶ ГАРФ, ф. 9526, оп. 4а, д. 2, л. 44 - 49.

⁷ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 206.

⁸ Там же.

⁹ Буцко О. В. "С возвращением": судьба украинских граждан, репатрированных на Родину /Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових праць. - Вип. 2. - К.: Інститут історії України НАН України, 1998. - С. 150.

¹⁰ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944 - 1951 годы. / История СССР. - 1990. - № 4. - С. 27.

¹¹ Правда. - 1944. - 11 ноября.

¹² Земсков В. Н. К вопросу о репатриации... - С. 29.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАВО, ф. Р - 6117, оп. 1, д. 21, л. 22.

¹⁵ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 293.

¹⁶ Там же; - С. 298.

¹⁷ РГВА, ф. 32, оп. 11289, д. 680, л. 1.

¹⁸ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 298.

¹⁹ Там же; - С. 301.

²⁰ Там же.

²¹ ГАХО, ф. Р - 6193, оп. 6, д. 6604, л. 3.

²² ГАВО, ф. Р - 6023, оп. 1, д. 54937, л. 1 - 3.

²³ ГАВО, ф. Р - 6117, оп. 1, д. 21, л. 21.

²⁴ ГАВО, ф. Р - 6023, оп. 1, д. 22114, л. 3.

²⁵ ГАВО, ф. Р - 6117, оп. 1, д. 2, л. 13.

²⁶ ГАВО, ф. Р - 6023, оп. 1, д. 54934, л. 2.

- ²⁷ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 300.
- ²⁸ Там же; - С. 299.
- ²⁹ Там же; - С. 302.
- ³⁰ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 69116, л. 1.
- ³¹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 54940, л. 1.
- ³² ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 67727, л. 3.
- ³³ Толстой Н. Д. Жертвы Ялты... - С. 469.
- ³⁴ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 294.
- ³⁵ Там же; - С. 295.
- ³⁶ Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1944 - 1951): Документы и материалы. - Кн. 3. - В 2 частях. - Ч. 1. - Мн.: НАРБ, 1998. - С. 13.
- ³⁷ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 206.
- ³⁸ Там же; - С. 294.
- ³⁹ Там же; - С. 293.
- ⁴⁰ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 390, л. 35.
- ⁴¹ ГАЧО, Ф. Р - 2482, оп. 1, д. 2, л. 115.
- ⁴² Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 206.
- ⁴³ НАРБ, Ф. 46, оп. 6, д. 4, л. 209 - 210.
- ⁴⁴ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан... /История СССР. - 1990. - № 4. - С. 29.
- ⁴⁵ Управление репатриации условно включило Швецию в зону действия советских войск, поскольку союзники не имели никакого отношения к репатриации советских граждан из этой страны.
- ⁴⁶ В их числе 1261538 гражданских лиц и 585264 военнопленных.
- ⁴⁷ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации... /Истор. СССР. - 1990. - № 4. - С. 33.
- ⁴⁸ Из них 1888680 чел. из Германии, 143245 – из Австрии.
- ⁴⁹ Репатриация советских граждан из нейтральной Швейцарии шла транзитом через территорию, занятую союзниками.
- ⁵⁰ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 229.

5.5. Встреча, обустройство, использование остарбайтеров- подолян на родной земле

Первые репатрианты прибыли на Подолье уже в начале 1945 года. Местные советские и партийные органы осуществили определенную подготовку к их встрече. Так, к этому времени функционировали отделы по делам репатриации при исполкомах Винницкого и Каменец-Подольского областных Советов депутатов трудящихся. Аналогичный отдел (только со значительно большими правами и возможностями) функционировал при Совете Народных Комиссаров Украинской ССР. Республиканский отдел был образован 11 сентября 1944 г. согласно по-

становлению СНК УССР № 1191 от 11.09.1944 г., областные – до конца того же года. Организацию работы отдела по делам репатриации при Совнаркоме республики осуществлял заместитель председателя СНК УССР Л. Корниец, областных – заместители председателей облисполкомов соответствующих Советов. Именно на заместителей председателей областных органов исполнительной власти, а на "территории районов и городов – на первых заместителей председателей райисполкомов и вторых секретарей райкомов и горкомов КП(б)У" ¹ на Подолье возлагался "контроль за работой по приему и устройству репатриантов." ²

Численно отделы по делам репатриации Винницкого и Каменец-Подольского облисполкомов были небольшими, состояли всего из пяти сотрудников (заведующего, старшего инспектора, инспектора, бухгалтеря, секретаря-статиста), а вот объем работы им надлежало выполнить огромный. Через областные отделы репатриации решались все вопросы, связанные с приемом, учетом, транспортировкой, трудоустройством, материальным обеспечением возвратившихся домой людей, а также тех, кто находился в дороге на родину.

Настроенность на работу сотрудников отделов была довольно высокой.

Заинтересованность в организации надлежащего приема репатриантов проявляло и руководство обеих областей. Так, в первой декаде января 1945 г. председателям райисполкомов и секретарям райкомов партии Виннитчины была отправлена телефонограмма за подписями председателя исполкома облсовета депутатов трудящихся М. Годова и секретаря обкома КП(б)У Г. Мищенко, в которой отмечалось:

"В районы области начали возвращаться граждане, насильно угнанные немецкими захватчиками в Германию в период временной оккупации Винницкой области. В соответствии с постановлением исполкома облсовета и обкома КП(б)У от 8 января 1945 года № 4 мы обязываем Вас в каждом отдельном случае прибытия в Ваш район возвратившихся граждан обеспечить их жилплощадью, трудоустроить и сообщить облисполкому и обкому КП(б)У фамилии, имена, отчества прибывших к Вам и где они работают." ³

При этом не обходилось без налета парадности и помпезности – вскоре во все районы Виннитчины поступил другой документ (на этот раз за подписью заместителя председателя

исполкома облсовета депутатов трудящихся М. Шелинговского), озаглавленный выразительно и призывно: «Отцовской заботой встретить наших советских граждан, возвращающихся из немецкого рабства». Адресовался он партийно-советскому, комсомольскому и хозяйственному активу. В нем подчеркивалось, что «одной из почетных задач наших районных партийных, комсомольских, советских и хозяйственных работников, председателей колхозов будет отцовская наша советско-большевистская встреча возвращающихся на родину советских граждан. Никто другой, только мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы они были определены на жилье и работу, чтобы они сразу почувствовали себя полноправными членами нашей славной Великой семьи строителей социализма». ⁴

Но наиболее существенным оказалось то, что увлекаясь *красноречием и торжественной риторикой, на местах не осознавали масштабности и сложности работы, которую надлежало выполнить* вскоре, о чем свидетельствует хотя бы информационное сообщение М. Шелинговского, адресованное руководителю отдела по делам репатриации при Совнарком УССР М. Зозуленко. В документе, в частности, читаем:

«...По мере поступления репатриированных, граждане будут использоваться на работе в сельском хозяйстве, для работы на сахзвеклопунктах, на колхозных полях и в промышленности (сахзаводы и др. заводы).

В случае наличия в составе прибывших репатриантов инвалидов и в случае отсутствия близких родственников, имеющих возможность обеспечить за ними соответствующий уход, все инвалиды будут помещены нами в дом инвалидов, находящийся в пределах Винницкого района – с. Стрижавка.

На случай прибытия детей, не имеющих родителей и не имеющих близких родственников, которые могли бы их принять на воспитание, все дети будут размещены в детдомах городов: Винница, Могилев-Подольский». ⁵

Как видно из текста, речь шла о нескольких десятках калек и приблизительно таком же количестве детей-сирот, поскольку упоминавшиеся учреждения не были рассчитаны на большее количество человек. Что же касается ожидаемого количества здоровых людей, то оно не должно было превышать сезонную потребность сахарных заводов в рабочих, то есть нескольких тысяч человек, плюс еще несколько тысяч человек для работ в сельском хозяйстве и на других заводах. Со временем, прежде

всего летом и осенью 1945-го, когда возвращение репатриантов на родину стало особенно массовым и интенсивным, сама жизнь убедительно доказала ошибочность таких расчетов...

С увеличением потока репатриантов возникла потребность в создании приемно-распределительных пунктов, которые бы непосредственно принимали эшелоны с возвращающимися на родину людьми, регистрировали их, распределяли и отправляли репатриантов по определенным адресам.

Первый такой пункт был организован 1 февраля 1945 года в г. Жмеринке. В следующем месяце начал функционировать Казатинский приемно-распределительный пункт, в мае 1945 г. – Винницкий.⁶ Три приемно-распределительных пункта (в Проскурове, Шепетовке, Ярмолинцах) в июне 1945 г. было создано и на Каменец-Подольщине.⁷

Все приемно-распределительные пункты имели привязку к местным железнодорожным станциям. Жмеринский помещался непосредственно на железнодорожном вокзале, Казатинский – в 3-комнатном помещении близ вокзала. Причем одна из комнат была отведена для регистрации репатриантов, две другие – для их размещения и отдыха. Обе комнаты в общей сложности могли принять до 60 чел. Кроме того, репатрианты имели возможность пользоваться услугами комнаты матери и ребенка, медпункта и буфета, функционировавших при вокзалах.

В приспособленном помещении на 60 – 70 чел. вблизи железнодорожного вокзала помещался и Винницкий приемно-распределительный пункт.

Что касается Проскуровского и Шепетовского, то они размещались в сравнительно худших условиях. Под Проскуровский приемно-распределительный пункт был выделен деревянный барак на три комнаты. Шепетовский – вообще размещался в двух товарных вагонах, а Ярмолинецкий – в тесном приспособленном помещении возле вокзала. Разумеется, в таких условиях рассчитывать на какие-то удобства репатрианты не могли.

Наибольшим по штатному расписанию был Жмеринский приемно-распределительный пункт. В нем работало 9 чел.: начальник, 4 инспектора, заведующий хозяйством, кладовщик, секретарь-кассир, курьер-уборщица. Такое же штатное расписание было и в остальных приемно-распределительных пунктах. Единственное отличие состояло лишь в меньшем количестве инспекторов.

Нагрузка, которая легла на плечи этих работников, была очень большой. Ибо им пришлось иметь дело не с несколькими тысячами, как сперва предполагалось, а с десятками тысяч людей, которые требовали внимания и помощи, – как с возвращающимися в родные Винницкую и Каменец-Подольскую области, так и с теми, которые проезжали через Жмеринку, Казатин, Винницу, Проскуров, Шепетовку, Ярмолинцы транзитом.

Вот какой была динамика движения репатриантов через винницкие приемно-распределительные пункты (с нарастающим итогом):

По состоянию на 9 июня 1945 г.⁸

Принято 5832 репатрианта. Из них возвратились на Винничину 1892 чел. (173 муж., 1497 жен., 222 детей).

По состоянию на 10 августа 1945 г.⁹

Принято 24909 репатриантов. Из них возвратились на Винничину 11340 чел. (3404 муж., 8329 женщин, 717 детей).

По состоянию на 25 сентября 1945 г.¹⁰

Принято 59844 репатрианта. Из них возвратились на Винничину 25299 чел. (6818 муж., 17480 жен., 999 детей).

Принято репатриантов в разрезе приемно-распределительных пунктов:

Жмеринский	24929 чел. (5180 муж., 18082 жен., 1717 детей);
Казатинский	26411 чел. (7334 муж., 17317 жен., 1760 детей);
Винницкий	8504 чел. (1997 муж., 6141 жен., 366 детей).

По состоянию на 1 декабря 1945 г.¹¹

Принято 73943 репатрианта. Из них возвратились на Винничину 30571 чел. (8458 муж., 22113 жен., 1136 дет.).

Принято репатриантов в разрезе приемно-распределительных пунктов:

Жмеринский	29475 чел. (7668 муж., 21807 жен., 2213 детей);
Казатинский	33152 чел. (9366 муж., 21828 жен., 1958 детей);
Винницкий	11316 чел. (2823 муж., 8493 жен., 417 детей).

По состоянию на 1 января 1946 г. ¹²

Принято 76622 репатрианта. Из них возвратились на Винничину 31870 чел. (8910 муж., 22960 жен., 1152 дет.).

Принято репатриантов в разрезе приемно-распределительных пунктов:

Жмеринский 30430 чел. (7978 муж., 22452 жен., 2248 детей);
Казатинский 34422 чел. (9524 муж., 22886 жен., 2012 детей);
Винницкий 11770 чел. (3036 муж., 8734 жен., 421 детей).

20 мая 1946 г., когда поток людей, возвращающихся из нацистской каторги на Родину, практически исчерпался, Жмеринский, Казатинский, Винницкий приемно-распределительные пункты были ликвидированы. Всего за время их функционирования ими принято 81253 репатрианта:

По состоянию на 20 мая 1946 г. ¹³

	Всего	мужчин	Из них женщин	детей
Винницкий пункт	12830	3382	9548	468
в т. ч. транзитных	1703	491	1212	98
Казатинский пункт	37454	10272	27182	2212
в т. ч. транзитных	24859	6037	18822	1844
Жмеринский пункт	96930	8185	22784	2284
в т. ч. транзитных	21478	5927	15551	1851
В С Е Г О	81253	21739	59514	4964
Из них транзитных В Винницкую область	48040	12455	35585	3793
	33213	9284	23929	1171

Подсчеты показывают, что в период с 23 мая по 9 июня 1945 года винницкие приемно-распределительные пункты принимали в среднем 324 чел. в день, с 9 июня по 10 августа – 302,7, с 10 августа по 25 сентября – 743,2, с 25 сентября по 1 декабря – 213,6, с 1 декабря 1945 г. по 1 января 1946 г. – 86,2, с 1 января по 20 мая 1946 г. – по 33,5. Пик прибытия репатриантов приходился на лето – начало осени 1945 года.

Яромолинецкий приемно-распределительный пункт прекра-

тил свое существование в октябре 1945 г., Проскуровский – в марте 1946 г., Шепетовский – в мае 1946 г. За период работы ими принято 84028 репатриантов. «Из них мужчин 28844, женщин – 55184, детей – 4108. Из них транзитников: всего – 16959, мужчин – 3215, женщин – 13744, из них детей – 2245».¹⁴

На Виннитчине наибольшая нагрузка выпала на Казатинский приемно-распределительный пункт, на Каменец-Подольщине – на Шепетовский.

Вообще через подольские приемно-распределительные пункты прошло свыше 165 тысяч репатриантов.

Как видим, первые репатрианты появились на Подолии в начале 1945 г. Их незначительное количество породило у руководства местных органов партийно-государственной власти сперва неверное представление о настоящих объемах работы, которую надлежало выполнить, побудило на фоне громких побед Красной Армии к браваурности и парадности. Однако о красноречии пришлось забыть, когда в край начали прибывать не десятки или сотни, а тысячи репатриантов. Все они прошли через приемно-распределительные пункты, организованные при железнодорожных станциях в Виннице, Жмеринке, Казатине, Проскурове, Шепетовке, Ярмолинцах. Сами пункты оказались плохо приспособленными для приема значительного количества людей.

Больше всего репатриантов прибыло на Подолье летом и осенью 1945 года.

* * *

Огромное количество людей, возвращающихся на Родину из нацистского рабства, стало неожиданностью для местных органов восстановленной советской власти. Чтобы уяснить, какие же именно количественные изменения претерпело население Виннитчины в результате гитлеровского нашествия, в конце 1944 г. из Винницы в районы области была разослана телефонограмма, обязывающая председателей райисполкомов собрать сведения о количестве насильно уведённых немецко-румынскими захватчиками мирных граждан.¹⁵ Обобщенные в июне 1945 года данные оказались довольно ошеломляющими – 61256 чел.¹⁶ были депортированы врагом и использовались

им в его интересах (на самом же деле данный показатель лишь приближался к реальному).

На Каменец-Подольщине «для организации учета граждан, насильно вывезенных в Германию, [была] создана областная комиссия под руководством первого секретаря обкома партии Устенко и соответствующие районные комиссии под руководством первых секретарей...».¹⁷ Работа комиссий отличалась высокой организованностью, ответственностью за дело, усердием, скрупулезностью проверки и дала очень близкий к истине, но еще более шокирующий результат – 117 тысяч граждан.¹⁸

Это серьезно подрывало идеологический постулат о том, что все советские люди (все до единого) защищали родную Отчизну, что они не могли работать на врага. Но самое главное, – что приблизительно такое же количество людей нужно было принимать назад домой: трудоустраивать их, обеспечивать жильем, решать социальные вопросы, помогать материально. К решению этих проблем в таком масштабе на местах просто не были готовы. Да и послевоенная разруха существенно ограничивала возможности...

Очередным этапом учета подолян (как насильно вывезенных в Германию лиц, так и тех, кто возвратился на Родину) стала работа Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний нацистских захватчиков.

21 апреля 1945 г. ее председатель Н. Шверник издал распоряжение о начале этой работы. В целом предстояло установить, какой именно материальный ущерб причинен гитлеровцами народному хозяйству, культурно-образовательной сети оккупированных территорий, каким репрессивным и карательным мероприятиям подвергалось местное население. Надлежало установить имена преступников и их пособников, в том числе собственников промышленных предприятий, начальников лагерей, бауэров, эксплуатировавших «восточных рабочих» в Германии, издевавшихся над ними (здесь довольно важными были свидетельские показания самих остарбайтеров, а для этого их нужно было опросить).

В поддержку данного распоряжения Винницкий обком КП(б)У направил 4 мая 1945 г. секретарям райпарткомов письмо за номером 06/298 такого содержания:

«С занятием Красной Армией германской территории осво-

бождены и освобождаются советские граждане, томившиеся в германской неволе. Многие уже возвратились и в нашу область.

На основании Приказа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. и в соответствии с нотой Народного Комиссара Иностранных Дел тов. Молотова от 11/V-1943 г. Вам надлежит произвести поименный учет немецких рабовладельцев, виновных в эксплуатации и истязаниях граждан Вашего района для привлечения их к суду, а также для предъявления немецким захватчикам иска на возмещение затрат, производимых на лечение и выплату пенсий советским гражданам в связи с утратой ими трудоспособности в немецкой неволе.

Работу по опросу репатрируемых из Германии надо проводить через районные организации с привлечением работников следственных органов и общественности.

Заполненные опросные листы должны быть подписаны опрашиваемыми и заверены сельсоветом или райисполкомом...

Кроме опросных листов желательно собрать заявления с описанием условий жизни, издевательств, которые немецкие рабовладельцы совершали над советскими гражданами...». ¹⁹

Опросный лист содержал 17 пунктов. Помимо стандартных анкетных данных репатрианту нужно было ответить и на такие вопросы: «Кто из немцев (венгров, румын и др.) руководил угонном, кто им помогал?», «Где работал (подробное название предприятия, фамилия и имя владельца, хозяина, хозяйки, их приметы)?», «Короткое изложение условий работы и жизни в неволе (род работы, число часов работы, оплата, питание, жилище, снабжение необходимыми предметами – обувью, одеждой и др., охрана и т. д.)», «Краткое изложение фактов издевательств, насилий, истязаний, побоев и других преступных действий владельцев предприятий, их служащих, хозяев, хозяек и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю». ²⁰

Заполняя опросный лист, репатриант таким образом заявлял о себе, словно при переключке, подтверждал свое прибытие на Родину.

Вообще в центр внимания деятельности Чрезвычайной Государственной Комиссии, созданных под ее эгидой республиканских, областных, районных комиссий содействия по учету убытков и злодеяний ставился именно *учет*. Помимо материального ущерба, на местах тщательно подсчитывалось коли-

чество убитых и замученных гитлеровцами мирных граждан, военнопленных, учитывалось насильно вывезенное в немецкое рабство гражданское население.

В результате подсчета количество насильно депортированного гражданского населения Виннитчины на каторжные работы в Германию составляло уже не 61256, а 74344 чел.,²¹ что, однако, тоже не отвечало истине, но значительно приблизилось к ней.

Поскольку в условиях сталинского тоталитарного режима изменником Родины мог считаться каждый, кто побывал за границей, в интересах государства, а точнее, правящего в стране режима, на учет должны были быть поставлены все реальные, скрытые или потенциальные враги народа (бывшие остарбайтеры как раз и относились к этой «неблагополучной» категории). Вот почему учет был продиктован еще и потребностями безопасности государства.

Важные функции в этом плане возлагались на приемно-распределительные пункты. Они вели не только количественный, но и поименный учет прибывших репатриантов.

Если же кому-то из освобожденных из немецкого рабства удавалось проскользнуть мимо внимания фильтрационно-контролирующих органов и добраться домой собственными силами, им тоже нужно было становиться на учет. Причем без промедления, к чему обязывали распоряжения местных органов власти.

Для примера сошлемся на документ, принятый 9 марта 1945 года Жмеринским райисполкомом и адресованный председателям сельских Советов депутатов трудящихся:

«На основании постановления СНК СССР... о репатриации советских граждан, райсовет депутатов трудящихся под Вашу личную ответственность предлагает направить всех граждан, явившихся из Германии, в райисполком для регистрации в 3-дневной срок. И в дальнейшем не разрешать проживания вышеуказанных лиц на территории с/совета без пометки н-ка Жмеринского пункта приема репатриированных».²²

В каждом сельском Совете составлялись списки насильно депортированных в Германию местных граждан, а также прибывших оттуда.

Чтобы легче было осуществлять учет репатриантов, их административно «привязывали» к конкретной местности,

вернее, они имели право возвращаться лишь в места довоенного жительства, где их хорошо знали. Данное решение принималось на правительственном уровне:

«В период немецкой оккупации территории СССР в немецкое рабство было уведено большое количество советских граждан. После освобождения от немецких оккупантов территории Украинской ССР, часть советских граждан других союзных республик оказалась в областях УССР и до сего времени не возвратилась в места прежнего жительства.

Имеют место случаи, когда советские граждане, возвращающиеся на Родину из немецкого рабства, как через проверочно-фильтрационные пункты НКВД СССР, так и через фронтово-пересылочные пункты, в пути следования разгружаются и остаются на жительство в разных областях и районах УССР.

Руководствуясь постановлением СНК СССР от 6 января 1945 г. за № 30-12с «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан», обязывающим всех «военнообязанных, негодных к военной службе, а также лиц непризывных возрастов и женщин после соответствующей проверки отправлять, как правило, в места их постоянного жительства», СНК УССР предлагает выявить проживающих в Вашей области упомянутых в этом документе советских граждан и оказать содействие в возвращении их в места своего постоянного жительства, – говорилось, в частности, в директиве заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров УССР Л. Корнейца, адресованной 16 мая 1945 г. председателю Винницкого облисполкома М. Годову. – Это указание распространяется и на советских граждан других областей Украинской ССР». ²³

Кроме Винницы, данный документ был разослан во все областные центры республики.

Об усердии в исполнении распоряжений органов власти на местах свидетельствует хотя бы фрагмент из информации Каменец-Подольского облисполкома о проведенной в 1945 г. работе «по организации и материальному обеспечению, приему, трудовому и хозяйственному устройству репатриированных советских граждан на территории области»:

«...В райисполкомах, горисполкомах, в сельских и поселковых советах есть первичные списки регистрации возвратившихся граждан. Кроме того, на каждом приемно-распределительном пункте установлен строгий учет всех прибывающих в нашу область граждан, а также граждан других областей, ко-

торые проезжают через выше указанные приемно-распределительные пункты». ²⁴

В поле зрения контролирующих органов должны были присутствовать все категории репатриантов. Причем контроль за их учетом усиливался. 30 марта 1946 г. министр внутренних дел СССР издал приказ «Об организации централизованного оперативного учета репатриированных советских граждан». Согласно ему, «каждый репатриант, прибывший в проверочно-фильтрационный пункт, проверочно-фильтрационный или исправительно-трудовой лагерь, к месту постоянного жительства или в спецпоселение, а также находящийся в рабочем батальоне, должен был быть зарегистрирован в течение 24 часов с момента прибытия или выявления». ²⁵

На прибывших из разгромленной нацистской Германии советских граждан заполнялись учетные карточки. Заполнение учетных карточек на репатриантов производилось в следующем порядке: «...проверочно-фильтрационные пункты составляли учетные карточки в двух экземплярах – для 1-го спецотдела МВД СССР и внутреннего учета; районные проверочно-фильтрационные комиссии на лиц, не прошедших регистрацию в проверочно-фильтрационном пункте, составляли учетные карточки в трех экземплярах: для 1-го спецотдела МВД СССР, для 1-го спецотдела МВД союзной республики, не имеющей областного деления, автономной республики, края, области и для внутреннего учета в райгоротделах МВД; оперативные группы проверочных комиссий МВД-МГБ-«Смерш» составляли учетные карточки по рабочим батальонам в двух экземплярах: для 1-го спецотдела МВД СССР и 1-го спецотдела МВД-УМВД республики, края, области; проверочно-фильтрационные и исправительно-трудовые лагеря МВД заполняли учетные карточки в двух экземплярах: для 1-го спецотдела МВД СССР и для внутреннего учета; спецкомендатуры МВД составляли учетные карточки на лиц из числа репатриантов, прибывших в специальные поселения МВД». ²⁶

В учетных карточках обязательно отображались сведения о перемещении репатриантов: прибытии и убытии по разным причинам – в связи с переводом, увольнением, арестом, бегством, смертью.

На лиц, прошедших проверку в проверочно-фильтрационных пунктах и прибывших к месту постоянного жительства, учетные карточки оформлялись по форме, установленной при-

казом НКВД СССР от 21 июля 1945 г. Форма предусматривала ответы на 12 вопросов и отпечаток указательного пальца правой руки. Итак, остарбайтеры, как и в нацистской Германии, прошли идентификацию еще раз. На всякий случай...

Как видим, чтобы овладеть ситуацией, на местах поспешно принялись за подсчет демографических изменений, произошедших в результате нацистской оккупации края. Полученные данные поразили предполагаемым количеством репатриантов. Обеспечить нормальные условия жизни такому количеству возвращавшихся из немецкого рабства в обеих областях просто не могли. Кроме того, серьезно пошатнулся постулат сталинской идеологии, утверждавший, что советские люди все до единого защищали свою социалистическую Отчизну.

Учет репатриантов продолжался и после их прибытия на Родину. Причем он был повсеместным и постоянно совершенствовался. Поскольку всех прибывших из разгромленной нацистской Германии контролирующие органы считали неблагонадежной категорией населения, кроме хозяйственных и сугубо статистических задач учет был необходим и еще с точки зрения «безопасности государства». Наконец, учет репатриантов стал утонченной формой тотальной слежки за ними.

* * *

Однако не один только учет предстал на повестке дня. Прибывающих на приемно-распределительные пункты подолжан нужно было отправлять домой, а транзитных пассажиров, которым часами, а то и сутками приходилось ожидать следующих поездов, – разместить, накормить, выдать необходимый паек в дорогу, оказать другую помощь.

Проще решался вопрос с земляками. Те, кто прибыл в родную область, как правило, на приемно-распределительном пункте не засиживались. После обязательной регистрации они сразу же спешили домой. Добирались попутными поездками (в основном товарными, на открытых платформах эшелонов узкоколеек), автомобильным и гужевым транспортом.

Архивные документы свидетельствуют, что из всех прибывших к 01.07.1947 г. репатриантов – уроженцев Винницкой об-

ласти, из Винницы, Жмеринки, Казатина 57472 чел. были перевезены железнодорожным транспортом, 900 чел. воспользовались автотранспортом, 920 чел. – добирались к отчужденному дому на телегах.²⁷ Было и немало тех, которые шли в свои села пешком.

Обе категории репатриантов, и те, кто только что ступил на родную землю, и те, кто еще находился в пути следования, требовали *заботы и понимания*. Ибо это были люди, особо потерпевшие от войны, жестоко обделенные судьбой. Обессилевшие, обескровленные, морально травмированные, они возвращались к новой жизни, которую хотели видеть принципиально отличной от той, которую пришлось пережить.

Следует отметить, что сотрудники приемно-распределительных пунктов старались проявлять к репатриантам максимум внимания, о чем свидетельствуют множественные благодарности, высказанные в их адрес и зафиксированные в документах. Вот одна из них:

«Мы, группа граждан Латвийской ССР, репатрируемых из Чехословакии, проезжая через приемно-распределительный пункт ст. Жмеринка, сердечно благодарим служащих пункта за теплый, добродушный прием и заботу об отправке нас к месту нашего жительства.

Да здравствует великий вождь и друг человечества, заботящийся обо всех свободолюбивых народах, Иосиф Виссарионович Сталин!». ²⁸

Однако довольно часто возникали ситуации, когда небольшой аппарат приемно-распределительных пунктов оказывался бессильным против ведомственного диктата, а тысячи репатриантов лишней раз имели возможность ощутить свою «второсортность». Особенно часто это случалось, когда верх брали амбиции, беспардонность армейских служб или руководства железной дороги. Тогда проблемы репатриантов вообще отодвигались на второй план. Для примера сошлемся на несколько документов.

«Военному прокурору ст. Жмеринка.

[...]

Прошу Вашего вмешательства, положить конец тому бездушному отношению к репатрированным советским гражданам, которое наблюдается со стороны руководителей Жмеринского отделения движения.

Так, 14 мая 1945 г. на ст. Жмеринка прибыл эшелон репат-

рированных (950 чел.), который со ст. Казатин вместо Киева направлен в Жмеринку.

Несмотря на то, что начальника отделения движения тов. Бурду просили отправить этих людей по назначению (просили военный комендант станции т. Хоменко и секретарь узлового парткома), он распорядился всех людей из вагонов высадить. Сами же вагоны порожняком отправил дальше. На мою просьбу дать вагоны для отправки этих людей по назначению тоже ответил отказом, и вообще этим абсолютно никто не хочет заниматься.

Прошу Вас расследовать и принять соответствующие меры, так как такое отношение к живым людям дальше нетерпимо. При большом потоке людей и при отсутствии содействия и помощи со стороны железнодорожного начальства мы сами ничего не можем сделать.

Начальник Жмеринского приемно-распределительного пункта репатриантов

Кувалдин». ²⁹

«Акт, 21 октября 1945 года.

Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны – инспектор Жмеринского приемно-распределительного пункта репатрированных граждан СССР Фесенко Георгий Максимович, с другой стороны – репатрированные граждане Ахматова Анна Михайловна, Сакурова Александра Ивановна, Сухарев Петр Емельянович, составили настоящий акт о том, что 20 октября 1945 года в 20 часов прибыл ВСП-200 с репатрированными. По приказанию военного коменданта эшелон был разгружен и военный комендант взял на себя миссию погрузки репатриантов. Людей принял без документов и необеспеченных продовольствием. По требованию начальника пункта оформить передачу людей начальник эшелона ВСП-200 л-нт Абдухманов из лагеря 304 г. Сегет на приемно-распределительный пункт не явился, поскольку был пьян. Когда репатрированные граждане начали говорить начальнику ВСП-200 о неправомерных действиях, он вместо принятия решения стал над ними смеяться, а на требование насчет питания сказал, чтобы они продавали вещи и питались, а он же продукты не выдаст, несмотря на то, что продукты были получены. Обо всех безобразиях военный комендант знал, но мер не принял. В чем составлен настоящий акт...». ³⁰

«Зав. отделом по делам репатриации при СНК УССР тов. Зозуленко.

Копия: секретарю Винницкого обкома КП(б)У т. Стахурскому.

Зав. отделом репатриации при Винницком облсовете депутатов трудящихся т. Пирогову.

На основании телеграммы начальника Винницкой железной дороги начальник вокзала ст. Жмеринка дал указания о запрете пребывания репатриантов в помещении вокзала. Репатриированные в ожидании поезда вынуждены сидеть под открытым небом.

В связи с наступлением осенне-зимнего периода мной был поставлен вопрос о предоставлении помещения для репатриированных перед Жмеринским райкомом КП(б)У, который остался без ответа.

В данное время пункт не имеет возможности разместить даже 50 человек в помещении вокзала.

Горячее питание репатриированные до сих пор получали в помещении воинского зала. 20.10.45 года начальник передвижения войск Винницкой железной дороги дал распоряжение комендантским патрулям не пропускать в воинский зал ни одного репатрианта и сам принял участие в освобождении зала от них.

В результате обед вместо 3-х часов был роздан в 7 часов вечера, причем репатриированные вынуждены были ходить получать обед в одном месте, а хлеб – в другом.

Партия и правительство уделяют большое внимание делу возвращения советских граждан из немецкой неволи, создают все необходимые условия обслуживания в пути следования, а в то же самое время на ст. Жмеринка имеют место факты издевательского отношения как со стороны командования станции, так и со стороны управления Винницкой железной дороги. Прошу срочно оказать помощь в отведении соответствующего помещения, хотя бы на двести человек, где они смогли бы провести время до отправки и получить горячее питание. В противном случае пункт репатриированных не сможет выполнить те требования и помощь, которые он должен оказывать репатриированным.

Начальник пункта репатриированных при ст. Жмеринка (подпись)». ³¹

«Начальнику управления Винницкой железной дороги генерал-директору тов. Коптелкину.

В отдел по делам репатриации исполкома Винницкого об-

ластного Совета депутатов трудящихся систематически поступают жалобы и акты о неправильных действиях администрации ст. Винница узкой железной дороги...

В ряде случаев репатриантов, имеющих на руках проездные билеты и посадочные талоны, высаживали из вагонов, не допускали к посадке (например, поезд № 71 19, 23 и 26 января 1946 г.), выгоняли из пассажирского зала узкоколейной железной дороги (18, 22 и 26 декабря 1945 года), вследствие чего репатрианты по двое – трое суток оставались неотправленными и находились на морозе.

На сообщения наших работников с просьбами о содействии начальник станции узкой железной дороги отвечает бранью и грубостями, не оказывает никакой помощи в посадке и отправке репатриантов.

Зав. отделом по делам репатриации исполкома Винницкого облсовета депутатов трудящихся А. Пирогов». ³²

Кроме транспортных трудностей у репатриантов довольно часто возникали проблемы и с *питанием*, хотя согласно постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 2307 от 10 сентября 1945 г. «О снабжении продовольствием советских граждан, репатрируемых в Советский Союз» на приемных областных пунктах и до места вселения на постоянное жительство, снабжение репатрируемых граждан осуществлялось бесплатно Народным Комиссариатом торговли СССР «мясом, рыбой, жирами и сахаром по нормам рабочих промышленности, транспорта и связи, хлебом по норме 700 граммов и крупой по 120 граммов в день». ³³ Предусматривалось также, что транзитные репатрианты будут находиться в областных приемно-распределительных лагерях не более 2 – 3-х дней, а суточная стоимость их питания в расчете на одного человека должна составлять 9 – 10 рублей. ³⁴ Но эти нормативы довольно часто не выдерживались – вследствие безответственности отдельных служб и должностных лиц, затруднений в продовольственном обеспечении, поскольку в Украине, в т. ч. на Подолье, все более существенно давал о себе знать надвигающийся послевоенный голод.

«В последнее время железнодорожный буфет ст. Винница под различными предлогами уклоняется от обеспечения питания репатриированных советских граждан, ссылаясь на якобы полученные указания от дирекции треста дорбуфета на отсутствие продуктов, хлеба и т. п., – констатируется, в частности, в

документе, датированном 1 марта 1946 г. и подписанном зав. отделом по делам репатриации при Винницком облисполкоме. – При отправке репатриантов 27.11.1946 года после долгих пререканий железнодорожным буфетом был приготовлен некачественный обед на 200 чел. репатриантов, состоящий из одного невкусного супа без хлеба, от которого многие из репатриантов отказались (попробовали и не ели).

В течение января 248 обедов буфет не обеспечил хлебом и репатрианты после обеда остались голодными.

В последние месяцы 1945 года мы не раз просили облторг-отдел урегулировать вопрос с питанием репатриантов на ст. Винница и выполнить указание обкома КП(б)У и облисполкома от 16.XI.1945 года № 216, однако до сих пор питание репатриантов не обеспечено...». ³⁵

Однако это не означает, что репатрианты были лишены горячего питания вообще. По состоянию на 10 января 1946 года железнодорожными буфетами, обслуживающими областные приемно-распределительные пункты Виннитчины, выдано 71520 обедов на сумму 238503 руб.,³⁶ Каменец-Подольщины (по состоянию на 1 января 1946 г.) – 16386 обедов на сумму 64926 руб. ³⁷ Средняя стоимость такого обеда на Виннитчине составляла 3 руб. 33 коп., на Каменец-Подольщине – 3 руб. 96 коп. – почти втрое меньше установленной нормы, что свидетельствует о низкой калорийности и ограниченном выборе предлагаемых репатриантам блюд.

Чтобы цифры в отчетах, регулярно отсылаемых в Киев, казались более убедительными, на Виннитчине в общее количество обедов включали еще и легкие завтраки «с кипятком» и такие же ужины (как правило, они уже не были бесплатными), а на Каменец-Подольщине репатрианты часто не получали предусмотренных правительственным постановлением № 2307 горячих обедов вообще – довольствовались остатками сухих пайков, выданных им в дорогу еще на фильтрационных пунктах.

Голодное существование в Германии сменилось на полуголодное в слишком долгой дороге домой.

Итак, измученные скитаниями люди, добравшись до приемно-распределительных пунктов (ПРП), нуждались во внимании и помощи. Заботу они ощущали со стороны немногочисленного аппарата самих ПРП.

В то же время репатрианты столкнулись с трудностями субъективного характера – ведомственным диктатом, унижающим их человеческое достоинство, порождавшим дополнительные проблемы.

Объективным источником трудностей был послевоенный голод в Украине.

* * *

Кроме хлеба насущного, возвращающиеся с нацистской каторги люди также остро нуждались в, образно говоря, хлебе духовном. Годами оторванные от родной земли, не имея на чужбине никакого доступа к объективной, правдивой информации, на Родине они были готовыми жадно ловить каждое слово тех, кто только мог поведать о последних событиях в мире, СССР, Украине, области, районе, о блестящих победах Красной Армии над немецкими захватчиками, о внешней и внутренней политике Советского государства в послевоенное время. Разумеется, круг интересов не ограничивался лишь этим, поскольку их *информационный голод* был тотальным, касался буквально всех аспектов общественно-политической жизни, экономических, социальных и других вопросов.

А вот квалифицированно решить возникшую проблему вначале было некому. Да и внимание к ней со стороны местных партийно-государственных органов практически не проявлялось, на что, в частности, указывалось в письме заведующего отделом при СНК УССР Зозуленко от 8 мая 1945 года под грифом «секретно» председателю Винницкого облисполкома Годову и секретарю обкома КП(б)У Мищенко. В документе прямо говорилось, что *«агитационно-массовая работа* как на пунктах, так и в местах жительства репатриантов проводится неудовлетворительно. На пунктах нет постоянных прикрепленных агитаторов, отсутствует план проведения агитационно-массовой работы среди репатриантов, не изучается настроение возвратившихся на родину советских граждан»³⁸.

Это было серьезным упущением в работе партийных комитетов, прежде всего тех населенных пунктов и районов, где функционировали областные приемно-распределительные пункты, а также Винницкого и Каменец-Подольского обкомов КП(б)У.

Вероятно, на местах рассуждали так: раз люди возврати-

лись из Германии обратно на Родину, то нет надобности их идейно убеждать, агитировать за советскую власть. Победа над фашизмом сама по себе является превосходным агитатором.

Однако другого мнения придерживались ЦК ВКП(б), Сталин, руководство СССР. В принятом 4 августа 1945 г. Постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «Об организации политико-воспитательной работы с репатрированными советскими гражданами» строго предостерегалось, что «многие партийные и советские работники не учитывают, что репатрированные советские люди длительное время находились в немецком рабстве, под систематическим воздействием фашистской и буржуазно-реакционной пропаганды». ³⁹ Поэтому подверглись ее влиянию, что представляет потенциальную угрозу безопасности государства, господствующей в СССР идеологии. Пассивность здесь недопустима – возвращающихся в родные места потенциальных «врагов народа» нужно решительно перековывать на советский лад!

Как свидетельствуют архивные документы, вскоре положение заметно улучшилось. Во всех приемно-распределительных пунктах появились радиоприемники, периодическая печать, систематически стало звучать страстное слово агитатора. Так, в отчете отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме за 13 декабря 1945 года, направленном правительству республики, читаем:

«...На приемно-распределительных пунктах при ст. Жмеринка, Казатин и Винница ведутся беседы среди репатрированных, читаются газеты работниками пунктов. Райкомы КП(б)У периодически выделяют агитаторов для этой цели... Пункты получают газеты в следующем количестве: «Правда» по 100 экз., «Известия» по 1 экз., «Правда Украины» по 15 экз., «Колхозная Украина» – по 2 экз., «Молодь України» [«Молодежь Украины»] – 20 экз., «Сталінське плем'я» [«Сталинское племя»] – 10 экз., «Радянська Україна» [«Советская Украина»] – 2 экз.; журналы «Спутник агитатора» – 2 экз., «Блокнот агитатора» – 2 экз., «Пропагандист» – 2 экз., республиканские журналы: «Пропагандист и агитатор» – 1 экз., «Україна» [«Украина»] – 1 экз., «Блокнот агитатора» – 2 экз., «Перець» [«Перець»] – 2 экз.». ⁴⁰

На приемно-распределительных пунктах и в местах постоянного жительства политмассовая работа ведется специально прикрепленными агитаторами, выделенными РК партии, – гово-

рится в отчете Каменец-Подольского облисполкома за 1945 год. – Для репатриированных были прочитаны лекции на темы:

1) «Всемирное историческое значение победы Красной Армии и советского народа в разгроме фашистской Германии»,

2) «Вековая борьба славянских народов против немецких захватчиков»,

3) «Мораль и облик советского человека» и другие». ⁴¹

В аналогичном отчете за 1946 год за подписью заведующего отделом по делам репатриации при Каменец-Подольском облисполкоме Сиваченко отмечается:

«В период массового поступления репатриантов в область массовая работа велась в отдельности с ними. Было проведено 1380 собраний, 656 митингов, 2439 бесед, 34684 чтения газет и т. д.

Вся эта работа проводилась выделенными райкомами и горисполкомами КП(б)У агитаторами. Всего в области работали 603 агитатора и лектора...». ⁴²

Не меньшее количество аналогичных мероприятий проведено и на Винниччине.

Причем в обеих областях по мере прибытия репатриантов политико-воспитательная работа с ними велась как на приемно-распределительных пунктах, так и в городах и селах Подольи, в которые они возвратились из Германии.

В частности, на индивидуальную подписку возвратившимся в Винницкую область репатриантам уже в 1945 году «Союзпечатью» было выделено 500 экземпляров газеты «Правда», 400 – «Известия», 250 – «Труд», 200 – «Комсомольская правда», а также 500 экземпляров книги Б. Горбатова «Непокоренные». ⁴³

В том же году в одном лишь Немировском районе для этой категории лиц были прочитаны лекции и проведены беседы на темы: «Победа Красной Армии над немецким фашизмом и японским милитаризмом», «Берлинская конференция», «Международное обозрение», «Выступление товарища Сталина по радио 3-го июля 1941 года», «Партизанское движение в дни Отечественной войны», «Сила и могущество советского государства», «Исторические корни японского империализма и породненность души империализма с немецким фашизмом», «Вербальная система», «Доклад товарища Сталина о XXVII годовщине Великой Социалистической революции», «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». ⁴⁴

Подобный пропагандистский пресс вчерашние репатрианты

ощутили и во всех других районах Винницкой и Каменец-Подольской областей, что ярко отображено в дальнейших отчетах. Вот как выглядят, например, обобщенные данные по состоянию на 1 июля 1947 г. по Винниччине:

«...Проведено 2050 митингов, на которых присутствовали 15053 чел.;

Проведено бесед - 2527, присутствующих - 78057 чел.;

-"- докладов	- 481,	-"-	- 11196 чел.;
-"- чтений газет	- 3177,	-"-	- 82333 чел.;
-"- лекций	- 373,	-"-	- 12145 чел.;
-"- собраний	- 405,	-"-	- 14253 чел.;
-"- киносеансов	- 428,	-"-	- 9254 чел.;
-"- концертов	- 90,	-"-	- 4300 чел.

Репатрианты получают газеты:

«Правда»	- 565 экземпляров,
«Известия»	- 425
«Радянська Україна»	- 40
«Правда Украины»	- 226
«Сталінське плем'я»	- 14
«Молодь України»	- 14
«Труд»	- 250
«Колхозник Украины»	- 10
Местные газеты	- 929.

Всего подписчиков на газеты и журналы – 2889 чел.

Для работы среди репатриантов выделено ГК и РК КП(б)У агитаторов и пропагандистов – 476 чел.

Проведенные митинги, собрания и беседы с репатриантами были посвящены:

а) встрече их из фашистского плена, правам советского гражданина, предусмотренным Сталинской Конституцией, заботе Советского правительства об оказании помощи и трудоустройстве репатриантов;

б) Дню Победы над фашистской Германией и Японией;

в) активному участию в выборах депутатов в Верховные Советы СССР и УССР;

г) выпуску правительством СССР займов;

д) решениям февральского пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период»;

е) социалистическому соревнованию;

ж) мобилизации активности и творческой инициативе широких масс рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, а также текущим моментам...». ⁴⁵

Подобная активность, между прочим, была проявлена не только на Подолии. Как отмечает историк О. В. Буцко, «...на проведение политико-разъяснительной работы СНК Украины выделен из средств республиканского бюджета 1 млн. руб. Средства, которые могли бы пойти на обустройство приемных пунктов, обеспечение питанием, были использованы на приобретение газет, журналов, плакатов, портретов вождей и разнообразные политико-агитационные мероприятия...». ⁴⁶

Итак, репатрианты ощущали острый информационный голод, касающийся всех аспектов общественнополитической, социально-экономической и международной жизни. Интерес же государства состоял в том, чтобы, используя данную потребность, с помощью целенаправленной пропаганды вытравить из души всех, кто возвратился на Родину, убеждения, сложившиеся вследствие влияния вражеской идеологии. Не уделив этому сперва важного значения, со временем допущенные в начале репатриационной кампании недостатки по обеспечению идеологического влияния на прибывших из разгромленной гитлеровской Германии «врагов народа» партийно-советские органы Подолии решительно исправили.

* * *

Из областных приемно-распределительных пунктов репатрианты-подоляне попадали уже непосредственно домой. Здесь их встречали разрушенное или полуразрушенное жилье, послевоенная разруха, нищета, многие другие трудности. Недавние репатрианты, как никто другой, нуждались в *помощи*, прежде всего, *материальной*.

Она предусматривалась как союзным, так и республиканским правительствами, которые на эти цели, а также на содержание сети приемно-распределительных пунктов в общем выделили свыше 700 млн. рублей. Согласно распоряжению СНК СССР № 2863 от 22 февраля 1945 года о порядке предоставления денежной помощи особо нуждающимся советским гражданам-репатриантам, такие лица могли получить из

средств союзного бюджета одноразовую денежную помощь в размере до 300 руб.⁴⁷

Сам же механизм распределения союзных средств был таким: из Москвы определенное количество денег поступало в Киев, из Киева – в области, где местные облисполкомы распределяли их по районам и городам. Конкретно отвечали за предоставление репатриантам материальной помощи (как и за обеспечение их питанием, одеждой, обувью, жильем, за трудоустройство) отделы по делам репатриации при исполнительных комитетах областных Советов депутатов трудящихся. О выполненной работе они регулярно отчитывались перед отделом по делам репатриации при СНК УССР.

Также на уровне союзного правительства было принято решение о продовольственном обеспечении тех, кто возвратился из нацистской неволи на Родину (постановление СНК СССР № 2307 от 10 сентября 1945 г. «О снабжении продовольствием советских граждан, репатрируемых в Советский Союз»). Предусматривалось, что снабжение репатриантов, прибывших в места постоянного жительства – в города и рабочие поселки, на время устройства их на работу (но не более месяца) осуществляется по нормам, установленным для рабочих промышленности, транспорта и связи (хлебом – по 600 г на чел. в день), а дальше – по нормам и в порядке, установленном для этих городов и населенных пунктов.

Данное положение документа фактически не распространялось на сельскую местность. Но здесь необеспеченные продовольствием репатрианты должны были получить из колхозных ресурсов по 10 кг муки и по 15 кг овощей и картофеля на человека.⁴⁸

Предполагалось широкое использование средств из местных бюджетов, в том числе предоставление помощи репатриантам одеждой, обувью, жильем. Колхозы и местные сельские Советы имели право наделить их приусадебными участками, выделить в личное пользование домашний скот, при наличии необходимых средств удовлетворить другие запросы и потребности репатриантов.

На практике предусмотренные возможности часто не реализовывались, или же проводимая работа оказывалась явно недостаточной. Поэтому недавним остарбайтерам, как и ранее, приходилось преодолевать серьезные трудности, при этом больше полагаться на свои трудолюбивые руки, поддержку и

бескорыстные родных, родственников, товарищей, односельчан.

Что касается денежной помощи из средств союзного бюджета, то репатрианты-винничане до лета 1945 года не получали ее вообще. Так, в секретной записке заведующего отделом по делам репатриации при СНК УССР Зозуленко, в частности, читаем:

«...В Винницкую область по состоянию на 20 апреля 1945 года возвратилось 1014 чел. репатриантов, однако вопросы... оказания необходимой денежной и материальной помощи фактически никто не занимается. Несмотря на постановление СНК СССР от 22 февраля 1945 года о порядке выдачи денежной помощи особо нуждающимся советским гражданам-репатриантам через соответствующие исполкомы депутатов трудящихся, Винницкий облсовет до настоящего времени не распределил деньги гор- и райисполкомам...». ⁴⁹

Со временем положение в этом плане немного улучшилось, но удовлетворительным его назвать тяжело. В другом документе – отчете областного отдела по делам репатриации – идет речь, что «согласно отчетным данным по районам области и пунктам за период с 1 февраля 1945 г. по 1 ноября 1945 года предоставлена помощь... из средств союзного бюджета на сумму 167100 руб.». ⁵⁰ Причем она была распределена таким образом. Непосредственно денежную помощь получили 229 репатриантов на общую сумму 34100 руб. 78 человек получили одежду, общая стоимость которой составляла 2200 руб. Остальные средства (130800 руб.) использованы на питание репатриантов (как подолян, так и транзитных пассажиров) на приемно-распределительных пунктах.

Что касается собственно предоставленной денежной помощи, то ее в общем получили менее одного процента репатриантов, возвратившихся к тому времени на Винничину (*на 1 ноября 1945 г. в область возвратилось около 28 тыс. чел.*). Кроме того, 229 счастливых получили на руки лишь половину максимальной суммы, предусмотренной союзным правительством, а именно: в среднем по 148 руб. 90 коп. вместо 300 руб.

По состоянию на 10 января 1946 г. количество репатриантов, которым была оказана денежная помощь, составляло уже 407 чел., а общий размер этой помощи – 76800 руб. ⁵¹ (в среднем уже по 188 руб. 70 коп. на чел.). Поскольку к этому времени на Винничину возвратилось около 32 тысяч репатриантов, в процентном отношении количество получивших денеж-

ную помощь по отношению к числу тех, кто в ней нуждался, продолжало оставаться крайне низким, – составляло лишь одну сотую часть процента.

Таким же был показатель и на Каменец-Подольщине. Так, по состоянию на 1 февраля 1946 г. в область возвратилось 72550 чел. Получили же денежную помощь лишь 934 чел. на общую сумму 239915 руб.⁵² Правда, одному человеку на руки в среднем приходилось по 256 руб. 80 коп., а это значительно больше, чем в аналогичной ситуации на Виннитчине. Но и там, и там счастливых насчитывались единицы.

Основная причина этого – дефицит необходимых средств (всего в 1946 г. из союзного бюджета на Каменец-Подольщину, например, поступило 514815 руб.⁵³ при реальной потребности около 20 млн. руб.), а также определенная предубежденность на местах к решению насущных потребностей репатриантов (как-никак – потенциальных «врагов народа»). Поэтому имели место осторожность, инертность, незаинтересованность ответственных должностных лиц в решении возникших проблем. Нередко вместо живого дела выдумывались разнообразные причины, будто бы «объективно» объясняющие несделанное.

Так, оказывается (согласно архивному документу), в Бершадском и Станиславчицком районах на протяжении всего 1945-го и до 16 апреля следующего 1946 года репатриантам не оказывалась никакая помощь из-за их «отсутствия»⁵⁴ в этих районах, а в Чечельницком, Шпиковском, Ямпольском районах – из-за их «маленького количества».⁵⁵

Заслуживает внимания отписка, поступившая в адрес отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме в июле 1946 года из Литина:

«Исполком Литинского райсовета депутатов трудящихся сообщает, что формы отчетности по выдаче сумм, связанных с... оказанием денежной помощи репатриированным, у нас нет, потому сообщаем, что нами из выделенных 2000 рублей... использовано только 500 руб...».⁵⁶

И это при наличии таких дефицитных средств! Из-за отсутствия какой-то «формы для отчетности»...

Довольно часто недостаточное внимание к потребностям репатриантов было следствием элементарной бездеятельности органов власти на местах. Для примера сошлемся на фрагмент отчета Бальнинского сельсовета Литинского района (по состоянию на 1.7.1946 г.):

- « 1. Наделено приусадебными участками – 2 чел.
2. Возвращено домов – 3 для 3-х репатриированных.
3. Количество репатриированных, получающих газеты – 2 чел.

...По всем другим вопросам по данной форме не сделано Балыньским сельским Советом для репатриированных ничего...». ⁵⁷

Однако отмахнуться вообще от проблем этой категории людей было невозможно. В условиях острых демографических затруднений их трудолюбивые руки были на вес золота. Поэтому при фактическом отсутствии денежной поддержки ставка в предоставлении помощи возвратившимся из немецкого рабства на Родину, делалась на продукты питания, прежде всего, хлеб, что в условиях надвигающегося послевоенного голода было довольно существенно, хотя возможности и здесь оказались крайне ограниченными.

В упоминавшемся отчете областного отдела по делам репатриации (Винница) за период с 1 февраля по 1 ноября 1945 года, в частности, сообщается:

«...Прибывшим в колхозы Винницкой области советским гражданам оказана помощь продуктами, как например: по Гайсинскому району выдан 290 гражданам 51 центнер хлеба [*это едва не вдвое больше предусмотренной нормы. С. Г.*]. И другими районами оказана помощь продуктами». ⁵⁸

К сожалению, в документе не конкретизирован общий размер помощи и количество лиц, получивших ее.

Из информации отдела по делам репатриации при Каменец-Подольском облисполкоме, датированной 01.02.1946 г., известно, что на эту дату 203 репатрианта, возвратившихся на Каменец-Подольщину, получили от колхозов и организаций 10444 килограмма продуктов питания. ⁵⁹ Кроме этого, 261 чел. был обеспечен одеждой (на что израсходовано 70233 руб.), 112 репатриантов получили коммунальные квартиры, ста лицам, возвратившимся из нацистской каторги, силами колхозов и местных организаций оказана помощь в ремонте квартир. ⁶⁰

В итоговом отчете данного отдела о выполненной работе в 1946 году цифровые показатели несколько возросли. Так, в нем говорится, что денежную помощь в размере 514815 руб. получили 1898 человек, что репатриантам «выдано 714 предметов одежды и обуви, разных продуктов 44132 кг, картофеля и других овощей – 79 491 кг.». Кроме того «выдано 16 коров, 75

свиной, 30 телят. Возвращено, выделено, отремонтировано колхозами, учреждениями и организациями 870 домов, 1818 квартир».⁶¹ Но в то же время (по состоянию на 1 января 1947 г.) в Каменец-Подольскую область возвратилось 89938 чел.⁶² В процентном отношении размер предоставленной помощи по отношению к реальным потребностям репатриантов продолжал оставаться крайне низким.

Организовывалась помощь репатриантам-подолянам и по линии ЮНРРА (*Администрации ООН по предоставлению помощи и восстановлению*). Но она была совсем незначительной. Так, репатриантам Каменец-Подольщины в 1946 г. из фондов этой международной организации в общей сложности выделено 800 предметов⁶³ вещей, в основном, одежды.

Еще меньшей помощью оказалась на Виннитчине. Кроме того, часть «американских подарков» к репатриантам не дошла вообще, поскольку была с нарушениями принята на хранение, а со временем обменяна» людьми с нечистой совестью.⁶⁴

Как видим, необходимость оказания помощи репатриантам как со стороны государства, так и со стороны местных хозяйственных органов была крайне актуальной. Она предусматривалась союзным и республиканским правительствами, «закладывалась» в местные бюджеты. Тем не менее, реальные возможности оказались очень ограниченными. В обеих областях Подолии количество лиц, получивших денежную помощь из союзного бюджета, составляла лишь 0,01-0,02 % из числа тех, кто в этой помощи нуждался.

Кроме денежной, на Подолии практиковалась помощь репатриантам продуктами питания из ресурсов местных колхозов и организаций, что в условиях послевоенного голода было очень уместно. Однако она тоже оказалась незначительной, как и другие виды материальной помощи.

Нередко выделенные для оказания помощи средства не доходили до адресатов по причине предубежденности отдельных работников местных органов власти против репатриантов как потенциальных «врагов народа».

По большому счету, из-за острого дефицита необходимых средств и колоссальных потребностей в них всех отраслей разрушенного войной народного хозяйства страны, репатрианты эффективной помощи со стороны государства так и не ощутили.

Помощь международных организаций, в частности ЮНРРА, которая доходила до Подолии, была еще меньшей, и не сыграла какой-то заметной роли в решении возникших проблем.

* * *

Гитлеровское нашествие причинило Подолии тяжелые убытки. Большинство объектов жилищно-социального и производственно-хозяйственного назначения были разрушены, материальные ресурсы – уничтожены или же вывезены врагом, экономика края – серьезно подорвана.

На Виннитчине гитлеровцы «...разрушили 55243 здания, из них 4868 помещений промышленно-производственного назначения, 5455 жилых домов, 7166 животноводческих объектов, 597 складских помещений и торговых баз, 37157 других зданий хозяйственного назначения.

Отобрали у колхозов, предприятий и учреждений 194690 центнеров зерна, 194810 центнеров картофеля, 104340 центнеров овощей, 217301 голову крупного рогатого скота, 289069 свиней, 242852 овец и коз, 166015 коней, 203971 штуку домашней разной птицы, 94466 пчелосемей, уничтожили и вывезли в Германию 101367 сельскохозяйственных машин, 150226 единиц разнообразного сельскохозяйственного инвентаря.

Уничтожили и украли у советских граждан 38897 голов крупного рогатого скота, 3781 коня, 11673 голов овец и коз, 43244 свиньи, 1121830 голов домашней птицы, 189444 центнера зерна, 115413 центнеров муки и других продуктов питания, 129113 пчелосемей, разрушили 20454 жилых дома, 9273 надворных сооружения, 10706 плодоносных деревьев, уничтожили сельскохозяйственных машин – 1542.

Немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили 1586 школьных зданий, 148 клубов, театров, красных уголков и музеев, 236 библиотек, 236 больниц и амбулаторий, 41 детское учреждение...». ⁶⁵

В Каменец-Подольской области «...в колхозах немецко-фашистские захватчики и их пособники уничтожили и разрушили 16769 зданий..., 1432 помещения промышленного назначения, 7115 животноводческих зданий, 1586 зернохранилищ... Уничтожили и ограбили 176238 голов крупного рогатого скота, 198720 коней, 235472 свиньи, 158455 овец и коз, 686648 штук

разной птицы, 101551 пчелосемью, 140465 тонн зерна, 2127 тонн муки, 44140 тонн картофеля, 43397 тонн овощей, 100400 тонн сена, 2589 тонн других сельскохозяйственных продуктов...

Немецко-фашистские захватчики и их пособники уничтожили и разрушили 8639 зданий государственных предприятий, учреждений и общественных организаций, в том числе 4527 жилых домов, 267 помещений больниц, поликлиник и амбулаторий, 51 театр, клубов и красных уголков, 920 школьных помещений, 366 детских учреждений, 8 церквей и 2 других помещения религиозных культов, 4 электростанции и подстанции, 2151 здание производственного и хозяйственного назначения..., 130 магазинов и складов, 24 автогаража.

Немецко-фашистские захватчики и их пособники уничтожили и вывезли из Каменец-Подольской области оборудование, машины и сельскохозяйственный инвентарь, принадлежащие колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям. В частности, 11 паровых машин, 312 двигателей, 50 локомотивов, 35 электромоторов, 2 передвижные электростанции, 70 металлорежущих и 83 деревообрабатывающих станка, 1638 автомашин, 34 трактора, 3971 сортовалку, 4834 сеялки, 4846 жаток, 476 молотилок, 1207 сенокосилок, 1153 соломорезки, 77 картофелесажалок и картофелекопалок, 1875 луцильников, 30816 борон, 25988 плугов, 1581 грабли, 241 сепаратор, 50880 повозок, 75291 единицу разного сельскохозяйственного инвентаря...

У граждан немецкие захватчики отобрали 71794 головы крупного рогатого скота, 2347 коней, 28666 свиней, 7460 овец и коз, 771319 штук разной домашней птицы, 5882 пчелосемьи, 14699 тонн зерна, 1312 тонн муки, 48446 тонн картофеля и овощей, 81853 тонны других сельскохозяйственных продуктов; сожгли и разрушили 30523 жилых домов и 11193 надворных здания...». ⁶⁶

Другими словами, обе области были опустошены, а коренное население – жестоко ограблено. Отсутствие необходимой материальной базы объективно определяло низкий *уровень жизни и благосостояния* подолян.

Но *тяжелее всех приходилось репатриантам*, особенно в первые месяцы по возвращении домой, когда жизнь нужно было начинать буквально на голом месте. Многие не имели ни крыши над головой, ни одежды, ни обуви, ни куска хлеба, не

говоря уже об электрифицированном жилье, бытовых удобствах и т. п.

«Когда я возвратился из Германии в село, то не узнал его. Дома, все под соломенной крышей, по окна осели в землю, почернели. Некоторые оказались сожженными, и в тех дворах никто не жил. Даже собаки не лаяли... В жилищах было холодно... Не было угля, дров, печи протапливали горсткой соломы, разным сухостоем... Не было даже керосиновой лампы. Вместо нее служила гильза от 45-миллиметровой пушки со вставленным самодельным фитилем... В хозяйстве не оказалось ни одного уцелевшего горшка, одни черепки. А потому, чтобы сварить борщ, приходилось пользоваться или расколотым кувшином, или же одалживать горшок у соседей. Благо, они не отказывали. Ложку себе вытесал сам... Вот таким был наш быт...». ⁶⁷ (Из воспоминаний П. И. Шевчука, с. Шендеровка Турбовского района).

Репатриант И. Г. Панасюк, приехав в родную Уладовку Хмельницкого района, увидел на месте села лишь пепелище. 9 января 1944 года оно было сожжено карателями. Сгорело 316 домов, погибло 226 уладовчан.⁶⁸ Огонь уничтожил и родительский дом. Пришлось несколько лет жить в тесной сырой землянке.

Не легче было и в городе.

«В результате проверки приема и трудоустройства репатриированных советских граждан ряда областей, а также поступивших жалоб репатриированных (Запорожской и Одесской областей), видно, что имеют место случаи, когда руководители предприятий не создали нормальных бытовых условий прибывшим на работу репатриированным советским гражданам, – говорится в письме заведующего отделом по делам репатриации при СНК УССР Зозуленко от 21.09.1945 г. заведующим отделами по делам репатриации при исполкомах областных Советов депутатов трудящихся. – Так, в г. Запорожье 13-й строительный трест системы НКАП прибывших 500 человек репатриантов разместил в здании с цементным полом, с протекающей во время дождя крышей и 50 % репатриированных не обеспечил постельными принадлежностями. Питание прибывших репатриантов организовано исключительно плохо...» ⁶⁹

Значительные бытовые трудности ощущали репатрианты-рабочие, работающие на Винницком мотороремонтном заводе. Кроме того, «большинство из них крайне нуждались в одеж-

де и обуви», которыми их никак не могла обеспечить администрация предприятия.⁷⁰

Но особой неустроенностью характеризовалась жизнь репатриантов, привлеченных в трудовые батальоны.

Один из них (сформированный из бывших военнопленных) дислоцировался в Виннице на местном авторемонтном заводе № 45. О бытовых условиях, сложившихся здесь, идет речь в другом архивном документе – докладной записке инспектора отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме (от 13 декабря 1946 года):

«...На заводе имеется собственная баня, работающая почти каждый день. Однако рабочие-репатрианты в течение 4 месяцев не получают спецмыла или мыла в бане и почти в ней не моются...

Состояние общежитий исключительно антисанитарное. Имеются только койки, матрацы и одеяла. Постельного белья нет совершенно. Подушек нет. Матрацы из мешковины, давно не стираны. Одеяла – стеганые ватные, грязные. Стены и потолки облуплены, грязные, давно не белены. Двойных рам в окнах нет, в большинстве рам стекла из кусков и во многих дыры. Помещения к зиме не подготовлены и не утеплены. Печи начали топить только с 10 декабря, однако дров нет, на отопление разрешили брать уголь низкого качества, под этот уголь печи не приспособлены и не дают тепла.

В общежитии нет никакой мебели, нет тумбочек, стульев или табуреток, корзин для мусора, имеется лишь один маленький стол и самодельная скамья на 3 – 4 человека, и, приходя из цеха после работы в грязной и прсмасленной спецодежде, люди вынуждены садиться на постель.

В помещении нет ни одного лозунга, портрета, плаката, нет радио и каких бы то ни было признаков культуры...

Питание репатриантов производится в столовой ОРСА завода... Для репатриантов пища готовится отдельно. Столовая кормит 3 раза в день. Продукты выдаются на котел по нормам рабочих остальной промышленности. На 10. XII – на день выдано: картофеля 400 грамм, свеклы 100 г, огурцов 100 г, жиров 20 г, лука 20 г для трехразового питания.

11 ноября на обед... выдано картофеля 100 г, свеклы 100 г, огурцов 100 г, лука 10 г, жиров 10 г, макарон 40 г, сосисок 80 г.

При пробе обеда (на столах у рабочих) оказалось: все первое блюдо не более 400 г, в нем одна картофелина, весом не

более 20 – 25 г, в некоторых мисках и без картофеля (никаких признаков жира).

На второе блюдо две сосиски и не более 50 грамм разваренных макарон без жира...

Пища готовится безвкусно, калорийность исключительно низкая.

Хлеб репатрианты получают нормально, по карточкам, по норме 500 грамм на день.

Увольняемые с завода репатрианты не обеспечивались питанием в пути и проездом к месту жительства... Трудовые книжки на рабочих-репатриантов не оформлены.

На основании изложенного считаю, что материально-бытовые условия работы репатриированных советских граждан на заводе № 45 совершенно неудовлетворительные...».⁷¹

Далее в документе содержатся конкретные предложения: «поднять перед соответствующими организациями вопрос о немедленном переводе репатриированных советских граждан на другие предприятия, на которых будут обеспечены минимально-нормальные бытовые условия», или же «отправить репатриантов к месту постоянного жительства».⁷²

Был избран третий вариант – и в дальнейшем использовать их труд для восстановления народного хозяйства страны...

Итак, в результате гитлеровского нашествия Подолия понесла значительные материальные потери. Ее производственная база была серьезно подорвана, население – ограблено. Это определяло невысокий жизненный уровень подолян, их низкое благосостояние в послевоенный период. Разруха и нужда касались буквально каждого жителя края. Но в особо трудном положении оказались репатрианты, многим из которых приходилось начинать новую жизнь практически с нуля. Их бытовые условия из-за недостатка самых элементарных вещей были крайне неудовлетворительными. Нередко мало чем отличалась от условий нацистской каторги жизнь репатриантов, оказавшихся в трудовых батальонах, которые использовались и на Подолии.

Но не только объективные послевоенные трудности определяли тяжелое положение этой категории репатриантов. Руководство предприятий, где работали такие рабочие, часто сознательно не обеспечивало им нормальных материально-бытовых условий, рассматривая участие репат-

риантов в трудовых батальонах как наказание трудом за пребывание в немецком плену, за трудовой вклад в экономику рейха во время войны, что удлинняло период страданий недавних военнопленных или оstarбайтеров.

* * *

Решительно исправить послевоенное положение мог лишь самоотверженный труд каждого, кто по завершению войны остался жив, кто до конца не утратил физических и духовных сил, кто мог держать в руках кельму, кульман, отбойный молоток, лопату, рукояти плуга...

На Подолье ощущался острый дефицит таких рук, поскольку количество работающих за годы войны в крае существенно уменьшилось. В Винницкой области гитлеровцами уничтожено 123350 мирных граждан, в Каменец-Подольской – 221822. Среди погибших от рук нацистов преобладало земледельческое мужское население, ремесленники. Десятки тысяч трудоспособных подолян полегли смертью храбрых на полях битв Великой Отечественной. Тысячи калек, возвратившиеся с фронта, положительно повлиять на ситуацию не могли.

В аграрной Подолии, как и в других регионах Украины, положение усложнялось еще и отсутствием основных средств для возделывания земли – сельскохозяйственной техники, которая существенно бы облегчила крестьянский труд и без которой не мыслилось дальнейшее возрастание его производительности.

Остро не хватало также рабочего скота. Так, перед весенней посевной кампанией 1946 г. зооветеринарная служба Винниччины констатировала, что «...преобладающая часть колхозного лошадиного поголовья не пригодна для работы, а 39196 животных вообще не поднимаются. В Томашпольском районе, например, годовая нагрузка на одну тяговую единицу (включая и тракторы) составляла 21 га, или в 3,5 раза больше предвоенного времени. Вот почему в 1946 году в районе остались необработанными 8756 га плодородных черноземов, а план посева озимых выполнен на 91,5 %. Такое же положение наблюдалось на Подолии повсеместно...».⁷³

Основная тяжесть в земледелии ложилась на плечи измученных войной женщин, а также на имеющих в личном подсобном хозяйстве коров: на коровах пахали, а бороны таскали

из последних сил сами... Удельный вес женского труда в аграрном секторе экономики республики составлял тогда 80 процентов. Жизнь заставила широко использовать также детский труд. В колхозах Украины в 1947 году работали 792,8 тыс. подростков в возрасте от 12 до 16 лет.⁷⁴

В то же время в трудовых ресурсах крайне остро нуждались разрушенная промышленность, шахты Донбасса, другие отрасли народного хозяйства, а в новом пополнении – многомиллионная армия, которая теперь дислоцировалась не только на территории СССР. Несмотря на крайне острую потребность в рабочей силе на местах, из Виннитчины в июле 1944 г. в организованном порядке на восстановление шахт Донбасса было отправлено 2565 человек...⁷⁵ Как справедливо отмечал известный украинский историк В. И. Клоков, «основная тяжесть при восстановлении народного хозяйства легла на плечи самого населения Украины».^{75a}

Потому как нельзя кстати оказалось возвращение на Родину репатриантов. На всех уровнях государственной и местной власти они рассматривались как **важный источник трудовых ресурсов**. Повсеместно актуальнейшим вопросом стало их *трудоустройство*, а конкретнее – *привлечение к общественно-полезному труду*.

Правда, на Виннитчине сперва недооценили важности этого. Вот почему в Киеве не промедлили с предостережением. В письме, направленном 8 мая 1945 г. под грифом «секретно» заведующим отделом по делам репатриации при СНК УССР Зозуленко руководителям Винницкой области председателю облисполкома Годову и секретарю обкома КП(б)У Мищенко, обращалось их внимание на то, что «...в присланной в СНК УССР форме № 4 (*форме отчетности. С. Г.*) на 1 апреля 1945 г. указано, что в трудоспособном возрасте прибыло [в область] мужчин и женщин 682, причем в сведениях указано, что из числа тех, кто возвратился, 38 человек направлено в промышленность, а 133 чел. в сельское хозяйство. Чем занимаются остальные 511 чел. в сведениях не отображено...

Отдел репатриации при СНК УССР просит Вас принять срочные меры по ликвидации указанных недостатков и считает необходимым периодически проверять работу городских и районных советских и партийных организаций, областных организаций и приемно-распределительных пунктов по вопросам приема и устройства возвращающихся на Родину из немецкого

рабства советских граждан, заслушивать доклады руководителей на объединенных заседаниях исполкома облсовета и обкома КП(б)У». ⁷⁶

Рекомендованные меры были приняты, вскоре положение с трудоустройством возвратившихся из нацистской каторги заметно улучшилось. Так, по состоянию на 1 декабря 1945 года трудоустроено 85,8 % от всех трудоспособных репатриантов, хотя теперь приходилось иметь дело не с сотнями, а с тысячами людей.

Конкретно в цифрах это отобразилось так: всего по состоянию на 01.12.1945 г. в Винницкую область возвратилось репатриантов – 30571 чел. Из них детей – 1136. Количество тех, кто мог трудиться – 29435 чел. Из этого количества трудоустроено – 25269 чел., или же 85,8 процента. Из них направлено в промышленность – 1122 чел. (7,65 %), в сельское хозяйство – 23347 чел. (92,35 %). ⁷⁷ Не занимались общественно-полезным трудом 4166 чел.

Окончательно вопрос трудоустройства был решен летом 1946 года. Тогда по состоянию на 1 августа на Винничину возвратилось 48511 репатриантов. Из них в трудоспособном возрасте – 46609 чел. (поскольку среди прибывших оказалось 668 детей и 1234 чел. в возрасте свыше 55 лет). Среди тех, кто мог продуктивно трудиться, женщин насчитывалось 33154 (71,2 %), мужчин – 13455 (28,8 %). 3080 трудоспособных репатриантов (6,65 %) получили направления на промышленные предприятия, 43525 чел. (93,35 %) – в сельскохозяйственное производство. Количество мужчин-репатриантов, работающих в это время в промышленности, составляло 1310 чел., женщин – 1770, в сельском хозяйстве соответственно 12144 и 31361 чел. Вообще ряды тружеников народного хозяйства пополнили 46585 рабочих. Остались нетрудоустроенными лишь 24 репатрианта. То есть, общественно-полезным трудом было охвачено почти 100 процентов трудоспособных граждан, возвратившихся их немецкого рабства. ⁷⁸

Довольно высокими показателями характеризовались усилия местных органов власти по трудоустройству репатриантов на Каменец-Подольщине.

По состоянию на 1 января 1946 г. в область возвратились 67112 чел., в том числе 1632 детей. Из 65480 чел. трудоспособных в промышленность было направлено 4722 чел., в сель-

ское хозяйство – 58965 чел. В общем – 63687 чел. (97,2 %). Оставались нетрудоустроенными 1793 чел.⁷⁹

Ровно через месяц положение улучшилось еще больше. По состоянию на 1 февраля 1946 г. в Каменец-Подольскую область возвратилось 72550 чел., в т. ч. мужчин – 21651, женщин – 48210, детей – 1751, лиц в возрасте старше 55 лет – 938. Общее количество трудоспособных составляло 69861 чел. Из них трудоустроено в промышленности 5504 чел., в сельском хозяйстве – 63440 чел. В общем – 68944 чел. (98,6 %). Без работы оставались 917 репатриантов.⁸⁰

По состоянию на 1 января 1947 г. в области было лишь 540 безработных из числа возвратившихся из нацистской каторги. Всего же возвратилось на это время на Каменец-Подольщину 89938 чел.⁸¹

Нельзя не заметить, что *абсолютное большинство прибывших трудоспособных репатриантов в обеих областях направлялись на производство, прежде всего сельскохозяйственное, где быстрее всего можно было получить готовую продукцию.* С получением же промышленных изделий положение оказалось более сложным: из-за разрушений, демонтажа оккупантами станков и другого оборудования многие промышленные предприятия не функционировали или же работали не на полную мощность. Потому было нецелесообразно сосредотачивать здесь чрезмерное количество рабочей силы, хотя со временем ее использование на заводах и фабриках заметно возросло.

Среди рабочих-репатриантов и репатриантов, занятых в сельскохозяйственном производстве, преобладала *молодежь*, которая могла бы по возвращении из Германии учиться в вузах или техникумах. Но количество студентов и учеников из числа репатриантов в первые послевоенные годы и на Винничине, и на Каменец-Подольщине было незначительным. Так, на начало 1947 г. в Каменец-Подольской области училось лишь 1853 репатрианта. Из них в вузах и на профессиональных курсах – 703 чел.,⁸² остальные – в школах.

Характерно, что даже прибывшие из Германии дети-сироты старше 14-и лет, сразу же направлялись в распоряжение Управления трудовых резервов, где через систему фабрично-заводского обучения (ФЗО) тоже привлекались к труду.

Как видим, *внимание было сосредоточено на производстве*, где быстрее всего можно было получить материальные

блага. Повышение же квалификации, образовательно-профессионального уровня работающих отодвигалось на более поздний срок.

Итак, репатрианты в экономике Подолии послевоенного времени рассматривались как важный источник трудовых ресурсов. Их скорейшее и наиболее полное трудоустройство было одним из главнейших вопросов в деятельности местных партийно-советских органов, что соответствовало политике государства. С помощью активного привлечения к общественно-полезному труду всей имеющейся рабочей силы государство рассчитывало в предельно краткие сроки получить максимально возможный валовой продукт. При этом даже не учитывались определенные перекосы: привлечение к труду физически неокрепших, изможденных нацистской каторгой людей, недостаточное внимание к подготовке высокопрофессиональных кадров, использование детского и (особенно широко) женского труда и др.

В восстановление народного хозяйства Подолии наиболее существенный вклад сделали женщины. Прежде всего, женщины-репатриантки.

* * *

Каким же было отношение к труду самих репатриантов?

В отчете отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме от 13 декабря 1945 года отмечалось, что «возвратившиеся из немецкого рабства граждане по прибытию на место жительства выражают ненависть к немецким хозяевам, у которых они работали, голодали, подвергались избиению. В настоящее время обещают хорошо работать в колхозах, совхозах, промышленности и своим трудом помочь быстрому восстановлению сельского хозяйства и промышленности». ⁸³

Как свидетельствуют многочисленные другие документы, они не только обещали, но и *работали*. Причем в самом деле хорошо – самоотверженно, воодушевленно, упорно, не взирая на трудности.

Такое их отношение к труду определялось многими факторами:

- отсутствием надлежащей материальной помощи со стороны государства, а отсюда – острой необходимостью зара-

ботать на себя (чтобы не умереть от голода, одеться, обуться, улучшить бытовые условия, обеспечить более высокий уровень жизни);

- осознанием того, что не гнешь больше спину на ненавистного немецкого фабриканта-рабовладельца или бауэра, а работаешь во имя своего государства, будущего благополучия;

- патриотическим желанием быстрее возродить родной край из руин, видеть родную Отчизну цветущей и сильной;

- искуплением личной вины (пусть и условной) перед Родиной;

- врожденной любовью подолян к труду.

Как и в предвоенные годы, не было забыто *социалистическое соревнование, стахановское движение*.

В сентябре 1945 г. в деражнянской райгазете «Прапор ленинізму» [«Знамя ленинизма»] появилось обращение репатриантов-колхозников ко всем репатриантам Каменец-Подольской области «Отблагодарим за наше освобождение, возвращение на Родину». Авторы призывали коллег, земляков-подолян отблагодарить Отчизну за освобождение из нацистской неволи стахановским трудом.⁸⁴

Обращение нашло отклик даже в соседних районах. Так, еще в 1945 г. колхозница-репатриантка В. Бондарь из с. Лозы Летичевского района выработала 142 трудодня, а ее коллеги Д. Таранчук, С. Горбанчук, Н. Чевалда из с. Цапльи этого же района еще больше – по 320 – 330 трудодней.⁸⁵

В 1946 г. в Каменец-Подольской области среди репатриантов числилось 1640 стахановцев, 6626 ударников соцсоревнования.⁸⁶

Архивные документы богаты конкретными примерами их самоотверженного труда.

«В колхозах Базалийского района 96 репатрианток-женщин работают звеньевыми., 10 чел. бригадирами, все они являются ударниками, их звенья и бригады перевыполняли нормы на всех полевых работах 1946 года на 150 – 180 %, особенно отмечены звеньевые Приймачук Клавдия, Запорожная Анна и бригадир Корба Василий, который за хорошую работу был участником районного слета ударников и передовиков сельского хозяйства.

Ударниками являются репатрианты села Слобода Остропольского района Пастушенко Николай, Максимов Виктор, ко-

торые за хорошую работу выдвинуты на должность бригадиров полеводческих бригад...

Лучшими ударниками Теофипольского района являются репатрианты Потюк Дарья, Бабак Нина, Винничук Мария, Москалюк Вера, Полищук Настя, которые перевыполняли нормы на полевых работах на 180 – 200 %. Своей хорошей работой они заслужили большой авторитет среди колхозников...

Репатриант Кучер Антон работает бригадиром полеводческой бригады в колхозе имени Чкалова Волковинецкого района. Его бригада является передовой в колхозе, хорошо подготовилась к весенней посевной [кампании]. За 1946 год члены его бригады выработали не менее 350 трудодней каждый, сам т. Кучер выработал 405 трудодней.

Репатриант Ижевский С. М. (колхоз имени Тельмана того же района) работает зав. молочной фермой. Его ферма образцовая, полностью отремонтирована, скот обеспечен на зиму кормами. За 11 месяцев 1946 года он выработал 495 трудодней. За хорошую работу т. Ижевский премирован поросенком и 100 рублями.

Хорошо работает бригадир полеводческой бригады того же колхоза репатриант Гудима Л. Д. Его бригада полностью отремонтировала сельхозинвентарь и очистила семенной фонд к весеннему севу...

В Ярмолинецком районе, в колхозе им. Ворошилова, председателем работает репатриант Лапко Карп Леонтьевич. Колхоз под его руководством стал передовым, досрочно выполнил хлебопоставки государству. Хорошо провел осенний сев и подготовился к весенней посевной кампании...».⁸⁷

Добросовестно относились к труду и репатрианты-рабочие промышленных предприятий.

«...Репатриантка Миржук Антонина, которая работает котельщицей на хлебозаводе в городе Проскурове, выполняет нормы на 200 – 220 %.

Репатрианты Дейчук А. П., Войткова Н., Лукьянова М., Трамбовецкая Г. и другие работают на Каменец-Подольской табачной фабрике, являются стахановцами. За хорошую работу награждены денежными премиями, получили благодарности и занесены на доску почета».⁸⁸

Не стали исключением также представители интеллигенции:

«Возвратившиеся репатрианты из интеллигенции также хо-

рошо относятся к работе. Например, Теофипольский райисполком отмечает хорошую работу репатрианта – директора неполной средней школы Зинчука Андрея, лаборантки санитарной станции Лавренюк Надежды, агронома Пейда Ивана, который работает зав. контрольно-семенной лабораторией. Хорошо работает репатриант инспектор Ярмолинецкого района Янов Федор... Хорошие отзывы дает Проскуровский горисполком о работе учительницы средней школы № 3 Савиной Н.». ⁸⁹

Это же можно сказать о репатриантах, возвратившихся на Виннитчину, хотя количество ударников и стахановцев среди них оказалось (по состоянию на 1 июля 1947 г.) несколько меньшим, чем на Каменец-Подольщине. Первых насчитывалось 3214 чел., вторых – 1141 чел. ⁹⁰

Самоотверженным трудом отличались даже члены трудового батальона, которые в довольно трудных условиях трудились на Винницком авторемонтном заводе № 45.

«Все рабочие производства... ударники и стахановцы. Среди репатриированных нет ни одного не выполняющего норм выработки. Отдельные из них выполняют нормы от 250 до 350 процентов. Например, электросварщик Швиль в среднем выполняет 250 – 350 процентов нормы... Электросварщик Хохлов вырабатывает до 300 процентов нормы». ⁹¹

Практически ударники и стахановцы были на каждом предприятии, в колхозе и совхозе, в каждом трудовом коллективе, где работали репатрианты.

Итак, подоляне, возвратившиеся с нацистской каторги, активно занимались общественно-полезным трудом, восстановлением народного хозяйства родного края, проявили высокий трудовой энтузиазм. Самые самоотверженные стали передовиками социалистического соревнования, ударниками производства, стахановцами.

Стремление репатриантов к труду определялось рядом факторов. Главнейшими из них были материальный и патристический.

* * *

Однако послужить Отчизне репатрианты желали не только трудом. Немало их, не взирая на более чем скромные,

возможности, старались *помочь Родине* также *финансово*.

Этим стремлением, кстати, горело большинство населения края. Сразу же после освобождения Подолии от гитлеровских захватчиков в нем зародилось и ширилось патриотическое движение по сбору средств на производство военной техники для Красной Армии. На Виннитчине жители области собирали средства на строительство танковых колонн «Колхозник Виннитчины»,⁹² «Боец всеобуча»,⁹³ «Сахарник Виннитчины»,⁹⁴ «Железнодорожник»,⁹⁵ «Народный учитель»,⁹⁶ эскадрильи «Колхозник Винницкого района»,⁹⁷ на Каменец-Подольщине – на строительство танковой колонны «Советское Подолье»,⁹⁸ танков для шепетовских дивизий,⁹⁹ двух самолетов с надписью «Летавский ордена Ленина колхоз им. Ленина».¹⁰⁰

Следует отметить, что инициатива масс всегда подкреплялась конкретными делами. Так, на танковую колонну «Колхозник Виннитчины», построенную и переданную войскам 2-го Украинского фронта, «трудящиеся области собрали 1578000 рублей деньгами и 12463000 рублей облигациями госзайма».¹⁰¹ Кроме этого, попутно было собрано 681000 руб. в фонд обороны СССР.

Собирать средства на вооружение армии репатриантам в силу обстоятельств не пришлось – окончилась война. Зато они приняли посильное участие в не менее важном аналогичном деле – *подписке на государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР*.

Их добровольное участие в благотворительных финансовых акциях предопределялось двумя факторами:

- патриотизмом;
- признательностью за освобождение из нацистской неволи.

Так, репатриантка Ксения Григорьевна Сикорская из Ситковецкого района, выступая на митинге, заявила: «Я благодарна нашей Красной Армии, освободившей нас из немецкого рабства, и я возвратилась на свою Родину. Я подписываюсь на заем на 500 рублей и плачу денежной наличностью».¹⁰²

Возможно, существовал еще и третий фактор – давление самого государства. Но это в документах непосредственно не отображено.

Конечно, чтобы поделиться с государством средствами, в которых ощущалась острая личная потребность, нужно было быть незаурядным патриотом Отчизны, ставить ее интересы

выше собственных. И таких людей среди репатриантов оказалось немало. В одном лишь Литинском районе лиц, одолживших государству до 500 рублей, насчитывалось 126 чел., по 500 руб. – 83 чел.¹⁰³

И не только здесь. Как отмечалось в информации отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме от 8 июля 1946 г., «в подписке на заем восстановления народного хозяйства СССР репатриированные советские граждане приняли активное участие во всех районах области. Так, например, в Вороновицком районе репатриант-колхозник Еленовского колхоза Стеба Игнатий, репатрианты-колхозники Волововодовского колхоза Моргун Семен Ефимович, Коваль Федот Григорьевич, Пшец Трифон Кондратьевич и ряд других подписались на 500 рублей и внесли их наличными...».¹⁰⁴

Как видим, в нелегкое для страны время репатрианты оказали готовность одолжить (а фактически отдать) государству на восстановление и развитие народного хозяйства СССР частицу личных средств, хотя сами испытывали острую потребность в них. Это лишний раз подтверждает высокий их патриотизм, настоящее отношение к Отчизне – как ее верных сыновей и дочерей, а не как «потенциальных врагов народа».

* * *

Итак, май 1945 г. – начало массового прибытия на подольскую землю репатриантов. Больше всего их прибыло на Подолию летом – в первой половине осени того же года. К приему такого количества людей на местах оказались явно не готовыми. Сперва здесь даже не уясняли масштаба и сложности работы, которую предстояло выполнить. Прием, устройство репатриантов виделся неким триумфальным мероприятием, дополняющим общий перечень побед, добытых на фронте и в трудовом тылу. Поэтому репатриационная кампания наперед обставлялась парадностью и приподнятой риторикой, сводившейся к тому, что победителям над гитлеровским нацизмом, руководимым партией большевиков, все по силам.

Неприспособленными к массовому приему людей были все шесть приемно-распределительных пунктов, из-за чего ре-

патриантам приходилось терпеть многие трудности. Особенно свою «второсортность» они ощущали, когда непосредственно сталкивались с ведомственным диктатом отдельных влиятельных служб. Более всего донимали организационные, транспортные неувязки и проблемы с питанием, которые усложнялись приближением послевоенного голода.

Наличие значительного количества репатриантов серьезно подрывало идеологический постулат о том, что советские люди все до единого защищали родную Отчизну, что они не могли работать на врага.

Поскольку сталинским руководством недавние оstarбайтеры и прочие репатрианты были отнесены к неблагондежной категории населения, им разрешалось возвращаться лишь в места довоенного жительства. Такая привязка к местности, где их лучше знали, позволяла осуществлять более эффективный контроль над ними. По прибытию домой всех репатриантов взяли на поименный учет и даже провели идентификацию, что объяснялось интересами государственной безопасности.

Считалось, что находясь за пределами СССР, репатрианты испытали вредное влияние нацистской и буржуазно-реакционной пропаганды. А потому вторым обязательным мероприятием была ее нейтрализация, прививание всем, кто возвратился на Родину, идеологических, нравственно-духовных ценностей советского общества. Благо, ощущая большой информационный голод, репатрианты были готовы слушать каждое слово и лектора, и пропагандиста, и агитатора. Важную роль в корректировке политического мировоззрения играла победа Красной Армии, советского народа над гитлеровской Германией.

Во время нацистской оккупации Подольский край был значительно опустошен, его экономика оказалась серьезно подорванной. Отсутствие необходимой материальной базы обуславливало низкий уровень жизни и благосостояния всего населения Подолии. Но тяжелее всех приходилось репатриантам, которые довольно часто начинали новую жизнь буквально с нуля, на голом месте.

Особой неустроенностью характеризовался быт репатриантов, привлеченных в трудовые батальоны. Но не только объективные послевоенные трудности предопределяли их тяжелое положение. Руководство предприятий, на которых

работали такие рабочие, часто преднамеренно не беспокоилось об их жилищно-бытовых условиях, рассматривая участие репатриантов в трудовых батальонах как наказание трудом за трудовой вклад в экономику рейха.

Все репатрианты нуждались в материальной и денежной помощи, тем не менее, в надлежащем объеме ее так и не получили. Международная помощь репатриантам-подолянам оказалась крайне мизерной. Вдобавок, она нередко разворовывалась. Из-за ограниченных материальных возможностей явно недостаточной была помощь со стороны местных колхозов, предприятий и организаций.

Денежную помощь могло предоставить лишь государство. Для этого даже выделялись специальные средства из союзного и республиканского бюджетов. Тем не менее, в процентном соотношении количество репатриантов, получивших денежную поддержку от него, к числу нуждающихся в такой поддержке, составляло лишь одну – две сотых процента. Основная причина этого – острый дефицит необходимых средств, предубежденность к потребностям репатриантов на местах. Не исключена и скрытая политика самого государства, ведь полуголодного человека легче побудить к работе.

Репатрианты рассматривались как важный источник трудовых ресурсов, а их привлечение к активному общественно-полезному труду – как одна из важнейших задач в деятельности местных партийно-советских и хозяйственных органов. Вопрос трудоустройства репатриантов они успешно решили.

На Подолии больше всего репатриантов направлено в сельскохозяйственное производство, где быстрее всего можно было получить произведенный продукт. Наибольший процент здесь составляли женщины и девушки, на плечи которых легло основное бремя послевоенного восстановления села.

Репатрианты трудились довольно добросовестно. Многие из них стали передовиками и ударниками производства, стахановцами. Главнейшими факторами, которые определяли интерес репатриантов к труду, были материальный и патриотический.

Высоким патриотизмом диктовалось их желание даже при острых материальных затруднениях финансово помочь госу-

дарству, которое становилось на путь восстановления разрушенного войной хозяйства. Это, а также самоотверженный труд во имя процветания Отчизны, ярко свидетельствует о настоящем отношении к ней подолян, возвратившихся из нацистской каторги.

¹ ГАХО, ф. Р – 338, оп. 14, д. 2, л. 1.

² Там же.

³ ГАВО, ф. Р – 2700, оп. 5, д. 381, л. 1.

⁴ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 2.

⁵ Там же; - Л. 3.

⁶ Там же; - Л. 26; 28.

⁷ ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 1.

⁸ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 12.

⁹ Там же; - Л. 14

¹⁰ Там же; - Л. 15.

¹¹ Там же; - Л. 17.

¹² Там же; - Л. 34.

¹³ Там же; - Л. 43.

¹⁴ ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 3.

¹⁵ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 3а.

¹⁶ Там же; - Л. 4.

¹⁷ ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 1

¹⁸ ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 3

¹⁹ ГАВО, ф. П - 136, оп. 13, д. 67, л. 1

²⁰ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 341, л. 1.

²¹ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 5.

²² ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 386, л. 451.

²³ ГАВО, ф. Р – 2700, оп. 5, д. 380, л. 79.

²⁴ ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 1.

²⁵ Белорусские оstarбайтеры. Репатриация (1944 - 1951)... - Кн. 3. - Ч.1. - С. 9.

²⁶ Там же.

²⁷ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 390, л. 35.

²⁸ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 366, л. 3 об.

²⁹ ГАВО, ф. Р – 2700, оп. 5, д. 386, л. 427.

³⁰ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 386, л. 207.

³¹ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 386, л. 205.

³² ГАВО, ф. Р – 2700, оп. 5, д. 389, л. 12.

³³ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 380, л. 145.

³⁴ ГАЧО, ф. Р - 2482, оп. 1, д. 18, л. 61.

³⁵ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 389, л. 16.

³⁶ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 29.

³⁷ ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 3.

³⁸ ГАВО, ф. П - 136, оп. 13, д. 67, л. 3.

³⁹ ГАЧО, ф. П -1, оп. 2, д. 123, л. 49.

⁴⁰ ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 22.

⁴¹ ГАХО, ф. Р - 339, оп. 14, д. 2, л. 3.

- 42 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 6.
- 43 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 22.
- 44 Там же; - Л. 23.
- 45 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 390, л. 35 - 36.
- 46 Буцко О. В. "С возвращеницем": судьба украинских граждан, репатриированных на Родину /Сторінки воєнної історії України. - Вып. 2. - С. 155.
- 47 Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 309.
- 48 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 380, л. 145.
- 49 ГАВО, ф. П - 136, оп. 13, д. 67, л. 2.
- 50 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 21.
- 51 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 28.
- 52 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 6.
- 53 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 3.
- 54 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 118.
- 55 Там же.
- 56 ГАВО, ф. Р - 1998, оп. 2, д. 52, л. 43.
- 57 Там же; - Л. 124.
- 58 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 21.
- 59 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 6.
- 60 Там же.
- 61 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 5.
- 62 Там же; - Л. 3.
- 63 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 3.
- 64 ГАЧО, ф. Р - 2482, оп. 1, д. 2, л. 54.
- 65 ГАВО, ф. П - 136, оп. 13, д. 62, л. 6.
- 66 ГАХО, ф. Р - 683, оп. 2, д. 39, л. 90 - 93.
- 67 ГАВО, ф. Р - 1683, оп. 1, д. 13, л. 481.
- 68 Вінок безсмертя. Книга-меморіал. - К.: Издательство политической литературы Украины. - 1988. - С. 505.
- 69 ГАЧО, ф. Р - 2482, оп. 1, д. 2, л. 42; ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 380, л. 127.
- 70 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 100.
- 71 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 52 - 54.
- 72 Там же.
- 73 Шульга И. Голод на Поділлі. - Винница, 1993. - С. 151.
- 74 Гальчак С. "Білі плями" скорботи (причини голодомору 1932 - 1933 і голоду 1946 - 1947 років на Поділлі). - Винница: Логос. - 1999. - С. 33 - 34.
- 75 Вінниччина в роки Великої Вітчизняної війни... - С. 253.
- 75а Клоков В. І. До питання про етапи формування історіографії Великої Вітчизняної війни /Сторінки воєнної історії України: Сборник научных работ. - Вып. 2. - К.: Институт истории Украины НАН Украины, 1998. - С. 14.
- 76 ГАВО, ф. П - 136, оп. 13, д. 67, л. 2 - 3.
- 77 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 21.
- 78 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 380, л. 46.
- 79 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 3.
- 80 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 6.
- 81 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 3.
- 82 Там же.
- 83 ГАВО, ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 22.
- 84 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 3.
- 85 Там же; - Л. 6.
- 86 ГАХО, ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 4.

- ⁸⁷ Там же; - Л. 4 - 5.
⁸⁸ Там же.
⁸⁹ Там же; - Л. 5.
⁹⁰ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 390, л. 33.
⁹¹ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 52.
⁹² Вінницька правда. - 1945. - 17 января.
⁹³ Вінницька правда. - 1944. - 4 октября.
⁹⁴ ГАВО, ф. П - 136, оп. 13, д. 6, л. 21.
⁹⁵ Там же.
⁹⁶ Вінницька правда. - 1944. - 24 августа.
⁹⁷ Вінницька правда. - 1944. - 1 октября.
⁹⁸ Радянська правда (г. Проскуров). - 1944. - 9 мая.
⁹⁹ Шлях Жовтня (г. Шепетовка). - 1944. - 14 июня.
¹⁰⁰ Радянське Поділля (г. Каменец-Подольский). - 1945. - 11 марта.
¹⁰¹ Вінницька правда. - 1945. - 17 января.
¹⁰² ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 31.
¹⁰³ ГАВО, Ф. Р - 1998, оп. 2, д. 52, л. 64.
¹⁰⁴ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 40.

5.6. Особенности репатриации в условиях «холодной» войны

Вторая мировая война завершилась победой стран антигитлеровской коалиции над объединенными силами блока государств, исповедовавших нацизм. Победа создала новую политическую обстановку в послевоенном мире. Повсеместно, в особенности на европейском континенте, рос авторитет Советского Союза, внесшего решающий вклад в борьбу против агрессивного блока. Народы многих освобожденных Красной Армией стран желали наследовать модель общественно-экономического строя, который существовал в СССР, усматривая в нем залог своего успешного дальнейшего развития, хотя имели место и факты, когда социалистический выбор развития едва ли не насильственно навязывался советской стороной, провозглашался единственно верным. Определяющая роль СССР в победе над гитлеровскими захватчиками способствовала активизации левых сил в Европе. Так, коммунисты вошли в состав первых послевоенных правительств в Италии, Франции, пользовались авторитетом в ряде других стран. Эти процессы, но больше всего – реальность перспективы создания мировой со-

циалистической системы, вызвали серьезное беспокойство руководства США и Англии, которые усматривали в таком развитии событий тотальное наступление коммунизма.

Кроме того, избавившись от настоящей опасности – гитлеровского нацизма с его маниакальным стремлением к мировому господству, правители США, поддерживаемые Великобританией, сами оказались не против вознестись над миром. Тем более, что в их руках уже было грозное ядерное оружие, в ужасных разрушительных возможностях которого они убедились, варварски уничтожив японские города Хиросиму и Нагасаки. Вот почему после окончания Второй мировой войны недавние союзники СССР (США и Великобритания) круто изменили курс собственной политики относительно него, саботировали заключение с ним соглашения. Считая создание антигитлеровской коалиции и сотрудничество с СССР временным явлением, преследуя дальновидные честолюбивые планы, они сознательно прибегли к откровенной антисоветчине и антикоммунизму. В результате в мире возникло новое глобальное противостояние, которое получило название *«холодной» войны*.

Официально началом его отсчета принято считать 5 марта 1946 г. Тогда в американском городе Фултоне лидер консервативной партии премьер-министр Великобритании У. Черчилль публично изложил общие замыслы правящих кругов Англии и США. В своем выступлении он утверждал о якобы созданном Советским Союзом «железном занавесе» в Европе и призывал к организации англо-американского альянса в «крестовом походе» против выдуманной им же «коммунистической агрессии».

С изменением политического курса союзников существенно изменились условия проведения репатриации советских граждан из контролируемых ими оккупационных зон Германии. Это ощутили как сотрудники репатриационных миссий СССР, так и сами репатрианты.

В *английской зоне оккупации* советская репатриационная миссия функционировала с августа 1945 года. До осени 1946 г. ее штаб-квартира размещалась в Бад-Ойхенхаузене, затем – в Бад-Зальцуфлене. В зоне первоначально находилось 20 сборных пунктов для репатриантов – наших соотечественников.

«Если в 1945 – в начале 1946 гг. для посещения советскими офицерами того или иного лагеря Ди Пи... было достаточно доказательства наличия там советских граждан и заглаговре-

менной подачи заявки, то, начиная с весны 1946 года и, в особенности, с 1947 года, ситуация с посещением заметно усложнилась».¹

Английская сторона устраивала всяческие препятствия, ссылаясь то на невозможность обеспечить личную безопасность сотрудникам советской репатриационной миссии, то на угрозу нарушения общественного порядка в местах сосредоточения репатриантов, то на возможность возникновения скандала между советскими офицерами и теми, кто не желал возвращения в СССР. С этого времени визит сотрудников репатриационной миссии разрешался лишь при условии, что встречи с ними желали сами перемещенные лица (причем последние должны были подтвердить свое желание письменно). Вводился запрет на проведение работниками миссии коллективных бесед с Ди Пи.

Фактически запрещался доступ представителей советской стороны к сборным лагерям как таковым. Работа с перемещенными лицами переносилась в специально созданные приемные комнаты, большинство из которых, причем во всех провинциях оккупационной зоны, со временем было закрыто. На предложения же об открытии новых или об изменении дислокации существующих английские власти неизменно отвечали отказом.

«...Те же приемные комнаты, что еще продолжали работать (а по состоянию на сентябрь 1948 года в провинции Северный Рейн-Вестфалия, например, они размещались в Детмольде, Варендорфе и Хамборне), – были поставлены под гласное наблюдение полиции, обыскивающей и регистрировавшей посетителей. Давать объявления в широкой печати или по радио о работе приемных комнат также не разрешалось. Согласно инструкции, введенной в сентябре 1948 года, работа приемных комнат допускалась не чаще одного раза в неделю и при условии подачи точного плана посещений не позднее 25 числа предшествующего месяца. С июня 1948 года советские сборные пункты в Любеке, в Брауншвейге впервые столкнулись с трудностями не только в обеспечении транспортом, но и в снабжении продовольствием...».²

В Бад-Зальцфлене советские представители, прежде чем посетить сборный лагерь для перемещенных лиц, были вынуждены заполнять и подписывать довольно унижительный для них документ:

«Я, ...(фамилия, должность), глава Советской Миссии по репатриации в г. Бад-Зальцуфлене, желаю посетить лагерь для перемещенных лиц... (лагерь, дата) и принимаю следующие условия для этого посещения:

1. Я не требую на время моего посещения какого бы то ни было эскорта для моей группы.

2. Я принимаю на себя полную ответственность за любые инциденты, которые могут произойти в результате этого посещения.

3. Я просил смягчить некоторые предосторожности и ограничения и понимаю, что это было сделано исключительно для удовлетворения моих просьб.

4. Я согласен с тем, что английские власти не будут в какой бы то ни было мере ответственны перед Советским Правительством за любые инциденты, которые могут вытекать из этого посещения.

5. Я согласен с тем, что моя группа будет состоять из 7 чел. (я, офицер из штаба, офицер связи земли Северный Рейн-Вестфалия, 2 переводчика и 2 шофера).

6. Я соглашаюсь с тем, что ни один офицер не будет отлучаться во время посещения моей группы.

7. Я уславливаюсь в том, что мою группу встретят у входа в лагерь официальные представители ПВДП и ИРО и проведут в выделенную для моей группы комнату, в которой будет происходить встреча с перемещенными лицами.

8. Я обязуюсь проводить эти встречи в присутствии представителей, указанных выше.

9. Я соглашаюсь с тем, что я не должен проводить встречи ни в каком другом месте, кроме комнаты, специально выделенной для этой цели.

10. Я уславливаюсь в том, что мою группу проведут прямо в комнату, о которой идет речь, и я не буду посещать других частей лагеря.

11. Я обязуюсь не давать непосредственно перемещенным лицам какой-бы то ни было литературы, печатной или написанной от руки.

12. Я соглашаюсь с тем, что ни я, ни какой-либо другой офицер из моей группы не будет говорить с любым перемещенным лицом вне комнаты, специально выделенной для этой цели.

13. Я соглашаюсь с тем, что как только закончится встреча,

моя группа идет прямо к машинам и покидает лагерь и его окрестности...». ³

Это далеко не весь перечень препятствий из арсенала английской стороны.

Аналогичная картина наблюдалась также в *американской зоне оккупации*, где советская репатриационная миссия также функционировала с августа 1945 года и где концентрация Ди Пи была наибольшей. Тысячи перемещенных лиц жили здесь не только в лагерях, но и за их пределами. ⁴

Откровенные притеснения по ограничению деятельности советской репатриационной миссии, которые планомерно усиливались, начались с осени 1947 года. Тогда, 12 сентября директивой директора по гражданским делам американской военной администрации в Германии бригадного генерала Томаса Г. Гаррольда был введен запрет на доставку перемещенным лицам советскими офицерами писем из СССР. Вскоре, 5 ноября 1947 года, к ней прибавился запрет оповещать Ди Пи, проживающих вне лагерей, о времени и месте их приема сотрудниками советской репатриационной миссии. 22 мая 1948 года другой генерал (Губнер – заместитель командующего американскими войсками в Германии и военного губернатора генерала Л. Д. Клея) запретил ввоз, продажу и распространение в американской оккупационной зоне печатной продукции – советских газет, книг и журналов.

Вместе с тем была усилена собственная пропаганда.

«...Репатрианты сознавались, что союзники в западной зоне Германии агитировали их ехать в Канаду, им говорили, что сельских жителей снова загонят в колхозы, что женщин с детьми от немцев отправят в Сибирь или Казахстан, что хорошая работа и образование для репатриантов на родине будут проблемой...». ⁵

«...С 30 июня 1948 года американцы закрыли для посещения членами советской военной миссии пограничные пункты Фульца, Штейнад, Бад-Кисинген, Крайцбург, Кульмбах, Бамберг, Нюрнберг и Регенсбург. А в июле – еще более ужесточили контроль за перепиской Ди Пи с родственниками в СССР. Отныне письма оттуда принимались только на посту г. Касселя и вручались адресатам под расписку после цензурной проверки органами контрразведки, на что требовалось не менее 2-х недель...». ⁶

Вершиной беспардонности бывшего союзника стало прину-

длительное выселение советской репатриационной миссии во Франкфурте-на-Майне в 1949 г. Тогда «2 марта вокруг здания [миссии] была выставлена охрана с приказом никого не впускать в здание и никого оттуда не выпускать. В самой миссии отключили газ, электричество и телефон...». ⁷

На фоне этих событий исключением стали разве что советско-французские отношения.

Репатриация из самой Франции прошла довольно успешно и фактически завершилась к маю 1947 года. Не было особых трудностей с возвращением репатриантов также из *французской зоны оккупации* Германии, где советская репатриационная миссия начала работать на рубеже 1948/1949 гг. Здесь тоже закрывались сборные пункты, которые поначалу заменяли приемные комнаты (во Фрайбурге, Равенсбурге, Тюбингене), которые, в свою очередь, тоже закрывались. Но по другой причине – из-за незначительного количества репатриантов. Не смотря на это, а также на отдельные обвинения СССР в нарушении Францией ялтинских соглашений и требования французской стороны ускорить «возвращение всех эльзасцев и лотарингцев, а также перевозку останков французских летчиков из эскадрильи «Нормандия»,⁸ советская репатриационная миссия функционировала здесь продолжительное время, а сама «французская оккупационная зона дольше других служила каналом репатриации желающих вернуться в СССР». ⁹

Активно используя ее, а также другие каналы и возможности, СССР не один год настойчиво боролся за возвращение на Родину своих бывших граждан.

Как видим, после завершения Второй мировой войны в Европе сложились новые политические реалии. Победа над гитлеровским нацизмом заметно повысила имидж Советского Союза, возрос его авторитет и влияние на дальнейшее общественно-экономическое развитие ряда стран, в частности, Восточной Европы. Для многих народов приоритетным стал выбор своего социалистического будущего. При активном участии СССР началось формирование мировой социалистической системы, что вызвало серьезное беспокойство недавних союзников по антигитлеровской коалиции – США и Англии, и их резкое противодействие. Кроме этого, правящие круги США, монопольно владеющие ядерным оружием, начали вынашивать авантюристические планы мирового

господства, уничтожения при этом Советского Союза и стран, избравших социалистический путь развития. Началось новое глобальное противостояние – так называемая «холодная» война.

«Холодная» война отрицательно отразилась на дальнейшем проведении репатриации. Американские и английские власти в своих зонах оккупации Германии создавали разнообразные препятствия советской стороне, что вызвало серьезные трудности в деятельности советских репатриационных миссий, к минимуму сводило эффективность их работы по возвращению на Родину бывших граждан СССР.

* * *

Основная масса подольян – бывших остарбайтеров возвратилась домой к середине 1946 года. Так, по состоянию на 1 августа 1946 г. на Виннитчине их насчитывалось 48511 чел.¹⁰ К сожалению, отсутствуют документы, которые могли бы повести о точном количестве репатриантов, возвратившихся к этому времени на Каменец-Подольщину. Однако известно, что на 1 января 1947 г. в родной край прибыло 89938¹¹ бывших жителей Каменец-Подольской области. На Виннитчине аналогичный показатель составлял 48621 чел.,¹² то есть за 5 предшествующих месяцев увеличился всего на 110 чел. Это было следствием отрицательных проявлений «холодной» войны.

Дальнейшая динамика возвращения на Подолию депортированных гитлеровцами каторжан свидетельствует о том, что «холодная» война вообще резко затормозила процесс репатриации. Так, с 1 января по 1 июля 1947 г. на Виннитчину не возвратился ни один репатриант.¹³ Затем почти за год (с 1 июля 1947 г. по 15 мая 1948 г.) в Винницкую область прибыли лишь восемь¹⁴ бывших остарбайтеров. С 15 мая по 1 июля 1948 г. – еще 28 чел.¹⁵ И, наконец, по состоянию на 1 октября 1948 г. в область возвратилось в общей сложности 48705 репатриантов,¹⁶ то есть за три последующих месяца к общему количеству прибывших прибавились всего 48 человек.

На Каменец-Подольщине цифровые показатели были сравнительно выше, но и здесь наблюдалась тенденция к резкому сокращению количества прибывающих в область репатриантов-коренных жителей края. Так, за период с 1 января по 1 сентября 1947 г. на Каменец-Подольщину возвратилось 1726 че-

ловек,¹⁷ тогда как за предшествующих одиннадцать месяцев (с 1 февраля 1946 г. по 1 января 1947 г.) – в десять раз больше.

Отсутствие документов с обобщенными данными о количестве репатриантов, возвратившихся на Подолье в 1949, 1950, 1951, 1952 годах (а по Каменец-Подольщине – еще и в 1948 году) не позволяет тщательно проанализировать ход репатриации в условиях «холодной» войны. Побочные же данные дают основания утверждать, что и в эти годы количество бывших остарбайтеров, переступивших, в конце концов, порог родительского дома, было небольшим. Репатриация шла тяжело, требовала больших усилий, в первую очередь, на ее передовых рубежах.

Отсутствие точных данных не разрешает также достоверно ответить, сколько насильственно депортированных жителей края не возвратились на Подолье, в частности, сколько оказалось тех, кто сознательно отказался от СССР как своей Родины (такая возможность им была предоставлена недавними союзниками в период «холодной» войны), хотя о приблизительных показателях (недалеких от истины) все же можно вести речь.

Известно, что из Винницкой области нацистские захватчики депортировали 78650 чел.¹⁸ гражданского населения, из Каменец-Подольской – 117230 чел.¹⁹ В сумме – 195880 чел. В Винницкую область по состоянию на 1 октября 1948 г. возвратилось 48705 чел.,²⁰ в Каменец-Подольскую (по состоянию на 1 сентября 1947 г.) – 91664 чел.²¹ В общем – 140369 чел. Итак, суммарная разница между насильно вывезенными и возвратившимися домой на указанные даты составляет 55511 чел.

Но данный показатель не окончательный, поскольку включает в себя как безвозвратные потери, так и некоторое количество остарбайтеров, которые по разным причинам находились за пределами Подолии временно и позже возвратились домой (или же остались за границей).

Безвозвратные потери (о них в той или иной мере шла речь в предшествующих разделах) берут начало еще со времени транспортировки невольников-подолян в Германию. Как известно, не желая попасть на каторгу, многие жители края старались убежать из поездов. За это часть их была расстреляна на месте, часть – отправлена в концентрационные лагеря, где не выжила, часть, осуществив побег и пополнив ряды партизан, пала смертью храбрых в поединках с врагом, часть – по-

гибла вследствие железнодорожных катастроф, несчастных случаев, нечеловеческих условий транспортировки.

Но более всего смерть косила ряды остарбайтеров во время пребывания их на нацистской каторге. Они массово умирали от голода, физического истощения, болезней, гибли от несчастных случаев на производстве, своеволия рабовладельцев и охранников, из-за неподчинения, при попытке и во время бегства из мест принудительного труда или заключения, во время массированных бомбардировок немецких городов и сел, промышленных центров союзнической авиацией, в рядах европейского движения Сопротивления, во время прохождения фронтов (особенно германско-советского), в ожесточенных боях с гитлеровцами и на Дальневосточном фронте, будучи призванными в ряды Красной Армии. Некоторые подоляне, не перенеся тяжелых условий каторги, покончили жизнь самоубийством, некоторые умерли в Германии от старости, поскольку среди депортированных были и люди преклонного возраста.

Из-за отсутствия полных документальных данных нельзя точно ответить, сколько, например, депортированных подолян погибло от пуль охранников при попытке к бегству или замучено в тюрьмах, концентрационных и трудовых лагерях, как и невозможно проставить конкретные цифры напротив каждой упомянутой составляющей безвозвратных потерь. Тем не менее, обработанные автором материалы позволяют утверждать, что наибольшее количество остарбайтеров-подолян не возвратилось домой из-за:

- смерти от болезней, физического истощения и голода во время пребывания на нацистской каторге;
- гибели вследствие прохождения фронтов;
- гибели в результате интенсивных бомбардировок немецких населенных пунктов авиацией союзников;
- преднамеренных физических расправ гитлеровцев за проявление непокорности;
- гибели в боях с гитлеровцами и японскими захватчиками на заключительном этапе Второй мировой войны в рядах Красной Армии.

Безвозвратные потери составляют основное количество не возвратившихся на Подолье.

Остальные из упоминавшегося «минусового» показателя (55511 чел.) – это остарбайтеры-подоляне, оставшиеся в живых: те, которые к тому времени служили в армии, работали в

трудовых батальонах и на предприятиях за пределами Подольи, были высланы на спецпоселение, пребывали в дороге домой, находились за пределами СССР, не намереваясь возвращаться на Родину.

Довольно значительное количество вчерашних остарбайтеров прошло через *армию* (не случайно основную массу репатриантов составляли женщины и девушки, хотя они отчасти также привлекалась для нужд армии). Сначала на службу призывались остарбайтеры, освобожденные советскими вооруженными силами (они, как уже было сказано, принимали непосредственное участие в кровопролитных боях с гитлеровцами; многие из них погибли смертью храбрых). По окончании войны очередь дошла до остарбайтеров призывного возраста, возвращающихся из зон оккупации союзников. Причем на армейскую службу, длившуюся несколько лет, они отправлялись сразу же с территории бывшего рейха, – пройдя обязательную фильтрацию и так и не побывав дома.

По состоянию на 1 сентября 1947 года одних лишь депортированных гитлеровцами из Каменец-Подольщины в Советской Армии служило 4542 чел.²² Кроме того, 1970 бывших остарбайтеров-уроженцев данной области было демобилизовано из ее рядов.²³ В общем – 6512 чел. Это количество, как конкретное, можно исключить из показателя 55511 чел.

Несущественно отличалось от него и количество остарбайтеров-военнослужащих родом из Виннитчины.

Число подолян, работающих в *трудовых батальонах* и на предприятиях за пределами родного края, было значительно меньшим. По состоянию на 01.09.1947 г. трудовым участием здесь были заняты 715 бывших остарбайтеров-уроженцев Каменец-Подольщины.²⁴

Что касается Виннитчины, то самые полные данные по этой категории недавних остарбайтеров собраны в документе, датированном 8 июля 1946 г., – 161 чел.²⁵ Причем здесь же помещено примечание: «Эти данные не являются исчерпывающими и учет не завершен». Указанное количество по обеим областям, как конкретное, тоже следует изъять из упоминавшегося «минусового» показателя.

Еще меньшим было количество высланных на *спецпоселение* в малообжитые районы Сибири, Дальнего Востока, Казахстана. Из числа остарбайтеров такая судьба подстерегла тех, кто по принуждению или добровольно поддался враже-

скому влиянию и тайно доносил гестапо на своих товарищей по каторге. Такие лица не желали возвращаться на Подолию, даже отбыв срок наказания.

Остаток «минусового» показателя составляли те, кто хотел репатрироваться на Родину, а также не желавшие этого делать, решившие остаться за пределами СССР. *Именно за таких остарбайтеров (не только уроженцев Подолии) в период «холодной» войны развернулась основная борьба между советской стороной и бывшими союзниками СССР по антигитлеровской коалиции.*

Следует отметить, что к началу «холодной» войны на Западе находилось еще довольно много бывших советских граждан. По неполным оценкам Управления по делам репатриации «...на 1 марта 1946 года за рубежом... оставалось 314757 человек... Большинство [их] – 174439 чел. ...находились на территории Западной Германии, в том числе в английской оккупационной зоне – 104227, в американской – 69447, во французской – 715 чел. Далее шли Австрия (53000 чел.), Италия (34829), Швеция (28939), Бельгия (16112), Дания (4101), Франция (1809), Швейцария (775), Англия (506), территория Палестины (205), Америки (28) и Северной Африки (12), последней в этом списке стоит Голландия (10 чел.).²⁶ Понятно, что в этой общей массе были и подоляне. Причем не только бывшие «остарбайтеры»...

Что касается «восточных рабочих», то серьезных оснований для волнений у них не было. Абсолютное большинство их в Германию было вывезено насильно, и советская сторона учитывала это. Беспokoиться о дальнейшей судьбе приходилось тем, кто служил у гитлеровцев, кто издевался над своими соотечественниками, проливал их кровь.

Основными причинами, побудившими определенное количество подолян не возвращаться на Родину, были:

- политическая мотивация;
- страх перед возможным наказанием;
- семейные проблемы (заклученные браки с иностранными гражданами).

Первые две причины оказались тесно взаимосвязанными. Они основывались на личных обидах на советскую власть, воспоминаниях о жестокости репрессий 30-х годов и были сильно подогреты вражеской пропагандой.

Третий фактор базировался на чистоте человеческих отношений, любви, стремлении сохранить семью, что оказалось

сильнее угроз, предостережений, ультимативных требований советской стороны.

Так, среди тех, кто остался на Западе, распространялась газета «Родина зовет» со статьей майора Суханова «Почему ты до этого времени не на сборном пункте?». В ней рекомендовалось:

«Не раздумывай, не медли. Иди на ближайший сборный пункт и никто тебя не обидит.

У тебя лишь один путь – честно выполнять то, что от тебя требует Родина.

Она зовет тебя, и ты будешь действительно недостойным прощения преступником, если не услышишь ее голоса.

Знай, что ни один советский подданный не останется на чужой земле!

Некоторые наши девушки и женщины необдуманно вступили в брак с иностранцами. Супружество, как известно, не может изменить подданство супругов. Все девушки и женщины, вышедшие замуж за иностранцев, должны... в кратчайший срок явиться на сборные пункты. В интересах их будущего все такие браки должны быть немедленно расторгнуты. Тот, кто связал свою судьбу с иностранцами или иностранками, переживает сейчас драму. Но тот, кто пойдет против требований Родины, эту драму превратит в трагедию». ²⁷

Нельзя однозначно утверждать, что такие оstarбайтеры или оstarбайтерки окончательно порывали с Родиной. Большинство их переписывалось с родными, а позже некоторые даже возвращались домой. Так, уроженка с. Пузырки Казатинского района Марта Шморгун, находясь на нацистской каторге, вышла замуж за итальянца. После войны выехала с ним в Италию. Работала ткачихой на фабрике «Аквакалда». Вступила в Коммунистическую партию Италии. В 1953 г. добровольно возвратилась в СССР. ²⁸

Аналогична судьба жмеринчанки Раисы Кушнир. Только ее мужем стал поляк. Жила в Познани, Белостоке. Училась в Белостоцкой медицинской академии. Была членом Польской объединенной рабочей партии (с 1948 г.; партийный билет № 678522), членом Общества польско-советской дружбы (членский билет № 1152406). На Родину добровольно возвратилась в 1951 году. ²⁹

Обобщенных данных об оstarбайтерах-винничанах, сознательно не возвратившихся в Советский Союз, обнаружить в

архивах не удалось. Но их количество не такое уж большое. Если по Литинскому району по состоянию на 1 июня 1951 г. таких числилось 89 чел.,³⁰ то уже через полгода (по состоянию на 14 февраля 1952 г.) – всего 5 чел.³¹ – из них 4 женщины и 1 мужчина. Двое из этих лиц своей новой Родиной избрали Бельгию, двое – Францию, один – США.

В списке таких лиц по Каменец-Подольской области (документ датированный 1947 г.) значится лишь 52 чел.³² – 29 женщин, 23 мужчины. Из документа видно, что 25 бывших подолян (в основном с польскими фамилиями и именами) поселились в Польше, 12 – в Германии, 6 – во Франции, 3 – в Голландии, 2 – в Югославии, по одному – в Австрии, Бельгии, Греции, Чехословакии.

В последующие годы списки уточнялись и каждый прибывший в СССР вычеркивался из них...

Итак, с началом «холодной» войны репатриация на Родину советских граждан, в том числе подолян, резко притормозилась. Дальнейшее обострение отношений между СССР и его бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции еще больше усложнили репатриационный процесс. Это привело к тому, что часть бывших остарбайтеров под влиянием недружелюбной к СССР пропаганды не желала возвратиться на Родину. Основными причинами здесь были личные обиды на советскую власть, страх перед вероятными репрессиями по возвращению домой, заключенные браки с иностранными гражданами. Удельный вес этой части остарбайтеров в общем количестве не возвратившихся на Подолье довольно незначителен. Больше всего остарбайтеров-подолян не возвратилось в родной край из-за их смерти в Германии (безвозвратные потери).

Кроме этого, довольно значительная часть насильственно депортированных подолян в первые послевоенные годы была призвана в Советскую Армию, находилась в трудовых батальонах и спецпоселениях, трудилась на предприятиях за пределами края.

Усилия советской стороны в период «холодной» войны сосредоточивались на возвращении на Родину всех соотечественников, находящихся за границей.

* * *

Акцент в этом нелегком деле был сделан на *пропагандистские мероприятия*.

Как известно, противники СССР в «холодной» войне широко прибегали к запугиванию бывших советских граждан, настойчиво убеждая, что дома их ждут тюрьма, высылка в Сибирь, невозможность нормально жить и трудоустроиться. Чтобы нивелировать отрицательное влияние такой пропаганды на потенциальных репатриантов, иметь козыри для собственной контрпропаганды, были необходимы яркие конкретные примеры, опровергающие это. Думая именно о таком пропагандистском эффекте, высшее партийно-государственное руководство УССР проявило инициативу по *созданию максимально благоприятных условий для обустройства на Родине определенной части не пожелавших остаться на Западе*. 13 августа 1946 года Совет Министров УССР и ЦК КП(б)У приняли совместное постановление «О репатриации из Франции в Украинскую ССР граждан украинской национальности». Оно обязывало облисполкомы и обкомы КП(б)У придавать «большее политическое значение делу приема, размещения и трудоустройства репатриантов», требовало «от первых секретарей горрайкомитетов КП(б)У и председателей горрайисполкомов дело подготовки к трудоустройству взять под свой неослабевающий и личный контроль». ³³

Но ожидаемый контингент в 1946 г. в республику так и не прибыл.

Однако вопрос не снимался. 28 марта 1947 г. заведующим областных отделов по делам репатриации из Киева было направлено письмо их старшего коллеги – заведующего отделом по делам репатриации при Совете Министров УССР М. Зозуленко, в котором подчеркивалось:

«В связи с тем, что из Франции на Украину должны прибыть 25 - 30 тысяч чел. граждан украинской национальности, первые партии которых прибывают в апреле месяце, а основная масса из Франции будет направляться в июле, августе и сентябре 1947 года, заместитель Председателя Совета Министров УССР тов. Сенин И. С. своим телеграфным распоряжением от 20 марта 1947 года № 39 предложил председателям облисполкомов выполнить постановление Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У от 13 августа 1946 года № 1455 и обеспечить к 1 мая 1947 года подготовку жилых помещений для размещения прибывающих из Франции в вашу область граждан...

Предлагаю немедленно приступить к проверке жилой площади, которая была ранее выделена в вашей области, и обеспечить подготовку остальных жилых помещений.

Вся жилая площадь должна быть отремонтирована, оснащена твердым реманентом и принята по актам.

Обратите особое внимание на готовность областных пунктов и отделов к приему репатриантов, както: организация питания, медицинско-санитарное обслуживание, обеспечение политико-массовой работой (отбор агитаторов, библиотечек, газет, радио и т. п.) и транспортирование репатриантов в места постоянного жительства.

Возлагаю на вас персональную ответственность за трудоустройство прибывших в вашу область репатриированных граждан из Франции согласно их специальности, материально-бытовое устройство, охват детей школьной сетью и яслями, проведение среди них систематической политико-массовой и воспитательной работы, их участие в общественно-политической жизни...». ³⁴

Вскоре из Каменец-Подольской области, где ожидали прибытия 200 семей репатриантов и 100 одиноких граждан, поступил рапорт о состоянии готовности приемных пунктов и о подготовке жилой площади для ожидаемых переселенцев. Из него видно, что на местах за дело брались ответственно, хотя возможности для реализации намеченного были ограниченными.

«Из-за отсутствия в городах области помещения для приемного пункта на 100 человек, – сообщается в документе, – нами создано три пункта в городах: Проскурове (основной пункт) – на 60 чел., Каменец-Подольском – на 20 чел., в Шепетовке – на 20 чел.

В Проскурове пункт оборудован в здании бывшего спортзала, состоящего из 2-х больших комнат общей площадью 200 кв. метров...

Каменец-Подольский пункт организован в гостинице, в 5-ти комнатах... Кроме того, с дирекцией гостиницы имеется договоренность, что в случае необходимости будут выделены дополнительно 5 комнат для 5-ти семей.

В Шепетовке пункт создан на 20 человек в здании общежития сахарного завода. Здесь также имеется договоренность с дирекцией гостиницы о дополнительном выделении в случае необходимости 5-и комнат.

На всех пунктах имеется 95 кроватей, остальные находятся в стадии изготовления.

Постельными принадлежностями Каменец-Подольский пункт оборудован полностью.

На Шепетовском пункте имеется 20 матрацев и 20 одеял (взяты на время из других организаций), на Проскуровском – 55 одеял и 25 матрацев... Не хватает для дооборудования пунктов: одеял – 45, простыней – 160, матрацев – 35, подушек – 80, материала на 14 скатертей и на 10 занавесей для окон.

Портретами, лозунгами, плакатами и библиотеками пункты оформлены полностью. Пункты питания, санпропускники и медпункты также подготовлены...».³⁵

Что касается квартир, то их было подготовлено 104: «из жилищного фонда горрайсоветов – 28, из жилищного фонда совхозов – 11, из жилищного фонда предприятий и организаций – 65». ³⁶ Подготовлено 105 мест для одиноких репатриантов в ведомственных общежитиях совхозов, предприятий и организаций.

Аналогичная информация поступила из других областей, в т. ч. Винницкой.

На Виннитчине приемно-распределительные пункты снова были открыты в Виннице, Жмеринке, Казатине. На зарплату их сотрудникам решением облисполкома от 29 июля 1947 г. из местного бюджета областная власть выделила 11800 руб. Кроме того, из этого источника предполагались средства и на другие цели: «перевозку репатриантов – 2500 руб., саносмотр и дезинфекцию – 3000 руб., культмероприятия – 4300 руб., оказание помощи репатриантам – 20000 руб.». ³⁷

21 июля 1947 г. Винницкий облисполком принял особо важное решение для дальнейшей судьбы репатриантов, которые, кроме Франции, в скором времени должны были прибыть также из Румынии и Болгарии, – «О льготах и материальной помощи советским гражданам, переселяющимся в Винницкую область из Франции, Болгарии и Румынии». Оно целиком отвечало намеченному плану, поскольку именно такой «живой» конкретный материал был необходим для проведения агитационно-пропагандистской работы среди потенциальных репатриантов за границей.

Решение предусматривало выделение исполкомами районных Советов депутатов трудящихся таким лицам земельных наделов для строительства домов и хозяйственных помеще-

ний, под индивидуальные огороды, а также лесорубного фонда для заготовок строительного леса, причем освободив их от уплаты за древесину сроком на 2 года.

Предполагалась выдача займов на индивидуальное жилищное строительство в размере 10 тысяч рублей на семью с погашением на протяжении следующих десяти лет, начиная со второго года после поселения.

Согласно данному решению переселенцы обеспечивались посевным материалом под озимые 1947 г. и весенний сев 1948 г. на полевых, огородных и приусадебных участках, что в условиях послевоенного голода было крайне важно. Из пунктов «Заготсено» им отпускалось за наличный расчет по 2 тонны сена на каждую голову крупного рогатого скота.

Хозяйства переселенцев, поселявшихся в сельской местности, на два года освобождались от всех денежных налогов, страховых платежей, обязательных поставок государству мяса, зерна и других сельскохозяйственных продуктов.

Кроме того, облторготдел был обязан обеспечить переселенцев мясными и рыбными продуктами, жиром и сахаром – на областных приемно-распределительных пунктах на территории Виннитчины, в дороге к месту поселения, в местах постоянного жительства. В городах и рабочих поселках снабжение прибывших репатриантов должно было осуществляться по нормам, установленным для рабочих промышленности, транспорта и связи, до устройства их на работу, но не более месяца. В сельской местности для переселенцев предполагалась одноразовая натуральная помощь – по 10 килограммов муки на человека.

Среди других льгот было разрешение на продажу репатриантам по утвержденным обл- и райисполкомами спискам по 20 метров хлопчатобумажной ткани на семью, по 1 пальто, 1 костюму или платью, 1 паре обуви, 2 пары нательного белья на каждого члена семьи.³⁸

В свою очередь на местах надеялись и на помощь со стороны переселенцев, допуская, что среди них есть разнообразные квалифицированные кадры. А потому из сугубо практических соображений в отдел по делам репатриации при Совете Министров УССР с мест поступали просьбы направить в область определенных специалистов, на которых ощущался дефицит. Вот одно из таких писем, поступившее из Подолии 7 августа 1947 года:

«...Отдел по делам репатриации просит Вас из числа прибывающих из Франции граждан направить в Винницкую область рабочих таких специальностей:

1. Шоферов	- 11 чел.
2. Котельщиков	- 16 чел.
3. Токарей 5 - 6 разряда	- 13 чел.
4. Слесарей	- 12 чел.
5. Слесарей по ремонту моторов	- 16 чел.
6. Слесарей-инструментальщиков	- 2 чел.
7. Слесарей по ремонту станков	- 3 чел.
8. Слесарей-жестянщиков	- 5 чел.
9. Медников радиаторов	- 4 чел.
10. Кузнецов	- 5 чел.
11. Плотников-столяров	- 28 чел.
12. Каменщиков	- 12 чел.

Сельскохозяйственных рабочих по плану разверстки». ³⁹

Долгожданные репатрианты прибыли в Винницкую область 11 и 25 сентября 1947 года. Сперва на Виннитчину из Франции приехали 10 семей в составе 33-х чел. и 3 одиноких репатрианта, в конце месяца – еще одна семья (2 чел.; из Болгарии). По национальной принадлежности среди них было 24 украинца, 7 русских, 3 литовца, по 2 поляка и белоруса. Почти половину от общего количества переселенцев (17 чел.) составляли дети дошкольного и школьного возраста, родившиеся в основном за границей. ⁴⁰

Среди взрослых украинцев преобладали уроженцы Львовской области. Остальные оказались уроженцами Ровенской, Волынской, Тернопольской, Херсонской и Винницкой областей. ⁴¹

Несмотря на то, что среди них не было ни слесарей, ни шоферов, ни кузнецов, уже 1 октября 1947 г. прибывшие были обеспечены жильем и трудоустроены (на Барском, Вышеольчедаевском и Ялтушковском сахарозаводах), им оказана денежная (в размере 5450 руб.) и другая помощь. ⁴²

Однако подавляющее большинство переселенцев здесь не прижилось и со временем выехало в места своего довоенного жительства.

Аналогичная картина наблюдалась и на Каменец-Подольщине. Сюда тоже прибыло значительно меньшее, чем ожидалось, количество репатриантов. Им была устроена подчерк-

нуто теплая встреча, оказана заранее предусмотренная помощь. Показательный эффект от встречи Родиной своих сыновей и дочерей был достигнут...

Итак, в период «холодной» войны особым оружием становилось слово. Его в полной мере использовали обе стороны. Недавние союзники СССР по антигитлеровской коалиции с его помощью старались отговорить бывших советских граждан от возвращения на Родину, советская сторона – наоборот. Чтобы нейтрализовать влияние пропаганды соперников на потенциальных репатриантов, а вместе с тем – повысить эффективность отечественной контрпропаганды на основе убедительных конкретных примеров, высшим партийно-государственным руководством Украинской ССР была проявлена инициатива создать максимально благоприятные условия для обустройства на Родине определенной части тех, кто не пожелал остаться на Западе, – в первую очередь речь шла о советских гражданах, возвращающихся из Франции, Румынии, Болгарии.

В реализации этого замысла активную роль сыграли советские и партийные органы Подолии, которые надлежащим образом позаботились об обеспечении репатриантов жильем, денежной помощью, об их трудоустройстве, предусматривали для них ряд жизненно важных льгот. Показательная встреча Отчизной-матерью своих сыновей и дочерей в самом деле создавала условия для улучшения эффективности советской контрпропаганды, вооружала ее новыми необходимыми аргументами.

* * *

Теперь важно было донести информацию о ярких положительных фактах до еще остающихся за границей соотечественников. Разумеется, она оперативно доходила до сотрудников советских репатриационных миссий, а те при первой же возможности передавали ее непосредственным адресатам.

Большие надежды возлагались на прессу, специальную печатную продукцию, которые тоже имели свое влияние на определенный контингент людей.

Но несравненно больший эффект могло иметь живое слово самих репатриантов, возвратившихся в СССР, – их радио-

обращения, письма к тем, кто не захотел возвращаться вместе с ними на Родину.

Ответственную миссию в этом плане выполняла радиостанция «Волга – 2», которая размещалась в столице бывшего рейха, ее передачи рассчитывались именно на эту аудиторию. В передачах часто раздавались голоса бывших оstarбайтеров, возвратившихся из нацистской каторги домой и «ощутивших большую благосклонность к себе родной Отчизны».

Тематика таких выступлений четко координировалась и определялась заранее. Причем даже не творческим коллективом станции, а Управлением Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации и подчиненными ему структурами. Так, заместитель Уполномоченного генерал-лейтенант Голубев направил летом 1948 г. руководителям республиканских отделов по делам репатриации письмо, в котором требовал «ежемесячно присылать... для берлинской радиостанции «Волга – 2» специальные радиопередачи, записанные на магнитофонную пленку. Эти передачи должны были отвечать таким требованиям: содержать 2 – 3 выступления репатрированных граждан с рассказом об их приеме и обустройстве на Родине; изобличать националистов – агентов англичан и американцев, ведущих в лагерях для перемещенных лиц за границей клеветническую пропаганду за невозвращение на Родину; призывать советских граждан, остающихся за пределами СССР, возвратиться на Родину...». ⁴³

Запись на пленку осуществлялась в республиканских радиокомитетах. Кандидатуры для выступления по радио тщательно подбирались, количество и «география» выступающих – регламентировались. Так, 27 сентября 1947 г. заведующий отделом по делам репатриации при Совете Министров УССР М. Зозуленко обязал своего винницкого коллегу подготовить из прибывших в область лиц: «из Франции – 2 чел., из Германии: из американской зоны – 2 чел., французской зоны – 1 чел., английской зоны – 2 чел., из Австрии – 2 чел., из Италии – 1 чел. для поездки в Киев для выступления в радиокомитете перед микрофоном». ⁴⁴

Такие люди должны были быть передовиками производства, активистами общественно-политической жизни, лояльно настроенными к советской власти, а главное – говорить в эфире то, что от них хотели услышать. Вот характеристика одного из таких «радиопропагандистов» – Карнауха Петра Алексан-

дровича, рабочего Степановского сахзавода Вороновицкого района, заверенная председателем Вороновицкого райисполкома:

«Карнаух Петр Александрович, рождения 1900 года, украинец, б/п, образование 3 класса, рабочий-слесарь, уроженец села Комарова Вороновицкого района Винницкой области, в настоящее время работает на Степановском сахарном заводе, слесарь-бригадир, семейное положение – женат, детей не имеет, жена работает в колхозе «За новый быт» с. Комарова, заработная плата в месяц составляет 500 рублей, жена в 1947 году заработала 127 трудодней, что в денежном выражении составляет 500 рублей в месяц.

Находился в Германии (Бавария, город Войдин, американская зона оккупации). Работал все время в депо на железнодорожной станции. В 1945 году освобожден американскими войсками и прибыл в с. Комарово Вороновицкого района Винницкой области в 1945 году в июле месяце. Ему была предоставлена прежняя работа на Степановском сахарном заводе.

По приезду из Германии была оказана... следующая помощь: исполкомом райсовета... выдана единовременная помощь в сумме 300 рублей, колхозом выдан хлеб, был отремонтирован разрушенный дом, выделен для строительства сарая стройматериал. В 1947 году дирекцией сахарного завода выдана путевка на курорт и денежная премия.

В общественно-политической жизни завода принимает активное участие, является стахановцем и занесен на Доску почета.

В 1947 году получил Почетную грамоту обкома КП(б)У и облисполкома за перевыполнение производственной программы по выпуску сахара и от дирекции имеет 2 благодарности». ⁴⁵

Но услышать радио могли далеко не все бывшие советские граждане, колеблющиеся с возвращением в СССР. Это понимали организаторы радиопередач. Расчет же был сделан на то, что кто-то да и услышит, ведь не все потенциальные репатрианты жили в лагерях. Учитывали также психологию советских людей, которые привыкли доверять официальным средствам массовой информации. Тем более, что к радио, как технической новинке, с их стороны проявлялся повышенный интерес.

Весьма эффективной формой диалога и агитационно-пропагандистского влияния были *письма*. Однако не любые, а то-

же заранее определенного содержания, написанные родственниками, близкими, знакомыми, друзьями тех, кто находился за границей. Перед местными органами власти, областными отделами по делам репатриации, на которые возлагались организационные и координационные функции, ставилась задача широко развернуть работу с этой категорией населения, чтобы писем с нужным содержанием появилось как можно больше. Тот же М. Зозуленко инструктировал руководителей областных репатриационных служб:

«В связи с началом прибытия граждан украинской национальности из Франции и Румынии, предлагаю организовать отправку писем [населения] своим родственникам и знакомым с призывами к возвращению на Советскую Родину.

В этих письмах надо написать о приезде их в Украинскую ССР, о встрече представителями советской власти и советской общественностью, об их впечатлениях и настроении. В письмах также следует освещать трудовое и материально-бытовое обустройство, заработок, полученную ими от советского правительства и местных органов материальную помощь, обучение детей, медобслуживание, обеспечение жильем и прочее.

Желательно чтобы письма присылались с фотоснимками всей родни или отдельных лиц, а также снимки, запечатлевшие их за работой, в своих домах и квартирах или возле них, детей в школе и т. п.

Письма необходимо оформлять и присылать к нам в соответствии с нашими указаниями за № 61-1923 от 2.9.1947 г.».⁴⁶

Указания же были такие: «...Письма репатриированных советских граждан знакомым и родственникам во Францию и в оккупационные зоны Германии с призывами к возвращению на Родину надо присылать к нам *(то есть, в отдел по делам репатриации при Совете Министров УССР. С. Г.)* в конверте с соответствующим адресом. На конверт нужно приложить штамп местной почтовой конторы и штампом погасить марки. Конверт не следует заклеивать. Письма надо присылать открыто, а не в тайном порядке, не допускать, чтобы эти письма прошивались».⁴⁷

Итак, отдел по делам репатриации при Совете Министров республики фактически наделялся правом перлюстрации и цензуры, что было абсолютно новым в его деятельности.

Дальнейшие инструкции относительно содержания писем и форм работы с ними, а также с теми, кто их готовит, углублялись и совершенствовались (почти под всеми инструкциями, поступившими на места из Киева, стоит подпись М. Зозуленко).

Из инструкции от 27 сентября 1947 года

«...В письмах освещать вопросы восстановления промышленности, сельского хозяйства и культурно-просветительных учреждений, ...местных предприятий, колхозов, совхозов, школ, больниц, клубов и т. д. Приводить примеры работы возвратившихся репатриантов, писать об их заработке, стахановцах, премировании, благодарностях, участии в общественной работе, выдвижении, наградах, учебе и т. д. В письмах... призывать родных, знакомых, земляков возвращаться на Родину и не верить распространяемой в лагерях «для перемещенных лиц» клевете о том, что возвратившимся на Родину угрожает опасность...»,⁴⁸

Из инструкции от 5 июня 1950 года

«...Существующий порядок организации и отправки патриотических писем в адрес... советских граждан, проживающих на положении перемещенных лиц в западных зонах оккупации Германии и Австрии и в капиталистических странах, изменяется... Следует придерживаться следующих указаний:

1. При организации писем необходимо проявлять особую осторожность и деликатность, не вызывая даже малейшего подозрения в том, что это делается с пропагандистской целью. Следовательно, никакого нажима на лиц, отказывающихся писать письма, производить не требуется.

2. Не гнаться за количеством писем, а исключительно уделять внимание их качественному содержанию. Письма должны быть естественными, теплыми, с освещением конкретных достижений в областях хозяйственного и культурного строительства своего села, района или области и в материально-бытовом положении трудящихся и в частности, родственников, соседей и знакомых.

3. Специальных выездов в районы для организации писем не производить...

4. Письма писать только по реальным, действующим в на-

стоящее время адресам. При написании адреса на конвертах, надо придерживаться почтовых правил, установленных для писем, идущих за границу. Письма в адрес полевых почт не направлять.

5. Никаких поручений для проведения работы по организации писем за границу не следует давать лицам, которые не состоят в штате областного отдела репатриации...

6. Не принимать писем, адресованных за границу гражданам, не имеющим никакого отношения к «перемещенным лицам» (к «перемещенным лицам» относятся те советские граждане, которые оказались за границей в результате 2-й мировой войны).

7. Поступающие в областной отдел репатриации письма тщательно проверяются заведующим отделом.

8. Письма, адресованные в капиталистические страны (кроме Германии и Австрии) и признанные приемлемыми для отправки, заклеиваются и бросаются в любой почтовый ящик (надо следить, чтобы на конверте была наклеена почтовая марка соответствующей стоимости).

9. Письма, адресованные в западные зоны Германии и Австрии, после просмотра их заведующим отделом и признания пригодными, немедленно направляются в отдел по делам репатриации при Совете Министров УССР секретной почтой (на пакете писать «не прокалывать»).

10. Копии снимаются только с тех писем, которые, по заключению зав. облотделом репатриации, являются ценными с точки зрения возможности их использования в печати, по радио и т. п. На копиях адрес получателя необходимо подписывать латинским шрифтом точно так, как он пишется на конверте, а адрес отправителя – по-украински или по-русски. Копии таких писем направлять нам (в *отдел по делам репатриации при Совете Министров УССР. С. Г.*) немедленно секретной почтой в двух экземплярах. С посредственных писем копий снимать не следует...». ⁴⁹

Инструкция от **28 сентября 1951 года** содержала существенно новый элемент в работе с местным населением. Отныне от родных, чьи сыновья и дочери находились на Западе, требовались не только письма, но и их заявления с настоятельной просьбой в адрес властей возвратить детей на Родину. Причем такие заявления нужно было писать по несколько раз:

«Для проведения массово-разъяснительной работы среди советских граждан, находящихся за границей, и репатриации их на родину необходима систематическая посылка в их адрес писем от их родственников, знакомых и заявления в адрес отдела по делам репатриации с просьбой о репатриации их на Родину...

Заявления в адрес отдела репатриации можно писать и просить дважды и в трижды. Эти заявления необходимы для наших представителей за границей. К каждому заявлению обязательно прилагать письмо, в котором настаивать на возвращении на родину. Эти письма вручаются нашими представителями лично адресату...»⁵⁰

Вот одно из таких заявлений, направленное в адрес отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме жителем с. Сосны Литинского района Петром Григорьевичем Петриком:

«Прошу отдел репатриации о содействии в возвращении моей племянницы, Екатерины Порфирьевны Петрик, 1922 года рождения, домой. В 1942 году была забрана немецкими фашистами в рабство и назад не возвратилась. Сейчас находится в Бельгии».⁵¹

Чтобы легче было составлять тексты писем, более адресно разоблачать нарушения прав человека в лагерях для перемещенных лиц за границей, и, соответственно, повышать эффективность собственных контрпропагандистских мероприятий, отделам по делам репатриации при облисполкомах рекомендовалось активно собирать изобличающие материалы от репатриантов, прибывших из английской, американской, французской зон оккупации территории Германии и Австрии (инструкция № 611-1194 от **15 мая 1948 г.**). Собранный материал должен был оформляться в форме рассказов людей, возвратившихся из упоминавшихся мест в СССР, и направляться в отдел по делам репатриации при Совете Министров УССР.

При освещении причин продолжительного невозвращения на Родину рекомендовалось отмечать отрицательное воздействие вражеской агитации, называть имена конкретных лиц, ее осуществлявших. Особо надо было акцентировать внимание на вранье, клевете, обмане, запугивании как со стороны военного командования лагерей для перемещенных лиц, так и со стороны так называемых «комитетчиков – фашистско-националистических агентов», на невыносимые условия, созданные в лагерях для рядовых невольников, и привилегированные – для

предателей и бывших пособников фашистских оккупантов, на стремление и факты борьбы честных советских людей за быстрое возвращение на Родину.

Далее в инструкции говорилось:

«Отдельным разделом следует показывать все формы и методы вербовки и отправки наших людей в другие страны, освещающая обман и насилие, применяемые в этом вопросе.

В конце рассказа необходимо показать, как репатрианты были приняты, трудоустроены и какую помощь они получили на Родине, их материально-бытовое положение и участие в общественной работе.

Малограмотным и неграмотным необходимо оказать помощь в оформлении материалов.

Материалы необходимо предоставлять по мере прибытия этих людей в область в трех экземплярах: подлинник за подписью лица, которое дает материал, и 2 печатных копии...». ⁵²

В других инструктивных документах рекомендовалось, чтобы письма, написанные родителями тем, кто хотел остаться за границей, были трогательные, краткие, сентиментальные, могли вызвать непрошенную слезу, разбудить в сердце тоску по родному краю. В письмах новоприбывших на Родину репатриантов должна была выражаться радость по поводу принятия единственно верного решения – счастливого возвращения домой, превозноситься действительность, в которой оказались после долгих скитаний за годы неволи. Обязательным во всех письмах должен был быть призыв к землякам возвратиться в лоно родной Отчизны, которая их так ждет.

Так отделы по делам репатриации, в первую очередь при Совете Министров республики, в условиях «холодной» войны взяли на себя еще одну, не совсем присущую их профилю деятельности, функцию – *агитационно-пропагандистскую*, стали центрами по развертыванию идеологической борьбы за возвращение в СССР всех его бывших граждан, оказавшихся в результате Второй мировой войны за границей.

Что касается самих писем, подготовленных и отредактированных в репатриационных отделах, то они были такими:

Письмо во Францию Костюку Ивану Владимировичу, уроженцу с. Литинка Литинского района

«Доброго здоровья, мой дорогой сыночек Ваня.

Передаю тебе свой горячий родительский привет. Желаю тебе всего наилучшего в твоей невольничьей жизни.

Ваня! Неужели тебе не жалко и не болит твое сердце за меня? Ты знаешь, что я остался...

Миша, Ксения и Маруся – они живут отдельно, имеют свою семью, а я живу один. Я уже все глаза высмотрел за тобой. Со дня на день жду тебя, а тебя все нет.

Сын мой, не верь тому вранью, что там говорят, что тех, кто возвращается на свою Родину, преследуют. Это все вранье. Вот возвратился целый ряд ребят, возвратился и Щебивак Захар, и Скакун Анна, которые были вместе с тобой, и другие, им выдали помощь и устроили на работу по их специальностям.

Наш колхоз сейчас не тот, что был. Сейчас объединены несколько колхозов в один. Сев, уборочная [кампания] проводятся исключительно машинами. На полях день и ночь гудят трактора, сеют, делают прополку и другие работы. В скором времени загудит самоходный комбайн. Сам едет, сам жнет, сам молотит и копит отдельно полову, отдельно солому. Один комбайн вместо 200 – 300 человек, а на нем работает всего 3 человека. Клевер, сено косит косилка в пять ножей, которая заменяет 90 человек.

Ваня, приезжай домой. Всего дома я держу корову, свиней и двух овец, у нас в магазинах всего вдоволь.

Обратись в наше консульство. Я туда послал несколько заявлений и просил их вернуть тебя на твою Родину.

Дорога и продовольствие для вас будут бесплатными.

Пока до свидания!

Привет тебе от Миши, Ксении, Маруси, от их деточек.

Ждем тебя побыстрее». ⁵³

Письмо в Австрию Медведь Марии

"Доброго дня, моя доченька Мария!

Посылаю я тебе свой материнский искренний привет и желаю всего наилучшего в твоей жизни. Я все же не могу успокоиться, мне не хватает дней и ночей, я все думаю, как это оно так, что все дети приехали на свою родину домой и живут себе возле своих родителей счастливые, веселые, повыходили замуж, пользуются уважением. Многие уже награждены Правительством орденами и медалями за хорошую работу в колхозе.

Наш колхоз теперь передовой в районе, даже в области, получил переходящее знамя за выращивание высоких урожаев свеклы. Наш колхоз теперь стал лучше, чем до войны. Много коров, свиней, птицы. Получили по 3 кг пшеницы на трудодень, и кроме этого звеньевые получили дополнительную оплату, проса по 5 – 6 центнеров, сахара по 2 центнера и много денег. Чужие дети каждый день поют, играют свадьбы, в колхозе хороший духовой оркестр, а я как вспомню о тебе, то мое сердце кровью обливается, какая ты и я с тобой несчастные, что у меня одна дочь и той счастье не такое, как всем людям. Кто тебя, моя доченька, там пожалеет в чужой стороне, между чужими людьми, и еще такими?

Что они делали с нашим народом, когда была война. Какая ты у меня мученица и я с тобой вместе. Мне кажется, что ты там в чужом государстве замученная, голодная и холодная, над тобой там издеваются чужие люди.

Как это так, что все приехали, а тебя нет, может, там тебя кто-то обманывает, не верь, поверь матери, которая тебя породила и плачет каждый день по тебе. Я старая, прожила много, все пережила, но такое пережить не могу, чтобы родная дочь отреклась от матери, родственников, Родины, своих людей. Я как посмотрю на людей, девушек, что вся семья дома, только нет моей, слезы каждый день льются. Разве можно быть на чужбине, забыть своих людей, свой край. Мария, приезжай, дочурка, домой. Я старая, хоть бы я на тебя посмотрела, разве тебе не жалко своей матери, неужели ты, Мария, забыла мать, забыла своих людей? Меня соседи спрашивают, как это так, что все приехали, а Марии все не нет, неужели она стала нам не нашей, не хочет знаться со своими людьми?..

Если ты забыла обо мне, я старая, имею корову, свинью, утки, телку, гусей. Мне тяжело одной строить [новый хлев], да и не хочется, все жду тебя. Приезжал Васька домой, просил, чтобы ты обязательно приезжала, бросила ту чужбину.

Крепко тебя целую. Жду домой. Иди, Мария, пешком, если нет денег.

По просьбе твоей матери Крамарь А. И. письмо писала Сницкая В.

УССР, Каменец-Подольская область,
Базалийский район, с. Пеньковцы,
Крамарь Анна Ильична». ⁵⁴

Письмо в Югославию Мостарац Надежде

«4/1-50 года. Здравствуй, моя дорогая подруга Надя.

Хочу тебе сообщить о том, что я доехала благополучно. В дороге было все хорошо, о нас беспокоились много наших людей из посольства. Нам выдавали хорошие продукты на дорогу и вообще все, билеты. О детях тоже самое большое беспокойство наших властей, так что, наша дорогая Надя, было не страшно, а даже очень приятно было видеть такое большое беспокойство наших властей.

Приехала, увидела совсем другую жизнь.

У нас теперь жизнь хорошая, работу может каждый получить по специальности.

В магазинах все переполнено мануфактурой, обувью, продуктами питания, в общем, всем, бери, сколько хочешь, так, Надя, что наши люди забыли карточки и очереди. Все хорошо живут наши девчата, возвратившиеся из Германии.

Надя, я очень счастливая, что я возвратилась на свою Родину, и теперь могу жить.

Урожай у нас очень хороший, так что хлеба, сахара, сала и всего сколько угодно, не так, как там, что стоишь в очереди.

Надя, желаю тебе приехать и жить хорошей и спокойной жизнью.

Передавай привет всем знакомым.

На этом заканчиваю свое письмо.

Извини, что мало писала.

А лучше всего приезжай.

Целую тебя крепко, твоя подруга Лидия Гулько.

УССР, Каменец-Подольская область, Проскуровский район, с. Малинич, Гулько Лидия Филипповна». ⁵⁵

Письмо в Чехословакию Гавшиковой Соне

«Привет из родной Украины.

Добрый день, дорогие подруги Лиза и Соня! Дорогие подруги, хочу вам сообщить, что я уже приехала в родной край. Дорогие подруги, прошу вас, приезжайте домой, здесь вас наша родная Отчизна будет встречать так, как нас. Дорогие подруги Лиза и Соня, может будет интересовать, мои дорогие девчата, не беспокойтесь, дорогой везде хорошо. Когда будете ехать, во Львове получите деньги, а также пищу. Дорогие

девчата, я приехала, еще не успела домой доехать, как все подружки меня и родные встречали. Девчата, нигде так нет и не будет счастливо, как в нашей родной и цветущей Родине. Дорогие мои подружки, я еще отдыхаю у родных родителей. Девчата, не задерживайтесь на чужбине, приезжайте быстрее домой, только здесь вы сможете жить радостно и счастливо. Лизочка и Соня, послушайте меня и возвращайтесь в родной край. Целую вас крепко, ваша подружка Надя. 5/11.50 г. УССР, Каменец-Подольская область, Орининский район, с. Долиновка, Трач Надежда Владимировна». ⁵⁶

В организации и отправлении за рубеж писем между областными отделами по делам репатриации существовало даже своеобразное социалистическое соревнование. Так, в январе – феврале 1950 года с Украины было отправлено 805 таких посланий соотечественникам, все еще находившимся за границей и не спешившим возвращаться в СССР. Первенство в этом деле удерживал Сталинский облотдел (134 письма), за ним шел Полтавский (112 писем), далее – Ворошиловградский (88 писем). Каменец-Подольский облотдел по делам репатриации занимал 15 место (14 писем), Винницкий (6 писем) вместе с Волынским и Ровенским делил 19 – 21 место. Последнее, 22 место, занимал Кировоградский облотдел.

Интересно резюме итогов этого соревнования, сделанное М. Зозуленко:

«По количеству писем можно считать удовлетворительной работу Сталинского, Полтавского, Ворошиловградского, Запорожского, Львовского и Харьковского облотделов по репатриации, неудовлетворительной – Николаевского, Станиславского, Херсонского, Каменец-Подольского, Одесского, Черниговского, Житомирского облотделов, совсем неудовлетворительной – Кировоградского, Ровенского, Волынского и Винницкого отделов». ⁵⁷

Предпоследнее место в соревновании Винницкого облотдела и 15-е – Каменец-Подольского одной пассивностью в работе объяснить тяжело. В течение многих лет все задачи они исполняли тщательно, оперативно и добросовестно. Вероятнее всего, просто уже не кому было писать. Все подоляне, остающиеся за пределами Родины, письма от родных получили. И даже не по одному разу.

Однако в репатриационной почте случались и другие письма. Так, Василий Полевой из с. Бубновки Сатановского района

писал сестре Ксении в английскую зону оккупации Германии, что 28 мая 1948 года мать забрали в милицию за то, что она не выработала минимум трудодней, и ни слова о возвращении сестры на Родину.⁵⁸

Аналогичное по смыслу и письмо Вевритюк Анны Федоровны из села Хоменцев Гвардейского района Каменец-Подольской области к Шостицкой Любе Корнеевне, находящейся в американской зоне оккупации.⁵⁹

Понятно, что такие письма, как и им подобные, до адресатов не дошли. Наделенный правом цензуры отдел по делам репатриации при Совете Министров УССР и другие службы пристально следили, чтобы в тщательно откорректированный информационный поток, который направлялся на Запад, не попало никакой идеологически вредной «грязи».

Как видим, Советское государство было последовательным и неумолимым в борьбе за возвращение на Родину своих бывших граждан. Акцент в этой борьбе делался на активное пропагандистское влияние на тех, кто еще находился за границей. Основными средствами этого влияния были:

- устная агитация сотрудников репатриационных миссий;
- пресса и специальная печатная продукция (открытки, брошюры, буклеты, плакаты, лозунги);
- радиопередачи;
- письма от родных, знакомых, близких.

Они служили также главными каналами, по которым доносилась до бывших советских граждан, находящихся на Западе, наиболее важная информация о жизни СССР, его достижениях, о встрече и обустройстве репатриантов на Родине. Как правило, эта информация была довольно приукрашенной, хотя основывалась на реальных фактах и документах. Она противостояла влиянию впаждебной пропаганды, сводившейся к запугиванию советских перемещенных лиц, их сознательному обману, расхваливанию реальных и мифических ценностей Запада.

Особым пропагандистско-агитационным инструментом были радиопередачи и письма с Родины.

Содержание и организация радиопередач определялись и координировались Управлением Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации, родственными под-

чиненными ему структурами. Для достижения пропагандистского эффекта в эфире часто выступали бывшие оstarбайтеры, кандидатуры которых тщательно подбирались. Для технической подготовки таких выступлений привлекались республиканские радиокомитеты.

Еще более мощным идеологическим оружием оказались письма с Родины потенциальным репатриантам от их родных, близких, знакомых, родственников, друзей. Организовывались они органами местной власти при четкой координации и на основе тщательных методических установок со стороны республиканского и областных отделов по делам репатриации. Данные отделы в условиях «холодной» войны взяли на себя несвойственные их профилю предшествующей деятельности агитационно-пропагандистские функции, стали центрами по развертыванию целенаправленной идеологической борьбы за возвращение в СССР всех его бывших граждан. Отдел по делам репатриации при Совете Министров УССР был наделен также правом перлюстрации и цензуры писем, адресованных за рубеж потенциальным репатриантам. Такая необходимость тоже была продиктована условиями «холодной» войны.

* * *

Наконец, был задействован еще один мощный канал по возвращению на Родину бывших советских граждан – *юридически-правовой*. 17 сентября 1955 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.», подписанный председателем и секретарем Верховного Совета СССР К. Ворошиловым и Н. Пеговым. Фактически он совсем не касался оstarбайтеров, в том числе оstarбайтеров-подолян, поскольку все они, за исключением тех, кто заключил брак с иностранцами и сохранил его, к тому времени возвратились на Родину. Их возвращению, кстати, не очень противились и сами союзники СССР по антигитлеровской коалиции, а позже – соперники в «холодной» войне. И американцев, и англичан больше интересовали откровенные враги советского государства, с которыми легче было найти общий язык, а также склонить их на свою сторону, наконец, заставить еще раз поработать против своих. Указ именно и ка-

сался тех бывших соотечественников, боявшихся возвращения на Родину – коллаборационистов и тех, кто по воле обстоятельств повесил на себя клеймо врага народа, и которых Родина решила простить.

В заключительных пунктах Указа, в частности, провозглашалось:

«...7. Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством, рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, установленное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8. Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе». ⁶⁰

Лейтмотивом Указа было утверждение, что длительное пребывание за границей, вдали от Родины, – уже само по себе наказание, и тяжелое. Несмотря на то, что кое-кому даже после объявления амнистии угрожала ссылка на 5 лет, немало допустивших во время нелегких испытаний роковую ошибку, выступив против своего народа, после трудных раздумий все же решили возвратиться на Родину. Ибо не так уж и сладко пришлось им на чужбине. Отсутствие постоянной работы, тяжелая полулагерная жизнь, тоска по родному краю были невыносимыми спутниками их бытия. Всего под действие Указа попало 15724 чел. ⁶¹

Это был последний более-менее крупный успех советской

стороны в деле репатриации своих соотечественников на Родину в условиях «холодной» войны, едва не переросшей через несколько лет в «горячую» – катастрофическую ракетно-ядерную (Карибский кризис).

Итак, заключительным достижением в репатриации бывших советских граждан на Родину в нелегких условиях «холодной» войны стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.». Он разрешил вернуться домой многим соотечественникам. Однако Указ фактически не касался оstarбайтеров, в том числе и насильственно депортированных гитлеровцами подолян, поскольку те, за исключением немногих, заключивших брак с иностранцами, еще задолго до его выхода возвратились на Родину.

* * *

Подытоживая сказанное, следует отметить, что после окончания Второй мировой войны желанный для народов планеты мир фактически так и не наступил. Уже весной 1946 года в мире возникло новое глобальное противостояние. На этот раз между СССР, странами, избравшими после Великой Победы социалистический путь развития, и альянсом западных империалистических государств, прежде всего, США и Англии – недавних союзников Советского Союза по антигитлеровской коалиции. Это противостояние, приведшее к заметному ухудшению отношений между Востоком и Западом, изнурительной гонке вооружений, и едва не окончившееся развязыванием смертельного для всей планеты ракетно-ядерного конфликта, получило название «холодной» войны.

Она крайне отрицательно сказалась на осуществлении репатриации советских граждан из западных оккупационных зон Германии и Австрии, других капиталистических стран. Противники СССР прибегли к их запугиванию, обману, совершали всяческие препятствия в работе советских репатриационных миссий. Поток репатриантов в СССР резко сократился.⁶²

Однако Советский Союз проявил исключительную последовательность и настойчивость в возвращении своих гражд-

дан на Родину. Во-первых, как уже отмечалось раньше, он не желал допустить образования новой волны эмиграции, которую страны альянса могли использовать во враждебных относительно него целях. Во-вторых, его разрушенному войной промышленно-хозяйственному комплексу очень кстати пришлись бы новые рабочие руки. Был и третий аспект проблемы – пропагандистский. Как государство-победитель, СССР желал доказать всему миру, что он беспокоится о своих гражданах, где бы те ни находились.

Ставка в репатриационной кампании в условиях «холодной» войны была сделана на идеологическую борьбу. Советской стороной активно использовались такие эффективные средства пропагандистско-агитационного влияния, как письма с Родины потенциальным репатриантам от их родных, знакомых, близких, а также радиопередачи. Использовались также другие средства. Для повышения эффективности пропаганды, нейтрализации враждебного влияния, на местах, в том числе и на Подолии, заботились об организации показательных мероприятий по приему, устройству репатриантов. Это затем подавалось как конкретные факты настоящего отношения Отчизны к своим сыновьям и дочерям, возвратившимся из западных оккупационных зон на Родину.

В условиях «холодной» войны расширился круг деятельности республиканских и областных отделов по делам репатриации. К их определенным ранее функциям прибавились агитационно-пропагандистские. Отделы по делам репатриации, в особенности отдел при Совете Министров УССР, также наделялись правом перлюстрации. Кроме этого, отделы выполняли всю рутинную организационную работу, связанную со встречей и обустройством новопривывших репатриантов.

Настойчивость советской стороны принесла свои плоды. На Подолию возвратилась основная масса бывших остарбайтеров. Минусовая разница между насильственно вывезенным гитлеровцами количеством населения края и возвратившимся домой включает в себя безвозвратные потери, службу подолян в армии, использование их труда в рабочих батальонах, в местах спецпоселений, на предприятиях за пределами Подолии. Из-за личных обид на советскую власть, страха перед вероятными репрессиями по возвращении домой, заключенных с иностранными гражданами браков

*незначительная часть остарбайтеров-подолян не пожелала
возвратиться в СССР.*

¹ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 263.

² Там же; - С. 264.

³ Цитируется по книге П. Поляна «Жертвы двух диктатур...» - С. 264 - 265.

⁴ *Jacobmeyer W. Vom Zwangsarbeiter zum Heimatlosen Auslaender. Die Displaced Persons in Deutschland. 1941 - 1945. / Kritische Studien zur Geschicytwissenschaft. - Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht in Göttingen, 1985. - Bd. 65. - S. 15; 275.*

⁵ Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1944 - 1951)... - Кн. 3. - Ч. 1. - Мн., 1998. - С. 21.

⁶ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 266.

⁷ Там же; - С. 267.

⁸ Там же; - С. 262.

⁹ Там же; - С. 263.

¹⁰ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 380, л. 46.

¹¹ ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 3.

¹² ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 397, л. 1.

¹³ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 390, л. 33.

¹⁴ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 397, л. 58.

¹⁵ Там же; - Л. 65.

¹⁶ Там же; - Л. 71.

¹⁷ ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 35.

¹⁸ ГАВО, Ф. Р - 1683, оп. 1, д. 5, л. 2; Ф. П - 425, оп. 1, д. 17, л. 1.

¹⁹ ГАХО, Ф. Р - 863, оп. 2, д. 30, л. 3.

²⁰ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 397, л. 71.

²¹ ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 35.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 39.

²⁶ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 324.

²⁷ Цитируется по книге П. Поляна "Жертвы двух диктатур..." - С. 256.

²⁸ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 58587, л. 1 - 4.

²⁹ ГАВО, Ф. Р - 6023, оп. 1, д. 24492, л. 1 - 6.

³⁰ ГАВО, Ф. Р - 1998, оп. 2, д. 270, л. 49 - 51.

³¹ Там же; - Л. 30.

³² ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 31 - 32.

³³ ГАЧО, Ф. П - 1, оп. 2, д. 252, л. 44.

³⁴ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 395, л. 3.

³⁵ ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 2, л. 84.

³⁶ Там же; - Л. 85.

³⁷ ГАВО, Ф. Р - 3666, оп. 2, д. 648, л. 459.

³⁸ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 124, л. 242 - 243.

³⁹ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 395, л. 39.

⁴⁰ Там же; - Л. 68.

⁴¹ Там же.

- ⁴² Там же; - Л. 62.
⁴³ НАРБ, Ф. 7, оп. 3, д. 1941, л. 29.
⁴⁴ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 394, л. 68.
⁴⁵ Там же; - Л. 80.
⁴⁶ Там же; - Л. 65.
⁴⁷ Там же; - Л. 60.
⁴⁸ Там же; - Л. 68.
⁴⁹ ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 6, л. 85 - 86.
⁵⁰ ГАВО, Ф. Р - 1998, оп. 2, д. 270, л. 42.
⁵¹ Там же; - Л. 15.
⁵² ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 391, л. 31 – 32.
⁵³ ГАВО, Ф. Р - 1998, оп. 2, д. 270, л. 22 - 23.
⁵⁴ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 391, л. 215 - 216.
⁵⁵ ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 6, л. 2.
⁵⁶ Там же; - Л. 37.
⁵⁷ Там же; - Л. 27.
⁵⁸ ЦГАОО Украины, Ф. 1, оп. 23, д. 5462, л. 93.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Цитируется по книге П. Поляна "Жертвы двух диктатур...». - С. 329.
⁶¹ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 329.
⁶² В марте - декабре 1946 года в СССР возвратились 46909 советских граждан, в 1947 г. - 30346, в 1948 г. - 14272, в 1949 г. - 6542, в 1950 г. - 4527, в 1951 г. - 2297 чел. (Земсков В. К вопросу о репатриации советских граждан... - С. 37).

5.7. Отношение партийно-государственного руководства СССР и УССР к репатриантам

Возвращение бывших узников из нацистской каторги на Родину оказалось продолжительным, довольно непростым процессом, требовавшим значительных затрат средств, и сил, и воли. И какую сторону репатриации ни затронуть, везде очевидна определяющая роль в этом процессе партийно-государственного руководства страны, союзных республик, в том числе Украинской ССР. От их решений, позиции, настойчивости в действиях зависело очень много.

Высшее партийно-государственное руководство СССР в разработке и осуществлении внешней и внутренней политики Советского государства олицетворяло само государство – Союз Советских Социалистических Республик. Соответственно, высшее партийно-государственное руководство УССР – союзное государство в составе СССР – Украинскую Советскую Соци-

алистическую Республику. Поскольку все важнейшие решения принимались на всесоюзном уровне, главенствующей была роль союзного руководства, в том числе в судьбе оstarбайтеров и других репатриантов. Руководство республики, принимая директивные документы, как правило, дублировало постановления, приказы, решения, принятые в Москве. В большинстве случаев они были направлены на выполнение союзных распоряжений, конкретизировали и дополняли их. Сугубо собственные постановления и решения республиканского руководства тоже не шли вразрез с союзным стратегическим курсом, поскольку в СССР вообще все подчинялось Центру.

Именно в постановлениях, приказах, решениях, других директивных документах наиболее полно раскрывается отношение высшего партийно-государственного руководства СССР и УССР, а значит, государства, к репатриантам. Оно, как свидетельствуют проанализированные в предшествующих разделах архивные документы, а также многие другие, было неоднозначным, нередко противоречивым. С одной стороны, ярко прослеживается настойчивая борьба Советского государства за возвращение каждого из них на Родину, старание создать им более-менее благоприятные условия для жизни, быта, трудоустройства, с другой – чрезмерная подозрительность к ним как к возможным врагам народа, посягательство на их гражданские права и свободы.

Что касается первого аспекта проблемы (**положительного отношения к репатриантам**), то он подкреплен довольно значительной документальной базой. Прежде всего, это документы, создающие *международный имидж Советского государства* как такового, которое не оставалось равнодушным к судьбе своих граждан, куда бы их не занес лихой вихрь войны, всячески оказывало содействие их возвращению из далекого зарубежья в родные края. Это, в частности, документы Крымской конференции глав государств антигитлеровской коалиции (февраль, 1945 г.): «Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Британским Командованием», «Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под командованием Соединенных Штатов Америки», «Соглашение между Правительством Союза Советских Соци-

листических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии относительно освобожденных советских граждан в Соединенном Королевстве»; «технический протокол» к «крымским договоренностям» – подписанный 22 мая 1945 г. в немецком городе Галле «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников»; аналогичные «крымским» документам «Соглашение между СССР и Бельгией о репатриации их граждан, «перемещенных» вследствие войны» (13 марта 1945 г.), «Соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, которые находятся соответственно под контролем французских и советских властей» (26 июня 1945 г.).

Это документы, которыми обеспечивались *права репатриантов как граждан СССР*, – постановление Государственного Комитета Обороны СССР «Об организации приема возвращающихся на Родину советских граждан, насильно уведённых немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей» (24 августа 1944 г.), Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» (7 июля 1945 г.), «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» (17 сентября 1955 г.), постановления Совета Народных Комиссаров СССР «Об организации приема и устройства граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран» (6 января 1945 г.), «О снабжении продовольствием советских граждан, репатрируемых в Советский Союз» (10 сентября 1945 г.) и другие. Всего на протяжении 1944 – 1948 гг. правительством СССР было принято 67 постановлений, касающихся судеб репатриантов, из них 14 – об их льготах и материальном обеспечении.

К главнейшим правительственным *директивам по вопросам трудового и бытового обустройства репатриантов, их гражданских и социальных прав* относятся постановления «Об установлении особо нуждающимся репатрируемым советским гражданам денежного пособия не выше 300 рублей на одного человека» (22 февраля 1945 г.), «О разрешении въезда на территорию Украинской и Белорусской ССР в упрощенном порядке всем гражданам украинской национальности и белорусам, признавшим себя гражданами СССР» (14 июня 1946 г.), «О порядке назначения и выплаты пенсий военнослужащим,

получившим инвалидность во время пребывания в Красной Армии, на фронте и в плену» (9 июля 1946 г.), «О порядке назначения и выплаты государственных пособий многодетным и одиноким матерям, репатрированным в СССР» (19 сентября 1946 г.). Совместно с другими правительственными постановлениями и решениями они создавали *правовое поле*, которое регламентировало порядок жизни репатриантов в послевоенном советском обществе, определяло их права, обеспечивало основания для социального оптимизма.

23 октября 1946 г. через печатный орган высшей государственной власти СССР газету «Известия» репатриантам было официально сообщено, что по решению советского правительства возвратившиеся на Родину лица приобретают все права советских граждан и пользуются ими.¹

Так, на репатриантов, приступивших к трудовой деятельности в промышленно-производственной сфере, полностью распространялось действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, какими пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий. Это же касалось и репатриантов, работающих в сельском хозяйстве. Правительство СССР вменило в обязанность директорам предприятий и руководителям министерств предоставлять репатриантам работу по специальности и при необходимости переводить их по согласию на другие предприятия, где использовать по специальности. Репатриантам, работающим на предприятиях министерств угольной и лесной промышленности, а также черной металлургии, было разрешено выдавать денежный кредит на индивидуальное жилищное строительство в размере 15 тыс. руб. с погашением на протяжении 15 лет и, кроме этого, кредит до 5 тыс. руб. на хозяйственные потребности с погашением его на протяжении 5 лет. Репатрианты, работающие не по месту жительства семей, имели право перевезти их к себе за счет средств предприятия.

Репатрианты – бывшие военнопленные пользовались льготами, предусмотренными для демобилизованных воинов. Исполкомы местных Советов депутатов трудящихся, руководители предприятий и учреждений должны были предоставить им работу в месячный срок со дня прибытия к месту жительства. При предоставлении работы учитывались приобретенный ими в армии опыт и специальность. Бывшим военнопленным, возвратившимся в село, исполкомы районных и сельских Советов,

кроме устройства на работу, были обязаны предоставлять необходимую помощь в обустройстве хозяйства. Те пострадавшие от гитлеровской оккупации, которые возвратились в районы и столкнулись с проблемой ремонта или строительства жилища, имели право получить бесплатный лесорубный фонд, а также кредит от 5 до 10 тыс. руб. с погашением через 5 – 10 лет. Репатрианты-инвалиды, в том числе и получившие инвалидность на работе на военных заводах нацистской Германии, имели право на пенсионное обеспечение. Репатриантам-инвалидам, по определенным причинам попавшим на работу не по месту постоянного жительства, наравне с инвалидами Отечественной войны предоставлялось право оставить предприятие или учреждение для переезда домой. Всем рабочим и служащим время пребывания на оккупированной территории и в плену в непрерывный стаж работы не засчитывалось, однако общий трудовой стаж не прерывался. Репатриированные многодетные матери с момента возвращения получали право на помощь и льготы за многодетность на общих основаниях.²

Репатрианты, согласно Конституции СССР, имели право на бесплатное медицинское обслуживание, образование, свободу совести.

Это правовое поле расширяли решения республиканской и местной власти (постановление Совета Народных Комиссаров УССР от 2 марта 1945 г. «О распределении средств между исполкомами облсоветов депутатов трудящихся УССР на затраты по приему и устройству репатриированных советских граждан»,³ постановление Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У от 13 августа 1946 г. «О репатриации из Франции в Украинскую ССР граждан украинской национальности»,⁴ постановление Совета Министров УССР от 2 июля 1947 г. «О льготах и материальной помощи советским гражданам, переселяющимся в Украинскую ССР из Франции, Болгарии и Румынии»,⁵ постановление Каменец-Подольского облисполкома и бюро обкома КП(б)У от 10 июля 1945 г. «О встрече и отправке на родину репатриированных советских граждан»,⁶ решение Винницкого облисполкома от 21 июля 1947 г. «О льготах и материальной помощи советским гражданам, переселяющимся в Винницкую область из Франции, Болгарии и Румынии»,⁷ решение Черновицкого облисполкома от 14 декабря 1945 г. «О подготовке к приему и отправке на место постоянного пребывания советских граждан Черновицкой области в период зимы 1945 – 1946 го-

дов», ⁸ постановление того же облисполкома и Черновицкого обкома КП(б)У от 11 сентября 1946 года «О приеме, размещении и трудоустройстве репатриированных из Франции граждан СССР в Черновицкой области» ⁹ и многие другие).

Особо важное значение для утверждения провозглашенных государством гражданских прав и свобод тех, кто возвратился из нацистской каторги на родную землю, имело постановление Президиума Верховного Совета СССР от 1 декабря 1945 г. «О внесении в списки избирателей репатриированных граждан СССР», а также *участие репатриантов в выборах* в Верховный Совет СССР, Верховный Совет Украинской ССР, местные Советы депутатов трудящихся.

Как повествуют архивные источники, на Подолии послевоенные избирательные кампании прошли довольно успешно. В этом значительная заслуга и людей, угнанных в период гитлеровской оккупации края на нацистскую каторгу. В частности, в отчете отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме за 1 марта 1947 г. подчеркивается, что во многих районах отмечено активное участие репатриированных советских граждан в подготовке и проведении выборов в Верховный Совет Украинской ССР, состоявшихся 9 февраля 1947 года. «...Так, например, в Черновицком районе [Винницкой области] проживают 32 репатрианта, все они приняли участие в голосовании. По сообщению участковых избирательных комиссий, в селах Букатинка, Саенка, Володиевцы репатриированные граждане явились на избирательные участки в 6 часов утра.

В селе Безводном репатриированная гражданка Крушельницкая активно работала как агитатор в период подготовки к выборам...

В Литинском районе в подготовке к выборам в Верховный Совет УССР работали на участках 18 репатриированных, из них 4 чел. – члены исполкомов сельсоветов, 1 член правления колхоза.

В Самгородоцком районе агитаторами работали 29 чел. репатриантов». ¹⁰

Особую активность репатрианты проявили в Гайсинском районе, где «...в период выборов в Верховный Совет УССР членами избирательных комиссий было избрано 6 репатриантов и 108 работали агитаторами на участках...». ¹¹

21 декабря 1947 г. состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся. Подготовка к ним отмечена еще боль-

шей активностью подолян. В частности, на Виннитчине «свыше 65 тысяч агитаторов разъясняли трудящимся избирательный закон и Сталинскую Конституцию. Создано 1600 агитпунктов. В избирательных комиссиях работало 13000 чел.». ¹² К этой важной работе привлекались и репатрианты. Так, в Джулинском районе из их числа работали агитаторами 52 чел., Муровано-куриловецком – 36, Тростянецком – 16, Турбовском – 28, Хмельникском – 185 чел. ¹³ Почти сто процентов репатриантов, занесенных в списки избирателей, в день выборов явились на избирательные участки, чтобы отдать свой гражданский голос.

Однако в первые послевоенные годы *репатрианты имели право лишь избирать*, то есть именно отдавать свой голос, чтобы в угоду сталинскому руководству более убедительным было единодушие в поддержке «нерушимого блока членов ВКП(б) и беспартийных», а также заниматься агитационной работой; некоторые бывшие остарбайтеры были включены в состав избирательных комиссий.

А вот с избранием репатриантов депутатами Советов дело оказалось более сложным – с ведома государственно-партийной власти, которая заранее планировала качественный состав представительных органов разных уровней, их имена вообще не предлагались для внесения в избирательные бюллетени, или же вносились в довольно ограниченном количестве. Так, ни один подолянин-репатриант в послевоенное время не стал депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета Украинской ССР (хотя на начало 1950 года в него все же были избраны 2 репатрианта. ¹⁴ Не из Подолии).

Репатрианты избирались разве что в сельские Советы. Но таких были единицы. Как свидетельствуют документы той поры, во время выборов 21 декабря 1947 г. «...по Мурованокуриловецком району в селе Жван депутатом сельского Совета депутатов трудящихся избран репатриированный советский гражданин Олейник Иван Николаевич, рождения 1922 года, работает электромонтажником, а по Хмельникскому району в селе Великий Мытник... – Вышинский Степан Иванович, рождения 1918 года, работает директором школы...». ¹⁵ О других фактах избрания репатриантов депутатами местных Советов в документе (а это докладная записка отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме областному комитету КП(б)У) речь не идет. Вероятно, остальным репатриантам односельчане просто

«не оказывали доверия», хотя население относилось к репатриантам довольно доброжелательно, сочувствовало им, было готово помочь (и помогало, чем могло). Особенно в сельской местности.

Репатрианты также имели право принимать участие (причем очень широкое – этому государство всесторонне содействовало) в *передвыборном социалистическом соревновании*.

Организовывалось оно по указанию из Центра. В основу ложилось определенное патриотическое начинание, которое «подхватывали массы», проявляя при этом «высокий трудовой героизм», стараясь воплотить намеченное в жизнь строго к определенной дате. Так, идеологически-патриотической мотивацией соревнования в период подготовки к выборам в местные Советы депутатов трудящихся (21 декабря 1947 г.) был почин ленинградцев по завершению очередной «сталинской пятилетки» за четыре года. При таком намерении, разумеется, нельзя было обойтись без высоких производственных показателей, перевыполнения норм и взятых обязательств. Сознывая это, а главное, желая самоотверженно поработать на пользу родной Отчизны, репатрианты-подольяне активно откликнулись на патриотическую инициативу:

«Агитаторы-звеньевые с. Кузьминцы [Гайсинского района] Пустовит Мария, Кудревус Мария, Черненко Мария взяли обязательство в 1947 г. вырастить по 800 центнеров свеклы с гектара». ¹⁶ Таким же было обещание их коллег из с. Краснопилки того же района Павлины Сидорчук и Любови Косенко. «...Такие же высокие обязательства взяли на себя многие колхозники из репатриантов», ¹⁷ как на Виннитчине, так и на Каменец-Подольщине.

Учитывая положительный настрой репатриантов на работу, высшее союзное и республиканское партийно-государственное руководство всячески привлекало репатриантов к массовому социалистическому соревнованию не только во время предвыборных кампаний, а и при проведении важнейших народнохозяйственных мероприятий.

Поскольку подавляющее большинство бывших остарбайтеров работало в сельскохозяйственном производстве, то государству было очень важно, чтобы пламя трудового соперничества разгоралось в первую очередь здесь и направлялось на успешное проведение весеннего сева, страды, осеннего комплекса полевых работ, на эффективное развитие общест-

венного животноводства, качественный ремонт сельскохозяйственной техники и оборудования и т. п. Это подтверждает, в частности, инструктивное письмо заведующего отделом по делам репатриации при Совете Министров УССР М. Зозуленко, направленное 28 марта 1947 г. в областные отделы по делам репатриации.

«Придавая исключительное значение реализации постановления ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У «О мерах по подъему сельского хозяйства в послевоенный период» и учитывая то, что основная масса репатриантов трудоустроена в сельском хозяйстве, – говорится в письме, – отдел по делам репатриации при Совете Министров УССР обращает Ваше внимание на привлечение к социалистическому соревнованию репатриированных граждан за высокие производственные показатели в весенней посевной кампании и в борьбе за высокий урожай в 1947 году...

Организуя учет высоких производственных показателей тех репатриантов, которые перевыполняют индивидуальные, звеньевые, бригадные, колхозные и совхозные договора. Покажите этих репатриантов, их место в труде и каких показателей они добились...».¹⁸

Несмотря на то, что социалистическое соревнование во многих случаях носило чисто формальный характер, оно способствовало возрождению довольно популярного до войны стахановского движения, базировавшегося на невиданно высоком энтузиазме людей, направленном на повышение производительности труда, а значит – увеличение объемов валового продукта, помогало быстрее залечить раны, нанесенные народнохозяйственному комплексу страны гитлеровским нашествием. Это отвечало внутрискратегическому курсу, осуществляемому высшим партийно-государственным руководством СССР. А потому государство поддерживало стахановское движение среди репатриантов, прославляло передовиков социалистического соревнования, ударников производства и даже не скупилось на *высокие награды*. Так, в 1948 г. указами Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями Советского Союза была награждена большая группа репатриантов, в том числе подолян. На Винничине высшего государственного знака отличия – ордена Ленина – удостоены 3 чел., ордена Трудового Красного Знамени – 5 чел., медали «За трудовое отличие» – 2 чел., медали «За трудовую доблесть» – 10 чел.¹⁹

На Каменец-Подольщине ордена Ленина удостоены 4 чел., Трудового Красного Знамени – 25 чел., а подольские звеньевые Зинаида Павловна Скопецкая и Евгения Васильевна Бортыняк стали Героями Социалистического Труда.²⁰

Всего по Украине среди репатриантов (на начало 1950 г.) было 19 Героев Социалистического Труда, 2 лауреата Сталинской премии.²¹

В то же время социалистическое соревнование было не чем иным, как *скрытой формой получения государством дополнительной прибыли*, трудовой эксплуатации его участников (это уже другой аспект проблемы – **отрицательное отношение к репатриантам**). Ведь, чтобы достичь уровня передовиков, возглавить список ударников, участникам соревнования нужно было не считаться ни с силами, ни со временем, до конца отдаваться работе. И только ей. В конечном счете, недополучая из-за введенных государством тарифов оплаты труда немалой части заработанных средств, удовлетворяясь в большей мере общественным признанием, моральными стимулами и поощрениями (вручением правительственных наград, занесением на Доску почета, награждением переходящими красными знаменами, вымпелами, дипломами, грамотами, объявлением благодарностей и т. п.). Наиболее ярко это видно на примере отношения к труду членов рабочих батальонов и его оплаты среди этой категории репатриантов.

Еще раз возвратимся к докладной записке от 13 декабря 1946 года инспектора отдела по делам репатриации при Винницком облисполкоме об условиях труда репатриантов на авторемонтном заводе № 45 г. Винницы. В ней отмечалось, что среди репатриированных, работавших на этом предприятии, не было ни одного, кто бы не выполнял производственных норм. Большинство работающих их перевыполняли, а значит, могли рассчитывать на высокую зарплату. Однако этого не наблюдалось. Как, в частности, повествуется в документе, «ряд рабочих, не смотря на высокий процент выполнения норм, получают низкую заработную плату из-за существующих на заводе неправильных расценок. Например, репатриированный Самадай выполнил за ноябрь 120 % нормы, а ему насчитаны 260 рублей зарплаты».²² Попутно отметим, что за выполнение нормы на 250 – 350 % работающий на данном предприятии теоретически мог получить 1800 рублей (тоже мало, если учесть, что в то время, фактически в условиях послевоенного голода,

буханка черного хлеба стоила на базаре около 300 руб.).

Фактически *мизерный заработок за повседневный нелегкий труд получали и колхозники*, в том числе *репатрианты*, направленные в коллективные хозяйства. Так, в колхозе «Октябрь» с. Большая Бушинка Немировского района на один трудодень выдавали лишь по 600 грамм зерна.²³

Вообще, этот показатель в подольских колхозах колебался от нескольких сотен граммов до нескольких килограммов и явно не отвечал фактическим трудовым затратам, что порождало внутренний протест колхозников. Многие, «погорев» на энтузиазме, теряли интерес к труду, который от них требовался. Государство же не нашло другого средства борьбы с этим нежелательным для него явлением, кроме как обратиться к суровому администрированию. *Невыработка минимума трудодней рассматривалась как тяжелое преступление*, тянувшее за собой не менее тяжкое наказание.

21 февраля 1948 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве, ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Продолжительность высылки в районы Коми АССР, Архангельской и Кировской областей, Карело-Финской ССР составлял 8 лет. На лиц, высланных за пределы УССР на основании указа от 21.02. 1948 г., распространялось действие постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 08.01.1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». ²⁴ Выселенцев арестовывали и под конвоем отправляли в малообжитые районы сурового Севера и Сибири как откровенных врагов народа.

Совершенно закономерно, что кроме патриотической мотивации по отношению к труду и желания заработать на кусок хлеба, *репатрианты своим трудовым старанием преследовали еще одну важную для себя цель – оградиться от возможных репрессивных мероприятий государства*. Однако, несмотря на искреннее стремление пополнить ряды стахановцев, они, еще находясь в Германии, были отнесены сталинским руководством к *неблагополучной категории*, за которой устанавливался *надзор*, не снимавшийся, как уже упоминалось, и после их приезда домой. Более того, дело дошло до проведения унижительной процедуры дактилоскопии пальцев едва ли не всех возвратившихся из нацистской каторги на Родину.

Откровенный или скрытый надзор продолжался даже при

условии, что недавние остарбайтеры добросовестно работали на определенном трудовом участке, не проводили никакой враждебной пропаганды, были законопослушными, ничем не выделялись среди остальных членов общества. Надзор осуществлял ряд государственных структур, прежде всего, службы НКВД, а также в определенной мере партийные органы. Вот какая фраза, например, зафиксирована в протоколе рядового колхозного партсобрании с. Большой Бушинки Немировского района:

«Нельзя считать именно тех врагами, которые сейчас хорошо работают, а во время немецкой оккупации работали на немцев. Ну и пусть работают. Мы их контролируем, за ними наблюдаем...». ²⁵

Для удобства такого «контроля и наблюдения» решением союзного правительства (постановление СНК от 6 января 1945 г. № 30-12 с «Об организации приема и устройства граждан СССР, репатрируемых из Германии и оккупированных ею стран») репатриантов, как уже упоминалось, административно «привязали» к конкретной местности – они имели право жить лишь там, где проживали до войны и где их хорошо знали. А чтобы контроль не был скоротечным, на местах не спешили с выдачей им паспортов.

«Паспортизацию репатрианты проходят на общих основаниях, – сообщал в информационном отчете от 1 января 1947 г. заведующий отделом по делам репатриации при Каменец-Подольском облисполкоме тов. Сивачек. – В нашей области *паспортизация* осуществляется лишь в городах и райцентрах, репатрианты, проживающие в упомянутых местах, паспорта получили. В селах паспортизация не проводится». ²⁶

Итак, основная масса репатриантов оставалась без паспортов, без которых добровольный переезд в другой регион УССР или СССР был практически невозможным. Кроме этого, *без паспорта репатрианты не могли чувствовать себя полноправными гражданами СССР.*

Их также не спешили принимать в вузы, выдвигать на ответственные руководящие должности, за исключением разве что должностей руководителей среднего звена – бригадиров, звеньевых, заведующих фермами, сельскими клубами. Отмечались случаи, когда отдельные репатрианты не могли устроиться по специальности. Так, Теофипольский районный отдел охраны здоровья отказался принять на работу фельдшера

Портного, предъявляя ему абсурдные обвинения. Лишь после вмешательства Каменец-Подольского облисполкома он был трудоустроен и работал довольно хорошо.²⁷

Вообще среди интеллигенции по состоянию на 1 января 1947 г. в Каменец-Подольской области оставались нетрудоустроенными 78 учителей и 4 агронома из числа возвратившихся с нацистской каторги.²⁸

Довольно много было лиц, нуждающихся в материальной помощи, но из-за предубежденного отношения местной власти ее так и не получили, или же она оказалась мизерной.

Значительное количество трудностей субъективного характера, с которыми репатриантам пришлось столкнуться на местах по возвращении домой, породило поток справедливых жалоб репатриантов в советские и партийные органы, в том числе в союзные и республиканские.

4 августа 1945 г. состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б), на котором был заслушан доклад Управления по делам репатриации и сообщения Совнаркомов РСФСР, УССР и БССР об обустройстве репатриантов и принято специальное постановление ЦК ВКП(б) № 225 «Об организации политико-воспитательной работы с репатрированными советскими гражданами». ²⁹ В документе отмечалось, что отдельные партийные, советские руководители стали на путь огульного недоверия к репатрированным советским гражданам и не ведут решительной борьбы с имеющимися фактами их оскорблений и презрения. А потому «нужно помнить, что возвратившиеся советские граждане снова получили все права... и должны привлекаться к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни». ³⁰

Постановление в определенной мере способствовало смягчению предвзятости к репатриантам. Местные партийно-государственные органы стали более лояльными, сосредоточили внимание на трудоустройстве репатриантов, усилении политико-пропагандистской работы среди них. Но само недоверие к ним продолжало оставаться, как и оставалось нежелание тех же советских и партийных органов на местах по-настоящему обратиться лицом к проблемам репатриантов, перестать видеть в них «нелюдей», скрытых или откровенных противников социалистического строя. Это беспокоило даже отдельных высших партийно-государственных работников республики.

Так, Л. Каганович на заседании Политбюро ЦК КП(б) Украины, состоявшемся 13 мая 1947 года, негодовал:

«Откуда такое высокомерие у коммунистов, партийных работников к человеку, который попал в беду? Пусть он хоть в чем замаран – надо очистить, нельзя смотреть на него, как на обреченного, ведь он гражданин Советского Союза. Особенно это нужно учесть в отношении к репатриированным. Часть из них не переносит такого отношения. Некоторые наши товарищи упрощают эти отношения донельзя...». ³¹

Лишь со временем в отчетах, направляемых областными отделами по делам репатриации ³² в высшие государственные инстанции, начала появляться фраза: «Грубого и политически вредного отношения со стороны руководящих товарищей к репатриантам нет, отношение общественности к репатриантам хорошее...». ³³

Однако и при этих условиях государственно-партийными органами тщательно собирались и обобщались данные об антисоветских настроениях среди репатриантов, о переписке их с родственниками, оставшимися за рубежом. Подозрение к ним нарастало по мере развертывания в СССР очередных кампаний по борьбе то с иностранщиной, то с космополитизмом, и других. Им была закрыта дорога в отделы виз и регистраций для получения заграничных паспортов. Вплоть до «хрущевской оттепели» (середины 50-х годов) они не могли вступить в партию (КПСС). Разве что в комсомол. Имели место некоторые другие ограничения их гражданских прав.

Репатрианты не были отвергнуты советским обществом, но в то же время находились как бы на его обочине – как неблагополучная категория населения, как потенциальные враги народа, как люди «второго сорта». Действительность, с которой они столкнулись в послевоенное время, заставила их замкнуться в себе, не выдвигаться, скрывать свое горькое прошлое, стыдиться и бояться его на протяжении не одного десятилетия.

Итак, отношение к репатриантам высшего партийно-государственного руководства СССР, олицетворяющего Советское государство, и высшего партийно-государственного руководства УССР, олицетворяющего Украинское государство в составе СССР, было неоднозначным, нередко противоречивым, характеризовалось как положительными, так

и отрицательными моментами. Наиболее полно оно проявилось в принятых ими директивных документах, а также в реализации внутренней политики относительно этой категории людей. Определяющей была роль союзного руководства, в руках которого сосредоточивалась реальная власть в стране и чьи решения были обязательными для исполнения всеми союзными субъектами.

Документальная база, принятая высшим партийно-государственным руководством СССР относительно репатриантов, условно делилась на четыре основных блока:

- документы, которые создавали международный имидж Советского государства как твердо и последовательно борющегося за возвращение на Родину всех своих граждан, оказавшихся в результате Второй мировой войны по разным причинам за его пределами;

- документы, которые обеспечивали основные права репатриантов как граждан СССР;

- документы по вопросам трудоустройства и социально-бытового обслуживания репатриантов после их возвращения на Родину;

- документы, которые ущемляли права и свободы репатриантов как «неблагополучной категории населения».

Совместно с аналогичными документами, принятыми на республиканском и местном уровнях, они определяли правовое поле, регламентирующее порядок жизни репатриантов в послевоенном советском обществе.

В юридически-правовом плане репатрианты были уравнены в правах с остальными советскими гражданами, как и последние, пользовались социальными льготами и защитой.

Среди основных прав, предоставленных государством возвратившимся домой из нацистской каторги, было избирательное. Они принимали участие в выборах в Верховный Совет СССР, Верховный Совет Украинской ССР, в местные Советы депутатов трудящихся. Отдельные лица привлекались к проведению выборов как агитаторы и члены участковых избирательных комиссий. Тем не менее, все репатрианты имели возможность лишь избирать. Только незначительное количество их стало депутатами местных Советов.

Другим важным правом, обеспеченным государством, было право на труд. Репатрианты рассматривались в СССР как су-щественный резерв и мощный источник рабочей силы.

Поэтому государство было заинтересовано в использовании их рабочих рук, максимально позаботилось о трудоустройстве буквально каждого, возвратившегося на Родину.

Оно также стимулировало социалистическое соревнование, способствовавшее возрождению стахановского движения, повышению производительности труда. Для его развития государство не скупилось даже на высокие награды, забывая однако о справедливой зарплате работающих, особенно в сельской местности, где была сосредоточена основная масса репатриантов. Исходя из того, что соревнование является довольно эффективной формой быстрого получения дополнительного валового продукта, оно старалось выжать из участников трудового соперничества все силы. К тем же, кто отказывался ударно работать (в частности, не выработывал установленного минимума трудодней), применяло чрезмерно суровые меры, как к настоящим врагам народа. Поэтому добросовестный труд репатриантов следует рассматривать и как своеобразную защиту от возможных репрессий со стороны того же государства.

Кроме дешевой рабочей силы, партийно-государственное руководство СССР, а заодно и партийно-государственное руководство УССР, рассматривали репатриантов как неблагополучную категорию населения, вероятных врагов народа. Поэтому за всеми возвратившимися с нацистской каторги осуществлялся открытый и скрытый надзор. Имели место и другие притеснения гражданских прав и свобод бывших остарбайтеров со стороны государства: унижительная дактилоскопия пальцев по возвращении домой, административная привязка к конкретной местности, неполная паспортизация, невозможность вступить в КПСС, осуществить поездку за границу (даже с туристической целью), препятствия в получении высшего образования, карьерном росте и т. п.

По воле государства репатрианты оказались на обочине общества, в течение очень многих лет несли унижительное нравственно-психологическое бремя людей «второго сорта».

* * *

Как видим:

- необходимость репатриации на Родину миллионов насильственно вывезенных гитлеровцами людей оказа-

лась объективным следствием разгрома нацистской Германии, предопределялась экономическими и политическими причинами;

- репатриация советских граждан из бывшего рейха осуществлялась из зон, находящихся под контролем вооруженных сил СССР и войск союзников, позже – стран, находящихся под их влиянием;

- репатриация оstarбайтеров условно делится на три периода: военный, послевоенный, периода «холодной» войны. Первый период (1944 г. – май 1945 г.) характеризуется возвращением на Родину советских граждан, освобожденных Красной Армией во время перемещения Восточного фронта на заключительных этапах Великой Отечественной войны. Второй (май 1945 г. – февраль 1946 г.) – массовым возвращением бывших «восточных рабочих» из всех оккупационных зон Германии и других стран. Третий (март 1946 г. – 50-е года) – резким изменением бывшими союзниками СССР по антигитлеровской коалиции собственной позиции относительно осуществления репатриации, фактическим ее прекращением. Во время первого периода СССР в осуществлении репатриации руководствовался политическими и экономическими интересами. Такими же были его цели во втором периоде; у союзников преобладали экономические. В третьем периоде, который отличался нарастающим идеологическим противостоянием между Востоком и Западом, обе стороны преследовали политические цели;

- массовой репатриации оstarбайтеров из зон союзников предшествовали кропотливые переговоры между СССР и его партнерами по антигитлеровской коалиции о взаимопередаче сторонами их подданных, освобожденных из неволи, поскольку основная масса оstarбайтеров была освобождена в результате стремительного продвижения Западного фронта, а значительное количество военнопленных США, Англии – Красной Армией. В результате соглашений репатриация в СССР гражданских лиц решалась в контексте возвращения домой военнопленных стран-союзников;

- осуществление продолжительного крупномасштабного мероприятия, каким оказалась репатриация, было по силам лишь государству. СССР проявил исключи-

тельную настойчивость в возвращении на Родину максимально возможного количества своих бывших граждан, оказавшихся в результате Второй мировой войны за его пределами, возложив на себя все материально-технические затраты и организационное обеспечение на разных уровнях практической реализации данного неординарного мероприятия;

- чрезмерно большое количество репатриантов серьезно подорвало идеологические постулаты сталинской пропаганды о поголовном патриотизме советских людей, о том, что все они до единого поднялись на защиту родной Отчизны. А потому высшим партийно-государственным руководством СССР по воле самого «вождя народов» остарбайтеры были отнесены к неблагополучной категории населения, вероятным врагам народа, хотя такими они себя не считали, доказав свою любовь к Родине самоотверженным трудом, готовностью помочь ей всем, что было в их силах, даже финансово;

- предубежденность со стороны государства советские «перемещенные лица», в том числе насильственно депортированные гитлеровцами жители Подолии, ощутили уже на первой стадии репатриации, проходя обязательную для всех фильтрацию. Это отношение не изменилось и в последующие годы, массово порождало трудности субъективного характера, которые в итоге определяли характер и крайне низкий уровень жизни репатриантов по возвращении на Родину. Предубежденность со стороны государства ограничивала их гражданские права и свободы;

- декларативно уравнивая репатриантов в гражданских правах со всеми жителями страны, государство реально обеспечило им лишь конституционное право на труд. Повсеместно на всех уровнях бывшие остарбайтеры рассматривались как важный источник рабочей силы, который нужно было использовать с максимальной эффективностью. Их трудовой вклад в восстановление разрушенного войной народного хозяйства и социально-культурной сферы страны, в том числе Украинской ССР, подольского края, довольно существенен, особенно велика в нем доля репатрианток;

- несмотря на колоссальные усилия советской сторо-

ны по возвращению на Родину всех своих бывших подданных (в особенности в период «холодной войны»), часть оstarбайтеров осталась на Западе, так и не пожелав снова стать гражданами СССР.

¹ Известия. - 1946. - 23 октября.

² Земсков В. К вопросу в репатриации... - С. 39; ГАВО, Ф. Р - 1998, оп. 2, д. 52, л. 237.

³ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 380, л. 8.

⁴ ГАЧО, Ф. П -1, оп. 2, д. 252, л. 44.

⁵ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 395, л. 10 - 12.

⁶ ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 6, д. 8, л. 33.

⁷ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 124, л. 242 - 243.

⁸ ГАЧО, Ф. Р - 2482, оп. 1, д. 1, л. 4.

⁹ ГАЧО, Ф. Р - 2482, оп. 1, д. 7, л. 9.

¹⁰ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 390, л. 26; 27.

¹¹ Там же; - Л. 37.

¹² ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 174, л. 26.

¹³ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 393, л. 46.

¹⁴ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 311.

¹⁵ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 393, л. 46.

¹⁶ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 390, л. 37.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 394, л. 29 - 30.

¹⁹ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 393, л. 44 - 45.

²⁰ ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 6, л. 114 - 116.

²¹ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 311.

²² ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 382, л. 52.

²³ ГАВО, Ф. П - 152, оп. 13, д. 152, л. 41.

²⁴ Там же; - С. 7.

²⁵ Там же; - С. 26.

²⁶ ГАХО, - Ф. Р - 338, оп. 14, д. 3, л. 7.

²⁷ Там же; - Л. 6.

²⁸ Там же.

²⁹ Аналогичные решения вскоре приняли ЦК КП(б) Украины, областные комитеты партии (ГАЧО, Ф. П - 1, оп. 2, д. 23, л. 48 - 49).

³⁰ Полян П. Жертвы двух диктатур... - С. 311 (со ссылкой на сборник документов "Пропаганда и агитация в решениях ВКП(б)". - М., 1947. - С. 486).

³¹ ЦГАОО Украины, Ф. 1, оп. 6, д. 1104, л. 52.

³² Отделы по делам репатриации при облисполкомах существовали до начала 1953 года (ГАХО, Ф. Р - 338, оп. 14, д. 9, л. 6).

³³ ГАВО, Ф. Р - 2700, оп. 5, д. 390, л. 97.

Остарбайтеры как исторический феномен

(выводы)

Тема остарбайтеров – недостаточно исследованная страница истории Украины. Она вызывает научный интерес, требует основательного осмысления исторической правды об их судьбе.

Нацистский оккупационный режим, установленный на Подолии, как и по всей Украине, был преступной военно-полицейской и административно-хозяйственной системой органов и мероприятий, направленных на колонизацию, беспощадное экономическое ограбление, аннексирование оккупированных областей, ликвидацию в них национальной государственности и культуры.

В чрезвычайно тяжелом положении оказалось население оккупированных территорий. Фактически оставленное Красной Армией на растерзание врагу, не имея эффективной защиты со стороны народных мстителей (особенно, на первых порах, когда партизанская сеть лишь зарождалась), оно оказалось под абсолютной властью гитлеровских захватчиков, рассматривалось ими как расово неполноценное, подлежащее планомерному уничтожению, как военный трофей. А потому захватчики соответственно и распоряжались им, не делая никакой разницы между людьми, скотом, захваченным имуществом. Против гражданского населения (подоляне не стали здесь исключением) был развязан массовый террор, который довольно быстро повсеместно перерос в геноцид.

С первых дней установления нацистского оккупационного режима поработенное население Украины оказалось объектом насильственной эксплуатации. Поскольку нацисты также рассматривали его как дармовую рабочую силу, одной из форм геноцида стала массовая депортация «восточных рабочих» на каторжные работы в нацистский рейх.

Осуществляя так называемые «вербовки» рабочей силы, гитлеровцы активно использовали пропагандистский обман и социальное давление, но в основном – прибегали

к откровенному насилию. Лишь незначительная часть украинцев, лишенных средств для существования, обманутых геббельсовской пропагандой, выехала на работы в Германию добровольно.

Депортируя гражданское население с оккупированных территорий, нацисты, прежде всего, старались ликвидировать угрожающий дефицит рабочей силы в собственной экономике, нацеленной на ведение войны за мировое господство, заставить таким образом подневольных рабочих принимать участие в этой войне на стороне Германии, против родной страны.

Сделав акцент на поголовный вывоз из Украины (Подолии) молодежи, нацисты старались добиться фактической стерилизации заселенной «неполноценными» славянами обширной территории от продуктивных сил, ведь тотальная депортация этой наиболее активной части общества подрывала биологические корни этноса, лишала украинскую нацию полноценного развития в будущем. Обезлюднивая Подолию, как и другие захваченные территории, они готовили условия для переселения сюда колонизаторов – немецких господ.

Кроме того, вывозя из Украины (Подолии) население, способное держать в руках оружие, нацисты преследовали еще и другую цель – лишить поработенный народ возможности вести активную освободительную борьбу, а в случае отступления – человеческого резерва для пополнения рядов Красной Армии, восстановления разрушенного народного хозяйства СССР.

Насилие оккупантов породило противодействие самого населения, создало условия для широкого развертывания партизанской и других форм борьбы. Партизанское движение, деятельность большевистско-комсомольского подполья, националистических организаций, а также особенности политики использования румынской оккупационной администрацией трудовых ресурсов Северной «Транснистрии», в значительной мере воспрепятствовали нацистским оккупантам осуществить депортацию в запланированных объемах, в том числе из Подолии. Главной же преградой было успешное наступление Красной Армии. Срыв планов экономического использования продуктивных сил оккупированных территорий СССР заметным образом по-

влият на течение и результаты войны и стал важным фактором ее стратегии.

Однако гитлеровцам все же удалось достичь немало. За время оккупации из Советского Союза на каторжные работы в Германию было вывезено около 5-и миллионов человек гражданского населения. Суммарно – это количество жителей Латвии, Армении и половины Эстонии. Таких объемов депортации гражданского населения противоположной воюющей стороной с целью использования его для собственных нужд история еще не знала. Вот почему остарбайтеров следует рассматривать и как трагический исторический феномен, рожденный нацистской агрессией против СССР.

Труд остарбайтеров, депортированных в рейх, массово использовался в сельском хозяйстве, тяжелой и добывающей промышленности, в строительстве, на транспорте и в других важных сферах военной экономики Германии. Все депортированные испытывали жестокую дискриминацию и насилие, их условия жизни и труда были невыносимы. Отношение к ним осуществлялось по принципу: «максимум эксплуатации при минимальных затратах», что в особенности характерно для положения «восточных рабочих», занятых в промышленном производстве. Лагеря, в которых они жили, однозначно можно считать резервациями, где властвовали голод, холод, постоянная угроза смерти от физического истощения, болезней и своеволия эксплуататоров, где обычным явлением была изолированность от мира, где пленники не имели никаких прав, подвергались беспощадной трудовой эксплуатации. Вот почему массы депортированных рабочих – это не просто потерпевшие во время войны, а ее жертвы, сознательно превращенные агрессором в обычных рабов. Причем в одном из наиболее развитых капиталистических государств Европы, в XX веке, когда человечество уже давно должно было забыть, что такое рабство. Такого возвращения в прошлое на десятки столетий история тоже не знала.

Не менее существенно, что рабочие с Востока благодаря господствующей нацистской идеологии расовой неполноценности народов использовались в Германии в основном нерационально, не по специальности, их принудительный труд не отличался высокой производительностью.

тью, был регрессивным. Поэтому своим массовым присутствием в военной экономике рейха оstarбайтеры способствовали ее стагнации, что в определенной мере привело к поражению гитлеровской Германии во Второй мировой войне.

Преисполненной драматизма оказалась их жизнь по возвращении из нацистской каторги.

Сама репатриация предопределялась как экономическими, так и политическими факторами, была сложным, продолжительным процессом, происходила на фоне довольно непростых взаимоотношений (особенно в период «холодной» войны) между СССР и его недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. Советский Союз рассматривал огромную армию оstarбайтеров, возвращающихся на Родину, как важный, довольно уместный резерв трудовых ресурсов. Поэтому последовательно старался возвратить максимально большее количество бывших своих граждан, которые снова оказывались под его юрисдикцией, для восстановления и развития народного хозяйства, для службы в Вооруженных Силах. Кроме того, он прилагал усилия, чтобы не допустить новой волны массовой эмиграции из числа оказавшихся в результате войны за его пределами.

Трудности, которые испытали репатрианты в длинной дороге домой и по возвращении в родные места, носили в основном субъективный характер. По воле сталинского руководства оstarбайтеров отнесли к неблагоприятной категории населения. Поэтому довольно продолжительное время отношение к ним было как к вероятным врагам народа. На протяжении десятков лет им пришлось жить в условиях унижения, подозрения, негласного надзора за ними. И хотя они не были отвергнуты своей Родиной, однако продолжительное время находились как бы на обочине советского общества.

Иллюстративные документы

Список литературы и источников

Сборники документов и материалов

Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1971. – 527 с.

Архіви окупації. 1941 – 1944 / Держкомархів України; Упоряд. Н. Маковська. – К.: Видавн. дім “Києво-Могилянська академія”, 2006. – Т. 1. – 872 с.

Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941 - 1945 / Гол. редколегія: голова І. О. Герасимов, заст. голови І. Т. Муковський, П. П. Панченко, відп. секретар Р. Г. Вишневський. – К.: Пошуково-видавниче агентство “Книга Пам'яті України”, 2000. – 944 с.

Белорусские оstarбайтеры: Документы и материалы / Сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамуско и др. / В 3 кн.: Кн. 1. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 – 1942). – Мн.: НАРБ, 1996. – 306 с.; Кн. 2. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1943 – 1944). – Мн.: НАРБ, 1997. – 472 с.; Кн. 3, часть 1. Репатриация (1944 – 1951). – Мн.: НАРБ, 1998. – 368 с.; Кн. 3, часть 2. Репатриация (1944 – 1951). – Мн.: НАРБ, 1998. – 310 с.

В боротьбі за Українську державу. Есеї, спогади, свідчення, літописання, документи Другої світової війни / За ред. М. Марунчака. – Вінніпег, 1990. – С. 925 – 989.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945. Краткая история / Ред. комиссия: Поспелов П. Н. (пред.) и др. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Воениздат, 1970. – 628 с.

Великая Отечественная война 1941 – 1945: энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. Ред. коллегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин, В. И. Канатов и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.

Вінниччина в роки Великої Вітчизняної війни (1941 – 1945 рр.): Збірник документів і матеріалів / Редколегія: А. Ф. Олійник, М. Л. Бабій, С. С. Байда та ін.; упорядники М. Л. Бабій, А. І. Бабенко, С. С. Байда та ін.. – Одеса: Маяк, 1971. – 308 с.

Вінок безсмертя. Книга-меморіал / Редколегія: О. Ф. Федоров (голова), В. А. Маняк (кер. колективу авт.-упоряд.) та ін. – К.: Видавництво політичної літератури України. – 1988. – 578 с.

В фашистском аду: Рассказы советских людей, побывавших в гитлеровской неволе. – М., 1943. – 47 с.

Днепропетровская область в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941 – 1945 гг.): Сборник документов и материалов / Гл. ред. А. Т. Стеценко. – Днепропетровск: Кн. изд-во, 1962. – 362 с.

Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. – М.: Политиздат, 1945. – 392 с.

Женщины Равенсбрюка / Обработка материала и подготовка к печати Э. Бухман. Пер. с нем. Г. В. Кычаковой. – М.: Изд-во иностран. литературы, 1960. – 178 с.

Житомирщина у Великій Вітчизняній війні 1941 – 1945 рр.: Збірник документів і матеріалів / Ред. колегія: О. С. Чорнобривцева (відп. ред.) та ін. – К.: Наукова думка, 1969. – 291 с.

Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Сборник документов / Ред. кол.: И. Ф. Воробьев (ред.) и др. – Запорожье: Кн.-газ. изд-во, 1959. – 363 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг. – в 6-и т. / Ред. комиссия: Пospelов П. Н. (пред.) и др. – М.: Воениздат, 1960 – 1965.

История второй мировой войны, 1939 – 1945. – В 12-и т. / Гл. ред. комиссия: А. А. Гречко (пред.), П. А. Жилин (зам. пред.), Е. М. Жуков (зам. пред.), Г. А. Арбатов и др. – М.: Воениздат, 1973 – 1982.

“Історія застерігає”: Трофейні документи про злочини німецько-фашистських загарбників та їх пособників на тимчасово окупованій території України в роки Великої Вітчизняної війни. – К.: Політвидав України, 1986. – 264 с.

История Коммунистической партии Советского Союза. – В 6-и т. / Главн. редакция: П. Н. Пospelов (пред.) [и др.] – Т. 5. – Кн. 1: Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938 – 1958 гг.). Книга первая (1938 – 1945 гг.) / Ред. тома: Ю. П. Петров, В. С. Зайцев (рук.), Б. С. Тельпуховский и др. – М.: Политиздат, 1970. – 723 с. с илл.

Історія міст і сіл Української РСР: Хмельницька область / Голова Головної редколегії Тронько П. Т.; Редколегія тому: Мехеда М. І. (гол. редколегії), Главак Т. В. (заст. гол.), Галай Д. М. (відп. секретар редколегії), Гаврик Ю. О. та ін. – К.: Головна ред. Укр. Рад. Енциклопедії, (Інститут історії АН УРСР), 1971. – 708 с.

Історія міст і сіл Української РСР: Черкаська область / Голова Головної редколегії Тронько П. Т.; Редколегія тому: Стешенко О. Л. та ін. – К.: Головна ред. Укр. Рад. Енциклопедії. (Інститут історії АН УРСР), 1972. – 788 с.

Історія Української РСР. – В 8 т. – Т. 7: Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу (1941 – 1945) / Редколегія тому: В. І. Клоков – відповід. ред., М. М. Дятленко, В. С. Коваль, П. Т. Тронько та ін. – К.: Наукова думка, 1977. – 535 с.

Історія України: нове бачення. – В 2 т / О. І. Гуржій, Я. Д. Ісасвич, М. Ф. Котляр та ін.; Під ред. В. А. Смолія. – Т. 2 /В. Ф. Верстюк, О. В. Гарань, В. М. Даниленко та ін. – К.: Україна, 1996. – 494 с.

История СССР с древнейших времен к наших дней. – В 12-и т. – Т. 10: Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1942 – 1945 / П. С. Болдырев, М. Г. Брагин, В. Н. Евстигнеев и др.; ред. коллегия: А. М. Самсонов (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1976. – 727 с.

Київський процес: Документи та матеріали / Упор. Л. М. Абраменко. – К.: Либідь, 1995. – 208 с.

Киевщина в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945: Сборник документов / Под ред. П. Т. Тронько. – К.: Обл. кн.- газ. изд-во, 1963. – 736 с.

Книга Пам'яті України. Вінницька область. – У 9-и т / Гол. редколегії Ільчук М. М. (1; 2; 7 тт.); Ткаченко А. Д. (3 – 8 тт.), відп. секретар Конверський В. І., Азаров С. Г., Александров Д. Д., Гальчак С. Д. та ін. – К.: Наукова редколегія головної редакційної колегії Книги Пам'яті України при видавництві «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 1994 – 1997.

Книга Пам'яті України. Хмельницька область. – У 10-и т. / Ред. кол.: Дарманський М. М. (кер.), Олійник В. Т. (заст. гол.), Урсол М. О. (заст. гол.), Шиманський І. Х. (відп. секр.) та ін. – Хмельницький: Поділля, 1995 – 2003.

Книга Скорботи України. Вінницька область. – Т. 1 / Гол. редколегії Шестопалюк О. В., відп. секретар Конверський В. І., Азаров С. Г., Гальчак С. Д. та ін.; Вступ. стаття Гальчака С. Д. – Вінниця: обласна редакційна колегія Книги Пам'яті України, 2001. – 456 с.

Книга Скорботи України. Хмельницька область. – У 4-х т. / Ред. кол.: Роздобуцько А. Г. (гол.), Бондар І. М. (заст. гол.), Циц В. П. (заст. гол.), Шиманський І. Х. (відп. секр.) та ін. – Хмельницький: Поділля, 2002 – 2004.

Крым в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945: Сборник документов и материалов / Редколегия: М. Р. Акулов, Н. К. Качан, И. П. Кондранов и др.; Составители И. П. Кондранов, А. А. Степанова. – Симферополь: Таврия, 1973. – 494 с.

Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4 – 11 февраля 1945 г.: Сборник документов / МИД СССР. Гл. ред. комис.: А. А. Громыко (гл. ред.), И. Н. Земсков и др. – М.: Политиздат, 1984. – 302 с.

Листи з фашистської каторги: Збірник листів радянських громадян, які були вигнані на каторжні роботи до фашистської Німеччини / За ред. Ф. Шевченка. – К.: Українське вид-во політ. літератури, 1947. – 158 с.

Люди Радянської Житомирщини про німецьку каторгу: Збірник листів та спогадів / Житомирський обласний історичний архів; Житомирська обласна комісія по історії Вітчизняної війни в Україні. – Житомир: Радянська Житомирщина, 1948. – 59 с.

Львівщина у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945): Збірник документів і матеріалів / Упорядники: С. В. Ігнатюнок, К. С. Конєва, П. Панченко та ін. – Львів: Каменяр, 1968. – 408 с.

Матеріал ІХ-ої Подільської істико-краєзнавчої конференції / Ред. колегія: Винокур І. С. (голова), Дарманський М. М., Завальнюк О. М., Слободянюк П. Я., Трубочанінов С. В. та ін. – Кам'янець-Подільський, 1995. – 486 с.

На фашистской каторге: Рассказы репатриированных жителей Дона. – Ростов-н/Д, 1946. – 87 с.

Невигадане. Усні історії остарбайтерів / Автор-упоряд., ред., вступ. ст. Г. Г. Грінченко. – Харків: Видавничий Дім "Райдер", 2004. – 236 с.

Немецко-фашистский оккупационный режим (1941 – 1944 гг.) / Под общей редакцией Е. А. Болтина. – М.: Политиздат, 1965. – 388 с.

Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні: Збірник документів і матеріалів / Упорядники: І. Л. Бутич (кер.), А. А. Батюк, П. М. Костиба, В. В. Кузьменко, Л. П. Нагорна та ін. – К.: Політвидав України, 1963. – 488 с.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. – В 2-х т. / Под ред. К. П. Горешина (глав. ред.) и др. – М.: Госюриздат, 1954 – 1955.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. – В 7-и т. / Под общей ред. Р. А. Руденко. – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1957 – 1961.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. – В 3-х т. / Под ред. Р. А. Руденко. – М.: Юридическая литература, 1965 – 1966.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8 т. – Т. 4. – М.: Юриздат, 1990. – 672 с.

Они вернулись на Родину! / Альбом. – М.: Управление Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации советских граждан, 1948. – 98 с.

Остарбайтери: спогади жителів Рівненщини, вивезених гітлерівцями на каторжні роботи до Німеччини / Упор. О. Г. Царик; ред. В. Ящук. – Рівне, 1996. – 113 с.

Остарбайтери: Спогади, статті. – Севастополь, 2002. – 43 с.

Ост: клеймо неволі: Збірник матеріалів і документів / За ред. В. В. Бондаря. – Кіровоград: Мавік, 2000. – 196 с.

Пам'ять заради майбутнього: Спогади / Вид 2-е, доп. – К., 2003. – 568 с.

Памяти павших. Великая Отечественная война (1941 – 1945) / Объединенная редколегия Книг Памяти павших в годы Великой Отечественной войны. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1995. – 336 с.

Письма из немецкого рабства. – М., 1943. – 52 с.

Поділля у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945 рр.): Збірник документів і матеріалів / Під редакцією М. І. Мехеди; упорядники: В. Г. Абрамова, Г. В. Вітряна, І. В. Гарнага та ін. – Львів: Каменяр, 1969. – 416 с.

Помним: Материалы и документы в херсонцах – бывших узниках

- фашизма / Под ред. Бардычева Ю. Н. – Херсон, 1998. – 150 с.
- Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 – 1944 гг.) / Сост.: Заставенко Г. Ф. (рук.) и др.: под общей ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.
- Промышленность Германии в период войны 1939 – 1945 гг. / Пер. с нем. Т. В. Смирнова и В. М. Шаститко. Предисл. П. А. Белова. Ред. Г. С. Согомоян. – М.: Изд.-во иностр. лит., 1956. – 259 с.
- Репатриация советских граждан: Сборник официальных материалов. – М.: Воениздат, 1945. – 51 с.
- Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии в злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М.: Госполитиздат, 1946. – 460 с.
- Сильнее смерти: Воспоминания, письма, документы / Сост. и лит. обработка М. Г. Искрина. – М.: Госполитиздат, 1963. – 128 с.
- Сліди фашистських звірів. – Київ; Харків: Укрдержвидав, 1944.
- «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР / Документы и материалы. – М.: Наука, 1967. – 752 с.
- Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945: Документы и материалы. – В 3-х т. / Главная редакционная коллегия: В. И. Юрчук (пред.), Ю. В. Бабко, В. Ф. Возианов, Д. Ф. Григорovich, И. С. Грушецкий и др. – К.: Наукова думка, 1980.
- Советские люди на немецкой каторге: Сборник. – М., 1943. – 52 с.
- СС в действии. Документы о преступлениях СС / Пер. с нем. А. Ларионова и Р. Володина. Под ред. и с предисл. М. Ю. Рагинского. – М.: Прогресс, 1988. – 624 с.
- Сумская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941 – 1945 гг.): Сборник документов и материалов. – Харьков: Кн. изд-во, 1963. – 458 с.
- “...То була неволя”: Спогади та листи остарбайтерів / Гол. ред. В. А. Смолій. Ред. кол.: О. С. Артемов, С. В. Кульчицький, О. Є. Лисенко та ін. Упоряд.: Т. В. Пастушенко, М. Ю. Шевченко. – К., 2006. – 543 с.
- Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941 – 1945 гг. – В 3-х т. / Ред. коллегия: Назаренко И. Д. (рук.) и др.; Пер. с укр. яз. Изд. доп. и дораб. – К.: Политиздат Украины, 1975.
- Україна сниться...: Неотримані листи подолян, відправлені з Німеччини у 1942 – 43 рр. / Передмова О. Алтухова, М. Слободян. – Хмельницький, 1995. – 142 с.
- Усна жіноча історія. Повернення. Історіографія сільських жінок в контексті суспільно-історичних факторів радянського і перехідних періодів. – К., 2003.
- Харьковщина в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1943 гг.): Сборник документов и материалов / Составители И. К. Ка-

люжная, Л. Ф. Майстренко, В. К. Онищенко и др. – Харьков: Прапор, 1965. – 428 с.

Херсонская область в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945): Сборник документов и материалов /Ред. коллегия: Н. А. Даниленко (отв. ред.) и др.; Предисловие М. Давыдова. – Симферополь: Таврия, 1975. – 320 с.

Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. Лоскутовой М. В. – СПб, 2003.

Черниговщина в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Сборник документов и материалов / Сост. С. М. Мельник и др. – К.: Политиздат Украины, 1978. – 419 с.

Ясир: листи, оповідання і народна творчість у німецькій неволі / Зібрав і впорядкував О. Воропай. – Лондон: Укр. вид. Спілка, 1966. – 66 с.

Berichte der Arbeitsgruppe zur Aufarbeitung der Geschichte Allendorf. 1933 - 1945 / Bearbeitet von E. Bracht, F. Brinkman-Frisch, W. Form, K. May, I. Roth. - Magistrat der Stadt Stadtallendorf (Hg.), 1989. – 388 s.

Das Dritte Reich, Dokumente, op. Cit. – S. 298 – 299.

Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg. – Band 4. – Berlin, 1961.

Der Prozess gegen die Hauptverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg. 14. November 1945 – 1. Oktober 1946. – Dokument 1183 – PS. – Nürnberg. 1948.

International Military Tribunal. – Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof. – 580 – PS. – Nürnberg, 1946.

The Oral History Reader / R. Perks, A. Thomson (Ed.). – London, New York, 2002.

Zwangsarbeit in Langenfeld 1939 – 1945. Eine Dokumentation des Stadtarchivs. – Langenfeld, 2000.

Zwangsarbeiter in Suedthueringen waehrend des Zweiten Weltkrieges: Archivalisches Quelleninventar. – Schriften des Thueringischen Staatsarchivs Meiningen, Band 2. – 1995.

Монографії, научні, научно-публіцистическіе публікації

Анголенко В. Пошта в Україні за німецької окупації: маловідомі факти // Укр. Філателіст. вісник. - № 2 (47). – 1998. – С. 28 – 32; Укр. Філателіст. вісник. - № 3 (48). – 1998. – С. 44 – 48.

Бабій М. Комуністична партія – натхненник і організатор боротьби трудящих Поділля проти німецько-фашистських загарбників у роки Великої Вітчизняної війни (червень 1941 – березень 1944) / Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. – 1967. – 284 с.

Бабій М., Кравчук В. Партизанськими стежками Вінниччини. – Оdesa: Маяк, 1975. – 41 с.

Бабій М. Л. Партійне керівництво антифашистською боротьбою на Вінниччині // Український історичний журнал. – 1964. - № 3. – С. 41 – 49.

Бака М. Полтавські “остарбайтери” у фашистській Німеччині. / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 15. – К.; Донецьк: Рідний край, 2001. – С. 185 – 190.

Бондарчук Л. Діяльність ОУН-УПА на Волині і Поділлі під час німецької окупації у Другій світовій війні / Поділля і Волинь у контексті історії українського національного відродження. – Хмельницький, 1995.

Боряк Г., Дубик М., Маковська Н. “Нацистське золото” з України: у пошуках архівних свідчень. – Київ, 1998. – 130 с.

Боряк Г., Дубик М., Маковська Н. “Нацистське золото” з України: у пошуках архівних свідчень. – Випуск 2: Матеріали до реєстру вилучених у населення коштовностей. – Київ, 2000. – 388 с.

Брычев Н. Домой на Родину! – М.: Воениздат, 1945. - 216 с.

Брюханов А. Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. – М.: Госполитиздат, 1958. – 208 с.

Будьонна Л. Комсомол у підпільній партизанській боротьбі проти німецько-фашистських загарбників (червень 1941 – березень 1944 року): на матеріалах Вінницької, Житомирської та Хмельницької областей / Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. – К., 1969. – 263 с.

Будьонна Л. Участь комсомольців Житомирщини та Поділля в партизанській боротьбі (червень 1941 – листопад 1942 рр.) – Український історичний журнал, 1970. - № 7. – С. 104 – 105.

Букалов Д. Остарбайтери Донбасса // Корни травы: Сб. статей молодих істориків. – М.: Мемориал, 1996. – С. 155 – 159.

Буцько М. Воєнно-організаторська діяльність Компартії України в перші роки Великої Вітчизняної війни. – К.: Політвидав України, 1969.

Буцько О. В. В неоплаченном долгу: к вопросу о компенсации труда рабов Третьего рейха // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. пр. – Вип. 4. – К., 2000. – С. 90 – 95.

Буцько О. В. Репатріація українських громадян (1944 – 1946 рр.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 1. – К., 1997. – С. 143 – 158.

Буцько О. В. «С возвращением»: судьба украинских граждан, репатриированных на Родину // Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових праць. – Вип. 2. – К.: Інститут історії України НАН України, 1998. – с. 148 – 162.

Буцько О. В. Створення і діяльність радянських органів репатріації 1944 – 1946 // Сторінки воєнної історії України: Зб. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 3. – С. 206 – 212.

Ващенко Н. В. Из жизни военнопленного // Всерос. мемуарная б-ка. Серия: Наше недавнее. – Париж: YMCA-Press, 1987. – Вип. 7. – С. 242 – 276.

Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры. История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию (Вторая мировая война) / Документы и воспоминания. – 2000. – 250 с.

Вистинецкий М. А. Родина знает о твоих муках. – М.: Воениздат, 1945. – 165 с.

Волович О. І. Спомин про “світле минуле” / В. Бондар (ред.). – Кіровоград, 2003. – 78 с.

Гайдай О., Хаварівський Б., Ханас В. Хто пожав “бурю”? Армія Крайова на Тернопіллі 1941 – 1945 рр. – Тернопіль, 1996. – 176 с.

Гальчак С. Д. Антигітлерівська коаліція і питання репатріації “східних робітників” // Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник наукових праць. – Вип. 29. – К., 2005. – С. 157 – 166.

Гальчак С. “Білі плями” скорботи (причини голодомору 1932 – 1933 і голоду 1946 – 1947 років на Поділлі. – Вінниця: Логос. – 1999. – 51 с.

Гальчак С. Д. Боротьба радянських партизанів і підпільників проти масової депортації населення Поділля в нацистську Німеччину // Матеріали XI Подільської історико-краєзнавчої конференції / Ред. кол. Завальнюк О. М. (відповід. ред.), Баженов Л. В., Винокур І. С. та ін. – Кам'янець-Подільський: Оіум, 2004. – С. 56 – 65.

Гальчак С. В боях за Вінниччину / Збірник документів. – Вінниця, 1994. – 96 с.

Гальчак С. Використання румунською окупаційною адміністрацією трудових ресурсів Поділля у 1941 - 1944 рр. / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 11. – К.: Рідний край, 2000. – С. 195 – 204.

Гальчак С. Депортація населення Поділля до Німеччини в роки Другої світової війни / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 12. – К.: Рідний край, 2001. – С. 23 – 34.

Гальчак С. Джерела до вивчення історії “остарбайтерів” / Архіво-

знавство. Археографія. Джерелознавство: Міжвідомчий науковий збірник. – Вип. 4: Студії на пошану Р. Пирого. – К., 2001. – С. 393 – 401.

Гальчак С. Д. Етапування “східних робітників” з Поділля в нацистське рабство // “...То була неволя”... – С. 50 – 62.

Гальчак С. Д. Ідеологічні аспекти репатріації “остарбайтерів”-подолян в умовах “холодної війни” // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2004. – Вип. 8. – Част 2. – С. 221 – 237.

Гальчак С. Д. Культурно-духовні обмеження як форма дискримінації “остарбайтерів”-подолян у нацистському оейху // Студії з архівної справи та документознавства / Держкомархів України; УНДІАСД; Рекдкол.: І. Б. Матяш (гол. ред.) та ін. – К., 2003. – Т. 9. – С. 148 – 150.

Гальчак С. Д. Листи “остарбайтерів” з Поділля як документальне джерело про їхнє життя в нацистському рейху // Історичне краєзнавство в системі освіти України: здобутки, проблеми, перспективи: Науковий збірник. – Кам’янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2002. – С. 271 – 285.

Гальчак С. Д. Нацистський геноцид на Вінниччині // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2002. – Вип. 6. – С. 209 – 214.

Гальчак С. Німецько-фашистський окупаційний режим на Вінниччині: цивільне населення – жертва терору і насильства. – С. 5 - 24 // Книга Скорботи України. Вінницька область / Обл. редакційна колегія: Шестопалюк О. В. – голова, Конверський В. І. – відп. секретар, Азаров С. Г., Гальчак С. Д. та ін. – Т. 1. – Вінниця, 2001. – 456 с.

Гальчак С. Опір та боротьба “остарбайтерів”-подолян у фашистській неволі / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. - Вип 8. – К.: Рідний край, 1999. – С. 477 – 482.

Гальчак С. Д. Організаційні заходи Радянського Союзу з підготовки до репатріації переміщених осіб // Безсмертя подвигу: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, Київ, 22 квітня 2005 р. / Київський національний університет внутрішніх справ. – К.: ВПЦ МВС України, 2006. – С. 188 – 200.

Гальчак С. Д. “Остарбайтери” з Поділля (1942 – 1947 рр.): Дис... канд. іст. наук: 07.00.01. – К., 2003. – 211 с.

Гальчак С. Д. “Остарбайтери» Поділля: поліційно-адміністративні заходи нацистів у проведенні депортації населення до Німеччини // Студії Кам’янець-Подільського Центру дослідження історії Поділля / Відп. ред. проф. Л. В. Баженов. – Кам’янець-Подільський: Оіюм, 2005. – Т. 1: Десятиріччю Центру дослідження історії Поділля присвячується. – С. 420 – 464.

Гальчак С. Д. Особливості депортації цивільного населення з території Трансністрії на роботи до Німеччини // Архів. Документ. Історія. Сучасність. – Т. 4. – Одеса: Друк, 2001. – С. 102 – 105.

Гальчак С. Д. Подільські “остарбайтери” у нацистському рейху:

умови праці та побуту // Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Зб. статей. – Вип. 20 – 21. – К., 2002. – С. 142 – 156.

Гальчак С. Д. Політика румунської окупаційної влади на території Північної Трансїстрії // Архіви окупації. 1941 – 1944 / Держ. ком архівів України. – К.: Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2006. – С. 840 – 848.

Гальчак С. Протидія подолян заходам нацистської окупаційної влади по депортації в Німеччину 1942 – 1944 рр.) / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 19. – К.; Донецьк: Рідний край. – 2001. – С. 126 – 136.

Гальчак С. Процес етапування робочої сили з Поділля під час Великої Вітчизняної війни / Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей. – Вип. 10. – К., 2000. – С. 151 – 161.

Гальчак С. Д. Сили національно-визвольного спрямування на теренах Поділля в період нацистської окупації краю // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. – Вип. 4. – Серія: Історія: Зб. наук. праць / За заг. ред. проф. П. С. Григорчука. – Вінниця, 2002. – С. 136 – 146.

Гальчак С. Д. Ставлення державно-партійної влади СРСР та УРСР до “остарбайтерів” // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. – Вип. 5. – Серія: Історія: Збірник наукових праць / За заг. ред. проф. П. С. Григорчука. – Вінниця, 2003. – С. 208 – 214.

Гальчак С. Д. “Східні робітники” з Поділля у Третьюму рейху: депортація, нацистська каторга, опір поневолювачам. – Вінниця: “Книга-Вега” ВАТ “Віноблдрукарня”, 2004. – 344 с.

Гальчак С. Д. Фільтрація як обов’язковий елемент репатріації “східних робітників” // Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Збірник наукових статей. – Вип. 25. – К., 2004. – С. 412 – 420.

Гладкий С. П. Русский из Дрокура: По следам франтинеров. – Л.: Лениздат, 1966. – 342 с.

Григорович Д. Ф. Идеино-политическая деятельность Компартии Украины в годы Великой Отечественной войны. – К.: Политиздат Украины, 1983. – 166 с.

Гринченко Г. Г. Особенности реконструкции прошлого в устных свидетельствах бывших остарбайтеров // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К, 2004. – Вип. 8. – Ч. 1. – С. 52 – 58.

Гринченко Г. Г. Усна історія як метод і джерело дослідження // “...То була неволя”... – С. 31

Гринченко Г. Г. Устно-исторические исследования на страницах журнала “Oral History Review” (2001 – 2002 гг.) // Вісник Харківського національного університету, 20003. – Серія “Історія”. – Вип. 35. - № 594. – С. 342 – 349.

Гринчук С. Гроза ночі. – Вінницька правда. – 1972. – 31 мая.

Гуменюк С. К. Проскурівське підпілля. – Хмельницький: Обл. організація т-ва «Знання», 1982. – 29 с.

Демчина А. Зі Сходу на Захід. – К., 2000. – 296 с.

Довгополий Я. Українці на примусових роботах в Третьюму рейху // Всесвіт. – 2001. - № 3 – 4. – С. 127.

Доманк А. С., Сбойчаков М. И. Шепетовские подпольщики. – М.: Политиздат, 1972. – 160 с.

Дубик М. Проблема примусової праці робітників з України під час Другої світової війни у сучасних наукових виданнях // "...То була неволя"... – С. 45 – 46.

Дугин А. Сталинизм (Легенды и факты) // Слово. 1990. - № 7. – С. 23 – 26.

Забродець О. В. Волинські оstarбайтери (1941 – 1945 рр.) // Волинь у Другій світовій війні: Зб. наук. та публіцистич. ст. / Гол. ред. та упоряд. М. М. Кучерепа. – Луцьк, 2005. – С. 108.

Загорулько М., Юденков А. Крах плана «Ольденбург»: О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Экономика, 1974. – 383 с.

Заславский Д. Смерть и муки советских людей, побывавших в гитлеровской неволе. – М., 1943. – 47 с.

Земсков В. Н. Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941 – 1944). – М.: 1986. – 271 с.

Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944 – 1951 гг. / История СССР. – 1990. - № 4. – С. 26 – 41.

Земсков В. Н. Некоторые проблемы репатриации советских перемещенных лиц // Россия XXI. – 1995. - № 5 – 6. – С. 183 – 192.

Земсков В. Н. Репатриация советских граждан в 1945 – 1946 годах: Опираясь на документы // Россия XXI. – 1993 (а). - № 5. – С. 74 – 81.

Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944 – 1956 гг.) // СИ. – 1995 (а). - № 5. – С. 3 – 13.

Земсков В. Н. «Спецпоселенцы (по документам НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. – 1990. - № 11. – 3 – 17.

Кейдонський К. Табори для переміщених осіб у Німеччині та Австрії: погляд на структуру і діяльність // Українська діаспора. – К.; Чикаго, 1994. – Рік вид. 3. – Число 6. – С. 108 – 123.

Клоков В. І. До питання про етапи формування історіографії Великої Вітчизняної війни / Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових робіт. – Вип. 2. – К.: Інститут історії України НАН України, 1998. – 265 с.

Клоков В., Кулик І., Слинко І. Народна боротьба на Україні в роки Великої Вітчизняної війни. – К.: Видав. АН УРСР, 1983. – 220 с.

Коваль М. Борьба населения Украины против фашистского рабства. – К.: Наукова думка, 1979. – 134 с.

Коваль В. Міжнародний імперіалізм і Україна. 1941 – 1945. – К.: Наукова думка, 1966. – 268 с.

Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939 – 1945 рр.). – К.: Альтернативи, 1999. – 336 с.

Коваль М. В. Український народ у Великій Вітчизняній війні (1941 – 1945) // Український історичний журнал. – 1990. - № 3. – С. 88 – 95.

Ковальський М., Ченцов В. Полиновий присмак чужини: документи про долю мешканців Дніпропетровщини, депортованих гітлерівцями на примусові роботи в Німеччину / З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. - № 1 / 2. – С. 60 - 68.

Ковальський А. П., Ченцов В. В. “Фільтраційні справи” – невідоме джерело державних архівів // Архіви України. – 1993. - № 1. – С. 35 – 44.

Козлов В. И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов // История СССР. - № 2. – С. 132 – 139.

Кондратенко Л. Крах экономических планов немецко-фашистских захватчиков на Украине: Историографический очерк. – К.: Наукова думка, 1980. – 106 с.

Кривошеев Г. Ф. В первых сражениях // Военно-исторический журнал. – 1991. - № 2. – С. 10 – 16.

Лабин Л. О. О перемещенных лицах // Новое время. 1947. - № 21. – С. 1 – 3.

Левикін В. В. Деякі аспекти працевикористання іноземних військово-полонених у Радянському Союзі (1944 – 1950 роки) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 3. – С. 110 – 113.

Левикін В. В. Про процес репатріації німецьких військовополонених з СРСР у 1945 – 1956 роках // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2003. – Вип. 7. – Ч. 2.

Легасова Л., Шевченко М. Колекція документів Меморіального комплексу “Національний музей історії Великої Вітчизняної війни 1941 – 1945 років” з проблеми дослідження історії українських “остарбайтерів” // “...То була неволя”... – С. 15 – 28.

Леснов М. Твой долг перед Родиной. – М., 1945. – 36 с.

Лисенко О. Є. Проблема “остарбайтерів” як предмет соціальної історії // “...То була неволя”... – С. 8.

Лич- Анпах Г. Между жестокостью и добром // Знамя. – 1995. – С. 156 – 167.

Мазило В. М. Компартия Украины – организатор украинского народа на борьбу проти немецко-фашистских захватчиков в первый период Великой Вітчизняної війни (червень 1941 – листопад 1942) // Доповіді і повідомлення кафедр інституту на звітній науковій сесії. – Вип. 1. – Вінниця, 1965. – С. 3 – 6.

Максимчук Є. С. Діяльність державних комісій з розслідування зло-

чинів нацистів на території України (1941 – 1945 рр.): типово-видовий склад та інформаційний потенціал джерельного комплексу // Автореферат дис... на здобуття наук. ст. кандидата істор. наук. – К., 2007. – С. 8.

Могильний В. Великодні листівки для «остарбайтерів» // Укр. Філателіст. Вісник. - № 2 (42). – 1997. – С. 25 – 27.

Могильний В. Листування «остарбайтерів»: заадресування // Укр. Філателіст. вісник. - № 3 (43). – 1997. – С. 43 – 50.

Могильний В. Пошта «остарбайтерів» (робітників зі Сходу) // Укр. Філателіст. вісник. - № 2 (29). – 1994. – С. 17 – 20.

Меляков А. В. Листи українців-остарбайтерів: різновиди, зміст, класифікації // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк, 2000. - № 1. – С. 230 – 233.

Меляков А. В. Матеріали фільтраційних справ як історичне джерело: спроба класифікації // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна: Серія “Історія”. – Вип. № 32. – 2000. – С. 232 – 239.

Меляков А. В., Посохов С. І. Депортація цивільного населення України до Німеччини під час Другої світової війни (1941 – 1944 рр.): до історіографії питання // Історичне краєзнавство в системі освіти України: здобутки, проблеми, перспективи. – Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2002. – С. 265.

Меляков А. В. Про можливості застосування табличного методу обробки листів українських “остарбайтерів” (За матеріалами ДАХО) // Вісник СЧУ. – № 10 (44). – 2001. – С. 135 – 141.

Михлев С. Н. Боевые потери в стратегических наступательных операциях Советской Армии. 1941 – 1945 гг. // Военно-исторический журнал. – 1991. - № 11. – С. 11 – 18.

Мірчук П. Українська Повстанська армія 1942 – 1952 рр.: Документи і матеріали. – Львів, 1991. – 448 с.

Мольченко В., Петров М. Героїчні подвиги молоді України в тилу ворога в роки Великої Вітчизняної війни. – К., 1958. – 36 с.

Москаленко К. С. На південно-західному напрямку, 1943 – 1945: Спогади командарма. – Кн. 2 / Пер. з рос. – К.: Політвидав України, 1984. – 671 с.

Муковський І., Лисенко О. Звитяга і жертвовність: Українці на фронтах другої світової війни / За ред. В. Конашевича: - К.: Пошуково-вид. агентство “Книга Пам'яті України”, 1996. – 568 с.

Нелипович С. Г. Репресии против подданных «центральных держав» // ВИЖ. – 1996. - № 6. – С. 32 – 42.

Немятый В. Н. В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии. – К.: Политиздат Украины, 1982.

Немятый В. Всенародная борьба против экономических мероприятий фашистских оккупантов на Украине. 1941 – 1944 гг. – К., 1980. – 62 с.

Немятый Н. И. КПСС – вдохновитель и организатор Победы советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. / Сб. материалов конф. – К., 1988. – С. 8 – 10.

Николаєць Ю. О. Дезертирство із лав Червоної армії в Україні на початкових етапах Великої Вітчизняної війни // 3 архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. – 1997. - № 1 – 2.

Палий П. Н. В немецком плену // Всерос. емуарная б-ка. Серия: Наше недавнее. – Париж: YMCA-Press, 1987. – Вып. 7. – С. 3 – 241.

Пастушенко Т. Використання праці українських примусових робітників у Трет'єму рейху // Архіви окупації. 1941 – 1944 / Держ. ком. Архівів України; Упоряд. Н. Маковська. – К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія». – 2006. – С. 855.

Пастушенко Т. В. Листи як джерело вивчення проблеми українських “остарбайтерів” періоду Другої світової війни // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2000. – С. 70 – 77.

Пастушенко Т. В. Основні етапи депортації цивільних робітників з Києва та Київської області до Німеччини у 1942 – 1944 // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2000. – Вип. 10. – Ч. 2. – С. 310 – 325.

Пастушенко Т. В. Остарбайтери Київщини: історико-статистичний та джере-лознавчий аналіз // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. – Вип. 28. – К.; Хмельницький; Кам'янець-Подільський, 0000. – С. 99 – 120.

Пастушенко Т. В. Примусове вивезення робочої сили з Броварського району до нацистської Німеччини // Літописна скарбниця: нариси історії Броварського краю (радянський період та доба незалежності України). Укл. І. Доцин. – Бровари, 2003 / Броварська минувшина. – Кн. 2. – С. 47 – 159.

Пастушенко Т. В. Репатріація українських “остарбайтерів” на Батьківщину: 1944 – 1947 рр. // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Ч. 3. – С. 123 – 136.

Пастушенко Т. В. Спогади “остарбайтерів” – інший погляд на війну // “...То була неволя”... – С. 63 – 81.

Пастушенко Т. В. Ульріх Герберт про політику і практику “використання іноземців” у військовій економіці Трет'єго рейху // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2004. – Вип. 8. – Част. 1. – С. 65 – 66.

Пащенко В. Я. Лишився вірним: Українські партизани в боях за визволення Франції. – Вітчизна. – 1967. - № 5. – С. 165 – 172.

Педак В. П. Сердце заставляет меня сказать правду. – Запорожье, 2000. – 176 с.

Першина Т. Фашистский геноцид на Украине 1941 – 1944. – К.: Наукова думка, 1985. – 163 с.

Полян П. «Вестарбайтеры»: интернированные немцы в СССР (предистория, история, география) / Учебное пособие для спецкурса. – Ставрополь; Москва: Изд-во СГУ, 1999. – 48 с.

Полян П. М. Вестарбайтеры. Интернированные немцы на советских стройках // Родина. – 1999 (а). - № 9. – С. 21 – 25.

Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских соеннопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М.: РОССПЭН, 2002. – 896 с.

Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. – М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. – 442 с.

Полян П. М. «Репарации трудом»: мотивы и предистория послевоенного трудоустройства «интернированных и мобилизованных» - немецких гражданских лиц в СССР // Проблемы военного плена: история и современность / Материалы международной научно-практической конференции 23 – 25 октября 1997 г. – Ч. 2. – Вологда, 1997. – С. 59 – 67.

Потильчак О. В. Експлуатація трудових ресурсів України гітлерівської Німеччиною у роки окупації: Дис... канд. іст. наук.: 07.00.01. – К., 1999. – 205 с.

Потильчак О. В. Табори для військовополонених в Україні та репатріаційні заходи радянського уряду (1953 – 1954 рр.) // Безсмертя подвигу: Матеріали міжнародної наук.-практ. конференції, Київ, 22 квітня 2005 р. / Київський нац. університет внутр. справ. – К.: ВПЦ МВС України, 2006. – С. 138 – 146.

Потильчак О. Трудові ресурси радянських військовополонених та «остарбайтерів» з України у нацистській військовій економіці в роки Другої світової війни. – К.: ТОВ «Міжнародна фінансова агенція», 1998. – 49 с.

Потильчак О. В. Смертність німецьких військовополонених в РСРП: історико-демографічний аналіз проблеми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2004. – Вип. 8. – Част. 2. – С. 128 – 137.

Пьянков В. М. Репатриации и труд военнопленных как источник восстановления экономики СССР после Второй мировой войны. – СПб, 1999.

Роговий О. Соб у вогні. – Вінниця: БІКОМ, 1994. – 72 с.

Рокотов П. В. Німецько-фашистський режим в Україні 1941 – 1944 рр. (Історико-правовий аспект): Дис. ...канд. іст. наук: 12.00.01 / Нац. акад. внутрішніх справ України. – 1997. – 194 с.

Сайц Н. На перехрестях долі. – Львів, 1996. – 152 с.

Сахневич Л. Бійці руху Опору. – Вінницька правда. – 1971. – 4 нояб.

Семин В. Нагрудный знак «Ost»: Роман, повесть, рассказы / Библиотека «Дружбы народов»; Послесловие И. Дедкова. – М.: Известия, 1978. – 382 с.

Семиряга М. Приказы, о которых мы не знали: Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время. – 1994. - № 15. – С. 56 – 57.

Сидоренко О. В., Котляр В. Ф. Книга українських “остарбайтерів”. – Полтава, 2005. – 153 с.

Слинько И. И. Угон населения Украины в фашистское рабство / Нем.-фаш. оккупационный режим... - С. 219 – 230.

Смерека В. В німецькій неволі. 1942 – 1944. – Ужгород, 1998.

Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1988. - № 9. – С. 116 – 126.

Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – М.: Московский рабочий, 1991. – 192 с.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – 5-е изд. – М., 1952. – 372 с.

Стафийчук И. П. Комсомол Украины в партизанском движении: Политическая работа среди населения оккупированных районов. – М.: Мысль, 1968. – 98 с.

Стецкевич В. В. Україна в роки навали 1941 – 1945 рр.: спроба аналізу сучасного історіописання окупаційної доби та актуалізації проблеми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 1. – С. 173.

Супруненко Н. И. Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941 – 1945 гг.). – К.: Госполитиздат УССР, 1956. – 433 с.

Тарнавський І. С. Депортація місцевого населення Донбасу до Німеччини у 1941 – 1943 рр. // Придніпровський науковий вісник. – 1998. - № 111.

Тарнавський І. С. Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941 – 1943 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Донецьк, 1999.

Тельпуховський Б. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 - 1945 гг.: Краткий очерк. – М.: Госполитиздат, 1959. – 575 с.

Тронько П. Т. Бессмертие юнных: С истории борьбы комсомольского подполья Украины в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 168 с.

Тронько П. Т. Подвиг твоїх батьків: З історії боротьби комсомольців і молоді Радянської України проти німецько-фашистських загарбників у період Великої Вітчизняної війни 1941 – 1945 рр. – К.: Молодь, 1968. – 433 с.

Удовик В. М. Німецько-фашистський окупаційний режим (1941 – 1944 рр.) на території генеральної області “Київ” (Київська та Полтавська області): Автореф. дис. канд. іст. наук. – К., 2005. – 16 с.

Фурсенко В. Г. Ди-пи: дни и годы // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов. – М.: РГГУ. – 1997. – С. 96 – 135.

Хазанович Ю. Этого нельзя забыть. – М.: Воениздат, 1945. - 36 с.

Чайковский А. С. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939 – 1953 гг.). – К.: Парламентское из-во, 2002. – 503 с.

Чиркова В. Листи оstarбайтерів як приклад документів особового походження // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: Міжвідомчий збірник наукових праць. – Вип. 1: Архів і особа. – К., 1999. – С. 153 – 158.

Шаталин Н. И. Партия большевиков – вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1947. – 68 с.

Шевяков А. А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупированных зонах государств антигитлеровской коалиции / Население России в 1920 – 1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. науч. трудов. – Москва, 1994. – С. 195 – 222.

Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социс. – 1993. - № 8. – С. 3 – 12.

Шульга І. Голод на Поділлі. – Вінниця: Континент-ПРИМ, 1993. - 224 с.

Якушевський А. С. Внутренний кризис в Германии в 1944 – 1945 гг. / ННИ. – 1995. - № 2. – С. 62 - 63.

Янковська О. В. До питання про долю українських репатріантів Великої Вітчизняної війни // Сторінки воєнної історії України: Зб. статей / НАН України. Ін-т історії України. – К., 2005. – Вип. 9. – Част. 3. – С. 206 – 212.

Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во 2-й мировой войне / Пер. с польского. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 488 с.; *Szymon Datner.* Zbrodnie wermachtu na jencach wojennych w II wojnie swiatowej. – Warszawa, 1961.

Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні / Перекл. з француз. Р. Осадчука. – Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. – 659 с.; *Kosyk w. L'Allemagne national-socialiste et L'Ukraine.* – Paris: Publications de l'Est European, 1986.

Курт фон Типпельскірх. История Второй мировой войны. 1939 – 1945 / Пер. с нем. – Санкт-Петербург.; Москва: Полигон – АСТ, 1998. – 795 с.

Манштейн Э. Утерянные победы / Сост. С. Перелегин, Р. Исламов. – Г.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; - Санкт-Петербург.: Ferrа Fantastica, 1999. - 896 с.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941 – 1944): О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Пер. с нем. Артемова А. П., Долгоорукова А. И.,

Карабутченко И. И. и др.; Под ред. Юденкова А. Ф. – М.: Воениздат СССР, 1974. – 388 с.

Пиккер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. И. В. Розанова. – Смоленск: Русич, 1998. – 496 с.

Субтельний О. Україна: історія / Пер. з англ. Ю. І. Шевчука; Вступ. ст. С. В. Кульчицького. – 3-є вид., перероб. і доп. – К.: Либідь, 1993. – 720 с.

Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны: Выводы побежденных. – Санкт-Петербург; Москва: Полигон – АСТ. – 1998. – 634 с.; Bilanz des zweiten Weltkrieges: Erkenntnisse und Verpflichtungen für die Zukunft. – Hamburg, 1953.

Толстой Н. Жертвы Ялты / Пер. с англ. Е. С. Гессен. // Исследования новейшей русской истории. – Париж: YMCA-Press, 1988. – Т. 7. – 530 с.

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. – М., 2003.

Черон Ф. Я. Немецкий плен и советское освобождение / Всероссийская мемуарная библиотека. Серия «Наше недавнее». – Париж: YMCA-Press, 1987. – Вып. 6. – с. 9 – 158.

Шпеер Ф. Воспоминания / Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1998. – 720 с.

Штрайт К. Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941 – 1945 годах / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1979.

Arning M. Spaete Abrechnung. Über Zwangsarbeiter, Schlussstriche und Berliner Verstaendigungen. – Frankfurt / Main, 2001.

Bethell N. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944 – 1947. – London, 1974.

Boll B. "Das wird man nie mehr los..." Ausländische Zwangsarbeit in Offenburg 1939 bis 1945. – Pfaffenweiler: Centarius-Verlagsgesellschaft, 1994. - 384 s. - (Reihe Geschichtswissenschaft; Bd. 34).

Boll B. Zwangsarbeiter waehrend des Zweiten Weltkrieges in Baden // Zeitschrift des Breisgau – Geschichtsvereins "Schau-ins-Land". – Freiburg, 1992. - III Jahref. – S. 179 – 203.

Borgsen W., Volland K. Stalag XB Sandbostel. Zur Geschichte eines Kriegs-gefangenen und KZ - Auffanglager in Norddeutschland, 1939 – 1945. Bremen: Editica Temmen, 1991. – 303 s.

Bruening M. u. a. Entschaedigung fuer Zwangsarbeiter. Modell fuer die Loesung einer offenen Historischen Aufgabe. – Bonn, 1999.

Bruechert H. Zwangsarbeiter in Wiesbaden. Der Einsatz von Zwangsarbeitskraeften in der Wiesbader Kriegswirtschaft 1939 bis 1945, mit einem Beitrag von Kerstin Kersandt. – Wiesbaden, 2003.

Dallin A. J. Deutsche Herrschaft in Russland 1941 – 1945. Eiene Studie über Besatzungspolitik. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1958.

Dallin A. German Rule in Russia 1941 – 1945. A Study of Occupation Policies. Second ed. – London, 1981; First ed. – 1957.

Dorn F., Heuer K. Ich war immer gut zu meiner Russin. Struktur und Praxis des Zwangsarbeitersystems im Zweiten Weltkrieg in der Region Suedhessen. – Pfaffenweiler, 1991.

Drobisch K. Die Ausbeutung ausländischer Arbeitskräfte im Flick-Konzern während des zweiten Weltkrieges, Phil. Diss., - Berlin, 1964.

Elliot M. R. The Repatriation Issue in Soviet-American Relations 1944 – 1947. – University of Kentucky, 1974.

Fried J. H. E. The exploitation of foreign labour by Germany. – Montreal: International Labour Office, 1945.

Freitag G. Zwangsarbeiter im Lipper Land. Der Einsatz von Arbeitskräften aus Osteuropa in der Landwirtschaft Lippes 1939 – 1945. – Bochum, 1996.

Gisevius H. B. Bis zum bitteren Ende. Fretz und Wasmuth Verlag AG. – Zürich, 1946; Гизевийус Ганс Бернд. До горького конца. Записки заговорщика / Сокр. пер. с нем. Г. Рудого. – Смоленск: Русич, 2002. – 688 с.

Gisevius H. B. To the Bitter End. – London, 1948.

Gerlach Ch. Krieg, Ernaehrung, Voelkermord. Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Zuerich – Muenchen, 2001.

Görlitz W. Pauls: Ich stehe hier Befehl. – Frankfurt am Main, 1960.

Gotz A. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. – Frankfurt am Main, 2005. – 444 s.

Gregor N. Stern und Hakenkreuz. Daimler – Benz im Dritten Reich. – Berlin, 1997.

Heinz Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. – Heidelberg, 1951.

Herbert U. Europa und der "Reichseinsatz": ausländische Zivilarbeiter, Kriegs-gefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938 – 1945. – Essen: Klartex – Verlag, 1991.

Herbert U. Fremdarbeiter: Politik und Praxis des "Ausländer-Einsatzes" in der Kriegs-wirtschaft des Dritten Reiches. – Berlin; Bonn: Verlag J. H. W. Dietz Nachf. – 1986. – 494 s.

Herbert U. Geschichte der Auslaenderbeschaeftigung in Deutschland 1880 bis 1980. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gestarbeiter. – Berlin, Bonn, 1986.

Herbert U. Geschichte der Auslaenderpolitik in Deutschland – Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter, Fluechtlinge, 2001.

Herbert U. Zwangsarbeit in Deutschland. Sowjetische Zivilarbeiter und Kriegsgefangene 1945. In: Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941 – 1945. Essajs. – Berlin, 1991. – S. 106 – 130.

Heussler A. Doppelte Entrechtung. Auslaendische Zwangsabeiter Innen in der Muencher Kriegswirtschaft 1939 – 1945. In: Sybill Krafft (Hrsg), Zwischen den Fronten. Muencher Frauen in Krieg und Frieden 1900 – 1950. – Muenchen, 1995. – S. 308 – 323.

Hopmann B., Spoerer M., Weitz B., Bruenighaus B. Zwangsarbeiter bei

Dajmler-Benz // Zeitschrift fuer Unernehmengeschichte. Beiheft 78. – Stuttgart, 1994.

Homze Ed. L. Foreign Labor in Nazi Germany. - Princeton University Press. – Princeton, New Jersey, 1967. - 350 p.

Jacobeit S. OSRAM – Arbeiter Innen. Deutsche und auslaendische Frauen in der Kriegsproduktion fuer den Berliner Gluehlampen-Konzern 1939 bis 1945. In: Jahrbuch fuer Geschichte 35 (1987). – S. 369 – 388.

Jacobmeyer W. Vom Zwangsarbeiter zum Heimatlosen Auslaender. Die Displaced Persons in Deutschland. 1941 – 1945 / Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht in Göttingen, 1985. – Bd. 65. – 324 s.

Jastrzembowski W. Gospodarka niemiecka w Polsce 1939 – 1944. Warszawa: Czytelnik, 1946. – 410 s.

Kersten K. Repatriacja ludności polskiej po II wojnie światowej. – Wrocław: Ossolineum, 1974. - 247 s.

Kosyk w. L'Allemagne national-socialiste et l'Ukraine. – Paris: Publications de l'Est Europeen, 1986. - 659 s.

Kuczynski T. Entschaedigungsansprueche fuer Zwangsarbeit im "Dritten Reich" auf der Basis der damals erzielten zusaetzlichen Einnahmen und Gewinne. Stiftung fuer Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts, Universitaet Bremen, 1999.

Kurt von Tippelskirch. Geschichte des zweiten Weltkrieges. - Bonn, 1954; книгу издано на русском языке: *Курт фон Типпельскирх.* История Второй мировой войны. 1939 – 1945. - Санкт-Петербург; Москва: Полигон - АСТ, 1998. - 795 с.

Krichner K. Bayern und der Frieden. Kriegsflugblätter in Bayern. Erlangen, 1983.

Luczak C. "Kraj Warty" 1939 – 1945 / Studium historyczno-gospodarsze okupacji hitlerowskiej. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1972. – 258 s.

Luczak C. Pol-sczy robotnicy przymusowi w Trzeciej Rzeszy podczas II wojny światowej. - Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1974. – 268 s.

Müller R.-D., Ueberschär G. Kriegsende 1945. Die Zerstörung des Deutschen Reiches. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. – 259 s.

Muller N. Wehrmacht und Okkupation (1941 - 1944). - Berlin, 1971; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941 - 1944): О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. – М., 1974.

Neugebauer A. "Auslaendische Arbeinskraefte sind in Baraken unterzubringen!" Kriegsgefangene, Zivil- und Zwangsarbeiter Innen wachrend des Zweiten Weltkrieges in Ruesselheim. – Ruesselheim, 2001.

Pfahlmann H. Femdarbeiter und Kriegsgefangen in der Deutschen Krigswirtschaft 1939 – 1945 / Beiträge zur Werforschung. – Darmstadt: Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft GMBH, 1868. – Bd. XVI – XVII. – 238 s.

Rauschnig H. Despräche mit Hitler. – Zürich: New York, 1940. – S. 130.

Reitlinger G. The House on Sand. – London, 1960.

Reller M. "Das mit den Russenwiebern ist erledigt": Rüstungsproduktion, Zwangsarbeit, Massenmord und Bewältigung der Vergangenheit in Hirzenhain zwischen 1943 und 1991. Verlag der Bindernagelschen Buchhandlung Freidberg, 1991.

Ruff M. Um ihre Jugend betrogen. Ukrainische Zwangsarbeiter / innen in Vorarlberg 1942 – 1945. Studien zur Geschichte und Gesellschaft Vorarlbergs. - Bd. 13. – Bregenz, 1997.

Schmelzer J. Das hitlerfaschistische Zwangsarbeitssystem und der antifaschistische Widerstandskampf der ausländischen Kriegsgefangenen und Deportierten (1939 – 1945), dargestellt unter besonderer Beachtung der IG- Farben-Betriebe im Bereich Halle – Merseburg, Phill. Diss., - Halle, 1963.

Seeber E. Zwangsarbeiter in der faschistischen Kriegswirtschaft. Die Deportation und Ausbeutung polnischer Bürger unter besonderer Berücksichtigung der Lage der Arbeiter aus dem sogenannten Generalgouvernement (1939 – 1945). – Berlin, 1964.

Siegfried K. J. Das Leben der Zwangsarbeiter im Volkswagenwerk 1939 – 1945.– Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1988. – 331 s.

Spoerer M. Zwangsarbeit im Dritten Reich. Verantwortung und Entschädigung // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 51, 2000. – S. 508 – 527.

Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz – ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa. – Stuttgart u. München, 2001.

Stelzl B. Lager in Graz. Zur Unterbringung ausländischer Zivilarbeiter, Kriegsgefangener und KL – Häftlinge 1938 – 1945 // Stefan Karner (Hrg.) Graz in der NS-Zeit 1938 – 1945. - Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann – Instituts fuer Kriegsfolgen – Forschung, Sonderband 1. – Graz – Wien – Klagenfurt, 1999. – S. 353 – 369.

Streit C. Keime Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegs-gefangenen 1941 – 1945. Stuttgart, 1978.

Szurgacz H. Przymusowe zatrudnienie Polaków przez hitlerowskiego okupanta w latach 1939 – 1945. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1971. – 250 s.

Tolstoy N. Victims of Yalta. – London; Sydney; Auckland; Toronto, 1977; *Толстой Н.* Жертвы Ялты / Пер. с англ. У. С. Гессен // Исследование новейшей русской истории. – Париж: YNCA-Press, 1988. – Т. 7. – 540 с.

Umbreit H. Die deutsche Herrschaft in den besetzten Gebieten 1942 – 1945. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Bd. 5 / 2, Stuttgart, 1999. – S. 3 – 272.

Umbreit H. Die Verantwortlichkeit der Wehrmacht als Okkupations-

amee. In: Die Wehrmacht. Mythos und Realitaet / Hrsg. Von R.- D. Mueller und H. – E. Volkman. – München, 1999. – S. 743 – 735.

Weischer H. O. Russenlager. Russische Kriegsgefangene in Hessen (Hamm) 1942 – 1945 / Vorwort von L. Kopelew. – Essen: Klartext Verlag, 1992. – 320 s.

Архивные источники

ЦГАВОВУ Украины (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины)

- Ф. КМФ-8, оп. 1, д. 6, л. 73; 94
- Ф. КМФ-8, оп. 1, д. 12, л. 11
- Ф. КМФ-8, оп. 1, д. 38, л. 38 - 40
- Ф. КМФ-8, оп. 1, д. 62, л. 12
- Ф. КМФ-8, оп. 1, д. 294, л. 2; 3; 25
- Ф. КМФ-8, оп. 8, д. 146, л. 65
- Ф. 3206, оп. 1, д. 6, л. 1 - 5
- Ф. 3260, оп. 1, д. 38, л. 4
- Ф. 3538, оп. 2, д. 230, л. 6; 7
- Ф. 3538, оп. 2, д. 256, л. 398; 399; 402
- Ф. 3676, оп. 1, д. 232, л. 3; 4
- Ф. 3676, оп. 4, д. 42 "г", л. 199
- Ф. 3676, оп. 4, д. 107, л. 288; 289
- Ф. 3676, оп. 4, д. 475, л. 714
- Ф. 4620, оп. 3, д. 241
- Ф. 4620, оп. 3, д. 264, л. 35
- Ф. 4620, оп. 3, д. 285, л. 36

ЦГАОО Украины (Центральный государственный архив общественных объединений Украины)

- Ф. 1, оп. 6, д. 1104, л. 52
- Ф. 1, оп. 14, д. 741, л. 37
- Ф. 1, оп. 16, д. 34, л. 25
- Ф. 1, оп. 16, д. 888, л. 1 об
- Ф. 1, оп. 23, ч. 1, д. 1002, л. 68
- Ф. 1, оп. 23, ч. 1, д. 1062, л. 153; 154

Ф. 1, оп. 23, ч. 1, д. 5462, л. 93
Ф. 57, оп. 4, д. 169, л. 16
Ф. 57, оп. 4, д. 338, л. 6; 7
Ф. 57, оп. 4, д. 377, л. 27; 28; 40
Ф. 62, оп. 27, д. 101, л. 4
Ф. 76, оп. 1, д. 1, л. 28
Ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 25
Ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 13; 153; 159
Ф. 128, оп. 1, д. 1, л. 8; 64; 130
Ф. 128, оп. 1, д. 5, л. 24

**ЦГКФА Украины (Центральный государственный
кинофотофоноархив Украины им. Г. С. Пшеничного)**

Арх. № 222; 354; 3269; 3274; 3279; 3282
Ед. учета 0-17089; 0-17097; 0-17127; 0-17128; 0-174608; 0230365;
0-230366; 0-230367; 2-67937; 2 - 118489

**Справочно-информационный фонд научно-справочной
библиотеки центральных государственных архивов Украины**

Инвент. № 606; 3285; 3697

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)

Ф. 7021, оп. 54, д. 1273, л. 131
Ф. 7021, оп. 116, д. 95, л. 1
Ф. 7021, оп. 116, д. 351, л. 43; 44
Ф. 7021, оп. 116, д. 356, л. 1
Ф. 7021, оп. 116, д. 358, л. 30 - 34; 39 - 41
Ф. 7021, оп. 148, д. 87, л. 62; 63
Ф. 9401, оп. 1, д. 2208, л. 1
Ф. 9525, оп. 1, д. 20, л. 6 - 9
Ф. 9526, оп. 4а, д. 2, л. 44 - 53
Ф. 9526, оп. 4а, д. 23, л. 7

РГВА (Российский государственный военный архив)

Ф. 32, оп. 11289, д. 680, л. 1
Ф. 32, оп. 11302, д. 104, л. 584, 585, 591

**ЦХИДК (Центр хранения историко-документальных коллекций,
г. Москва)**

ф. 1164, оп. 1, д. 27
ф. 1232, оп. 1, д. 191

НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь)

Ф. 7, оп. 3, д. 1941, л. 29
Ф. 46, оп. 6, д. 4, л. 209; 210
Ф. 370, оп. 1, д. 460, л. 11 - 14
Ф. 379, оп. 1, д. 25, л. 2
Ф. 4683, оп. 3, д. 930, л. 196
Микрофильм. – Арх. № 247. – К. 00022 – 000025

**Bundesarchiv, Koblenz (Федеральный архив Германии,
г. Кобленц)**

R 6 / 19. – F. 31
R 6 / 52. – F. 38
R 6 / 243. – F. 51
R 58 / 200. – F. 193; 194
R 58 / 216. – F. 20
R 58 / 222. – F. 103; 180; 231
R 58 / 698. – F. 42; 84
R 59 / 698. – F. 110
RB 19 / 2147. – F. 45 – 50
P 58 / 158. – F. 208; 209
PB 19 / 2148. – F. 48 – 50; 166; 191; 192; 224; 225
PX 36 / 348. F. 109; 110; 238 – 249; 316; 317

Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (Федеральный военный архив, г. Фрайбург)

RH 2 / V. 2558

RH 22 / 39

RH 22 / 47. – Abt. VII, Nr 386 / 42 geh. – H. Qne den 10 Juli 1942. – S. 6

RH 22 / 66. – F. 42

RH 22 / 203. – F. 2

RW 4. – V. 604. – F. 21

RW 19. – Nr. 738

RW 31 / 32

RW 31/35

ГАВО (Государственный архив Винницкой области)

Ф. П – 136, оп. 13, д. 6, л. 21

Ф. П – 136, оп. 13, д. 62, л. 6

Ф. П – 136, оп. 13, д. 67, л. 1 - 3

Ф. П – 136, оп. 15, д. 473, л. 1

Ф. П – 138, оп. 5, д. 264, л. 31

Ф. П – 152, оп. 13, д. 152, л. 7; 26; 41

Ф. П – 425, оп. 1, д. 1, л. 1

Ф. П – 425, оп. 1, д. 4, л. 4; 5

Ф. П – 425, оп. 1, д. 7, л. 2; 224 67; 68

Ф. П – 425, оп. 1, д. 9, л. 290

Ф. П – 425, оп. 1, д. 17, л. 1; 27; 103; 107

Ф. П – 425, оп. 1, д. 26, л. 48; 49; 108; 110; 146; 164; 171; 191; 207;
208; 220

Ф. П – 425, оп. 1, д. 31, л. 18

Ф. П – 425, оп. 1, д. 32, л. 19

Ф. П – 425, оп. 1, д. 39, л. 51

Ф. П – 425, оп. 1, д. 43, л. 1 - 3; 45

Ф. П – 425, оп. 1, д. 46, л. 27

Ф. П – 425, оп. 1, д. 52, л. 9

Ф. П – 425, оп. 1, д. 127, л. 5

Ф. П – 425, оп. 1, д. 128, л. 44

Ф. П – 425, оп. 1, д. 268, л. 72

Ф. П – 425, оп. 1, д. 302, л. 1

Ф. П – 425, оп. 1, д. 489, л. 41

Ф. П – 425, оп. 2, д. 11, л. 1

Ф. П – 425, оп. 2, д. 17, л. 1

Ф. П – 425, оп. 2, д. 23, л. 5; 16

ф. Р – 1136, оп. 1, д. 1, л. 69
ф. Р – 1312, оп. 1, д. 4, л. 7
ф. Р – 1312, оп. 1, д. 51, л. 45
ф. Р – 1312, оп. 1, д. 120, л. 124
ф. Р – 1312, оп. 1, д. 1288, л. 1 - 5
ф. Р – 1312, оп. 1, д. 1291, л. 1 - 30
ф. Р – 1312, оп. 1, д. 1665, л. 40
ф. Р – 1358, оп. 1, д. 1, л. 1
ф. Р – 1416, оп. 1, д. 1, л. 73
ф. Р – 1416, оп. 1, д. 4, л. 1
ф. Р – 1416, оп. 1, д. 6, л. 94
ф. Р – 1417, оп. 3, д. 12, л. 12
ф. Р – 1417, оп. 5, д. 2, л. 431
Ф. Р – 1417, оп. 5, д. 4, л. 10
Ф. Р – 1417, оп. 5, д. 107, л. 14
Ф. Р – 1433, оп. 1, д. 3, л. 47
Ф. Р – 1504, оп. 1, д. 1, л. 71
Ф. Р – 1533, оп. 1, д. 1, л. 13; 63
Ф. Р – 1644, оп. 1, д. 1, л. 85
Ф. Р – 1683, оп. 1, д. 5, л. 1; 2
Ф. Р – 1683, оп. 1, д. 13, л. 20; 21; 479; 480 – 482
Ф. Р – 1998, оп. 2, д. 52, л. 43; 64; 124; 237
Ф. Р – 1989, оп. 2, д. 270, л. 15; 22; 23; 30; 42; 49 - 51
Ф. Р – 2271, оп. 1, д. 1, л. 4
Ф. Р – 2299, оп. 1, д. 9, л. 5
Ф. Р – 2299, оп. 1, д. 42, л. 16; 33
Ф. Р – 2347, оп. 1, д. 2, л. 3
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 124, л. 242; 243
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 174, л. 26
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 341, л. 127
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 343, л. 44; 45; 93 об
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 353, л. 155
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 366, л. 3 об
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 380, л. 8; 46; 79; 127; 145
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 381, л. 1
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 382, л. 2; 3; 3а; 4; 5; 12; 14; 17; 21; 22; 23; 26;
28; 29; 31; 34; 39; 40; 43; 52; 53; 54;
100; 118
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 384, л. 13
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 386, л. 206; 207; 427; 451; 469
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 389; л. 12; 16
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 390, л. 26; 27; 33; 35 - 37; 97
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 391, л. 31; 32; 215; 216
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 393, л. 46
Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 394, л. 29; 30; 60; 65; 68; 80; 90

- Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 395; л. 3; 10-12; 39; 62; 68
 Ф. Р – 2700, оп. 5, д. 397, л. 1; 58; 65; 74
 Ф. Р – 2966, оп. 2, д. 8, л. 110; 370
 Ф. Р – 3666, оп. 2, д. 648, л. 459
 Ф. Р – 3714, оп. 1, д. 1, л. 2 - 22
 Ф. Р – 4277, оп. 1, д. 2, ед. хр. № 7; 9 – 14; 22; 40; 157; 219; 220;
 228; 234; 257; 258; 263; 267; 272; 290; 301;
 303; 333; 380; 420; 1413; 1446; 1564; 1565;
 1576; 1600; 1770; 1833; 1886; 1911; 1929;
 1951
 Ф. Р – 4277, оп. 2, д. 2, ед. хр. № 389
 Ф. Р – 4277, оп. 3, д. 1, ед. хр. № 11; 12; 14
 Ф. Р – 4277, оп. 3, д. 4, ед. хр. № 1 - 3
 Ф. Р – 4370, оп. 1, д. 1, ед. хр. № 163
 Ф. Р – 5022, оп. 1, д. 182, л. 1
 Ф. Р – 5333, оп. 1, д. 23, л. 4
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 19, л. 3; 4; 8
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 57, л. 2
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 1199, л. 1 - 6
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 1273, л. 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 1373, л. 4
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 2052, л. 1 - 4
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 2223, л. 1
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 3776, л. 1; 2
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4001, л. 2
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4205, л. 1 - 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4244, л. 2; 3; 5; 6
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4334, л. 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4418, л. 3 об
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4453, л. 3 об
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4460, л. 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4479, л. 2
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4824, л. 1
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4827, л. 2
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 4832, л. 5
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 5518, л. 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 5524, л. 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 7125, л. 1 - 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 8430, л. 1 - 6
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 14543, л. 1
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 14637, л. 4
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 14545, л. 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 17767, л. 2
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 17774, л. 3
 Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 21973, л. 3

Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 22006, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 22018, л. 1 - 4
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 22054, л. 4 - 5
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 22088, л. 5
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 22114, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 23075, л. 4
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24116, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24221, л. 6
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24230, л. 4; 7
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24235, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24237, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24243, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24269, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24278, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24295, л. 2 - 4
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24309, л. 1
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24368, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24405, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24440, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24447, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24492, л. 1 - 6
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24498, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 24514, л. 2 об
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 26769, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 38541, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 38590, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 38593, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 39315, л. 7
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 43048, л. 1 - 5
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 46168, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 54074, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 54796, л. 1
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 54878, л. 3 - 4
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 54934, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 54937, л. 1 - 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 54940, л. 1
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 58587, л. 1 - 4
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 59770, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 58782, л. 1 - 5
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 60190, л. 4
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 60312, л. 1
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 67439, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 67727, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 69012, л. 1
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 69020, л. 3

Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 69059, л. 1
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 69063, л. 6
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 69074, л. 5 - 7
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 69081, л. 2
Ф. Р – 6023, оп. 1, д. 69116, л. 1
Ф. Р – 6023, оп. 2, д. 1900, л. 1; 2
Ф. Р – 6023, оп. 2, д. 2201, л. 3
Ф. Р – 6023, оп. 5, д. 9, л. 238
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 2, л. 13
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 5, л. 12; 13
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 6, л. 50 - 52
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 9, л. 24
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 10, л. 34
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 13, л. 22
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 15, л. 51
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 20, л. 47
Ф. Р – 6117, оп. 1, д. 21, л. 21; 22

ГАЖО (Государственный архив Житомирской области)

Ф. 1151, оп. 2, д. 706, л. 19

ГАХО (Государственный архив Хмельницкой области)

Ф. Р – 172, оп. 1, д. 16, л. 25
Ф. Р – 338, оп. 14, д. 2, л. 1; 3; 6; 84; 85
Ф. Р – 338, оп. 14, д. 3, л. 2 - 7; 31; 32; 35
Ф. Р – 338, оп. 14, д. 6, л. 2; 27; 37; 86; 86; 111 – 116
Ф. Р – 338, оп. 14, д. 8, л. 33
Ф. Р – 338, оп. 14, д. 9, л. 6
Ф. Р – 338, оп. 1, д. 8, л. 323
Ф. Р – 434, оп. 1, д. 7, л. 62
Ф. Р – 484, оп. 1, д. 90, л. 40
Ф. Р – 683, оп. 2, д. 39, л. 90 - 93
Ф. Р – 814, оп. 1, д. 1, л. 2
Ф. Р – 863, оп. 2, д. 30, л. 3
Ф. Р – 863, оп. 2, д. 38, л. 20
Ф. Р – 863, оп. 2, д. 42, л. 31 - 34
Ф. 1475, оп. 2, д. 12, л. 12
Ф. Р – 1941, оп. 1, д. 2, л. 19
Ф. 3369, оп. 1, д. 20, л. 121

Ф. 3369, оп. 1, д. 22, л. 65
Ф. Р – 3784, оп. 1, д. 1, л. 1; 2
Ф. Р – 6193, оп. 1, д. 6670, л. 2 об
Ф. Р – 6193, оп. 1, д. 6681, л. 2
Ф. Р – 6193, оп. 4, д. 9395, л. 2
Ф. Р – 6193, оп. 4, д. 9403, л. 3
Ф. Р – 6193, оп. 4, д. 9405, л. 3
Ф. Р – 6193, оп. 4, д. 9406, л. 3
Ф. Р – 6193, оп. 4, д. 9408, л. 3
Ф. Р – 6193, оп. 4, д. 9448, л. 2
Ф. Р – 6193, оп. 4, д. 9450, л. 3
Ф. Р – 6193, оп. 4, д. 9454, л. 3
Ф. Р – 6193, оп. 6, д. 6604, л. 3
Ф. Р – 6193, оп. 6, д. 6679, л. 2
Ф. Р – 6193, оп. 6, д. 6686, л. 2
Ф. Р – 6193, оп. 6, д. 6760, л. 4
Ф. Р – 6193, оп. 6, д. 6802, л. 8

ГАЧО (Государственный архив Черновицкой области)

Ф. П – 1, оп. 2, д. 23, л. 48; 49
Ф. П – 1, оп. 2, д. 123, л. 49
Ф. П – 1, оп. 2, д. 252, л. 44
Ф. Р – 2482, оп. 1, д. 1, л. 4
Ф. Р – 2482, оп. 1, д. 2, л. 42; 54; 115
Ф. Р – 2482, оп. 1, д. 6, л. 63
Ф. Р – 2482, оп. 1, д. 7, л. 9
Ф. Р – 2482, оп. 1, д. 18, л. 61

Архив УСБУ в Хмельницкой области

Д. 23294, л. 65

Фондовая коллекция документов Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов» (г. Киев)

Ф. Д – 1794
Ф. Д – 1943
Ф. Д – 2583

Ф. Д – 2598
Ф. Д – 2661
Ф. Д – 4268
Ф. Д – 4269
Ф. Д – 4269
Ф. Д – 4274
Ф. Д – 4826
Ф. Д – 13695
Ф. Д – 14234
Ф. Д – 29300
Ф. KB – 1648
Ф. KB – 10714
Ф. KB – 10723
Ф. KB – 10725
Ф. KB – 10726
Ф. KB – 12406
Ф. KB – 12729
Ф. KB – 13181
Ф. KB – 13181
Ф. KB – 13197
Ф. KB – 13312
Ф. KB – 16473
Ф. KB – 18498
Ф. KB – 19093
Ф. KB – 19409
Ф. KB – 19414
Ф. KB – 23155
Ф. KB – 26554
Ф. KB – 65699
Ф. KB – 68922
Ф. KB – 196096
Ф. Л – 537
Ф. Л – 544
Ф. Л – 545
Ф. Л – 789
Ф. Л – 841
Ф. Л – 1394
Ф. Л – 2289
Ф. Л – 4974

Газеты

- Більшовицька правда (г. Винница). – 1941. – 24 июня
Вінницька правда. – 1944. – 24 августа; 1 октября; 4 октября
– 1945. – 17 января
Вінницькі вісті (Winnizaer Nachrichten). – 1942. – 25 января; 5 марта;
26 марта
Голос Волині (г. Казатин). – 1943. – 27 июля
Дунаєвецькі вісті. – 1943. – 21 ноября
За счастье Родины (газета 38-й армии). – 1944. – 30 марта
Известия. – 1945. – 14 февраля
– 1946. – 23 октября
Молодь України. – 1990. – 9 мая
Подольнянин (Der Podolier) (г. Каменец-Подольский). – 1942. – 18 июня;
– 1943. – 16 мая; 20 мая; 23 мая; 5 августа.
Правда. – 1944. – 11 ноября
Радянська правда (г. Проскуров). – 1944. – 9 мая
Радянське Поділля (г. Каменец-Подольский). – 1945. – 11 марта
Соціалістичне село (с. Солобковцы). – 1941. – 27 июня
Український голос (г. Проскуров). – 1942. – 29 января; 10 мая
– 1943. – 30 мая
Урядові Дунаєвецькі вісті (г. Дунаевцы). – 1942. – 1 ноября
– 1943. – 13 мая; 4 июня; 26 сентября
Шлях Жовтня (г. Шепетовка). – 1941. – 25 июня; 1944. – 14 июня.

Об авторе

Сергей Дмитриевич Гальчак родился 9 февраля 1949 года на Украине в с. Сосны Литинского района Винницкой области. Окончил Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (1973). Журналист. Член Национального Союза журналистов Украины. Работал заведующим отделом райгазеты «Советская жизнь» (Литин) и областной молодежной газеты «Комсомольское племя» (Винница), заместителем редактора областной газеты «Земля подольская» (Винница), редактором райгазеты «Колос» (Погребище), еженедельника «Камертон-икс» (Винница), возглавлял пресс-службу и отдел по связям со средствами массовой информации секретариата Винницкого областного Совета народных депутатов. В настоящее время работает директором государственного архива Винницкой области, а также (по совместительству) преподавателем Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского. Возглавляет Винницкий филиал Центра исследования Подолии Института истории Украины НАН Украины при Каменец-Подольском государственном университете. Кандидат исторических наук. Автор более ста работ, в том числе монографий «Восточные рабочие» Подолии в Третьем рейхе», «Освобождение Виннитчины от нацистских захватчиков», «Подолія: природа, человек – эволюция, историческое развитие», книга «Ступени мужества», «Земля над Росью», «Подолье в древнейшие времена», «Археологические культуры Подолии», «Белые пятна скорби», «Краеведение Восточной Подолии», «Краеведы Виннитчины» и др. Член редколлегий и автор вступительных статей к многотомникам «Книга Скорби Украины. Винницкая область», «Книга Памяти Украины. Винницкая область», «Винницкий мартиролог», «Реабилитированные историей», «Победители». Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат Винницкой областной журналистской премии им. Константина Гришина.

ББК 63.218 (4 УКР – Вин)
Г 17

Научное издание

Гальчак Сергей Дмитриевич

**УКРИНСКИЕ ОСТАРБАЙТЕРЫ
ПОДОЛЬСКОГО РЕГИОНА**

(Вторая мировая война, послевоенный период)

*Издание осуществлено за финансовой поддержки
Украинского национального фонда
«Взаимопонимания и примирения»*

